

ДИПЛОМАТ
ОТ ФЮРЕРА

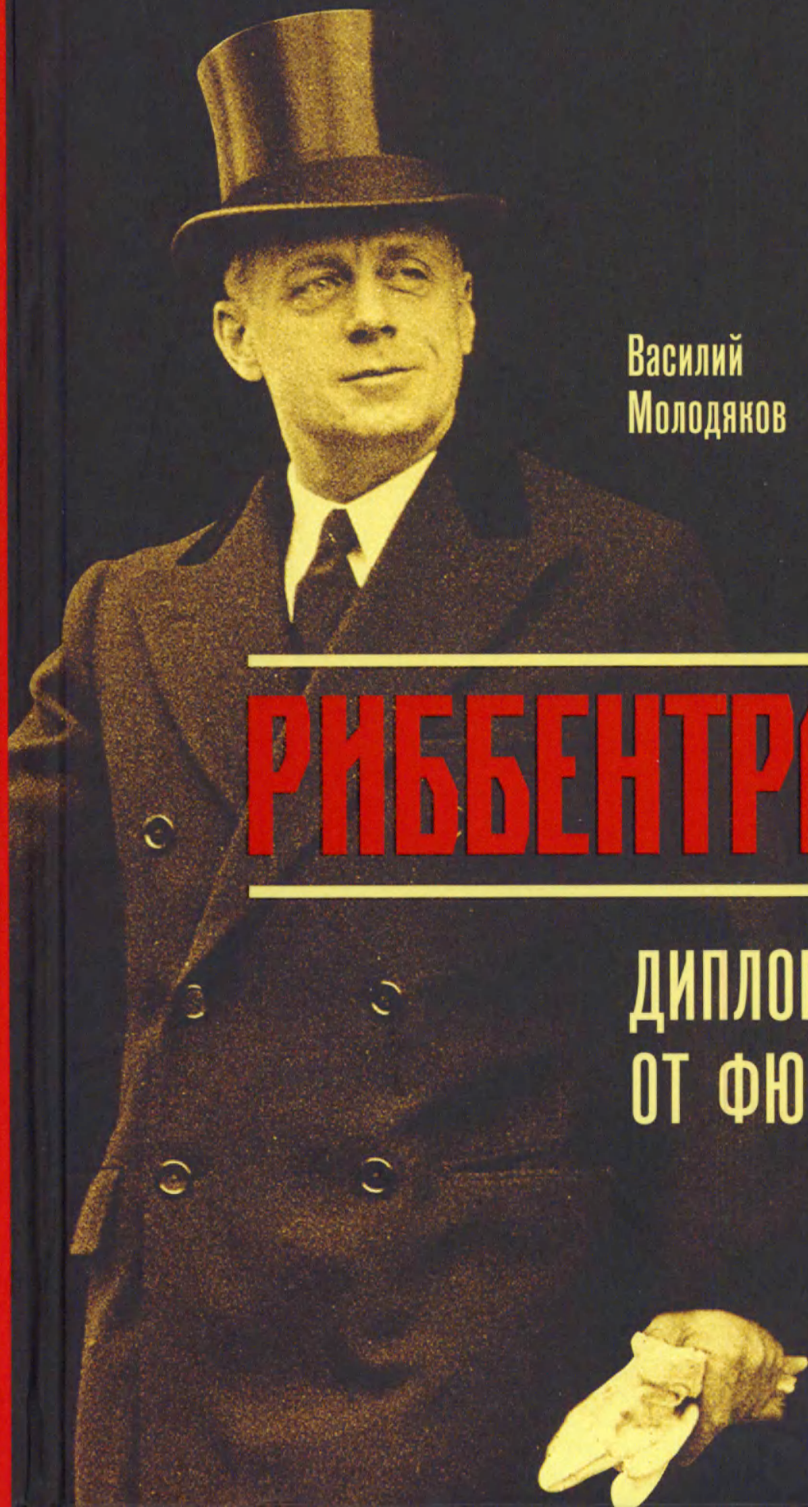
РИББЕНТРОП

Василий Молодяков

Василий
Молодяков

РИББЕНТРОП

ДИПЛОМАТ
ОТ ФЮРЕРА

Василий Молодяков

РИББЕНТРОП

ДИПЛОМАТ
ОТ ФЮРЕРА

Молодяков В. Э.

Риббентроп: Дипломат от фюрера / Василий Молодяков.

Со страниц послевоенных мемуаров большинства германских и иностранных дипломатов министр иностранных дел Гитлера Иоахим фон Риббентроп предстает человеком неумным, малообразованным, самодовольным, напыщенным и совершенно не разбирающимся в политике. Возможно, в жизни он был не слишком приятным человеком. Но для нас важнее его внешнеполитические идеи и их эволюция, его конкретные действия, а также их эффективность, связанные с ним события, имевшие глобальный характер и последствия. В жизни Риббентропа можно проследить несколько трагедий. Трагедия советника вождя, к чьему мнению не прислушиваются, но и не отпускают от себя. Трагедия талантливого, но слабовольного человека, который не может настоять на своем, но не способен отказаться от своего. Трагедия добропорядочного буржуа, связавшегося с революционерами. Точку в этих трагедиях поставил Нюрнбергский трибунал, приговоривший министра к смертной казни.

ПРОЛОГ

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

*Это не жизнь, это не казнь, это сумбур и брызги.
Раз уж ты есть, музыка сфер, не прозевай, развей,
Распредели перечень сей в реве своем и визге.
Установи, кто я такой, что я за тварь, за зверь.*

Михаил Щербаков. Сердце Ангела

Среди видных деятелей Третьего рейха имперскому министру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу (1893—1946) в памяти потомков не повезло, пожалуй, больше всех. Демонический, точнее, демонизированный облик Адольфа Гитлера до сих пор будоражит воображение многих, вызывая к жизни самые экзотические теории и делая фюрера объектом культа «эзотерического гитлеризма». Импозантный и светский рейхсмаршал Герман Геринг — боевой летчик, трогательно преданный памяти покойной жены Карин и к тому же известный англофильскими симпатиями (или умело симулировавший их?), мог казаться «человеческим лицом» нацизма и даже привлекательной альтернативой «бесноватому фюреру». Скромный и бесцветный трудяга Рудольф Гесс прославился на весь мир донкихотским «прыжком» в Англию в мае 1941 года и вызывал сочувствие безнадежным, более чем полувековым сидением в берлинской тюрьме Шпандау, тем более что леденящих душу преступлений за ним не числилось. Любимый архитектор Гитлера и имперский министр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер создал миф о себе как о «хорошем нацисте», изрядно запутав историков. Об Альфреде Розенберге пишут, как о философе, хотя Шпенглера из него никак не получается. Йозеф Геббельс и Генрих Гиммлер продолжают будоражить умы в качестве злодеев мирового масштаба — злые, но все же «гении» пиара и репрессий. Им посвящаются книги, написанные историками и журналистами — и разоблачителями, и неонацистами.

Они регулярно появляются в фильмах, документальных и художественных, серьезных и не очень. В общих чертах их жизнь известна широкому читателю даже на уровне «глянцевых» журналов, хотя нередко в искаженном виде.

Риббентропу ничего из этого не досталось. Бывшие подчиненные, начиная со статс-секретаря* барона Эрнста фон Вайцзеккера, ставили бывшему шефу каждое лыко в строку уже во время Нюрнбергского процесса, на что тот горько жаловался в предсмертных записях: «Если сегодня эти господа подвизаются в качестве "свидетелей" против меня, то с человеческой точки зрения это печально. Годами сотрудничая со мной, они показывали совершенно иное лицо. Но в обстановке сегодняшнего психоза возможна ведь любая смена взглядов, и при бесхарактерности многих, слишком многих людей меня это уже не удивляет. Уверен, что Обвинение при некотором нажиме сможет получить почти от каждого сотрудника Министерства иностранных дел любые показания против меня, какие только оно захочет. Констатация печальная, но верная»¹.

«Многие, слишком многие» не любили рейхсминистра и тогда, когда он был в зените славы. В министерстве на Вильгельмштрассе (название улицы, где располагалось здание МИДа, стало синонимом самого ведомства), которое даже при нацистах долго сохраняло чопорно-аристократический характер, его считали плебеем и выскочкой. Деятельность «Бюро Риббентропа» как альтернативного мозгового центра внешней политики вызывала раздражение у кадровых дипломатов, недовольных влиянием, которое оказывали на фюрера конкуренты, особо не считавшиеся с устоявшимися обычаями и традициями. Партайгеноссе, ветераны кулачных боев с коммунистами в мюнхенских пивных, видели в Риббентропе, во-первых, буржуя, во-вторых, примазавшегося (он вступил в партию только в 1932 году). К тому же «специалистов» по внешней политике среди нацистских бонз хватало и без него: на эту роль претендовали и светский лев Геринг, и пропагандист Геббельс, и глава

---

* Статс-секретарь (Staatssekretär) в Германии — самый высший ранг чиновника (министры стояли «вне чинов»), в министерстве статс-секретарь являлся заместителем министра.

Внешнеполитического управления в Имперском руководстве партии Розенберг, и шеф Заграничной организации НСДАП Вильгельм Боле и даже глава Германского трудового фронта («унифицированных» профсоюзов рейха), он же имперский организационный руководитель Роберт Лей.

Со страниц послевоенных мемуаров большинства германских и иностранных дипломатов Риббентроп предстает человеком неумным, малообразованным, самодовольным, напыщенным, порой грубым и совершенно не разбирающимся в мировой политике. На него возлагается вся ответственность за подчинение МИДа нацистскому диктату и, разумеется, за все ошибки дипломатии Третьего рейха. Совсем как в записках большинства германских генералов: все победы — благодаря их талантам, все поражения — из-за «идиота Гитлера». Риббентропа стало принято изображать в комических тонах.

Как не поверить единодушному мнению мемуаристов из числа бывших подчиненных? Кому как не им знать правду?! Однако, чем больше вчитываешься в их послевоенные сочинения, тем больше возникает вопросов. А где же вы сами были? Почему не возражали? Почему не пытались переубедить шефа, который имел склонность поддаваться чужому влиянию? Почему продолжали служить и не только не отказывались от карьеры и причитавшихся благ, но изощренно интриговали ради новых постов и наград? Понятно, что вопросы эти — риторические. Дипломаты предпочитали брюзжать в загородных особняках и аристократических клубах, плести заговоры вместе с недовольными военными и даже вступать в контакты с иностранными разведками. В одном можно согласиться и с Риббентропом, и с его обличителями — подбирать по-настоящему надежных сотрудников он так и не научился. Вовсе пренебрегать их свидетельствами нельзя (обвинят в предвзятости!), но и доверять им особенно не стоит. Поэтому в этом исследовании чаще будут цитироваться не мемуары, а документы*, порой пространно.

---

* В цитатах из документов сохранены орфография и пунктуация оригинала, поэтому одни и те же слова могут писаться по-разному: «имперское правительство» и «Имперское Правительство». Пояснения автора книги заключены в квадратные скобки с пометой «В. М.», пояснения

Возможно, в жизни рейхсминистр был не слишком приятным человеком — капризным, надменным, любившим театральные эффекты, почет и лесть. Но нас интересует другое: его внешнеполитические идеи, его конкретные действия, а также их эффективность.

По замечанию выдающегося историка М. И. Раева, случай Риббентропа «поднимает очень интересный вопрос о взаимоотношении идей и действий при тоталитарной системе. Взаимодействие в этой области не всегда однозначное. Но тоталитаризм вводит новый фактор, — а именно то, что сама система основана на Идее (вернее, конечно, на нескольких идеях, связанных между собой общей целью). Борьба между идеями (то есть между их носителями) куда сложнее борьбы между личностями или интересами. Для победы нужен "носитель" большой воли и настойчивости, человек, умеющий доказать (или показать) превосходство своей идеи для торжества той основной идеи, на которой построен тоталитарный режим. Мне представляется, что геополитический концепт "оси" Токио — Москва — Берлин такого статуса в рамках нацистской идеологии не мог иметь, а Риббентроп не имел того масштаба для его пробы. У Молотова этой проблемы не было, так как он в сути дела всегда спевался с основной идеей системы. Само собой разумеется, что играла большую роль и разность индивидуальности самих высших вождей»*.

Действительно, лишь немногие исследователи воспринимали Риббентропа как самостоятельно мыслящего и действующего дипломата и политика, тем более геополитика. Только начиная с середины 1970-х годов Миякэ Масаки**, В. Михалка и Г. Городецкий показали, что пропаганди-

---

редакторов других изданий — в квадратные скобки без помет; купюры, сделанные мной, обозначены отточием. Все подстрочные примечания, в том числе к цитатам из документов, принадлежат автору книги.

* Письмо автору этой книги от 2 мая 2007 года.

** Все японские имена собственные в книге (в том числе в цитируемых документах) не склоняются и приводятся в соответствии с принятым в Японии порядком: сначала фамилия, потом имя, — а также, за единичными исключениями, в соответствии с принятой в России «поливановской» транскрипцией (названа в честь выдающегося лингвиста Е. Д. Поливанова).

ровавшаяся им идея союза с Японией и СССР для создания евразийского «континентального блока» не только была оригинальной (хотя предшественники, конечно, имелись), но и открыто противоречила антирусской и, до известной степени, пробританской ориентации Гитлера. Признавая изначальную слабость позиции Риббентропа — даже с учетом ее поддержки в военных и финансовых кругах Германии — в противостоянии с фюрером, авторы рассматривают его концепцию как полноценную «евразийскую» альтернативу курсу Гитлера. Отмечу, что эти работы Михалки и Миякэ почти не переводились на английский язык — «латынь» современной науки — за исключением ключевой главы монографии первого из авторов².

Всего на английском языке существуют четыре биографии Риббентропа — одна другой хуже... Две вышли еще в годы войны. Первая написана британским журналистом Дугласом Гленом, вторая — бывшим немецким консулом в Нью-Йорке Паулем Шварцем, который после увольнения из МИДа в 1933 году за еврейское происхождение стал присяжным разоблачителем нацизма (его информацией пользовались леволлиберальный еженедельник *Nation* и советская разведка). Пояснить, с какой целью появились эти книги, нет необходимости — достаточно вспомнить карикатуры Кукрыниксов и Бориса Ефимова тех же лет. Шварц ссылался на личное знакомство с Риббентропом, но главная ценность его книги в подробной информации о предках рейхсминистра. Опус Глена (возможно, это псевдоним), ранее написавшего книгу о Лоуренсе Аравийском, любопытен прежде всего тем, что показывает беспредельность человеческой фантазии.

«В историографии внешней политики национал-социализма до сих пор недостает биографии Риббентропа», — отметил историк Г. Кох в 1985 году, когда о Третьем рейхе были написаны уже горы книг³. Следующие две биографии появились в начале 1990-х годов и были переведены на несколько языков. Реклама книги Джона Вейтца, дизайнера мужского нижнего белья, строилась на том, что родители автора, берлинские еврей-буржуа, принадлежали к тому же социальному слою, что и Риббентроп в бытность «торговцем шампанским», — значит, автор уж точно всё зна-

ет... Заглядывать в собрания дипломатических документов Вейтц не считал нужным, хотя с гордостью обнародовал найденный им новый «источник» — заявление Риббентропа с просьбой предоставить ему отпуск. Британский журналист Майкл Блок, объемистая книга которого рекламировалась как «исчерпывающая» и «образцовая», с документами ознакомился, но переврал ряд источников даже на родном ему английском языке. Стоит ли говорить, что и Вейтц, и Блок относятся к героям своих книг не просто предвзято, но с нескрываемой антипатией и стремлением дискредитировать и унижить его, поэтому научная ценность их сочинений не намного выше, чем у Глена и Шварца.

Существует еще одна книжка о Риббентропе, о которой сегодня вряд ли кто-то помнит. Написал ее в 1938 году некто Герхард фон Гюнтер (псевдоним?) для биографической серии *How They Do It* («Как они этого добились») лондонского издательства «Пеллас». Судя по рекламе, помещенной на обложке, соседи у рейхсминистра впечатляющие, хотя и разномастные — Адольф Гитлер и Махатма Ганди, Франциско Франко и Невилл Чемберлен, ирландский премьер Имон де Валера и боксер Джо Луис. От бойкого рассказа о невероятных приключениях офицера, джентльмена и секретного агента по имени Иоахим фон Риббентроп в годы Первой мировой войны и сразу после нее трудно оторваться, — беда лишь в том, что с подлинными событиями он не имеет почти ничего общего. Интересно, видел ли потешную книжку сам рейхсминистр? И если да, то какова была реакция этого не в меру серьезного человека?

В послевоенном мире сказать о Риббентропе «доброе слово» было некому. Для неонацистов он — не ставший культовой фигурой истории НСДАП, ветераном СС или героем войны — интереса не представлял. Для атлантистов он был вечным врагом. Для Советского Союза, отношения с которым Риббентроп искренне стремился улучшить, он остался одним из главных нацистских преступников, достойным, помимо осуждения, разве что иронических ремарок в псевдоисторических романах или политически ангажированных мемуарах.

Историография одной только внешней политики Третьего рейха на многих языках колоссальна по объему —

жизни не хватит просмотреть, не то что прочитать. Однако она очень неравноценна по качеству, а немалая часть вовсе не заслуживает внимания в силу фактической устарелости и идеологической ангажированности. Эта книга — биография Риббентропа, а не история внешней политики его времени, поэтому из историографии было отобрано только то, что связано непосредственно с ним. Оказалось не так уж много. Почему? С Риббентропом в восприятии большинства современников, особенно иностранцев, произошло примерно то же самое, что и с Гитлером, — обоих мерили привычной меркой, не разглядев в них политиков принципиально нового типа, которых распознали в Сталине и Молотове, но на несколько судьбоносных лет позже. Большая часть германских дипломатов эпохи Риббентропа принадлежала к старой школе или вышла из нее, с ними можно было работать по старинке. С Риббентропом — нет. Он руководствовался принципами, которых не понимали ни иностранные послы и министры, ни свои министераль-директора и тайные советники, даже записавшиеся в нацистскую партию.

«Задача биографа — воссоздать цельный образ героя», — писал почти сто лет назад психолог и «биографовед» Н. А. Рыбников⁴. Стараясь следовать данному правилу, я сознаю, что охватил далеко не всё, ибо нельзя объять необъятное при таком объеме информации (и дезинформации!). Но надеюсь, что не упустил ничего принципиально важного и не исказил облик нашего персонажа. Не замахиваясь на создание полной хроники жизни Риббентропа (таковой до сих пор нет даже на его родине), я уделил основное внимание генезису и эволюции его политических идей, а также связанным с ним событиям, которые имели глобальный характер и последствия. Поэтому за пределами книги остались, например, отношения Третьего рейха с европейскими странами-сателлитами, полностью утратившими самостоятельность*, или с Соединенными Штатами Америки, важность которых рейхсминистр близоруко игнорировал.

---

* Интересующихся отсылаю к богатой фактами книге В. Л. Исраэляна и Л. Н. Кутакова «Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха» (М., 1967).

В истории жизни Риббентропа можно проследить несколько трагедий. Трагедия советника вождя, к чьему мнению не прислушиваются, но и не отпускают от себя. Трагедия талантливого, но слабовольного человека, который не может настоять на своем, но не способен отказаться от своего. Трагедия добропорядочного буржуа, связавшегося с революционерами. Трагедия чужака в сплоченной команде...

Первое издание этой книги, входящей в цикл моих исследований по истории международных отношений 1-й половины XX века, состоялось в 2008 году. Оно было хорошо принято читателями, но вызывало вопрос: как автор взялся за жизнеописание Риббентропа, не владея немецким языком? Ответ прост: тексты на английском, французском, японском и русском языках покрывают более девяноста процентов значимой информации по теме (речь об источниках, а не об историографии). Единственное заметное исключение — не переведенные на английский язык документы МИД Германии с конца 1941 года, после объявления войны США, но в этот период политическое значение внешнеполитического ведомства упало почти до нуля, сведясь к техническим контактам с союзниками, поскольку все важные вопросы решались лично Гитлером или в его ближайшем окружении. Зато использование источников только на немецком и английском языках, как в «образцовой» книге М. Блока, закрывает тему лишь процентов на семьдесят и не дает возможности качественно изучить принципиально важные в случае Риббентропа советские и японские сюжеты.

Необходимости перерабатывать книгу не возникло, но приращение научного знания за прошедшие годы позволило дополнить и местами исправить написанное.

Среди новых исторических источников отмечу полный текст дневников советского полпреда (полномочного представителя) в Великобритании И. М. Майского, иногда корректирующих его идеологически ангажированные послевоенные мемуары с карикатурным изображением Риббентропа. Впрочем, следует помнить, что дневник писался не «только для глаз» полпреда, который позже от-

правил его лично Сталину. Информации о Риббентропе в нем мало.

Среди новинок мемуарной литературы наибольшее внимание заслуживают воспоминания старшего сына рейхсминистра Рудольфа фон Риббентропа «Мой отец Иоахим фон Риббентроп». Русский перевод (не лишенный стилистических огрехов) книги ее автор, ветеран Второй мировой войны, посвятил «русским солдатам, живым и мертвым, жертвовавшим жизнью за свою страну, что у всех народов и во все времена считалось высшим проявлением благородства»⁵.

За последние десятилетия появились русские переводы мемуаров германских дипломатов Эрнста фон Вайцзеккера и Густава Хильгера, рейхсканцлера Франца фон Папена, рейхсминистра Альберта Шпеера, переводчиков Пауля Шмидта и Ойгена Долмана. Они указаны в списке литературы, однако я, как и в предыдущем издании, использовал английские переводы как более точные и в ряде случаев авторизованные.

Среди исследований особое значение для меня имели работы М. А. Девлин, знатока британской политики XX века, сочетающей глубокое знание предмета с пониманием характера и сути исторических процессов. Ее работы, включая первую на русском языке биографию «джентльмена с зонтиком» Невилла Чемберлена, скорректировали и в ряде случаев изменили мои выводы и оценки. Я особенно признателен М. А. Девлин за помощь в работе над новым изданием биографии Риббентропа, стать научным редактором которого она любезно согласилась. Я также благодарен редактору книги К.А. Залесскому за ценные советы и указания в процессе работы над рукописью.

В 2013 году увидела свет первая на немецком языке «политическая биография» Риббентропа, написанная Ш. Шайлем; в работе с ней и с другими источниками на немецком языке мне помог Р. В. Зайцев, которому я благодарен. Кроме нее новых исследований о Риббентропе почти не появилось, а в некоторых новых по времени выпуска книгах повторяются давно известные факты и знакомые оценки. Зато историческое знание все чаще идеологизируется и становится предметом политических игр, а полки

магазинов заполняет псевдоисторическая литература, от пропагандистской до бульварно-халтурной, суммарно определяемая словом «трэш». Я принципиально игнорировал ее.

В настоящем издании, сравнительно с первым, сокращены разделы о германо-французских отношениях 1940—1944 годов и о французском «коллаборационизме», поскольку этой теме автор планирует посвятить отдельное исследование.

Рудольф фон Риббентроп любезно разрешил использовать в данной книге иллюстрации из немецкого издания его мемуаров и предоставил их копии, за что я ему искренне признателен.

*3 июня 2018 года
Токио*

**«ТОРГОВЕЦ ШАМПАНСКИМ»
(1893—1933)**

*...Примеряя, как для бала,
Антураж какой попало —
И драгунский, и шаманский,
И бургундский, и шампанский,
И церковно-цирковой...*

Михаил Щербаков

1

Ульрих Фридрих Вилли Иоахим Риббентроп, известный под последним из перечисленных имен, родился 30 апреля 1893 года под знаком Тельца. Местом его появления на свет стал Везель — городок на Рейне, в гарнизоне которого служил его отец Рихард Риббентроп, тридцатитрехлетний обер-лейтенант 1-го Вестфальского полка полевой артиллерии. Мать Иоахима София, урожденная Хертвиг, была дочерью богатого саксонского землевладельца¹.

Аристократическую приставку «фон» будущий рейхсминистр получил много позже, однако он действительно происходил из старинной дворянской семьи. Корни ее уходят в маленькое княжество Липпе-Детмольд, зажатое между Вестфалией и Ганновером, а первым общим предком Риббентропов, о котором сохранились достоверные сведения, оказался Генрих Майер цу Риббентруп, скончавшийся в 1547 году: «Мейер» было родовой фамилией, «цу Риббентруп» означало «из Риббентрупа» — так называлась его ферма.

«Эта крестьянская усадьба, — рассказывает Рудольф фон Риббентроп, — в первый раз была упомянута в реестре владений монастыря Херфорд в конце XII века под именем "Рикбрахтинкторпе". В старых документах также упоминается "господин де Рикбрахтинкторпе". Но генеалогических свидетельств о том, что речь идет о нашем прямом предке, у нас нет. Примерно в 1300 году крестьянские дворы, которых изначально было четыре, объединились у одного владельца под именем "Майерхоф". В XVI веке мы назывались

“Майер цу Риббентруп”. Наш дедушка Рихард неизменно обращал наше, внуков, внимание на то, что наши предки всегда были “свободными”, а не “крепостными” — в те времена частое явление... [Около 1930 года. — В. М.] отец с матерью побывали в “Риббентрупе”, прелестной, размером в 400 моргенов [земельная мера в Германии — 0,25 га] усадьбе, расположенной недалеко от Бад-Зальцфлена и до сих пор носящей это имя. Ему предложили ее купить. Речь шла о красивом неразгороженном земельном участке, находившемся, если быть точным, в Липпе [бывшем княжестве Липпе-Детмольд]. Тогдашнее решение отца не покупать это владение было, с экономической точки зрения, безусловно, правильным, так как надвигался большой мировой экономический кризис. Отцовская осторожность позволила нам неплохо пережить тяжелые годы, хотя я до сих пор очень хорошо помню, что дома мы экономили. Во время войны это владение еще раз было выставлено на продажу. Однако отец считал, что, пока идет война, он как министр не имеет права покупать землю»².

Бартольд Майер цу Риббентруп, потомок Генриха, в 1648 году представлял княжество Липпе при подписании Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну. Современная форма фамилии встречается с 1-й трети XVIII века — ее носил мировой судья Фридрих-Кристиан Риббентроп, умерший в 1735 году.

Риббентропы были военными и юристами. 6 февраля 1823 года первым в роду дворянство и почетную приставку «фон» получил Фридрих фон Риббентроп, генерал-интендант прусской армии, участвовавший в разгроме Наполеона, управлявший оккупированными территориями во Франции (там он разыскал и вернул в Берлин квадригу с Бранденбургских ворот), а затем возглавивший прусскую Высшую счетную палату. Три года спустя в дворянское достоинство был возведен его брат Эрих, прусский тайный военный советник в Люксембурге. Иоахим гордился родством, хотя не являлся их прямым потомком: портрет Фридриха фон Риббентропа в парадной форме висел в его посольском кабинете в Лондоне, несмотря на то, что тот был видным масоном, а масонов в рейхе не жаловали. Германский консул в столице Туманного Альбиона (по

совместительству агент английской разведки) Вольфганг Ганс цу Путилиц купил расположение шефа, поднеся ему медаль с портретом «предка» и с надписью *Pro Meritis de Ribbentrop* — «за заслуги Риббентропа»*. Растроганный начальник отказывался верить любой информации, компрометирующей подчиненного, пока тот под угрозой разоблачения не бежал в Англию из Голландии в середине сентября 1939 года³. Другая получившая дворянство ветвь ведет начало от генерал-лейтенанта Карла фон Риббентропа, от дочери которого Гертруды будущий рейхсминистр и получил приставку «фон».

Учитывая особые — психоаналитики сказали бы амбивалентные — отношения Иоахима фон Риббентропа с Англией, следует упомянуть о еще двух его однофамильцах или очень дальних родственниках. Религиозный писатель и философ Фридрих Риббентроп после поражения германской революции 1848 года обосновался в Лондоне, откуда уехал в Южную Африку, затем в Индию, где стал известным проповедником. Бертольд Риббентроп с 1867 года служил в Индии по лесному ведомству и дослужился до поста генерального инспектора, а выйдя в отставку, выпустил в 1900 году справочник «Лесное хозяйство Британской Индии». Несколько Риббентропов добрались до Нового Света, где трудились по инженерной части или занимались бизнесом. Однако никто из них не был ни виноторговцем, ни дипломатом.

Пять поколений прямых предков Иоахима служили в артиллерии герцогства Брауншвейгского. Прадед, Генрих Риббентроп, участвовал в подавлении революции 1848 года. Дед, Фердинанд Риббентроп, командовал батареей во время битвы при Марс-ла-Тур во время Франко-прусской войны в 1870 году, заслужив Железный крест 1-го класса. Подобно многим выходцам из небольших, но древних княжеств или графств, он не любил пруссаков, династию Гогенцоллернов и объединителя Германии Отто фон Бисмарка, противопоставляя им себя как ганноверца. Несмотря на завет «не иметь с пруссаками дела», его сын

---

* Он получил эту медаль от своего друга — бизнесмена и политика Ганса фон Раумера, племянник которого был одним из ближайших сотрудников Риббентропа.

Рихард боготворил и Бисмарка, и его империю. Он родился в Брауншвейге в 1859 году, в 1879-м поступил в артиллерию, а 19 мая 1891 года женился, получив хорошее приданое (в то время разрешение на брак давалось офицеру только в том случае, если он сам или его будущая супруга располагали суммой не менее чем в 90 тысяч золотых марок). В 1892 году у них родился первый сын Лотар, в 1893-м — Иоахим, а в 1896-м — дочь Ингеборг.

Везеля на Рейне будущий рейхсминистр не помнил, потому что вскоре после его рождения отец, уже в чине капитана, был переведен в Вильгельмское под Касселем на должность командира батареи. «Вильгельмское — это знаменитый кайзеровский дворец, в котором в 1870 году, после капитуляции французской армии у Седана, содержался в качестве пленника Наполеон III. Времена и нравы с тех пор изменились — сегодня победители сажают побежденные суверенные правительства не в королевский замок, а в каторжную тюрьму»⁴, — записывал бывший рейхсминистр в камере нюрнбергского Дворца юстиции. Историки и писатели на исторические темы склонны пренебрежительно отзываться о воспоминаниях Риббентропа, хотя главной мотивировкой этого является отрицательное отношение к их автору. Да, не обо всем он успел написать и не всё в мемуарах подтверждается фактами, но о многом, особенно о его детстве и юности, прочесть больше негде. Поэтому я буду цитировать их на протяжении всей книги: рассказывая историю жизни Иоахима фон Риббентропа, нельзя лишить слова его самого.

Итак, Вильгельмское — место, в котором прошло детство.

«Дворец был виден издали благодаря статуе Геркуле-са и своим всемирно известным каскадам, вода которых с большой высоты низвергалась в парковое озеро, обретая форму гигантского водопада. То было чудо природы и искусства. Впервые я увидел его во время одного визита кайзера Вильгельма II; он приезжал сюда почти каждой весной. Мои родители жили в так называемой кайзеровской гауптвахте — красном здании у въезда в замок. В дни приезда императора помещение внизу бывало занято охраной. Именно с этим и связано мое первое воспоминание. Когда

караул выстраивался под ружье для почетной встречи кайзера, мы, мальчуганы — мой брат Лотар и я, присоединились к гренадерам и браво салютовали ему своими деревянными сабельками. Однажды, следуя мимо, император заметил нас и громко рассмеялся. С нашими мужественно-серьезными лицами мы и впрямь выглядели очень забавно. Но дежурный лейтенант воспринял это по-своему и устроил разнос своим солдатам. Не успел кайзер удалиться, как лейтенант с саблей оказался за нашей спиной, и мы едва успели спастись от его гнева поспешным бегством в густые заросли сада»⁵. Несмотря на вполне невинный и даже верноподданический характер забавы офицерских детей, Риббентроп-старший рассердился и наказал сыновей.

«Мой отец, к которому я всю жизнь питал большое почтение, был для нас тогда строгим ментором, и мы скорее боялись, нежели любили его. В воспоминаниях же о матери любовь сочетается с горечью и печалью. Она уже тогда носила в себе зародыш той болезни, от которой через несколько лет скончалась [туберкулез. — В. М.]. Мы очень любили мать. Она, как и отец, была весьма музыкальна и великолепно играла на фортепьяно. Могла часами играть для меня, а я, как зачарованный, с наслаждением слушал... В последние годы ее жизни мы, дети, знали мать только больной и видели редко, так как она боялась нас заразить»⁶. Тем не менее болезнь передалась сыновьям: Лотар Риббентроп умер в 1918 году в возрасте 26 лет, Иоахим тяжело заболел в 1912 году. Впоследствии ему пришлось удалить одну из почек.

София Риббентроп скончалась 28 февраля 1902 года вскоре после переезда семьи в Мец, куда Рихард был переведен в чине майора на должность адъютанта командира корпуса. Мец был не только одним из крупнейших гарнизонов страны, но и центром имперской земли Эльзас-Лотарингия, присоединенной к Германской империи в результате победы над Францией в 1871 году. «Эльзасцы и лотарингцы всегда недовольны той страной, к которой они в данный момент принадлежат», — любил повторять Риббентроп-старший⁷. Несмотря на повышение, «отец вдруг почувствовал себя потерявшим самостоятельное положение командира батареи и брошенным в огромный пла-

вильный тигель военной машины со всеми его преимуществами и теневыми сторонами, с его хитросплетениями и интригами... Тогда повсюду говорилось, что штаб-офицер в Меце быстро получит либо чин генерала, либо "голубой конверт", то есть отставку... Моему отцу как штаб-офицеру прочили большое будущее. При своей весьма высокой профессиональной квалификации он был яркой личностью с прямым, открытым характером. Временами он бывал резким, но сердце у него было золотое. Умный, весьма начитанный, проявлявший большой интерес к политике, искусству, он был неподкупен и обладал ярко выраженным здравым смыслом... Он был до самой смерти верен своим друзьям, а врагам без обиняков высказывал все, что о них думал»⁸.

«Он был для обоих растущих мальчишек [Лотара и Иоахима. — В. М.], — дополняет приведенную характеристику его внук Рудольф фон Риббентроп, — открытым миру, высокообразованным, непредубежденным ментором, научившим их, прежде всего, понимать текущую политику, уже тогда с позиции, критичной в отношении кайзеровской внешней политики. Роль наставника дедушка позже играл и для меня, хотя и не так интенсивно... Его главным интересом была судьба его страны. Но при этом он не был даже — как сегодня, умаляя, говорят — националистом, что в тогдашнем словоупотреблении означало соотечественника, ставящего свою родину превыше всего. Он вполне мог подвергать деятелей, традиции и институты своей страны острой критике и сравнивать их с другими странами, даже если сравнение было не в пользу собственной страны... Так сама атмосфера в доме, определенно и без всякой патетики, приучала нас, детей, к готовности все отдать за свою страну, то есть, если потребуется, также и жизнь»⁹.

В 1905 году 46-летний Рихард Риббентроп женился вторично — на 22-летней Ольге Маргарете фон Приттвиц унд Гаффрон, представительнице младшей ветви знатного и богатого прусского рода, из которого вышло немало генералов и послов. В мемуарах пасынок назвал ее «моей дорогой и заботливой мачехой», отметив ее «большой такт»¹⁰, но более на эту тему не распространялся (во время работы над воспоминаниями она была еще жива), что позволяло биографам строить догадки о их прохладных отношениях.

Честолюбие было присуще Иоахиму с детства. Он хотел быть первым, но получалось это далеко не всегда. Спорт, особенно теннис, давался ему легко, но по успеваемости в лицее он оказался лишь тридцать вторым из пятидесяти учеников (Лотар учился лучше). «Еще круче была реакция дома: я получил хорошую порцию розог... Розги — еще далеко не самое худшее. За несколько недель до сочельника я просто изнемогал от нетерпения: из намеков я понял, что мне собираются подарить скрипку. Но получить мне ее не пришлось. Отец захотел меня как следует проучить... На Пасху я все же оказался среди лучших в классе и наконец-то получил обещанную скрипку. С этого момента музыка заняла в моем сердце первое место на всю жизнь... Скрипка сопровождала меня на всем моем жизненном пути, подарив мне бесконечно прекрасные часы»¹¹. Возможно, Риббентроп вспомнил эту историю еще и потому, что в Нюрнберге его одолевали американские психоаналитики, искавшие причины и мотивы политики Третьего рейха в комплексах и «детских травмах» его лидеров.

В 1908 году Рихард Риббентроп неожиданно вышел в отставку — по собственной инициативе и не подав обычного прошения о разрешении носить мундир своего полка. «Права носить форму в отставке лишали в те времена только в случаях позорного поведения. Этим он хотел дать понять, насколько велико его недовольство. Разумеется, его отправили в отставку с правом ношения формы»¹². Сын объяснял это решение «критическим отношением» отца к внешней и «военной кадровой» политике Вильгельма II: «Порой отрицательные высказывания отца доходили до ушей берлинских властей, и для него возникла трудная ситуация»¹³. М. Блок предположил, что речь едва ли шла о «большой политике»: возможно, майор Риббентроп позволил себе сказать лишнее о ком-то из приближенных кайзера, замешанных в гомосексуальный скандал вокруг князя Филиппа фон Эйленбурга¹⁴. Так или иначе, семья покинула Мец и переехала в городок Арозе, расположенный в Швейцарских Альпах.

«Дедушка [Рихард. — В. М.] как-то рассказал с улыбкой, — пишет Рудольф фон Риббентроп, — что в Арозе отец влюбился в потрясающе красивую англичанку, бывшую,

правда, на несколько лет старше отца, имевшего в ту пору 15 лет. Она тоже, очевидно, не осталась вовсе равнодушна к молодому человеку, так что бабушке пришлось вмешаться и "прервать историю". Отец, обозленный, поднялся в ответ совсем в одиночку на Хёртли [гора в Швейцарии, недалеко от Цюриха], что было тогда довольно опасным предприятием»¹⁵.

Законченного образования Иоахим не получил, ограничившись школой 2-й ступени (*Obersekunda*). Отец хотел видеть сыновей военными, но оба категорически отказались (у Лотара обнаружились проблемы со здоровьем), заявив о желании жить за границей, путешествовать, а потом устроиться на службу в какую-нибудь из африканских колоний. Тягу подростков к экзотике подпитывали популярные романы Карла Мая «про индейцев», которыми в отрочестве зачитывались и Риббентропы, и Гитлер. Кроме лица в Меце, братья успели поучиться в коммерческой школе в Гренобле, так что Иоахим «в дальнейшей жизни чувствовал себя особенно сильно связанным с миром французской культуры»¹⁶. К хорошему знанию французского языка следовало прибавить хороший английский; спорт (в дополнение к верховой езде в Швейцарии они увлеклись лыжами и бобслеем) был отличным поводом для завязывания знакомств, — и вот осенью 1909 года Иоахим и Лотар оказались в Лондоне, где прожили почти год в семье врача-хирурга Уильяма Грендейджа в Южном Кенсингтоне. «Первое мое впечатление от Лондона было грандиозно: вот каков он, город великого Шекспира, город Диккенса и Шерлока Холмса... Уже в первый день своего пребывания в английской столице я вместе с братом часами ездил на крышах лондонских omnibusов из одного конца города в другой. Мы никак не могли наглядеться на снующий повсюду транспорт, на деловую жизнь этого мирового города... Здесь мы в буквальном смысле слова ощутили биение сердца всего мира. Какой опыт, какое влияние, какой огромный капитал, какое охватывающее весь мир трудолюбие требовались для того, чтобы поддерживать такую жизнь в беспрестанном движении!»¹⁷

В этих словах — учитывая время и место их написания — можно увидеть мудрость «задним числом». Од-

нако я верю в то, что Риббентроп думал так не только в 1945—1946, но и в 1909—1910 годах. Англичане смотрели на «пруссаков» хотя и с опаской, но при этом и с чувством нескрываемого превосходства. Молодая Германская империя видела в Британской империи не только главного конкурента в торговле и промышленности, но и возможного противника на поле боя. Между тем немцы сознавали, что им есть чему поучиться у англичан, которых они могли не любить, но уважали. Молодой Риббентроп, решивший стать «джентльменом» и «гражданином мира», выбрал правильную «школу жизни».

Осенью 1910 года неутомонные братья отправились в Канаду, в Монреаль навестить семью Гамильтон-Эвинг, с которой познакомились в Швейцарии: Иоахим ухаживал за их дочерью Кэтрин и даже подумывал жениться, но ее родители были против этого брака. Страна кленовых листьев понравилась им настолько, что планы относительно Африки были забыты¹⁸. Однако надо было зарабатывать на жизнь, так как причитавшуюся часть капитала матери братья могли получить только по достижении двадцатилетнего возраста. По протекции Гамильтон-Эвингов Иоахим больше года проработал клерком в банке «Мольсон». «Мне сказали, что банковское дело — это фундамент канадского бизнеса, а именно этому я и хотел научиться. Так я провел в Монреале две зимы и одно лето и познакомился со всеми сторонами жизни этого крупнейшего канадского города: его серьезной деловитостью, развлечениями, зачастую отчаянным покером, спортом, теннисом, регби, а особенно со знаменитым канадским хоккеем»¹⁹.

Молодой человек не гнушался и физическим трудом, хотя жизнь в Канаде в то время была дешевой, а золотая германская марка стоила дорого. Он работал на восстановлении рухнувшего в начале 1910 года Квебекского моста через реку Святого Лаврентия, а затем — на строительстве Национальной трансконтинентальной железной дороги между Монктоном и Виннипегом, испытав на себе «суровые условия жизни канадских первопроходцев» и увидев «во всем величии и во всей красе девственный канадский лес»²⁰.

Нелегкую, но насыщенную и интересную жизнь в Канаде прервал недуг, вынудивший Иоахима уехать в Гер-

манию на лечение (именно тогда ему удалили почку). Оправившись от болезни, он вернулся, заехав по дороге в Нью-Йорк. Там, по его словам, он работал хроникером в газете, но проверить это утверждение не удалось никому из биографов. «Эта, пожалуй, самая беспокойная на свете профессия позволила мне больше, чем все остальное, понять психологию американцев, их вечное стремление к действию, жажду новостей и сенсаций»²¹. Этим его знакомство с Соединенными Штатами и ограничилось...

По возвращении Риббентропу уже не пришлось работать на строительстве — приобретенные связи и материнское наследство позволили попробовать себя в торговле немецкими винами. Приятная внешность, хорошие манеры, свободное владение несколькими языками, музыкальные и спортивные таланты (в феврале 1914 года Иоахим участвовал в конькобежных соревнованиях в США в составе национальной сборной Канады) открывали двери в лучшие дома Оттавы, включая резиденцию генерал-губернатора. Этот пост в то время занимал герцог Артур Коннаутский и Стратернский, третий сын королевы Виктории и брат покойного Эдуарда VII, которого юные Риббентропы видели в Вильгельмское вместе с его племянником — Вильгельмом II. Герцог говорил по-английски с немецким акцентом, а его жена принцесса Луиза Маргарита Прусская и вовсе предпочитала родной язык, которым владел весь ее оттавский двор. Обходительный юноша легко нашел с ними общий язык во всех смыслах слова. Званные вечера, концерты, любительские спектакли, маскарады, вист...

«Мне было в этой стране безгранично хорошо», — напишет Риббентроп через тридцать с лишним лет²².

2

Идиллию оборвало начало войны в Европе.

«Меня словно магнитом тянуло на родину... Друзья убеждали, что "калеку" с одной почкой на военную службу все равно не возьмут. Но у меня было такое чувство, что предстоящая война будет тяжелой и моей стране потребуются каждый мужчина»²³.

Лотар был настолько серьезно болен, что уехать не смог; его интернировали, но вскоре поместили в тубер-

кулезный госпиталь, а затем разрешили покинуть страну. Иоахим, бросив всё, поспешил выехать из Канады и 15 августа 1914 года сел в Нью-Йорке на голландский пароход «Потсдам», следовавший в Роттердам. Соединенные Штаты объявили о строгом нейтралитете, но не протестовали против британской блокады, нарушавшей международное право. «Владычица морей» объявила, что ее флот будет останавливать следующие в Европу суда нейтральных стран, осматривать их и интернировать всех граждан Центральных держав. Через эту блокаду Риббентропу предстояло прорваться.

«Настроение на пароходе было веселым и патриотическим. Поступали [по радио. — В. М.] победные известия. Один офицер генерального штаба регулярно делал доклады о положении на фронтах. Пели песни, строили планы — словом, вели себя так, как будто мы уже дома. Правда, я этого оптимизма не разделял и считал, что англичане не пропустят запросто целый корабль с немецкими резервистами. Я обнаружил, что один мой друг, лейтенант-артиллерист из Меца, имевший швейцарский паспорт, служил на этом пароходе кочегаром, и с его помощью на всякий случай нашел для себя укромное место в угольном бункере.

По приближении к английскому побережью на корабле стало потише. Вскоре показался английский торпедный катер, и на борт поднялись матросы с примкнутыми к винтовкам штыками. Мы в каютах с напряжением ожидали, что же произойдет дальше, но пароход продолжал двигаться. Когда же мы заметили, что он изменил свой курс и направляется к английскому берегу, веселое настроение как рукой сняло. [...] На следующий день на борт взошел офицер британского "Интеллидженс дипартамент" и через капитана-голландца объявил, что все немцы будут высажены на берег и интернированы.

Теперь каждый должен был выкручиваться в одиночку. Я прежде всего вышел на рекогносцировку на палубу и, как нарочно, наткнулся на этого офицера. У нас завязался разговор. Тогда я еще говорил по-английски довольно правильно [похвальная скромность: Риббентроп всегда хорошо владел этим языком. — В. М.], а он принадлежал к числу тех многочисленных англичан, которые испыты-

вали определенную симпатию к иностранцу, говорящему на их языке. Слово за слово, и когда я сказал, что еду из Канады, выяснилось что кэптэн прежде был адъютантом генерал-губернатора герцога Коннотского и у него есть в Оттаве много знакомых, именно тех, с которыми я недавно расстался. Теперь мне было легче признаться: да, я немец, визы у меня нет, но мне надо во что бы то ни стало вернуться в Германию. О том, что я, несмотря на свою негодность к военной службе, хочу стать солдатом, я благоразумно умолчал, иначе он бы не решился помочь мне. А так мы договорились, что я могу остаться на борту; и он поставил в моих бумагах штамп "Passed by Military Authorities" ["Пропущен военными властями". — В. М.]

Но самое тяжкое испытание еще предстояло. Когда все мои немецкие друзья покинули пароход*, было объявлено, что на берег следует высадить и всех остальных пассажиров — врачей и граждан нейтральных стран. Мне стало ясно: лишь только я окажусь в Фалмуте, оттуда по телеграфу запросят Канаду, где я известен как немец, и меня задержат. [...] Если я хотел плыть на "Потсдаме" дальше, надо было действовать немедленно. Всех нас, оставшихся пассажиров, собрали в кают-компания под охраной известного своим дружественным отношением к немцам стюарда. Я сунул ему в руку несколько золотых монет, попросив разрешения отправиться в угольный бункер к моему другу. Стюард выбрал подходящий момент и доставил меня вниз, где мне удалось спрятаться в довольно малопривлекательном месте за горой угля. Здесь я и оставался, пока "Потсдам" не вошел в устье Шельды; я пробрался в свою каюту, чтобы быстро умыться. Неожиданно для себя я нашел там свои вещи совершенно нетронутыми. Узнал я и о том, что в поисках меня, исчезнувшего пассажира, пароход был подвергнут обыску. Когда потом мы ехали поездом через всю Голландию, мне пришлось пережить еще одну, последнюю неожиданность в этом богатом необычайными событиями возвращении на родину: появившийся в моей каюте стюард, тот самый, кото-

---

* В принципе этого было достаточно для того, чтобы заподозрить в следовавшем из Канады Риббентропе английского агента, однако никто не заподозрил.

рый отправил меня в угольный бункер, оказался немецким офицером и вернул мне мои золотые монеты»²⁴.

Эту драматическую историю Риббентроп записал только в Нюрнберге, но, видимо, рассказывал ее и раньше. Еще до Второй мировой войны она проникла в печать, пережив невероятные превращения, как будто правда была недостаточно увлекательной. Под пером Ганса фон Гюнтера, автора первой из фантастических (или альтернативных?) биографий Риббентропа, она превратилась в историю голландского грузового судна «Эмилия», на борту которого не было никаких пассажиров и где только в открытом море пред изумленными глазами капитана предстал двадцатилетний немец, спрятавшийся в одной из спасательных шлюпок. Тот признался, что едет защищать родину, что он сын полковника, внук и правнук генерала. Капитан позволил ему остаться и спрятаться в угольном трюме при приближении к берегам Британии. «Эмилия» прибыла в Роттердам 14 августа 1914 года — обратим внимание на дату²⁵. Сказка на этом не заканчивается, но обо всем в свой черед...

Начало войны позвало под знамена и старшего Риббентропа, который вернулся на действительную службу, в 1915 году заслужил Железный крест 1-го класса в бою под Бржезанами в австрийской части Польши и вышел в отставку, на сей раз уже окончательно, в чине подполковника. Иоахим, избежав медицинского обследования, поступил добровольцем в размещавшийся в Торгау 12-й Тюрингский гусарский полк (*Thüringische Husaren-Regiment Nr. 12*), в составе которого его дед по материнской линии воевал с французами в 1870 году.

«В первый же день моего рекрутского бытия я совершил непростительную ошибку: на вопрос моего строгого вахмистра, умею ли я ездить верхом, я, само собой разумеется, ответил утвердительно, ведь с юношеских лет я все-таки на лошади иногда сидел [автор снова скромничает, ибо в тех же мемуарах пишет: «Очень рано пробудилась в нас и любовь к лошадям, унаследованная от отца, который был большим лошадиником». — В. М.]. Мое опрометчивое утверждение обернулось сущим позором: вахмистр тут же приказал мне показать свое умение на норовистом коне. Я падал с него так часто, что под конец и сам уверовал, что

никогда в жизни не сидел в седле. Эти старые кавалерийские вахмистры хорошо знают, как обращаться с желторотыми юнцами-рекрутами, когда дело касается святой военной службы! Но потом я с этим грозным унтером хорошо поладил»²⁶.

Через четыре недели Риббентропа отправили на фронт. О пережитом во время войны он не успел написать ничего, кроме двух фраз: «В этом самом полку я провоевал на Востоке, а потом на Западе с перерывами, вызванными несколькими ранениями и тяжелым заболеванием, до весны 1918 года. После моего последнего ранения летом 1917 года я получил Железный крест первой степени»²⁷.

Недостаток достоверной информации породил множество слухов и легенд. Наиболее безобидным можно считать утверждение, что на самом деле он получил Железный крест 2-го класса и позже, служа в министерстве, добился его замены на крест 1-го класса. Куда романтичнее звучит история, поведенная Гюнтером и пересказанная — без ссылок на автора — Дугласом Гленом (если это вообще не одно и то же лицо). Оказывается, уже на германской границе возвращавшийся из Америки Риббентроп был с пристрастием допрошен офицером, которому сообщил, что владеет, помимо английского и французского, испанским и русским* языками. Выслушав его рассказ и просмотрев бумаги, офицер объявил юноше, что тот будет... отправлен за границу с секретной миссией. «Нет, нет! — закричал Риббентроп. — Я хочу быть настоящим солдатом, как мой отец и все мои предки. Я не для того пробирался на родину, чтобы стать шпионом!» Офицер наставительно сказал: «Долг каждого настоящего немца защищать Отечество. Любое средство для достижения этой цели хорошо», — и отпустил его с миром. Риббентроп прибыл в 12-й гусарский полк... Здесь история обрывается и возобновляется только в декабре 1915 года, когда лейтенант фон (!) Риббентроп, тайно прибывший в США на подводной лодке, представляется германскому послу графу Иоганну фон Берншторфу и военному атташе капитану Францу фон Папену. Папен, кото-

---

* Риббентроп пытался учить русский язык, находясь в действующей армии на Восточном фронте, но не преуспел в этом.

рого выследили и вот-вот должны были выслать из Америки, поручил лейтенанту руководить сетью тайных агентов и диверсантов, призванных мешать Соединенным Штатам помогать странам Антанты. Его ближайшим помощником стал Игнац Требич-Линкольн — один из самых знаменитых авантюристов XX века — крещеный еврей из Венгрии, успевший побывать депутатом британского парламента от Либеральной партии. После вступления США в войну против Германии в апреле 1917 года Риббентроп вернулся на родину путем, «достойным приключенческого романа»²⁸.

Разумеется, всё это вымысел от начала до конца. Берншторф и Папен оставили подробные мемуары, в которых о Риббентропе — применительно к описываемым событиям — нет ни слова; то же относится и к биографии Требич-Линкольна. Посол признал, что субсидии на пропагандистскую деятельность шли через него, что он помогал немцам призывного возраста и резервистам вернуться на родину, но категорически отрицал свою вовлеченность в саботаж, хотя «горячие головы» обращались к нему с подобными предложениями. Папен занимался сбором информации, возможно, переходя границы закона, но тоже не связывался с непрошеными «диверсантами». Его причастность к актам саботажа не была доказана, хотя бумаги военного атташе не вполне честным путем попали в руки «нейтральных» американцев и воюющих англичан²⁹.

Можно было бы не останавливаться на этой нелепой истории, если бы не ее показательность. Риббентроп вспоминал: «В Нью-Йорке [при отплытии в Европу. — В. М.] я слышал, что жадные до сенсаций канадские газеты, поддавшись психозу первых дней войны, стали распускать интригующие слухи о "бегстве шпиона Риббентропа"»³⁰. Биографы таких статей не обнаружили. Думаю, что Иоахима подвела память и он имел в виду рассказы Гюнтера и Глена, которые даже Шварц в 1943 году назвал «чистой выдумкой»*. Но выдумка оказалась живучей, проникнув

---

* Он цитировал сообщение некоей «канадской леди»: «Все, кто знал Риббентропа во время его пребывания в Оттаве и симпатизировал ему, ныне сходятся в том, что его истинной целью был шпионаж», — но заявлял о своем несогласии с этим утверждением.

в некролог, который посвятила казненному Риббентропу лондонская «Таймс».

В жизни все складывалось намного прозаичнее. В апреле 1918 года Риббентропа признали негодным к службе на передовой по состоянию здоровья и в чине обер-лейтенанта отправили в Константинополь адъютантом уполномоченного Военного министерства при армии Османской империи — все еще союзной, но норовящей отделиться от Центральных держав. Служба, видимо, была не очень обременительной, поскольку оставляла время для написания статей в газету «Фоссише цайтунг»³¹ — возможно, анонимно или под псевдонимом (биографы их не обнаружили или, во всяком случае, не цитировали). Там же Иоахим познакомился с начальником штаба 4-й турецкой армии подполковником фон Папеном и молодыми дипломатами Гансом Дикхофом и Вильгельмом Фабрициусом, которые едва ли могли предположить, что через двадцать лет станут служить под его началом. Со временем знакомство укрепилось благодаря семейным узам: Дикхоф и Фабрициус были женаты на сестрах Йенке, брат которых Альберт Йенке в 1922 году женился на Ингеборг, младшей сестре Иоахима (в 1939 году Риббентроп назначит его советником посольства в Турции при после Папене).

Под пером «фантастов» Папен превратился в главу германской шпионско-диверсионной сети на Ближнем Востоке, а «лейтенант Риббентроп, еще не остывший от актов саботажа в Америке, для этих целей был идеальным орудием». Особенно забавно звучит рассказ о том, как Папен бежал из Иерусалима в одной пижаме, разбуженный Риббентропом за несколько минут до того, как англичане захватили его дом. Офицерам удалось скрыться, но бумаги Папена оказались в руках противника³². Истине здесь соответствует только последнее утверждение: бумаги действительно попали к англичанам.

Подлинная биография Риббентропа нисколько не похожа на фильмы про Джеймса Бонда. Летом 1918 года, когда положение Турции из критического превратилось в катастрофическое, его вызвали в Берлин для доклада. «Один из господ в центральном отделе военного министерства, к которому я явился, счел мое сообщение столь важным,

что уже через несколько часов мне пришлось лично докладывать самому военному министру [Пруссии, Герману. — В. М.] фон Штайну — бывшему начальнику и хорошему знакомому моего отца. Но он принял меня крайне немилощиво. Признать перед молодым лейтенантом ненадежность турецкого союзника военному министру никак не улыбалось; он прервал мой доклад и стал расспрашивать меня... о немецких школах в Турции! А потом довольно холодно — но с приветами отцу — позволил удалиться»³³.

Не эта ли поездка породила легенду о предании Риббентропа суду за дезертирство, когда за него заступился Папен? «Фантасты» пишут об обвинении в «самовольном оставлении части» и объясняют его шпионскими подвигами в Америке, о которых даже командиру полка знать не полагалось. Папен, посвященный в тайну, не мог ее раскрыть, но поручился за товарища словом офицера³⁴.

По воспоминаниям Риббентропа, он узнал об отречении кайзера и окончании войны от своего непосредственного начальника, майора Майера, так что происходило это, видимо, в Константинополе или поблизости от него. К тому времени большую часть немцев, включая посольство, уже эвакуировали через Одессу и Севастополь — единственный путь к отступлению до тех пор, пока у Германии сохранялись дипломатические отношения с большевиками, но вскоре и он был отрезан³⁵. Не приводя дат, Риббентроп прочертил такой пункт: «После интернирования в азиатской части Турции, ночной переправы через Босфор, чтобы не дать документам военного министерства попасть в руки врага... после попытки пробраться в Германию через Россию, после уличных боев в Одессе и обратного пути в Константинополь мне, наконец, посчастливилось вернуться на родину через Италию»³⁶. Произошло это в начале 1919 года: одни источники называют январь, другие — март.

Явившись в Военное министерство, обер-лейтенант Риббентроп получил приказ принять участие в подготовке мирной конференции. В официальных изданиях нацистского периода он фигурирует как ее участник, хотя до Парижа так и не добрался. Германское правительство отказалось подписывать предложенный ему кабальный договор. Ужесточение блокады вынудило Берлин принять его, но

Матиас Эрцбергер, поставивший свою подпись под договором, позже поплатился за это жизнью (Риббентроп послал его вдове телеграмму соболезнования).

Сделав окончательный выбор в пользу гражданской жизни, Иоахим вышел в отставку и поступил на службу в «берлинский филиал одной старой бременской фирмы, занимавшейся импортом хлопка... После того, как мне удалось осуществить несколько удачных сделок, я приобрел еще большее доверие хозяев, которые относились ко мне с поистине ганзейской купеческой широтой»³⁷. Первые заработки пошли на поправку семейных дел, включая выплату долгов за лечение брата Лотара, которое так и не спасло его от ранней смерти в декабре 1918 года. Но главным бизнесом отставного гусара стал не хлопок, а спиртные напитки.

Недоброжелатели не упускали случая обозвать Риббентропа «торговцем шампанским». Сам он предпочитал уклончиво говорить об «экспортно-импортной фирме». Несмотря на послевоенную разруху, «спекулянты процветали, а молодежь стремилась в вихре удовольствий позабыть о своей четырехлетней героической, но, по всей видимости, бесцельной борьбе во имя Германии»³⁸. Денег у «героев тыла» было предостаточно, и они охотно тратили их на предметы роскоши, включая французское шампанское. Риббентроп уже в 1919 году наладил его контрабандные поставки, поскольку официальный запрет на ввоз в Германию импортного алкоголя был снят лишь 1 января 1924 года. Прекрасно одетый, элегантный и учтивый молодой человек, к тому же отличный танцор, органично вписался в среду нуворишей, которым «по случаю» предлагал настоящее «Поммери» и «Вдову Клико». Шампанское стало для него знаком судьбы: в том же 1919 году на курорте Бад-Хомбург, на теннисном корте Иоахим познакомился с Аннелиз Хенкель, дочерью «шампанского короля» Отто Хенкеля (фирма *Henkell & Co*, основанная в 1832 году, существует до сих пор).

Аннелиз было 24 года, — на три года меньше, чем Иоахиму. Согласно расхожему мнению, она не блистала красотой, не могла похвастаться крепким здоровьем (страдала мигренями), но отличалась умом, честолюбием и сильной волей, не стесняясь перечить родителям и настаивать на своем. Их любовь была быстрой, яркой и взаимной — уже

5 июля 1920 года они поженились. Родители невесты были не в восторге от зятя: приятная внешность, хорошие манеры и знание иностранных языков (в его немецком замечали даже легкий английский акцент) едва ли могли компенсировать отсутствие образования, профессии и состояния, а опыт военной службы ценился в веймарской Германии совсем не так, как в кайзеровской. Мемуаристы приводят немало колкостей, сказанных родственниками в его адрес, включая фразу тещи: «Из всех моих зятьев больше всего преуспел самый глупый»³⁹. Однако старший сын пишет о «бабушке Хенкель, очень любившей отца»⁴⁰.

Риббентроп посвятил предсмертные записки «моей превыше всего любимой отважной жене» и написал о ней коротко, но выразительно: «Она подарила мне больше двадцати пяти лет безмерного счастья и нашу "пятерку" — троих сыновей и двух дочерей*. Суждено ли кому-нибудь пережить столько любви, радости и глубокой преданности друг другу, даже и в горе, чем довелось нам вдвоем? Разве может смертный требовать от судьбы большего блага, чем это?»⁴¹ Они, действительно, были хорошей парой, потому что не только любили, но и дополняли друг друга. Волевая Аннелиз подталкивала Иоахима к «деланию карьеры», едва ли предполагая, чем это может закончиться...

Отто Хенкель мог недолюбливать зятя и не одобрять его методы ведения бизнеса (клиентам приходилось выбирать: либо приобретать весь предложенный ассортимент, либо не получить ничего), но был вынужден признать в нем хорошего коммерсанта. Не допустив зятя до партнерства, он сделал фирму «Шёнеберг и Риббентроп» (*Schöneberg und Ribbentrop*) своим главным торговым агентом; с 1931 года Иоахим владел фирмой единолично, переименовав ее в *Impregroma*, то есть «Импорт и экспорт великих марок» (*Import und Export Großer Marken*), и только после назначения послом в Лондон передал управление родственникам жены. Ко всеобщему изумлению, Риббентроп сумел про-

---

* Рудольф (родился 10 мая 1921 года в Висбадене), Беттина (родилась 20 июля 1922 года в Берлине), Урсула (родилась 19 декабря 1932 года в Берлине), Адольф (родился 2 сентября 1935 года в Берлине), Бартольд (родился 27 декабря 1940 года в Берлине).

рваться не только на британский, но и на французский рынок шампанского, играя на соотношении цены и качества.

Другим его успехом стало приобретение исключительных прав на продажу в Германии виски «Джонни Уокер», причем при занятых обстоятельствах. Узнав по прибытии в Лондон о том, что конкуренты выехали в Шотландию на поезде, Иоахим арендовал небольшой самолет и приземлился прямо в поместье сэра Александра Уокера, не только опередив соперников, но и произведя впечатление на хозяина, который отдал контракт предприимчивому немцу. Если полеты в Москву в 1939 году стали сенсацией мирового значения, то можно представить, как это воспринималось пятнадцатью годами ранее! Рудольф фон Риббентроп добавил, что после Второй мировой войны Уокер «сохранил верность нашей семье» и «предоставил моей матери и мне безвозмездно средства для оплаты французского адвоката, который должен был блюсти мои права пленного против французской юстиции»⁴².

Иоахим быстро научился мыслить стратегически, пусть пока в пределах своего бизнеса. Дипломат Пауль Шварц, знавший его с 1919 года, вспоминал, что, отправляясь в 1926 году генеральным консулом в Коломбо (Цейлон), поручил Риббентропу организовать перевозку своего винного погреба к новому месту службы, климат которого так отличался от берлинского. Тот не только доставил всё в целости и сохранности, но приложил образцы вин и коньяков, которыми торговала его фирма. Инвестиции дали дивиденды — через несколько лет «Шёнеберг и Риббентроп» прибавили к своим рынкам Цейлон и Южную Индию⁴³. Их бизнес пережил крах германской марки в 1923 году и начавшуюся в 1929 году Великую депрессию, так что Риббентроп имел все основания говорить: «В середине 20-х годов моя импортно-экспортная фирма стала одной из крупнейших в своей области»⁴⁴.

Риббентропы обосновались в Далеме, аристократическом районе Берлина, выстроив стильную виллу на Ленце-аллее 7—9, с садом, бассейном, теннисным кортом, вышколенный прислугой, безукоризненной кухней и превосходным винным погребом. По свидетельству дочери их тогдашних знакомых — берлинских евреев-коммерсан-

тов — Риббентропов прозвали «Риббенснобами»*. И не без оснований.

В дополнение к материальному благополучию и светским знакомствам Иоахим решил обзавестись аристократической приставкой «фон». Республиканские законы лишили аристократию привилегий, но разрешали использовать дворянские титулы и приставки «фон» и «цу» как часть фамилии, что повлекло за собой волну усыновлений. В 1925 году Иоахима усыновила Гертруда фон Риббентроп, которую он называл «тетей». Биографы утверждают, что их общий предок жил за два столетия до описываемых событий⁴⁵, однако Рудольф фон Риббентроп, несомненно, знающий историю своей семьи, по-иному описывает их родство и историю усыновления:

«Генерал Карл фон Риббентроп [отец Гертруды. — В. М.] имел сына и дочь. У сына детей не было. На смертном одре отца-генерала он пообещал тому сохранить принадлежавшее этой семейной ветви дворянство с помощью усыновления внутри семьи, оттого что потомства от Фридриха фон Риббентропа, генерал-интенданта, тоже не осталось. Еще перед Первой мировой войной он обратился к дедушке Рихарду, предложив усыновить его. Однако тот, своевольный, как мы еще увидим, человек, дал *своему двоюродному брату* [выделено мной. — В. М.] от ворот поворот. Тогда он предложил усыновить старшего сына дедушки, дядю Лотара, брата нашего отца. Но так как оба брата в этот момент уже жили в Канаде, до Первой мировой войны сделать это уже не удалось. Почти сразу после войны, в 1919 году, Лотар умер от туберкулеза легких в Швейцарии. А отец вернулся из Турции в Германию только в 1919 году. Инфляция была в полном разгаре, и членов семьи волновали тогда совсем другие заботы, чем возможное усыновление. Когда общие условия несколько упрочились, сын генерала — его звали Зигфрид фон Риббентроп — вернулся к мысли об усыновлении. Тем временем он, однако, удочерил дочь своей жены от ее первого брака.

---

* Записи Марион Уайтхорн на письме к ней М. Блока (9 июля 1991 года) с вопросом об отношениях ее родителей с Риббентропами. Собрание В. Э. Молодякова.

Так пришли к соглашению, что отца должна усыновить его [Зигфрида] сестра, дочь генерала. Эта уважаемая нами тетя Гертруда жила в Наумбурге, там же, где и наши дедушка с бабушкой. Она не была благословлена земными благами, осталась незамужней, инфляция обесценила ее сбережения, так что мой отец помогал ей уже в течение долгого времени. Это, разумеется, продолжалось и после усыновления; помимо того, после усыновления он и по закону обязан был это делать. [...] Зигфрид фон Риббентроп и его сестра Гертруда по желанию их отца должны были передать унаследованный ими дворянский предикат той семейной ветви, чьи члены проявили себя "на поле боя". Три поколения: мой прадедушка, мой дедушка и мой отец были награждены Железными крестами 1-го класса в войнах 1870—1871 и 1914—1918 годов. [...] Тетя Гертруда по всем правилам уведомила об усыновлении, как это тогда было принято, Дворянское собрание»⁴⁶.

Рихард Риббентроп дистанцировался от претензий сына, Хенкели злословили по адресу «нашего титулованного родственничка». Новоиспеченного «фона» не включили в «Готский альманах» — авторитетнейшее генеалогическое издание — и поначалу прокатили на выборах в аристократический «Унион клуб». Мемуаристы и биографы спорили, приняли Иоахима туда или нет, пока его сын не поставил точку в этой истории: «Согласно свидетельству господина фон Болье, многолетнего секретаря клуба, отец уже 10 августа 1928 года по решению приемной комиссии стал членом "Унион-клуба"»⁴⁷. За него хлопотали фон Папен и сослуживец по Первой мировой войне граф Вольф-Генрих фон Хельдорф⁴⁸. Аннелиз не любила Хельдорфа — гуляку, бабника и картежника, вечно сидевшего без денег, хотя Папен числил его в друзьях. Но дело было не только в образе жизни: именно Хельдорф впутал Иоахима в политику.

3

В двадцатые годы Иоахим фон Риббентроп интересовался политикой лишь настолько, насколько это было принято в его среде, и не участвовал в «политическом процессе», а попытки проникнуть в узкий круг лиц, приглашаемых на

приемы в иностранные посольства (самым демократичным было американское, самым снобистским — голландское), свидетельствовали лишь о социальных амбициях. Это «фантасты» превратили его в участника реакционного Капповского путча 1920 года в Берлине вместе с Требиш-Линкольном, действительно имевшим к нему отношение⁴⁹. Иоахим слыл консерватором, националистом и антикоммунистом, но не был замечен ни в антиреспубликанских акциях, ни в антисемитских настроениях. Среди деловых партнеров и гостей далемской виллы было много евреев. По свидетельству дочери одного из них, Герберта Гутмана из Дрезденского банка, хозяин не раз «играл на скрипке в компании своих хороших еврейских друзей»⁵⁰. А вот Хельдорф сразу после войны служил в добровольческих формированиях «Фрайкора» и участвовал в Капповском путче, после поражения которого скрывался в Италии. Вернувшись в Германию в 1926 году, он вступил в НСДАП.

Ранние контакты Риббентропа с нацистами окутаны мраком. Когда они были у власти, он гордился, что поддерживал их с 1930 года. На суде и в мемуарах он утверждал, что впервые встретился с Гитлером в августе 1932 года⁵¹. «Фантасты» сообщают, что лейтенанты Риббентроп и Розенберг* познакомились с ефрейтором Гитлером еще в конце войны, поручив ему наблюдение за собраниями коммунистов; их вторая встреча якобы произошла в Берлине в дни Капповского путча, куда Гитлер прибыл вместе со своим другом Дитрихом Эккартом и откуда Риббентроп после краха всей авантюры помог им бежать в фургоне, перевозившем шампанское «Хенкель». Гюнтер пишет, что сближению Гитлера и Риббентропа способствовал Рудольф Гесс — фронтовой товарищ и друг Иоахима. Это совершенная нелепица — Риббентроп и Гесс познакомились не ранее 1932 года. Впрочем, и здесь можно отыскать рациональное зерно: если вместо Розенберга, Гесса (Глен называет столь же невероятного Рёма) и «ефрейтора Гитлера» подставить фамилию Хельдорфа, сказанное будет похоже на правду⁵². Некий звон «фантасты» все-таки слышали...

---

* Уроженец Ревеля (ныне — Таллин), получивший в Москве диплом архитектора, Альфред Розенберг ни в одной регулярной армии не служил.

Попробуем подытожить то, о чем мы знаем наверняка.

Двадцать третьего июля 1928 года гауляйтер Берлина Йозеф Геббельс провел вечер в Висбадене вместе с Риббентропами, которые навещали родственников Аннелиз. «Милая пара. Нашлось много о чем поговорить», — гласит краткая запись в его дневнике⁵³. Геббельс был скандально известен на всю Германию, в том числе нападка на главу берлинской полиции еврея Бернхарда Вайсса, так что в столице респектабельные «Риббенснобы» едва ли стали бы с ним встречаться. В 1934 году, не найдя своей фамилии в только что изданной книге Геббельса о приходе нацистов к власти «От "Кайзерхофа" до Имперской канцелярии», Иоахим заметил: «Говорят, что фальсификация истории начинается через пятьдесят лет. Неверно — она уже началась»⁵⁴.

Риббентроп продолжал общаться с Хельдорфом, но лишь как со старым знакомым, а не нацистским функционером (с 1931 года тот возглавлял берлинских штурмовиков, а годом позже был выбран от НСДАП в прусский ландтаг). На суде в Нюрнберге Вико фон Бюлов-Швандте, бывший офицер и дипломат, знавший и Риббентропа, и Хельдорфа, утверждал, что в 1930 году при его посредничестве Гитлер и Риббентроп встретились на обеде у принца Виктора цу Вида; будущий рейхсминистр так пленился филиппикой будущего фюрера против коммунистов, что тут же вручил ему чек на шесть тысяч марок⁵⁵. Более достоверным представляется рассказ Бюлова-Швандте об обеде в Далеме весной 1932 года, где между Гитлером и хозяевами состоялась беседа на внешнеполитические темы. «Судьба вошла в дом нашего детства неприметно, почти бесшумно»⁵⁶.

Фюрер очаровал Иоахима и Аннелиз — он был не таким, как все. Симпатия оказалась обоюдной. «Еще при первой встрече с Адольфом Гитлером его личность произвела на меня сильное впечатление [...] Он никоим образом не был человеком компромиссов... Вместе с тем мог быть подкупающе любезен, сердечен и открыт [...] Когда он хотел привлечь кого-нибудь на свою сторону или добиться чего-нибудь от собеседника, он делал это с непревзойденным шармом и искусством убеждать [...] Он обладал негибкой волей и немислимой энергией в достижении своих целей. Его интеллект был огромен, а способность схваты-

вать все на лету — ошеломляюща. Мир его представлений и фантазий всегда характеризовался крупными историческими перспективами и параллелями». И рядом с восторгами — признание: «За все годы этого сотрудничества я в человеческом плане не сблизился с ним в большей мере, чем в первый день нашего знакомства, хотя мной пережито вместе с ним так много. Во всем его существе было что-то такое, что невольно отстраняло от личного сближения с ним»⁵⁷.

Первого мая 1932 года Иоахим фон Риббентроп вступил в НСДАП и получил партийный билет № 1 199 927, хотя сам позднее утверждал, что это произошло в августе того же года, после первой (!) встречи с Гитлером⁵⁸. Видимо, в августе в партию вступила Аннелиз — ее билет имел № 1 411 594. Правда, оба встали на партийный учет не у себя в Далеме, а в баварском Розенхайме — чтобы не повредить деловой репутации.

Летом 1932 года Риббентроп ездил к Гитлеру в Берхтесгаден, осенью участвовал в переговорах между нацистами и националистами о формировании коалиционного правительства. Папен, занимавший пост рейхсканцлера с 1 июня по 3 декабря 1932 года, пользовался поддержкой президента Гинденбурга, но был на ножах с Рейхстагом, в котором самой динамичной и влиятельной фракцией стали нацисты, поскольку остальные (кроме коммунистов) демонстрировали полную беспомощность и разобщенность. Консерваторы и военные, включая преемника Папена на посту канцлера, «политического генерала» Курта фон Шлейхера, решили «приручить» Гитлера, предложив ему пост вице-канцлера при рейхсканцлере Папене и несколько второстепенных должностей для его партайгеноссе. В 1921—1922 годах итальянские националисты пытались проделать такой же трюк с Муссолини, но тот решительно отказался, соглашаясь лишь на пост премьера, пусть в коалиционном кабинете при меньшинстве своей партии. Гитлер учел опыт старшего товарища и в итоге получил то, к чему стремился.

Январские переговоры 1933 года, предшествовавшие назначению Гитлера рейхсканцлером, не раз описаны в литературе (в том числе в записях Иоахима и Аннелиз), равно как и неудачные попытки Шлейхера расколоть НСДАП, перетя-

нув на свою сторону ее радикальное крыло во главе с Грегором Штрассером, которого тоже соблазняли вице-канцлерством. Нас интересует роль Риббентропа, относительно которой полной ясности нет. Официальные нацистские издания уверяли, что кабинет Гитлера был сформирован «при его посредничестве», а «фантасты» объявили Папена и Риббентропа главными виновниками прихода фюрера к власти, правда, безбожно перевирая факты⁵⁹. Однако именно Риббентропа в этой связи не упоминают ни Папен, ни глава Президентской канцелярии Отто Мейснер, представлявший на переговорах Гинденбурга, ни Геббельс — а это люди знающие. Свидетельства самого Риббентропа тоже двойственны. С одной стороны: «Когда я в 1931—1932 годах увидел, что Германия приближается к пропасти, то приложил все свои усилия, дабы помочь образованию национальной коалиции буржуазных партий и национал-социалистов»⁶⁰. С другой: «Я предоставил свой дом в Далеме для нескольких встреч Гитлера с Папеном [...] На переговорах в моем доме я являлся только посредником и сам к ним допущен был не всегда»⁶¹. Впрочем, у Риббентропов и без гостей хватало хлопот: 19 декабря, в разгар переговоров, родилась их вторая дочь Урсула, третий ребенок в семье.

Наиболее точным представляется именно определение «посредник», особенно в отношении контактов между Гитлером и Папеном. Если бы Риббентропа не существовало, у нацистов и консерваторов нашлись бы другие общие знакомые с подходящей виллой для конфиденциальных встреч, и Гитлер все равно пришел бы к власти. Если бы Риббентроп играл самостоятельную политическую роль, он мог бы рассчитывать на хороший пост — либо от нацистов, либо от националистов, составлявших большинство нового кабинета. Однако этого не произошло⁶².

**ДИПЛОМАТ НОВОГО ТИПА
(1933—1935)**

*...Ощутишь спиной негибкой,
Что глядит тебе с улыбкой
Кто-то вслеп. И будет это
Люцифер, носитель света,
Ангел утренней звезды.*

Михаил Щербаков

1

Насколько Риббентроп считал себя специалистом в области внешней политики, сказать трудно. Знаток его считал Гитлер, собственные познания которого об окружающем мире были весьма скромны. Бесспорно другое: его амбиции были связаны именно с дипломатией.

Если верить Папену, вскоре после прихода нацистов к власти Риббентроп обратился к нему с просьбой о содействии в получении поста статс-секретаря МИДа. Почему к Папену, а не к Гитлеру? Потому, что их знакомство было более давним и более близким? Думаю, решающую роль сыграло то, что министерство, известное в обиходе как «Вильгельмштрассе» (по названию улицы, на которой оно находилось), возглавлял барон Константин фон Нейрат, приглашенный на этот пост именно Папеном. Одним из условий назначения Гитлера рейхсканцлером было невмешательство нацистов в деятельность МИДа, глава которого напрямую подчинялся президенту Гинденбургу. На это пришлось согласиться. Понимая, что Нейрат — консерватор, аристократ и мастер дипломатической рутин — не возьмет к себе в заместители «торговца шампанским», а заставить его не удастся, Папен стал отговаривать Риббентропа, ссылаясь на то, что статс-секретарь — должность сугубо бюрократическая и не престижная. В интервью, данном незадолго до смерти, экс-рейхсканцлер добавил, что, прося о должности, Риббентроп представил записку с соображениями о внешней политике, но Нейрат счел ее «дилетантской» и «безграмотной»¹. Проверить это, к сожалению, невозможно, ибо записка не сохранилась.

Гитлер не любил дипломатов — ни своих, ни чужих — и не верил им. Вместе с тем он нуждался в людях, знавших мир за пределами Германии и способных доходчиво рассказывать о нем. Риббентроп принадлежал к их числу, но у него сразу же нашлись многочисленные, влиятельные и не слишком разборчивые в средствах соперники. Рудольф фон Риббентроп пишет об отце: «Как "человек со стороны" он не был закален и ожесточен во внутривнутрипартийной борьбе за влияние и власть. Возникающие при этом ссоры, интриги, борьба направлений и образование фракций были ему незнакомы. У него отсутствовала возможность узнать людей, бывших в подчинении Гитлера, но имевших на него влияние, изучить их характеры и оценить их важность. Люди, с которыми он должен был сотрудничать в верхах режима, были ему чужды как по происхождению, так и по менталитету. Он снискал благоволение фюрера, спустившись "сверху", и многие завидовали его позиции и влиянию»².

Первого апреля 1933 года было создано Внешнеполитическое управление НСДАП во главе с Альфредом Розенбергом, главным партийным философом и теоретиком «новой внешней политики». Авторитет рейхслейтера Розенберга, первым привезшего в Германию «Протоколы сионских мудрецов» и видевшего «жидобольшевизм» собственными глазами, был непоколебим до тех пор, пока в начале мая того же года, во время визита в Лондон он не возложил к кенотафу на Уайтхолле венок со свастиками на лентах. Ветераны из Британского легиона сочли это оскорблением: венок оказался в Темзе, отчеты о происшествии — в газетах. Перед этим по просьбе германского посольства Розенберга приняли министр иностранных дел сэр Джон Саймон и его постоянный заместитель сэр Роберт Ванситтарт, ярый германофоб*, приняли холодно и равнодушно. Визит окончился очевидным провалом, причиной которого лондонские газеты назвали незнание гитлеровским эмис-

---

* По словам Риббентропа, «в те годы он, несомненно, был в Англии главным противником всех стремлений германской политики. "Ванситтартизм" стал для всего мира символом ненависти к Германии» (*Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 58*).

саром британского менталитета и реалий. Больше Розенберга за границу не посылали³.

Сентябрьский выезд министра пропаганды Геббельса на конференцию по разоружению в Женеву (на чем настоял Нейрат, не желавший оправдываться за преследования евреев и костры из книг) оказался удачнее, хотя увязавшийся с ним вечно нетрезвый глава Германского трудового фронта Лей явно подпортил картину. Однако договориться с великими державами не удалось: 14 октября Гитлер заявил, что Третий рейх покидает и конференцию, и саму Лигу Наций.

В том же 1933 году ведомства Розенберга и Геббельса вывели из игры еще одного потенциального «дипломата» — Курта Людеке. Старый член партии, собиравший для нее деньги в Новом Свете в двадцатые годы, Людеке с осени 1932 года не только был аккредитован при Белом доме, Госдепартаменте и Конгрессе как корреспондент нацистской прессы, но имел мандат на право представлять в США, Канаде и Мексике «политические интересы» НСДАП и воспринимался как «неофициальный посол Гитлера». В марте 1933 года он отправился в Берлин, рассчитывая на одобрение своих планов ведения пропаганды за рубежом, но попал в жернова интриг и угодил в концентрационный лагерь, откуда выбрался только через год и вернулся в США. Гибель его друзей Эрнста Рёма и Грегора Штрассера во время «Ночи длинных ножей» 30 июня 1934 года побудила Людеке порвать с рейхом и дать показания о нацистской пропаганде, а затем потребовать от партайгеноссе 50 тысяч долларов за дальнейшее молчание. Не получив денег, в 1938 году Людеке опубликовал мемуары, однако они почти не содержали новой информации, а потому не вызвали интереса. В годы войны он был интернирован, а затем вернулся на родину, где умер в полном забвении⁴.

Внешнеполитические дебюты Риббентропа относятся к лету—осени 1933 года. Пока ему приходилось довольствоваться прикрытием торговой деятельности и полагаться лишь на личные дружеские связи, главными из которых были журналист Фернан де Бринон в Париже и бизнесмен Эрнст Теннант в Лондоне.

В сентябре 1932 года маркиз Мельхиор де Полиньяк, производитель шампанского «Поммери», которым торго-

вала фирма Риббентропа*, познакомил его со своим приятелем де Бриноном. Тот считался знатоком Германии, куда регулярно ездил, водил знакомство с руководителями Веймарской республики Густавом Штреземаном и Германом Брюнингом, промышленниками Гуго Стиннесом и Фрицем Тиссенем и сопровождал премьера Пьера Лавалья во время официального визита в Берлин в 1931 году. В духе идей Аристида Бриана он выступал за диалог и сотрудничество с Германией, видя в этом залог не только мира, но экономического процветания Европы. Риббентроп под влиянием Штреземана высказывал похожие мысли. Де Бринону он запомнился как «очень красивый мужчина» и «светский человек, но без большой культуры и большого ума». «Вы знаете слишком много евреев и слишком мало национал-социалистов, — сказал Риббентроп новому знакомому. — Когда вы приедете в Берлин, я устрою вам интересные встречи». Француз не заставил себя ждать и 30 января 1933 года наблюдал торжества в честь прихода нацистов к власти. Днем позже правительство Франции возглавил Эдуард Даладьё, лидер радикал-социалистов и личный друг де Бринона, менее скованный узами «антифашистской» догматики, чем его главный соперник в партии Эдуард Эррио (их отношения называли «войной двух Эдуардов»).

Риббентроп сдержал обещание, но в ответ попросил о встрече с премьером, которая состоялась в середине августа 1933 года у де Бринона в Нёйи. Эмиссар Берлина склонял Даладьё к личному контакту с Гитлером, что на какой-то момент показалось возможным. 30 августа он писал де Бринону: «Получил Ваше письмо от 27 августа. Я доволен новостями и рад предстоящему приезду Вас и Вашего друга. Если удобно, я встречу Вас с "Северного экспресса", прибывающего на берлинскую станцию "Зоо" в 8.22 утра в пятницу 8 сентября. Сообщите мне, если это решено... P. S. Позвольте напомнить о важности Ваших инкогнито, прежде всего в отношении Вашего друга, во время путешествия»⁵.

---

* «Между отцом и семьей Полиньяк возникла многолетняя дружба, — свидетельствует Р. фон Риббентроп. — Маркиз де Полиньяк помог мне найти в Париже адвоката, когда я находился в очень неприятном для меня французском плену» после войны (Риббентроп Р. фон. Указ. соч. С. 357).

В итоге «друг», то есть Даладье, опасаясь шумихи в антинемецки настроенной прессе, отказался от поездки, и де Бринон отправился один. 9 сентября он встретился с Гитлером в присутствии военного министра Вернера фон Бломберга и Риббентропа, переводившего беседу. Фюрер заявил, что ищет «честного сотрудничества», и предложил «выйти за рамки дипломатических каналов», лично встретившись с французским премьером. Де Бринон немедленно сообщил Даладье о предложении, сделанном на самом высоком уровне. 13 сентября Риббентроп известил его, что на следующий день сам приедет в Париж, но и на сей раз ожидаемые результаты достигнуты не были. Французский премьер ответил: «На встречу я пойти не могу, ибо нахожусь в рамках такой системы, которая не позволяет мне действовать столь же свободно, как господин Гитлер»⁶. Даладье встретится с рейхсканцлером только через пять лет — на Мюнхенской конференции, когда «бык из Воклюзы» снова будет во главе правительства Франции. В сентябре 1939 года он объявит войну Германии, а после поражения окажется ее пленником.

Шестнадцатого ноября 1933 года Риббентроп устроил де Бринону интервью с Гитлером, появившееся в газете «Матэн» неделей позже и ставшее сенсацией, а в начале декабря снова поехал в Париж, где за ним уже следила местная контрразведка. Даладье, оставивший пост премьера и ставший военным министром, дважды встречался с ним, но ничем не обнадежил. Однако друзья не унывали. Интервью и статьи де Бринона изображали Гитлера разумным государственным деятелем, готовым к диалогу, если не к компромиссу. Они противостояли как антинацистской пропаганде социалистов и коммунистов, демонизировавшей фюрера из-за репрессивной внутренней политики, так и антигерманской пропаганде «правых» вроде Шарля Моррасса и Леона Доде, требовавших жесткого курса в отношении «наследственного врага».

В январе 1934 года вышла книга де Бринона «Франция—Германия, 1918—1934» — «один из лучших обзоров франко-германских отношений, появившихся в межвоенный период», по оценке Отто Абеца, сотрудника Риббентропа. В нее вошли не только интервью Гитлера, но и отклик на него британского журналиста Уорда Прайса, получившего

аудиенцию у фюрера и бывавшего в Далеме⁷. «Оба журналиста выступали за большее согласие между своими странами и Германией. Соответственно открытой, даже задушевной была атмосфера их посещений у нас», — вспоминал Рудольф фон Риббентроп⁸.

Более результативными оказались поездки в Англию, о которых Риббентроп докладывал Гитлеру. Эти отчеты, не попадавшие в МИД и мало кому известные, «нашлись» в бумагах американского журналиста Луиса Лохнера в Гуверовской библиотеке, но до сих пор не опубликованы (пользуюсь их изложением у Д. Ирвинга и М. Блока).

«Связной» Риббентропа Эрнст Теннант принадлежал к состоятельной шотландской семье и имел обширные знакомства в деловых и политических кругах. Участие в Первой мировой войне сделало его пацифистом, зрелище послевоенного хаоса и разрухи — антикоммунистом. С 1919 по 1939 год Теннант побывал в Германии 180 раз, в том числе с официальными миссиями. Глубоко уважая немцев, он считал еще одну войну с ними величайшим бедствием и для своей страны, и для всей Европы, а потому был противником Версальского «диктата». Один из его деловых партнеров Ойген Ленкеринг, член НСДАП, убеждал Теннанта в том, что только Гитлер может спасти Германию от коммунизма, что его поддерживает вся «здоровая» часть народа и что за границей о нем сложилось превратное мнение. В конце января 1932 года Теннант присутствовал на встрече Гитлера с германскими промышленниками, составил о ней подробный отчет и переслал его в Форин Оффис, но услышал в ответ, что в его услугах не нуждаются, поскольку достаточно информированы о происходящем.

В том же году в Берлине Теннант познакомился с будущим рейхсминистром. «Признаюсь честно, при первой встрече Риббентроп мне понравился. [...] Он прекрасно говорил по-английски и по-французски, любил рыбалку, охоту, живопись — всё, что любил и я. [...] На протяжении 1933 года я приезжал в Берлин в среднем раз в месяц. [...] Я обычно встречался с Риббентропом и иногда останавливался у него дома в Далеме. Мы часами беседовали о важности дружбы и взаимопонимания между Британией и Германией и о путях и способах его достижения»⁹.

«На Эрнста Теннанта мы смотрели с тайным восхищением, — вспоминает Рудольф фон Риббентроп. — Высокий грузный шотландец рассказал отцу: он был одним из, пожалуй, считанных людей, которые тяжелоранеными побывали в лапах льва и смогли спастись. [...] Теннант путешествовал по свету и собирал бабочек. Он был богат и независим. Как многие англичане с международными связями он предоставил себя в распоряжение Интеллидженс Сервис — в этом случае в качестве контакта к отцу. Родители разъяснили мне, что немало англичан за границей сотрудничают с секретной службой, поскольку это воспринимается как естественный долг по отношению к своей стране — установка, редко встречающаяся в Германии. Мои родители сожалели об этом, признавая, однако, что немецкие профессиональные дипломаты не слишком побуждают земляков с международными связями предоставлять в распоряжение "службе" свои знания, наблюдения и связи. Отец полагал, как раз торговые агенты, журналисты, ученые и т. д. зачастую располагают лучшим знанием страны пребывания и ее отношений, чем карьерные дипломаты»¹⁰.

В конце октября 1933 года Риббентроп попросил Теннанта о встрече с лидером консерваторов Стэнли Болдуином — ключевой фигурой «национального правительства» Рамсея Макдональда и потенциальным преемником стареющего премьера. Не будучи лично знаком с Болдуином, Теннант обратился к влиятельному консерватору Джону Дэвидсону, проявлявшему интерес к «новой Германии». Встреча была организована втайне от дипломатов обеих стран: 20 ноября Риббентроп, Теннант и Болдуин собрались у Дэвидсона за ланчем. «Я со всей откровенностью изложил лорду-канцлеру [правильно: лорду-председателю Совета. — В. М.] мысли Адольфа Гитлера о равенстве в вооружениях и их практическом осуществлении, а также передал ему желание фюрера добиться прочных дружественных отношений с Англией. У меня сложилось впечатление, что моя информация весьма заинтересовала Болдуина. Чисто по-человечески я с первого же момента почувствовал приятный контакт с этим типичным представителем английских консерваторов. Весь его облик и манеры внушали доверие»¹¹.

Согласно Теннанту, Риббентроп произвел хорошее впечатление на Болдуина; согласно Дэвидсону, лидер консерваторов не принял гостя всерьез, хоть и был с ним подчеркнута любезен¹². Болдуин пригласил Риббентропа «на чашку чаю» в официальную резиденцию и устроил ему встречу с премьером. Выслушав гостя, Макдональд сказал, что тоже выступает за мир, разоружение и сотрудничество (Риббентроп уверял, что таковы цели Гитлера, рассчитывающего на сотрудничество со «всемогущей Британской империей»), но заметил, что многих беспокоит существование вооруженных формирований СА и СС как «второй армии». «Макдональд, любезный, как все англичане, сказал, шутя, что он наверняка проголосовал бы за меня, если бы я был выставлен кандидатом в его избирательном округе»¹³.

Макдональд и Болдуин вновь беседовали с Риббентропом 26 ноября в присутствии министра иностранных дел Саймона. Премьер и лорд-председатель проявили некоторый интерес к контактам с вождями рейха, но педант Саймон заявил, что все должно идти только по дипломатическим каналам (не поэтому ли он показался берлинскому гостю холодным и недоброжелательным?). На прощание Макдональд сказал: «Когда будете докладывать канцлеру, пожалуйста, передайте ему от меня, что мы обязательно найдем общий путь, по которому идти». Вечером премьер записал впечатления о Риббентропе: «Приятный собеседник, с ясными серыми глазами, которые могут быть невинными, жесткими или вспыхивать ненавистью, с мягким голосом, располагающим к себе, но не обезоруживающим. [...] Не понимает, почему мы не поступаем так, как предлагает Гитлер, не едем в Берлин. [...] Как бы ни развернулись события, мы должны быть осторожны с новой Германией, которая ведет себя как избалованный ребенок, требующий, чтобы все шло по его желанию»¹⁴.

Больше Макдональд контактов с рейхом не искал, но французы занервничали, и Саймону пришлось успокаивать их.

В декабре 1933 года при помощи Риббентропа Теннант увиделся с Гитлером. Рейхсканцлер «был очень расстроен тем, что "союзные" политики ездят по Европе из Парижа в Рим и из Рима в Лондон, обсуждая его, но ни один из них ни

разу не заехал к нему и, следовательно, ничего про него не знает» и спросил, не выделит ли Болдуин несколько дней для переговоров где-нибудь на границе или на борту корабля, так как он сам не может покинуть Германию. В случае успеха их сотрудничества «в Европе через полгода не будет ни одного безработного», — заявил фюрер, добавив, что не хочет вести переговоры с Саймоном. В ответ на сообщение Теннанта Болдуин заявил, что лично он не против встречи, но это не входит в его компетенцию и что для начала необходимо направить в рейх, причем неофициально, эмиссара вроде Дэвидсона или Джеффри Ллойда, секретаря Болдуина. 20 декабря Теннант известил об этом Берлин, а через два дня узнал, что Дэвидсон отказался от поездки. Риббентроп попытался добиться хотя бы личного послания Болдуина Гитлеру, но настроение лидера консерваторов переменялось: по настоянию Ванситтарта он заявил, что всем должны заниматься исключительно дипломаты¹⁵. Риббентроп пришел в отчаяние. 12 февраля 1934 года в Лондоне он уговаривал Болдуина изменить решение, но тщетно. «Между 1933 и 1935 годами все его усилия были сосредоточены на создании дружбы и взаимопонимания между Британией и Германией, но ему ни разу не дали шанса», — признал после войны Теннант¹⁶.

2

Иностранные нотабли слушали Риббентропа как «голос» Гитлера, но лично ему не придавали никакого значения, поскольку у него не было какого-либо официального статуса. Полученное 30 мая 1933 года звание штандартенфюрера СС* едва ли могло исправить положение. 12 ноября 1933 года Риббентроп был избран депутатом Рейхстага по 4-му избирательному округу (Потсдам I). Стремясь стать своим среди «старых бойцов», он часто приглашал к себе в гости начальника штаба СА Эрнста Рёма, который пытался наладить контакты с иностранными дипломатами и журналистами, преследуя собственные, далеко идущие цели.

---

* Дальнейшие производства: оберфюрер (20 апреля 1935 года); бригадефюрер (14 июня 1935 года); группенфюрер (13 сентября 1936 года); обергруппенфюрер (20 апреля 1940 года).

Второго февраля 1934 года Риббентроп попросил Нейрата поспособствовать, чтобы послы оказали ему всяческое содействие, а также чтобы его допустили к дипломатической переписке. Министр принял гостя холодно, едва скрывая пренебрежение к «выскочке» и «нацисту», в котором, однако, не видел серьезного соперника, а потому через три дня предписал послам в Лондоне и Париже Леопольду фон Хёшу и Роланду Кёстеру не отказывать в помощи человеку, «пользующемуся доверием канцлера», с условием, что тот будет извещать их о своих планах и докладывать министру¹⁷. Розенберга, Геббельса и Лея на Вильгельмштрассе считали людьми более влиятельными, а потому более опасными.

Не принимали Риббентропа всерьез и иностранные дипломаты, работавшие в Берлине. 8 февраля 1934 года британский посол сэр Эрик Фиппс сообщил Саймону о неожиданном визите Риббентропа, который заявил, что разочарован предложениями Лондона по разоружению, и заговорил об англо-германском сотрудничестве в противовес Франции. Фиппс парировал: мир в Европе невозможен без взаимопонимания Лондона, Берлина и Парижа. Посол охарактеризовал визитера как «националиста, решившего покинуть тонущий корабль и присоединиться к нацистам до того, как те придут к власти» и как «агента для заграничной пропаганды», который не имеет ни серьезного влияния, ни официальных полномочий¹⁸.

Еще большее разочарование постигло Риббентропа во время визита в Берлин 20—22 февраля парламентского заместителя министра иностранных дел Энтони Идена. По инициативе Гитлера он пригласил Идена (с которым только что познакомился в Лондоне) на ужин в Далем, планируя организовать неформальную встречу с рейхсканцлером, но гость сообщил через посыльного, что занят. Пришлось довольствоваться ролью «лица без речей» на встрече в Рейхсканцелярии 20 февраля. На прием в британское посольство «торговца шампанским» тоже не пригласили¹⁹.

Дальше так продолжаться не могло. В один из мартовских дней 1934 года Риббентроп отправился к Гитлеру, для моральной поддержки захватив с собой Теннанта, который больше часа просидел в приемной. Из кабинета доноси-

лись отголоски разговора на повышенных тонах. Риббентроп вышел бледный: фюрер отказал ему в должности, не желая лишаться неофициального агента, который может действовать за спиной дипломатов, и считая, что этого положения вполне достаточно²⁰.

С горя Риббентроп поехал во Францию (по утверждению биографов, в конце 1933-го и начале 1934 года он побывал там не менее десяти раз). В воскресенье 4 марта его принял министр иностранных дел Луи Барту — ветеран дипломатических и политических интриг, гурман, библиофил и писатель. Другой его известной чертой была германофобия — правда, ограничивавшаяся сферой политики. Встречу, втайне от германского посольства, устроил бывший глава Муниципального совета Парижа Жан де Кастеллан. Барту принял гостя дома, подчеркивая неофициальный характер беседы, которую тем не менее подробно записал, а запись отправил в служебный архив и послу в Берлине Андре Франсуа-Понсе²¹.

Риббентроп, представившийся депутатом Рейхстага и другом фюрера, привычно заговорил о необходимости улучшения двусторонних отношений (недрузи сравнивали его с граммофоном, проигрывающим одну и ту же пластинку), чему мешают неравноправие Германии и предвзятое отношение Франции. Он даже попытался слегка дезавуировать внешнеполитические главы «Майн кампф», в которой Франция была названа главным врагом*, но Барту заметил, что в новых изданиях эти страницы остаются без изменений (он был одним из немногих французов, читавших «библию нацизма»). Перейдя к текущим проблемам, Риббентроп сказал, что Эльзас и Лотарингия останутся французскими, но Саар** должен быть немецким, однако собеседник «не вступил, точнее, не позволил втянуть себя

---

* Нечто подобное попробовал сделать сам Гитлер в беседе с де Бриноном 16 ноября 1933 года.

** По Версальскому договору (ст. 45—50 и приложения к ним), принадлежавший Германии Саар был на 15 лет передан в управление Лиге Наций (а его богатейшие угольные копи — «в качестве компенсации» — в эксплуатацию Франции), после чего его судьбу должен был решить плебисцит. 13 января 1935 года более 90 процентов населения Саара проголосовало за воссоединение с Германией.

в дискуссию». Упомянув приезд Идена в Берлин, визитер вернулся к идее прямых контактов, но Барту решительно заявил, что это — дело дипломатов. По воспоминаниям Риббентропа, хозяин «говорил гораздо больше о своей великолепной библиотеке и о Рихарде Вагнере [чем не предмет для беседы с Гитлером? — В. М.]... Когда речь зашла о политике, его реплики — правда, всегда любезные — сделались едкими [...] Рассказывая любовные истории из жизни знаменитых людей (тема, в которой он был большим знатоком), министр ловко обходил рифы на пути к какому-либо решению насчет равноправия Германии в вооружениях»²². После беседы он прислал гостю свою книгу «Любовная жизнь Рихарда Вагнера» с надписью: «В память о беседе, в которой Вагнер сыграл сближающую роль» (*En mémoire d'une conversation dans laquelle Wagner a joué le rôle de rapprochement*). Интересно, где сейчас этот экземпляр?..

В начале следующей недели Барту поинтересовался у германского посла, кто такой «месье Риббентроп», что он делает в Париже, кого представляет и как понимать визит, о котором его — главу внешнеполитического ведомства! — не сочли нужным предупредить. 7 марта Кёстер (не ошибемся, предположив, что он был раздражен и обескуражен) написал об этом Нейрату, добавив, что «по понятным мотивам он тоже хочет знать о характере визита Риббентропа и о причинах отказа от обычных каналов связи». Министр составил меморандум о вояжах «старого члена НСДАП [так! — В. М.], пользующегося особым доверием канцлера», отметив, что Барту общался с Риббентропом «в определенно саркастической манере» и отказался от любых контактов вне сферы традиционной дипломатии. «Г-н фон Риббентроп, — гласила последняя фраза, — еще не сообщил мне о своем последнем визите в Париж». Записка предназначалась рейхспрезиденту Гинденбургу. Несколько дней спустя начальник Президентской канцелярии Мейснер известил статс-секретаря МИДа Бернгарда фон Бюлова, что рейхспрезидент «не считает целесообразным прибегать к помощи подобных посредников». Бюлов немедленно телеграфировал Кёстеру эту, без сомнения, приятную для того новость и постарался довести ее до сведения Гитлера²³. Тем не менее Барту еще раз встретился с Риббентропом в доме владельца

газеты «Матэн»* Мориса Бюно-Варийя, оказавшись более разговорчивым, хотя и столь же несговорчивым. «Его неизменный ответ звучал так: прежде чем вести с нами переговоры по вопросу вооружений, он должен сначала упорядочить свои союзы со странами Восточной Европы»²⁴.

Гитлер, наконец, нашел своему советнику официальную должность. 18 апреля 1934 года Нейрат известил глав германских дипломатических миссий за рубежом, что «рейхспрезидент, в соответствии с пожеланием рейхсканцлера, назначил г-на Иоахима фон Риббентропа уполномоченным по вопросам вооружения. В этом качестве он подчиняется министру иностранных дел. Цель назначения — предоставить г-ну Риббентропу [без «фон»! — В. М.] возможность в официальном качестве вести переговоры по вопросам разоружения с министрами и официальными представителями других стран. Само собой разумеется, что он будет посещать министров или министерства в стране Вашего пребывания только в сопровождении главы миссии или исполняющего его обязанности и что посольство будет давать ему советы в отношении всех действий, в том числе неофициального характера, которые он может предпринять. Г-н фон Риббентроп, в свою очередь, будет информировать посла или исполняющего его обязанности о всех своих впечатлениях и наблюдениях, а в переговорах будет принимать во внимание советы и информацию, предоставленную нашими миссиями. О всех визитах, которые г-н фон Риббентроп может планировать, будет сообщено заранее»²⁵. Через пять дней в печати появилось официальное сообщение о его назначении «специальным уполномоченным по вопросам разоружения» (в приведенном выше письме Нейрат неправильно указал должность) — хотя Германия покинула международную конференцию по разоружению еще в конце 1933 года. Получение официального статуса, да еще с присвоением ранга чрезвычайного и полномочного посла, стало первой победой Риббентропа.

---

* *Le Matin* («Утро») — в 1920-е годы одна из четырех крупнейших французских ежедневных газет; в 1930-е ее популярность стала падать, тираж снизился с 1 млн до 300 тыс. экземпляров; в годы оккупации встала на сторону режима Виши.

Французский посол Франсуа-Понсе 24 апреля поинтересовался у военного министра генерала фон Бломберга, что всё это значит. «Назначение многих интригует, — ответил тот. — Считается, что оно указывает на новые планы, открывает глубокие намерения и означает начало новой фазы переговоров. На самом деле всё гораздо проще. Риббентроп хотел звания, должности, места; или скорее его жена, амбициозная и тщеславная, заставила его потребовать хоть чего-нибудь [...] Он больше не частное лицо, и это облегчает ему сношения с нашими дипломатическими представителями. Увидите, что назначение Риббентропа не имеет того значения, которое вы ему придаете». «Доволен ли Риббентроп?» — спросил посол. «Наполовину, — ответил генерал. — У него разыгрался аппетит. Он считает это временной должностью и рассчитывает сменить ее на место посла. Но это для него, бесспорно, слишком большой кусок. У него нет никаких шансов его получить!» Начальник 2-го отдела МИДа, ведавшего странами Западной и Южной Европы, а также вопросами Лиги Наций и разоружения, Герхард Кёпке, старый друг Нейрата, сообщил Франсуа-Понсе, что на Вильгельмштрассе назначение восприняли как «профессиональное оскорбление», что статс-секретарь Бюлов подбивал министра на протест, однако, поразмыслив, дипломаты успокоились, решив, что теперь «коммивояжер» будет связан служебной ответственностью и «менее опасен, чем раньше»²⁶.

Специальный уполномоченный получил несколько комнат в здании МИДа, но летом 1934 года ему удалось добиться предоставления бывшего прусского Государственного министерства на Вильгельмштрассе, 64, которая стала тесна занимавшему возглавлявшему ее Герману Герингу. В отечественной литературе руководимую им структуру принято называть «Бюро Риббентропа», хотя первоначальное, скромно звучащее название *Ribbentrop Büro* вскоре превратилось в более статусное *Ribbentrop Dienststelle*, то есть организация или агентство. Формально возглавляемая Риббентропом служба имела статус Штаба связи НСДАП (*Verbindungsstab der NSDAP*) в составе Штаба заместителя фюрера по партии и являлась группой экспертов по внешнеполитическим вопросам. К концу 1934 года там было

14 сотрудников (8 экспертов, 2 адъютанта и 4 секретаря), в 1935 году — 33, в 1936 году — 150 при бюджете в 10 миллионов марок из партийной кассы²⁷. В июне 1935 года бюро получило казенное название Управление по внешнеполитическим специальным вопросам (*Amt für außenpolitische Sonderfragen*), оставаясь в составе все того же Штаба заместителя фюрера, из фондов которого оно формально и финансировалось. Впрочем, финансы Риббентропу поступали также из специального фонда А. Гитлера, из имперского бюджета, а с 1936 года еще и из Фонда германской экономики Адольфа Гитлера.

Кадровые дипломаты презирали «дилетантскую контору» и не стремились туда. Вокруг Риббентропа собрались, возможно, случайные, но своеобразные и одаренные люди, которые едва ли могли бы сделать карьеру обычным путем. Папен аттестовал их как «безработных журналистов, молодых коммивояжеров, не добившихся успеха за границей, и нацистов, искавших кратчайший путь на дипломатическую службу». «Персонал "бюро", — вторил ему титулованный дипломат из «старой гвардии», — составляли выходцы из всех слоев общества, но главным образом молодые люди, у которых было больше опыта в карьеристском рвении, нежели квалификации и такта»²⁸.

Риббентроп искал таланты повсюду, руководствуясь принципом «дайте им шанс». Обладавший широким кругозором, но неглубокими знаниями в сфере мировой истории и политики, он сделал ставку на энергичных и предприимчивых людей в возрасте от тридцати до сорока лет, нередко с учеными степенями. «Применяя к политической работе коммерческие принципы, Риббентроп оценивал сотрудников по их инициативам и результатам»²⁹.

---

* Из книги в книгу кочует такой пример «безграничного невежества» Риббентропа: слушая доклад о событиях на Дальнем Востоке, в котором прозвучало слово «Симоносэки», он спросил: «Кто это такой? Что-то не припомню» и получил ответ, что это не «кто», а «что» — город, где в 1895 году был подписан мирный договор между Японией и Китаем. Интересно, кто из министров иностранных дел того времени (кроме японского и китайского) точно знал, что такое «Симоносэки»? Ллойд Джордж, уже будучи премьером, считал «Харьков» фамилией русского генерала.

Ключевой фигурой бюро стал бывший военный летчик Герман фон Раумер, ровесник шефа, отвечавший за восточное направление. Францию курировал будущий посол в оккупированном Париже Отто Абец — энергичный преподаватель рисования, женатый на француженке и занимавшийся организацией встреч молодежи двух стран³⁰. Отставной офицер Ганс-Георг Штамер взял на себя контакты с организациями ветеранов войны (Риббентроп закрыл глаза на то, что тот был масоном). В политической жизни Англии хорошо ориентировался профессор граф Карлфрид Дюркхейм, принятый на работу по рекомендации Гесса, несмотря на не вполне «арийское» происхождение³¹. Польшей и Россией занимался уроженец Восточной Пруссии доктор Петер Клейст, владевший обоими языками, — его также назначили управлять Германской высшей школой политики. За связь с прессой отвечал Рудольф Ликус — одноклассник шефа, отличавшийся талантом к добычанию информации. Упомянем и Ленкеринга, познакомившего Теннанта с нацистами.

Ценнейшим приобретением бюро оказался профессор Альбрехт Хаусхофер, директор Института политической географии и геополитики в Берлине. Он был не только энциклопедически образованным ученым, но сыном «отца геополитики» Карла Хаусхофера (влияние которого на политику Рейха невероятно преувеличено) и другом «наци номер три» Рудольфа Гесса, учившегося у Хаусхофера-старшего и защитившего фрау Марту Хаусхофер от преследований из-за «неарийского» происхождения.

Консерватор и пангерманист, Карл Хаусхофер в 1920-е годы поддерживал, как и Риббентроп, Немецкую народную партию и политику Штреземана, позже — нацистов, рассчитывая если не влиять на принятие решений, то хотя бы внушить им необходимость «геополитически подготовить каждого гражданина к его геополитической ответственности» и «учить читать карты». Это выражение из статьи «О геополитике» (1931) Хаусхофер в конце 1945 года повторил американцам, которые допрашивали его об отношениях с Риббентропом. На вопрос: «Что вы имеете в виду под чтением карт?» — он ответил коротко: «Я учил его базовым политическим принципам». Видя в геополитике «один из

самых удобных и точных политических инструментов для фиксации и измерения распределения могущества (силы) в пространстве, на поверхности земли» и «ключ к игре сил, которые непосредственно влияют на наше настоящее и будущее», Хаусхофер подчеркивал надпартийный, идеологизированный характер этой науки, которая «должна быть одинаково верной для крайне левых и для крайне правых», поэтому считал профанацией использование ее понятий вроде «жизненного пространства» в пропагандистских целях³².

Чем конкретно занималось бюро кроме того, что служило постаментом честолюбивому боссу? Ответить на этот вопрос не так просто из-за отсутствия у него четко определенных задач, недостатка сохранившихся документов и разнобоя в свидетельствах мемуаристов. Порой его называют «параллельным» МИДу, что верно лишь отчасти. Абец утверждал, что в нем не было никакой «бюрократии», другие говорят о «хаосе». Риббентроп позиционировал себя как главного советника фюрера по международным вопросам, всегда готового дать любой совет или справку, поэтому первой его обязанностью были сбор и обработка информации. Помимо газет и дипломатической переписки (Риббентроп получил доступ к ней в августе 1934 года) важнейшим источником стали приезжавшие в рейх иностранцы, которых бюро тщательно опекало. Дипломаты сторонились непонятной организации, но с ней охотно контактировали журналисты (большая часть интервью Гитлера была организована именно бюро), литераторы, общественные деятели, спортсмены и просто любопытствующая публика. Конечно, бюро не могло конкурировать с ведомством доктора Геббельса, но уделяло пропаганде все больше внимания, вызывая растущую неприязнь министра пропаганды к «торговцу шампанским» (чувство было взаимным). Неконкретные, но многозначительные обвинения «Бюро Риббентропа» в «грязной работе», которой якобы чурался МИД, следует признать бесосновательными. Оно поддерживало контакты с праворадикальными и пронацистскими организациями за границей, вроде бельгийских рексистов, но, скажем, судетских немцев опекали партийные круги и Вильгельмштрассе.

Основные географические направления деятельности Риббентропа остались прежними. 16 июня 1934 года он снова встретился с Луи Барту, о чем раструбили газеты: германские с восторгом, французские с осуждением. Министр тут же разъяснил, что беседа имела сугубо частный характер, поскольку собеседник не имел официальных полномочий³³.

Девятого октября в Марселе Барту и югославский король Александр были убиты хорватскими националистами. 2 декабря Риббентропа принял преемник убитого на посту главы МИДа Пьер Лаваль — на сей раз по формальной просьбе германского посольства: на этом настоял министр, замученный вопросами депутатов и газетчиков о характере деятельности нашего героя и его эмиссаров во Франции. «Ничего интересного разговор не дал, — информировал Лаваль британского посла. — Французское правительство выслушает любое предложение, но оно должно идти через нормальные [дипломатические. — В. М.] каналы»³⁴. В отчете Гитлеру беседа была представлена в радужном свете, но факт остается фактом: будущего «главного коллаборациониста» дружба с рейхом на тот момент не волновала.

Неудачи в официальных кругах отчасти компенсировались успехами на общественной ниве. В конце июля 1934 года Гитлер, по инициативе Риббентропа, в очередной раз принял де Бринона, а 2 ноября — Жана Гуа, депутата и лидера влиятельной ветеранской организации Национальный союз участников войны (*l'Union nationale des combattants*). Его коллега Анри Пишо, глава конкурирующего Федерального союза участников войны (*l'Union fédérale des anciens combattants*), тоже зачастил в рейх. Депутат от Парижа Жорж Скапини, потерявший на войне зрение, в марте 1935 года был личным гостем фюрера, который, как известно, пережил временную слепоту в результате отравления газами. Бывал Скапини и у Риббентропов, запомнившись детям: «Достоинство, с которым этот человек сносил удар судьбы, впечатляло, как и его неподдельное стремление предотвратить повтор тех событий, которые лишили его зрения»³⁵. В конце ноября — начале декабря 1934 года Гуа, Пишо и Скапини принимали Риббентропа в Париже.

Немецкие ветераны собрались во Францию с ответным визитом под лозунгом «Вчера — враги, сегодня — товарищи, завтра — друзья», но общие усилия французских и британских дипломатов сорвали поездку³⁶.

Для развития двусторонних отношений усилиями Риббентропа были созданы Германско-французское общество (25 октября 1935 года) во главе с ректором Высшего технического училища в Берлине-Шарлоттенбурге Ахимом фон Арнимом и Комитет Франция—Германия (22 ноября 1935 года), который возглавил отставной майор л'Опиталь, бывший адъютант маршала Фердинанда Фоша, при фактическом руководстве де Бринона. С германской стороны преобладали нацистские бонзы вроде Риббентропа, имперского министра юстиции Франца Гюртнера и главного юриста партии Ганса Франка; с французской — интеллектуалы, включая популярных писателей Пьера Дриё ла Рошеля, Поля Морана и Жюля Ромена, призывы которого к нормализации отношений в книге «Чета Франция—Германия» банально объясняли «поправением». Заметную роль играли Гуа, Пишо и Скапини, сменивший л'Опиталья. Комитет Франция—Германия пользовался поддержкой всех французских правительств, включая социалистический кабинет Леона Блюма, поэтому правоверные нацисты считали его «органом Кэ д'Орсэ», то есть МИД Франции³⁷.

Главные успехи и провалы, как оказалось, ждали Риббентропа по другую сторону Ла-Манша. В начале мая 1934 года, уже будучи «уполномоченным», он появился в Лондоне, наделав шума заявлением о том, что приехал по делам бизнеса, но будет принят Иденом и Саймоном (Макдональд и Болдуин от встречи отказались). 10 мая гость проиграл им «пластинку» о необходимости равноправия и пользе сотрудничества. Посоветовав не интриговать прессу, хозяева поинтересовались, собирается ли Германия вернуться в Лигу Наций и что конкретно она может предложить. Посол Хёш сообщал в Берлин, что Саймон, «которому вся эта беседа была не по душе», подверг Риббентропа «перекрестному допросу — излюбленный прием для нежеланных гостей». В разговоре с Ванситтартом Иден назвал эмиссара рейха «нахальным и грубым выскочкой» (эти слова сохранил для истории журналист Вернон Барт-

летт), а в мемуарах сухо заметил: «Ему не хватало умственных способностей, чтобы понять другие страны, даже если он мог воспользоваться однажды полученными знаниями. У него не было воображения»*³⁸. Последнее звучит странно, ибо воображения нашему герою как раз хватало.

Следующим пунктом маршрута стал Рим. 18 мая Риббентроп встретился с Муссолини. Дуче, возглавлявший по совместительству МИД, заявил, что «разоружение — мертво», что весь мир вооружается, поэтому ремилитаризация Германии его особо не волнует, предоставив технические детали статс-секретарю Фульвио Сувичу, выходцу из семьи триестских евреев, «исключительно уравновешенному и связанному личной дружбой со многими ведущими политиками Европы»³⁹. 29 мая Риббентроп докладывал об итогах поездок престарелому президенту Паулю фон Гинденбургу — видимо, это была их единственная официальная встреча.

В августе Риббентропа пригласил в свое поместье газетный магнат лорд Ротермир**. Как борец с коммунизмом лорд присматривался к Гитлеру, но главным предметом его внешнеполитических забот была... Венгрия: он призывал державы мирным путем изменить ее послевоенные границы, пока венгры не сделали это силой оружия. Империалист старой школы, Ротермир был активным сторонником вооружения Британии, считая, что она должна заниматься прежде всего своей империей и полагаться только на себя⁴⁰. Риббентроп ему нравился, и он представил гостя известным, хоть, может, и не слишком влиятельным персонам «высшего света». Знакомство с братом королевы Александром Кембриджем графом Этлоном и сыном Георга V герцогом Георгом Кентским льстило самолюбию «фона». Экс-министры иностранных дел консерватор сэр Остин Чемберлен и лейборист Артур Гендерсон присматривались

---

* По поводу мемуаров Идена, озаглавленных «Смотря диктаторам в лицо» (Facing the Dictators), британский историк А.Тэйлор скаламбурил: «Иден не смотрел диктаторам в лицо. Он корчил им рожи» («Eden did not face the dictators. He pulled faces at them»).

** В отечественной исторической литературе его принято называть именно так. Его полное имя Гарольд Хармсуорт 1-й виконт Розермир из Хемстеда в графстве Кент.

к энергичному новичку. Бернард Шоу искал нового слушателя (или объекта) для своих острог...

В начале осени Риббентроп и Теннант организовали поездку группы влиятельных британских бизнесменов в Берлин. 20 сентября 1934 года их принял президент Рейхсбанка Ялмар Шахт, днем позже — Гитлер, который был по обыкновению многословен, но откровенен и доброжелателен. Риббентроп дал в Далеме ужин в честь делегации. По возвращении в Лондон деловые люди хотели рассказать об увиденном и услышанном министру торговли лорду Ренсимену, но тот объявил, что слишком занят, и положил под сукно записку Теннанта⁴¹.

За этим последовало трехнедельное пребывание Риббентропа в Лондоне с очередным «частным визитом». Встречи с Иденом и Саймоном 12 и 13 ноября (главными темами были грядущий плебисцит в Сааре и вопросы разоружения) ничего нового не дали, но вызвали запрос в Палате общин. Иден ответил: «Ничего выходящего за пределы дружеской беседы не было: ни новых предложений, ни новых фактов», — а в мемуарах и вовсе проигнорировал это событие. Готовясь к выступлению в парламенте 28 ноября, Саймон записал: Риббентроп «заверял нас в мирных намерениях Германии. Никаких намеков, что он может сказать что-то еще. Германия представлена здесь самым компетентным послом — не думаю, что в интересах хороших англо-германских отношений стоило бы вести дела за его спиной»⁴².

Для характеристики отношений Леопольда фон Хёша с Риббентропом лучше всего подходит выражение «кость в горле» (или «заноза» в другом месте)*. Что это был за человек, имя которого известно сегодня лишь специалистам? Колоритный портрет посла оставил его советский коллега Иван Майский: Хёш «принадлежал к числу лучших представителей германской дипломатии догитлеровской эпохи. Буржуазный демократ по своим взглядам, он был хорошо образован, имел прекрасные манеры, в совершенстве

---

* Путиц утверждал, что неприязнь Риббентропа к Хёшу началась в бытность последнего послом в Париже, тогда он не приглашал «торговца шампанским» на приемы в посольство. Аналогичные объяснения давались и не любви Риббентропа к Нейрату, когда тот был послом в Лондоне.

владел английским и французским языками и отличался исключительной памятью. [...] У Хёша было много друзей среди виднейших представителей германской интеллигенции, и не меньшее количество друзей он сумел завоевать в кругах английской интеллигенции. [...] Мои личные отношения с Хёшем все время были хорошие. Хотя по воспитанию, вкусам, опыту, умонастроению Хёш чувствовал себя ближе к "западному" направлению германской дипломатии, он ясно сознавал огромную важность для его страны добрых отношений с Советским Союзом. В этом духе он не раз высказывался в наших беседах и одновременно выражал желание работать в Лондоне в контакте со мной... Потом пришел Гитлер, и положение круто изменилось... Но наши личные отношения с Хёшем остались прежними. [...] [Он] всячески старался подчеркнуть, что, несмотря на свою службу Гитлеру, в глубине души он продолжает оставаться самим собой». Майский редко расточал комплименты «буржуазным дипломатам», поэтому здесь напрашивается единственное объяснение: он готовил читателя к «встрече» с Риббентропом, которого изобразил одной черной краской.

Майский охарактеризовал положение Хёша как «исключительно трудное»: «Он был назначен в Лондон в октябре 1932 года [на смену Нейрату, ставшему министром. — В. М.] [...] и остался германским послом и при Гитлере. Он как-то объяснил мне, что его побудили к этому патристические соображения: он-де хотел служить интересам своего отечества независимо от того, каково стоящее в данный момент у власти правительство. Возможно, что эти соображения играли известную роль, но думаю все-таки, что дело было не так просто и благородно. Несомненно, большое значение имели иные расчеты — забота о карьере. Весьма вероятно также, что на первых порах Хёш, как и многие другие в то время, не верил в долговечность Гитлера и рассуждал так: перебыюсь год-два [тем более за границей. — В. М.], а там "наци" выдохнутся, и все постепенно вернется к старому»⁴³.

П. Шварц вспоминал слова Хёша, сказанные ему перед самым приходом Гитлера к власти: «Нам предстоит пройти через горячий, но краткий период чистилища в виде на-

цистского господства. У них настолько детские представления о внешней политике и международных отношениях, что они скоро свернут себе шею. Есть одно верное правило поведения во время землетрясения — ждать, пока оно закончится»⁴⁴. Посол ошибся — видимо, потому что не знал настоящих землетрясений.

«Как бы то ни было, — продолжал Майский, — но Хёш сохранил свой пост, и тут-то началась его трагедия. Хёш никогда не был, да по самому существу своему и не мог быть "наци", а служить ему приходилось гитлеровскому правительству. "Наци" Хёшу явно не доверяли, однако до поры до времени они считали неудобным заменить его кем-либо из "своих", опасаясь враждебной реакции со стороны Англии. Вместо этого "наци" решили использовать Хёша в своих интересах, использовать его связи, авторитет и влияние в политических кругах Великобритании, которые действительно были велики».

Использовали его и англичане: Саймон и Иден не только отговорили Макдональда от встречи с Риббентропом, но еще и пожаловались на него Хёшу, «дружески» посоветовав добиться прекращения подобных визитов. 16 ноября посол сообщил об этом Нейрату (чувства обоих нетрудно представить), многозначительно добавив, что не видит пользы «от любых попыток прямых контактов через г-на фон Риббентропа». Днем позже министр переслал это письмо Гитлеру, заметив, что в Англии визит оценен как «полный провал»⁴⁵.

Фюрер проигнорировал обе жалобы, потому что усилия Риббентропа привели к нему интересных визитеров из Туманного Альбиона: 19 декабря его гостями были Ротермир с сыном, Теннант и Уорд Прайс⁴⁶. 25 января 1935 года собеседником диктатора стал барон Клиффорд Аллен Хартвудский, пацифист и друг премьера Макдональда. 29 января Гитлер беседовал с влиятельным консервативным политиком маркизом Филиппом Лотианом, в августе — с другим влиятельным тори Лео Эмери. Лотиан считался умеренным германофилом и подробно рассказал о своей поездке на страницах «Таймс», Эмери — умеренным германофобом, но оба, принадлежа к «группе Родса—Милнера», превыше всего ставили интересы Британской империи (и,

конечно, свои собственные!), а уж потом — европейские дела⁴⁷. Многие из них побывали и на вилле в Далеме.

Гитлер был доволен действиями своего протеже и решил ему послать представителя бюро на закрытые совещания МИДа. Нейрат не собирался сдаваться без боя и 19 января 1935 года отправил Риббентропу максимально резкое в допустимых официальном делопроизводстве пределах письмо: «Я должен категорически отказать в информировании Вас об инструкциях, которые я или статс-секретарь даю прессе, за исключением, разумеется, вопросов разоружения, материалы по которым регулярно поступают к Вам. Одновременно я считаю нужным отметить, — перешел министр в атаку, — что Вы в последнее время более не считаете нужным информировать меня, как это специально приказал канцлер, о действиях, которые Вы осуществляете по его указанию, в сфере внешней политики. [...] Позвольте просить Вас время от времени возвращаться к обычному порядку»⁴⁸.

Риббентроп проглотил и эту «пилюлю», но ничего не забыл.

4

1935 политический год начался если не с землетрясения, то с сейсмических толчков. Январский плебисцит в Сааре, прошедший под контролем Лиги Наций без каких-либо нарушений, абсолютным большинством голосов решил будущее области в пользу рейха. На 6 марта был запланирован визит Саймона и Идена в Берлин, но 4 марта британское правительство выпустило «Белую книгу» с оправданием модернизации своей армии перевооружением Германии и возрождением там милитаристского духа. Гитлер тут же известил англичан, что во время поездки по Саару сорвал голос, поэтому визит придется перенести. «Г-н фон Риббентроп конфиденциально признал, — сообщал из Берлина посол Фиппс, — что г-н Гитлер болен наполовину горлом, наполовину «Белой книгой»»⁴⁹.

«Публикация планов перевооружения в «Белой книге» поразила общественное мнение и, конечно, взбесила Лигу Наций, — сообщил 9 марта британский министр финансов Невилл Чемберлен сестре Хильде. — Оппозиция будет ис-

пользовать всё это в полной мере, что ожидаемо. Я ни о чем не жалею. Если мы не отказываемся от идеи перевооружения, мы обязаны показать крупное повышение ставок и оправдать себя. Полагаю, в настоящее время все признают, что "Белая книга" была необходима и своевременна. Этот вредный зануда Риббентропп [так! — В. М.], думаю, убедил Гитлера, что Саймон был уже готов заключить англо-германское соглашение. Если это так, он был бы, конечно, горько разочарован, и хорошо, что, когда переговоры действительно начинаются, они будут основываться на реальном положении вещей»⁵⁰.

Шестого марта Франция восстановила двухлетний срок обязательной военной службы, а днем позже объявила о продлении военной конвенции с Бельгией. 9 марта министр авиации Герман Геринг официально оповестил мир о существовании у рейха — вопреки версальскому запрету — военно-воздушных сил (люфтваффе). 16 марта фюрер заявил о восстановлении военной независимости Германии, введении всеобщей воинской повинности. Это был последний шаг, превративший стотысячный рейхсвер в вермахт* — современную армию, не уступавшую другим европейским вооруженным силам. Французы попытались мобилизовать союзников, но тщетно. Муссолини ограничился формальным протестом. Англичане тоже протестовали, но не отказались от визита: этот факт был для Гитлера важнее любых итогов переговоров. Он показывал, что мирный пересмотр дискриминационных положений Версаля в принципе возможен, даже несмотря на осуждение действий Германии со стороны Лиги Наций⁵¹.

Переговоры проходили 25—26 марта 1935 года с участием семи человек: Саймона, Идена, Фиппса, Гитлера, Нейрата, Риббентропа и главного переводчика МИДа Пауля Шмидта⁵². С германской стороны говорил только фюрер. Риббен-

---

* В октябре 1934 года на базе семи существовавших пехотных дивизий (еще было три кавалерийские) была сформирована 21 дивизия, при этом численность армии выросла до 240 тыс. человек, а штабы существовавших дивизий/округов преобразованы в штаб корпусов/округов. По Закону о создании вермахта 1935 года были созданы 36 дивизий, объединенные в 12 армейских корпусов.

троп остался «лицом без речей», Нейрат тоже. Отсутствие Бюлова породило толки, что он в опале и будет отправлен в отставку, а должность статс-секретаря займет Риббентроп. Бюлов был болен, и наш герой попытался этим воспользоваться, так что некоторые основания у слухов были. «МИД трепещет от мысли о том, — телеграфировал Фиппс еще 23 февраля, — что г-н фон Риббентроп получит должность, особенно если это будет должность барона фон Нейрата»⁵³.

Саймон слушал внимательно и доброжелательно, Иден внимательно и настороженно. Гитлер был любезен, но не так предупредителен, как год назад. Главным итогом стало согласие англичан начать переговоры о морских вооружениях после предложения фюрера о том, что тоннаж германского военно-морского флота будет составлять 35 процентов от британского (включая доминионы). Это означало не только признание лидерства Британии на морях, но и возможность для рейха увеличить общий тоннаж флота в три раза (!), а по кораблям основных классов — более чем в два, вопреки ограничениям Версальского договора (ст. 181—191)⁵⁴. Гитлер еще в январе подкинул эту идею лорду Лотиану, но реакции не последовало. 21 мая он озвучил ее в Рейхстаге вместе с предложением запретить ядовитые газы и зажигательные бомбы. «Тот, кто зажигает в Европе факел войны, стремится лишь к хаосу», — заключил он⁵⁵.

Попытки Берлина «избавиться от оков Версальского диктата» не могли остаться без ответа. Для обсуждения германской угрозы главы правительств и внешнеполитических ведомств Великобритании (Рамсей Макдональд и Джон Саймон), Франции (Пьер Этьен Фланден и Пьер Лаваль) и Италии (Бенито Муссолини, занимавший оба поста) собрались 11—14 апреля 1935 года в итальянском городке Стреза. Они заявили о непризнании изменений мирных договоров и дали понять Гитлеру, что не допустят объединения Австрии с рейхом: именно на это была направлена предпринятая нацистами попытка переворота в Вене 25 июля 1934 года, стоившая жизни федеральному канцлеру Энгельберту Дольфусу, другу и союзнику дуче. Однако итоговое заявление по настоянию англичан было составлено в обтекаемых выражениях, чтобы не беспокоить ни Гитлера, ни собственный парламент. Муссолини понял, что

Англия и Франция не помогут ему против Германии, но и не помешают готовившейся аннексии Абиссинии⁵⁶.

Две недели спустя, 2 мая в Париже Лаваль подписал советско-французский договор о взаимной помощи. 16 мая аналогичный пакт был заключен между Москвой и Прагой при французском посредничестве, поскольку Францию и Чехословакию еще с 1924 года связывал союзный договор.

Гитлер понял, что время не ждет. 25 мая он известил Париж, Лондон, Рим и Брюссель, что считает советско-французский договор нарушением заключенных с ними в октябре 1925 года Локарнских соглашений, по которым Германия признала нерушимыми свои западные границы. Первыми — только через месяц! — дали ответ французы (25 июня), затем англичане (5 июля), итальянцы (15 июля) и бельгийцы (19 июля)⁵⁷. О готовности к диалогу это явно не свидетельствовало.

Первого июня Риббентроп был назначен главой делегации на переговорах с Англией по морским вооружениям и получил ранг чрезвычайного и полномочного посла по особым поручениям. На следующий день он прибыл в Лондон и разместился в фешенебельном отеле «Карлтон», над входом в который развевался непривычный для лондонцев флаг со свастикой. Вильгельмштрассе выделило ему в помощь начальника Правового отдела Фридриха Гауса и опытных дипломатов Эрнста Вёрмана (знакового Риббентропа с 1920-х годов и его постоянного сотрудника в будущем) и Ганса Фровейна. Флот представляли контр-адмирал Карлгеорг Шустер и капитан 2-го ранга Ганс Кидерлен, которым помогал военно-морской атташе в Англии капитан 1-го ранга Эрвин Васснер. Шмидт переводил: Риббентроп сказал, что мог бы обойтись и без переводчика, но предпочитает концентрироваться на сути дела, а не на тонкостях грамматики.

Между ним и Хёшем установился корректный «нейтралитет»: глава делегации и посол настолько дистанцировались друг от друга, что 3 июня, во время парада в честь дня рождения короля, стояли на противоположных концах посольской террасы в окружении своих приближенных. Ссылаясь на то, что англичане повсюду установили подслушивающие устройства, Риббентроп приказал участникам переговоров хранить их содержание в строжайшей тайне

даже от посла. Шепотом передавалась история о том, что военно-морской атташе смог проинформировать его о происходившем, только уединившись с ним то ли в туалетной комнате, то ли в гардеробной во время одного из приемов.

С британской стороны переговоры вели заместитель начальника Морского штаба вице-адмирал Чарлз Литтл и дипломат Роберт Крейги, участвовавший в международных форумах по самым разным проблемам, включая... охрану слонов и носорогов в Африке (такая конференция проходила в Лондоне в 1914 году).

Работа началась утром 4 июня⁵⁸. Открывший заседание Саймон заявил, что соотношение 100:35 — не догма и что его страна будет исходить из своих реальных нужд, а затем предложил перейти к обмену мнениями. Риббентроп ответил, что для Германии приемлемо только такое соотношение, как основа «нерушимых и твердо установленных отношений» и что это не предмет торга, а окончательное решение фюрера, который «мыслит длительными историческими периодами». Оторопевший министр заметил, что подобные условия можно выдвигать только в конце переговоров, но не в начале, и покинул совещание для консультации с премьером. Правда, удивление Саймона трудно признать искренним. Во время приезда Фландена и Лавала в Лондон в феврале 1935 года для консультаций он сразу предложил приступить к обсуждению окончательного текста коммюнике. Вот французы, те, действительно, удивились...

«Риббентроп, как гласит британская запись, выразил разочарование тем, что британское правительство не восприняло великое историческое решение рейхсканцлера как само собой разумеющуюся основу для настоящих переговоров. Германская делегация прибыла в Лондон не для того, чтобы навязывать требование о 35%; она приехала, руководствуясь не подлежащим изменению решением рейхсканцлера, с искренним желанием заключить долгосрочное и широкомасштабное соглашение, которое сблизит стороны и примет во внимание их жизненные интересы».

По поводу удивления собеседников он заявил не менее решительно: «Придется привыкнуть к тому факту, что Германия как свободная и суверенная великая держава имеет право требовать то, что положено великой державе [...]

Прежде чем речь может пойти о каком бы то ни было соглашении, Германия создаст основу для участия в будущих международных переговорах на тех же условиях, что и другие страны». Наконец, «если британское правительство примет предложение рейхсканцлера, это не только упростит ограничение вооружений и позволит избежать нового бремени, но и сделает возможным более легкое разрешение остальных военно-морских проблем на основе великодушного предложения Германии».

После обеда работа возобновилась во вполне дружеской обстановке, но Риббентроп предложил впредь ограничиваться одним заседанием в день. Крейги поинтересовался, будет ли Германия придерживаться предложенного соотношения, если третья страна (речь шла прежде всего о Франции) увеличит свой флот, а Британия — нет. Риббентроп ответил, что рейх в принципе готов руководствоваться мощью британского флота и достичь на этой основе соглашения, после которого Франция едва ли сможет оправдать наращивание своих вооружений. Англичане попытались заговорить о необходимости согласовать решения конференции с другими странами, но Риббентроп воспротивился этому.

На следующий день Крейги напомнил содержание имеющихся договоров о морских вооружениях. Риббентроп выслушал «историческую справку», а затем прямо спросил, когда будет дан ответ на вчерашний вопрос, пояснив, что на Троицын день (9 июня) он должен вернуться домой. После обеда Крейги явился к нему в отель уточнить формулировки германских предложений для доклада правительству: делегаты и штаб флота рекомендовали принять предложение Гитлера.

«Национальный» кабинет Макдональда собрался утром 6 июня в последний раз — согласно заранее достигнутой договоренности, премьер уходил в отставку и передавал дела лидеру консерваторов Стэнли Болдуину. Преемником Саймона был намечен сэр Сэмюэль Хор, занимавший пост министра по делам Индии и входивший, подобно Саймону, во внешний круг «группы Родса—Милнера». Министры согласились с мнением делегатов. В пять часов вечера в Адмиралтействе состоялся последний «большой выход» Саймона в качестве главы Форин Оффис — он сообщил,

что правительство приняло предложение установить соотношение британского и германского флотов 100:35 как «окончательное и постоянное».

Переводчик Шмидт позже признался, что не поверил своим ушам. Поблагодарив британского министра, «Риббентроп повторно выразил надежду, что соглашение, достигнутое благодаря великой дальновидности германского канцлера и ставшее итогом его серьезного и искреннего желания твердо установить дружбу между Великобританией и Германией, покажет себя в будущем как благословение для обоих народов. Он счастлив, что принимал участие в столь историческом решении». Саймон произнес несколько вежливых банальностей и откланялся. Эксперты взялись за подготовку документов, утверждение которых было отложено до 15 июня. Риббентроп счел, что его миссия выполнена — причем блестяще — в детали вникать уже не стал и отправился на доклад к фюреру.

Во время каникул он успел пообщаться с лордами Роттермиром и Лотианом, но главным успехом стало личное знакомство с принцем Уэльским (будущим королем Эдуардом VIII) и его подругой американкой Уоллис Симпсон. Как раз 11 июня принц выступил перед членами Британского легиона, собиравшимися в Германию. «По этому случаю он произнес речь, в которой высказал мысль: никто не способен содействовать развитию добрых отношений между Англией и Германией сильнее, чем люди, которые когда-то находились в окопах друг против друга»⁵⁹.

В Лондон Риббентроп вернулся 13 июня, и на следующий день переговоры возобновились. Акцентируя внимание на привязке германского тоннажа к британскому, он попросил зафиксировать волю Англии продолжать политику «непоощрения», то есть сдерживания других держав в наращивании морских вооружений. Крейги согласился, но 17 июня, когда договоренность о подписании документа была достигнута, возникло новое препятствие: англичане предложили обусловить его вступление в силу согласием других участников Версальского договора, прежде всего Франции и Италии. «У меня, — вспоминал Риббентроп, — произошла в отеле "Карлтон" серьезная стычка с сэром Робертом Крейги, и я сказал ему: "Весьма сожалею, но мне

придется отправиться домой, сознавая, что по отношению ко мне англичане слова своего не сдержали!"»⁶⁰, имея в виду официальное заявление Саймона от 6 июня. По свидетельству Рудольфа фон Риббентропа, «от дружественной стороны отец тогда получил информацию, что Ванситгарт протестовал против немедленного вступления соглашения в силу и что затруднения в день перед подписанием возникли благодаря его вмешательству»⁶¹.

Действия Риббентропа можно называть упорством, можно грубым шантажом, кому как нравится, однако он достиг цели. «Часто занятая вначале позиция предрешает успех переговоров. Возможностей много — от жесткого выдвижения своих требований вплоть до мягкой, скрывающей истинные цели манеры ведения переговоров. Все решает успех, и здесь он был однозначен!»⁶²

Соглашение было заключено 18 июня 1935 года, в 120-ю годовщину битвы при Ватерлоо, в здании Форин Оффис в виде обмена нотами между Хором и Риббентропом, без какой-либо торжественной церемонии (в мемуарах британский министр объяснил, что сделал это специально, не желая потакать «тщеславию» гостя). Хор подтвердил, что его страна будет прилагать усилия к поддержанию равновесия морских вооружений и что сегодня же о соглашении будут оповещены Палата общин (в виде «Белой книги») и страны — участницы Вашингтонского договора (США, Франция, Япония и Италия). Дополнительным и очень серьезным успехом Риббентропа стало формальное признание за Германией права на равный с Британией тоннаж подводного флота (которого по Версальскому договору она была лишена полностью!), правда, с оговоркой, что пока он не будет превышать 45 процентов британского.

Перед отъездом из Лондона, 23 июня, Риббентроп заявил: «Я рад, что переговоры по морским вопросам завершились удачно. Англо-германское соглашение стало возможным только благодаря широте взглядов и понимающему отношению обеих сторон — британского правительства и германского канцлера. После годов конференций, переговоров, разъездов министров из столицы в столицу это первое реальное достижение, первый шаг к ограничению вооружений.

Полагаю, что в прошлом Европа совершила ошибку, берясь за все сразу. Были сделаны две конкретные ошибки. Во-первых, люди хотели урегулировать всё за один раз, вместо того чтобы браться за проблемы по очереди, и во-вторых, что хуже, пытались разрешить все проблемы всех стран одновременно и за одним столом. Это называется системой коллективного мира. Но я думаю, что это попытка запрячь телегу впереди лошади.

Германия тоже хочет системы мира, настоящей системы мира, основанной на фактах дружбы, а не на теориях. Это должно лежать в основе любой Лиги Наций. Но Германия убеждена, что мы можем прийти к этому только постепенно, и верит в разрешение жизненно важных проблем европейских государств действием, даже если это начинается с двусторонних, а не многосторонних переговоров, которые ничего не дают Европе.

Уверен, что морское соглашение — начало практической мирной политики. Оно раз и навсегда разрешает жизненно важную проблему между Германией и Британией. Соперничества на море больше не будет. Радостно думать, что это значит для двух великих стран.

Но я убежден, что это лишь одна сторона дела. Другой основной результат переговоров в том, что мы сломали лед застывшей ситуации в Европе. Атмосфера умиротворения, которая должна логично последовать за этим, откроет путь для решения остальных проблем, и таким образом данное соглашение может стать краеугольным камнем подлинного объединения Европы.

Думаю, что в усилиях сохранить культуру нашего старого мира Британия, Франция, Германия и другие европейские страны должны объединиться. Мы верим в сильную Европу и в сильную Британскую империю. Скажу больше. Я прочитал в одной из вчерашних газет, что Германия попыталась вбить клин между Францией и Британией. Должен сказать, что мы в Германии отказываемся понимать эти нелепые инсинуации, которые кажутся мне болтовней людей, неспособных освободиться от довоенного, если не допотопного мышления. Полагаю, нам всем следует попытаться быть мудрыми и забыть внутренние раздоры старого света. Если мы желаем возрождения Запада, как сказал

в своей речи канцлер Гитлер, мы должны учиться мыслить шире и верить в это.

Наконец, вы хотите знать, каков может быть следующий шаг. Позволю себе личное замечание. Некоторые говорят, что я избрал целью жизни содействие тесному сотрудничеству между Англией, Францией и Германией, к которому с радостью присоединятся другие европейские страны. Они правы, и я полагаю, что мы — на верном пути»⁶³.

Через десять лет Риббентроп вспоминал: «Результатом моей лондонской миссии я был очень удовлетворен. Адольф Гитлер, которому я сообщил о подписании соглашения по телефону, был удовлетворен не менее — он назвал этот день одним из самых счастливых в своей жизни»⁶⁴.

Для закрепления достигнутого успеха Риббентроп решил использовать приезд в Германию делегации Британского легиона в июле того же года, но английские ветераны не спешили принимать участие в пропагандистских акциях хозяев. Осенью 1935 года он принял деятельное участие в создании Англо-германского и Германско-английского обществ. Первое возглавил британский консерватор Уилфрид Эшли барон Маунт-Темпл (Теннант стал секретарем), второе — герцог Карл Эдуард Саксен-Кобург-Готский, внук королевы Виктории и президент Германского Красного Креста. С английской стороны доминировала титулованная знать: Рональд Нолл-Кейм 2-й барон Брокет, Филипп Керр 11-й маркиз Лотиан, Джон Сили 1-й барон Моттистон, Чарлз Вейн-Темпест-Стюарт 7-й маркиз Лондондерри, Бертрам Фримен-Милфорд лорд Редсдейл, Артур Уэлсли 5-й герцог Веллингтон и др. Форин Оффис, где господствовала линия Идена—Ванситтарта, постарался дистанцироваться от этих организаций⁶⁵.

Морское соглашение было одобрено большей частью британской прессы и общественного мнения, за исключением германофобов и алармистов* вроде Уинстона Черчилля. Реакция французов и итальянцев, которых лондонские

---

* Алармисты (от *фр.* *alarme* — тревога) — в политическом лексиконе Англии и Франции того времени деятели, распространявшие слухи о скорой агрессии против этих стран, главным образом со стороны Германии.

союзники не сочли нужным предупредить о подготовке радикального пересмотра статей Версальского договора, варьировалась от раздражения до бешенства. Иден отправился в Рим успокаивать Муссолини, но... его влияние на эволюцию дуче от пробританской ориентации к прогерманской достойно отдельного рассказа. СССР и США настороженно наблюдали за происходившим, имея в виду собственные интересы.

Сегодня соглашение принято считать одной из роковых ошибок британской дипломатии: оно развязало руки Гитлеру, показало слабость и несогласованность политики «демократических стран», усугубило недоверие между Парижем и Лондоном. Бесспорно, Риббентроп одержал крупную победу. Тем более крупную, что она была одержана благодаря дипломатии нового типа, точнее, благодаря отказу от прежней дипломатии. Теперь всё решали «быстрота и натиск», способность принимать решения без оглядки на тормозящие факторы. Соглашение не только заставило Европу считаться с Гитлером, оно показало, что отныне и Риббентропа следовало воспринимать всерьез.

На склоне лет Иден сделал важное признание: «В Берлине и Риме люди, с которыми я встречался, полностью владели ситуацией в своей области, знали каждую мелочь и были готовы принимать решения. В Париже, как и в других демократиях, министров поглощали парламентские заботы. К тому же они были в летах, не имели специальных знаний и опыта в порученной им области; но главная политическая трудность заключалась в исполнении любого решения, какое они могли принять»⁶⁶.

По справедливости это можно сказать и об Англии, большинство лидеров которой тоже оказались крепки задним умом. «За это время, — писал после войны Сэмюэль Хор, ставший виконтом Темпловудом, — я еще более четко осознал, как нужны были их [Чемберлена и Гитлера. — В. М.] встречи, чтобы остановить войну. Пробыв пять лет послом в Испании, я вижу, что наиболее действенный способ повлиять на диктатуру — это прямой контакт с диктатором»⁶⁷.

Понадобилась война, чтобы в Лондоне и Париже это поняли.

**АНТИКОМИНТЕРНОВСКИЙ ПАКТ
(1934—1937)**

*Но только после чтобы лавры
И непременно сразу праздник.*

Михаил Щербаков

1

Следующим после морского соглашения с Англией успехом Риббентропа стал Антикоминтерновский пакт, точнее, Соглашение против Коммунистического интернационала, парафированное в Берлине 23 октября 1936 года и подписанное там же 25 ноября. Советская пропаганда и леволиберальные круги Европы и Америки охарактеризовали его как «адский военный план, состряпанный гитлеровским фашизмом и японской военщиной»¹. В несколько смягченных выражениях такая оценка бытует до сих пор.

Первая достоверно известная попытка германо-японского сближения при нацистском режиме относится к 1934 году. «7 апреля 1934 года [Рудольф] Гесс в частном порядке встретился с японским военно-морским атташе [контр-]адмиралом Эндо [Ёсикадзу] у профессора [Карла] Хаусхофера на Кольбергер штрассе 18 [в Мюнхене] и обратился к нему с полуофициальными предложениями, хотя и германская армия, и министерство иностранных дел явно предпочитали Китай Японии. Марта Хаусхофер подавала чай*, а профессор переводил. Поначалу оба были сдержаны в своих суждениях, но затем Гесс заявил в открытую: "Ну что ж, я могу сообщить вам — а я говорю от имени фюрера — мы искренне желаем, чтобы Германия и Япония шли одним курсом. Но я должен заметить, что в этом не может быть ничего такого, что поставило бы под угрозу наши

---

* Марта Хаусхофер не только «подавала чай», но была постоянным помощником мужа в работе и переводила для него научную литературу.

отношения с Великобританией". Эндо расплылся в одобрительной улыбке, которая обнажила его золотые зубы, а Хаусхофер облегченно вздохнул. В своих неопубликованных записях он описал эту встречу как первый шаг на пути к Антикоминтерновскому пакту, который страны заключили в ноябре 1936 года»².

Контуры континентального союза Германии, России и Японии как единственно способного противостоять атлантистскому блоку Хаусхофер впервые наметил в книге «Дай Нихон [Великая Япония. — В. М.]. Об армии, оборонноспособности и будущем Японской империи» (1913) — результате двухлетней (1908—1910) стажировки в японской армии и изучения страны, которую он полюбил на всю жизнь и знатоком которой был признан³. Однако в Первую мировую Япония воевала против Германии. В послевоенные годы Россия, ставшая советской, считала Японию врагом, но сотрудничала с Германией. Приход нацистов к власти вызвал идеологический антагонизм между Германией и СССР и сделал логичным поиск ею союза с Японией по принципу «враг моего врага — мой друг». Огромное пространство между двумя державами занимал Советский Союз, с которым надо было либо сотрудничать, либо воевать и победить. Хаусхофер выступал за первый вариант, поэтому заключение Антикоминтерновского пакта, как это ни странно прозвучит, стало шагом на пути к континентальному блоку. Общим противником Германии и Японии Хаусхофер считал Великобританию и Францию — европейские метрополии с колониальными империями в Азии. Понимание этого вызрело у него задолго до прихода нацистов к власти и вне связи с большевизацией России, которая тоже считала их своими противниками как в Европе, так и в Азии⁴.

Запомним следующие важные моменты: 1) инициатива переговоров исходила от Хаусхофера или от японцев, а Гесс откликнулся на нее в силу дружбы с «отцом геополитики»; 2) с германской стороны переговоры вел заместитель Гитлера по партии, а не военный или дипломат; 3) Гитлер и Гесс ставили отношения с Великобританией выше любых перспектив союза с Японией; 4) первые попытки сближения были сделаны еще до контактов Риббентропа с япон-

ским военным атташе Осима Хироси, сыгравшим решающую роль в подготовке Антикоминтерновского пакта.

Японские дипломаты пристально следили за действиями Гитлера, но недооценивали потенциал НСДАП и переоценивали влияние рейхсвера. Возможно, они исходили из собственных представлений о том, что во внутренней политике армия по определению играет бóльшую роль, чем политические партии⁵. В Токио после военного мятежа 15 мая 1932 года закончился недолгий период партийных кабинетов, и к власти пришло т. н. Правительство национального единства во главе с отставным адмиралом Сайто Макото, в котором идеолог экспансионистских кругов генерал Араки Садао сохранил пост военного министра. В 1933 году Япония вышла из Лиги Наций, не найдя с ней общего языка в урегулировании Маньчжурского инцидента и не желая поступиться приобретениями на континенте. Нарастание националистических настроений и авторитарных тенденций совпало с усилением международной изоляции, что в совокупности принуждало к поиску новых союзников.

Считается, что подготовка к сближению «изгоев мирового сообщества» началась еще в 1933 году, но с обеих сторон велась неактивно и неофициально. Советское руководство, усмотрев в этом новую попытку окружения, начало демонстративно бить тревогу уже в конце 1933 года, изображая рутинный обмен дипломатическими любезностями между Берлином и Токио как прелюдию союза, с неслучайными ссылками на британские и французские газеты⁶. Впрочем, реальных условий для сближения еще не было. 18 апреля 1934 года японский посол сказал Нейрату: «Германия и Япония являются подлинными бастионами против большевизма, и по этой причине основа общих германско-японских интересов уже сформировалась», — но развивать тему не стал, а министр на этом не настаивал⁷. Весной—летом того же года в Европе побывал принц Кая — кузен императрицы Нагако и майор сухопутных войск. Вернувшись домой, он стал выступать за союз с рейхом. В поездке по Скандинавским странам его сопровождал посланник в Стокгольме Сиратори Тосио, бывший начальник Департамента информации МИД, сосланный, с формальным повышением, из Токио за независимую пози-

цию и экспансионистские взгляды. Наряду с Осима он станет главным действующим лицом в процессе подготовки Антикоминтерновского пакта с японской стороны, а затем первым в Японии выдвинет идею евразийского Континентального блока.

Пятого марта 1934 года 47-летний полковник Осима Хироси, сын генерала, занимавшего в годы Первой мировой войны пост военного министра, германофил во втором поколении, был назначен военным атташе в Берлин. За его плечами был большой опыт полевой, штабной и военно-дипломатической службы: помощник военного атташе в Германии (1921—1923 годы), военный атташе в Австрии и по совместительству в Венгрии (1923—1924 годы). Осима хорошо владел немецким языком (по отзывам современников, лучше других японцев, живших тогда в Берлине), любил страну и восхищался ее армией. В нацистском опыте он видел подходящую модель преобразований, хотя в Токио такие воззрения оставались непопулярными. Кроме того, на протяжении многих лет его преследовал кошмар русско-германского сближения против Японии, подобного нереализованному секретному соглашению Вильгельма II и Николая II в Бьёрке 24 июля 1905 года, на завершающем этапе Русско-японской войны. Одной из главных целей своей работы Осима считал предотвращение «нового Бьёрке», возможность которого он допускал даже с учетом взаимной враждебности двух стран в середине 1930-х годов⁸.

Новый военный атташе прибыл в столицу Третьего рейха в апреле 1934 года. Круг его обязанностей был не так уж широк, учитывая ограниченные масштабы военного сотрудничества сторон. Главная работа шла по линии сбора информации, прежде всего о Советском Союзе, и возможного обмена ею. Он познакомился с министром авиации Герингом, будущим начальником Верховного командования вермахта (ОКВ) Вильгельмом Кейтелем, главой военной разведки (Абвер) Вильгельмом Канарисом и рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером.

Осима полагалось заниматься только военными вопросами, но в их решении он был полностью независим от посла: атташе могли и должны были самостоятельно вести переговоры по военным вопросам, но они же сами решали,

что относится к их компетенции, а что нет. Именно это определило характер подготовительного, наиболее важного и интересного этапа переговоров о соглашении против Коминтерна. Первоначально Осима вообще не ставил о них в известность посла Мусьякодзи Кинтомо, а посылал доклады напрямую в Военное министерство и Генеральный штаб (ни один из этих документов не сохранился, и о них известно только из послевоенных показаний самого Осима*)⁹. По мере того как военные круги проникались идеей сближения двух стран, они вступали в контакт с министерством иностранных дел, которое давало инструкции послу. Кроме того, по свидетельству берлинского корреспондента газеты «Асахи» Хамада Цунэдзиро, посол не имел личных связей ни с кем из нацистских лидеров и не пользовался у них авторитетом¹⁰. Когда в конце 1935 года Мусьякодзи уехал в отпуск, покинув Германию почти на полгода, активность военного атташе заметно возросла.

«Бюро Риббентропа», ставшее главным партнером Осима, тоже вело переговоры без согласования и контактов с МИДом. Отсюда расхожее мнение о том, что на Вильгельмштрассе услышали о готовившемся пакте чуть ли не непосредственно перед его подписанием. Это неверно: о переговорах там знали уже в конце 1935 года, но сознательно дистанцировались от них, полагая, что из контактов с Токио ничего не выйдет¹¹. Министерство избегало любых занятий «профессиональным антикоммунизмом», предоставив их ведомствам Геббельса и Розенберга, чьи внешнеполитические дебюты оказались далеко не блестящими.

Германский посол в Токио Герберт фон Дирксен вспоминал, что, приехав в Берлин в отпуск весной 1936 года, застал министерство якобы в полном неведении о переговорах, а потому «решил прогуляться в логово льва и задать несколько вопросов самому Риббентропу, с которым до сих пор не был даже знаком. Очевидно, озадаченный моей инициати-

---

* Его показания на следствии перед Токийским процессом, использованные как на суде, так и позднейшими историками, являются ненадежным источником из-за неточностей в английском переводе, которые Осима, по незнанию этого языка, не мог заметить и исправить, но на которые не раз указывали его адвокаты.

вой, Риббентроп поначалу продемонстрировал некоторое недоверие, но, в конце концов, выдал кое-какую информацию и внимательно выслушал мой отчет о политической ситуации в Японии. Я ушел от него, сказав на прощание, что думаю, он не будет против, если я проинформирую г-на фон Нейрата о нашей беседе. Риббентроп ответил, что нет, он не возражает... Когда я сообщил об этих фактах в МИД, они рассыпались в благодарностях за то, что я добыл столь ценную информацию. Это заставило меня осознать, до какой степени МИД *позволил изолировать себя* [выделено мной. — В. М.] от происходящего в политической жизни страны. Вряд ли необходимо упоминать, что МИД был решительно против пакта с Японией. [...] Я был определенно "за" в том, что касалось основной политической цели договора, — тесном взаимопонимании с Японией»¹².

Последнее утверждение согласуется с меморандумом Дирксена о «возможностях германско-японского военного и политического сотрудничества», составленным в канун нового, 1936 года после получения информации о переговорах из... японского Генерального штаба. Записка была отправлена на Вильгельмштрассе, а не в «Бюро Риббентропа», но ее главная мысль там бы понравилась: «Пока Германия и Советский Союз противостоят друг другу со всей непреклонностью государств, системы которых противоположны до последней детали и полностью различны по своей сущности, и пока к тому же Советский Союз вовлечен во французскую систему альянсов и в Лигу Наций, германско-японское сотрудничество, какую бы форму оно ни приняло, послужит к облегчению положения Германии и сослужит ей службу, при условии наличия необходимых мер предосторожности. Япония — единственная великая держава, которая противостоит Советскому Союзу и по глубинным идеологическим мотивам, и по многим политическим причинам... и к тому же, похоже, полна решимости разрешить это противостояние силой оружия, как только почувствует достаточную военную мощь... Германско-японско-британская комбинация означала бы идеальный политический вариант для Германии (возможно, для двух других стран тоже)»¹³. Риббентроп вполне мог читать эту бумагу.

Точной даты и обстоятельств знакомства Осима и Риббентропа мы не знаем, но его можно отнести ко 2-й половине 1934 года (на Токийском процессе Осима назвал октябрь 1935 года, что совсем уж фантастично!). Риббентроп приписывал идею сближения Гитлеру: «Еще несколькими годами ранее [1936 года. — В. М.] Адольф Гитлер говорил со мной о том, нельзя ли в какой-либо форме завязать с Японией более тесные отношения. Я отвечал ему, что у меня самого есть кое-какие связи с японцами и что я установлю с ними необходимый контакт. При этом выяснилось, что японское правительство занимает такую же антикоммунистическую позицию, как и германское. Из этих бесед, имевших место в 1934—1935 годах, выкристаллизовалась идея сделать одинаково направленные стремления предметом переговоров»¹⁴.

В письме курировавшему в МИДе дальневосточную политику Отто фон Эрдманнсдорфу от 1 января 1936 года Дирксен утверждал, что инициаторами переговоров выступили Риббентроп и Канарис — так ему сказали в японском Генеральном штабе¹⁵. Версия об инициативе Риббентропа закреплена в вердиктах Нюрнбергского и Токийского трибуналов — не в последнюю очередь со слов Осима — и в некоторых мемуарах.

В окружении Риббентропа на начальном этапе переговоров важную роль сыграл Фридрих Хак, лоббист той части военно-промышленного комплекса, которая стремилась расширить торговлю с Японией (большинство ориентировалось на чанкайшистский Китай — исправного покупателя оружия и боеприпасов)¹⁶. Еще осенью 1914 года Хак был интернирован японцами при захвате германской крепости Циндао в Китае и обзавелся хорошими связями в военных кругах, которыегодились ему после войны, когда он занялся торговлей оружием. Версальский договор запретил Германии разрабатывать и использовать современные военные технологии и полностью лишил ее военной авиации и подводного флота. Дальновидные люди стали искать партнеров для тайного сотрудничества. Для летчиков и танкистов таким партнером стала Советская Россия. Флот с помощью связей Хака решил попытаться счастья в Японии, куда весной 1924 года прибыл одетый в штатское Кана-

рис¹⁷. Результатов вояж не дал, но влиятельные люди оценили имя и связи Хака. Десять лет спустя их использовал Риббентроп — по совету всеведущего шефа Абвера.

Изучая в начале 1960-х годов историю Антикоминтерновского пакта, японский историк Т. Охата имел возможность использовать не только документы, но и личные свидетельства участников событий. Сопоставив их, он убедительно доказал, что инициатива исходила от Осима. В этом бывший военный атташе сам признавался на старости лет, опровергая свои показания на Токийском процессе, где он сознательно преуменьшал собственную роль и валил всё на покойного рейхсминистра.

В 1966 году Осима говорил американскому историку Х. Бервальду: «Можно сказать, что Риббентроп и я были очень близкими друзьями. Мы часто встречались по вечерам, славно проводя время за вином и ликерами. Пожалуй, тот первый Антикоминтерновский пакт никогда не был бы заключен, если бы между Риббентропом и мной не существовала близкая дружба»¹⁸. Историк М. Миякэ, лично знавший генерала-посла в те же годы, рассказывал мне, что Осима отличался открытостью и откровенностью и если не хотел обсуждать какие-то темы, то прямо говорил об этом, не прибегая к отговоркам и не ссылаясь на слабеющую память. И категорически отказался писать мемуары.

Риббентроп с готовностью подхватил инициативу, но переговоры шли полуконспиративно, не отражаясь на бумаге. Например, не документировано присутствие на них Сиратори, наезжавшего в Берлин из Швеции, хотя для современников его участие не было тайной¹⁹. Осенью 1935 года Риббентроп представил Осима фюреру, и с этого времени они встречались неоднократно вплоть до конца войны. Осима надеялся на заключение хотя бы ограниченного военного союза против СССР — пусть даже тайного! — но не мог рассчитывать на это, не располагая необходимыми полномочиями. Риббентроп, напротив, хотел сделать пакт гласным и идеологическим, а потому открытым для других держав. В его расширении он видел залог продвижения к вожделенному креслу министра иностранных дел, убеждая Осима — как и Гитлера в меморандуме

от 16 августа 1936 года, — что «только будучи опубликованным, Антикоминтерновский пакт достигнет своей цели и даст нам возможность начать широкое дипломатическое наступление против большевизма и приступить к формированию блока антибольшевистских государств»²⁰. Так что их подходы к совместно задуманному соглашению изначально различались.

Слухи о переговорах, более того, о их успешном завершении, значительно опережали события. Дневник антинацистски настроенного американского посла в Берлине Уильяма Додда — источник популярный, но ненадежный ввиду обилия сомнительных утверждений и откровенной дезинформации — фиксирует сведения о том, что японско-германский пакт уже заключен (!), в записях от 25 марта, 26 мая, 29 мая, 25 июня и 11 июля 1935 года и 29 февраля 1936 года, то есть за много месяцев до его действительного подписания²¹.

Среди информаторов (точнее, дезинформаторов) Додда выделялись британский посол Эрик Фиппс и его советский коллега Яков Суриц. Не берусь утверждать, была ли дезинформация случайной или намеренной, но и Лондон, и Москва были осведомлены о переговорах по разведывательным каналам, используя сведения в соответствии с собственными расчетами. Среди фрондировавших германских дипломатов всегда хватало охотников поговорить по душам с британскими коллегами и поругать «нацистских выскочек». В советской разведке эту работу осуществляли резидент в Нидерландах Вальтер Кривицкий (позднее шеф европейской резидентуры НКВД и один из самых знаменитых перебежчиков) и Рихард Зорге, который получал информацию от военного атташе в Токио Ойгена Отта и, согласно одной из ведомственных справок, «дал почти полные сведения в отношении подготовки и заключения Антикоминтерновского пакта между Германией и Японией»²².

В итоге подписи под пактом поставили Риббентроп и Мусякодзи, за спиной которого стоял улыбавшийся Осима. С японской стороны послу был поручен только последний, официальный этап переговоров — во избежание конфликтов как в самом посольстве, так и между МИДом и армией.

Обратимся к сущности, целям и характеру Антикоминтерновского пакта. Обычно его называют военным союзом агрессивных держав, обращая особое внимание на прилагавшийся к нему секретный протокол (или соглашение). Если попытаться разобраться в его содержании без предубеждения, нельзя не отметить, во-первых, отсутствие конкретности в формулировках, во-вторых, ограниченность обязательств сторон. Приведу содержательную часть пакта:

«Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, сознавая, что целью коммунистического "интернационала" (так называемого "Коминтерна") является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами по отношению к ныне существующим государствам, будучи убеждены, что терпимое отношение к вмешательству коммунистического "интернационала" во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но представляет собой также угрозу миру во всем мире, и выражая свое намерение сотрудничать в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение.

Статья 1. Высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно информировать друг друга относительно деятельности коммунистического "интернационала", консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа коммунистического "интернационала", принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему.

Статья 3. Настоящее соглашение заключено на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. Обе договаривающиеся стороны своевременно, до истечения срока действия настоящего соглашения, должны достигнуть взаимопони-

мания относительно характера их дальнейшего сотрудничества»²³.

Составной частью пакта являлся конфиденциальный дополнительный протокол:

«При подписании Соглашения против коммунистического "интернационала" полномочные представители относительно этого соглашения договорились о нижеследующем:

а) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут поддерживать тесное сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности коммунистического "интернационала", а также по поводу принятия разъяснительных и оборонительных мер в связи с деятельностью коммунистического "интернационала";

б) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут принимать в рамках ныне действующего законодательства строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей состоящих на службе коммунистического "интернационала" или содействующих его подрывной деятельности;

в) в целях облегчения указанного в пункте "а" сотрудничества между соответствующими властями обеих высоких договаривающихся сторон будет учреждена постоянная комиссия, в которой будут изучаться и обсуждаться дальнейшие оборонительные меры, необходимые для предотвращения подрывной деятельности коммунистического "интернационала"».

Не будем забывать о времени составления документа. Преамбула представляется логичным и естественным ответом на агрессивные заявления и резолюции VII конгресса Коминтерна (август 1935 года), адресно направленные против Германии, Италии и Японии. Первоначальный вариант, предложенный германской стороной, был более риторичным, причем на этом настаивал Риббентроп, доказывая «необходимость и полезность жестких фраз»*. От них пришлось отказаться по настоянию японцев, которые предпочли более конкретные и более привычные

---

* См. цитировавшийся выше меморандум Риббентропа Гитлеру (16 августа 1936 года).

для дипломатов формулировки. Предписывая сторонам обмениваться информацией о деятельности Коминтерна, сотрудничать в деле борьбы с ним и консультироваться о принятии мер, пакт, однако, никак не определял конкретных форм и методов этой борьбы. Каждая страна боролась с коммунизмом самостоятельно, и на этом поприще у Риббентропа было много куда более влиятельных конкурентов.

Даже секретное дополнительное соглашение, о котором стало известно сразу же, но которое было опубликовано лишь после Второй мировой войны, не таило в себе ничего неожиданного:

«Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, признавая, что правительство Союза Советских Социалистических Республик стремится к реализации целей коммунистического "интернационала" и намерено использовать для этого свои вооруженные силы, и, будучи убеждены, что это является серьезнейшей угрозой существованию не только государств, но и существованию мира во всем мире, в целях защиты своих общих интересов договариваются о нижеследующем:

Статья 1. В случае если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик.

В случае возникновения указанной выше ситуации договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов.

Статья 2. Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения.

Статья 3. Настоящее соглашение вступает в силу одновременно с Соглашением против коммунистического "интернационала" и имеет одинаковый с ним срок действия».

Трактовать соглашение можно по-разному: оно в равной мере позволяло как оказать партнеру широкомасштабную военную помощь, так и уклониться от любой поддержки, кроме моральной. Сиратори, по праву считающийся одним из авторов пакта, сказал, что он составлен нарочито неконкретно и подобен раме, в которую можно вставить любую картину²⁴. Фраза проникла в газеты, однако, как не без юмора заметил американский историк Дж. Комптон, «партнеры не могли прийти к согласию относительно самой картины: для Японии это был морской тихоокеанский пейзаж, для Гитлера — пейзаж Европейского континента»²⁵.

Обращает на себя внимание отсутствие обязательств о взаимной военной и политической помощи в случае конфликта с третьей страной, что являлось основой двусторонних оборонительных пактов, например, советско-французского и советско-чехословацкого договоров 1935 года — главного источника беспокойства Гитлера. Ни один из них не был секретным и трактовался как закономерная превентивная мера против возможной агрессии, а под агрессором вполне открыто подразумевалась Германия. На Токийском процессе адвокат А. Лазарус резонно заметил: «В то время существовал договор о взаимной помощи между СССР и Францией, который не может быть признан агрессивным. Почему же Антикоминтерновский пакт объявляется таковым?.. Он был разработан исключительно для самообороны и без агрессивных намерений»²⁶.

Агрессивные намерения, точнее территориальные притязания у Германии и у Японии имелись, но в договоре об этом не сказано, равно как и о конкретном сотрудничестве, кроме создания совместной консультативной комиссии. Поэтому даже в качестве оборонительного пакта он выглядел протоколом о намерениях, а не конкретной программой действий.

Об этом же свидетельствуют разъяснения японского премьер-министра Хирота Коки и министра иностранных дел Арита Хатино Тайному совету, который должен был утвердить текст пакта и рекомендовать его к подписанию. Хирота заявил, что применительно к Японии пакт имеет целью предотвратить большевизацию Восточной Азии и усиление военной угрозы со стороны СССР. Одновремен-

но премьер считал нужным «воздержаться от принятия каких-либо позитивных мер, которые могут осложнить отношения с Советским Союзом» и «развивать дружественные отношения между Японией и Британией и Соединенными Штатами, особенно сердечные отношения между Японией и Британией».

Арита показал рост внешнеполитической активности Москвы, сославшись на договоры с Францией и Чехословакией, нерасторжимую связь СССР и Коминтерна и привел конкретные примеры его действий. Министр подчеркнул, что приняты необходимые меры предосторожности: Коминтерн как объект действия соглашения никак официально не идентифицируется с Советским Союзом, а дополнительный протокол предполагается сделать секретным. При этом оба говорили только о политических вопросах, а не об опасности коммунистической идеологии²⁷.

Однако нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов, опираясь на информацию разведки, имел все основания говорить об антисоветском характере соглашения, издеваясь над неуклюжими оправданиями германских и японских дипломатов. Выступая на VIII Всесоюзном съезде Советов 28 ноября 1936 года, «сталинский знаменосец мира» обрушил на пакт всю силу своего грубоватого сарказма: «Люди сведущие отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японско-германского соглашения необходимо было вести эти переговоры в течение пятнадцати месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить с японской стороны генералу, а с германской — "сверхдипломату"... Все это свидетельствует о том, что "антикоминтерновский пакт" фактически является тайным соглашением, направленным против Советского Союза... Не выиграет также репутация искренности японского правительства, заверившего нас в своем стремлении к установлению мирных отношений с Советским Союзом»²⁸.

Хирота и Арита проиграли не только в репутации: Москва в последнюю минуту отказалась подписывать готовую к заключению рыболовную конвенцию с Японией. Советник полпредства в Токио Николай Райвид сказал неназванному по имени германскому дипломату, что «советское

правительство знало текст Антикоминтерновского соглашения с самого начала», включая секретное приложение, а также «знало, что германское посольство в Токио не было информировано о переговорах» (что не совсем верно). На протесты немца Райвид выразительно повторил: «У нас есть текст»²⁹.

После войны Риббентропу пришлось признать: «Разумеется, Антикоминтерновский пакт скрывал в себе и политический момент, причем этот момент был антирусским, потому что носителем идеи Коминтерна являлась Москва. Гитлер и я надеялись Антикоминтерновским пактом создать определенный противовес России, ибо между Советским Союзом и Германией имелось тогда и политическое противоречие»³⁰. Однако главным врагом он называет Коминтерн как политическую силу, а не СССР/Россию как государство.

В день парафирования пакта, 23 октября 1936 года, Риббентроп направил Мусьякодзи ноту, в которой говорилось, что положения существующих советско-германских договоров (Рапальского 1922 года и Берлинского 1926 года) «не противоречат духу» Антикоминтерновского пакта и содержащимся в нем обязательствам. Иными словами, Германия не отказывалась от них и отделяла их как документы общего характера от нового соглашения. Получив ноту, посол сообщил Арита, что «дух этого пакта является единственной основой будущей германской политики в отношении Советского Союза» и что Риббентроп подтвердил правильность такого понимания³¹. Япония ждала конкретных гарантий, опасаясь односторонних действий Берлина по сближению с СССР, что с первого взгляда могло показаться невероятным, но как раз и случилось в августе 1939 года. Риббентроп гарантии дал, но оставил Германии «запасной выход», который очень пригодился впоследствии.

Всё это происходило во время пребывания в рейхе министра иностранных дел Италии графа Галеаццо Чиано — 33-летнего зятя и любимца дуче, из рук которого он несколькими месяцами раньше получил высокий пост. В Берлине Чиано вел переговоры с Нейратом, но главным событием стала поездка в Берхтесгаден к Гитлеру. Результатом визита стали официальное признание Виктора Эмма-

нула III императором Абиссинии (Муссолини добивался легализации ее захвата), решение о совместной поддержке выступления генерала Франциско Франко в Испании (несмотря на опасения Риббентропа, Гитлера убедил Канарис, давний знакомый будущего каудильо*) и договоренность о координации политики в Европе. Особое внимание уделялось идейному единству, прежде всего в борьбе с коммунизмом.

Выступая 1 ноября в Милане, Муссолини произнес фразу, моментально облетевшую весь мир: «Вертикальная линия Берлин—Рим — не линия раздела, но ось, к которой могут присоединиться все европейские страны, движимые волей к сотрудничеству и миру»³². Однако в частных беседах Чиано высокомерно отзывался о «посредственностях» и «дураках», правящих Германией, не пожалев подобных определений и для Риббентропа, с которым только что познакомился. Основания были: итальянцам шепнули, что этот человек «не хочет союза с вами, но жаждет примирить Германию с Англией»³³.

Торжественное подписание пакта 25 ноября 1936 года в Берлине сопровождалось специальными заявлениями сторон. Сначала их сделали лично Риббентроп и Мусьякодзи, затем оба правительства³⁴. Приведем полностью заявление Риббентропа:

«На Седьмом конгрессе Коминтерна большевизм объявил смертельную войну всем чтущим законы государствам, провозгласил своей целью повсеместное осуществление революции и установление большевистской диктатуры во всем мире. Последней жертвой стремления к разрушению, вызванного большевистской заразой, стала Испания. Сегодня эта страна древней европейской цивилизации растерзана гражданской войной; ее города и деревни лежат в руинах и пепле, а народ обречен на страдания и муки — по-

---

* «Я спонтанно ответил: для нас было бы лучше не влезать в испанские дела. Там нас не ждут никакие лавры, и, по моему убеждению, Испания для нас — дело весьма опасное. Я боялся новых осложнений с Англией, поскольку там германское вмешательство, без сомнения, будет рассматриваться как очень нежелательное... Все мои повторные возражения Адольф Гитлер отбросил» (*Риббентроп И. фон*. Указ. соч. С. 73).

ложение, которому нет аналогов в истории. Таковы ужасные результаты действий Коммунистического Интернационала во исполнение решений, принятых на Седьмом конгрессе Коминтерна. У Коминтерна нет другой цели, кроме создания с помощью пропаганды и силы оружия "Испанской советской республики", чтобы оттуда вести подкоп под Европу. Кто будет следующей жертвой? Многие государства, например, Америка, выступили с энергичным протестом против решений Седьмого конгресса Коминтерна, но они не дали никакого эффекта.

Германия и Япония, не желая более терпеть махинации коммунистических агитаторов, перешли к активным действиям. Заключение Германией и Японией соглашения против Коммунистического Интернационала является эпохальным событием. Это поворотный пункт в борьбе всех чуждых законов цивилизованных стран против сил разрушения.

С подписанием этого договора наш Фюрер и Его Величество Император Японии совершили исторический акт, все значение которого будет оценено только грядущими поколениями. Сегодня два государства, в равной степени решившие пресечь любую попытку вмешательства в их дела со стороны Коммунистического Интернационала, создали мощную линию обороны. Япония никогда не допустит распространения большевизма на Дальнем Востоке. Германия создает бастион против этой чумы в Центральной Европе. Наконец, Италия, как Дуче оповестил мир, поднимет знамя антибольшевизма на юге. Я убежден, что страны, до сих пор не осознавшие опасность большевизма, однажды скажут спасибо нашему Фюреру за ясное и своевременное понимание этой исключительной мировой опасности.

Соглашение содержит статью, приглашающую другие государства принять участие в борьбе. Мы надеемся и желаем, чтобы остальные цивилизованные страны поняли необходимость всеобщего сотрудничества против действий Коммунистического Интернационала и присоединились к настоящему соглашению. Таким путем мы добьемся успеха в окончательном отражении общего врага, в сохранении мира у себя и за границей и в спасении нашей древней цивилизации».

Пышная риторика контрастировала со скромным содержанием опубликованного текста и наводила на мысль, что за ним скрывается нечто большее. Краткое и более сдержанное заявление Мусьякодзи ограничилось констатацией вмешательства Коминтерна во внутренние дела других стран и его особой враждебности к Германии и Японии. Посол ни словом не упомянул о Советском Союзе, но ничего не сказал и о возможном расширении пакта.

Заявление правительства Третьего рейха имело подчеркнуто общий и дипломатический характер: оно акцентировало внимание на оборонительной сущности соглашения и на его направленности против Коминтерна как организации, не упоминая СССР (как известно, советское правительство уверяло весь мир, что Коминтерн совершенно не зависит от него). В заявлении японского правительства, более конкретном и на сей раз более агрессивном, говорилось о Седьмом конгрессе Коминтерна и гражданской войне в Испании, о китайских коммунистических армиях как угрозе Японии и о совместном сопротивлении коммунизму; за этим, однако, следовали разъяснения, что пакт не направлен против какой-либо третьей страны, то есть СССР»³⁵.

Несомненной дипломатической ошибкой было упоминание секретных соглашений, наличие которых в заявлении категорически отрицалось, хотя о их существовании знали заинтересованные лица и не переставала твердить иностранная пресса. Заявления снова показали разность подходов и намерений сторон: Япония подчеркивала политический характер соглашения, Германия — идеологический. «Смыслом и целью пакта были совместные меры по отражению коммунизма»³⁶, — суммировал позже сам Риббентроп.

3

Дальнейшие действия Берлина были направлены на расширение Антикоминтерновского пакта за счет привлечения третьих стран, что соответствовало замыслу лидеров Рейха, преследовавших не только абстрактные идеологические, но и конкретные политические цели. В тюремной камере Риббентроп писал: «Адольф Гитлер рассматривал противоречие между национал-социализмом и коммуниз-

мом как один из решающих факторов своей политики. Поэтому следовало проверить, каким способом можно найти путь к тому, чтобы привлечь и другие страны к противодействию коммунистическим стремлениям. [...] Пакт возник из сознания, что только созданный на длительный срок общий оборонительный фронт всех здоровых государств мог положить конец угрожающей всему миру опасности. Поэтому я выражал тогда надежду на то, что остальные культурные государства тоже осознают необходимость своего объединения против деятельности Коммунистического Интернационала и пожелают присоединиться к данному соглашению»³⁷.

Восьмого и 12 августа 1936 года Риббентроп встретился в Берлине со статс-секретарем МИД Польши Яном Шембеком, представлявшим ее на Олимпийских играх. Лейтмотивом бесед было совместное противостояние коммунистической угрозе, но на гостя это, похоже, не произвело впечатления. Риббентроп не сдавался и в конце августа отправил Раумера в Варшаву для дальнейших зондажей. 1 сентября его принял руководитель советского реферата Восточного отдела Станислав Забелло, внимательно выслушал, но ничего определенного не сказал.

Девятого ноября 1937 года польский министр иностранных дел Юзеф Бек разослал дипломатическим миссиям за границей в качестве руководства к действию следующие разъяснения: «До сих пор Польше не делали никаких предложений о присоединении к итало-германо-японскому протоколу (антикоминтерновскому пакту). Во всяком случае Польша не может стать участником этого протокола ввиду особенности ее положения как соседа СССР, а также ее принципиальных возражений против формирования любого блока»³⁸. С осени 1938 года такие предложения делались уже официально, но неизменно отвергались Польшей, хотя на VII конгрессе Коминтерна она тоже подверглась осуждению как агрессивная и фашистская держава. Европейские сателлиты Третьего рейха будут присоединяться к пакту один за другим, лишь когда утратят политическую самостоятельность.

Риббентроп всерьез подумывал о привлечении к соглашению Чан Кайши: в ноябре 1935 года он интересовался

у Осима возможной реакцией Токио, но отклика и понимания не встретил. Япония окончательно разочаровалась в перспективах сотрудничества с гоминьдановским режимом, видевшим в ней главного врага и готовым принимать помощь против нее из любых рук. Коммунистов — что своих, что чужих — китайский диктатор страшился меньше, чем Японской империи³⁹.

Первого успеха «антикоминтерновские державы» добились в Риме. Вопрос о присоединении Италии к пакту летом 1937 года поставил отбывавший на родину японский посол Сугимура Ётаро. 19 июля Чиано заверил его, что «будет иметь в виду крепкие узы дружбы, которые связывают нас с Японией и ее антибольшевистской деятельностью на Дальнем Востоке». Новый посол Хотта Масааки перешел с места в карьер: 31 июля во время первой встречи с итальянским министром предложил заключить двустороннее соглашение о «техническом сотрудничестве в военной области» и «подчеркнул желательность установления очень тесного сотрудничества в военной области между Италией и Японией». Однако жернова истории мелют медленно, особенно при неторопливой японской бюрократии. Только 20 октября Хотта смог сообщить, что его правительство готово к соглашению с Римом на условиях «максимально благожелательного нейтралитета» одной стороны в случае, если другая окажется втянутой в военный конфликт. Чиано ответил, что немцы предложили другой вариант — присоединение Италии к существующему Антикоминтерновскому пакту. В тот же день его посетили германский посол Ульрих фон Хассель и «правая рука» Риббентропа Раумер, которые привезли проекты документов, но от их обсуждения воздержались. Чиано взял на заметку, что Нейрат, Хассель и итальянский посол в Берлине Бернардо Аттолико выступают против пакта, что побудило его потребовать отставки Хасселя⁴⁰.

Риббентроп приехал в Рим 22 октября. Чиано передал ему согласие дуче на присоединение к пакту, но попросил рассказать об истинном характере отношений Германии и Японии и о наличии между ними конфиденциальных обязательств. Риббентроп поведал, что соглашение основано на идеологической общности и в целом направлено против СССР, что между двумя странами постепенно разворачи-

вается военное сотрудничество, а также напомнил, что рассчитывает на дальнейшее расширение пакта. Вслед за этим его принял Муссолини. Гость кратко проинформировал диктатора об истории и обстоятельствах заключения соглашения и официально предложил Италии присоединиться к нему. Дуче тут же согласился, и Риббентроп радостно произнес: «В начале переговоров между Германией и Японией мы говорили о постройке временного деревянного мостика, чтобы затем заменить его большим стальным, на века»⁴¹.

Окончательное подтверждение согласия пришло из Токио 1 ноября. Определившись с датой подписания, Чиано задумался о перспективах: «Союз трех военных империй масштаба Италии, Германии и Японии бросает вооруженную силу колоссальной тяжести на весы баланса сил. Англии придется повсеместно пересмотреть свои позиции». «Речь Идена очень враждебна, — записал он на следующий день, подготовив официальный ответ на нее. — Еще лучший ответ будет дан в субботу, когда мы подпишем так называемый антикоммунистический тройственный пакт, который на самом деле является четко антибританским»⁴².

Пятого ноября Риббентроп снова приехал в Вечный город. Протокол о присоединении Италии к Антикоминтерновскому пакту был торжественно подписан 6 ноября — подарок Сталину к годовщине Великого Октября. Япония заявила, что в случае конфликта в Европе будет придерживаться «максимально благоприятного нейтралитета»: связанная разраставшимся Китайским инцидентом, она не спешила брать на себя конкретные обязательства, хотя и соглашалась на развитие сотрудничества в военной области. Чиано заверил Хотта, что Италия поддержит действия Японии в Китае. Наиболее интересен тот факт, что Италия присоединилась лишь к «официальной части» пакта, без секретного соглашения, хотя Чиано осознавал, что «сегодня три государства встали на путь, который может привести их к войне». Дуче «редко был так счастлив», как в тот день — Италия выходила из международной изоляции⁴³.

Гитлер остался недоволен тем, что Риббентроп не только не оповестил Нейрата о своем вояже, но и во всеуслышание заявлял, что министру пора на пенсию, а он будет его преемником. Такие вещи мог решать только сам фю-

рер, поэтому он пришел в ярость и велел нашему герою подробно проинформировать Вильгельмштрассе, а затем немедленно возвращаться в Лондон, к месту службы. Риббентроп впал в депрессию, «стал исключительно доброжелательным, как всегда в тех случаях, когда дела принимали дурной оборот», и заявил, что ему лучше было бы отправиться добровольцем в Испанию⁴⁴.

Москва была в бешенстве. Это видно даже из сдержанной записи беседы Литвинова с лордом Галифаксом 9 ноября в Брюсселе, где «мировое сообщество» тщетно пыталось обуздать японскую экспансию в Китае. 8 ноября в разговоре с Чиано полпред Борис Штейн квалифицировал случившееся не только как враждебный акт в отношении СССР, но и как нарушение советско-итальянского пакта 1933 года. Формула «блок трех агрессоров» прочно вошла в лексикон советской пропаганды⁴⁵.

Оценивая происшедшее, американский аналитик Уильям Чемберлен, работавший в Токио, озаглавил свой комментарий «Вызов status quo*». Напомнив, что после аннулирования в 1922 году англо-японского союза Япония не была связана «специальными отношениями» ни с одной державой, он усмотрел в Антикоминтерновском пакте попытку изменить ситуацию. Превращение «оси» в «треугольник» он расценил как «инструмент пересмотра status quo в мировой ситуации, который представители Японии, Германии и Италии постоянно называли несправедливым, деспотическим и нетерпимым». Касаясь перспектив нового союза, Чемберлен обронил многозначительную фразу: «В альянсах, как и в границах, нет ничего неподвижного или статичного»⁴⁶.

В сказанном можно различить отзвук знаменитой книги Хаусхофера «Границы в их географическом и политическом значении» (1927)**⁴⁷. В 1939 году (точная дата неиз-

---

* Существующее или существовавшее на определенный момент политическое, правовое или иное положение, о сохранении или восстановлении которого идет речь.

** Летом 1939 года запрещена нацистской цензурой, поскольку взгляд автора на Южный Тироль как германскую землю вступил в противоречие с позицией Гитлера, который отказался от претензий на него в пользу Италии.

вестна, но до подписания пакта Молотова—Риббентропа) Хаусхофер написал статью «Геополитика Антикоминтерновского пакта», в которой это формально идеологическое соглашение трактуется «с точки зрения геополитики, строго базирующейся на естественных науках». Рассматривал пакт, к которому уже присоединились Испания и Венгрия в Европе и Маньчжоу-Го в Азии, как единую географическую конструкцию, он отметил ее главный изъян — «советские владения как континентальное препятствие»⁴⁸. Что делать? Ответ уже не был столь однозначным, как в 1936 или 1937 году. Точнее, он становился однозначным — в другом смысле.

Но это будет потом. Поначалу наряду с Италией главным объектом антикоминтерновских авансов стала Великобритания. И здесь «сверхдипломата» постигло жестокое разочарование.

ГЛАВА 4
**ПРОВАЛ МИССИИ
(1936—1937)**

*Всё опять-таки в театре
И опять-таки в плохом.*

Михаил Щербаков

1

Успех морского соглашения с Англией подвиг Риббентропа к новой попытке занять кресло статс-секретаря МИДа. Гитлер поддержал его, но натолкнулся на сопротивление Нейрата, который 25 октября 1935 года направил рейхсканцлеру прошение об отставке: «Я не считаю, что г-н фон Риббентроп даже с помощью профессионалов сможет выполнить, как того требуют национальные интересы, данную работу, для которой необходимо правильное представление о международных отношениях, административном аппарате и кадрах. [...] Если мне придется взять на себя все мелкие детали, от кадровых вопросов до ежедневной рутины, которые находятся в ведении статс-секретаря, у меня не станет времени работать министром. Если Вы назначите абсолютного дилетанта, не имеющего представления о том, как функционирует министерство, это будет означать, что я стану статс-секретарем, а Риббентроп министром иностранных дел. Такое условие я принять не могу. [...] Наконец, в силу личных причин, для меня невозможно сколько-нибудь продуктивное сотрудничество с г-ном фон Риббентропом»¹. Это письмо, долгое время остававшееся неопубликованным, корректирует наши представления о личности Нейрата и его отношениях с Риббентропом. 4 ноября Гитлер сообщил министру, что не принимает его отставку. Он согласился не требовать более назначения для своего протеже, но обрушился на персонал Вильгельмштрассе за нежелание сотрудничать с режимом.

Следующее появление Риббентропа перед «бомондом»

мировой политики было связано с ремилитаризацией Рейнской области в марте 1936 года. Версальский договор запрещал Германии «содержать или сооружать укрепления как на левом берегу Рейна, так и на правом берегу Рейна к западу от линии, начерченной в 50 километрах восточнее этой реки», а также иметь там какие-либо вооруженные силы. В случае нарушения этих статей Германия «стала бы рассматриваться как совершившая враждебный акт по отношению к державам, подписавшим настоящий договор, и как стремящаяся поколебать всеобщий мир» (ст. 42—44).

Рейнская область была оккупирована Францией, которая попыталась превратить ее в вассальную Рейнскую республику, ибо еще «Завещание Ришелье» (знаменитый апокриф вроде «Завещания Петра Великого», «Протоколов сионских мудрецов» или «Меморандума Танака») называло Рейн естественной границей Франции. Дипломатия Густава Штреземана, почти полностью реабилитировавшая Германию, привела к тому, что 30 июня 1930 года последний французский солдат покинул оккупированную территорию. По иронии судьбы приказ об этом отдал премьер-министр Андре Тардье — один из главных авторов Версальского договора². Но положение о демилитаризации оставалось в силе, создавая странное положение: Германия обладала суверенитетом над территорией, но не могла иметь там ни одного солдата — под страхом возможной войны с Англией и Францией³.

Считая полное восстановление суверенитета первоочередной задачей, Гитлер ожидал повода для решительных действий. В конце 1935 года посол Фиппс предупредил об этом Форин Оффис, но к сказанному серьезно отнесся лишь Иден, только что назначенный министром иностранных дел. В конце января 1936 года в Лондоне Нейрат, представлявший Германию на похоронах Георга V, дал понять, что фюрер намерен придерживаться Локарнских соглашений, но оставляет за собой свободу действий в случае вступления в силу советско-французского договора⁴. 11 февраля договор был представлен Палате депутатов. 25 февраля министр иностранных дел Пьер-Этьен Фланден заявил, что он соответствует Локарнским соглашениям, а в случае необходимости вопрос можно передать на рассмотрение

Международного суда в Гааге. Два дня спустя договор был ратифицирован 353 голосами против 165.

Повод для решительных действий представился. Вопрос заключался лишь в том, прибегнут Париж и Лондон к силе или нет. Генералы и дипломаты отговаривали рейхсканцлера от ввода войск в демилитаризованную зону, ссылаясь на слабость вермахта, который не сможет отразить возможный удар французской армии, тем более при поддержке Англии, а это приведет к необратимой потере престижа. Но фюрер рискнул, вопреки мнению всех своих приближенных, кроме одного — Риббентропа, который уверенно заявил, что бояться нечего: дело закончится бурей в стакане воды — хотя не вполне понятно, на чем основывалась его уверенность.

На рассвете 7 марта 1936 года две дивизии вермахта вступили в Рейнскую область. В тот же день Гитлер экстренно созвал Рейхстаг. «Можно себе представить, в каком возбуждении я, — вспоминал Рудольф фон Риббентроп, которого родители взяли на историческое заседание, — вступил в ложу для зрителей в зале Кроль-оперы, находившейся напротив старого, пострадавшего от пожара здания Рейхстага — теперь здесь проходили его заседания. Едва ли кто из присутствующих — парламентариев, дипломатов, сановников Рейха и партийных бонз, среди которых я находился, — знал, по какому поводу их здесь собрали. Когда Гитлер объявил: правительство Рейха постановило восстановить полный суверенитет Рейха в демилитаризованной зоне Рейнской области, раздались, естественно, долгие бурные рукоплескания. Однако стоило ему продолжить: “в этот момент, когда немецкие войска вступают в гарнизоны мирного времени в Рейнской области”, собрание, казалось, буквально взорвалось аплодисментами. [...] В величайшем напряжении я провел последующие дни. Дойдет ли дело до военных акций со стороны стран — гарантов Версальского договора?»⁵

Объявив об отказе от Локарнских соглашений, Гитлер предложил заключить двусторонние пакты о ненападении со всеми соседними государствами и всеобщий договор об ограничении военно-воздушных сил. Одновременно германские послы в Лондоне, Париже, Риме и Брюсселе вру-

чили Министерством иностранных дел соответствующие меморандумы⁶.

Риббентроп оказался прав. За формальными протестами, обращением Франции и Бельгии в Лигу Наций и шумом в прессе не последовало никаких конкретных мер. Военное руководство Франции заявило, что страна не готова к войне с Германией без поддержки Лондона, министров волновали только предстоящие выборы. Премьер Альбер Сарро ограничился тем, что 8 марта произнес решительную речь по радио, а два дня спустя — в Палате депутатов. «Для Франции эти колебания были роковыми, — сделал вывод британский историк В. М. Джордан. — Отсутствие действий с ее стороны могло означать, что это нарушение договора со стороны Германии не было нарушением столь явного характера, чтобы могли вступить в силу обязательства держав-гарантов прийти ей немедленно на помощь. Всякие отсрочки в этом отношении были бы на руку Великобритании»⁷.

Почему? Потому что англичане воевать не собирались. «В феврале 1936 года новый министр иностранных дел Энтони Иден предложил разрешить Германии занять Рейнскую область и признать ее специальные интересы в центральной и юго-восточной Европе в обмен на ограничение вооружений и гарантии для западной Европы вместо Локарнского соглашения. Пожалуй, ни одно британское предложение не заходило так далеко в признании того, что имело значение для Гитлера. [...] Кабинет отверг это предложение и решил сосредоточиться на замене Локарнского соглашения твердой немецкой гарантией для западной Европы вместе с ограничением вооружений в обмен на ремилитаризацию Рейнской области. Иден [не извещая французов! — В. М.] предложил Гитлеру 6 марта начать переговоры на этой основе». Гитлер ввел войска в Рейнскую область без чьего-либо разрешения или уступок. Неудивительно, что после войны Иден долго и путано оправдывался за свои действия, а Фланден возлагал всю вину на англичан⁸. Муссолини тем более не испытывал желаний ввязываться в конфликт на стороне держав, выступивших против его экспансии в Абиссинии.

Представители локарнских держав собрались в Лондоне 10 марта. Хёш и военные атташе запаниковали и,

оценив шансы войны как «пятьдесят на пятьдесят», телеграфировали в Берлин совет готовиться к выводу войск из Рейнской области. Риббентроп позже сказал, что если бы он был послом, то не допустил бы отправку подобной телеграммы⁹. Подкрепленный его уверениями, Гитлер не дрогнул и 12 марта сделал новое заявление, призвав державы к диалогу, но на своих условиях¹⁰.

Четырнадцатого марта Совет Лиги Наций решил предоставить Германии слово для оправдания. Фюрер согласился и чуть было сам не отправился в Лондон, но в конце концов послал туда Риббентропа. 18 марта, в день его отлета из Берлина, Фиппс предупредил Идена, что Риббентроп — один из главных сторонников ремилитаризации Рейнской области, что он имеет большое влияние на рейхсканцлера в вопросах внешней политики, хотя говорит ему только то, что тот хочет слышать, и что, наконец, он уверен в прогерманских настроениях британского общества «за несчастным и редким исключением Форин Оффиса и британского посольства в Берлине»¹¹.

Риббентропу пришлось действовать в контакте с Вильгельмштрассе, которое представляли его шурин и, по совместительству, начальник 3-го отдела МИДа (ведавшего вопросами Великобритании, Америки и Дальнего Востока) Ганс Дикхоф и Вёрман. Посольство постаралось подготовить благоприятную почву для визита, но представитель фюрера не был настроен на уступки, тем более «попав в явно недружественную атмосферу»¹². По приезде он сразу встретился с Иденом, который призвал Германию «внести реальный вклад в разрешение кризиса». Риббентроп четко обозначил возможный максимум компромисса: до окончания переговоров рейх не будет увеличивать численность войск в Рейнской области и выдвигать их к границам Франции и Бельгии, добавив, что «реальным вкладом являются великие предложения фюрера от 7 марта»¹³.

Инструкции Гитлера, сообщенные в Лондон по телефону, звучали совершенно недвусмысленно: «Г-н фон Риббентроп должен присутствовать на заседании Совета, но поначалу выжидать и выяснить, какие вопросы будут представлены на обсуждение и в качестве возможного предмета резолюции. Если документ локарнских держав уже

представлен Совету и обсуждается или если на него делаются ссылки в ходе дебатов, г-н фон Риббентроп должен спросить, в какой роли германский представитель будет участвовать в предстоящих заседаниях Совета и особенно будет ли он во время дискуссии и принятия резолюции иметь полное равенство со всеми членами Совета [Германия уже не член Лиги Наций. — В. М.] [...] Если же Совет примет окончательное решение, что германский представитель не будет участвовать в голосовании или что его голос не будет засчитан, следует формально заявить, что это создает новую и совершенно неожиданную ситуацию для германской делегации, что она должна прежде всего получить новые указания от своего правительства, а до того воздержаться от участия в работе Совета. На этом основании в заседании должен быть сделан перерыв. Если это будет отвергнуто, г-н фон Риббентроп и сопровождающие его лица должны покинуть заседание. [...] Если же Совет решит, что вопрос о праве [Германии. — В. М.] на голосование лучше перенести на потом и приступить к обсуждению деталей, следует настоять на немедленном разрешении вопроса»¹⁴.

Первая, «негативная» часть речи Риббентропа на заседании Совета 19 марта была посвящена изложению официальной позиции Берлина. Собравшихся удивило то, что он произнес ее по-немецки, хотя свободно владел рабочими языками Лиги — английским и французским. «Позитивная» часть напоминала об «исторических и уникальных» предложениях Гитлера от 7 марта¹⁵. Прений не последовало, так как делегаты выговорились в предшествующие дни: особенно резкой была речь Литвинова. После перерыва состоялось голосование по резолюции, осудившей Германию как нарушителя Локарнских соглашений: 13 делегатов — за, 1 (Германия) — против, 1 (Чили) — воздержался, 1 (Эквадор) — не голосовал. Пока шло голосование, Риббентроп «сидел, скрестив руки на груди и уставившись в окно с видом полного безразличия»¹⁶, а затем выступил с кратким заявлением протеста. Ситуация до боли напоминала сессию Совета Лиги в Женеве тремя годами ранее, когда в аналогичной ситуации оказалась Япония.

Державы не только осудили действия рейха, но и выработали проект соглашения, который Иден и лорд-хранитель

печати виконт Эдуард Галифакс вечером того же дня сообщили германским представителям, давая понять, что дверь не закрыта насовсем¹⁷. Риббентроп заявил, что пункты, не признающие абсолютный суверенитет Германии над Рейнской областью (ввод войск нейтральных держав, как это было во время плебисцита в Сааре, и запрещение возводить укрепления), принципиально неприемлемы для Берлина и что, если они не будут изменены, он немедленно возвращается домой¹⁸. Иден попытался уговорить его не делать поспешных шагов, поскольку ему в тот же день предстояло выступать в Палате общин. Речь британского министра была более выдержанной, чем выступления его французского и бельгийского коллег перед своими парламентами. «Риббентроп [так! — В. М.], думаю, не такой уж злодей, — писал Невилл Чемберлен 21 марта сестре Хильде. — Проблема состоит скорее в том, что он лишь подхалим Гитлера, но знает и понимает другие страны, чем, собственно, отличается от фюрера, Геринга и Геббельса, которые мало осведомлены об этом»¹⁹.

Выслушав доклад Риббентропа, Гитлер 24 марта официально отверг представленный проект, но, верный своей тактике, намекнул на возможность смягчения позиции после плебисцита по вопросу ремилитаризации Рейнской области, назначенного на конец месяца²⁰. В тот же день наш герой вернулся в Лондон и вручил предварительный ответ Идену, поведав тому о глубоком разочаровании Гитлера и о своих усилиях по спасению переговорного процесса. Судя по записи британского министра, говорил в основном гость, успевший затронуть множество тем, включая свое понимание суверенитета и предстоящие выборы во Франции, в преддверии которых политики способны на любые необдуманые заявления²¹.

На следующий день они встретились снова. Иден изложил позицию правительства Его Величества, не считавшего Локарнские соглашения «мертвыми» и не отказывавшегося от договоренностей с Францией, в том числе военного характера. Наибольшее негодование гостя (составившего о беседе подробный отчет) вызвало известие о предстоящих переговорах представителей британского, французского и бельгийского Генеральных штабов²². Уже после первой бе-

седы он сказал «золотому перу» ротермировской прессы и своему давнему знакомому Уорду Прайсу, что «германский народ больше не потерпит версальского духа», основанного на разделении европейских народов на «завоевателей и завоеванных»²³. 26 марта Иден произнес речь в Палате общин, из которой стало ясно, что уступок не будет²⁴. На следующий день Риббентроп улетел домой на персональном Ju.52 с литерами АМУУ.

Двадцать девятого марта в Германии прошли выборы в «Рейхстаг свободы и мира» и плебисцит по вопросу о демилитаризации Рейнской области, причем 98,8 процента избирателей одобрили политику фюрера. 31 марта Гитлер обнародовал окончательный вариант «мирного плана», который 1 апреля Риббентроп передал Идену и Галифаксу²⁵. Министры ограничились уточняющими вопросами, а на следующий день перешли к оценкам и выводам. Иден назвал документ «чрезвычайно важным и заслуживающим тщательного изучения», заявив, что понимает позицию Берлина и «трудность нынешней политической ситуации». Согласия с предложениями это не означало, но Риббентроп дал понять, что дальнейший торг невозможен и что план Гитлера может быть или полностью принят, или полностью отвергнут (как некогда — его собственный ассортимент вин и коньяков!). Год назад, при подготовке морского соглашения, игра ва-банк принесла ему успех. Сейчас Иден не ответил ни да, ни нет, что было равнозначно отказу. 6 мая Фиппс вручил Нейрату вопросник с целью конкретизировать «мирный план»²⁶. Гитлер счел его издевательством и велел не отвечать. Эпоха Локарно закончилась. Чтобы подвести итог, Германская академия политических наук и Институт международных отношений выпустили том под названием «Локарно» с предисловием Риббентропа, датированным 19 мая. Книга была оперативно издана на английском языке — отпечатана в Германии, но под маркой известной лондонской фирмы. Это самое полное собрание официальных документов и заявлений всех заинтересованных сторон по данному вопросу до сих пор сохраняет большую ценность.

«С ликвидацией демилитаризованной зоны и устранением одной из несправедливостей Версальского договора

последний не мог долго существовать. Было бы лучше без дальнейшей канители реконструировать его на основе предложений, выдвинутых на этот случай германским канцлером. [...] Захват этой зоны по своим последствиям был самым решающим инцидентом за все годы, прошедшие между двумя войнами», — констатировал в 1940 году В. М. Джордан²⁷.

2

Сообщая в Берлин о не слишком утешительных результатах переговоров, Риббентроп добавил, что намерен задействовать своих влиятельных друзей, чтобы изменить общественное мнение Великобритании в благоприятную для Германии сторону.

Не буду утомлять читателя перечнем имен и титулов тех, на кого он рассчитывал, ограничившись наиболее ярким примером Чарлза 7-го маркиза Лондондерри и его супруги Эдит. О них почти не вспоминали, пока в 2005 году британский историк Й. Кершоу не выпустил книгу «Друживший с Гитлером. Лорд Лондондерри, нацисты и путь к войне», отличающуюся не только знанием архивных материалов, но и явно агитпроповским тоном, который почти исчез из европейской историографии в 1970—1980-е годы²⁸. Знатный и богатый лорд Лондондерри считал, что власть должна принадлежать ему по праву рождения, и недоумевал, почему другие думают иначе. Несмотря на положение и родственные связи, он только к пятидесяти годам попал в правительство (и то не в ранге министра), а к пятидесяти четырем получил вожденный пост министра авиации. Четыре года его пребывания в должности современники оценивали отрицательно (историки более снисходительны), поэтому при смене кабинета в июне 1935 года он был перемещен на «церемониальный» пост лорда — хранителя печати, а к концу года потерял и его. Виновником опалы лорд считал премьера Стэнли Болдуина. Способности Лондондерри расходились с его амбициями, но это не означает, что империей правили одни таланты. Того же Болдуина лорд Керзон назвал «человеком исключительной незначительности»... и едва ли сильно ошибся.

Риббентроп познакомился с четой Лондондерри в ноябре 1934 года на одном из пышных балов в их лондонском

доме. Там царила леди Лондондерри — не менее амбициозная, чем муж, но, по общему мнению, более умная, волевая и целеустремленная. Ее ценил премьер Макдональд, и назначение мужа министром столичный свет относил, прежде всего, на счет этой дружбы. Консерватор и антикоммунист, лорд присматривался к Третьему рейху еще будучи членом правительства, но впервые побывал там только в феврале 1936 года на зимних Олимпийских играх в Гармиш-Партенкирхене. Инициатором визита стало «Бюро Риббентропа», но гостя сразу же взял под опеку Геринг. Лондондерри поддерживали дружеские отношения с обоими, но леди предпочитала будущего рейхсмаршала, которого в письмах называла «Зигфридом». 2 февраля Риббентроп дал в Далеме банкет в честь гостя, 4 февраля его приняли Гитлер и Нейрат. Лондондерри уехал из Германии счастливым не только от того, что увидел, но и из-за того, как к нему там отнеслись. 21 февраля он благодарил Риббентропа велеречивым письмом, которое счел нужным предать гласности²⁹. 3 апреля он чествовал Риббентропа в Лондоне, однако утверждения, что они при этом называли друг друга по имени, то есть были на «ты», вызывают сомнения. Наконец вечером 29 мая Риббентроп на личном самолете прилетел в Северную Ирландию, где располагалось поместье Лондондерри...

Но между этими датами произошло несколько важных событий. 9 апреля Риббентроп отправился домой. Проводив его в аэропорт и вернувшись в посольство, Хёш с облегчением произнес: «Слава Богу, болван улетел» — и набросал для Нейрата краткий отчет о их последней беседе и рано лег спать, сославшись на нездоровье. На следующее утро он скорострительно скончался от сердечного приступа. По Лондону немедленно поползли слухи, что посол то ли покончил с собой, то ли его убили гестаповцы с помощью отравленной зубной пасты³⁰. Любители сенсаций вспоминают об этом и сегодня, хотя толки о насильственной смерти Хёша опровергли пресс-секретарь посольства Фриц Хессе (он же — глава лондонского бюро официального Германского информационного агентства DNB), военный атташе барон Лео Гейр фон Швеппенбург и даже перебежчик Вольфганг цу Путлиц³¹. Поверенным в делах стал советник князь Отто фон Бисмарк-Шёнхаузен, внук и тезка

«железного канцлера». Возможными преемниками молва называла посланника в Вене Франца фон Папена, посланника в Бухаресте Эберхарда фон Шторера и посланника в Стокгольме принца Виктора цу Вида. Гитлер решил по-другому, хотя и не сразу.

Уик-энд, проведенный Риббентропом в поместье Лондондерри, широко освещался прессой, особенно местной, поэтому позже, после начала войны лорду пришлось оправдываться за свое гостеприимство. Разговоры о политике велись, но их значение оказалось колоссально преувеличенным. Гость пребывал в уверенности, что перед ним — авторитетный действующий политик, способный влиять на принятие решений и выражающий точку зрения правящих кругов. Хозяину льстило, что эмиссар Гитлера отнесся к нему столь серьезно и почтительно. Журналисты при беседах не присутствовали, поэтому в лондонской прессе зазвучали тревожные нотки, а ее враждебность к лорду возрастала по мере ухудшения двусторонних отношений. Так что в исторической перспективе визит сослужил дурную службу обоим, укрепив их иллюзии.

Впрочем, главные заблуждения Риббентропа были связаны с Томасом Джонсом — бывшим генеральным секретарем кабинета и другом премьера Болдуина, «который руководил правительством исподволь, во многие вопросы просто не вникая из-за недостатка знаний или банального нежелания разбираться с проблемами»³². Риббентроп и Джонс несколько раз встречались в начале апреля, и визитер из Берлина произвел благоприятное впечатление («уверен, что он не хочет войны на Западе»). Поэтому Джонс согласился приехать в Германию в качестве частного лица и 16 мая стал гостем на вилле в Далеме, которая поразила его британским стилем и обилием английских книг в кабинете хозяина. Заявив, что будет предельно откровенен, Риббентроп уверил Джонса: внешнюю политику Германии определяет лично Гитлер, руководствуясь его, Риббентропа, советами; дипломаты ничего не решают и ничего не значат, а потому достичь заветной мечты фюрера — союза с Англией — можно только через его личную встречу с Болдуином. На следующий день они отправились на самолете в Мюнхен, где британский гость услышал все это уже от самого фюрера.

«Гитлер предложил устроить встречу на военном корабле в Северном море и даже заявил, что готов полететь к британскому премьеру в Чекерс*»³³. «Было бы ошибкой недооценивать влияние фон Риббентропа и списывать его со счетов как глупца, потому что он не придерживается общепринятой процедуры. Как минимум это надежный "телефон" от Гитлера и, судя по всему, гораздо большее», — суммировал Джонс и пересказал услышанное Болдуину. «Я слышал, — вспоминал Риббентроп, — что Болдуин вроде бы не против, но к решению идет все же медленно. Потом я узнал, что Болдуин высказался так: он должен сначала переговорить с "Ваном" (имелся в виду Ванситтарт). Это вызвало у меня опасения, ибо от Ванситтарта я положительного решения не ждал. В конце концов Болдуин через своего друга мистера Т. Дж. Джонса передал мне [18 июня. — В. М.], что такая встреча "еще требует большой подготовки". Практически это означало отказ»³⁴. Премьер уступил давлению Ванситтарта и Идена.

«Я слышал позже, — продолжал Риббентроп, — что Болдуин высказался так: он, мол, не знает, "как говорить с диктаторами". После многообещающего начала в виде соглашения о флотах отказ Болдуина разочаровывал. Когда я доложил об этом отказе Адольфу Гитлеру (он ожидал меня в саду Имперской канцелярии), его разочарование было, пожалуй, даже еще бóльшим, чем мое. Он довольно долго молчал, а потом серьезно поглядел на меня. Наконец сказал: многие годы он вновь и вновь выступал за германо-английское взаимопонимание, решил вопрос о флотах в таком благоприятном для Англии духе, готов делать все вместе с нею, но, видимо, его позицию, имеющую столь важное значение для целых поколений, там не понимают. Мне было ясно: важная возможность упущена. В ущерб Германии и Англии, более того, к невыгоде для Европы и всего мира благоприятный компромисс не достигнут и шанс его так и остался неиспользованным. Представится ли он вновь? Нет, этого не произошло. [...] Я убежден в том, что, если бы встреча с британским премьер-министром со-

---

* Загородная резиденция британских премьер-министров.

стоялась и английская сторона согласилась бы с основными идеями этой внешней политики, мы жили бы сейчас в условиях глубочайшего мира»³⁵.

Двадцать первого июня 1936 года внезапно скончался статс-секретарь МИДа Бернгард фон Бюлов (на старую школу Вильгельмштрассе как будто нашел мор!). Дальше начинаются загадки. По воспоминаниям Риббентропа, Гитлер только через месяц, 21 июля в Байройте, «совершенно неожиданно для меня объявил о моем назначении статс-секретарем министерства иностранных дел и поздравил меня с этим назначением. Он только что говорил с министром иностранных дел фон Нейратом, и тот с этим согласен. Он, фюрер, надеется, что мы хорошо сработаемся. [...] Затем фюрер перевел разговор на тему о вакантности поста нашего посла в Англии ввиду смерти г-на фон Хёша и спросил меня, кого надобно послать в Лондон. В связи с этим возникла продолжительная беседа о германо-английских отношениях. [...] Мне стало ясно, насколько важное значение имеет точное представление фюрера о ситуации в Англии и возможности ее изменения, поскольку он, несмотря на все сомнения, все еще стремился к взаимопониманию с нею. Поэтому я высказал мысль, не будет ли наиболее правильным послать меня в Лондон послом, а не назначать статс-секретарем министерства. Идея эта так понравилась Гитлеру, что он тут же ухватился за нее и сказал, что целиком согласен. [...] Затем фюрер пригласил к себе г-на фон Нейрата и сообщил ему, что желает послать меня в Лондон. Это решение, как фон Нейрат сказал мне, он нашел особенно удачным. Казалось, министр тоже считал весьма важным окончательное выяснение германо-английских отношений»³⁶.

Когда Риббентроп заявил об этом на Нюрнбергском процессе, Нейрат выразил удивление, ибо никогда не соглашался видеть его статс-секретарем МИДа. Даже с назначением в Лондон не всё оказалось просто. Нейрат был рад ему, надеясь, что соперник быстро свернет себе шею на поприще традиционной дипломатии³⁷. Однако министр пришел в негодование, когда 26 июля Риббентроп показал ему официальное распоряжение о своем назначении, подписанное Гитлером двумя днями ранее: оно сохраняло за ним все прежние должности с прямым подчинением фюреру,

перед которым он и нес ответственность «на всех постах», включая посольский. 27 июля Нейрат подал очередное прошение об отставке, ссылаясь на то, что данные Риббентропу исключительные права «лишают меня какого бы то ни было влияния в одном из важнейших аспектов германской внешней политики», и предложил рейхсканцлеру лично возглавить министерство³⁸. 10 августа между ними состоялся решающий разговор: фюрер не принял отставку министра и заверил его, что Риббентроп будет подчиняться ему точно так же, как и все остальные послы. Статс-секретарем МИДа стал Ганс-Георг фон Макензен — зять и крестник Нейрата и сын знаменитого фельдмаршала.

«Меня назначили статс-секретарем, но я переиграл это на Лондон!» — в таких словах, по свидетельству Рудольфа фон Риббентропа, отец объявил жене и сыну о своей новой должности³⁹. Иными словами, он желал ее. Некоторые утверждали, что Риббентроп был «подавлен» назначением в Лондон, но источники это ненадежные: Эрих Кордт, выступавший себя главным конфиденнтом будущего рейхсминистра, против которого выступил в Нюрнберге*, и экс-адъютант Гитлера Фриц Видеман, ставший неофициальным эмиссаром Геринга. Д. Ирвинг показал, что они не только тенденциозны в оценках, но и прямо искажают факты⁴⁰. Однако и особенного оптимизма Риббентроп не испытывал: «Я со всей откровенностью сказал Адольфу Гитлеру: шансы на союз с Англией невелики; скорее надо рассчитывать на противоположный результат. [...] И так, я отправляюсь послом в Лондон! Хотя я и был настроен скептически, но поставленная передо мной задача действительно радовала меня: может быть, все-таки еще есть возможность достигнуть этой великой цели»⁴¹.

Первого августа 1936 года в Берлине открылись XI Олимпийские игры — крупнейший пиар-триумф Третьего рейха (вспомним фильм Лени Рифеншталь «Олимпия»). В день

---

* Риббентроп дезавуировал его показания: «Должность Кордта никогда не была столь важна, чтобы я вел с ним политические беседы принципиального характера. [...] И он тоже никогда не давал почувствовать мне своей какой-либо оппозиционности к нашей внешней политике» (Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 209).

открытия Риббентропы устроили большой прием в Далеме: «Талантом Аннелиз небольшой сад был превращен в праздничный луг. Над газоном и теннисным кортом был натянут тент, и при вечернем освещении все это выглядело весьма эффектно: прекрасная трава, которой мы всегда гордились, усеянный кувшинками плавательный бассейн, великолепные рододендроны и празднично накрытые столы. Моя жена превзошла самое себя»⁴². Среди гостей (более шестисот человек) были почти все нацистские лидеры, газетные магнаты Ротермир и Бивербрук и даже Ванситтарт, танцевавший до упаду. «В тот вечер я был словно в розовых очках, — признался Риббентроп, — во всяком случае, хотел видеть все в розовом свете. К сожалению, все пошло по-другому»⁴³. Прием у Геринга, состоявшийся два дня спустя, затмил саден-парти в Далеме.

Приватный разговор с Ванситтартом за ланчем в отеле «Кайзерхоф» тоже ничего не дал. «У меня с самого начала было такое ощущение, словно передо мной стена. Ванситтарт слушал спокойно, оставаясь наглухо застегнутым на все пуговицы и уклоняясь от любой моей попытки перейти к открытому обмену мнениями. За свою жизнь я вел разговоры на эту тему с сотнями англичан, но никогда ни одна беседа не оказывалась столь бесплодной, не вызывающей никакого резонанса у партнера и характерной отсутствием у него даже малейшего желания подойти к сути дела. [...] Почему он не дал мне, постоянно ратовавшему за германо-английскую дружбу и открыто и прямо высказывавшему ему свою позицию, узнать его собственное мнение? [...] Одно не вызывало ни малейшего сомнения: с Ванситтартом германо-английского взаимопонимания не достигнуть»⁴⁴.

В разговоре с Гитлером «Ван» призвал не обольщаться насчет прогерманских настроений в Англии, а в мемуарах издевательски сравнил нашего героя с павлином и утверждал, что тот просто не дал ему вставить слово. «Трудно было чего-то ожидать от Риббентропа, поскольку у него никогда не было ни одной оригинальной идеи», — писал он⁴⁵. Знакомая картина, но от того не более верная.

Перед отъездом в Лондон Риббентропу все-таки удалось добиться одного несомненного успеха. В начале сентября он привез в Бергхоф к Гитлеру бывшего британского

премьера Дэвида Ллойд Джорджа, некогда поставившего подпись под Версальским договором. Филиппики против коммунистической угрозы не слишком вдохновили гостя, но с Гитлером он нашел общий язык. 17 сентября Ллойд Джордж напечатал в газете «Ньюс кроникл» статью о фюрере как «прирожденном лидере», искренне желающем мира и дружбы с Англией. В лицо он вообще назвал его «величайшим немцем эпохи», сказав, что Германия не потерпела бы столь сокрушительное поражение в 1918 году, если бы ее возглавлял такой вождь. Гитлер умел очаровывать, не пренебрегая даже неумеренной лестью: он приписал победу союзников в войне... гению Ллойд Джорджа. Знаменитых говорунов переводил Шмидт. Риббентропу снова досталась роль «лица без речей», но Гитлер не забыл его, сказав, что посылает в Лондон «лучшего из своих людей». Гость охотно подхватил комплимент⁴⁶.

Несмотря на все восторги, осторожный Ллойд Джордж отказался ехать на Нюрнбергский партайтаг — ежегодный съезд НСДАП, куда его пригласил Гитлер. Но британских гостей там оказалось много, включая лордов Маунт-Темпла и Аллена Хартвудского, которых лично опекал Риббентроп. 25 октября он уезжал в Лондон, парафировав перед отъездом соглашение против Коминтерна. На прощание фюрер сказал: «Риббентроп, привезите мне союз с Англией»⁴⁷.

3

«Светски и политически все двери были широко открыты перед симпатичным и молодым посланцем Гитлера с безукоризненными манерами и обезоруживающей улыбкой», — отметил разоблачитель Глен⁴⁸. Однако Риббентроп сразу повел себя не по протоколу. Едва выйдя из поезда на вокзале Виктория, он вскинул руку и произнес «Хайль Гитлер!», а затем зачитал журналистам заявление: «Германия хочет быть другом Великобритании, и, я думаю, британский народ тоже желает дружбы Германии. Фюрер убежден, что существует всего одна реальная опасность для Европы и для Британской империи — это дальнейшее распространение коммунизма, самой страшной из всех зараз, поскольку люди осознают ее опасность, когда уже слишком поздно. Более тесное сотрудничество наших двух стран в

этом направлении не только важно, но и жизненно необходимо для общей борьбы за сохранение нашей цивилизации и нашей культуры»⁴⁹.

Пресс-секретарь Хессе счел новость газетной уткой и был поражен, когда ее подтвердил сам Риббентроп. Он попытался объяснить, что это большая ошибка, но шеф резко оборвал его. Утром на стол нашего героя легла подборка вырезок из лондонских газет, осудивших бестактный жест посла, которому до вручения верительных грамот следовало воздерживаться от политических заявлений. Риббентроп наивно попросил не сообщать об этом в Берлин, поскольку телеграммы DNB были любимым чтением фюрера. Хессе знал, что Гитлер не только ежедневно читал сотни телеграмм, но и требовал от них полной информации, а потому отказался, понимая, что за сокрытие сведений его могут ожидать куда большие неприятности⁵⁰.

На следующий день новый посол представился Идену. Хозяину запомнилось, что гость акцентировал внимание на своей близости к фюреру, благодаря которой англичане будут получать информацию из первых рук. Министр напомнил собеседнику, что не менее важная обязанность посла доносить до Берлина мнение правительства и народа страны пребывания⁵¹.

Тридцатого октября Риббентроп вручил верительные грамоты королю Эдуарду VIII, который «был исключительно любезен. Он расспрашивал меня о фюрере и в ясной форме повторил свое желание иметь хорошие германо-английские отношения»⁵². Риббентроп и Гитлер делали ставку на несомненную популярность короля и его более чем сомнительные прогерманские настроения, но все расчеты оказались опрокинуты отречением Эдуарда VIII, который предпочел престолу личное счастье с миссис Симпсон (враждебная молва приписывала ей даже роман с... Риббентропом!). Вслед за этим посол посетил вдовствующую королеву, премьер-министра Болдуина и других послов, о чем ехидно поведал советский полпред Майский: «Столь же нелепо повел он себя, делая после вручения верительных грамот предписанные дипломатическим этикетом визиты вежливости иностранным послам и британским сановникам. Риббентроп везде становился в заученную позу

и произносил одну и ту же пространно-яроственную речь о необходимости борьбы с коммунизмом, что вызывало иронические пожимания плечами даже у тех, кто симпатизировал гитлеровской Германии. Только приехав с визитом ко мне (избежать этого ему не удалось), он допустил исключение. В течение четверти часа, проведенных в советском посольстве, новый германский посол говорил исключительно на столь "беспартийную" тему, как лондонские туманы».

Отмеченное Майским однообразие речей Риббентропа — не гипербола: о том же вспоминали Джонс, Шмидт и Хессе. Последний недоумевал, почему посол сразу выкладывает все карты на стол. Риббентроп ответил, что таково указание фюрера, который, четко заявляя свою позицию, хочет немедленно получить столь же четкий ответ.

«Несколько дней спустя я поехал с ответным визитом к Риббентропу, — продолжал Майский. — И вот тут с германской стороны была разыграна следующая нелепая комедия. На крыльце немецкого посольства меня встретил здоровенный плечистый парень с нагло-надменной физиономией. Он был в штатском, но выправка, манеры, ухватки не оставляли сомнения в его гестаповском [очевидно, имелось в виду эсэсовском. — В. М.] происхождении. Парень стукнул каблуками, стал во фронт и затем с низким поклоном открыл наружную дверь в посольство. В вестибюле меня встретили еще четыре парня того же гестаповского вида; они тоже стукнули каблуками, тоже стали во фронт и затем помогли мне раздеться. В приемной, где я провел несколько минут, пока Риббентропу докладывали о моем прибытии, меня занимал шестой по счету парень той же категории, но чуть-чуть интеллигентнее. На лестнице, которая вела на второй этаж, где помещался кабинет посла, стояли еще три бравых гестаповца — внизу, наверху и посередине, и, когда я проходил мимо них, каждый вытягивался и громко стучал каблуками...

Итак, девять архангелов Гимmlера салютовали советскому послу, когда он в порядке дипломатического этикета посетил германского посла! Затем в течение 15 минут Риббентроп горячо доказывал мне, что англичане не умеют управлять своей изумительно богатой империей. А после того как мы распрощались и я проследовал из кабинета

германского посла к оставленной у подъезда машине, парад гестаповцев повторился еще раз. Бывший "коммивояжер" явно хотел произвести на меня впечатление. [...] Вернувшись домой, я пригласил к себе нескольких английских журналистов и подробно описал им ритуал моей встречи в германском посольстве. Журналисты громко хохотали и обещали широко огласить эту "сенсацию" в политических кругах столицы. Они сдержали свое слово. [...] [Риббентроп] скоро стал посмешищем в британской столице. [...] Те самые люди, которые только что обедали или пили чай в германском посольстве, выйдя на улицу, разражались злыми насмешками по адресу хозяина и рассказывали друг другу анекдоты о его тупости и самонадеянности»⁵³.

Преуспевший в черном пиаре полпред стал главным врагом нашего героя, отлично понимавшего, кто «сливает компромат» газетчикам.

Внимание прессы доставило послу другой повод для беспокойства: в газетах замелькали фотографии его старшего сына Рудольфа в визитке, цилиндре и с зонтиком — форме Вестминстерской школы, которую тот посещал*. «За несколько дней до моего поступления в Вестминстер, — вспоминает он, — перед домом появились фоторепортеры, чтобы сделать снимки сына нового немецкого посла. Британскую прессу всегда, в те времена, как и сегодня, сильно занимала частная жизнь видных деятелей, к чему также относится и семейная сфера. Мне пришлось привыкать к тому, что и дети видных персон были тоже втянуты в это дело. Очень неохотно я дал себя уговорить и "позировал" (как выразился отец несколько дней позже по телефону) для журналистов. При этом, естественно, я сделал неправильно всё, что только можно было, представ с недовольным лицом и скрещенными на груди руками на лестнице дома. Что я смог знать в свои пятнадцать лет об обращении с международной прессой? Увидев на следующий день свой портрет в газетах, я сам испугался, насколько недружелюбное впечатление производила фотография. Одно до меня дошло сразу: если уж предстаешь перед фоторепор-

---

* Рудольф фон Риббентроп подробно рассказал об обучении в этой школе. См.: *Риббентроп Р. фон*. Указ. соч. С. 92—101.

тером, следует позаботиться о том, чтобы снимок для публикации вышел симпатичным и располагающим к тебе. Случай осуществить этот вывод на деле не заставил себя ждать... Когда я покидал утром наш дом на Итон-сквер, на меня набросились толпы репортеров, вспышки фотоаппаратов сверкали беспрерывно со всех сторон. Однако по фотографиям, подаренным мне на семидесятилетие одним архивом прессы, я имею право заключить, что мне удалось быстро усвоить урок. Как можно по ним убедиться, отныне я дружески улыбался в объективы камер»⁵⁴.

В чем же проблема? «Два или три дня спустя мне позвонил вечером отец из Берлина, не на шутку раздраженно спросивший, "что мне взбрело в голову позировать для прессы?". Он, кажется, воображал, его сыночек получил вкус к независимой, как это бы сейчас назвали, "Public-Relations-работе". Я был возмущен: мне казалось, я неплохо справился со всем. В свою защиту я привел встречный вопрос, а что же мне оставалось делать. Что так разгневало отца? Министерство пропаганды — не будет ошибкой утверждать, "друг" Геббельс — предоставило снимок, изображающий меня в цилиндре и с зонтиком, немецкой прессе; он, очевидно, был опубликован в различных листках. Несложно представить себе сопровождающие такую публикацию пересуды, для Риббентропов, мол, наши школы в Германии чересчур просты, неизысканны. Эта версия, уверен, была доведена также и до Гитлера. Подобные умело рассчитанные удары ниже пояса никогда не промахивались по своему воздействию на него. Таким образом, без всякого содействия с моей стороны, я сделался "ядром" интрижки против отца. Мне стало ясно: все, что бы я ни делал теперь, возможно, отзовется в политической сфере. Отныне недостаточно было сдержанности, речь шла также о том, чтобы правильно реагировать»⁵⁵.

Дополнительно внимание газетчиков к Рудольфу привлек его одноклассник Питер Устинов. «Я его припомнить не могу, — парировал Риббентроп-младший, — хотя он и утверждает, что сидел между мной и сыном нефтяного шейха, — никаких таких сыновей нефтяных шейхов в оные времена в школе не водилось»⁵⁶. Дело в том, что будущий исполнитель роли Эркюля Пуаро был сыном барона Ионы

фон Устинова, предшественника Хессе в лондонском представительстве агентства DNB. В 1935 году Геббельс уволил Устинова-старшего за недостаточно «арийское» происхождение, и тот сразу предложил свои услуги британской разведке⁵⁷. Иона рассчитывал осложнить жизнь посла, подставляя под удар его семью (прямо скажем, несимпатичная затея), но Рудольф с гордостью вспоминал: «*Headmaster* [принципал школы. — В. М.] написал под моим выпускным свидетельством: "Good ambassador for his country"*. Родители были очень обрадованы, я видел в этих словах забавную и любезную формулировку»⁵⁸.

Покончив с протокольными визитами, Риббентроп-старший 13 ноября отправился на охоту в имение Лондондерри, где прогостил четыре дня. Вернувшись в столицу, он встретился с лордом Галифаксом, пояснив, что делает это «не в качестве посла, а как частное лицо». Здесь на полях донесения составленного советником посольства Вёрманом, ибо шеф в тот же день 20 ноября отбыл на подписание Антикоминтерновского пакта, Нейрат поставил вопросительный знак⁵⁹. Через неделю он вернулся к месту основной работы, как раз в разгар кризиса с отречением Эдуарда VIII.

История отречения так и не коронованного британского монарха в декабре 1936 года достаточно известна, поэтому остановимся на ней лишь в той степени, в какой она коснулась посла Германии. Риббентроп не разобрался в ситуации. Отмахиваясь от утверждений о неизбежности отречения, он заявил Хессе: «Вы разве не знаете, какие надежды возлагает фюрер на поддержку короля в будущих переговорах? Он — наша главная надежда. Не думаете ли вы, что все это — интрига наших врагов, имеющая целью лишить нас последних сильных позиций в этой стране? Вы увидите, — продолжил он уверенно, — что король женится на Уолли и они вдвоем велят Болдуину и всей его банде убираться к черту». Даже 10 декабря, когда монарх подписал акт отречения и соответствующий закон был внесен в Палату общин, Риббентроп уверял Дэвидсона, что это «конец Болдуина» и что «королевская партия восстановит

---

* Хороший посол для своей страны (англ.).

Эдуарда VIII на троне». «Он сказал больше чепухи, — написал Дэвидсон, — чем я когда-либо слышал от человека в ответственном положении посла»⁶⁰.

«Британская пресса, — вспоминал Хессе, — показала удивительную дисциплинированность в течение всей этой истории. Специальные выпуски были заготовлены уже за три дня до отречения. Как только один из них попал мне в руки, я отправился с этой новостью к Риббентропу. Он немедленно позвонил Гитлеру в Берхтесгаден. На следующее утро я открыл газету, но в ней не было ни слова об отречении. Когда я сообщил Риббентропу, что в газетах ничего нет, он пришел в ярость. Он восклицал, что безнадежно опозорен в глазах фюрера и что я лишил его поста своей бессовестной ложью.

В разгар этой сцены последовал звонок от Гитлера. Гитлер спросил, что происходит и не сошел ли Риббентроп с ума. Какой мерзавец ответствен за все это? Мне пришлось выслушать перебранку, и я впервые понял, каким истеричным может быть Гитлер. Я уговаривал Риббентропа на минуту прервать обмен любезностями и уверить фюрера, что король отречется. «Вы докажете свою правоту, — добавил я, — в течение сорока восьми часов». Риббентроп все-таки сказал Гитлеру, что отречение всего лишь отложено. Но Гитлер просто оборвал разговор, предоставив адъютанту сообщить Риббентропу, что он, фюрер, больше не желает об этом слышать. Риббентроп чувствовал себя совершенно разбитым. Он ожидал отставки и полного краха своей карьеры.

Когда новости об отречении были обнародованы, я сказал Риббентропу: «Теперь вы можете сообщить фюреру, что вы были правы». «Нет, — ответил он. — Сейчас я не буду ему звонить. Отправьте доклад в Берлин. Фюрер может сам позвонить мне, если захочет. Но как мы можем быть уверены, что и эта новость верна?» Гитлер действительно позвонил Риббентропу и сказал, что безмерно благодарен ему за верную информацию, что он был прав, а все остальные — идиоты»⁶¹.

В тот же вечер Риббентроп составил донесение в Берлин, в котором был вынужден признать, что позиции Болдуина и его кабинета окрепли, что большинство народа с ними и даже пресса, поддерживавшая короля (включая

газеты Ротермира и Бивербрука), перешла на сторону правительства. Закончив излагать факты, посол связал отречение Эдуарда VIII «с его дружественным отношением к Германии, которое, несомненно, создало королю очень влиятельных врагов в этой стране».

На сей раз вопросительный знак на полях поставил начальник Политического отдела МИДа барон Эрнст фон Вайцзеккер, не разделявший конспирологического подхода Риббентропа. Отречение было вызвано внутривнутриполитическими причинами, но опасения относительно возможных германофильских симпатий короля действительно существовали и позже использовались как нацистской, так и антинацистской пропагандой⁶².

Случившееся нанесло болезненный удар по расчетам Риббентропа, какими бы призрачными те ни были: «С отречением Эдуарда VIII дело германо-английского сближения лишилось одного из шансов на успех. Что касается английской стороны, то здесь оно потеряло один из тех факторов, который в числе других послужил причиной для фюрера послать меня в Лондон»⁶³.

В январе 1937 года Фиппс, встретив нашего героя в Берлине, нашел его разочарованным и подавленным. Риббентроп претендовал или, по крайней мере, лелеял надежду на какие-то особые отношения с королем. В этой иллюзии его мог укрепить отчет герцога Саксен-Кобург-Готского о поездке на похороны Георга V в январе 1936 года, точнее, та часть отчета, где речь шла о беседе с новым королем и которая была адресована «только фюреру и партайгеноссе Риббентропу». Монарх «отдал должное Риббентропу и похвалил ведение им переговоров по морскому соглашению. Считает его лучшим выбором для ведения неофициальной германско-британской политики. [...] Хочет видеть послом настоящего национал-социалиста [...] которого можно рассматривать как представителя официальной политики и как доверенное лицо Гитлера»⁶⁴. Историки относятся к этому документу с оправданным скепсисом. Риббентроп сам признал, что «никакого особенного контакта с ним [Эдуардом VIII. — В. М.] установить я не мог [...] Доверительная беседа с королем, которую хотели устроить мои друзья, так и не состоялась»⁶⁵.

Положение Риббентропа осложнил Антикоминтерновский пакт. Во-первых, в политических кругах и в прессе задавали вопрос, насколько уместно послу при Сент-Джеймском дворе ставить подпись под документом агрессивно-идеологического характера, направленным против страны, с которой Англия поддерживает дипломатические отношения. Во-вторых, учитывая не самые сердечные отношения между Лондоном и Токио, пакт мог быть истолкован как антибританский (эту интерпретацию позже примет и сам Риббентроп). Присоединение к пакту Италии осенью 1937 года было встречено с еще большей враждебностью.

Риббентроп специально посетил Идена для беседы о вреде коммунизма и о целесообразности присоединения Англии к единому фронту борьбы с ним: «Я хотел доказать ему значение этого идеологического сплочения для всего культурного мира. Когда Иден заявил мне, что в Англии подписание Антикоминтерновского пакта послом в Лондоне воспринято с неудовольствием, я со всей откровенностью растолковал ему смысл и цель пакта и его значение для всего некоммунистического мира [...] Но я натолкнулся на полное непонимание со стороны Идена»⁶⁶. Наконец, отъезд главы дипломатической миссии, едва успевшего вручить верительные грамоты, вызвал недоуменно-иронический вопрос в Палате общин: «Разве должность германского посла в Великобритании не является постоянной работой (*full-time job*)?» Иден, которому вопрос был адресован, многозначительно промолчал.

«Надо ли удивляться при таких условиях, что антикоммунистический пакт встречен на Британских островах вполне отрицательно и даже враждебно? — удовлетворенно записывал Майский. — Надо ли также удивляться, что как один из побочных продуктов этого пакта, здесь сутобо обострилась антипатия к Риббентропу, главному комиссионеру Гитлера по делам антикоммунистического крестового похода? Эта антипатия настолько возросла, что, пожалуй, Риббентропу трудно будет долго удерживаться в Лондоне»⁶⁷.

Тем не менее 19 декабря Риббентроп снова отправился домой, успев наделать шума выступлением на обеде, данном в его честь Англо-германским обществом: заговорив об «имущих» и «неимущих» странах, он отнес Германию ко

вторым как незаконно лишенную колоний. Гитлер, как известно, спекулировал на колониальном вопросе в перспективе торга с Англией и в июне 1936 года создал Имперскую колониальную лигу в дополнение к Колониально-политическому управлению в составе Имперского руководства НСДАП. Обе структуры возглавлял старый нацист, имперский наместник Баварии генерал Франц Ксавер фон Эпп, у которого Риббентроп уже пытался перехватить инициативу⁶⁸. Англичане принимали слова фюрера всерьез и не собирались отдавать колонии, поэтому не слишком тактичная речь посла была принята нервно, несмотря на попытки второго оратора лорда Лондондерри смягчить ситуацию.

Затем Риббентроп встретился с Иденом для очередной дискуссии по проблемам европейской безопасности. Слухи о встрече проникли в польскую прессу, которая с тревогой следила за дипломатическими маневрами рейха. 28 декабря Риббентроп из Берлина направил главе Форин Оффис гневное письмо, обвиняя английскую сторону в утечке информации. 5 января 1937 года Иден категорически отверг обвинения, напомнив, что о беседе знали не только присутствовавшие, но и на Вильгельмштрассе. Риббентроп ответил (только через две недели!), что это исключено⁶⁹. Проведенное по указанию Идена негласное расследование установило, что поляки получили информацию из германского посольства — где «своих людей» имели многие разведки.

Как и чем жило посольство при Риббентропе? Пятеро его подчиненных написали мемуары: 1-й секретарь Кордт, личный секретарь Шпитци, консул Путлиц, военный атташе Гейр фон Швеппенбург, пресс-атташе Хессе. Их показания единодушны — об этом единодушии я уже писал в предисловии. Однако не будем забывать о том, что Путлиц — агент английской разведки, что тайные контакты Кордта с англичанами граничили с государственной изменой, а Гейр и особенно Шпитци после войны бравировали причастностью к антинацистской оппозиции. Наиболее подробные воспоминания оставил Шпитци, бывший, по его собственным словам, «тенью шефа». Со страниц этой книги под броским названием «Как мы промотали рейх» (есть вариант более удачный, но менее приличный) сам автор предстает мелким и двуличным человеком, который не

стеснялся пользоваться всеми выгодами положения и при этом направо и налево порочил своего благодетеля. Шпитци — коронный свидетель политкорректных биографов вроде Вейтца и Блока, хотя Рудольф фон Риббентроп прямо называет его клеветником. Кстати, Шварц, автор не менее политкорректный и не более надежный, рассказывает такую историю: Шпитци, австрийский нацист, укrywшийся от преследований в рейхе, похвалялся перед сослуживцами по посольству, что после аншлюса повесит на фонаре собственного отца, если тот не примет нацистскую веру...⁷⁰

В рассказах «тени» Риббентроп предстает раздражительным, нервным, подозрительным, распекающим подчиненных из-за каждого пустяка и по любому поводу впадающим в депрессию. Сколько легенд ходило о его лени и неорганизованности — в основном потому, что он поздно просыпался (то ли дело Нейрат, встававший с петухами и отправлявшийся спать в десять вечера!) и начинал давать указания подчиненным, когда брился или принимал ванну.

Риббентроп, действительно, не блистал пунктуальностью, что не красит его, но в случае необходимости был способен на быстрые и решительные действия. В Лондоне он постоянно чувствовал себя не в своей тарелке — страдал от проблем со сном, больной почки и климата, тяготился протокольными обязанностями, беспокоился из-за удаленности от фюрера. Мнительный и не отличавшийся чувством юмора, посол болезненно переживал холодность лондонского света и умело направляемые насмешки прессы, за которыми ему виделись происки врагов — отсюда помешанность на секретности, доходившая до смешного. Думаю, он догадывался и об ироническом отношении подчиненных, которых тиранил почем зря и которые чувствовали себя спокойно лишь в периоды его частых отлучек. Только во время уик-эндов в сельской местности Риббентроп становился спокойным, приветливым, шутил и воспринимал шутки других. «Ах, не пытайтесь выглядеть государственным мужем, — однажды сказала ему юная и непосредственная англичанка, приглашенная на обед в посольство. — Лучше улыбнитесь вашей очаровательной улыбкой». Дипломаты переглянулись, оценив убойную силу реплики, но наш герой воспринял ее буквально — и улыбнулся.

Позднейшая литература, особенно пропагандистская, повторяла утверждения о непопулярности Риббентропа в Лондоне, которая усилила его неприязнь к англичанам. Конечно, и в салонах, и в прессе по адресу нацистского посла отпускали иронические и порой нелестные замечания — но кого и когда щадил высший свет? Американский писатель Джейсон Линдсей в 1991 году вспоминал: «До Второй [мировой] войны я жил в Лондоне и был счастлив находиться в списке приглашаемых к Риббентропу, когда он служил там послом. При нем приглашение в германское посольство было одним из самых желанных и ценимых в Лондоне. Мой добрый друг принц Георг [будущий герцог Кентский] никогда не пренебрегал приглашениями Риббентропа, и именно благодаря принцу Георгу я познакомился с Риббентропом. Думаю, он был очень харизматичным и, безусловно, великолепным хозяином»⁷¹. Утверждениям задним числом можно не верить, но о популярности посла и возлагавшихся на него надеждах свидетельствует, например, подробная статья о нем журналиста Джорджа Слокомба, появившаяся в марте 1937 года в популярном журнале «Стрэнд». Портрет будущего рейхсминистра не лишен неточностей: рассказ о более раннем, чем в действительности, знакомстве с Гитлером и посредничестве в его отношениях с банкиром Куртом фон Шрёдером, восходит, видимо, к самому Риббентропу или его окружению.

Риббентроп вернулся в Лондон 2 февраля 1937 года (успев получить от Гитлера Золотой партийный значок) и через два дня вручал верительные грамоты новому королю Георгу VI. Именно тогда случился инцидент с «гитлеровским приветствием» в Букингемском дворце, без которого не обходится ни одна книга о нацистской дипломатии⁷². После вручения грамот и краткой беседы с королем Риббентроп приготовился уходить и вдруг вскинул вверх правую руку, вызвав смущение присутствующих. Посол рассказывал, что не собирался этого делать, но, отступая назад (этикет запрещал поворачиваться к монарху спиной), поскользнулся и попытался таким образом удержать равновесие. Георг VI улыбнулся и ничего не сказал, но шеф протокола попросил одного из германских дипломатов впредь предупреждать о подобных новациях. В газетах появились

сообщения, что посол приветствовал короля «чем-то вроде гитлеровского салюта».

«Это "новшество" сильно задело англичан и вызвало довольно острую реакцию в консервативных кругах, — написал Майский (почему-то месяцем позже). — Риббентропа обвиняли в бестактности и в качестве "пай-мальчика" противопоставляли меня, который-де приветствует короля в общем порядке, а не подымает над головой сжатого кулака». Та же аналогия пришла в голову Герингу, который поинтересовался у фюрера его возможной реакцией на то, что советский полпред в Рейхсканцелярии поднимет сжатый в ротфронтском приветствии кулак и крикнет: «Да здравствует коммунистическая революция!»

Игнорировать это было нельзя, а объяснить истинную причину публично Риббентроп побоялся. 9 февраля, при первом официальном выходе монарха, он встретил его «германским приветствием», правда, в «штатском», а не формальном «военном» варианте (что это такое, известно по фотографии, воспроизведенной в этой книге). Подчиненные примеру не последовали, ограничившись традиционным поклоном. Газетчики ликовали. Бывший редактор «Таймс» Уикхэм Стид заявил, что королю нанесено оскорбление. Знаменитый карикатурист Дэвид Лоу изобразил посла в виде школьника с поднятой рукой, которому учитель говорит: «Да, Риббентроп, ты можешь выйти».

Пришлось оправдываться, но доклад в Берлин был составлен только 14 февраля — через десять дней после вручения верительных грамот и через пять дней после выхода. Посол утверждал, что в обоих случаях действовал сознательно, что король отреагировал дружелюбно, а все толки в прессе — клевета, и пустился в рассуждения об использовании «гитлеровского приветствия» в дипломатическом этикете. Нейрат исчеркал доклад вопросительными и восклицательными знаками, чиновники Вильгельмштрассе пришли в замешательство, не зная, что делать. В итоге Риббентропу было предписано соблюдать правила и обычаи страны пребывания. При следующей встрече с монархом на приеме 11 марта он только поклонился, хотя, по утверждению Майского, «Риббентроп опять салютовал короля поднятой рукой, но королеве он поклонился нормальным порядком».

За анекдотами такого рода теряется серьезная сторона деятельности посла. Риббентроп пытался действовать «быстротой и натиском», но безуспешно. Джонс не без иронии записал: «Он не может понять, почему в нашей стране принятие решений занимает так много времени, но постепенно учится этому»⁷³.

Встретившись 14 февраля с лордом Галифаксом, Риббентроп опять сложил все яйца в одну корзину: начал с жалоб на враждебность прессы, затем распространялся о колониях как «деле чести», заявив, что Германия *требует их все* (выделено в оригинале), о советско-французском договоре и о необходимости улучшить двусторонние отношения. Относительно новой — на официальном уровне — была тема Чехословакии и судетских немцев, к судьбе которых Гитлер проявлял повышенное внимание. В примечаниях к британской записи беседы есть важная деталь: Путлиц предупредил Форин Оффис о том, что Риббентроп уверил Берлин в поддержке собеседником колониальных претензий Германии (Галифакс допускал уступки, но лишь с целью сдерживания и последующей изоляции рейха). Ванситтарт распорядился максимально засекретить источник сведений, чтобы не подставить ценного агента⁷⁴.

Схожие речи Риббентроп вел за обедом у графа Эдуарда Дерби, когда неделю спустя гостил в его имении. К докладу посол — надо полагать, не без гордости — приложил две записки лорда, который заверял его в том, что «сделает все возможное для улучшения отношений между двумя нашими странами». Ложкой дегтя стал дружеский совет не придавать значения речам сэра Йена Гамильтона, президента Британского легиона в Шотландии, который, несмотря на преклонный возраст, активно участвовал в англо-германских акциях дружбы и несколько раз ездил в рейх. Бывший командующий экспедиционными силами в Галлиполийской кампании 1915 года и автор многих популярных книг, генерал Гамильтон считался одним из главных трофеев нацистской дипломатии, но Дерби прямо назвал его «комической фигурой»⁷⁵.

С 27 февраля по 10 марта 1937 года Риббентроп опять отсутствовал на рабочем месте, но не давал забыть о себе

ни на минуту. 1 марта на Лейпцигской ярмарке он произнес речь о колониальных претензиях Германии⁷⁶. Выдержанная в «лучших традициях» нацистской риторики, речь предназначалась для «внутреннего употребления» и была призвана укрепить позиции Риббентропа в партии, но не могла пройти незамеченной в Англии. Бывший министр колоний Лео Эмери назвал ее «неприятным подобием ультиматума без указанного срока», а в Палате общин был задан вопрос, сделает ли правительство протест по поводу действий посла, нарушающих его официальный статус⁷⁷.

За Риббентропом закрепилось каламбурное прозвище *Brickendrop*, «ронятель кирпичей» — от идиомы *to drop a brick*, означающей не только «уронить кирпич», но и «сморозить глупость». Однако ему удалось восстановить репутацию за счет грандиозного бала, которым ознаменовалось открытие здания посольства после ремонта.

«Насколько серьезной являлась для Гитлера новая попытка достичь принципиального союза с Великобританией, свидетельствует его указание перестроить и роскошно отделать немецкое посольство в Лондоне, — свидетельствует Рудольф фон Риббентроп. — Этот жест был призван подчеркнуть, какое политическое значение придается им замещению посольского поста в Лондоне. Невольно возникает искушение заметить, что на большее "объяснение в любви" к Англии страстный, почти маниакальный архитектор Гитлер вряд ли был способен»⁷⁸. Разработку планов реконструкции фюрер поручил своему придворному архитектору Альберту Шпееру; мебель была изготовлена по эскизам другого его любимца — Пауля Трооста. Городские власти Лондона выступили против изменения фасада здания, являвшегося памятником архитектуры. Пришлось ограничиться внутренним убранством, преобразованным в духе любимого нацистами неоклассического стиля, из-за чего остряки сравнивали посольство с нью-йоркским отелем «Уолдорф-Астория». Из германских музеев было доставлено множество картин. Аннелиз, принимавшая во всем живейшее участие и вывесившая в одном из залов принадлежавшую ей «Мадонну» Фра Беато Анджелико, вспоминала: «Из соображений экономии валюты в связи с начавшимся тогда осуществлением четырехлетнего плана

все основные предметы обстановки и оборудования ввозились из Германии. Даже рабочие-специалисты прибывали оттуда. Поэтому мой муж был немало удивлен, когда однажды в период перестройки здания ему позвонил Геринг [уполномоченный по четырехлетнему плану. — В. М.] и попросил не вскрывать, а сразу же сжечь посланное им, Герингом, с курьером письмо, в котором содержались серьезные упреки насчет якобы непомерного расходования валюты на нее. Тем временем Геринг, оказываясь, узнал, что, наоборот, все желаемые меры по экономии валюты приняты и все заказы размещены в Германии»⁷⁹.

После войны мемуаристы злословили по поводу невероятной роскоши (перестройка обошлась то ли в три, то ли в пять миллионов рейхсмарок), включая 82 телефона, якобы установленных для личного пользования посла и его супруги. «Фантастические рассказы о перестройке лондонского посольства вновь ожили после 1945 года, но правдивее они от этого не стали»⁸⁰, — заключила свой рассказ фрау Аннелиз.

Бал 13 мая 1937 года был приурочен к торжествам по случаю коронации Георга VI, состоявшейся днем ранее. Говорили, что посол Третьего рейха решил затмить пышностью британский двор. Среди полутора тысяч гостей были герцог и герцогиня Кентские, министры, генералы, лорды, депутаты, множество иностранцев. Особые почести были оказаны военному министру Вернеру фон Бломбергу, произведенному в генерал-фельдмаршалы и представлявшему Германию на коронации (ходили слухи, что Риббентроп постарался не допустить на нее Нейрата или Геринга). На первом завтраке в честь Бломберга присутствовали Болдуин, Иден, Ванситтарт, лорд Лондондерри, архиепископ Кентерберийский, лорды Лотиан, Дерби и Ротермир; на втором — Невилл Чемберлен (вскоре назначенный премьером вместо Болдуина), Хор, лорд Галифакс, ярые германофобы Уинстон Черчилль и Альфред Дафф Купер, а также хозяйка модного салона Эмеральд Кунард, любившая терроризировать Риббентропа вопросами об отношении Гитлера к евреям или к христианству. Другая светская львица — леди Астор публично назвала Риббентропа «чертовски плохим послом», ссылаясь на полное отсутствие у него чувства юмора. «Вам

надо слышать, как мы с фюрером покатываемся со смеха, когда шутим», — невозмутимо парировал посол.

Бал удался, несмотря на новую экстравагантную выходку посла: вопреки этикету, приглашения были составлены не по-французски, а по-немецки, что вызвало поток ответов на всевозможных языках, включая... идиш (отличился один из англичан). Риббентроп объяснил нарушение протокола, как и в случае с речью в Совете Лиги Наций, стремлением напомнить, что Германия — великая держава. Не вдававшегося в политические дискуссии Бломберга приняли превосходно. Общая атмосфера торжеств настраивала на умиротворенный лад.

Смена кабинета 28 мая могла дать новый импульс двусторонним отношениям, как это было при подготовке морского соглашения. Майские доклады Риббентропа, обещавшего устроить приезд в рейх очередной группы почетных гостей (включая Черчилля и фабриканта виски Уокера), были полны оптимизма⁸¹. 5—8 и 24—28 июня он провел в Германии, докладывая ситуацию фюреру, а также помешав приезду Нейрата в Лондон, запланированному на последнюю декаду месяца. Формальной причиной переноса визита на неопределенный срок стала атака неизвестной подводной лодки германского крейсера «Лейпциг» у испанских берегов, но интрига Риббентропа, поднявшего вокруг инцидента большой шум, не была секретом ни для кого⁸². 14 августа посол снова уехал — на сей раз в отпуск, втайне питая надежду на то, что возвращаться ему уже не придется.

Можно верить или не верить современникам, но, по общему мнению, к осени 1937 года потенциал Риббентропа как посла был исчерпан. В кулуарах Нюрнбергского партийтага (8—13 сентября) обсуждали, кем его назначат — министром колоний или начальником Президентской канцелярии. Возможным преемником в Лондоне называли посла в Риме Ульриха фон Хасселя. Сам Риббентроп метил на должность Нейрата, почувствовав себя обделенным во время пышного визита Муссолини (25—29 сентября), но какое отношение к приезду итальянского премьера имел посол в Англии?

Почти весь октябрь (4—15 и 17—25) он снова провел в Германии, опекая гостей Гитлера: герцога и герцогиню

Виндзорских (бывшего короля Эдуарда VIII и Уоллис Симпсон), а затем заехал в Италию⁸³. Тогда же ему пришлось разбираться с неприятной для самолюбия историей: Нейрат, под предлогом соблюдения режима секретности, приказал не посылать в «Бюро Риббентропа» секретные телеграммы МИДа, и только вмешательство фюрера вернуло все на круги своя⁸⁴. Непродолжительные заезды к месту службы были вызваны церемониальными обязанностями вроде заседаний Комитета по невмешательству в испанские дела (26 и 29 октября)* или открытия сессии парламента (26 октября). Днем позже Риббентроп привычно пожаловался Идену на прессу, но министр заметил, что английская публика привыкла видеть послов, аккредитованных при дворе Его Величества, в Лондоне, а не в других столицах. Впрочем, это была лишь затравка: в качестве главной темы Риббентроп, в преддверии визита в Рим, расписывал собеседнику опасность коммунистической угрозы и свою готовность помочь улучшению двусторонних отношений. «Я воздержался от того, чтобы сообщить Его Превосходительству мое мнение о его вкладе в так называемое улучшение», — саркастически заключил Иден запись беседы⁸⁵.

Риббентроп не внял предостережению и снова отправился на континент. Триумф с присоединением Италии к Антикоминтерновскому пакту сопровождался нагоняем от Гитлера, о чем говорилось выше. По возвращении в Лондон посол, не зная, что ждет его в будущем, устроил несколько приемов, произнес несколько умеренных речей, встретился с Иденом, Галифаксом и Чемберленом, чтобы уяснить последние тенденции британской политики⁸⁶, и принялся готовить итоговый доклад. Над ним он трудился около месяца — все, кроме жены, под теми или иными предлогами отказались помогать ему. На Рождество Риббентроп уединился в своем имении Зонненбург, откуда 27 декабря послал доклад Гитлеру, а затем приехал в Берлин и остано-

---

* Риббентроп тяготился обязанностями представителя Германии в комитете, в результате чего позиции «фашистского блока» отставивал итальянский посол Дино Гранди. Деятельность комитета подробно, хотя и пристрастно описана в мемуарах Майского, который представлял в нем СССР.

вился в отеле «Кайзерхоф» напротив Рейхсканцелярии, в ожидании, что позовут. Не позвали.

Второго января 1938 года он отправил фюреру исправленный вариант доклада⁸⁷. Несмотря на интервал всего в несколько дней, между документами есть важное различие: в первом Риббентроп допускал возможность соглашения, во втором — нет, полагая, что при серьезном нарушении статус-кво Англия будет воевать. «В отличие от большинства [германских. — В. М.] дипломатов, он не хотел оттягивать это любой ценой, а напротив — приступить к конкретным дипломатическим и военным приготовлениям с целью обеспечить победу Германии»⁸⁸.

Возможно, на Риббентропа повлияло общение с «твердолобыми» вроде Черчилля, который во время их единственной серьезной беседы в 1937 году сказал, что его страна не допустит гегемонии Германии в Центральной и Восточной Европе. «Тогда война неизбежна», — заявил Риббентроп. «Говоря о войне, — заметил Черчилль, — вы не должны недооценивать Англию. [...] Если вы втянете нас в новую мировую войну, мы мобилизуем против вас весь мир, как в прошлый раз». «Англия может быть очень умной, — парировал Риббентроп, — но на этот раз она не повернет весь мир против Германии»⁸⁹. Аннелиз фон Риббентроп нашла в бумагах мужа запись этого разговора, в которой содержится еще одна фраза Черчилля: «О, мы достаточно ловко сумеем, в конце концов, все-таки перетянуть ваших друзей на нашу сторону»⁹⁰.

ГЛАВА 5
**В ТЕНИ ФЮРЕРА
(1938—1939)**

*Что сулит наступающий год?
Снова небо туманно и мглисто.*

Александр Городницкий

1

Лондонская миссия закончилась провалом: Риббентроп не только не привез союз с Англией, но и оставил двусторонние отношения в худшем положении, чем было до него. Насколько оправданно возлагать на него всю вину за случившееся? Так поступали германские дипломаты, спешившие записаться в свидетели обвинения, чтобы не оказаться среди обвиняемых. Так делали алармисты во главе с Черчиллем, стремясь затушевать последствия своей политики, нагнетавшей напряженность в Европе. Так поступали умиротворители, пытавшиеся оправдать неуспех своего курса. Всем было что скрывать и от чего отрещиваться.

Риббентроп оказался неподходящей фигурой для этого поста, хотя «посылая одного из своих доверенных лиц, Гитлер стремился реализовать свое желание дружбы с островным королевством»¹. Он вообще не годился в послы, потому что стремился все время быть не просто на виду, но рядом с фюрером, участвовать в решении вопросов не только внешней, но и внутренней политики, не ограничиваясь рамками страны пребывания. Решительная, идеологизированная дипломатия «бури и натиска» не соответствовала консервативному и традиционно не расположенному к Германии официальному Лондону. Главной причиной неудачи стали не личные качества посла, а стартовые условия.

«Моя миссия в Лондоне не могла привести к успеху, потому что британская политика, как это сегодня [в 1946 году. — В. М.] ясно каждому, была направлена про-

тив Германии. Если бы я рекомендовал Адольфу Гитлеру, учитывая интересы Англии, отказаться от усиления Германии, вот тогда бы я был в Лондоне *persona gratissima* [особо желательная персона. — В. М.] [...] Но я представлял в Лондоне сильную Германию, желающую быть с Англией на равных»².

Германско-английские отношения 1936—1938 годов не могли быть иными, поскольку им мешало слишком много факторов: непримиримо антигерманская позиция руководства Форин Оффис в лице Идена, лорда Галифакса и Ванситтарта; острая внутривластная борьба, поскольку ни в одной из трех партий (консерваторы, либералы и лейбористы) не было ни идейного, ни организационного единства; стремление Черчилля и его окружения вернуться к власти, единственный путь к которой для них лежал через нагнетание «военной тревоги»; влияние сионистского лобби, хотя его главной заботой была не судьба соплеменников в рейхе, а будущее Палестины; наконец, умелые действия Москвы, вносившие раскол в «капиталистический лагерь»³. Усилия Риббентропа были обречены на провал, даже если бы он вел себя по правилам. Возможно, считавшийся либералом посол с донацистским прошлым и легким антинацистским флером, вроде Хасселя, мог смягчить или отсрочить некоторые конфликты. Но не за такую ли склонность к компромиссам англичане осуждали собственного посла в Берлине Невилла Гендерсона?

Что ожидало Риббентропа? На доклад рейхсканцлер не отреагировал. Однако «30 января 1938 года, когда я находился в Берлине на торжествах по случаю пятой годовщины взятия власти, Адольф Гитлер попросил меня задержаться на несколько дней. [...] 4 февраля фюрер вызвал меня к себе и сообщил, что в рамках новых назначений на различные высокие государственные посты он хочет произвести замену министра иностранных дел. [...] Назначение имперским министром иностранных дел явилось для меня совершенно неожиданным»⁴.

В конце января Гитлер начал перестановки в верхнем эшелоне власти. Первыми в отставку были отправлены военный министр Вернер фон Бломберг и главнокомандующий сухопутными войсками барон Вернер фон Фрич, на

которых фюрер получил «компромат»: новоиспеченная супруга первого оказалась в прошлом проституткой, второй был ложно обвинен в гомосексуализме. На место Бломберга метил сам Герман Геринг, но интрига не дала ожидаемого результата: Гитлер объявил главнокомандующим вермахтом самого себя, упразднив пост имперского военного министра.

Второго февраля Риббентроп был на банкете в честь 65-летия Нейрата, который почтил своим присутствием фюрер. После благодарственной речи он вручил имениннику подарок — старинную картину с изображением... могилы Константина Великого, тезки юбиляра. Министр, достигший пенсионного возраста, повторил просьбу об отставке. Гитлер ответил отказом и продолжал расточать комплименты виновнику торжества. Шеф Рейхсканцелярии Ганс Генрих Ламмерс не верил своим ушам, поскольку на его столе лежали уже подписанные указы об отставке министра и назначении его преемника.

После полудня 4 февраля Гитлер пригласил Нейрата для дружеской беседы, с которой тот вернулся в прекрасном настроении. Вечером ему позвонил адъютант фюрера и попросил немедленно прибыть в Рейхсканцелярию. Министр сказал, что это, видимо, ошибка, поскольку он недавно вернулся оттуда, но ошибки не было. Гитлер объявил, что назначает Риббентропа имперским министром иностранных дел и поручает Нейрату пост председателя только что созданного Тайного правительственного совета (*Geheime Kabinettsrat*)*, поскольку нуждается в его опыте. «Поздравьте — меня уволили», — приветствовал удивленных домашних Нейрат, не ободрявшийся относительно своего нового поста. В тот же вечер фюрер вызвал к себе Риббентропа. «Теперь я министр, — объявил счастливцев сопровождавшему его Шпитци, выйдя из зимнего сада Рейхсканцелярии, — и мы будем проводить настоящую германскую политику»⁵.

---

* В Совет вошли пять министров и командующие тремя видами вооруженных сил; он не собирался ни разу. Указ о его создании предусматривал информирование Нейрата обо всех решениях в области внешней политики, но злопамятный Риббентроп постарался лишить его этого права.

Назначение Риббентропа никого не удивило, но мало кого обрадовало — за исключением Муссолини и Чиано, считавших, что «дело идет к полной нацификации, а это полезно для "оси" [...] Ясно, что он против англичан, которые плохо относились к нему. Лондон был для него поражением, Рим успехом»⁶. Чемберлен был сдержан: «Думаю, пройдет какое-то время, прежде чем мы поймем, что все эти изменения означают в международных отношениях, но боюсь, что в настоящее время нет ничего, что могло бы поощрить веру в то, что ситуация станет легче. С моей точки зрения, все это довольно неудачно, так как я надеялся, что по возвращении в Берлин Гендерсон сразу увидится с Нейратом и обсудит с ним вопросы, о которых мы говорили здесь. Но с Риббентропом в его новой должности я чувствую, что всё снова зыбко. Он всегда выражал самое сильное желание прийти к пониманию с нами, но его действия никогда в полной мере не соответствовали его стремлениям»⁷.

Геринг, аппетиты которого не знали границ, нацеливался и на этот пост. Дипломаты поняли, что новый шеф будет не более чем секретарем фюрера по иностранным делам, подобно тому как начальник созданного тогда же Верховного командования вермахта генерал-лейтенант Вильгельм Кейтель стал секретарем фюрера по военным делам — и разделил судьбу Риббентропа как на Нюрнбергском процессе, так и на страницах мемуаров бывших подчиненных.

«Принимая на себя руководство министерством, я, несомненно, сделал ошибку, не потребовав четких полномочий с целью обеспечить приоритет министерства иностранных дел в ведении внешней политики и определить необходимые и непрременные для этого компетенции. Но при стиле работы Адольфа Гитлера я, вероятно, не достиг бы ничего и этим [...] [Он] решал особенно близкие его сердцу внешнеполитические дела единолично. В первые годы мне часто удавалось добиваться осуществления своей точки зрения, но потом это стало труднее. Отстоять собственное мнение перед такой сильной личностью было нелегко»⁸.

Что сказал бы Молотов на его месте? Наверно, то же самое: «С самого начала мне было ясно [...] что я буду работать в тени мощной личности и мне придется во многом ограничивать себя»⁹.

В один день с Нейратом Гитлер отправил в отставку трех послов: Франца фон Папена (Вена), Ульриха фон Хасселя (Рим) и Герберта фон Дирксена (Токио) — но причины в каждом случае были разные. Дирксен сам просил об этом, так как плохо переносил субтропический климат. На обратном пути он узнал, что назначен послом в Лондон: «Я пришел к очевидному выводу, что он [Риббентроп. — В. М.] смотрит на меня как на ширму, призванную прикрывать его истинные чувства и намерения по отношению к британскому правительству. И все-таки я надеялся, что сотрудничество с ним возможно. В конце концов, он ведь достиг своей цели — стал министром иностранных дел. Как послушный и исполнительный слуга своего хозяина он вынужден будет придерживаться гитлеровского курса, в принципе дружественного Англии»¹⁰.

Голову Хасселя давно требовал Чиано, не скрывавший от посла ни своего недовольства, ни его причин: итальянцы хотели, чтобы нацистский режим был представлен в Риме нацистом. Недовольны были Хасселем и в Берлине (Риббентроп не принял его с формальным докладом о завершении миссии), что окончательно толкнуло отставного посла в лагерь оппозиции режиму*. Папен не успел пережить изумление внезапной отставкой, как снова был возвращен на свой пост, хотя и временно.

Соблюдая приличия, Нейрат представил преемника на Вильгельмштрассе, заявив, что «искренне рад передать бразды правления более молодому человеку, способности которого доказаны его успехами». Риббентроп заверил: он будет продолжать «традиции Нейрата» и их взгляды на внешнюю политику совпадают, однако 16 февраля устроил полувоенный смотр личного состава, облачившись в эсэсовскую форму и приветствуя подчиненных не только «буржуазным» рукопожатием, но и «германским приветствием»¹¹.

От нового министра ждали кадровой революции, но ее не случилось — произошло обычное заполнение вакансий,

---

* Дневник Хасселя за 1938—1944 годы фиксирует не столько факты, сколько слухи и мнения автора и его окружения, отношение которого к Риббентропу было отрицательным.

причем за счет карьерных дипломатов. Ганс Георг фон Ма-кензен отправился послом в Рим. Статс-секретарем стал начальник Политического отдела барон Эрнст фон Вайц-зеккер; оказавшись на скамье подсудимых, он оправды-вался тем, что хотел оказывать «умиротворяющее воздей-ствие» на рейхсминистра, а также заявлял о несогласии с ним. Возможно, он и не был согласен с генеральной ли-нией, но никак этого не афишировал и в отставку не по-давал, по поводу чего бывший шеф заметил: «Как г-н фон Вайцзеккер, так и д-р [Эрих. — В. М.] Кордт бесчисленное множество раз, постоянно, вновь и вновь выражали мне свою преданность и удовлетворение происходившими со-бытиями»¹².

Преемником Вайцзеккера во главе Политического от-дела стал Вёрман, пользовавшийся доверием министра; начальники остальных шести отделов остались на местах. Теодор Кордт стал советником посольства в Лондоне вме-сто Вёрмана. Эрих Кордт возглавил секретариат министра, куда пристроил и неблагодарного Шпитци. Карьеристы из Бюро ждали повышения, но Риббентроп взял в штат лишь 28 человек, в основном во Внутриполитический отдел и в Отдел печати, который решил возвысить в противовес ми-нистерству пропаганды.

Начиналась нацификация Вильгельмштрассе. Только начиналась, ибо министерство сохраняло донацистский и даже довоенный дух и личный состав: 1933 год затро-нул его не больше, чем 1918-й. Непосредственно в резуль-тате прихода Гитлера к власти службу оставили всего два видных дипломата: посол в США Фридрих фон Приттвиц унд Гаффрон и консул в Нью-Йорке Пауль Шварц (буду-щий биограф Риббентропа и информатор советской раз-ведки), причем только Шварц сделал из этого публичный акт. Несколько человек отправили на пенсию по возрасту. В 1935 году руководство министерства оставалось тем же, что и в начале 1933 года, а назначенцы Нейрата сохранили должности при Риббентропе. Новый министр озаботился приемом подчиненных в партию (к концу 1937 года в рядах НСДАП состояло лишь 33 из 92 кадровых дипломатов верх-него звена) и выхлопотал внеочередной прием в СС Вайц-зеккера и Вёрмана.

Дирксен остроумно охарактеризовал отношение Риббентропа к МИДу до и после назначения: «браконьер, назначенный лесничим». Раньше он старался вести собственную игру, максимально свободную от влияния Вильгельмштрассе, теперь взять всю внешнеполитическую активность рейха под контроль и таким образом поднять престиж своего ведомства как можно выше. Для реализации самого амбициозного проекта — выращивания нового поколения идейных нацистских дипломатов История времени не отвела.

2

Назначая Риббентропа министром, Гитлер назвал ему четыре проблемы — Австрия, Судетская область, Мемель (ныне Клайпеда, Литва) и Данциг (ныне Гданьск, Польша), которые он хотел «вернуть в рейх». Все они были наследием Версальской системы, поэтапная ревизия которой являлась целью германской внешней политики и до нацистов.

Австрия, ставшая в результате распада Австро-Венгрии государством с преимущественно немецким населением, уже в декабре 1918 года пожелала объединиться с Германией (так решил ее новый, республиканский парламент), но победители воспротивились этому, закрепив свой запрет в Версальском (ст. 80) и Сен-Жерменском (ст. 88) договорах. Судетская область с тремя с половиной миллионами немцев, которые проживали там более тысячи лет, вошла в состав Чехословакии. Сен-Жерменский договор подробно прописал статут национальных меньшинств и механизм их защиты (ст. 62—69), но не распространил их на немецкое население, оказавшееся на территории других стран. Мемель, принадлежавший Пруссии с 1422 года, был отторгнут от Германии Версальским договором (ст. 99) и передан под управление Лиги Наций. 13—15 января 1923 года, невзирая на протесты Польши и РСФСР, Литва захватила Мемель, что через месяц было закреплено решением Конференции послов Антанты, хотя германское население города в три раза превышало литовское. Данциг, национальная и государственная принадлежность которого Германии не вызывала сомнений, был объявлен «вольным городом под защитой Лиги Наций», а 327 тысяч его населения (из них 97 процентов составляли немцы) потеряли герман-

ское гражданство. Вольный город был включен в пределы экономического пространства Польши, которая получила в свое ведение его внешние сношения (ст. 100—108 Версальского договора). Не ограничиваясь этим, поляки по соседству создали порт Гдыня, который со временем должен был перевести на себя все пассажирские и грузовые потоки и таким образом экономически задушить «не совсем польский» Данциг. Новый город был создан на территории Польского коридора — отторгнутом от Германии участке, который соединял исторически населенные поляками земли с морем и одновременно отрезал одну часть германской территории (Восточная Пруссия) от другой (ст. 27 Версальского договора). Данциг и коридор станут основной причиной конфликта двух держав и главным поводом к войне в Европе.

Такие задачи Гитлер поставил перед новым министром. Риббентроп пересказал их Вайцзеккеру, предлагая тому пост статс-секретаря, и поделился с ним глобальным видением ситуации: прежде всего — не допустить коалиции Англии, Франции и СССР против Германии. Собеседник, если и был против, оставил возражения при себе.

Аншлюс («присоединение») Австрии стал дебютом министра, но к его подготовке и осуществлению он не имел никакого отношения, как и Нейрат, поскольку посол Папен сносился напрямую с фюрером. На 12 февраля была назначена встреча рейхсканцлера Гитлера с бундесканцлером Куртом фон Шушнигом, на которой сильнейший из диктаторов готовился запугать слабейшего. Генералы Вильгельм Кейтель, Вальтер фон Рейхенау и свирепого вида Гуго Шперрле были вызваны для устрашения низкорослого австрийца. Папен, которого Гитлер попросил остаться послом, и тайно перешедший на сторону нацистов статс-секретарь МИД Австрии Гвидо Шмидт должны были уговорить Шушнига согласиться со всеми требованиями по «сближению» двух стран. Риббентроп выступил заодно с ними в роли хорошего следователя. «Вся атмосфера на переговорах в Бергхофе была весьма доверительной, а все договоренности с Шушнигом достигались с взаимного согласия и исключали какое бы то ни было давление»¹³. После войны Шушниг, конечно, утверждал обратное¹⁴.

Затем состоялись первые встречи с послами. Макензен еще в бытность статс-секретарем подготовил записку о взаимных претензиях с французами (запрет газеты «Тан» в Германии, антинацистская выставка «Пять лет Гитлера» в Париже), но Франсуа-Понсе начал с протеста по поводу Австрии. Министр ответил, что для защиты соотечественников за рубежом рейх не остановится ни перед чем, включая применение силы. Не привыкший к такому языку, Франсуа-Понсе посчитал, что собеседник «не готов и не способен» занимать свою должность¹⁵. Британский посол демаршей не делал, сказав, что пришел за информацией. О сэре Невилле Гендерсоне следует сказать подробнее.

Фиппс, представлявший Великобританию в Берлине с 1933 года, подходил для этой роли не лучше, чем Риббентроп для Лондона. При немалом опыте и остром уме он был франкофилом и германофобом, как и его шурин Ванситтарт. В нацистах его раздражало буквально всё, и он просился в Париж. В январе 1937 года Иден удовлетворил его просьбу и задумался о преемнике. В мемуарах он утверждал, что имел в виду кандидатуры посла в Турции сэра Перси Лоррэна или верховного комиссара в Египте сэра Майлса Лэмпсона и «глубоко сожалел, что не выбрал одного из них, отдав предпочтение дипломату, которого мне порекомендовали». Это был посол в Аргентине Гендерсон (Иден его лично не знал): в Буэнос-Айресе и ранее в Белграде он показал, что умеет ладить с диктаторами и самодержцами. Впоследствии Иден патетически восклицал: «Международным несчастьем стало то, что в Берлине нас представлял человек, постоянно искавший оправданий для нацистов вместо того, чтобы их предостерегать. [...] Не раз я предупреждал его против обыкновения трактовать мои указания в дружественном нацистам духе. [...] Вера Гендерсона в добрую волю нацистов и поддержка их претензий в Австрии и Чехословакии вызвала события, которые он должен был предотвратить»¹⁶. Это мудрость задним числом, поскольку тогда, в 1937 году, назначение опытного, хотя и не слишком известного в мире Большой политики дипломата ни у кого возражений не вызвало.

Гендерсон стал главной мишенью германофобов из Форин Оффис еще во время службы в Берлине, а потому по

возвращении принялся за мемуары, стремясь оправдаться перед историей. Пришлось торопиться, поскольку уже в Германию он приехал больным раком. Воспоминания, честно озаглавленные «Провал миссии», вышли в апреле 1940 года, в самом конце «Странной войны». Книга получилась искренняя и пристрастная — особенно в отношении Риббентропа, который выведен в ней главным злодеем.

«Я отправился в Берлин, — писал Гендерсон, — преисполненный решимости увидеть как хорошие, так и дурные стороны нацистского режима, несмотря на многие неприемлемые аспекты и собственные сомнения, и по мере сил объяснить его намерения и позицию правительству Его Величества. Гитлер и нацистская партия правили Германией, и мой долг был работать с ними. [...] Официальный представитель за границей не может успешно служить своей стране, если он известен как враг правительства страны пребывания. [...] Я был убежден, что мир в Европе зависит от достижения взаимопонимания между Британией и Германией. Соответственно я намеревался, во-первых, максимально сблизиться с нацистскими лидерами и, если возможно, завоевать их доверие, а во-вторых, как можно объективнее изучить германскую точку зрения и как можно вернее донести ее до моего правительства. [...] Моя миссия в Германии была трагическим провалом, но как минимум совесть моя чиста»¹⁷.

После войны на покойного посла списали все промахи британской дипломатии. Мемуары не переиздавались и редко цитировались, его имя сопровождалось уничижительными эпитетами и критическими оценками. Даже официальная публикация «Документов британской внешней политики» под редакцией его недруга Рэба Батлера постаралась выставить Гендерсона в неприглядном свете. Не буду утверждать, что посол всегда и во всем был прав, но обстоятельный и объективный анализ своей работы он, бесспорно, заслужил.

Инструктаж с новым послом проводил не глава Форин Оффис Энтони Иден, а только что назначенный премьером Невилл Чемберлен, который привык «тащить на себе весь кабинет». «Взгляды Чемберлена и Гендерсона на то, что с Рейхом можно и нужно сотрудничать, совпали практиче-

ски полностью, — отметила М. А. Девлин. — Чемберлен подчеркнул, что Британия продолжает перевооружение, но что это вовсе не означает возможность для начала новой войны и искать нужно возможности в первую очередь для мирного урегулирования обостряющейся в Европе обстановки. [...] Почему премьер-министр не должен был видеть в Рейхе полноценного международного партнера?»¹⁸

Третьего марта 1938 года Гендерсон встретился с Гитлером и Риббентропом, о чем давно уже просил. Разговор сразу же высветил разницу интересов и подходов сторон: посла интересовала позиция Берлина в отношении колоний, поскольку в Лондоне шла разработка нового режима колониального управления в Африке; фюрер хотел довести до сведения англичан, что «в урегулирование своих отношений с родственными странами или со странами с большим количеством немецкого населения Германия не позволит вмешиваться третьим державам» и что «если немцев в Центральной Европе будут и в дальнейшем угнетать [...] то Германия должна вмешаться, и она вмешается».

Оба вполне могли быть довольными встречей: Гитлер признал, что «не считает колониальный вопрос уже созревшим для разрешения. [...] Можно спокойно подождать 4, 6, 8 или 10 лет». Гендерсон подтвердил согласие нового главы Форин Оффис лорда Галифакса, который 21 февраля заменил Идена, «с тем, что перемены в Европе вполне возможны», что Чемберлен «выказал большое мужество, когда, не обращая внимания ни на что, сорвал маску с таких интернациональных фраз, как коллективная безопасность», что Англия не вмешивается в австрийские дела. Гитлер обозначил готовность отказаться от колониальных претензий в обмен на невмешательство в европейское «урегулирование». Вынужденный молчать, Риббентроп вставил слово лишь по поводу «клеветнической кампании, проводимой агентством Рейтер» и выразил удивление, что «никто из ответственных лиц не был уволен и даже не получил выговора»¹⁹. Понимание отношений между государством и прессой у них явно различалось.

Риббентроп прилетел в Лондон для вручения отзывных грамот 9 марта. По протоколу без этого можно было обойтись, но рейхсминистр решил покрасоваться в новом каче-

стве. Увы! Через несколько часов после приезда он услышал по радио, что канцлер Шушниг назначил на 13 марта плебисцит о независимости Австрии, оставив в бюллетенях только «да» и подняв возрастной ценз до 24 лет вместо полагавшихся по закону 21 года (мера, направленная против австрийских нацистов, среди которых преобладала молодежь). Гендерсон назвал это «последней ставкой отчаявшегося игрока», поддержать которую не согласился даже Муссолини, главный потенциальный союзник Шушнига²⁰. Плебисцит перечеркивал все договоренности с рейхом, поэтому Гитлер послал изумленного высоким доверием Шпитци в Лондон с письмом к Риббентропу, поручая тому срочно выяснить возможную реакцию англичан на военную операцию в Австрии. На Вильгельмштрассе временно водворился Нейрат, предложивший вызвать Риббентропа из Лондона, но Геринг посоветовал оставить того в покое.

Десятого марта Риббентроп встретился с Галифаксом — сначала тет-а-тет, потом в присутствии Вёрмана и сэра Александра Кадогана, преемника Ванситгарта в качестве постоянного заместителя министра. Учитывая важность момента, собеседники составили подробную запись беседы на английском языке и согласовали ее содержание. Гость ругал лондонскую прессу (Гендерсон тоже числил ее среди главных виновников напряженности), похвалил реалистичную политику Чемберлена, но разговор быстро перешел на Австрию. Риббентроп назвал плебисцит «попыткой с негодными средствами» и «сплошным надувательством», подтвердив, что «Германия желает добиться права на самоопределение для 10 миллионов немцев, проживающих на ее восточной границе, то есть в Австрии и в Чехословакии. [...] Германия всегда пыталась решать эти проблемы мирным путем, она будет это делать и впредь».

Галифакс, прочитавший рейхсминистру «лекцию, если не проповедь» (выражение Кадогана), заявил: «Британское правительство признает, что Германия, прежде всего, заинтересована в вопросе своих [национальных. — В. М.] меньшинств в Австрии и в Чехословакии. Однако этот вопрос может иметь серьезные последствия для всей Европы, и поэтому британское правительство заинтересовано в нем. [...] Если из-за австрийского или чехословацкого во-

просов вспыхнет война, в нее могут быть вовлечены другие страны, и никто не может сказать, какие страны останутся незатронутыми».

Риббентроп сообщил в Берлин не согласованный текст, а собственное изложение: отразив дежурные примирительные фразы Галифакса, он проигнорировал его предупреждение и сделал вывод, что воевать за Австрию Англия не будет²¹. Опасаясь, что собеседник может что-то утаить, британский министр послал Гендерсону согласованную запись беседы для возможного информирования Гитлера²².

В тот же день, 10 марта, в германском посольстве состоялся грандиозный прощальный банкет. На следующий день Риббентроп вручил отзывные грамоты королю, а перед визитом во дворец позавтракал в посольстве со старым знакомым Томасом Джонсом, министром координации обороны сэром Томасом Инскипом и лордом Астором. Рассказу о дружеской беседе Гитлера с Шушнигом гости не поверили (бундесканцлер находился в постоянном контакте с английской миссией в Вене*), но сошлись во мнении о нежизнеспособности Австрии в «версальских» границах. Инскип посоветовал не спешить, так как мирное решение проблемы — Риббентроп называл это «в германском духе» — вполне реально и будет одобрено Англией, но угроза и тем более применение силы чреваты войной. Рейхсминистр передал эти слова Гитлеру, заметив, что в целом они совпадают с мнением лорда Галифакса, хотя это явно противоречило его предыдущему докладу²³.

Вечером того же дня Чемберлен дал на Даунинг-стрит, 10, обед в честь Риббентропа, где присутствовали лорд Галифакс, Хор, Саймон, Инскип, лорд Лондондерри, Черчилль и Кадоган с женами. Ближе к десерту посыльный из Форин Оффис вручил Кадогану две телеграммы, которые тот передал Галифаксу и Чемберлену: под давлением нацистов Шушниг отменил плебисцит и подал в отставку. Хозяева

---

* Еще одним важным источником информации был Георг Франкенштейн, австрийский посланник в Лондоне в 1920—1938 годах. После аншлюса он остался в Англии, получил британское гражданство и был возведен в рыцарское достоинство — видимо, за немалые заслуги перед Британской империей.

предложили Риббентропу, оставленному Берлином в неведении (с учетом «любви» к нему Геринга и Нейрата, полагаю, сознательно), уединиться и потребовали объяснений: премьер спокойно, министр в более резком тоне, назвав угрозу применения силы «нестерпимой».

«Кажется весьма ироничным, — рассказывал Чемберлен сестре Хильде три дня спустя, — что, потратив 20 минут после ланча на искренний разговор с Риббентропом о лучшем понимании и взаимном вкладе, Германии и нашем, в дело мира, я пошел к себе и тут же получил телеграммы об ультиматумах, [предъявленных] Шушнигу. Мне пришлось немедленно пригласить Риббентропа в свою комнату внизу, отослав его жену домой в одиночестве. Галифакс говорил с ним достаточно сурово и серьезно просил передать своему вождю, пока не стало слишком поздно, чтобы тот придержал коней. Не думаю, что Г[алифакс] или я ждали какого-то результата; в этом году мы получили много сигналов, что новые события в процессе поглощения Австрии неизбежны, хотя надеялись, что это может произойти без насилия. Но при разговоре с Риббентропом меня всегда переполняет чувство беспомощности. Он так глуп, так мелок, так зациклен на себе и доволен собой, настолько лишен умственных способностей, что, кажется, не понимает то, что ему говорят. На этот раз он много говорил о "предательстве" Шушнига и его глупости с устройством плебисцита (с последним пунктом я не спорю), но совершенно неспособен понять наши возражения по поводу немецких методов. Он выразил неверие в любой ультиматум или даже угрозу с германской стороны. Как я понял, он считает, что Гитлер просто дал мудрый совет хорошим австрийцам вроде [Артура] Зейсс-Инкварта, которые самостоятельно "освободили" свою страну»²⁴.

Англичане задавали себе вопрос: знал ли Риббентроп заранее о планах Гитлера или нет? Хор был убежден в искренности его изумления. Галифакс не мог представить, что мыслимо так притворяться. Гендерсон отказывался верить в то, что честолюбивый Риббентроп мог сознательно пропустить «исторический момент». Черчилль сочинил волнующую историю о коварстве нашего героя, который, зная о готовившемся вторжении, нарочно затягивал обед,

дабы оторвать министров от служебных телефонов, а потом изобразил притворное изумление при получении известий о переходе вермахтом границы. «Старый добрый Винни» проврался в главном: германские войска вступили в Австрию не 11, а 12 марта, через сутки после обеда на Даунинг-стрит. Это не единственный пример, когда воспоминания лауреата Нобелевской премии по литературе общаются, мягко говоря, неправду²⁵.

Оправившись от шока, рейхсминистр «попросил лорда Галифакса во второй половине дня посетить меня в посольстве. Но и во время беседы в посольстве во второй половине дня я еще не был в состоянии сообщить ему подробности событий в Австрии, ибо мне не удалось установить связь с Адольфом Гитлером и получить от него информацию»²⁶.

Во время разговора Вёрман принес известие о назначении нацистского ставленника Зейсс-Инкварта бундесканцлером. Галифакс назвал это «демонстрацией грубой силы» и скептически оценил возможность понимания действий рейха британским общественным мнением. «Я разговаривал с ним чрезвычайно резко, — заверял он чехословацкого посланника Яна Масарика днем позже, — я еще никогда так не говорил»²⁷. Однако главное стало ясным — Англия не выступит, поэтому в телефонном разговоре с Герингом (записанном «слушачами» последнего) наш герой мог сказать: «Мои впечатления от обоих — Галифакса и Чемберлена превосходны»²⁸. Тем не менее он «был взбешен, потому что его никто не информировал, — вспоминал Хессе. — [...] В ажиотаже о министре иностранных дел просто забыли». «Риббентропу была тяжела мысль, что "аншлюс" может состояться без него, — вторил Кордт. — Могло показаться, что всего через месяц после вступления в должность он уже отставлен от нее»²⁹.

Он рвался на место действия, но Геринг, оставленный «на хозяйстве» в Фатерлянде, передал ему распоряжение Гитлера находиться в Лондоне. Только 13 марта Риббентроп прилетел в Германию, чтобы на следующий день быть рядом с фюрером в Вене и принять от своего австрийского коллеги Вильгельма Вольфа здание и архивы МИДа несуществующей более страны³⁰. Риббентроп получил в качестве резиденции замок Фушль под Зальцбургом, конфискован-

ный у Густава Эдлера фон Ремица, сторонника «австрофашистского» режима.

Подлинное значение случившегося в других столицах осознали не сразу. «Гитлер, несомненно, должен был первым удивиться, — писал задним числом французский экс-премьер Фланден, — что покушение на территориальный статус Европы, первый удар по версальским границам так легко удались в Австрии и были так хорошо приняты малыми и большими европейскими державами, гарантами австрийской целостности и независимости. Он мог сделать лишь один вывод: Франция, Великобритания и Италия слишком слабы, чтобы противостоять ему силой. Настал момент дерзко и быстро осуществлять план гегемонии в Европе. Положение, которое Германия заняла, захватив и оккупировав Вену, дало ему средства, которых раньше не хватало. [...] Ни Англия, ни Франция не могли согласиться на германскую гегемонию в Европе. Как показала география, эта гегемония была установлена в Вене. Вена находится в центре всех путей сообщения между всеми странами Центральной Европы и Балкан. Это прежде всего дунайская столица. Обладание Веной дало германскому нацизму контроль над всеми железнодорожными, шоссейными и речными сообщениями Юго-Восточной Европы. В распоряжении Германии оказывались румынская нефть, венгерский хлеб, югославские леса и недра, все перевозки сельскохозяйственной продукции дунайского бассейна, весь сбыт товаров чешской промышленности»³¹.

3

По возвращении в Берлин Риббентроп занялся двумя вопросами. Первый — судетский — перед ним поставил Гитлер, и здесь рейхсминистру пришлось положиться на других, так как ситуацию в Чехословакии он знал еще хуже, чем в Австрии. Второй — оформление военно-политического союза с Италией и Японией — был его личным проектом.

Осенью 1937 года эмиссар «Бюро Риббентропа» Альбрехт Хаусхофер провел два месяца в Токио, выясняя перспективы сотрудничества. Местной информацией с ним охотно делился самый осведомленный германский журналист японской столицы Рихард Зорге, он же «Рамзай»,

внимательно слушавший, запоминавший и сообщавший с «Островов» через «Висбаден» (Владивосток) в Москву... где ему в тот момент, увы, не слишком доверяли. Риббентропу, переживавшему неудачу лондонской миссии и оставленному в стороне от аншлюса, нужен был личный триумф в виде пакта о взаимопомощи, который он видел прямо направленным против СССР, а косвенно — против Франции и Англии. История переговоров между Германией, Италией и Японией об «укреплении Антикоминтерновского пакта» детально изложена в моей книге «Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио» и в биографии Сиратори Тосио, одного из главных участников событий; там же указаны источники. Поэтому здесь ее можно прочертить пунктиром.

План Риббентропа предусматривал: двусторонние консультации в случае дипломатических затруднений с третьей страной; взаимную политическую и дипломатическую помощь в случае угрозы; взаимную военную помощь в случае нападения третьей страны. В начале мая 1938 года он сопровождал Гитлера в Рим, где того пышно принимали, и пытался вовлечь итальянцев в дискуссию, от которой те упорно уклонялись. Только 5 мая рейхсминистр смог вручить Чиано проект пакта. Тот известил дуче о своем несогласии и предложил ограничиться протоколом о намерениях, пояснив: «Солидарность, существующая между нашими правительствами, настолько очевидна, что формальный договор о союзе был бы излишним»³². Переводчик Шмидт почувствовал в этих словах неприкрытый сарказм.

Вражда министров стала обоюдной. «Риббентроп многословен и непостоянен. Дуче говорит, что он принадлежит к той категории немцев, которые являются несчастьем для Германии. Он твердит о войне налево и направо, без четкого противника и определенной цели. Порой он хочет уничтожить Россию, в сотрудничестве с Японией. В другой момент он мечет громы и молнии против Франции и Англии. Иногда он угрожает Соединенным Штатам. Это всегда заставляет меня относиться к его проектам с большой осторожностью»³³.

После войны Дино Альфиери, итальянский посол в Берлине в 1940—1943 годах и друг Чиано, утверждал: «Исключительно плохие отношения существовали между Чиано и

Риббентропом [...] Чиано был умен, весел, сообразителен, хорошо воспитан, совершенно естествен в поведении, переменчив и великодушен. Риббентроп был холоден, формален, исключительно тщеславен, невежествен и подозрителен. Оба были хороши собой и честолюбивы. Чиано, моложе по возрасту, но старше по годам пребывания в должности, находил возрастающее высокомерие коллеги все более невыносимым и, педантичный в соблюдении всех формальностей, частным образом отзывался о нем в самых оскорбительных выражениях». Немецкий переводчик итальянского министра Ойген Долман дополнил эту картину: «Оба были невероятно тщеславными, самоуверенными и высокомерными, но Чиано нравился мне как более человечный. [...] Манеры Риббентропа были безукоризненны, а Чиано приводил Гитлера в ужас своими манерами за столом и, хуже того, привычкой яростно чесать себе такие места, нашествие блох на которые Риббентроп выдержал бы, не дрогнув ни единым мускулом. Я никогда не понимал, почему немецкий министр навеки застыл в своем величии вместо того чтобы хоть немного расслабиться и получить удовольствие»³⁴.

Возможно, зная об истинном отношении «коллеги», Риббентроп писал: «Чиано был не только завистлив и тщеславен, но и коварен и ненадежен. С правдой у него были нелады. Это затрудняло не только личное, но и служебное общение с ним. Та манера, с которой он в июле 1943 года предал в фашистском совете своего собственного тестя Муссолини, характеризует его особенно гадко. Дуче говорил мне позже, что никто и никогда (причем много лет) не обманывал его так, как Чиано, и что тот виновен в коррумпировании фашистской партии, а тем самым и в ее расколе»³⁵.

Игры за спиной дуче привели Чиано к опале, участию в заговоре и, наконец, к стрелковому взводу в Вероне в начале 1944 года. В стремлении оправдаться бывшие сослуживцы пытались представить его жертвой, если не борцом с фашизмом, но несостоятельность этих утверждений очевидна. Оба министра пользовались всеми благами режима и были соучастниками деяний диктаторов, хотя позиция Чиано, по наблюдению его румынского коллеги Григоре

Гафенку, допускала сомнения и даже возражения, оставлявшие за дуче свободу маневра. Риббентроп производил впечатление «сосредоточенной, фанатичной убежденности» в правоте фюрера, а циник Чиано делал вид, что ничего не принимает всерьез, включая собственные слова. Германский министр был помешан на секретности, итальянский выбалтывал государственные тайны направо и налево, чем пользовался Гитлер, желая конфиденциально сообщить что-то в... Лондон³⁶. Сработаться таким разным людям было непросто.

Тем временем активизировалась подготовка к решению Судетского вопроса. 24 марта 1938 года Гитлер обсуждал дальнейшие шаги с Риббентропом и Геббельсом. 28 марта фюрер в присутствии Риббентропа и Гесса инструктировал главу Судетской германской партии Конрада Генлейна, получавшего деньги и указания из Берлина (по линии МИДа и Абвера) еще с 1935 года. 29 марта рейхсминистр провел совещание с лидерами судетских немцев Генлейном, Карлом Германом Франком, Францем Кюнцелем и Антоном Крейсслом при участии Макензена, Вайцзеккера, Кордта и посланника в Чехословакии Эйзенлора, на котором были окончательно сформулированы разработанные под руководством Гитлера требования к Праге. 24 апреля Генлейн огласил их на партийном съезде в Карловых Варах, в связи с чем они стали известны как Карлсбадская программа:

- 1) полное равноправие немецкого и чешского народов;
- 2) признание судето-немецкой этнической группы юридическим лицом и соблюдение ее соответствующего положения в государстве;
- 3) определение границ и признание области проживания немцев в ЧСР;
- 4) создание судето-немецкого самоуправления во всех областях общественной жизни там, где это отвечает интересам и положению немецкой этнической группы;
- 5) законодательная гарантия защиты прав граждан немецкой национальности, проживающих вне судето-немецкой области;
- 6) устранение несправедливости, допущенной в отношении судетских немцев в 1918 году, и компенсация понесенного ими вследствие этого ущерба;

7) признание и претворение в жизнь основополагающего принципа: немецкие чиновники на немецкой территории;

8) полная свобода для германской культуры и германского мировоззрения³⁷.

В разговоре с Гендерсоном Риббентроп назвал их разумными и умеренными и «говорил о них как об основе для переговоров, не квалифицируя их при этом как минимальные». Британский посол передал это чехословацкому посланнику Войтеху Мاستному и посоветовал серьезно отнестись к сказанному, считая, что, сделав уступки, можно обойтись без кровопролития. Французский посол был настроен пессимистически³⁸. Для Праги Карлсбадская программа была совершенно неприемлемой.

Решению Судетского вопроса, закончившемуся Мюнхенским соглашением 29 сентября 1938 года, посвящена обширная, но большей частью пристрастная, а потому неравноценная, точнее, в основном не имеющая ценности, литература, тональность которой менялась в зависимости от исторических условий и политической конъюнктуры. Чехословакия, созданная в Версале за счет побежденных, оказалась нежизнеспособным государством, которое разрушили межнациональные противоречия между чехами и словаками, а также между чехами и национальными меньшинствами, прежде всего немецким и венгерским. «Пороховой погреб Европы», как называл эту страну лорд Ротермир, был обречен взорваться. К тому же судьбу Чехословакии решали лидеры тех самых стран, которые создали ее двумя десятилетиями раньше, — Франции, Англии и Италии: «Я тебя породил, я тебя и убью». Мир был спасен хотя бы на время.

Вопрос о том, блефовал ли Гитлер (как утверждали беллицисты), угрожая применением военной силы против Чехословакии, можно считать решенным: не блефовал. Остается вопрос: каковы были шансы сторон на успех в случае военного конфликта? Если не ограничиваться подсчетом дивизий, танков и самолетов, а рассмотреть ситуацию в целом: отсутствие у Франции и СССР границ с Чехословакией; отказ Польши и Румынии пропустить не только советские эшелоны, но и самолеты; реваншистские намерения Польши и Венгрии в отношении Чехословакии; отказ

Великобритании вмешиваться в войну иначе как в случае агрессии против Франции; благожелательный нейтралитет Италии, Югославии и Японии в пользу Германии; наконец, фактор «морального духа», дававший преимущество вермахту, — приходится сделать следующий вывод. Если бы Франция и СССР вступили в войну на стороне Чехословакии против Германии, это привело бы к многостороннему конфликту с безусловным исходом, так как ни одна из сторон не могла рассчитывать на скорую и решительную победу. Война началась бы на год раньше и повлекла за собой большие жертвы, чем кампании 1939/40 года.

В «эпопее Мюнхена» Риббентроп принимал лишь номинальное участие, поскольку практическое решение с помощью военных и аппарата доктора Геббельса взял на себя лично Гитлер. Дипломатические тонкости фюрера уже не интересовали. Роль же Риббентропа ограничилась сердитыми заявлениями, например, во время тревоги 20—21 мая, когда необоснованные слухи о выдвижении частей вермахта к границе подвигли Прагу и Париж к частичной мобилизации (именно из-за этого Гитлер 28 мая приказал готовить военную операцию против Чехословакии). Мастный сообщил из Берлина: «Он [Гитлер. — В. М.] не может примириться с тем, что в Праге наше правительство продолжает давать другим государствам ложные сообщения о концентрации войск, и особо подчеркивает, что распространение таких сообщений могло бы привести к их осуществлению и к действительной концентрации войск против ЧСР».

Гендерсон обратился за разъяснениями не в МИД, а к Вильгельму Кейтелю, поэтому с британским послом рейхсминистр был особенно резок, повторяя, что «немецкая кровь проливается в Чехословакии и что семьдесят пять миллионов немцев поднимутся, как один человек, на ее защиту»³⁹. Их отношения, исходно не отличавшиеся доверием и симпатией, испортились до предела — на радость «третьим смеющимся». 24 мая Гендерсон писал Галифаксу, что «если Гитлер прыгает на фут, Риббентроп прыгает на ярд»* и что

---

* Еще одна красочная фраза Гендерсона в адрес Риббентропа: «Как можно играть в шахматы с человеком, который пытается ходить конем как слоном» (письмо лорду Галифаксу от 23 августа 1938 года).

глава Вильгельмштрассе «тщеславен настолько же, насколько глуп, и глуп настолько же, насколько тщеславен», повторив эту оценку в мемуарах⁴⁰. Рейхсминистр прочитал «Провал миссии» и счел нужным особо опровергнуть «злостные извращения и лживые утверждения» книги о его «роковых советах» и «дурном влиянии» на Гитлера⁴¹.

В Судетском вопросе Риббентроп стремился лишь к исполнению воли фюрера. Это видно из его июльских и августовских указаний Вайцзеккеру, который, подобно большинству дипломатов, не считал жесткий курс лучшим: статс-секретарю не нравился флотский принцип — лучше действовать неверно, чем никак — хотя сам в прошлом был морским офицером⁴².

Не прекращалась борьба и внутри нацистской элиты, положение в которой Риббентропа было не слишком прочным. С одной стороны, действия Министерства пропаганды вызывали протесты иностранных дипломатов, разбираться с которыми приходилось МИДУ; конфликт двух ведомств достиг апогея после «Хрустальной ночи» — спровоцированного Геббельсом еврейского погрома 9—10 ноября 1938 года, который нанес огромный ущерб международному престижу Третьего рейха. С другой стороны, Геринг, считавший, что вермахт не готов к войне, обвинял Риббентропа в провоцировании конфликта (адресовать этот упрек Гитлеру он не решался!) и пытался за его спиной вести переговоры с англичанами. Наконец, умеренные постарались удалить его и от принятия решений, и от переговоров (Гендерсон и Вайцзеккер утверждали, что именно они, при участии одного только переводчика Шмидта, организовали решающую беседу Гитлера с Чемберленом во время Судетского кризиса). На страницах дипломатической переписки этих месяцев имя рейхсминистра иностранных дел встречается на удивление редко.

Главным достижением Риббентропа стало то, что он снова и вопреки всем оказался прав: Англия и Франция не пошли на войну ради Чехословакии. Оппозиция во главе с генералом Людвигом Бекем, адмиралом Канарисом и Вайцзеккером, собиравшаяся свергать Гитлера, через эмиссаров просила Чемберлена и лорда Галифакса проявить твердость, необходимую для создания внутривласти-

тического кризиса в Германии. В заговоре участвовали и дипломаты, включая поверенного в делах в Лондоне Теодора Кордта, который всеми силами порочил рейхсминистра. Чемберлен опрокинул их расчеты, привезя с собой из Мюнхена не только соглашение по Судетам, но и англо-германскую декларацию — «мир для нашего поколения», за что его с восторгом приветствовало абсолютное большинство англичан.

Лорд Лондондерри, объявив, что его мечты сбылись, прилетел в Мюнхен повидать Риббентропа (это была их последняя встреча) и приписал восторженный постскрипtum к переизданию своей книги «Британия и Германия». Даладье ждал по возвращении из Мюнхена народного возмущения, но был встречен всеобщим ликованием. Французский парламент, за исключением коммунистов, одобрил соглашение; поддержали его и большинство интеллектуалов, причем не только правых или пронацистски настроенных. К радости Риббентропа, японская дипломатия и пресса единодушно выступили на стороне рейха, о чем посол Отт не замедлил проинформировать его, а премьер Коноэ Фумимаро послал Гитлеру и Муссолини поздравительные телеграммы⁴³.

4

Мюнхен стал одним из важнейших актов ревизии Версальской системы, но не мог решить всех проблем. Будапешт претендовал на Южную Словакию с многочисленным венгерским населением, включенную в состав Чехословакии по Трианонскому договору (ст. 27, 49), Варшава — на богатый углем Тешинский район, который поляки неудачно пытались захватить еще в 1918—1919 годах. Правящие круги Венгрии заручились поддержкой Муссолини, нейтралитетом Польши (на взаимовыгодной основе) и рассчитывали на понимание Гитлера. Однако у того были другие планы — он не хотел усиления Венгрии и стремился максимально использовать новый, прогерманский режим в Праге, с представителями которого в рейхе, правда, обращались как с вассалами. Фюрер знал о претензиях Будапешта и о их поддержке со стороны Рима, но добился того, что на Мюнхенской конференции они не рассмат-

ривались. Венгрия не спешила выступить в поддержку Германии, хотя 23 августа Гитлер выразительно сказал регенту Миклошу Хорти и его министрам: «Каждый, кто хочет поучаствовать в трапезе, должен сначала помочь на кухне».

Увлеченного глобальными проектами Риббентропа эти проблемы интересовали мало, поэтому он постарался переложить их на подчиненных, а сам подключился к делу лишь на заключительном этапе. Венгры хотели подвинуть свою границу на север как можно дальше, а дальнейшая судьба Чехо-Словакии* их не волновала. Идея формальной независимости Словакии, о которой премьер монсеньор Йозеф Тисо говорил уже в октябре 1938 года, не нашла поддержки в Берлине. Там Чехо-Словакию, прежде всего по военным соображениям, видели единым федеративным государством-сателлитом.

Немецкий вариант границы получил название «линии Риббентропа»: он исключал передачу Венгрии городов Братислава, Нитра, Ужгород и Мукачево, по которым проходила «линия Ротермира», — предложенная лордом в 1927 году. Венгры этот вариант не приняли и заявили, что оккупируют Закарпатскую Украину, договорившись с Польшей. Рейхсминистр пригрозил отказаться от посредничества. Наконец 22—23 октября он согласился выступить арбитром спора, предложил Чиано принять в этом участие и выразил желание приехать в Рим. «Я не доверяю инициативам Риббентропа, — записал итальянский министр. — Эти телефонные разговоры восстановили меня против него: [он] все время старается навязать свою точку зрения. Пока лучше терпеть. Но в должное время нам придется положить конец тенденции делать политику по телефону»⁴⁴. Мечты, мечты...

Во время дискуссий с Муссолини и Чиано 27—28 октября Риббентроп «упорно защищал дело чехов и отказывал венграм в территории с тем же жаром, с каким в Мюнхене требовал ее от Праги». В свете намерений Гитлера до поры до времени сохранить Чехо-Словакию это понятно. С по-

---

* Так она официально называлась с 6 октября 1938 года, после получения Словакией автономии.

мощью Италии Венгрия одержала верх. Риббентроп отказался от требований по Закарпатью, но добился сохранения за Чехо-Словакией Братиславы и Нитры и исключения из арбитража третьих стран⁴⁵. Последнее было направлено прежде всего против Польши, которая, воспользовавшись сентябрьским кризисом, оккупировала Тешин и думала о новых приобретениях. Германия была готова гарантировать ей свободу рук в Чехо-Словакии в обмен за уступки по Данцигу и Польскому коридору, о чем Риббентроп 24 октября и 19 ноября говорил польскому послу в Берлине Юзефу Липскому. Варшава категорически отказалась.

Арбитраж состоялся 2—3 ноября в Вене. Склонившись над картой с карандашом в руках, Риббентроп продолжал бороться за территорию, на что Чиано заметил: «Если вы будете так защищать чешские интересы, то получите награду от Гахи [президент Чехо-Словакии. — В. М.]». Венгры подготовились лучше и оказались упорнее, в результате чего получили 12 400 квадратных километров и почти миллион человек, включая немало чехов, словаков и русинов. Закончив работу, итальянский министр цинично произнес: «Раньше по своему невежеству я думал, что изменение границ европейского государства — очень серьезное дело, которого нельзя сделать без войны. Теперь я вижу, что можно отрезать куски территории от одной страны и присоединять их к другой, не вынуждая великие державы к действиям и не беспокоя мировое общественное мнение»⁴⁶.

Про министра иностранных дел пражского правительства Франтишека Хвалковского шутили: он начал изучать стенографию, чтобы успевать записывать под диктовку. Однако премьер генерал Ян Сыровы, гордившийся сходством с национальным героем Яном Жижкой (у него тоже не было одного глаза), пытался маневрировать, что вызвало подозрения в Берлине. Словаки поняли, что могут надеяться только на Германию. Венгрия торжествовала, разбив оковы «Трианонского диктата», и заявила о намерении оккупировать всё Закарпатье, на что из Берлина последовало требование не своевольничать, повторенное в середине января 1939 года Гитлером и Риббентропом министру иностранных дел Иштвану Чаки. Венский арбитраж пол-

ностью ввел Будапешт в орбиту политики рейха. 12 января Чаки объявил о присоединении Венгрии к Антикоминтерновскому пакту, что было официально оформлено 24 февраля. 1 февраля СССР разорвал с ней дипломатические отношения под предлогом того, что «политика венгерского правительства [...] в значительной степени утратила свою самостоятельность»⁴⁷.

За конкретикой перекройки границ немногие тогда увидели и поняли главное. Проведенный без участия Великобритании и Франции (их и не думали приглашать!) Венский арбитраж начал разрушать только что созданную Мюнхенскую систему, которая предусматривала решение европейских проблем новым «концертом держав» (неприглашение Советского Союза в Мюнхен поначалу выглядело обидным, но затем неучастие в «сговоре» оказалось огромным дипломатическим и пропагандистским плюсом). Гитлер сделал выводы и продолжал готовить экспансию дальше.

5

Еще одной темой переговоров Риббентропа и Чиано в Вене стал Союз трех, который итальянский министр считал главной причиной приезда коллеги. Развивая майские предложения и заручившись принципиальным согласием Токио, Риббентроп от имени фюрера предложил преобразовать Антикоминтерновский пакт в военно-политический альянс, проект которого вручил Чиано еще 30 сентября, при отъезде из Мюнхена. Берлин исходил из высокой вероятности войны между тоталитарными и демократическими державами в ближайшие три-четыре года и предлагал воспользоваться неготовностью Англии и Франции как в военно-политическом, так и в моральном отношении. От возможности союза между Вашингтоном и Лондоном Риббентроп отмахнулся, сославшись на сильные изоляционистские настроения за океаном (расхожее заблуждение!). Советский фактор он тоже отказался принимать всерьез. Дуче согласился, но от конкретных обязательств воздержался. Чиано надеялся на общеевропейское урегулирование, поэтому заявления гостя показались ему чрезмерно воинственными⁴⁸.

Следующий большой выход Риббентропа состоялся в Париже 6 декабря 1938 года. Его история началась 18 октября, во время прощального визита Франсуа-Понсе к Гитлеру: посол и рейхсканцлер заговорили о желательности совместной декларации, наподобие англо-германской, привезенной Чемберленом из Мюнхена (и полученной без согласования с французами!). Пока дипломаты готовили документ, эмиссар рейхсминистра Отто Абец под ревнивыми взглядами германского посольства обрабатывал парижский «политикум», включая германофоба Поля Рейно, в пользу новой разрядки. Текст был согласован 5 ноября на встрече министра иностранных дел Жоржа Бонне с послом Иоганном фон Вельчеком. Принимая нового французского посла Робера Кулондра, Риббентроп подтвердил готовность содействовать развитию двусторонних отношений и приехать в Париж. Визит планировался на 2-ю половину месяца, но убийство 7 ноября польским евреем Гершелем Гриншпаном секретаря германского посольства в Париже Эрнста фом Рата (жертвой должен был стать посол), последовавшие за этим еврейские погромы в рейхе и волна возмущения за его пределами поставили предприятие под сомнение. Рейно и Жорж Мандель, ненавидевший Бонне, попытались сорвать приезд Риббентропа (и сорвали планировавшийся визит главы гитлерюгенда Бальдура фон Шираха). Даладье заколебался, но Бонне переломил сопротивление, и 23 ноября кабинет единогласно одобрил декларацию. Визит планировали на 30 ноября, но 25 ноября Всеобщая конфедерация труда под давлением коммунистов назначила на этот день забастовку железнодорожников. С бастующими власти разобрались, но мероприятие пришлось перенести на неделю⁴⁹.

Приехав в Париж с «внушительной свитой экспертов по экономике и финансам, большинство которых», как «с удивлением констатировал» Бонне, «служили еще Германской республике», Риббентроп первым делом посетил президента Альбера Лебрена в Елисейском дворце, позавтракал с Даладье в Матиньонском дворце (резиденции премьер-министра), а оттуда отправился на переговоры в Министерство иностранных дел⁵⁰.

Бонне был встревожен враждебной демонстрацией в итальянском парламенте 30 ноября, когда во время речи Чиано о «естественных стремлениях» страны группа депутатов начала скандировать «Тунис! Корсика! Савойя!». В дневнике Чиано утверждал, что демонстрация была спонтанной, хотя дуче еще 8 ноября назвал ему направления дальнейшей экспансии: присоединение Корсики и кондоминиум в Тунисе и Джибути (Савойя его не интересовала) — и соответствующая пропагандистская кампания уже началась. Учитывая особые отношения Берлина с Римом, Бонне начал именно с этого вопроса. Риббентроп ответил, что Германия не была оповещена о готовящемся демарше, в средиземноморских делах прямо не заинтересована, но «ее принципиальная позиция... определяется ее дружбой с Италией. Непоколебимой основой германской внешней политики является ось Берлин—Рим». На вопрос о колониях Бонне дал понять, что Франция ничего не уступит Италии и «в настоящее время в колониальном вопросе ничего не сможет сделать для Германии».

Риббентроп не настаивал. Его интересовало другое: будет ли Франция мешать «обустройству» Центральной Европы и участвовать в «окружении» рейха? Согласно германской записи, «Бонне заверил, что и французское правительство абсолютно против большевизма и что оно также совершенно ничего не имеет против победы Франко». Однако французский министр не отмежевался от пакта с Москвой, подчеркнув, что тот «не направлен против какой-либо европейской державы», хотя и заметил, что его подписали «не те, кто сейчас входит в правительство». Рейхсминистр ответил, что он в курсе и это его не беспокоит.

Вопрос о Центральной Европе повис в воздухе. В разгар германо-польского конфликта, когда Париж выступил на стороне Варшавы, Риббентроп в письме к Бонне 13 июля 1939 года утверждал, что по обоюдному согласию упомянутые в декларации «особые отношения» для Германии означали только Италию, а для Франции только Англию и что Франция заявила о незаинтересованности в «сфере германских жизненных интересов» на Востоке⁵¹. Бонне отверг такую трактовку, ссылаясь на присутствовавшего

при беседе и конспектировавшего ее генерального секретаря МИДа Алексиса Леже, и неустанно повторял это впоследствии. Шмидт, внимательно слушавший беседу (переводчики не понадобились, так как министры говорили по-французски), утверждал, что слова о незаинтересованности были произнесены, но Бонне мог отнести их к прошлому и к Чехословакии, а Риббентроп распространить на будущее и на всю Восточную Европу; однако в сделанной Шмидтом записи этих слов нет⁵².

Кульминацией визита стало подписание совместной декларации. В парадной зале здания МИДа на Кэ д'Орсэ стояла такая тишина, что слышалось шуршание перьев по бумаге. Стороны заявляли, что «мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира», и «решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям».

Бонне особенно гордился констатацией того факта, что «между странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера» и что они «торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время». Официальный отказ Германии от Эльзаса и Лотарингии Риббентроп назвал «самопожертвованием», повторив слова Гитлера, сказанные им Кулондру при вручении верительных грамот⁵³.

Министры обменялись речами, причем гость произнес свою сначала по-немецки, а затем и по-французски*: «С заключением сегодняшней декларации Франция и Германия, полагаясь на прочную основу дружбы, которая соединяет их с другими странами, решили положить конец давнему

---

* Запись доступна на видеохостинге youtube в выпуске новостей фирмы «Pathé-Journal»: «Von Ribbentrop & Georges Bonnet. Accord franco-allemand du 6 décembre 1938».

пограничному конфликту и, взаимно признавая территорию друг друга, облегчить путь к обоюдному признанию своих жизненных национальных интересов.

Будучи равноправными партнерами, две великие державы после значительных расхождений в прошлом заявляют о готовности установить добрососедские отношения на будущее. Они убеждены, что между ними нет никаких важных противоречий, которые могли бы оправдать серьезный конфликт. Экономические интересы сторон дополняют друг друга. Искусство и духовная жизнь Германии черпали вдохновение во Франции и, в свою очередь, зачастую обогащали французское искусство. Мужество, проявленное германским и французским народами в годы мировой войны, в мирное время может в полной мере воплотиться и приумножиться в труде.

Убежден, что сегодняшняя франко-германская декларация послужит изживанию исторических предрассудков и что выраженная в ней разрядка наших отношений найдет одобрение не только у руководителей, но и у народов обеих стран. Чувства германского народа к новому направлению отношений между нашими странами выразились в теплом приеме, который был оказан в Мюнхене председателю Совета министров Франции Эдуарду Даладье. Многочисленные проявления симпатии, свидетелем которых я стал за несколько часов пребывания в Париже, показывают, насколько эти чувства разделяются французским народом. Надеюсь, что сегодняшняя декларация откроет новую эру в отношениях между нами»⁵⁴.

Вечером Бонне устроил торжественный ужин в честь Риббентропа, который до того успел переговорить с итальянским послом. Левая пресса шумно обратила внимание на отсутствие среди гостей евреев-министров Манделля и Жана Зея. Глава МИДа объяснил: «У нас была мысль пригласить всех 22 членов кабинета, но служба протокола указала, что это окажет Риббентропу исключительные почести, полагающиеся только главам правительств. В случае приезда во Францию министра иностранных дел по раз навсегда утвержденному списку собирают лишь определенных министров, исходя из их обязанностей [в дополнение к министру иностранных дел Франции. — В. М.]: это

министр внутренних дел, который обеспечивает безопасность иностранного гостя; министр общественных работ, который его перевозит; министры финансов и торговли, которые заключают соглашения; наконец, три министра национальной обороны [армии, флота и авиации. — В. М.]. Итого семь человек из двадцати двух. Министр просвещения Зей не был приглашен, как и министр колоний Мандель, министр почт Жюльен, министр здравоохранения Рюкар и дюжина других»⁵⁵.

Еврейская тема уже звучала в разговоре: Бонне убеждал собеседника положить конец преследованиям евреев (как будто тот мог что-то сделать!). Риббентроп ответил: «Это вопрос внутренней политики Германии. Я не уполномочен обсуждать его официально и могу говорить лишь в сугубо частном порядке». По свидетельству французского министра, гость обещал, что Германия направит наблюдателя на запланированную международную конференцию по проблеме беженцев. Согласно сообщению английского посла, Бонне заявил, что «Франция не может принимать евреев бесконечно», но тот после войны публично опроверг это⁵⁶.

Утром 7 декабря Риббентроп в сопровождении Бонне возложил венок со свастикой к Могиле Неизвестного Солдата и отправился на завтрак в Комитет Франция—Германия. Затем он встретился с представителями немецкой колонии и прогулялся по Лувру в обществе Бонне, задержавшись перед любимой картиной — «Купание Дианы» Франсуа Буше. Вечером состоялся банкет в германском посольстве, куда пришли и неарийские члены кабинета.

Восьмого декабря Риббентроп со свитой отбыл в обратный путь. Поезд сделал вынужденную остановку в Крейе, где железнодорожные рабочие устроили гостю овацию. Хотелось надеяться на лучшее, но Бонне, выступая в парламенте, призвал не расслабляться и продолжать модернизацию армии. По мнению польского посла в Париже Юлиуша Лукаевича, декларация разрядила напряженность в двусторонних отношениях, но не приблизила общеевропейское урегулирование, прежде всего из-за позиции Италии и продолжавшейся там антифранцузской кампании⁵⁷.

В первый день нового, 1939 года Муссолини объявил Чиано, что принимает предложение о превращении Антикоминтерновского пакта в трехсторонний военный альянс и готов подписать соответствующий договор в конце января. Риббентроп был доволен, заверив, что к этому времени будут готовы и немцы, и японцы. 6 января итальянский посол Аттолико прислал из Берлина окончательный текст пакта: цель — борьба с коммунистической угрозой (преамбула), консультации об общих мерах в случае трудностей (ст. 1), экономическая и политическая помощь в случае угрозы (ст. 2), помощь и поддержка в случае неспровоцированной агрессии с обязательством немедленно конкретизировать меры этой помощи (ст. 3), обязательство не заключать сепаратного мира (ст. 4), скорейшая ратификация (ст. 5). Секретный дополнительный протокол предусматривал создание трехсторонних комиссий для изучения ситуации и обмена информацией. Из проекта исчезло обязательство не заключать соглашения, противоречащие данному, — положение, действующее прежде всего в мирное время⁵⁸.

Пакт выглядел предупреждением западным демократиям и СССР, но оставлял лазейку для заключения какого-либо договора с ними до начала военных действий. Его можно назвать документом предвоенного времени, еще не делающим войну фатально неизбежной.

Договор был готов к подписанию. 8 января дуче одобрил присланные тексты, немного исправив преамбулу*. Дело было за Токио. 4—5 января премьер Коноэ, не справившись с ситуацией в Китае, передал бразды правления председателю Тайного совета барону Хиранума Киитиро, старому бюрократу, не склонному к поспешным действиям, а сам занял его прежнюю должность. Министр иностранных дел Арита, сохранивший свой пост в новом кабинете, согласился с включением в число потенциальных противников Великобритании и Франции, но предложил ограничить

---

* В дневниковой записи за этот день Чиано утверждал, что в проекте Риббентропа была фраза об «угрозе большевистской гангрены» как причине пакта и что Муссолини вычеркнул ее, однако ни в одном из известных документов такой фразы нет.

действия Японии против них политической и экономической, но не военной сферами. 25 января конференция пяти министров* утвердила инструкции по заключению Договора о консультациях и взаимной помощи и направила в Европу специальную миссию, которая добралась туда только через месяц. Привезенные ими инструкции и проекты, составленные с целью избежать конкретных обязательств, были отвергнуты Риббентропом и Чиано при поддержке японских послов Осима в Берлине и Сиратори в Риме (оба назначены осенью 1938 года), пошедших на конфликт со своим начальством.

Внимание Гитлера сосредоточилось на другом направлении. В январе 1939 года генералы получили приказ начать подготовку к вторжению в Чехо-Словакию, пока что без уточнения даты. К середине февраля было уточнено, что операция будет проведена в течение месяца. 8 марта фюрер оповестил приближенных, что «положение в Праге становится нестерпимым» и что «отданы приказы о том, чтобы через несколько дней, не позднее 15 марта, Чехословакия была оккупирована войсками»⁵⁹. Это был ответ на напоминания Лондона и Парижа о необходимости гарантировать «мюнхенские границы» Чехо-Словакии.

Десятого марта И. В. Сталин выступил на XVIII съезде ВКП(б) с отчетным докладом ЦК, раздел которого о международном положении с выводом «Новая империалистическая война стала фактом» привлек внимание всего мира. 13 марта решение Гитлера относительно Праги стало известно советской разведке от сотрудника Риббентропа Петера Клейста, который понимал, что информация уйдет «на сторону», но был уверен, что на Запад (называть его советским агентом, как делают некоторые авторы, нет оснований). Клейст добавил, что Германия хотела бы сохранить за собой Карпатскую Украину как возможную основу «Великой Украины» (Сталин высмеял этот проект как «присоединение слона к козявке»), но ее придется уступить венграм⁶⁰. Последующие события хорошо известны:

---

* Совещания премьер-министра, министров иностранных дел, военного, морского, финансов с 1936 года фактически руководили выработкой текущей политики Японии.

введение в Чехо-Словакии воинской повинности; протест словаков, перешедший в массовые волнения; вооруженное вмешательство Праги и замена прогерманского премьера словацкой автономии монсеньора Йозефа Тисо на провенгерского Кароля Сидора; экстренные визиты Тисо в Берлин и Риббентропа в Будапешт для согласования действий; провозглашение независимости Словакии; оккупация Карпатской Украины Венгрией с одобрения Германии; экстренный визит президента Эмиля Гахи и министра иностранных дел Франтишека Хвалковского в Берлин, закончившийся «просьбой» принять под покровительство рейха того, что осталось от Чехо-Словакии; создание имперского протектората Богемия и Моравия; переход новообразованного Независимого государства Словакия под защиту Германии по договору, подписанному Риббентропом 23 марта...

Все это отвлекло внимание мира от подписанного 22 марта договора о передаче Литвой Германии города Мемель (Клайпеда). Двумя днями ранее министр иностранных дел Юозас Урбшис был в Берлине проездом из Ватикана, возвращаясь с похорон папы Римского Пия XI. Риббентроп пригласил его к себе. Попробуем поверить Майскому, который при беседе министров не присутствовал, но информацию добывал из любых источников: «Риббентроп без обиняков заявил Урбшису, что между Германией и Литвой имеется только один "спорный вопрос" — Мемель. Как только он будет разрешен, в отношениях между обеими странами настанет полная гармония. По мнению Риббентропа, момент для "регулирования" мемельской проблемы наступил: Мемель должен быть возвращен Германии. Урбшис смущенно ответил, что немедленно же по возвращении в Ковно [Каунас. — В. М.] он доложит своему правительству о точке зрения Риббентропа и затем сообщит последнему принципиальный ответ литовского кабинета. Риббентроп грубо прервал Урбшиса и отрубил:

— Меня интересуют не принципы, а Мемель.

И далее, указав Урбшису на стоящий на столе телефон, Риббентроп нагло продолжал:

— Возьмите трубку, позвоните своему премьеру, и мы сразу же, без лишних проволочек, урегулируем мемельскую проблему.

Потрясенный Урбшис взмолился и просил дать ему возможность переговорить с правительством по возвращению в Ковно. Риббентроп в конце концов нехотя на это согласился, но заявил:

— Даю вам 2—3 дня на окончательное разрешение вопроса о Мемеле. Если в этот срок вы не справитесь, нам придется принять иные меры»⁶¹.

Так это было или нет, но 21 марта правительство Литвы согласилось на передачу территории, отметив, что делает это под давлением. 22 марта Урбшис вернулся в Берлин для подписания договора, а уже 23 марта Гитлер прибыл в Мемель. Еще одна внешнеполитическая проблема была решена — быстро, путем откровенного давления, но без крови. Польше, давно имевшей на Мемель свои виды, пришлось промолчать.

К пражской операции Риббентроп подключился на заключительном этапе. В Будапеште он, по указанию Гитлера, настаивал на совместных действиях против Чехо-Словакии, куда могли вторгнуться поляки — потенциальные противники. Ему удалось убедить венгерских лидеров в том, что Берлин для них не враг, а союзник. Во время визита Гахи Риббентроп и Хвалковский готовили документы, пока Гитлер, Геринг и Кейтель добивались капитуляции пожилого президента. Затем вместе с фюрером рейхсминистр отправился в Прагу. Там они обсуждали, как реагировать на заявления держав, отказавшихся признать новые изменения на карте Европы. Лаконичного коммюнике от 18 марта о том, что протесты британского и французского послов отклонены, оказалось недостаточно.

Общее настроение точно выразил 16 марта Кулондр в первых строках подробного доклада в Париж: «Спустя шесть месяцев после заключения Мюнхенского соглашения и всего четыре месяца после венского третейского решения Германия, обращая со своей собственной подписью и подписями своих партнеров как с чем-то несуществующим, спровоцировала раздел Чехословакии»⁶².

Муссолини как диктатор диктатора понимал Гитлера, но был раздражен тем, что его не известили заранее: лишь 20 марта фюрер нашел время принять посла Аттолико, а Риббентроп — написать Чиано⁶³. Узнав, что «Германия в

средиземноморских вопросах не будет проводить политику независимо от Италии», Муссолини решил не откладывать аннексию Албании и осуществил ее 7 апреля практически без жертв и без предварительного оповещения берлинского союзника. Пять дней спустя албанский парламент предложил Виктору Эммануилу III корону Албании.

Бонне осознал, что действия Берлина перечеркнули не только Мюнхенское соглашение (Венский арбитраж не прозвучал достаточно убедительным предупреждением!), но и декабрьскую декларацию, которой он так гордился. Даладье сказал германскому послу: «Гитлер выставил меня на посмешище» — и потребовал у парламента чрезвычайных полномочий для укрепления обороны и безопасности страны (их он немедленно получил). Де Бринон захотел бросить всё и уехать в деревню. Комитет Франция—Германия прекратил работу: предложение о самороспуске не набрало нужного количества голосов. Доклады Кулондра стали походить на передовицы «Правды»; в том же тоне выдержаны его послевоенные мемуары, где он называет себя последователем Рейно и Черчилля⁶⁴. Активизация англо-французской дипломатии была однозначно истолкована Берлином как новое «окружение»⁶⁵. Масла в огонь подлила резкая нота советского правительства от 18 марта, врученная наркомом иностранных дел Максимом Литвиновым германскому послу в Москве в ответ на декларацию Гитлера—Гаха и указ о создании протектората⁶⁶.

7

Происходящее не прибавляло Риббентропу радости, равно как и затянувшиеся переговоры по Союзу трех, о которых он 26 апреля информировал посла в Японии Ойгена Отта (а тот, как нетрудно догадаться, доктора Зорге): «В начале апреля из Токио поступил японский проект, который в основном соответствовал итало-германскому проекту. [...] Однако прежнее пожелание японцев ограничить обязательство по взаимному оказанию помощи исключительно случаем войны с Россией еще сохранялось в смягченной форме; японцы испрашивали наше категорическое согласие на то, чтобы после подписания и опубликования пакта сделать английскому, французскому и американскому по-

слам заявление примерно следующего содержания: пакт возник в развитие антикоминтерновского соглашения; при этом партнеры в качестве своего военного противника имели в виду Россию; Англия, Франция и Америка не должны усматривать в нем угрозу для себя. Кабинет в Токио обосновывал необходимость подобного ограниченного толкования пакта тем, что Япония в данный момент по политическим и особенно по экономическим соображениям еще не в состоянии открыто выступить в качестве противника трех демократий. [...] Как Чиано, так и я не оставили никакого сомнения в том, что нас не устраивает заключение договора с такой интерпретацией, прямо противоречащей его тексту»⁶⁷.

Риббентроп пытался получить от японцев определенный ответ, пусть даже отрицательный, до программной речи Гитлера в Рейхстаге, запланированной на 28 апреля. 27 апреля в Великобритании была введена ограниченная воинская повинность. На следующий день, в пятницу, Гитлер лишил политиков всего мира спокойного уик-энда: оповестив о разрыве англо-германского морского соглашения 1935 года и польско-германского соглашения 1934 года, он заявил о готовности нормализовать отношения с Лондоном и Варшавой на своих условиях и воздержался от выпадов против СССР. Послы Гендерсон, Кулондр и Липский в зале демонстративно отсутствовали.

Военное решение Польского вопроса становилось делом ближайшего будущего, поэтому Риббентроп счел необходимым узаконить отношения с союзниками. По его поручению начальник Правового отдела МИДа Гаус составил новый вариант соглашения трех держав с целью привязать Японию к «оси» через обязательство формально участвовать в войне на стороне Германии и Италии, хотя бы и без оказания конкретной военной помощи. Вручая Осима «план Гауса», рейхсминистр сообщил, что отправляется на встречу с Чиано для укрепления «оси». 4 мая в Берлин и Рим пришло обтекаемое по форме и бессодержательное по сути послание премьера Хиранума Киитиро, негативно встреченное обоими министрами и обоими японскими послами⁶⁸. В тот же день Максим Литвинов был заменен на посту наркома иностранных дел СССР председателем Сов-

наркома Вячеславом Молотовым, что было воспринято в Европе как предупреждение Лондону и Парижу и как шаг навстречу Германии: в архив сдавалась «дипломатия коллективной безопасности», банкротство которой продемонстрировало Мюнхенское соглашение, а главой внешнеполитического ведомства стал ближайший соратник Сталина.

Шестого мая в Милане, где полиция организовала народное ликование в честь гостя, Риббентроп предложил Италии заключить двусторонний военно-политический союз. Чиано «впервые нашел своего германского коллегу в приятно расслабленном состоянии» и согласился с предложениями, в которых увидел «политику умеренности и взаимопонимания». Подготовку документов дуче и его министр отдали на откуп немцам⁶⁹.

Тринадцатого мая Риббентроп сказал Осима, что «германское и итальянское правительства намерены без каких-либо изменений продолжать свою прежнюю политическую линию в отношении Японии» и что «трехсторонним переговорам Берлин—Рим—Токио подписание германо-итальянского союзнического пакта не нанесет никакого ущерба», но «ни от германского, ни от итальянского правительства не зависит тот факт, что заключение тройственного пакта так затянулось», а затем подсказал собеседнику выход: «германское и итальянское правительства высказывают настоящее пожелание, чтобы японское правительство в скором времени приняло свое окончательное решение, с тем чтобы можно было тайно парафировать тройственный пакт одновременно с подписанием германо-итальянского пакта». 15 мая он поручил Отту довести это до сведения заинтересованных лиц в Токио, а статс-секретарь Вайцзеккер направил ему окончательный проект договора о совместных консультациях и взаимной помощи. 20 мая военный министр генерал Итагаки Сэйсиро передал германскому послу заявление о желательности «присоединения Японии к военному пакту», но премьер Хиранума Киитиро и глава МИДа Арита похоронили эту инициативу⁷⁰.

Двадцать второго мая в Берлине Риббентроп и Чиано подписали договор о дружбе и союзе, получивший громкое название «Стальной пакт»:

«Статья I. Договаривающиеся Стороны будут находить-

ся в постоянном контакте друг с другом, с тем чтобы согласовывать свои позиции по всем вопросам, касающимся их взаимных интересов или общего положения в Европе.

Статья II. В случае если взаимные интересы Договаривающихся Сторон будут поставлены под угрозу какими-либо международными событиями, они незамедлительно приступят к консультациям о мерах, которые необходимо будет предпринять для соблюдения своих интересов. Если безопасность или другие жизненные интересы одной из Договаривающихся Сторон будут поставлены под угрозу извне, то другая Договаривающаяся Сторона предоставит Стороне, находящейся в опасности, свою полную политическую и дипломатическую поддержку с целью устранения этой угрозы.

Статья III. Если вопреки пожеланиям и надеждам Договаривающихся Сторон дело дойдет до того, что одна из них окажется в военном конфликте с другой державой или с другими державами, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно выступит на ее стороне в качестве союзника и поддержит ее всеми своими военными силами на суше, на море и в воздухе.

Статья IV. Чтобы в соответствующем случае обеспечить быструю реализацию принятого в статье III союзнического обязательства, правительства обеих Договаривающихся Сторон будут и впредь углублять свое сотрудничество в военной области и в области военной экономики.

Статья V. Договаривающиеся Стороны обязуются уже теперь в случае совместного ведения войны заключить перемирие или мир лишь в полном согласии друг с другом.

Статья VI. Обе Договаривающиеся Стороны осознают значение, которое приобретают их совместные отношения к дружественным им державам. Они решили сохранить эти отношения и в будущем и совместно соответствующим образом учитывать интересы, связывающие их с этими державами.

Статья VII. Этот Пакт вступает в силу немедленно после подписания. Обе Договаривающиеся Стороны едины в том, чтобы первый срок его действия составлял десять лет. Своевременно до истечения этого срока они договорятся о продлении действия Пакта»⁷¹.

«Стальной пакт» стал личным триумфом Риббентропа. Он получил высший итальянский орден Благовещения, кавалер которого имел право именоваться кузеном короля. Это вызвало приступ зависти у Геринга, с которым не проконсультировались при подготовке договора, подобно тому как полтора месяцами ранее он сам не счел нужным информировать МИД о своем визите в Италию⁷². Когда Риббентроп предложил ему принять участие в церемонии и сфотографироваться вместе со всеми, Геринг буркнул: «Вы думаете, я спятил? Я даже не знаю, что там подписывают»⁷³.

По замечанию Вайцзеккера, отношения между Берлином и Римом из сердечного увлечения превратились в брак по расчету. Москва от комментариев воздержалась. Хиранума направил поздравления обоим диктаторам. Арита заявил о верности Антикоминтерновскому пакту и снова попытался выговорить право на «особые решения в чрезвычайных обстоятельствах». Риббентроп отверг любые заявления об ограниченности обязательств сторон. Его мысли были заняты другим...

**МОСКОВСКИЙ ТИЛЬЗИТ
(1939)**

*Вячеслав наш Михайлович Молотов
Принимает берлинских грузей.*

Александр Городницкий

1

Официальные дипломатические приемы с раз и навсегда установленным протоколом, казалось бы, не самое подходящее место для серьезных разговоров, которые могут круто изменить ход если не истории в целом, то, по крайней мере, отношений между странами. Поэтому подчеркнутое внимание Гитлера к советскому полпреду Алексею Мерекалову во время церемониального обхода дипкорпуса на новогоднем приеме в новой Рейхсканцелярии, состоявшемся 12 января 1939 года, вызвало среди английских, французских и польских дипломатов чувство, схожее с паникой. Разговор фюрера с полпредом сразу же стал предметом спекуляций во многих столицах, однако опубликованные впервые в 1990 году записи служебного дневника Мерекалова, немедленно сообщенные телеграммой в Москву, свидетельствуют, что содержание их краткой беседы было совершенно ординарным и не выходило за рамки протокола. «Гитлер подошел ко мне, поздоровался, спросил о житье в Берлине, о семье, о моей поездке в Москву, подчеркнув, что ему известно о моем визите к Шуленбургу [германский посол в СССР граф Фридрих фон дер Шуленбург. — В. М.] в Москве, пожелал успеха и распрощался. За ним подходили по очереди: Риббентроп, Ламмерс, ген[ерал Вильгельм] Кейтель, Майснер [шеф Президентской канцелярии Отто Мейсснер. — В. М.]. Каждый из них поддержал 3—5 минутный разговор в знак внимания. Внешне Гитлер держался очень любезно, не проявляя какой-либо неприязни или суровости и, несмотря на мое плохое знание немецкого языка,

поддерживал разговор со мной без переводчика»¹. В свете изложенного предположения о том, что полпред не понял что-то из сказанного Гитлером (понадобилось — перевели бы немедленно!) или, напротив, услышав нечто важное, побоялся сообщить об этом в Москву, представляются безосновательными.

Важно было не содержание разговора, но сам факт внимания фюрера к представителю СССР, отношение к которому германских официальных лиц ранее было подчеркнуто пренебрежительным, причем по личному указанию Гитлера. Это не осталось незамеченным наблюдателями, равно как и отсутствие антисоветских выпадов в его программной речи, произнесенной в Рейхстаге 30 января. Сам Гитлер 22 августа, накануне заключения советско-германского пакта о ненападении, говорил своим генералам, что прилагал усилия к соглашению с Москвой, начиная именно с этого банкета².

Трудно сказать, насколько далеко идущими были его замыслы во время беседы с полпредом на приеме. Однако весь этот небольшой спектакль был заранее подготовлен, о чем свидетельствует краткая заметка из архива адъютанта Гитлера с основными данными о Мерекалове: фюрер строил светский разговор с ним точно по этим записям³.

Другой банкет, на котором произошли не менее знаменательные события, состоялся вечером 19 апреля того же 1939 года в лучшем отеле Берлина «Адлон». Столица торжественно праздновала пятидесятилетие «обожаемого фюрера», находившегося в расцвете сил и зените славы: здравницы, парады, банкеты, растроганные ветераны нацистского движения и обилие иностранных гостей... Как только прием закончился, Риббентроп уединился для разговора с японскими послами Осима и Сиратори (последний приехал на юбилей из Рима). Посетовав, что согласие Токио на предложения о военно-политическом союзе до сих пор не получено, рейхсминистр заметил, что у Гитлера остается единственный выбор — нормализовать отношения с Советским Союзом. Великобритания и Франция пытаются создать общий фронт против Германии и Италии с участием СССР, поэтому Германии остается только сорвать этот план, сделав вчерашнего врага союзником. Затем он по-

делился с собеседниками заветной идеей антибританского континентального блока «от Гибралтара до Йокогамы», что, разумеется, было невозможно без советского участия.

Сиратори вернулся со встречи взволнованным. В ответ на реплику Осима: «Пойдем-ка выпьем!» — он задумчиво протянул: «Выпивать сейчас не время». Несмотря на то, что был уже четвертый час утра (встреча продолжалась с двух до трех пополуночи), послы собрались обсудить последние новости. Сиратори сказал: «Предупреждение Риббентропа о германско-советском сближении полностью соответствует моим давним предположениям. Это несомненная правда, надо немедленно сообщить домой». Осима отмахнулся от услышанного, посчитав это очередным германским блефом, на что Сиратори заметил: «Ты — сын военного министра, тебе этого не понять. А я — сын крестьянина». По его настоянию военный атташе в Италии генерал Арисуэ Сэйдзи подготовил доклад, отправленный в Токио за подписями обоих послов, которые, однако, оговорили, что оценивают ситуацию по-разному. Сын крестьянина оказался прав: Риббентроп не блефовал, хотя, конечно, попытался еще раз подстегнуть медлительных партнеров. Министр иностранных дел Арита предупреждение проигнорировал⁴.

История советско-германских переговоров, которые вели в Берлине советник полпредства (после отъезда Мерекалова в Москву в апреле — поверенный в делах) Георгий Астахов и в Москве посол Шуленбург, многократно и подробно описана. Разумеется, действовали они не по собственной инициативе, а по указаниям Молотова и Риббентропа, Сталина и Гитлера. Оставляя в стороне дипломатическую рутину, обратимся к событиям, к которым рейхсминистр иностранных дел имел непосредственное отношение.

Седьмого апреля Риббентроп вызвал своего эксперта по Восточной Европе Клейста и спросил, знает ли тот кого-нибудь из советского посольства. Клейст ответил, что по долгу службы поддерживает контакты с некоторыми советскими дипломатами, и дал им краткие характеристики. В разговоре возникла пауза. Затем, к удивлению собеседника, Риббентроп сказал: «Пожалуйста, попытайтесь улучшить ваши личные связи с людьми из советского посольства». Удивлению Клейста не было предела. Ведь со-

всем недавно, в конце января, Риббентроп — из-за шумихи в польской и французской прессе о «новом Рапалло» — с полпути отозвал делегацию, ехавшую в Москву для переговоров по экономическим вопросам, опасаясь повредить контактам с Варшавой. Отношениям с Польшей это не помогло, зато осложнило отношения с СССР, которые начали налаживаться с возобновлением переговоров о кредитном соглашении⁵. Выполняя задание шефа, Клейст через несколько дней отправился в полпредство «на чай» в сопровождении «человека, занимавшего высокое положение в восточных экономических делах» — видимо, заведующего восточноевропейской референтурой Отдела экономической политики МИДа Карла Шнурре, главы делегации, так и не доехавшей до Москвы. Разговор начался с французского импрессионизма, но быстро перешел на идеологические разногласия, мешавшие двусторонним отношениям. «Государственный деятель должен уметь прыгнуть выше своей тени, — заметил Астахов. — Почему бы нам не договориться об общей политике вместо того чтобы пытаться оторвать друг другу голову, что выгодно лишь третьим странам?» «Я запротестовал, — вспоминал Клейст, — что "идеологические частности" стали более чем значимой реальностью, мешающей любому сближению, но Астахов отвел это легким движением руки. Он сказал, что Сталин и Гитлер творят реальность, а не позволяют ей господствовать над собой». Клейст вышел из полпредства в глубокой задумчивости. Шнурре был полон оптимизма и поздравил его с «феноменальным успехом». Выслушав доклад, Риббентроп, однако, радости не выразил: «Временно прекратите всякие контакты с Астаховым. Я не думаю, что фюрер желал бы продолжения этих бесед»⁶.

Свойственные Риббентропу колебания мотивировались личной психологической зависимостью от Гитлера: он нуждался в одобрении фюрера, но в данном случае не был уверен в нем. Однако еще 27 января того же года, на обратном пути после неудачного визита в Варшаву, сказал своим сотрудникам: «Теперь нам, если мы не хотим оказаться в полной изоляции, остается только один выход: договориться с Россией»⁷. И, увидев всеобщее удивление, пояснил: «В политике нужно, как в Генеральном штабе, проигрывать

все возможности, так же и этот, естественно, чисто теоретический вопрос»⁸.

Тем не менее процесс, как говорится, пошел. 17 апреля, накануне возвращения в Москву по вызову Сталина, Мерекалов и Астахов встретились с Вайцзеккером. Эта встреча хорошо известна, потому что именно на ней проинструктированный шефом статс-секретарь дал понять, что Берлин готов «обменяться мнениями об общеполитическом положении»⁹. 5 мая Шнурре пригласил Астахова для того, чтобы расспросить его о только что объявленной отставке Литвинова¹⁰. В Берлине это сочли добрым знаком — намеком на отказ Кремля от обанкротившейся «политики коллективной безопасности», да и замена еврея Максима Литвинова (Меера-Геноха Валаха) русским Вячеславом Молотовым импонировала истинным арийцам. Зарубежные аналитики наперебой рассуждали о том, что Сталин с помощью своего ближайшего соратника Молотова берет руководство внешней политикой в свои руки. (Как будто прежде оно находилось в чьих-то еще руках!) Впрочем, отношения с Германией Литвинов, действительно, портил, как мог, поэтому определенная знаковость в уходе «сталинского знаменосца мира» была. Это заметили не только в Берлине, но и в других столицах*.

Гитлер и Риббентроп восприняли отставку как некий жест доброй воли и вызвали из Москвы Шуленбурга и военного атташе генерала Эрнста Кёстринга. Поскольку Шуленбург, который ранее был посланником в Иране, находился в Тегеране в качестве гостя на свадьбе наследника престола, а Кёстринг — на Дальнем Востоке, с докладом прибыл экономический советник посольства Густав Хильгер, русский немец, родившийся в Москве и проживший там большую часть жизни. 9 мая он встретился с Риббентропом в Мюнхене. Если верить его послевоенным мемуарам, рейхсминистр произвел на него неблагоприятное впечатление с первой же встречи: «Он занимал ответственное положение, для которого не имел ни таланта, ни знаний, ни

---

* Находившийся в это время в Варшаве, Клейст поинтересовался о случившемся у некоего раввина. «Сходите на биржу! — коротко ответил тот. — Наши уже избавляются от польских ценных бумаг».

опыта, и сам прекрасно понимал или чувствовал это. В результате он был полностью зависим от обширного штата компетентных и не очень компетентных советников, которые должны были постоянно состоять при нем и откликаться в любую минуту. Периодически он прятал чувство своей неполноценности за высокомерием, которое часто казалось нестерпимым... По вопросам, которые Риббентроп задавал мне, и по тому вниманию, с которым он слушал доклад об общем положении в Советском Союзе, я заключил, что ему нужна информация для Гитлера, который после известия об отставке Литвинова снова стал интересоваться, можно ли договориться со Сталиным. Похоже, мои слова соответствовали целям Риббентропа»¹¹.

На следующий день рейхсминистр и советник были вызваны к фюреру, где уже собрались Кейтель, Шнурре и Вальтер Хевель — постоянный представитель МИД при Гитлере. Фюрер начал с вопросов. Что стоит за отставкой Литвинова? Может ли Сталин в определенных обстоятельствах пойти на соглашение с Германией? По ходу разговора Хильгер упомянул доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б), прочитанный 10 марта, в котором говорилось о готовности СССР к сотрудничеству со всеми заинтересованными странами и об отсутствии принципиальной почвы для конфликта с Германией. Гитлер и Риббентроп заинтересовались речью и попросили рассказать о ней подробнее¹². Видимо, они слышали о ней впервые, хотя Шуленбург еще 13 марта подробно изложил для Берлина внешнеполитический раздел доклада, заметив, что «ирония и критика Сталина были куда острее направлены против Британии, точнее против находящихся там у власти реакционных сил, нежели против так называемых агрессивных государств, в частности Германии»¹³.

Ссылаясь на германские документы, польский историк Славомир Дембски пишет: «В первом отчете о выступлении Сталина, составленном в германском посольстве 11 марта 1939 года, отмечалось, что, по мнению советского руководителя, "антикоминтерновский пакт" направлен скорее против демократических держав, чем против Советского Союза»¹⁴. Однако последующие отчеты Шуленбурга обращали внимание не на авансы в сторону рейха, а, напротив, на намерения СССР поддерживать народы,

ставшие жертвами агрессии. Риббентроп утверждал, что уже в марте услышал в речи Сталина «желание улучшить советско-германские отношения», «ознакомил фюрера с этой речью Сталина и настоятельно просил его дать мне полномочия для требующихся шагов»¹⁵. Этой же версии придерживается и его сын: цитируя неопубликованные записки Шнурре, который сообщает то же, что и Хильгер, он подвергает сомнению их сообщения. «В противном случае разве состоялась бы вообще встреча с Хильгером и Шнурре? Существует, напротив, хорошо известный рутинный прием руководящих работников, когда сотрудникам предлагается изложить уже известные факты»¹⁶. Однако версия про март и это объяснение не кажутся мне убедительными.

Через десять дней МИД уведомил Шуленбурга, что Берлин готов возобновить переговоры по экономическим вопросам, однако Риббентроп предписал ему соблюдать максимальную осторожность. 20 мая посол принес эту весть Молотову, который был корректен, но не проявил ни малейшего энтузиазма. Напомнив о неприезде Шнурре и выразив сомнение в серьезности намерений партнера, нарком посетовал на отсутствие «политической базы» переговоров, пожелав выслушать более конкретные предложения¹⁷.

2

Между 22 и 26 мая Риббентроп подписал проект инструкций Шуленбургу. Вот что он хотел довести до сведения Молотова в качестве «политической базы»:

«В последние годы направление германской внешней политики в основном определялось противодействием Коминтерну. Первой задачей национал-социализма было построение новой сильной Германии, абсолютно защищенной от проникновения коммунистических тенденций. Эта задача выполнена. Конечно, мы и впредь будем решительно подавлять любую коммунистическую агитацию внутри Германии и любое влияние Коминтерна извне.

Однако отношения между двумя государствами — Германией и Советской Россией — совершенно другое дело, если мы в Германии можем исходить из предположения, что советское правительство, в свою очередь, воздержится от агрессивных нападений на Германию посредством

забрасываемых в нее идей коммунизма и мировой революции. По некоторым событиям последних месяцев мы полагаем, что уловили знаки перемен во взглядах России в данном отношении. [...] [Далее — прямая ссылка на речь Сталина на XVIII съезде. — В. М.].

Если эта посылка верна, мы можем без колебаний утверждать, что между Германией и Советской Россией не существует реального противоречия интересов в международных делах. Во всяком случае, мы со своей стороны не видим ни одного комплекса вопросов, где наши взаимные интересы были бы прямо противоположны друг другу. Поэтому мы хорошо представляем себе, что пришло время для умиротворения и нормализации германо-советских отношений.

В последние месяцы эта германская точка зрения в некоторых аспектах уже нашла свое выражение. Прежняя полемика в прессе против Советской России существенно приглушена. [...]

Главным фактором в германской внешней политике является тесная связь с Италией, ныне закрепленная договором о союзе [«Стальной пакт» от 22 мая. — В. М.]. Этот союз, как видно из самой сути вещей, не направлен против Советской России и никоим образом, даже косвенно, не затрагивает ее интересов. Он направлен исключительно против англо-французской комбинации. Что касается наших отношений с Японией, то мы откровенно заявляем, что намереваемся расширять и укреплять их. Остается фактом, что германо-японские отношения исторически развивались под антикоминтерновским лозунгом. Однако этот лозунг не означает нынешней, реально-политической сути того, что мы ныне подразумеваем под укреплением германо-японских отношений. В большей степени мы имеем в виду наше общее противостояние Британии. Имея хорошие отношения с Японией, мы верим, что можем способствовать преодолению русско-японских расхождений; в любом случае, мы никоим образом не заинтересованы в углублении этих расхождений, а, напротив, уверены, что способны содействовать тому, чтобы японская внешняя политика приняла курс, который не приведет к конфликту с Россией.

Наши расхождения с Польшей хорошо известны. Мы считаем, что проблемы Данцига и Коридора некогда будут

разрешены; со своей стороны, мы не намерены навязывать их решение путем войны. Если же, вопреки нашему желанию, дело дойдет до военных действий с Польшей, мы твердо уверены, что даже это не приведет к столкновению наших интересов с Советской Россией. Даже сегодня... мы готовы принять во внимание русские интересы. С сугубо военной точки зрения, Польша вообще не представляет для нас никакой проблемы...

Взвесив реальное соотношение сил и интересов, мы не видим, что могло бы на деле подвинуть Советскую Россию активно включиться в игру британской политики по окружению [Германии. — В. М.]. [...] Британских усилий по окружению мы несколько не боимся... Объединение России с Британией против Германии может быть объяснимо с точки зрения русских интересов, только если Советское правительство опасается агрессивных намерений Германии в отношении России. Как уже говорилось выше, мы не имеем в виду ничего подобного. [...] Я не имею ничего против, если по ходу разговора вы сообщите русским, что итальянцы и японцы в общих чертах проинформированы о русско-германских переговорах»¹⁸. Все это предписывалось передать исключительно на словах.

Гитлер не был готов к столь решительным шагам: 22 мая Кулондр сообщил Бонне о стремлении Риббентропа договориться с Москвой, которое наталкивается на идеологически мотивированную оппозицию фюрера¹⁹. Проект инструкций был доложен ему 26 мая, но сразу же отправился в архив, поэтому историки предпочитают его игнорировать. В тот же день Вайцеккер телеграфно предписал Шуленбургу: «Вы не должны предпринимать никаких действий без дополнительных указаний; Хильгер не должен искать никаких контактов; наконец, нет намерений посылать Шнурре в Москву в ближайшее время»²⁰.

Тем не менее Риббентроп продолжал добиваться одобрения своей программы. 30 мая Вайцеккер пригласил Астахова и повел с ним разговор по привычному сценарию — от текущих дел (открытие отделения торгпредства в оккупированной немцами Праге) к как бы случайному зондажу «по моему личному мнению», хотя многоопытный статс-секретарь готовился к встрече несколько дней и исписал

не один лист бумаги. Он сравнил германскую политику с... лавкой, где для России есть широкий выбор товаров — от нормализации отношений до непримиримого антагонизма. Нет в ней только симпатий к коммунизму. «Выбор зависит от Советского правительства. Германское правительство готово к дальнейшим шагам по пути нормализации и наоборот», — резюмировал он. Астахов принял к сведению всё сказанное как минимум с санкции Риббентропа и немедленно доложил в Москву. Одновременно Вайцзеккер сообщил Шуленбургу, что прежняя жесткая позиция смягчается и Хильгер может возобновить общение с наркомом внешней торговли СССР Анастасом Микояном²¹.

Каковы бы ни были отношения между Риббентропом и Шуленбургом, оба они объективно работали на советско-германское сближение. Вайцзеккер придерживался той же позиции, но более осторожно. При всей пресловутой надменности, за которой скрывалась слабохарактерность, Риббентроп нуждался в одобрении и поддержке своих «русских» планов со стороны Шуленбурга и Вайцзеккера — это придавало ему уверенность в отстаивании их перед Гитлером, хотя личной симпатии к обоим дипломатам рейхсминистр, возможно, и не испытывал. С другой стороны, ни Вайцзеккер, ни Шуленбург не имели прямого выхода на Гитлера и не могли рассчитывать на то, что фюрер — в силу известной нелюбви к дипломатам и аристократам — прислушается к их суждениям. К ним прислушивался Риббентроп, транслировавший Гитлеру сказанное, если это совпадало с его собственными идеями.

Летом 1939 года схема работала исправно. Шуленбург всячески убеждал начальство в том, что Молотов не отвергает сближение с Германией в принципе и что дело лишь в частностях, которые вполне преодолимы. Когда 31 мая Молотов выступил на 3-й сессии Верховного совета СССР, Шуленбург немедленно отправил перевод речи в Берлин, не только отметив отсутствие антигерманских выпадов, но и усмотрев в ней готовность продолжать контакты²². Это прибавляло Риббентропу бодрости, когда прочих оснований для оптимизма не доставало.

Обстановка в Европе продолжала накаляться. Между 17 и 19 июня Клейст доверительно сказал своему знако-

тому, оказавшемуся информатором Москвы: «Фюрер и Риббентроп считают при сегодняшнем положении невозможным, чтобы Советский Союз в германо-польском конфликте выступил бы активно на антигерманской стороне. Фюрер в течение последних недель тщательно занимался Советским Союзом и сказал Риббентропу, что по разрешении польского вопроса в германо-русских отношениях должен наступить новый рапальский этап и что по образцу германо-польского соглашения нужно будет в течение известного времени вести с Москвой политику сближения и экономического сотрудничества. Это сближение временное и будет носить характер паузы. Мирολюбивые отношения между Германией и Россией во время ближайших 2-х лет, по мнению фюрера, являются предпосылкой разрешения проблем в Западной Европе»²³.

Отмечу, что в ранее опубликованном пространном варианте этой же записи нет слов о «временном» характере сближения, но есть формулировка «инсценировать в германо-русских отношениях новый рапальский этап»²⁴.

Контекст беседы становится понятен, если сопоставить имеющиеся факты и документы. 14 июня Астахов побывал у своего болгарского коллеги Парвана Драганова. Хозяин жаловался на антиболгарскую политику Румынии и Греции и вопрошал: «Кто поможет Болгарии осуществить ее справедливые стремления — СССР или Германия? Этим определится дальнейшая позиция Болгарии. Особенно резко настроен он против Англии, доказывая и мне нецелесообразность соглашения СССР с Англией с точки зрения наших интересов. По его мнению, Германия непременно начнет войну, едва только союз между СССР и Англией будет заключен. Гитлер не станет ждать, пока "политика окружения" получит еще более конкретное воплощение в виде совместной работы штабов, содействия в вооружении и т. п.». «Вы сможете с немцами договориться, — успокаивал и как будто даже уговаривал Драганов, — они охотно пойдут здесь на самый широкий обмен мнениями (намек на возможность договориться о разделе "сфер влияния")». В заключение Астахов отметил, что «на этот раз посланник был значительно более откровенным и упорным апологетом прогерманской линии, чем раньше»²⁵.

Однако читая запись беседы с Драгановым, сделанную на следующий день директором политического департамента МИДа Вёрманом, есть от чего прийти в изумление. Посланник под большим секретом рассказал о встрече с Астаховым, «с которым он отнюдь не близок», но «который пришел вчера без всякой видимой причины и просидел два часа». Драганов оговорился, что не может судить, излагал ли Астахов собственные взгляды или делал это по поручению правительства, но слова поверенного в его пересказе выглядят следующим образом. Перед СССР — три возможных пути: заключить пакт с Великобританией и Францией; продолжать затягивать переговоры с ними; пойти на сближение с Германией. Причем «Советскому Союзу более всего симпатичен последний вариант, который не требует идеологических мотивировок». «Если Германия заявит, что она не нападет на Советский Союз, или заключит с ним пакт о ненападении, Советский Союз, вероятно, уклонится от договора с Великобританией»²⁶. Такова главная мысль Астахова в изложении Драганова. В записи поверенного ничего подобного нет, однако не склонный к авантюрам Драганов вряд ли мог все это придумать. Так или иначе, слова дошли по назначению. Встречаясь 16 июня с Осима и Сиратори, Риббентроп снова напомнил им, что если Токио не примет его предложений сейчас и будет упорствовать в поисках запасного выхода, Германия заключит пакт о ненападении с СССР²⁷. Историки напрямую связывают это с информацией, полученной от Драганова.

В середине июня Шуленбург ненадолго съездил на родину, где встретился с Риббентропом (содержание их беседы нам неизвестно) и Астаховым. 28 июня он сообщил Молотову, что «германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР. Он добавил, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера»²⁸.

В Берлине рассчитывали на скорый ответ и ждали, что Сталин включится в реанимацию «духа Рапалло». В Москве видели и заинтересованность германской стороны, и ее нежелание идти на существенные компромиссы, а потому предпочитали выжидать. 29 июня фюрер заморозил переговоры: «Русские должны быть информированы о том, что

из их позиции мы сделали вывод, что они ставят вопрос о продолжении будущих переговоров в зависимости от принятия нами основ наших с ними экономических обсуждений. [...] Поскольку эта основа для нас является неприемлемой, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией». Вайцеккер велел Шуленбургу не проявлять инициативы «в политической области», а ожидать инструкций²⁹. О содержании резкой статьи Андрея Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР», опубликованной в «Правде» 29 июня в качестве «личного мнения депутата Верховного Совета СССР», посол немедленно и, надо полагать, не без удовольствия сообщил в Берлин³⁰.

Разговор Шуленбурга с заместителем наркома иностранных дел СССР Владимиром Потемкиным 1 июля был осторожным в практическом плане, но содержал интересные теоретические рассуждения. В ответ на германские авансы советские дипломаты напоминали о существовании Антикоминтерновского пакта и об участии в нем Японии, с которой в то время шла необъявленная война на Халхин-Голе. Любимое детище Риббентропа стало мешать его далеко идущим планам.

«Об этом договоре, — записывал Потемкин, — Шуленбургу несколько раз пришлось говорить с фон Риббентропом при своем последнем посещении Берлина. Фон Риббентроп вполне определенно заявлял послу, что указанный договор никогда не был направлен против СССР как государства. Он предусматривал лишь организацию своего рода идеологического фронта для борьбы с интернациональным течением, в котором три правительства усматривали опасность для существующего социального и политического строя. С течением времени и в соответствии с меняющейся обстановкой тройственный договор отошел от своей первоначальной базы: в настоящее время он приобрел ясно выраженный антианглийский характер. Об этом фон Риббентроп говорил с Шуленбургом вполне откровенно. Посол хотел бы обратить на это и наше внимание».

Не приходится сомневаться — это разъяснение было дано по указанию шефа, равно как и следующий весьма

откровенный пассаж: «Фон Риббентроп настроен против Англии. Наоборот, к СССР он относится как к государству, с которым Германия могла бы поддерживать отношения дружественного сотрудничества. Фон Риббентроп развивал Шуленбургу весьма широкие планы установления такого сотрудничества не только между Германией и СССР, но и между Советским Союзом и Японией. Эта идея не представляется Шуленбургу утопической»³¹. Перед нами четкая формула континентального блока, ставшего заветной мечтой Риббентропа.

Однако до полной ясности было еще далеко. 8 июля, когда в Москве был согласован текст англо-франко-советского соглашения против агрессии, Астахов, беседа в Берлине с Кулондром, отрицал наличие политического диалога с немцами. Вечером 24 июля Шнурре пригласил Астахова и заместителя торгпреда Евгения Бабарина в тихий и уютный ресторан «Эвест» в центре Берлина, чтобы обсудить с ними ситуацию в Европе. Шнурре четко обозначил свою позицию: он говорит от имени и по указанию Риббентропа, «который в точности знает мысли фюрера». Руководство рейха предлагало поэтапную нормализацию отношений: заключение кредитного и торгового соглашений; улучшение политических отношений путем «уважения интересов другой стороны в прессе и общественном мнении»; восстановление хороших политических отношений в виде нового соглашения. «Астахов назвал путь сближения с Германией соответствующим интересам обеих стран. Однако он отметил, что, вероятно, темп должен быть медленным и постепенным. Советский Союз усматривает серьезную для себя угрозу во внешней политике национал-социализма. [...] Я подчеркнул, что в настоящее время германская политика на Востоке берет абсолютно иной курс» (запись Шнурре).

«Скажите, каких доказательств Вы хотите? Мы готовы на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии. [...] Если у Советского правительства есть желание серьезно говорить на эту тему, то подобное заявление Вы сможете услышать не только от меня, а от гораздо более высокопоставленных лиц. Я лично был бы очень рад, если бы мне удалось поехать в Москву, где

смог бы развить эти мысли в беседе с Вашими руководителями. [...] Сочувственный резонанс с нашей стороны обеспечен. Наоборот, сейчас мы не находим резонанса у Вас» (Шнурре в записи Астахова)³².

Получив отчет поверенного, Молотов телеграфировал: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно». Однако на следующий день (точнее, через пять часов!) нарком послал в Берлин конкретные указания — несомненно, после совещания со Сталиным: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения. [...] Но только немцы могут сказать, в чем конкретно должно выразиться улучшение политических отношений. До недавнего времени немцы занимались тем, что только ругали СССР, не хотели никакого улучшения политических отношений с ним и отказывались от участия в каких-либо конференциях, где представлен СССР. Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение. У меня был недавно [28 июня. — В. М.] Шуленбург и тоже говорил о желательности улучшения отношений, но ничего конкретного или внятного не захотел предложить. Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»³³.

Астахов сразу проинформировал Шнурре, что сообщил Молотову о содержании их вчерашней беседы, которое «вызвало большой интерес»³⁴. Это был явный сигнал Риббентропу. Почувствовав, что лед тронулся, Клейст посоветовал шефу не торопиться и не демонстрировать Москве излишнюю заинтересованность, пояснив, что за шесть или, по меньшей мере, за три месяца можно добиться взаимоприемлемой разрядки. Услышав об этих сроках, рейхсминистр расхохотался, но причину своего веселья не объяснил — знать о скором решении «польского вопроса» Клейсту было не положено³⁵.

Вечером 2 августа Астахов посетил Вайцзеккера, намереваясь выяснить, кто будет представлять Германию на

сельскохозяйственной выставке в Москве. Речь зашла о ходе торговых переговоров. И тут статс-секретарь «неожиданно добавил, что случайно сейчас в своем кабинете находится Риббентроп, который желал бы меня [Астахова. — В. М.] видеть». Разумеется, никакой случайности в этом не было: «...Я намеревался продолжить беседы. [...] которые ранее велись между Астаховым и членами Министерства иностранных дел с моего разрешения», — писал Риббентроп на следующий день Шуленбургу.

«Я изредка прерывал беседу, которая носила характер монолога», — телеграфировал Астахов в Москву. Он записал слова Риббентропа гораздо подробнее, чем это сделал сам рейхсминистр. Опытный дипломат и журналист, Астахов понимал, события какой важности разворачиваются перед ним и при его непосредственном участии. Приведу наиболее важные фрагменты его записи: «Р[иббентроп] начал с выражения своего удовлетворения по поводу благоприятных перспектив советско-германской торговли. [...] Я [Риббентроп. — В. М.] также хотел бы подтвердить, что в нашем представлении благополучное завершение торговых переговоров может послужить началом политического сближения. До последнего времени в наших взаимоотношениях накопилось много болячек. Они не могут пройти внезапно. Для рассасывания их нужно время, но изжить их возможно. [...] Мы считаем, что для вражды между нашими странами оснований нет. Есть одно предварительное условие, которое мы считаем необходимой предпосылкой нормализации отношений — это взаимное невмешательство во внутренние дела. Наши идеологии диаметрально противоположны. Никаких поблажек коммунизму в Германии мы не допустим. Но национал-социализм не есть экспортный товар, и мы далеки от мысли навязывать его кому бы то ни было. Если в Вашей стране держатся такого же мнения, то дальнейшее сближение возможно».

«Воспользовавшись моментной паузой», Астахов со спокойной душой дал Риббентропу (в полном согласии с официальным курсом советского правительства) соответствующие заверения, которые рейхсминистр «с удовлетворением принял к сведению». «Что же касается остальных вопросов, стоящих между нами, — продолжал он, — то ни-

каких серьезных противоречий между нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться».

Однако в Москву были приглашены британская и французская военные миссии, о чем Риббентроп вспомнил с явным неудовольствием, добавив: «Мы не обращаем внимания на крики и шум по нашему адресу в лагере так называемых западноевропейских демократий. Мы достаточно сильны и к их угрозам относимся с презрением и насмешкой». «Если Москва займет отрицательную позицию, мы будем знать, что происходит и как нам действовать» (запись Риббентропа).

В ходе разговора позиция германской стороны обозначилась с предельной четкостью — строго секретные переговоры по конкретным вопросам (Данциг, Польша, контроль над Балтийским морем). Однако прежде чем перейти к ним, Риббентроп хотел получить гарантии того, что намерения второй стороны серьезны. «Я вел разговор, не выказывая никакой спешки, — писал он Шуленбургу. — Поверенный в делах, казалось, был заинтересован, несколько раз пытаясь повернуть беседу в сторону более конкретных вопросов, вследствие чего я дал ему понять, что я буду готов к уточнениям сразу же после того, как советское правительство официально уведомит нас о том, что оно, в принципе, желает новых отношений». «Если Советское правительство проявляет к этому интерес и считает подобные разговоры желательными, тогда можно подумать и о конкретных шагах, которые следует предпринять... В утвердительном случае их можно возобновить либо здесь [в Берлине. — В. М.], либо в Москве» (запись Астахова).

Риббентроп ждал скорого ответа, потому что подготовка к войне с Польшей вышла на финишную прямую, однако заявил, что «не считает необходимым особенно торопиться [с германо-советскими переговорами. — В. М.] [...] поскольку вопрос серьезен, и подходить к нему надо не с точки зрения текущего момента, а под углом интересов целых поколений». Конечно, заявление рейхсминистра можно списать на любовь к позе и риторике, однако, как ни глянь, он оказался прав...

Разговор коснулся и больших тем. Риббентроп «предупредил, что мы [СССР. — В. М.] должны считаться с фактом дружбы между Германией и Японией. Мы не должны рассчитывать, что эвентуальное улучшение советско-германских отношений может отразиться в виде ослабления отношений германо-японских». «Я [Риббентроп. — В. М.] описал германо-японские отношения как хорошие и дружественные. Эти отношения прочные. Однако, что касается русско-японских отношений, у меня есть свои собственные соображения, под которыми я понимаю долгосрочный *modus vivendi** между двумя странами».

Наконец Риббентроп спросил: «Скажите, г-н поверенный в делах, — внезапно изменив интонацию, обратился он ко мне как бы с неофициальным вопросом, — не кажется ли Вам, что национальный принцип в Вашей стране начинает преобладать над интернациональным. Это вопрос, который наиболее интересует фюрера. [...] Я ответил, что у нас то, что Р[иббентроп] называет интернациональной идеологией, находится в полном соответствии с правильно понятыми национальными интересами страны, и не приходится говорить о вытеснении одного начала за счет другого. "Интернациональная" идеология помогла нам получить поддержку широких масс Европы и отбиться от иностранной интервенции, то есть способствовала осуществлению и здоровых национальных задач. Я привел еще ряд подобных примеров, которые Р[иббентроп] выслушал с таким видом, как будто подобные вещи он слышит в первый раз».

Пересказ этого не слишком-то содержательного диалога интересен как свидетельство попытки Гитлера найти идеологическое оправдание договора с идеологическим противником. Астахов подбросил будущим партнерам неплохой вариант: интернационализм вполне можно совместить с национальными интересами.

«Уже прощаясь, [Риббентроп] подчеркнул, что считает необходимым соблюдать конфиденциальный характер по-

---

* Дословно: способ существования (лат.). В международных отношениях — временное соглашение по вопросам, которые требуют разрешения, но пока не могут быть окончательно урегулированы; предполагает замену его постоянным соглашением.

добных бесед и не допускать ни малейшей сенсационности. Затем подчеркнуто вежливо проводил до самой двери, еще раз пожелав всего лучшего»³⁶.

3

Это была первая настоящая встреча Риббентропа с советским дипломатом. Думаю, он волновался. Ее можно было считать удавшейся, поэтому рейхсминистр велел Шуленбургу в Москве и Шнурре в Берлине закрепить успех. В ходе встречи прозвучал намек на возможность обсуждения всего комплекса проблем «высокопоставленными представителями» обеих стран. Это была заявка на серьезный разговор, тем более что немцы прямо сообщили: «Если попытка мирно урегулировать вопрос о Данциге ни к чему не приведет и польские провокации будут продолжаться, то, возможно, начнется война. Германское правительство хотело бы знать, какова будет в этом случае позиция Советского правительства». Молотов заверил, что сказанное его интересует³⁷.

Одиннадцатого августа Чиано приехал к Риббентропу в замок Фушль, откуда они на следующий день отправились к Гитлеру в Бергхоф: гость был проинформирован о твердом намерении решить проблему Данцига и Польского коридора. В тот же день в Москве открылось совещание военных миссий СССР, Великобритании и Франции. Тогда же на Вильгельмштрассе была получена телеграмма из Токио: посол Отт сообщал о последних, отчаянных усилиях военного министра Итагаки Сэйсиро добиться заключения союза трех держав³⁸.

Тринадцатого августа Шнурре пригласил к себе Астахова. «События идут очень быстрым темпом и терять время нельзя», — сказал он в качестве прелюдии и передал ему послание Риббентропа, полученное по телефону: Гитлер согласен на проведение политических переговоров в Москве, но поручит это не дипломатам, а одному из своих партайгеноссе, например Гансу Франку. «Шнурре подчеркнул, что речь может идти вообще о лице подобного калибра, а не только о Франке», и «как бы от себя» добавил, что «наиболее верным способом была бы непосредственная беседа Риббентропа с Молотовым»³⁹.

Позже рейхсминистр утверждал: «Сначала я предложил послать в Москву не меня, а другого полномочного представителя — я подумал прежде всего о Геринге. Принимая во внимание мою деятельность в качестве посла в Англии, мои японские связи [Антикоминтерновский пакт. — *В. М.*] и всю мою внешнюю политику, я считал, что для миссии в Москву буду выглядеть деятелем слишком антикоммунистическим. Но фюрер настоял на том, чтобы в Москву отправился именно я, сказав, что это дело я "понимаю лучше других"»⁴⁰. Этот рассказ вызывает сомнения. К моменту определения кандидатуры посланца Гитлер был готов заключить пакт практически любой ценой, что исключало провал миссии. Напротив, подписание договора стало бы личным успехом того, кто скрепил бы его своей подписью. Этого честолюбивый Риббентроп не отдал бы никому, кроме фюрера (о нем, впрочем, речь не шла), тем более — своему главному недругу Герману Герингу, вражда с которым, кроме личной антипатии, имела еще и геополитический подтекст: Геринг был главным атлантистом нацистского двора. Впрочем, нет — эту сомнительную честь следует уступить самому фюреру...

Четырнадцатого августа в 22 часа 53 минуты по берлинскому времени Риббентроп направил Шуленбургу сверхсрочную телеграмму с сообщением для Молотова. На деле это было послание Гитлера Сталину: «Я считаю важным, чтобы они [германские предложения. — *В. М.*] дошли до господина Сталина в как можно более точном виде, и я уполномочиваю Вас в то же самое время просить от моего имени г-на Молотова об аудиенции с г-ном Сталиным, чтобы Вы могли передать это важное сообщение еще и непосредственно ему». Диктаторы лично вступали в игру.

Дипломат и знаток дипломатической истории Григоре Гафенку сравнил «политику-на-двоих» Гитлера и Сталина с политикой Наполеона и Александра I в период Тильзитского мира. Аналогия приходила в голову не ему одному. 16 сентября 1939 года, через две недели после начала войны, французский писатель и политический аналитик Пьер Дриё ла Рошель, не сводивший глаз с карты Европы, кратко записал: «Гитлер и Сталин. Ср. Наполеон и Александр в Тильзите»⁴¹. Ему вспомнилось историческое свидание

русского и французского императоров в 1807 году в Восточной Пруссии, завершившее одну войну между ними, но не предотвратившее другой...

Заключительная фаза подготовки «нового Тильзита» началась визитом Шуленбурга к Молотову 15 августа. В кармане у посла лежало упоминавшееся выше послание Риббентропа:

«1. Идеологические расхождения между Национал-Социалистической Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделились на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря. События последнего периода, кажется, показали, что разница в мировоззрениях не препятствует деловым отношениям двух государств и установлению нового и дружественного сотрудничества. Период противостояния во внешней политике может закончиться раз и навсегда; дорога в новое будущее открыта обеим странам.

2. В действительности интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности. Таким образом, причины для агрессивного поведения одной страны по отношению к другой отсутствуют. У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств... Политическое сотрудничество между двумя странами может иметь только положительный результат. То же самое относится к германской и советской экономике, сотрудничество которых может расширяться в любом направлении.

3. Нет никакого сомнения, что сегодня германо-советские отношения пришли к поворотному пункту своей истории. Решения, которые будут приняты в ближайшем будущем в Берлине и Москве по вопросу этих отношений, будут в течение поколений иметь решающее значение для германского и советского народов. От этих решений будет зависеть, придется ли когда-нибудь двум народам снова, без возникновения каких-либо действительно непреодоли-

мых обстоятельств, выступить друг против друга с оружием в руках, или же снова наступят дружеские отношения. Прежде, когда они были друзьями, это было выгодно обеим странам, и все стало плохо, когда они стали врагами.

4. Верно, что Германия и Советский Союз, в результате многолетней вражды их мировоззрений, сегодня относятся друг к другу с недоверием. Должно быть счищено много накопившегося мусора. Нужно сказать, однако, что даже в этот период естественные симпатии немцев и русских друг к другу никогда не исчезали. На этой базе заново может быть построена политика двух государств.

5. Имперское правительство и Советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как Национал-Социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 году эта политика имела для России катастрофические последствия. В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям.

6. Кризис в германо-польских отношениях, спровоцированный политикой Англии, а также британская военная пропаганда и связанные с этим попытки создания (антигерманского) блока делают желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. В противном случае, независимо от действий Германии, дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой. Поэтому руководителям обоих государств следует не пускать события на самотек, а действовать в подходящее время. Будет губительно, если из-за отсутствия взаимопонимания по отношению к взглядам и намерениям друг друга наши народы окончательно разойдутся в разные стороны.

Насколько нам известно, Советское правительство также желает внести ясность в германо-советские отношения. Поскольку, однако, судя по предшествующему опыту, такое выяснение отношений может протекать лишь постепенно

и через обычные дипломатические каналы, Имперский Министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени Фюрера изложить взгляды Фюрера господину Сталину. Только такое непосредственное обсуждение может, по мнению господина фон Риббентропа, привести к изменениям и, таким образом, закладка фундамента для некоторого улучшения германо-русских отношений уже не будет казаться невозможной»⁴².

Вот когда пригодились майские предложения Риббентропа, отвергнутые Гитлером! «Молотов с величайшим интересом выслушал информацию, которую мне поручено было передать, — немедленно сообщал Шуленбург шефу, — назвал ее крайне важной и заявил, что он сразу же передаст ее своему правительству и в течение короткого времени даст мне ответ. Он может заявить уже сейчас, что Советское правительство тепло приветствует германские намерения улучшить отношения с Советским Союзом и теперь, принимая во внимание мое сегодняшнее сообщение, верит в искренность этих намерений... Молотов повторил, что, если мое сегодняшнее сообщение включает в себя идею пакта о ненападении или что-то похожее, вопрос должен быть обсужден более конкретно, чтобы в случае прибытия сюда Имперского Министра иностранных дел вопрос не свелся к обмену мнениями, а были приняты конкретные решения»⁴³.

Молотов дал ответ уже 17 августа. Но еще накануне Шуленбург получил новые инструкции от Риббентропа: «Германия готова заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, если желает Советское правительство, не подлежащий изменению в течение 25 лет. [...] Германия готова совместно с Советским Союзом гарантировать безопасность прибалтийских государств. [...] Германия готова, и это полностью соответствует позиции Германии, попытаться повлиять на улучшение и укрепление русско-японских отношений».

Далее Риббентроп от имени Гитлера подтвердил готовность к «общему и быстрому выяснению германо-русских отношений и взаимному урегулированию актуальных вопросов», связанных с Польшей, и сообщил, что может прибыть в Москву в любой день, начиная с 18 августа, «для решения всего комплекса германо-русских вопросов, а если

Ribbentrop

**ИЗ АРХИВА
РУДОЛЬФА
ФОН РИББЕНТРОПА**

**Фердинанд
Риббентроп,
дед Иоахима фон
Риббентропа,
в форме майора
брауншвейгской
артиллерии**

**Фридрих фон
Риббентроп,
генерал-
интендант
прусской армии**

Генерал Карл
фон Риббентроп

Родители
Иоахима
фон Риббентропа:
Рихард
и София
Риббентроп

Майор
Рихард
Риббентроп

Рихард Риббентроп
с сыновьями
катается на санках.
*Ароза (Швейцария).
Около 1910 г.*

Лейтенант-гусар Иоахим Риббентроп (в переднем ряду в середине).
Прибалтика. 1915 г.

Аннелиз фон Риббентроп с тестем Рихардом Риббентропом

Гитлер
поздравляет
Иоахима
фон Риббентропа
с заключением
англо-германского
морского
соглашения.
*Автограф
Риббентропа.*
18 июня 1935 г.

Иоахим фон
Риббентроп
с детьми
Адольфом
и Урсулой
и Адольфом
Гитлером
в здании МИДа.
1939 г.

Иоахим фон Риббентроп, статс-секретарь МИДа Эрнст фон Вайцзеккер (в центре) и барон Густав Штеенграхт фон Мойланд

Ближайшие сотрудники Риббентропа. Нижний ряд (слева направо): Александр фон Дёрнберг, Фридрих Гаус, Пауль Карл Шмидт (пресс-секретарь), Н, Эрих Кордт. Верхний ряд (слева направо): Шваймер, Густав Адольф фон Халем, Берн Готтфридсен. *Около 1940 г.*

Иоахим фон Риббентроп и Фернан де Бринон. *Далем. 1935—1936 гг.*

Иоахим фон Риббентроп выступает на церемонии подписания франко-германской декларации. Справа сидит министр иностранных дел Франции Жорж Бонне. *Париж. 6 декабря 1938 г.*

Сесиль
фон Ренте-Финк,
Иоахим
фон Риббентроп,
Вальтер Хевель,
Густав Штеенграхт
фон Мойланд

Вальтер Хевель,
Иоахим
фон Риббентроп,
Франц фон Папен,
Ингеборг Йенке
(сестра
Риббентропа)

Иоахим фон Риббентроп и министр иностранных дел Италии граф Галеаццо Чиано (слева) подписывают «Стальной пакт».
Рим. 22 мая 1939 г.

Бенито Муссолини, граф Галеаццо Чиано и Иоахим фон Риббентроп

Адольф Гитлер,
Иоахим
фон Риббентроп,
Бенито Муссолини

Прием
дипломатического
корпуса в новой
Имперской
канцелярии.
В центре: Иоахим
фон Риббентроп,
Адольф Гитлер,
Отто Мейсснер.
13 января 1939 г.

Иоахим фон Риббентроп, граф Фридрих фон дер Шуленбург и советские представители.
Москва.
22 августа 1939 г.

Посол в СССР граф Фридрих фон дер Шуленбург приветствует Иоахима фон Риббентропа в Москве.
Позади: полпред СССР в Германии Алексей Шкварцев.
Москва.
27 сентября 1939 г.

Вячеслав Молотов подписывает советско-германский договор о ненападении. Позади (слева направо): Густав Хильгер, Иоахим фон Риббентроп, Иосиф Сталин, переводчик Владимир Павлов. *Москва. 23 августа 1939 г.*

Иоахим фон Риббентроп подписывает советско-германский договор о ненападении. На заднем плане: заместитель шефа протокола Густав Адольф фон Халем и помощник рейхсминистра Рихард Шульце-Коссенс. *Москва. 23 августа 1939 г.*

Иоахим
фон Риббентроп
приветствует
Вячеслава
Молотова.
*Берлин.
12 ноября 1940 г.*

Иоахим
фон Риббентроп
и Адольф Гитлер
у спецпоезда.
Около 1941 г.

Иоахим фон Риббентроп с семейством Лендорф.
Восточная Пруссия. 1942—1943 гг.

Иоахим фон Риббентроп со скрипкой в замке Фушль. 1943—1944 гг.

Рудольф
фон Риббентроп
в форме
Вестминстерской
школы.
Лондон. 1936 г.

Иоachim и Рудольф
фон Риббентропы.
*Артуа (Франция).
Май 1940 г.*

представится возможность, то и для подписания соответствующего договора»⁴⁴.

Время до запланированного нападения на Польшу (если в последний момент Варшава не пойдет на требуемые уступки) шло на часы. Гитлер спешил как никогда и поэтому готов был обещать все что угодно. Только бы Сталин согласился...

Молотов вручил Шуленбургу официальный ответ, заявив, что «т. Сталин находится в курсе дела и ответ с ним согласован». Для начала был повторен привычный набор аргументов об «официальных заявлениях отдельных представителей германского правительства, нередко имевших недружелюбный и даже враждебный характер в отношении СССР», об Антикоминтерновском пакте, о вынужденной «подготовке отпора против возможной агрессии в отношении СССР со стороны Германии». «Если, однако, теперь германское правительство, — говорилось далее, — делает поворот от старой политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с СССР, то Советское правительство может только приветствовать такой поворот и готово, со своей стороны, перестроить свою политику в духе ее серьезного улучшения в отношении Германии». Первым шагом было названо подписание торгово-кредитного соглашения, вторым — «заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 года с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем, чтобы последний представлял органическую часть пакта»⁴⁵.

«Переходя к вопросу о приезде Риббентропа, — записывал переводчик Владимир Павлов, — т. Молотов заявляет, что мы ценим постановку этого вопроса германским правительством, подчеркивающим серьезность своих намерений предложением послать в Москву видного политического деятеля, в отличие от англичан, пославших в Москву второстепенного чиновника Стрэнга [заведующий департаментом Центральной Европы Форин Оффис. — В. М.]».

Это замечание перекликается с письмом Шуленбурга Вайцзеккеру от 16 августа: «У меня создалось впечатление, что предложение о приезде Имперского Министра очень польстило лично господину Молотову и что он рассматри-

вает это как действительное доказательство наших добрых намерений. (Я напоминаю, что, согласно газетным сообщениям, Москва просила, чтобы Англия и Франция прислали сюда министра, и что вместо этого прибыл только господин Стрэнг)»⁴⁶.

Молотов как будто знал о содержании письма, что, впрочем, представляется вполне возможным: 3-й секретарь посольства в Москве Герхард Кегель был тайным коммунистом и советским агентом; были там «свои люди» и у американцев...

Молотов запросил германский проект договора. Риббентроп предложил ограничиться следующим: «Статья 1. Германское государство и СССР обязуются ни при каких обстоятельствах не прибегать к войне и воздерживаться от всякого насилия в отношении друг друга.

Статья 2. Соглашение вступает в силу немедленно после подписания и будет действительно и нерасторжимо в течение 25-летнего срока».

Поздно вечером 18 августа рейхсминистр также сообщил Шуленбургу, что переговоры об экономическом соглашении завершены и что война с Польшей может начаться со дня на день. «Сегодняшняя внешняя политика Германии достигла своего исторического поворотного пункта», — как заклинание повторял Риббентроп⁴⁷. 19 августа Шуленбург передал Молотову последние новости из Берлина и германский проект. Нарком удивился его краткости (похоже, за образец был взят... Антикоминтерновский пакт), предложил использовать уже имевшиеся договоры о ненападении и через два с половиной часа вручил послу советский проект, включавший уже пять статей:

«Правительство СССР и Правительство Германии,

Руководимые желанием укрепления дела мира между народами и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от какого бы то ни было насилия и агрессивного действия друг против друга или нападения одна на другую, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме подобных действий такой державы.

Статья 3. В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по тем или иным вопросам, обе Стороны обязуются разрешить эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке взаимной консультации или путем создания в необходимых случаях соответствующих согласительных комиссий.

Статья 4. Настоящий договор заключается сроком на пять лет, с тем что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 5. Настоящий Договор подлежит ратификации в возможно короткий срок, после чего договор вступит в силу.

Постскриптум. Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта»⁴⁸.

Уже при беглом взгляде на советский проект заметны его проработанность и ориентация на общепринятые правовые нормы (ратификация и т. п.). Создается впечатление, что он был подготовлен загодя в отличие от импровизации Риббентропа. Гитлер наконец-то вздохнул с облегчением и направил Сталину личное послание о согласии с предложенным проектом и о том, что «заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок». Сталин ответил быстро и коротко: «Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения [так! — В. М.] создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами», — добавив, что ждет Риббентропа в Москве 23 августа⁴⁹.

Персональное обращение к Сталину, официально не занимавшему никаких государственных постов, принесло прекрасный результат. «Это послание стало вехой в мировой истории — оно отметило момент, когда Советская Россия возвратилась в Европу как великая держава. До того ни один европейский государственный деятель не обращался к Сталину лично. Западные лидеры относились к нему так, как будто он был далеким, да к тому же малозначительным бухарским эмиром. Теперь Гитлер признал в нем правителя великой страны»⁵⁰. По словам Шуленбурга, послание произвело глубокое впечатление на Молотова⁵¹. О реакции Сталина можно только догадываться.

Одновременно Вайцзеккер по указанию шефа разослал в германские посольства и миссии за рубежом циркулярную ноту. Кратко осветив ход переговоров и мотивировав необходимость скорейшей нормализации двусторонних отношений перед лицом Польского кризиса, он возвещал: «Поступая таким образом, мы последовательно старались не нанести ущерба нашим отношениям с дружественными державами, особенно с Италией и Японией, и давали понять это Советскому Союзу на каждой стадии переговоров. Мы ожидаем, что и в японско-советских отношениях наступит желанная обеим сторонам передышка, которая приведет к дальнейшему ослаблению напряженности. Возможное обвинение в том, что, заключив соглашение с Советским Союзом, мы нарушили принципы Антикоминтерновского пакта, в данном случае не имеет силы. Эволюция Антикоминтерновского пакта все более и более вынуждала державы видеть своего главного врага в Британии. Кроме того, русский большевизм при Сталине пережил структурные изменения решающего характера. Вместо идеи мировой революции на первый план вышли идеи русского национализма и консолидации советского государства на его нынешней национальной, территориальной и социальной основе. В этой связи стоит обратить внимание на устранение евреев с руководящих постов в Советском Союзе (падение Литвинова в начале мая). Разумеется, оппозиция коммунизму внутри Германии остается полностью прежней. Борьба с любым возобновлением попыток проникновения коммунизма в Германию будет продолжаться

с прежней суровостью. Во время переговоров Советскому Союзу не было оставлено никаких сомнений на этот счет, и он полностью принял данный принцип»⁵².

4

Вечером 22 августа в сопровождении многочисленной свиты Риббентроп отбыл из Берлина. Перед вылетом ему предстояло исполнить одну неприятную обязанность — объяснить происходящее своему другу Осима, с которым он не встречался целый месяц. На аэродром японский посол приехал растерянным и подавленным, исчерпав запас негодования в беседе с Вайцзеккером⁵³. В кратком разговоре (на долгий не хватило времени) рейхсминистр повторил все прежние аргументы — от англо-французского «окружения» до неудачи переговоров об альянсе трех держав и подчеркнул целесообразность нормализации японско-советских отношений: «наилучшей политикой для нас будет заключить японско-германо-советский пакт о ненападении, а затем двинуться против Англии». На вопрос об укреплении Антикоминтерновского пакта Риббентроп решительно ответил, что теперь с этим покончено и что «наши две страны должны идти вместе по другому пути»⁵⁴. Японцы могли возмущаться сколько угодно, но они «опоздали» по собственной вине. Наиболее дальновидные из них сделали необходимые выводы, но большинство лишь разразилось бранью в адрес как Москвы, так и Берлина⁵⁵.

После остановки на ночь в Кёнигсберге посланцы фюрера прибыли в Москву. По пути «вся делегация, включая Риббентропа, как замороженная глядела в иллюминаторы»⁵⁶. «Со смешанным чувством ступил я в первый раз на московскую землю, — вспоминал Риббентроп. — ...Никто из нас никаких надежных знаний о Советском Союзе и его руководящих лицах не имел. Дипломатические сообщения из Москвы были бесцветны [явная несправедливость! — В. М.]. А Сталин в особенности казался нам своего рода мистической личностью»⁵⁷.

Встретили рейхсминистра не только без пышных церемоний, но даже с некоторым нарушением протокола: на аэродром приехали только заместитель наркоминдел Потемкин (переводчику Шмидту его фамилия казалась под-

тверждением нереальности происходящего) и шеф протокола НКВД Владимир Барков. Нацистские флаги пришлось позаимствовать на киностудии «Мосфильм», где их использовали при съемках пропагандистских фильмов. Почетный караул, конечно, был и понравился гостю «своим внешним видом и выправкой»⁵⁸. Риббентроп разместился в здании бывшего австрийского посольства, которое после аншлюса отошло к Германии, и после завтрака отправился в Кремль. Там его уже ждали — не только Молотов, но и Сталин, принявший участие в переговорах с самого их начала. «На переговорах царилла благоприятная атмосфера, — вспоминал Риббентроп, — хотя русские известны как дипломаты упорные»⁵⁹.

В четверг 24 августа 1939 года около двух часов утра Договор о ненападении был подписан и в то же утро опубликован в «Правде» (разумеется, без секретного дополнительного протокола). За основу был принят советский проект от 19 августа, воспроизведенный почти дословно*, но с двумя важными дополнениями, вставленными между 2 и 3 статьями проекта:

«Статья 3. Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья 4. Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны».

Эти статьи были заимствованы из нового германского проекта, который привез с собой Риббентроп. Статья о консультациях вызывала в памяти Антикоминтерновский пакт. Статья о неучастии во враждебных блоках в том или ином виде фигурировала в разных проектах германо-итало-японского альянса и должна была, с одной стороны, предупредить выступление СССР в союзе с Великобританией и

---

* Неубедительным выглядит позднейшее утверждение Риббентропа: «В самолете я [...] набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Кремле это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста его заранее не подготовили [выделено мной. — В. М.]» (Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 140).

Францией на стороне Польши, а с другой — успокоить Москву относительно возможных действий Германии в поддержку Японии (бои на Халхин-Голе еще продолжались).

В ходе переговоров Сталин основательно поработал над текстом. Прежде всего, была снята пространная преамбула, написанная Риббентропом и повторявшая его излюбленные идеи:

«Вековой опыт доказал, что между германским и русским народом существует врожденная симпатия. Жизненные пространства обоих народов соприкасаются, но они не переплетаются в своих естественных потребностях.

Экономические потребности и возможности обеих стран дополняют друг друга во всем.

Признавая эти факты и те выводы, которые следует отсюда сделать, что между ними не существует никаких реальных противоречивых интересов, Немецкая Империя (Рейх) и Союз Советских Социалистических Республик решили построить свои взаимоотношения по-новому и поставить на новую основу. Этим они возвращаются к политике, которая в прошлые столетия была выгодна обоим народам и приносила им только пользу. Они считают, что сейчас, как и прежде, интересы обоих государств требуют дальнейшего углубления и дружественного урегулирования обоюдных взаимоотношений и что после эпохи помутнения теперь наступил поворот в истории обеих наций» (русский текст, представленный германской стороной).

Сталин отверг преамбулу как риторичную и несовместимую с бешеной антисоветской кампанией, которую нацистское руководство вело на протяжении последних шести лет (это же относилось и к тексту коммюнике по итогам переговоров), вычеркнул статью 5 германского проекта, посвященную расширению экономических отношений за рамки соглашения от 19 августа, и внес кое-какие технические поправки, основываясь на формулировках советского проекта.

Работа над текстом закончилась оперативно и без особых дискуссий. Больше времени потребовало согласование секретного протокола, а также линии раздела сфер влияния. Вспоминая времена Чичерина, Карл Хаусхофер так писал о советских руководителях: «Они по крайней

мере обладают тонким слухом, чтобы понимать данное геополитическое преимущество, и при этом отбросить идеологические предрассудки, и при заключении любого пакта с теми, кто достаточно умен, всегда учитывать собственные выгоды»⁶⁰.

Риббентроп был в восторге и от подписанного договора, и от принимающей стороны: «За немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое соглашение, о котором я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог и которое наполняло меня теперь величайшими надеждами насчет будущего развития германо-советских отношений. Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, — человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде»⁶¹. Эти слова, написанные в ожидании приговора, можно объяснить попыткой оправдаться перед победителями, но столь же восторженно Риббентроп говорил о Сталине и осенью 1939 года, особенно после второго визита в Москву. Упомяну еще некоторые детали — возможно, не столь значительные, но любопытные. «Я спросил Сталина, может ли сопровождающий меня личный фотограф фюрера [Генрих Гоффман. — В. М.] сделать несколько снимков. Сталин согласился, и это был первый случай, когда он разрешил фотографировать в Кремле иностранцу [утверждение неверное, но характерное. — В. М.]. Когда же Сталин и мы, гости, были сняты с бокалами крымского шампанского в руках*, Сталин запротестовал: публикации такого снимка он не желает! По моему требованию фоторепортер вынул пленку из аппарата и передал ее Сталину, но тот отдал ее

---

* По воспоминаниям В. М. Молотова в записи Ф. Чуева, Риббентроп высоко оценил качество советского шампанского.

обратно, заметив при этом: он доверяет нам, что снимок опубликован не будет. Эпизод этот незначителен, но характерен для широкой натуры наших хозяев и той атмосферы, в которой закончился мой первый визит в Москву»⁶².

«Сталин совершенно, как вы, мой фюрер, — сказал Риббентроп Гитлеру по возвращении. — Он очень мягок и совершенно непохож на диктатора»⁶³.

После подписания договора состоялся обмен мнениями по важнейшим проблемам мировой политики. Советская сторона записей, похоже, не вела (во всяком случае о них ничего не известно), поэтому используем запись помощника Риббентропа Андора Хенке:

«1. Япония. Имперский Министр иностранных дел заявил, что германо-японская дружба ни в каком смысле не направлена против Советского Союза. Более того, мы в состоянии, имея хорошие отношения с Японией, внести действительный вклад в дело улаживания разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин и Советское Правительство желают этого, Имперский Министр иностранных дел готов действовать в этом направлении. Он соответствующим образом использует свое влияние на японское правительство и будет держать в курсе событий советских представителей в Берлине. Господин Сталин ответил, что Советское Правительство действительно желает улучшить свои отношения с Японией, но что есть предел его терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится ее (войны) и готов к ней. Если Япония хочет мира — это намного лучше! Господин Сталин считает полезной помощь Германии в деле улучшения советско-японских отношений, но он не хочет, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива этого исходит от Советского Союза. Имперский Министр иностранных дел согласился с этим и подчеркнул, что его содействие будет выражаться только в продолжении бесед, которые он уже вел на протяжении месяцев с японским послом в Берлине для улучшения советско-японских отношений...

2. Италия. Господин Сталин спросил Имперского Министра иностранных дел о целях Италии. Нет ли у Италии устремлений, выходящих за пределы аннексии Албании?..

Имперский Министр иностранных дел ответил, что Албания важна для Италии по стратегическим причинам. Кроме того, Муссолини — сильный человек, которого нельзя запугать. Он продемонстрировал это во время абиссинского конфликта, когда Италия отстояла свои цели собственной силой против враждебной коалиции. Даже Германия в тот момент еще была не в состоянии оказать Италии ощутимую поддержку. Муссолини тепло приветствовал восстановление дружественных отношений между Германией и Советским Союзом. По поводу Пакта о ненападении он выразил свое удовлетворение.

3. Турция [...]

4. Англия. Господин Сталин и Молотов враждебно комментировали манеру поведения британской военной миссии в Москве. [...] Имперский Министр иностранных дел заявил в связи с этим, что Англия всегда пыталась, и до сих пор пыгается, подорвать развитие хороших отношений между Германией и Советским Союзом. [...]

5. Франция. Господин Сталин выразил мнение, что Франция, тем не менее, располагает армией, достойной внимания. Имперский Министр иностранных дел, со своей стороны, указал господам Сталину и Молотову на численную неполноценность французской армии. [...] Если Франция попытается воевать с Германией, она определенно будет побеждена*.

6. Антикоминтерновский пакт. Имперский Министр иностранных дел заметил, что Антикоминтерновский пакт был, в общем-то, направлен не против Советского Союза, а против западных демократий. Он знал и мог догадаться по тону русской прессы, что Советское Правительство осознает это полностью. Господин Сталин вставил, что Антикоминтерновский пакт испугал главным образом лондонское Сити и мелких английских торговцев. Имперский Министр иностранных дел шутивно заметил, что господин

---

* Риббентроп вспоминал: «Другой вопрос, заданный мною Сталину, касался того, как совместить наш пакт с русско-французским договором 1936 года [Правильно 1935 год. — В. М.]. На это Сталин лаконично ответил: «Русские интересы важнее всех других» (Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 143).

Сталин, конечно же, напуган Антикоминтерновским пактом меньше, чем лондонские Сити и мелкие английские торговцы. А то, что думают об этом немцы, явствует из пошедшей от берлинцев, хорошо известных своим остроумием, шутки, ходящей уже несколько месяцев, а именно: "Сталин еще присоединится к Антикоминтерновскому пакту".

7. Отношение немецкого народа к германо-русскому Пакту о ненападении. Имперский Министр иностранных дел заявил, что, как он мог констатировать, все слои германского народа, особенно простые люди, очень тепло приветствовали установление понимания с Советским Союзом. Народ инстинктивно чувствует, что естественным образом существующие интересы Германии и Советского Союза нигде не сталкиваются и что развитию хороших отношений ранее препятствовали только иностранные интриги, особенно со стороны Англии. Господин Сталин ответил, что он с готовностью верит в это. Немцы желают мира и поэтому приветствуют дружеские отношения между германским государством и Советским Союзом. Имперский Министр иностранных дел прервал его в этом месте и сказал, что германский народ безусловно хочет мира, но с другой стороны, возмущение Польшей так сильно, что все до единого готовы воевать. Германский народ не будет терпеть польских провокаций.

8. Тосты. В ходе беседы господин Сталин неожиданно предложил тост за Фюрера: "Я знаю, как сильно германская нация любит своего Вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье". [...] Господин Молотов поднял бокал за Сталина, отметив, что именно Сталин своей речью в марте этого года, которую в Германии правильно поняли, полностью изменил политические отношения*. [...] Имперский Министр иностранных дел, в свою очередь, предложил тост за господина Сталина, за Советское Правительство и за благоприятное развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

---

* Согласно послевоенным показаниям Ф. Гауса, Риббентроп сказал Сталину, что Гитлер увидел в его речи аванс в сторону Германии. «Таково было намерение», — ответил советский вождь. Ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение мы не можем.

9. При прощании господин Сталин обратился к Имперскому Министру иностранных дел со следующими словами: «Советское Правительство относится к Пакту очень серьезно. Он может дать свое честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера»⁶⁴.

За подписанием договора последовала моментальная переориентация пропаганды в обеих странах, засвидетельствованная в тот же день передовицей «Правды» и заявлением Риббентропа агентству DNB перед вылетом из Москвы: «В прошлом Германия и Россия страдали, когда были врагами, и благоденствовали, когда были друзьями. Вчерашний день стал судьбоносным для обеих стран. Фюрер и Сталин сделали выбор в пользу дружбы. Пакт о ненападении, который г-н Молотов и я подписали вчера вечером, является прочной и незыблемой основой, на которой оба государства будут строить свое тесное сотрудничество. Наверно, это один из самых значительных поворотных моментов в истории двух народов. Германию и Россию попытались окружить, и из этого самого окружения выросло германо-русское взаимопонимание»⁶⁵.

«Никогда германские газеты не имели столько читателей, как в этот день, — вспоминал советский разведчик, работавший под «крышей» корреспондента ТАСС в Берлине, Иван Филиппов. — Газеты покупались нарасхват. Около киосков устанавливались очереди. Покупатели газет, не отходя от киоска, старались прочитать советско-германское коммюнике и рассказать о нем первому встречному»⁶⁶.

Договор нормализовал отношения естественных геополитических союзников, нарушенные в угоду идеологическим факторам. Недаром весной 1933 года бывший идеолог «сменовеховства» Николай Устрялов, наблюдавший за событиями в Европе из Харбина, писал: «База мирных и даже дружественных германо-советских отношений обусловлена вескими объективными факторами, экономическими и политическими. Не так легко эти факторы изменить и эту базу разрушить»⁶⁷.

«Пакт с Россией, — как будто вторил ему Риббентроп, — вне всякого сомнения, был исключительным успехом не только с реально-политической точки зрения, но и наверняка должен был найти одобрение у немецкого народа. Не-

смотря на многолетние идеологические схватки национал-социализма и большевизма, о значении дружественной для России германской политики забывать было нельзя»⁶⁸.

Пакт стал первым реальным шагом к континентальному блоку, триумфом Риббентропа и Хаусхофера, заявившего: «Никогда больше Германия и Россия не должны подвергаться опасности геополитические основы своих пространств из-за идеологических конфликтов»⁶⁹.

Сам Риббентроп позже определил свои надежды на договор с Москвой следующим образом: «1. Постепенная ликвидация наиопаснейшей конфликтной ситуации, которая могла угрожать миру в Европе, путем дипломатического преодоления мировоззренческих противоречий между национал-социализмом и большевизмом.

2. Создание действительно дружественных германо-советских отношений на фундаменте германской внешней политики в духе Бисмарка.

3. Использование в тогдашней особой ситуации августа 1939 года всех возможностей дипломатического решения проблемы Данцига и коридора в духе предложений Адольфа Гитлера»⁷⁰.

Никогда не встречавшиеся, что бы ни утверждали мифотворцы, Сталин и Гитлер интересовались друг другом, в том числе внимательно изучая фотографии и кинохронику. Фюрер отправил в Москву своего фотографа и друга Гоффмана, «зная, что тот отличный наблюдатель. Он должен был стать глазами Гитлера в Кремле и сообщить ему те, кажущиеся незначительными, детали, которых не замечают профессиональные дипломаты. Гитлер особенно интересовался здоровьем Сталина. Ходили слухи, что кремлевский хозяин тяжело болен и для появлений на публике высылает вместо себя двойника... "Он в отличной форме, — сказал Гоффман. — Дымит, как паровоз, и пьет, как бочка". Гитлер поинтересовался, как Сталин пожимал ему руку, вяло или твердо. Это был один из критериев, по которым он привык оценивать людей. Гитлер также спросил Гоффмана, будет ли, по его впечатлению, Сталин соблюдать союз с Германией, и Гоффман заверил, что в этом нет сомнений»⁷¹.

В тот момент оба диктатора видели в договоре гарантию временной передышки, способ выиграть столь нужное им

время и вполне откровенно говорили об этом в кругу приближенных. Каждый считал себя в барыше. Гитлер обещал Германии самый благожелательный нейтралитет СССР на время Польской кампании и избежал англо-франко-советского «окружения», но не войны с первыми двумя державами, на что все-таки надеялся. Сталин получил возможность удовлетворить территориальные претензии к Польше, приблизившись к границам бывшей Российской империи, и нанести решающий удар по Японии на Халхин-Голе, точно зная, что ей никто не придет на помощь. Но оба были уверены, что в будущем им предстоит смертельная схватка хотя бы потому, что Гитлер так никогда и не отрешился ни от «древнего тевтонского продвижения на Восток», ни от идеологических предубеждений и атлантических иллюзий. Сталин тоже, как известно, не отказывался ни от идеи советского доминирования в Восточной Европе и на Черном море, ни от имевшихся у него территориальных притязаний, в какие бы идеологические одежды они ни облекались.

Для Советского Союза пакт был важен сразу по многим причинам. Во-первых, избавив страну от угрозы немедленного участия в европейской войне, он дал ей почти два года передышки, «значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах»⁷². Во-вторых, он оставил в изоляции Японию — на тот момент единственного действующего военного противника и вызвал сильнейший кризис в ее руководстве (28 августа кабинет Хиранума ушел в отставку в связи со «сложной и запутанной ситуацией» в Европе). В-третьих, пакт вывел СССР из состояния международной изоляции, в которой он находился со времени Мюнхенской конференции. В конце 1938 года Муссолини заявил: «То, что произошло в Мюнхене, означает конец большевизма в Европе, конец всего политического влияния России на нашем континенте»⁷³. Теперь московские остряки, еще осмеливавшиеся острить, с полным правом говорили:

Спасибо Яше Риббентропу,

Что он открыл окно в Европу⁷⁴.

**ПОКЕР С БОЛЬШИМИ СТАВКАМИ
(1939)**

*...Гарантии Польше отдав,
Знаешь всё и не ждешь для планеты сюрприза.
И не то чтобы Келлог с Брианом здесь были в чести,
Но тот Мюнхенский мир было просто уже не спасти.*

Феликс Кокоскин

1

Нормализация отношений с СССР была для Гитлера необходимым условием решения проблемы Данцига и разрешения Германии надвое Польского коридора с помощью силы, коль скоро уговоры не помогали. Высказываниями за двадцать лет, начиная с Парижской мирной конференции, политиков и аналитиков — не только немецких! — о том, что эта проблема породит новую войну в Европе, можно заполнить весь объем, отведенный под эту главу.

«В Веймарской республике, — напомнил немецкий историк Штефан Шайль, — ни один канцлер и вообще политик, достойный этого названия, не собирался вечно признавать восточную границу Германии, на которую той пришлось согласиться в Версале буквально под дулом пистолета. Бесспорно, они стремились исправить границу с Польшей, но также ставили под сомнение сами юридические и практические основы существования Польши как независимого государства»¹, то есть Версальский договор.

Исключением оказался Гитлер, который, по словам Дембски, «хотя и не отрекался ни от одного из германских притязаний в отношении Польши, в противоположность своим предшественникам, не исключал принципиальной возможности решения германо-польских проблем путем переговоров, без вовлечения в вооруженный конфликт. Он не стремился к безусловному "уничтожению" Польши, что само по себе позволяло воспринимать его в Варшаве как политика умеренного и разумного. Первоначально фюрер видел Польшу в роли "форпоста", "бастиона цивили-

лизации на Востоке", стоящего на защите Германии, с одной стороны, от большевистской опасности, а с другой, от возможных французских попыток оказывать давление на рейх. В перспективе Гитлер рассчитывал на более тесную привязку Варшавы и подчинение ее германским целям на международной арене»². Именно по его инициативе 26 января 1934 года было заключено польско-германское соглашение о дружбе и ненападении. Далее основные контакты с Варшавой взял на себя Геринг.

Впервые после назначения Риббентроп обстоятельно побеседовал с польским послом Юзефом Липским 31 марта 1938 года. Посол отметил «положительное и почти дружеское отношение» к Польше собеседника, который признал, что пока несведущ в данном вопросе — и выступает «голосом» Гитлера. Единственное, что он себе позволил, — «не официально, а единственно учитывая наши дружеские отношения [...] затронул не выходящую у него из головы идею широкого антикоммунистического сотрудничества [...] [и] спросил, как отнеслась бы к такому сотрудничеству Польша. Оговорившись, что я [Липский. — В. М.] тоже говорю совершенно частным образом, я подчеркнул прежде всего то, что мы всячески боремся против коммунизма внутри польского государства. [...] У нас есть секретное соглашение по этому вопросу с органами германской безопасности, хорошо функционирующее. [...] Тем не менее, если речь идет о манифестациях за пределами Польши, мы должны считаться с особенностью нашего положения, а именно, с нашим непосредственным соседством с Советской Россией». «О возможном приглашении Польши вступить в антикоминтерновский пакт я не говорил, — записал рейхсминистр, добавив: — Г-н Липский также не сомневается в необходимости сотрудничества и дальнейшего укрепления контактов в этом вопросе»³.

Десятого сентября Риббентроп сообщил послу о желании встретиться с польским министром иностранных дел полковником Юзефом Беком, фактически в одиночку вершившим внешнюю политику Польши. Во время Судетского кризиса Липский общался в основном с Герингом и только в конце сентября встретился с Риббентропом, который заявил о поддержке польских претензий к Чехосло-

вакии и официально предложил Варшаве подумать о присоединении к Анτικοминтерновскому пакту⁴. Стремясь представить Польшу исключительно жертвой агрессии, послевоенная официальная историография как победителей, так и побежденных искажала характер ее политики в межвоенные десятилетия. Скроенная версальскими картографами, в основном французами, из обломков трех рухнувших империй — Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов, — Польша не была однородным по своему составу государством. Титульная нация немедленно принялась угнетать оказавшиеся на подвластной ей территории «неполяков» — немцев, украинцев, белорусов, евреев, несмотря на подписанный 28 июня 1919 года договор со странами Антанты, гарантировавший равные права и возможности всем гражданам, включая «национальные, религиозные и языковые меньшинства». Зыбкость границ и слабость соседей побудили Юзефа Пилсудского и его команду пилсудчиков расширить первоначальные границы: Польша воевала с Советской Россией, Украиной, Белоруссией и Литвой (конфликт с которой перерос в хронический) и, вопреки итогам проходившего под контролем союзных держав плебисцита (ст. 88—91 Версальского договора), захватила германские земли в Верхней Силезии. Неудача постигла ее только в богатой углем Тешинской области, которую Чехословакия смогла отстоять, но отношения между Варшавой и Прагой после этого безнадежно испортились. Польша не ратифицировала Сен-Жерменский и Трианонский договоры с Австрией и Венгрией, поддерживала претензии Будапешта и не сотрудничала с созданной французами Малой Антантой (Чехословакия, Румыния, Югославия), заключив в 1921 году отдельную военную конвенцию с Францией⁵.

Пилсудский повторял, что Австрия и Чехословакия в «версальских» границах нежизнеспособны и вопрос лишь в том, какая страна погибнет первой: «Искусственно и уродливо созданная Чехо-Словацкая республика не только не является основой европейского равновесия, наоборот, является его слабым звеном»⁶. В сентябре 1938 года Бек изложил Липскому официальную позицию: «Чехословацкую Республику мы считаем образованием искусственным, удовлетворяющим некоторым доктринам и комбинациям,

но не отвечающим действительным потребностям и здоровым правам народов Центральной Европы»⁷.

История склонна повторяться, поэтому крах Польши стал аналогом краха Чехословакии, а трагедия населявших ее народов — аналогом трагедии соседей. Роковую роль в гибели обеих стран сыграл общий родитель — Версальский договор, версальское мышление, объединявшее Томаша Масарика и Юзефа Пилсудского, Эдварда Бенеша и Юзефа Бека. Как заметил британский историк Алан Тэйлор, руководство Польши «забыло, что получило независимость в 1918 году только потому, что и Россия, и Германия потерпели поражение»⁸. «Польша не может быть сохранена Западом, — писал в 1940 году Хаусхофер, — наперекор двум наиболее многочисленным народам Европы, коль скоро она проводила безумную самоубийственную политику между Востоком и Западом, а внутренний разлад вместо миролюбивого единства заполнил ее пространство»⁹.

Крах Польши и Чехословакии был вызван как внешними, так и внутренними причинами и, прежде всего, национальными проблемами, которые ни одна из титульных наций всерьез не пыталась решить. Бек назвал режим Масарика—Бенеша «классическим полицейским государством» (хотя в репрессивной политике в отношении национальных меньшинств скорее чехи перенимали польский опыт), добавив, что Прага всегда была центром антипольской коминтерновской пропаганды¹⁰. В апреле 1938 года заместитель наркома иностранных дел СССР Борис Стомоняков информировал полпреда в Китае Ивана Луганца-Орельского: «Ни одна страна в Европе не имеет в настоящее время такого неустойчивого внутреннего положения, как Польша. В этой ситуации вовлечение Польши в военные авантюры могло бы привести к революционным восстаниям и развалу этого государства»¹¹. Однако пилсудчики, прежде всего Бек и главнокомандующий Войска Польского маршал Эдвард Рыдз-Смиглы, продолжали жить представлениями времен «чуда на Висле» 1920 года. В сентябре 1934 года они объявили, что более не считают себя связанными договором 1919 года о правах меньшинств и не будут сотрудничать в этом вопросе с Лигой Наций, ибо это несовместимо с суверенитетом и национальной гордостью Польши¹².

Когда 19 сентября 1938 года Лондон и Париж посоветовали Чехословакии передать рейху те районы, в которых немцы составляли более половины населения, через два дня Варшава предъявила претензии на Тешин, призвав разрешить обе проблемы одновременно. Ее требования шли параллельно с германскими, но с небольшим зазором во времени: сначала речь шла о равноправии, потом об автономии и, наконец, о передаче территорий. Логика Бека была незамысловата: «Если пражское правительство решило сделать уступки другим странам, наши интересы должны быть удовлетворены таким же образом». Ни Англия, ни Франция принципиальных возражений не выдвинули, и 25 сентября Праге пришлось согласиться. 26 сентября польскому президенту Игнацию Мосцицкому было вручено сверхсрочное послание президента Чехословакии Эдварда Бенеша, датированное 22 сентября, в котором выражалась готовность к нормализации отношений, но не более того. 27 сентября Варшава потребовала исправления границ¹³.

Амбициям Польши едва не помешал СССР, который как союзник Праги 23 сентября пригрозил денонсацией Пакта о ненападении 1932 года, но Бека и Рыдз-Смиглы это не испугало. Заручившись нейтралитетом Западных держав, но не добившись вынесения вопроса на Мюнхенскую конференцию, Варшава поздно вечером 30 сентября предъявила чехам ультиматум. 1—2 октября польские войска заняли Тешин, и торжествующий Бек выступил по радио. Французский и британский послы собирались заявить протест, но полковник не принял их. Даже ревнитель традиций советской историографии В. Я. Сиполс признал, что «за свои агрессивные действия в период Мюнхена Польша заслужила на международной арене самую дурную славу»¹⁴.

2

Судетский и Тешинский вопросы были решены. 24 октября 1938 года Риббентроп предложил Липскому обсудить весь комплекс двусторонних отношений и сделал ряд предложений, обозначив их как свои личные, хотя на самом деле они исходили от Гитлера:

«1. Вольный город Данциг возвращается в Германский Рейх.

2. Через "коридор" прокладываются экстерриториальная автострада и экстерриториальная многоколейная железная дорога, принадлежащие Германии*.

3. Польша тоже получает в Данцигской области экстерриториальную автостраду, железную дорогу и свободный порт.

4. Польша получает гарантию сбыта своих товаров в Данцигской области.

5. Обе страны признают свои общие границы; при необходимости можно договориться о гарантии территорий.

6. Германско-польский договор пролонгируется с 10 до 25 лет.

7. Польша присоединяется к Анτικοинтерновскому пакту.

8. Обе страны включают в договор пункт о взаимных консультациях».

Липский сказал, что должен сообщить обо всем министру, но заметил, что Данциг, в отличие от Саара, нельзя считать продуктом Версальской системы. (Надо спросить: интересно почему?!) Риббентроп попросил посла не торопиться с ответом и оповестить о предложениях только Бека, причем устно. Однако Липский направил в Варшаву письменный доклад, содержание которого уже на следующий день было известно и чешскому, и британскому посланникам¹⁵.

Разговор продемонстрировал намерения Германии решить накопившиеся проблемы путем переговоров. 19 ноября Липский зачитал рейхсминистру ответ Бека. Удивившись выдвинутым требованиям, он дал понять, что о возвращении Данцига в рейх де-юре не может быть и речи, ибо этого не допустит общественное мнение Польши (с которым пилсудчики считались не больше, чем Гитлер и Сталин). Облеченный в цветистые фразы о дружбе отказ сопровождался предложением заключить двустороннее соглашение, гарантирующее и «свободу национальной и культурной жизни германского большинства» населения

---

* Для этого Германия просила выделить ей участок земли шириной 1 км и длиной 85 км; при пересечении с существующими транспортными артериями предлагалось построить подземные туннели или надземные эстакады.

Данцига, и польские экономические интересы. Вопросы об экстерриториальной автостраде и железной дороге Бек проигнорировал, но Риббентроп ему об этом напомнил¹⁶.

Притворному удивлению польского министра верить не стоит, ибо Данциг всегда оставался болевой точкой. Польша была недовольна статусом вольного города, который, как считали в Варшаве, предоставлял ей слишком мало прав и не содержал механизма их защиты, а действия генеральных комиссаров Лиги Наций зачастую расценивались как враждебные. Оккупация и интеграция Данцига рассматривались как вариант решения проблемы. Учитывая это, национал-социалисты, весной 1933 года на выборах получившие большинство в Данцигском сенате, занимали в отношении Польши умеренную позицию в соответствии с генеральной линией Берлина.

Осенью 1938 года польские правители не были заинтересованы в открытой конфронтации с рейхом, понимая, что только там могут получить поддержку своим экспансионистским планам в отношении Тешина и Карпатской Украины как части будущей «Великой Польши от моря до моря». Гитлер и Риббентроп, тоже не выпускавшие из вида Украинский вопрос, считали такую перспективу нереальной, но на словах поддерживали стремления пилсудчиков, в которых начали проявляться черты мании величия. Если разговоры о «возвращении исконно польских» земель «до Одера и Балтики» (Померания, Силезия, Бранденбург, а то и до Берлина) велись со 2-й половины XIX века в частном порядке, то требования колоний в Африке выдвигались почти официально, со ссылкой на то, что Польша — великая держава¹⁷.

Жесткая позиция рейха вызвала недовольство Бека. 7 декабря он жаловался своему заместителю Шембеку на зашедшие в тупик двусторонние отношения, приписав это дурному влиянию Риббентропа, которого назвал новичком в дипломатии, снобом и реакционером¹⁸. В дипломатических кругах Европы польский министр-полковник, некогда со скандалом высланный из Парижа, где служил военным атташе, за попытку купить секретные документы, известный пристрастием к горячительным напиткам и дамам полусвета, был столь же непопулярен, как и «торговец шампанским». Тем не менее занимавший свой пост с кон-

ца 1932 года Бек был старейшим по сроку службы европейским министром иностранных дел после Литвинова, влияние которого уже упало до нуля. Протеже Пилсудского, он зависел от его преемника маршала Рыдз-Смиглы (президент и премьер Польши были сугубо декоративными фигурами) гораздо меньше, чем Риббентроп от Гитлера. Исходя из этого, считаться с ним приходилось всерьез.

Следует напомнить, что идею превентивной войны против Германии вынашивал не только сам Юзеф Пилсудский, что общеизвестно, но и Юзеф Бек. Введенные Ш. Шайлем в научный оборот документы свидетельствуют, что в 1932 году, еще до назначения министром, полковник призывал маршала к «войне за освобождение польских территорий от германского ига», поскольку армия готова, а условия благоприятны как никогда — Германия переживала тяжелый внутренний кризис, который и привел нацистов к власти. Другой идеей Бека было действовать независимо от главного союзника — Франции (за этим стояла личная обида за высылку и отказ в агремане, когда его решили назначить послом в Париже). Автора этих предложений Пилсудский поставил во главе МИДа¹⁹.

Восьмого декабря Бек предписал Липскому пригласить Риббентропа в Варшаву для детального разговора и дать ему понять, что компромисс возможен. Посол счел это чрезмерной уступкой и отказался выполнять указания шефа²⁰. Трения удалось ликвидировать только к 15 декабря, когда состоялась новая встреча. Рейхсминистр принял приглашение, добавил, что сам был бы рад видеть коллегу в Германии, но призвал поляков занять конструктивную позицию, чтобы визит дал конкретные результаты, иначе ехать не стоит. Он также сообщил о намерении вернуть Мемель Германии и поднял вопрос о положении немцев в Польше: в ходе политики дегерманизации они подвергались постоянным преследованиям, несмотря на двустороннюю декларацию о правах меньшинств от 5 ноября 1937 года, которую поляки подписали с явной неохотой²¹. Нейрат в бытность главой Вильгельмштрассе занимал в отношении восточного соседа жесткую позицию, в чем его поддерживал посол в Варшаве Ганс-Адольф фон Мольтке. Риббентроп надеялся на компромисс.

Тем временем 17 декабря Риббентроп беседовал с генеральным комиссаром Лиги Наций в Данциге, швейцарским профессором Карлом-Якобом Буркхардтом. Тот предпочитал контактировать со своим старым приятелем Вайцзеккером и не только знал о его заговорщической деятельности, но периодически выступал в качестве связника между ним и англичанами, например, передав совет быть потверже с Гитлером во время Судетского кризиса. Встречи с Риббентропом Буркхардт описывал в диапазоне от иронии до издевки, не забывая ни «геополитические экспозе» рейхсминистра, ни его «опущенные веки» (причиной было отсутствие одной почки, а не «погруженность в грезы», как думал собеседник). «Поляки не выступают, как не выступили чехи», — уверенно сказал рейхсминистр. «Выступят, — столь же уверенно ответил гость. — Чехи — разумные утилитаристы, а у поляков есть свое безумие. [...] Они — единственный народ в Европе настолько несчастный, чтобы хотеть драться, они честолюбивы и не знают меры»²². Тогда Бек сделал «ход конем» и 20 декабря известил Мольтке о том, что хотел бы встретиться с фюрером в первой декаде января будущего года на обратном пути из Монте-Карло, где намеревался провести новогодние каникулы²³.

Встреча состоялась 5 января в Берхтесгадене. Фюрер заявил, что «при всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России», что «с чисто военной точки зрения наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя» (оборона от СССР), что «Германия не имеет никаких интересов по ту сторону Карпат». Рассказав о своей позиции во время Судетского кризиса и Венского арбитража, он разъяснил, что «в позиции Германии по отношению к Польше с 1934 года ничего не изменилось», и повторил предложения насчет Данцига, который «рано или поздно отойдет к Германии», и Польского коридора, отметив, что признает связь Польши с морем «абсолютно необходимой». На этих условиях Гитлер гарантировал германско-польскую границу, включая Верхнюю Силезию, хотя его предшественники ничего подобного не предлагали. Наконец, он выразил готовность помочь

соседям в решении еврейского вопроса: политика Варшавы была такова, что польские евреи тысячами пытались эмигрировать в... Германию, незаконно пересекая границу. Бек поощрял эмиграцию евреев из Польши, но ни одна страна не хотела их принимать. Как напомнил Г. Кож, «до [погромов. — В. М.] ноября 1938 года в Польше действовали более жесткие дискриминационные антиеврейские законы, чем в национал-социалистической Германии»²⁴.

Польский министр ответил, что его страна «никогда не согласится быть зависимой от России и будет продолжать линию независимой политики», и «принял к сведению» слова Гитлера, ограничившись замечанием, что «Данцигский вопрос представляется ему чрезвычайно сложным». Днем позже он встретился с Риббентропом, который попытался получить от него хоть какой-то ответ. Бек был уклончив, прямо отклонив только предложение присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. Относительно дискриминации немцев, которая началась и в только что оккупированном Тешине, министр сообщил, что «уделял уже серьезное внимание этому вопросу и со своей стороны предпринимает все, чтобы направить ход событий в более спокойное русло»²⁵.

Бек вернулся из Германии взбешенным и стал срочно искать пути к улучшению отношений с Великобританией и Францией. В декабре польские дипломаты напряженно следили за поездкой Риббентропа в Париж, прикидывая, насколько она может усилить позицию Германии, и лова слухи о якобы оказанном ему холодном приеме²⁶. Тем не менее разногласия решили не афишировать хотя бы до визита Риббентропа в Варшаву, намеченного на конец января. Перед отъездом Вайцзеккер составил для шефа документ, обозначив в нем пять тем, о которых следует помнить: Данциг; отношение польской прессы к Германии; положение немецкого населения; Украина; польско-советские отношения. Дальнейший разговор о Мемеле и эмиграции евреев не предполагался²⁷.

Визит 25—26 января, приуроченный к пятилетию соглашения 1934 года, был обставлен с большой торжественностью, включая прием у президента Мосцицкого. Однако на банкете в честь гостя Бек неожиданно отказался произне-

сти заранее заготовленную речь, сославшись на недомогание, а «представители польского Военного министерства, не принеся извинений, заставили германского министра иностранных дел при возложении венка у памятника Неизвестному солдату ждать 25 минут»²⁸. Дело не в этих мелких, но неприятных уколах. Риббентроп предлагал союз или хотя бы джентльменское соглашение с учетом германских требований, но ничего не добился. Обещая подумать, Бек ответил категорическим отказом на предложения, касавшиеся не только Антикоминтерновского пакта, но и экстерриториальной автострады. Рыдз-Смиглы дал понять, что считает Германию таким же врагом, как и Советский Союз²⁹. Официальные сообщения ограничились указанием, что визит «закрепил желание обеих сторон сохранять добрососедские отношения на базе соглашения 1934 года», не выходя за его рамки³⁰.

Риббентроп видел в случившемся влияние Парижа: как раз 26 января Бонне произнес в парламенте речь, в которой подчеркнул верность договорам с Великобританией, Польшей и СССР, но не с Германией, а Даладьё лишь слегка завуалировал антигерманский выпад. Настораживали и реверансы Бонне в сторону Рузвельта, поскольку посол в Париже Уильям Буллит был доверенным лицом президента и считался старшим американским дипломатом в Европе³¹.

Тридцатого января Гитлер произнес в Рейхстаге речь, в которой с уважением отозвался о покойном Пилсудском и заявил о приверженности соглашению 1934 года. Липский составил о ней подробный отчет, но Бек никак не отреагировал, объявив 26 февраля о том, что в конце марта отправится с визитом в Англию. Угадать цель вояжа было нетрудно — нормализация отношений, ухудшившихся после аннексии Тешина, и поиск поддержки против Германии. Польская пресса вдруг вспомнила о важности союзнических отношений с Францией³². Окончательное поглощение Чехо-Словакии Третьим рейхом не вызвало протестов со стороны Варшавы (Геринг заверил Липского, что польские интересы в Словакии будут учтены), но слухи об ультиматуме Румынии встревожили ее. Начался, по выражению Вайцзеккера, покер с большими ставками.

Действия Гитлера взбудоражили весь политический мир, однако вопрос мира и войны решался теперь не только в Берлине, но и в Лондоне. Подробный и точный анализ этих событий в отечественной литературе впервые дала М. А. Девлин, работой которой я воспользуюсь³³. «9 марта Чемберлен дал от имени Форин Оффиса комментарий, в котором говорил, что ситуация стабильна и к концу года можно будет начать переговоры о разоружении, а также о том, что отношения между Италией и Францией начинают налаживаться. Заявление было прессой выведено в чересчур радужных красках, но не было таким уж возмутительным, тем не менее Галифакс, по привычке отсутствующий в Лондоне и на работе, просто разъярился, услышав об этой речи премьер-министра. Здесь можно только лишь строить предположения, что так задело министра иностранных дел... Нрав лорда Галифакса был до крайности своеобразным. Немедленно вернувшись в столицу, он решил лично разобраться с премьер-министром, но, поскольку тот уже уехал в Чекерс, выполнив непосредственную работу Галифакса, то министр ограничился разгромным письмом. [Полный текст в книге М. А. Девлин. — В. М.] [...] С этого самого дня лорд Галифакс решил вырваться из тени премьер-министра, и именно 10 марта 1939 года можно было бы назвать практически началом отсчета Второй мировой войны. Потому что лорд Галифакс, получивший свободу действий, представлял собой опасность посерьезнее, чем даже Адольф Гитлер. [...] Тем не менее Чемберлен, считавший Галифакса в первую очередь своим другом и понимавший, что, возможно, обидел его чем-то, ответил ему очень дружелюбным письмом 11 марта. [...] Этот обмен письмами стал отправной точкой в коренном изменении внешней политики Британской Империи. Если раньше премьер-министр Чемберлен выполнял дипломатическую работу, то теперь ему ясно дали понять, что больше подобного терпеть не будут». Три дня спустя немецкие войска вошли в Прагу.

«Гитлер к тому моменту считал Чемберлена "жалким червем" и не думал, что тот отважится на какие-либо шаги, — продолжает М. А. Девлин. — Чемберлен посчитал

Гитлера "обыкновенной мелкой свиньей" и уже 17 марта в Бирмингеме решительно выступил с критикой в адрес германской агрессии. [...] Премьер-министр был возмущен. И тем, что Гитлер предал его лично, и тем, что он предал те договоренности, которых они с трудом смогли достичь полгода назад». Через три дня Галифакс повторил основные положения этой речи в Палате лордов³⁴. Георг VI прислал премьеру письмо, в котором одобрил новый курс. Чемберлен занялся программой перевооружения, а лорд Галифакс предложил Франции, СССР и Польше выступить с декларацией о том, что «названные державы заинтересованы в сохранении целостности и независимости государств на востоке и юго-востоке Европы». 21 марта британский посол Уильям Сидс вручил Литвинову проект заявления с обязательством «совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления [...] любым действиям, составляющим угрозу политической независимости любого европейского государства»³⁵.

В тот же день Риббентроп проинформировал Липского о последних шагах Берлина, извинившись, что делает это с опозданием, и выразил недовольство тоном польской прессы и антинемецкими выступлениями, а также напомнил о роли Германии в создании Польского государства. Затем он повторил прежние предложения и пригласил Бека в Берлин. Однако теперь за такими приглашениями лидерам малых стран мерещился призрак несчастного Гахи³⁶. И опять таки в тот же день французский президент Альбер Лебрен прибыл с официальным визитом в Лондон, демонстрируя солидарность западных держав. В последний день визита Чемберлен сказал сопровождавшему его Бонне, что в Лондоне и дальше хотели бы видеть Лебрена президентом. Тот не предполагал баллотироваться на второй срок, но уговорам внял³⁷.

Двадцать второго марта Литвинов сообщил, что СССР присоединится к декларации вслед за Францией и Польшей, и «для придания особой торжественности» предложил подписать ее главам правительств и внешнеполитических ведомств³⁸, дабы получился своего рода анти-Мюнхен. 23—24 марта польское руководство решило заявление не подписывать («Если Англия дальше декларации не пой-

дет, то Польша может остаться с глазу на глаз с Германией», — сказал Литвинову посол Вацлав Гжибовский) и обозначило пределы возможных уступок, заявив о решимости защищать свои границы. Рыдз-Смиглы отдал приказ о частичной мобилизации и усилении военного присутствия в Польском коридоре, что было встречено британским послом сэром Говардом Кеннардом с большим одобрением, чем многими польскими генералами.

Доклад приехавшего из Берлина Липского был воспринят как пораженческий, и 25 марта Бек вручил ему «решительные инструкции»³⁹. 26 марта посол передал рейхсминистру ответ, сопровождавшийся угрозой войны в случае посягательств на Данциг, но повторивший предложения о двустороннем соглашении и облегчении транзита через Польский коридор. Понимая, что его усилия пошли прахом, Риббентроп выразил удивление мобилизацией и пояснил, что Берлин рассматривает польские посягательства на Данциг как *casus belli**. Докладывая Гитлеру, он сделал вывод, что военные приготовления Польши пока носят оборонительный характер и что Варшава может пойти на компромисс, а потому посоветовал отклонить ее предложения и начать контркампанию в прессе. На следующий день рейхсминистр вызвал Липского, вручил ему протест в связи с очередными антигерманскими акциями и заявил, что «больше не знает, как относиться к позиции польского правительства». 28 марта Бек сообщил послу Мольтке, что будет считать *casus belli* любую попытку изменения статуса Данцига, в том числе через постановление контролируемого нацистами сената вольного города⁴⁰. Переговоры зашли в тупик и застопорились.

Что стояло за решимостью Бека и Рыдз-Смиглы? Вера в то, что польская армия за трое суток дойдет до Берлина? Созданное внутренней оппозицией и растиражированное зарубежной пропагандой представление о слабости нацистского режима, который рухнет от первого удара извне? Уверенность в нейтралитете СССР после переговоров Бека в Москве 27—28 ноября 1938 года и публичного

---

* Основание для объявления войны.

подтверждения того, что все заключенные ранее двусторонние соглашения остаются в силе? Расчет на военную помощь Франции? Надежды на Англию? Автор подробного исследования о британских гарантиях С. Ньюман показал, что «идея безоговорочного выступления на помощь Польше и Румынии угнездилась в голове Галифакса уже 21 марта [...] с целью послужить предлогом для вступления в войну с Германией». «Уверен, что идея гарантии Польше принадлежала Галифаксу, которого поддержали Форин Оффис и Кадоган, — сообщил в 1972 году Ньюману лорд Батлер, бывший парламентский заместитель министра иностранных дел. — Чемберлен согласился, но это была не его идея». Сторонник жесткой политики в отношении Германии. Лорд Галифакс тщательно собирал информацию об агрессивных планах Гитлера (не слишком заботясь о ее проверке) и охотно делился ею с желающими слушать, но убедить членов кабинета было куда сложнее, чем оппозиционеров-беллицистов из группы Идена или президента Рузвельта⁴¹. И тут стальная рука в черной перчатке бросила на стол припрятанный козырь.

Лорд Галифакс 29 марта принял Йена Колвина, 26-летнего младшего корреспондента «Ньюс кроникл» (по словам Ньюмана, «самой яростно антигерманской газеты в Британии») в Берлине. Ссылаясь на разговоры, услышанные в январе (!), визитер заявил, что Германия вот-вот нападет на Польшу. Колвин был связан не только с британским военным атташе в Германии (тот и отправил его в Лондон с докладом), но с информационной сетью Ванситгарта и антинацистской оппозицией, влияние и силу которой всячески превозносил (после войны он выпустил биографии «Вана» и Канариса). Лорд Галифакс в тот же день устроил ему встречу с Чемберленом. «Беспрецедентный случай, что журналист, приехавший в Лондон со столь несвежей информацией, был принят не только министром иностранных дел, но и премьер-министром», — отметил Ньюман и сделал вывод: «Нет сомнений, что Форин Оффис использовал Колвина, дабы ускорить принятие решения»⁴².

Решение было принято в тот же день, а вместо безличного «Форин Оффис» можно читать «лорд Галифакс». «Для меня худший день был в среду, — излагал Чемберлен

события 29 марта несколько дней спустя. — Король и Королева должны были обедать у нас в 8.30, около 6 часов я давал интервью, когда Галифакс позвонил сказать, что у него был человек, только что вернувшийся из Берлина с важными новостями, и он подумал, что необходимо срочно встретиться с ним и с Кадоганом. Человек оказался журналистом, имеющим близкие контакты с важными немцами [курсив мой. — В. М.], а новости были такие, что у Гитлера все готово к нападению на Польшу. [...] Риббентроп, как нам было сказано, убеждал фюрера ударить теперь, в то время как мы все еще не были уверены, заключить ли союз с Польшей и Румынией»⁴³.

Тридцать первого марта премьер заявил в Палате общин, что «в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом»⁴⁴. Франция присоединилась к гарантиям. Неясным оставалось одно: как именно они собирались помочь Польше в случае нападения на нее? По образному выражению М. А. Девлин, «черт дернул Чемберлена дать гарантии Польше, и этим чертом был лорд Галифакс». Итальянский дипломат Луиджи Виллари назвал их «чеком, который польское правительство могло обналичить, когда сочтет, что страна в опасности, не оставляя британскому правительству свободы решать, реальна опасность или нет, и тем самым свободы действий. Британия обязалась вмешаться, когда польское правительство того потребует. Это был самый губительный из всех дипломатических шагов. Он сделал Вторую мировую войну практически неизбежной, поскольку конфликт между Германией и Польшей, который можно было бы решить миром, грозил превратиться в Армагеддон по капризу любого, кто находился у власти в Польше»⁴⁵. Французский политик-неосоциалист Марсель Деа, 4 мая 1939 года опубликовавший статью с риторическим заголовком «Умирать за Данциг?» (ответом было «решительное нет»), позже писал: «Данцигская бомба за-

медленного действия не взорвалась бы, если бы Англия не позволила полякам играть с детонатором»⁴⁶.

«Играть с детонатором» полякам разрешила и Франция. 18 мая в Париже генерал-инспектор вооруженных сил и начальник штаба национальной обороны Морис Гамелен подписал с польским военным министром Тадеушем Каспржицким новую конвенцию, по которой Франция обязалась прийти на помощь Польше в случае любой атаки на Данциг, чего раньше не предусматривалось. Предварительно поставить в известность Министерство иностранных дел генерал не считал нужным, поэтому изумлению Бонне, узнавшего о ней от французского военного атташе в Варшаве, не было пределов⁴⁷.

4

Последний предвоенный «День дурака» ознаменовался событиями, которые следовало принимать всерьез. Выступая в Вильгельмсхафене 1 апреля, Гитлер предупредил, что второй раз окружить Германию не получится, имея в виду польско-британское сближение⁴⁸. В Варшаве Бек провел совещание, на котором рассматривались варианты конфликта вокруг Данцига. Днем позже он отправился в Лондон на поезде и без четверти девять вечера сделал остановку в Берлине. По распоряжению Риббентропа шеф протокола МИДа засвидетельствовал ему почтение и спросил, нет ли у господина министра каких-нибудь пожеланий. Тот поблагодарил за внимание и сказал, что ему ничего не нужно⁴⁹. Возможно, полковник был недоволен отсутствием на вокзале самого рейхсминистра, но ехал-то он не к нему. Риббентропу же союз Польши с Великобританией был особенно неприятен.

В Лондоне, где он пробыл три дня, Бек выразил признательность за гарантии, заявил, что Варшава как равноправный партнер (больной для поляков вопрос!) поддержит Англию в случае немецкого нападения, разъяснил причины нежелания связывать себя обязательствами с СССР, однако насторожился, когда лорд Галифакс и Чемберлен предложили распространить военный союз против Третьего рейха на всю сферу британских интересов в Европе. Итогом переговоров стало коммюнике о том, что «оба правительства полностью согласны относительно некоторых

общих принципов», что гарантии будут заменены «постоянным соглашением», но и оно «не будет направлено против какой-либо другой страны»⁵⁰.

Рассказывая сестре о «неделе кошмаров и важных решений», Чемберлен добавил: «Галифакс говорит, что все это — детские игрушки, по сравнению с прошлым сентябрем, и, конечно, он прав»⁵¹. Глава Форин Оффис ошибался самым роковым образом, если говорил искренне. «Бек вернулся домой очень довольным. Теперь он мог решать, будет война или нет»⁵². Но, как подчеркнула М. А. Девлин, полковник «безусловно, не сам себе выдал гарантии от британского правительства, и забывать о решающей роли лорда Галифакса в этом не стоит». Уже после войны американский историк Г. Э. Барнес писал: «Если Александр Извольский, русский посол во Франции в 1914 году, в большей степени, чем любое другое конкретное лицо, ответствен за войну 1914 года, то и лорд Галифакс виноват в начале войны 1939 года более, чем кто бы то ни было»⁵³. Мнение заслуживает внимания хотя бы потому, что принадлежит одному из ведущих исследователей причин Первой мировой войны. О сознательном провоцировании войны лордом Галифаксом писали такие разные авторы, как публицист Ф. Нейлсон, историки К. Квигли и Д. Хоган... но у нас биография Риббентропа, а не лорда Галифакса, которая тоже была бы чрезвычайно интересна и поучительна.

Несмотря на заверения Липского о том, что ничего не изменилось, у Берлина не возникло сомнений в истинном значении визита Бека. 3 апреля Гитлер приказал разработать план наступательной операции против Польши. 11 апреля план «Вайс» (*Fall Weiß*) был представлен фюреру. В примечаниях к мемуарам мужа фрау Аннелиз фон Риббентроп привела слова Бека, сказанные им Лавалю в январе 1935 года: «История научила нас: первое, что величайшая катастрофа, жертвой которой стала наша нация, была результатом совместной акции этих двух стран (Германии и России), и, второе, что в этой отчаянной ситуации во всем мире не нашлось ни одной державы, которая оказала бы нам поддержку»⁵⁴. История ничему не научила пилсудчиков, хотя угроза раздела между Германией и Россией висела над Польским государством с момента его основания.

Двенадцатого апреля Риббентроп предписал главам дипломатических миссий воздерживаться от каких-либо демаршей, но указал, что участие других стран в подобных комбинациях будет рассматриваться как враждебное рейху⁵⁵. Однако 13 апреля гарантии приняли Румыния* и Греция, а СССР и Польше предлагалось войти в число гарантов. Это было ответом и на итальянскую аннексию Албании. Тщетно призывавший Муссолини к осмотрительности, Чемберлен, по выражению М. А. Девлин, «фактически ставил себя в зависимость от политики тех стран, которые взялся защищать. А быть в зависимости от того же полковника Бека, которому для самых парадоксальных решений требовался лишь бокал шампанского, означало для Британской империи быть в смертельной опасности».

Пятнадцатого апреля президент США Рузвельт призывал Гитлера и Муссолини дать гарантии 31 европейскому (включая Лихтенштейн) и ближневосточному государству в том, что они не посягают на их территории. Риббентроп обратился к перечисленным странам, кроме Великобритании, Франции, СССР и Польши, с официальным запросом, чувствуют ли они германскую угрозу и уполномочили ли они Рузвельта выступать с подобным обращением. Разумеется, все ответили отрицательно, и Гитлер в речи 28 апреля высмеял демарш президента⁵⁶.

Шестнадцатого апреля глава румынского МИДа Григоре Гафенку выехал в турне по европейским столицам. В Кракове к его поезду был прицеплен вагон Юзефа Бека. Министры провели за разговорами всю ночь, пока не прибыли на германскую границу. Гость нашел польского коллегу склонным «преувеличивать возможности своей политики и силы, на поддержку которых он рассчитывал». Посетовав, что Берлин не оценил его дружественный курс, Бек заявил: «Англичане — мои друзья, Данциг в безопасности, я прочно стою на ногах. [...] Я хочу, чтобы в Берлине это

---

* Румынский посланник Виргил Тия 17 марта сообщил лорду Галифаксу ложные сведения о германском ультиматуме Бухаресту; 20 марта Румыния и Германия подписали торговое соглашение. По мнению С. Ньюмана, Д. Хоггана и других историков, это ускорило принятие решения о гарантиях Польше.

знали, равно как и то, что я не изменил своей политике и не отказался ни от одного из своих принципов». Возможность компромисса оставалась, и Гафенку понял, что полковник рассчитывает на него: «он [Бек. — В. М.] только что начал [на деле еще осенью 1938 года. — В. М.] рискованнейшую игру, от исхода которой зависели целостность его страны, его честь как министра и мир во всем мире»⁵⁷.

Риббентроп торжественно встречал Гафенку в Берлине 18 апреля. Беседа свелась к многословному изложению рейхсминистром, державшимся подчеркнуто дружески, своих позиций, а главный разговор с Гитлером состоялся днем позже. К удивлению гостя, рейхсканцлер «был настроен слушать. Я знал, что такую возможность надо использовать как можно скорее. Если фюрер начал говорить, прервать его было невозможно». Но как только Гафенку заявил, что компромисс с Бекем возможен, Гитлер уже не давал ему вставить слово. «Ошибкой Бека, — вещал он, — был поворот в сторону Лондона. Я никогда не пойму перемену в позиции Польши*. Эта перемена может оказаться роковой. [...] Англо-польский союз вопиюще противоречит соглашению, которое я заключил с маршалом Пилсудским. [...] Бек объединился с западными державами. Он сам решил свою судьбу».

Размышляя над услышанным, Гафенку старался отделить важное от неважного, угрозы — от предостережений. Гитлер и Риббентроп произвели на него неплохое впечатление (он отметил доброжелательность обоих к Румынии), но министр чувствовал, что их, особенно первого, несет необоримая воля, рок событий, чему способствовало упрямство Бека. Об этом он рассказал в Лондоне, куда проследовал далее. Чемберлен назвал Гитлера лжецом, но в протоколы это, конечно, не попало⁵⁸.

Гитлер и Риббентроп 25—26 апреля принимали югославского министра иностранных дел Александра Цинцар-Марковича. Они решили задобрить Белград солидным кредитом, но от присоединения к Антикоминтерновскому

---

* Буркхардт в мемуарах сообщил со слов Бека, что восхищаться Британской империей полковник начал в мае 1937 года, когда он представлял Польшу на коронации Георга VI.

пакту гость отказался, сославшись на «сентиментальные чувства югославского народа к русскому народу»⁵⁹. Премьер и министр иностранных дел Венгрии 29 апреля и 1 мая подверглись более решительной обработке: им было прямо заявлено, что Германия заинтересована в Юго-Восточной Европе и лучше идти с ней рука об руку, нежели враждовать. Визитеры возражать не стали⁶⁰.

Двадцать седьмого апреля Великобритания ввела ограниченную воинскую повинность. На следующий день Гитлер объявил в Рейхстаге о разрыве соглашения 1934 года с Польшей и морского соглашения 1935 года с Англией, о чем Варшава и Лондон были уведомлены нотами. Он дал понять, что готов к нормализации отношений с обеими странами, но на своих условиях. 2 мая Риббентроп разъяснил сказанное Гендерсону⁶¹.

Бек ответил решительной речью в Сейме 5 мая, квалифицировав англо-польскую декларацию по итогам визита как «прямое соглашение, основанное на принципе взаимной помощи в случае прямой или косвенной угрозы независимости одной из наших стран». Звучали знакомые аргументы: Данциг обязан своим процветанием Польше, Польша не уйдет с берегов Балтики, не допустит ущемления своего престижа и суверенитета, честь — превыше всего. Берлин и Варшава говорили на одном языке — языке амбиций и требований, не допускавшем дальнейших уступок. В тот же день в ноте МИДа пафосная речь полковника была переведена на дипломатический язык⁶². Переговоры по глобальным вопросам замерли, поскольку обсуждать больше было нечего.

Настал час доктора Геббельса: фюрер велел развернуть полномасштабную антипольскую кампанию. Данциг и Польский коридор отошли на второй план перед угнетением германского меньшинства. «Под девизом "Польша — второе мозаичное государство" [первое — Чехословакия. — В. М.], — говорил в начале мая советник Риббентропа Клейст, — следует заклеить роковую политику террора, осуществляемую Польшей в национальном вопросе. Под девизом "Польша — государство реакции и упадка" будут показаны нищета польских крестьян, культурная отсталость страны, феодальный способ ведения хозяйства, ведущий к

упадку, и голодное прозябание польского населения. Под девизом "Паразиты у власти" будут показаны разложение господствующей в Польше верхушки, продажность польских руководителей, их декадентство и классовая оторванность от широких масс. [...] Цель этой кампании — воздействовать на мировую общественность и польское население».

Полтора месяца спустя он продолжал: «Подобное дезавуирование режима "пилсудчиков" перед общественностью собственной страны является отличным внутриполитическим диверсионным актом, который, возможно, повлечет за собой свержение польского правительства и внутренние беспорядки в Польше, эффективно дополнив тем самым удар германских вооруженных сил, который будет нанесен одновременно. Этот план недавно развил передо мной Риббентроп, и я [Клейст. — В. М.] счел его вполне осуществимым»⁶³.

Информация ушла в Москву, где ею воспользовались в полной мере осенью того же года, во время вступления Красной армии в Польшу.

5

Тридцать первого мая Риббентроп и датский посланник в Берлине Херлуф Зале подписали договор о ненападении сроком на десять лет. 7 июня аналогичные договоры были подписаны рейхсминистром одновременно с министрами иностранных дел Эстонии и Латвии Карлом Селтером и Вильгельмсом Мунтерсом, причем по сроку действия два последних увязывались друг с другом⁶⁴. Днем позже министр принял Гитлер. 1 июня Риббентроп беседовал с генеральным комиссаром Буркхардтом. Назвав встречу «особенно бесплодной», поскольку собеседник призывал заняться глобальными проблемами, а не мелочами, визитер подробно описал ее, не жалея сарказма (антипатия, похоже, была взаимной). Рейхсминистр ограничился проигрыванием привычной пластинки, но с угрожающими нотами — подобные разговоры ему явно надоели⁶⁵.

---

* В последние годы договоры с Латвией и Эстонией стали предметом идеологически ангажированной полемики, вступать в которую автор не намерен.

Предоставив Вайцзеккеру общаться с Гендерсоном и Кулондром, Риббентроп удалился в Фушль, поближе к уехавшему из столицы фюреру. Те, кто хотел видеть его или кого он хотел видеть, приезжали в Зальцбург. Одним из первых визитеров оказался вызванный из Лондона Хессе, чей доклад от 23 июня* о возможности компромисса с Англией заинтересовал рейхсминистра. Посол Дирксен и советник Теодор Кордт пытались договориться о предотвращении конфликта и даже подбрасывали партнерам стратегически важную информацию: 16 июня Эрих Кордт, брат Теодора, сообщил о советско-германских переговорах.

С британской стороны с немцами уже не в первый раз общался сэр Хорас Уилсон (в отечественной литературе обычно: Вильсон) — друг и доверенное лицо Чемберлена, верный Горацио («Гамлет» был любимой пьесой премьер-министра). Потом этим будут козырять советские пропагандисты, когда в конце войны в их руки попадет архив Дирксена. Тот факт, что все державы вели многосторонние переговоры, с началом войны стал поводом для взаимных обвинений в двуличии и нежелании сотрудничать на благо мира. Но едва ли эти обвинения можно считать искренними, поскольку каждая из сторон стремилась заручиться поддержкой потенциальных союзников, а многие — еще и не увеличить число потенциальных противников.

Хессе привез в Зальцбург предложения Уилсона: оборонительный союз на 25 лет, постепенное возвращение Германии бывших колоний, раздел сфер экономического влияния, участие во внешнеторговых соглашениях Британского содружества, открытие лондонского финансового рынка для германских займов. Главным и категорическим условием был отказ Гитлера от наступательных акций в Европе, прежде всего направленных против Польши. Уилсон пояснил, что за этими предложениями стоит Чемберлен. Пораженный Хессе сказал, что на месте фюрера он бы немедленно принял их. Риббентроп по достоинству оценил услышанное, но предупредил Хессе, что надежд мало: осенью

---

* Только в этот день британское правительство ответило на ноту от 27 апреля о денонсации морского соглашения 1935 года: обвинения в «окружении» Германии полностью отвергались.

1938 года в Мюнхене Гитлер убедился в слабости Англии и теперь не хочет слышать о компромиссе с ней, каким бы выгодным он ни казался. Худшие опасения рейхсминистра оправдались, о чем он с горечью сообщил Хессе после очередного разговора с фюрером: тот поначалу обрадовался, но потом заявил, что это — ловушка и он в нее не попадет.

Хессе, выжидавший неделю за неделей в Зальцбурге, уверенно заявил шефу, что англичане будут «воевать за Данциг», и попросил довести это до сведения фюрера. Риббентроп предпринял несколько попыток, но Гитлер все равно не поверил. «К несчастью, он не расположен обсуждать предложения Чемберлена, — сетовал рейхсминистр. — У него совершенно другие намерения. Предложение не отвергнуто. Мы вернемся к нему, когда придет время, но сейчас я не могу дать Вам ответ. Мой самолет — в Вашем распоряжении, возвращайтесь в Лондон сегодня же. Проследите, чтобы Ваше возвращение не вызвало никаких комментариев. Держите ухо востро. Фюрер затеял очень опасную игру, и я не знаю, преуспеет он в ней или нет. Во всяком случае мы не хотим войны с Англией. Дайте знать, когда опасность станет реальной, тогда я приму меры. Да поможет Вам Бог!»⁶⁶

Еще одним посредником попытался стать Теннант, давно не общался с Риббентропом. 10 июля он попросил рейхсминистра о встрече и 22 июля тот ответил, что готов принять его в любое время на следующей неделе. Теннант отправился в Зальцбург, вооруженный благословением Чемберлена и Уилсона, а также текстом последней речи лорда Галифакса о внешней политике, однако его идея предложить Германии крупный заем и допустить ее ценные бумаги на лондонский рынок в обмен на разрядку ситуации в Европе интереса у британских властей имущих не вызвала. 26 июля он был принят в Фушле с былой сердечностью. Только к вечеру беседа с рыбной ловли и гольфа перешла к главной теме. Риббентроп заявил, что залогом любого сотрудничества является признание за Германией абсолютного равноправия, как бы трудно это ни было для британских политиков «после веков мирового господства и традиций Оксфорда и Кембриджа». Он посетовал, что никто не дал себе труда как следует изучить личность Гитлера, который мыслит глобальными категориями и видит на столетия впе-

ред. Перейдя к конкретике, рейхсминистр подчеркнул, что Польше был предоставлен уникальный шанс, которым она пренебрегла, а потому обречена и будет раздавлена за несколько дней. Теннант заметил, что война Германии против Польши означает войну Британской империи против Германии. Заявив, что рейх готов и к такому развитию событий, Риббентроп еще раз повторил немецкие требования, призвав Лондон повлиять на Варшаву и утихомирить польскую прессу — если там действительно хотят мира. По мнению Ш. Шайля, «ни одно из этих требований не было направлено на развязывание войны». Прощаясь с Теннантом, наш герой напомнил ему английскую поговорку о том, что еще не всё потеряно — «Никогда не поздно заштопать» (*It is never too late to mend*). Он оставался оптимистом⁶⁷.

Неприятный сюрприз поджидал Риббентропа на французском направлении. 30 июня германское посольство в Париже получило уведомление, что премьер Даладье распорядился выслать из страны риббентроповского эмиссара Абеца, предупреждавшего, что Данциг скоро «вернется в рейх» и призывавшего не умирать за него, поскольку немцы «как один человек» поддерживают фюрера и дадут отпор любому, кто встанет у них на пути. Беллицы публично объявили его главой нацистской «пятой колонны» и шпионом. Бонне смягчил инцидент тем, что Абецу позволили уехать по собственной воле. Рейхсминистр, увидев в этом личное оскорбление, велел послу Вельчеку официально заявить протест Даладье и добиться для своего «друга и многолетнего сотрудника» новой, дипломатической визы. Не скрывавший антипатию ни к рейхсминистру, ни к его протеже, посол взялся за поручение без малейшей охоты, тем более на фоне публичной перепалки Риббентропа с Бонне относительно трактовки их декабрьских договоренностей. Абец подал во французский суд иск против Анри де Кериллиса, обвинившего его в шпионаже, чтобы приехать на процесс, но с началом войны это стало неактуальным. Абец был принят Гитлером и получил новую должность в аппарате Риббентропа, но вряд ли кто-то предвидел его появление в Париже в качестве посла рейха⁶⁸.

Двенадцатого августа Гитлер в присутствии Риббентропа принял в Берхтесгадене графа Чиано, который днем

раньше побывал в Фушле. Зять дуче приехал вооруженный инструкцией тестя: уговорить Гитлера разрешить конфликт с Польшей мирным путем и сообщить ему о том, что Италия не готова к участию в войне. Он был полностью уверен в успехе миссии, но уже первая беседа с рейхсминистром, которого гость нашел «твердым как гранит», показала, что его расчеты, за которыми стояли уверения Вайцзеккера (заговорщика и друга Буркхардта) и Аттолико (полностью доверявшего Вайцзеккеру и презиравшего дилетанта Риббентропа), ошибочны. Муссолини писал о неготовности Италии еще в меморандуме от 30 мая, переданном фюреру, но тот пришел в ярость и не отреагировал на послание⁶⁹.

Гитлер объявил, что «при решении польской проблемы нельзя терять времени. Чем ближе подходит осень, тем труднее будет проводить военные операции на востоке Европы. [...] Этот вопрос так или иначе надо решить до конца августа». Возможно, сил ему придавала уверенность в успехе переговоров с Москвой. Для итальянцев это был сюрприз — нетрудно догадаться, что неприятный — поэтому по возвращении в Рим министр не жалел бранных слов для своего коллеги, также показавшего воинственный настрой⁷⁰.

С легкой (или нелегкой) руки Чиано из книги в книгу кочует фраза Риббентропа «Мы хотим войны», якобы произнесенная им в ответ на вопрос: «Так что же вы хотите? "Коридор" или Данциг?» Перед нами явная фальсификация: в дневниковой записи министра за этот день таких слов нет; есть они лишь в предсмертном послании «для истории», датированном 23 декабря 1943 года, когда Чиано ждал расстрела в камере веронской тюрьмы. «При помощи этого дневника в Нюрнберге собирались доказать, что я имел намерение и желание развязать войну с Польшей», — отмечал Риббентроп⁷¹. Хессе, находившийся в то время в Зальцбурге и общавшийся с рейхсминистром и его окружением, заявил, что даже дневниковые записи Чиано за эти дни искажают факты⁷².

Риббентроп почти не встречался с американскими политиками, что, несомненно, способствовало формированию у него превратных представлений об этой стране. Тем более неожиданным может показаться визитер, побывавший в Фушле за две недели до начала войны в Европе, — кон-

грессмен Гамильтон Фиш, лидер антиинтервенционистского крыла республиканцев (противники называли их изоляционистами — бранное слово вроде «мюнхенцев»). В конце июля он приехал в Европу во главе американской делегации на сессию Межпарламентского союза в Осло и встретился с лордом Галифаксом и Бонне. В Париже знакомые передали ему приглашение Риббентропа заехать в Фушль.

Встреча состоялась в конце второй декады августа. «Я занимался политикой более двадцати лет, — вспоминал Фиш, — но ни разу ни с кем не общался в более неформальной и открытой манере. Его английский был великолепен, и он всегда мог найти нужное слово или выражение». Содержание беседы не отличалось оригинальностью: рейхсминистр налево и направо твердил о готовности фюрера ограничиться Данцигом и о его желании договориться с Англией. Гости удивили слова о том, что Польша будет разгромлена за две недели. «Вы хотели сказать, за два месяца?» — переспросил он. «Нет, за две недели, — ответил хозяин. — С прошлой войны мы знаем в Польше каждую дорогу не хуже поляков». Он пригласил Фиша вечером в оперу для разговора с Гитлером, но конгрессмен отказался, опасаясь реакции проружельтовской прессы, и впоследствии горько сожалел о том, что не попытался убедить фюрера отказаться от войны перед самым ее началом⁷³.

6

Последние две недели мира расписаны историками по дням и часам, поэтому нет нужды повторяться. Гитлер позволил Риббентропу сосредоточиться на московском направлении, Герингу и его эмиссарам — на лондонском, а сам вместе с генералами планировал разгром Польши.

Двадцать второго августа Майский писал в НКВД: «Собщение о предстоящем полете Риббентропа в Москву [...] вызвало здесь величайшее волнение в политических и правительственных кругах. Чувства было два [так! — В. М.] — удивление, растерянность, раздражение, страх. Сегодня утром настроение было близко к панике. К концу дня наблюдалось известное успокоение, но глубокая тревога все-таки остается. Симптомом этого является решение британ-

ского правительства созвать на 24-е парламент и принять в течение одного дня "закон об охране королевства", действовавший во время последней войны и отмененный с заключением мира. Закон этот предоставляет правительству исключительные полномочия в деле обороны страны»⁷⁴.

Двадцать четвертого августа в личном письме Гитлеру, переданном через Гендерсона, Чемберлен без экивоков подтвердил верность Великобритании гарантиям, данным Польше, вплоть до применения военной силы и выразил «убеждение, что война между нашими двумя народами была бы самым большим бедствием, которое могло произойти. Я уверен, что этого не желают ни наши люди, ни ваши, и я не вижу, что есть что-либо в вопросах, возникающих между Германией и Польшей, что не могло бы быть решено без использования силы»⁷⁵. В тот же день премьер в Палате общин и лорд Галифакс в Палате лордов поддержали Польшу, оценив ее решительность и выдержку, подтвердили гарантии и назвали советско-германский пакт «сюрпризом очень неприятного свойства», посетовав на коварство Москвы, не отказавшейся от переговоров с английской и французской военными миссиями⁷⁶.

Двадцать пятого августа лорд Галифакс и польский посол Эдвард Рачиньский подписали Договор о взаимопомощи. Он был направлен против некоей «европейской державы» и предполагал: немедленную помощь партнеру, «вовлеченному в военные действия с европейской державой в результате агрессии последней» (ст. 1) или «любого действия европейской державы, которое явно ставит под угрозу, прямо или косвенно, независимость одной из Договаривающихся Сторон» (ст. 2). Это распространялось на попытки «европейской державы... подорвать независимость одной из Договаривающихся Сторон путем экономического проникновения или иным способом» (ст. 3); «способы применения обязательств о взаимопомощи» предстояло согласовывать военным властям сторон. Статья 7 гласила: «Если Договаривающиеся Стороны будут вовлечены в военные действия в результате применения настоящего соглашения, они не будут заключать перемирие или мирный договор кроме как по взаимному соглашению». Секретный протокол, опубликованный лишь в 1945 году

(договор был обнародован немедленно), разъяснял, что под «европейской державой» понимается Германия⁷⁷. Франко-польское соглашение аналогичного содержания было подписано 4 сентября, когда война уже шла.

Гитлер и Риббентроп отказывались верить новостям о заключении договора: «фюрер [...] производил впечатление человека, пораженного этим известием»⁷⁸. Запланированное нападение было отложено (на границе было неспокойно, и не все инциденты провоцировались немцами). 25 августа диктатор вызвал Гендерсона и вручил ему ответ на письмо премьера, составленный без участия рейхсминистра, который попал в краткосрочную опалу. Без него готовился и ответ на послание Даладье, который рейхсминистру выдали для передачи Кулондру. «Гитлер, несомненно, воспринял это решение [перенос даты нападения на Польшу. — В. М.] как определенный ущерб престижу армии и, казалось, считал меня ответственным за это, что выразилось в открыто проявленном им недовольстве мною. Этой психологической ситуацией я объяснял себе тот факт, что в ближайшие дни меня не привлекали ни к какому обсуждению обстановки, а также и то, что фюрер взял решение польского вопроса исключительно в свои руки. Только 28 августа я был снова привлечен к переговорам с послом Гендерсоном»⁷⁹. И то «без речей»⁸⁰.

У лондонского пакта был еще один аспект, отмеченный С. Дембски. Его заключение «похоже, вызвало в Берлине опасения, что в создавшейся ситуации Советский Союз может признать пакт Молотова—Риббентропа документом, утратившим свое значение. Мы должны помнить, что эти опасения не обязательно имели своим истоком поведение советской стороны». Отметив, что 29 августа Риббентроп вызвал советского поверенного в делах Николая Иванова и не просто сообщил о решимости решения Польского вопроса «любой ценой», но подтвердил, что обязательства Германского рейха перед СССР остаются в силе (хотя какие были основания сомневаться в этом?), историк сделал вывод: «Если бы Риббентроп не опасался, что под влиянием развития ситуации на международной арене может измениться также благосклонная в последнее время к немецким планам позиция Москвы, он не имел бы нужды лично

заверять советский МИД в серьезности принятых на себя Рейхом обязательств»⁸¹.

Пакт Галифакса—Рачиньского войну не отсрочил, но приблизил. Он был бы разумным при условии его выполнимости, но удержать Гитлера от нападения не мог никакой договор, а оказать эффективную помощь в случае боевых действий на польской территории англичане не могли по географическим причинам. Единственный вариант — атака на Германию на западе, которая заставила бы Гитлера вести войну на два фронта, была возможна лишь с территории Франции. Чем руководствовались Бек и Рыдз-Смиглы? Очевидно, уверенностью в непобедимости своей армии и в том, что англичане и французы готовы «умирать за Данциг». Чем руководствовался лорд Галифакс? Явно искал беспроектный повод для вступления в войну. Чемберлен отстаивал идею «пакта четырех», но ни Галифакс, ни Бек не хотели участия СССР. Неверным был и расчет на возможный переворот «верхушечной оппозиции», контактировавшей с англичанами⁸².

7

Какова была роль Риббентропа в событиях последних предвоенных дней? Его собственный ответ категоричен: «Ни один человек в мире, взявший на себя труд изучить факты, не может обвинить меня в разжигании войны. Мне нечего утаивать от истории, и я знаю, что сделал все, для того чтобы в те критические дни действовать в духе компромисса и найти мирное решение. Я стремился также не оставить у фюрера никакого сомнения насчет того, на какой риск он шел»⁸³.

При этом рейхсминистр не отрицал, что «в дни кризиса с целью поддержать политику фюрера занимал в отношении своего министерства и дипломатического корпуса вполне однозначную позицию, ибо в этом был единственный шанс заставить противника пойти на компромисс. При неуверенной или двойственной позиции министра иностранных дел в этой ситуации добиться от противной стороны готовности к миру было ни в коем случае нельзя»⁸⁴.

Большинство германских мемуаристов: Вайцзеккер, Папен, Кордт, Дирксен (Клейст, Хессе и Шмидт воздержались)

придерживались прямо противоположного мнения: во всем виноват Риббентроп! Но это те самые мемуаристы, которые и так обвиняют его во всех смертных грехах, стремясь оправдаться перед историей. Иностранцы были еще более резки. «Никто не сделал больше, чем он, для ускорения войны. В Дантовом аду нет достаточного места для Риббентропа!» — восклицал Гендерсон. Того же мнения придерживался Кулондр, поэтому отставка имперского министра иностранных дел стала неременным условием западных демократий в ходе робких мирных зондажей осени 1939 года. Однако в итоговом докладе от 20 сентября Гендерсон дал более реалистичную оценку: Гитлер принял решение единолично, а Риббентроп, Геббельс и Гиммлер виновны в том, что поддерживали его агрессивные устремления⁸⁵.

На чем же основана столь зловещая репутация Риббентропа, сформировавшаяся на Западе уже осенью 1939 года, если он участвовал далеко не во всех ключевых событиях предвоенных месяцев и недель? Если быть откровенным, то ответ предельно прост: на пакте со Сталиным — рискованной партии в покер, выигранной Германией. Для западных демократий этого было более чем достаточно. Еще одно расхожее объяснение — его беседа с Гендерсоном поздно вечером 30 августа, когда рейхсминистр был резок и непримирим (на беседах фюрера с Гендерсоном и Кулондром в последних числах августа он присутствовал в качестве безмолвного свидетеля). Риббентроп с возмущением повторил послу, что «поляки совершают неслыханнейшие акты саботажа», отверг предложения Чемберлена в новом письме Гитлеру, переданном 28 августа, как недостаточные и зачитал — по словам Гендерсона, быстро и невнятно; по свидетельству переводчика Шмидта, медленно и с необходимыми разъяснениями — «Предложения по урегулированию проблемы Данцигского коридора и вопроса о немецком меньшинстве в Польше» или «16 пунктов», продиктованные ему Гитлером*, но отказался передать собеседнику написанный текст, что было позже сделано по приказу фюрера.

---

* Об этом Риббентроп говорил на Нюрнбергском процессе. Шмидту «16 пунктов» показались неожиданно умеренными — «в женеvском духе», как он выразился.

Главной причиной нескрываемого раздражения Риббентропа был отказ поляков прислать в Берлин полномочного представителя для переговоров, но нервы были перенапряжены у всех: когда собеседники вдруг вскочили из-за стола, Шмидт испугался, что они схватятся врукопашную. «Беседа велась Гендерсоном невежливо, а мною — холодно», — вспоминал рейхсминистр⁸⁶. Послу по возвращении понадобилось несколько часов, чтобы прийти в себя и составить телеграмму в Лондон⁸⁷. Узнав об итогах разговора, Гитлер приказал привести в действие план «Вайс».

Казалось, все ясно: Польша предложения Гитлера не примет, и он будет воевать. Однако в неизбежность войны верили не все — над Европой продолжала витать атмосфера партии в покер. Риббентроп надеялся, что в последнюю минуту сможет договориться если не с Бекем, то с Чемберленом и Даладье, что они осознают гибельность «войны за Данциг». Это оказалось роковой ошибкой, но только первой действительно крупной ошибкой «невежественного торговца шампанским» на дипломатическом поприще. В свою очередь, большинство английских и французских министров (приметное исключение составлял Бонне) не верили, что Гитлер решится напасть на Польшу, принимая во внимание ее военный союз с Францией, британские гарантии и нежелание Муссолини выполнять союзнические обязательства из-за Варшавы⁸⁸. Каждая сторона подозревала другую в блефе. Лорд Галифакс через посла Кеннарда посоветовал полякам согласиться на переговоры «в принципе», но назвал требование прислать полномочного делегата неразумным. Был это прямой намек или нет, но Бек делегата не прислал.

«Нет никаких сомнений, — писал позже Риббентроп, — что Англия в оба последних дня августа имела возможность одним лишь кивком головы в Варшаве ликвидировать кризис, а тем самым устранить опасность войны. [...] Для этого надо было всего лишь, чтобы Варшава уполномочила своего посла Липского принять для передачи польскому правительству германские предложения. Но именно этого и не произошло»⁸⁹. 31 августа в половине седьмого пополудни Липский, по указанию из Варшавы, сообщил Риббентропу, с которым не встречался с весны, что Польша «в благоприятном смысле учитывает внушения правительства Ве-

ликобритании», но он не уполномочен вести переговоры. Шмидт вспоминал, что это была одна из самых коротких бесед, какие он переводил⁹⁰.

В половине десятого вечера «16 пунктов» прозвучали по германскому радио. «Опубликованием своих предложений германское правительство еще раз дало Польше возможность согласиться на обещанные переговоры. События еще могли быть скорректированы, если бы польское правительство подхватило брошенный ему мяч и по радио выразило свое положительное отношение. Действительно, варшавская радиостанция ответила еще 31 августа в 23 часа. Но этот ответ (в британской "Голубой книге" он отсутствует) говорил лишь о германском "бесстыдном предложении" и с возмущением отвергал переговоры»⁹¹. В германской «Белой книге» это сообщение есть. Изложив основные требования Берлина, Варшава вынесла свой вердикт: «Слова более не могут скрыть агрессивные планы новых гуннов. Германия стремится господствовать в Европе и подавлять права народов с неслыханным доселе цинизмом. Это бесстыдное предложение ясно показывает, насколько необходимыми были военные распоряжения, отданные польским правительством»⁹².

Первого сентября Гитлер показал, что не блефует: на рассвете началось вторжение в Польшу. К вечеру стало ясно: в Лондоне и Париже тоже настроены весьма решительно. Гендерсон и Кулондр с небольшим интервалом (они просили принять их вместе, но Риббентроп отказал), зачитали послания своих правительств, звучавшие как ультиматум, но без срока действия: немедленно остановите агрессию против Польши, или мы вступим в войну. Рейхсминистр с подчеркнутым вниманием выслушал перевод, как будто не понимал ни по-английски, ни по-французски, и решительно назвал действия Германии ответом на польские провокации. Вспомнил ли Гендерсон, что ровно год назад, 1 сентября 1938 года, Риббентроп так же сухо ответил ему: мобилизация вермахта против Чехословакии является внутренним делом рейха и англичан это не касается?

Риббентроп снова отказался вручить послу текст «16 пунктов» (англичане получили их от Геринга), объяснив, что они уже «утратили силу»⁹³. Тем не менее той же

ночью он позвонил Хессе в Лондон и попросил его передать Чемберлену последние предложения Берлина, подчеркнув, что они исходят напрямую от фюрера: Германия готова уйти из Польши и возместить ей убытки, оставив за собой Данциг и Польский коридор, и принять британское посредничество. Уилсон, с которым Хессе тут же связался, выслушал его внимательно, но сухо и пояснил, что без официальных извинений Гитлера перед всем миром англичане на диалог не пойдут. Когда Хессе заметил, что это невыполнимо, Вильсон оборвал беседу. Прочитав шифровку об отказе англичан, Гитлер обрушился на Риббентропа, упрекая его в том, что тот тянул время и водил его за нос⁹⁴.

Второго сентября Чемберлен выступил перед бурлившей Палатой общин. Его подозревали в подготовке «нового Мюнхена», а он тянул время, потому что Франция была не готова. Муссолини предложил созвать конференцию великих держав для предотвращения войны, которая, несмотря на начало боевых действий, официально не была объявлена. В Берлине итальянский посол Аттолико метался между Риббентропом, Гендерсоном и Кулондром, уговаривая всех троих сбавить обороты. Между Лондоном и Парижем шли почти непрерывные телефонные переговоры — согласовывался следующий шаг.

Рано утром 3 сентября Гендерсон получил указание просить о встрече с Риббентропом в 9 часов утра, чтобы вручить формальный ультиматум со сроком в два часа (шифры и секретная документация были уже сожжены). Рейхсминистр отказался его принимать. Посол передал документ Шмидту, который немедленно отправился в Рейхсканцелярию. «Гитлер сидел за столом, Риббентроп стоял у окна. Оба выжидающе посмотрели на меня. Я остановился на некотором расстоянии от стола и медленно перевел ультиматум британского правительства. Когда я закончил, воцарилась полная тишина. Гитлер сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. Он не был ни растерян, как утверждали одни, ни разъярен, как говорили другие. Он сидел совершенно безмолвно и не шевелясь. Спустя мгновение, которое показалось мне вечностью, он повернулся к Риббентропу, продолжавшему стоять у окна. "Что теперь?" — спросил Гитлер и свирепо взглянул на него, показывая, что

министр дезинформировал его насчет возможной реакции Англии. Риббентроп спокойно ответил: "Полагаю, французы предъявят нам аналогичный ультиматум в течение часа" [...] В приемной новость тоже была встречена полнейшим безмолвием»⁹⁵.

В начале двенадцатого рейхсминистр пригласил британского посла и передал ему пространный ответ на ультиматум, составленный «для истории», как и последующие речи Гитлера, Чемберлена и Даладье. Гендерсон назвал ответ вопиющим искажением фактов, подтвердил, что между Англией и Германией существует состояние войны, и сухо откланялся⁹⁶. В полдень у Риббентропа побывал Кулондр с аналогичным ультиматумом, срок которого истекал в пять часов пополудни. Рейхсминистр сказал: «Если французское правительство полагает, что его обязательства в отношении Польши вынуждают его вступить в конфликт, я могу об этом лишь сожалеть, ибо у нас нет вражды к Франции. Мы будем драться с Францией лишь в том случае, если она на нас нападет». На следующий день оба посольства выехали из Берлина⁹⁷.

«Снова и снова спрашивал я себя, — вспоминал Дирксен, — были ли Гитлер и Риббентроп действительно уверены в том, что Британия, вопреки обязательствам, которые она взяла на себя, не придет на помощь Польше в случае германского нападения?.. Ввиду фанатичного упрямства Гитлера и его полного игнорирования зарубежных стран как таковых, подобный самообман вполне мог иметь место. Но только не в случае с Риббентропом, поскольку он-то имел опыт работы за рубежом и, по его собственным словам, даже указывал на растущую британскую готовность к войне. Он должен был бы знать, что Британия не позволит себя одурачить в том, что касается ее собственного положения и престижа в мире. [...] Вне зависимости от того, действительно ли они с Гитлером не верили в то, что Британия будет придерживаться своих обязательств, или же только делали вид, что не верят в это, одно несомненно: они несут ответственность за преступное отсутствие здравого смысла в политике»⁹⁸.

Похожие мысли высказывал — и тоже после войны — шеф прессы Отто Дитрих: «Со стороны Гитлера просчет

коренился в полном непонимании моральных факторов в мировой политике, в исключительной вере в силу. Но и Риббентроп, несомненно, сыграл роковую роль. Верно, что, приняв решение, Гитлер был непоколебим, но без Риббентропа он вряд ли бы пришел к столь порочным выводам относительно Англии. [...] Он зависел от министра иностранных дел в том, что касалось других стран и дипломатических отношений. Если бы Риббентроп посоветовал не делать этого, Гитлер вряд ли напал бы на Польшу»⁹⁹.

Проще всех выразился Геринг, прокричав Риббентропу по телефону: «Вы получили вашу чертову войну. Вы один виноваты!»¹⁰⁰ Но проще не всегда значит правильнее. Указывая на ответственность Риббентропа, Ш. Шайль пишет о провале его «политики запугивания», сыгравшей решающую роль в создании имиджа рейхсминистра как поджигателя войны, добавив, что в последние предвоенные дни тот скрыл от Гитлера некоторые шедшие из Лондона предостережения¹⁰¹. Однако маховик было уже не остановить, и раскручивали его не только в Берлине.

Если подлинная роль лорда Галифакса станет ясна лишь много позже, вина Бека была очевидной всегда. Гафенку, которого не заподозришь в симпатиях к нацистам, сделал вывод: «Подлинная ответственность ложится на Польшу. Бек сделал все, чтобы вызвать всеобщее раздражение, и его дипломатические действия умышленно имели негативное значение. Жесткость, резкость и более всего гордость привели к тому, что он с преступным упрямством подыгрывал Германии»¹⁰². «Любой историк, внимательно прочитав английскую "Белую книгу", — писал 15 мая 1940 года американский публицист Френсис Нейлсон, бывший депутат британского парламента, — назовет Бека величайшим идиотом, когда-либо занимавшим официальный пост. После чехословацкой трагедии Бек больше, чем кто бы то ни было, дал Гитлеру все шансы, о которых тот мог только мечтать, для достижения своих целей в Европе. [...] Бек должен нести всю ответственность за крах Польши»¹⁰³. И таких примеров множество.

Несмотря на отчаянное сопротивление, Польша за две с половиной недели рухнула как картонный домик, хотя Гамелен предполагал, что она будет сопротивляться до

весны 1940 года. Бек, Рыдз-Смиглы и остатки правительства бежали в Румынию, где были интернированы. Ошеломленные скоростью развития событий, союзники ничего не предприняли в военной области — на Западе началась «Странная война» без выстрелов. Нельзя не признать справедливость выводов передовицы «Правды» от 14 сентября «О внутренних причинах поражения Польши»*: «Трудно объяснить такое быстрое поражение Польши одним лишь превосходством военной техники и военной организации Германии и отсутствием эффективной помощи Польше со стороны Англии и Франции. [...] Все данные о положении в Польше говорят [...] о том, что польское государство оказалось настолько немощным и недееспособным, что при первых же военных неудачах стало рассыпаться. [...] Национальная политика правящих кругов Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств. [...] Национальные меньшинства Польши не стали и не могли стать надежным оплотом государственного режима. Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих его народов, а наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы. В этом корень слабости польского государства и внутренняя причина его военного поражения»¹⁰⁴.

---

* Текст готовили В. М. Молотов и А. А. Жданов; местами он почти дословно совпадает с речью Молотова по радио 17 сентября, произнесенной по случаю ввода советских войск в Польшу.

ГЛАВА 8
ДЛЯ ДРУЖБЫ НЕТ ГРАНИЦ
(1939—1940)

Карта мира верстается наново.

Александр Городницкий

1

С началом войны жизнь рейхсминистра иностранных дел радикально изменилась. Вечером 3 сентября фюрер отбыл на восток в спецпоезде «Америка», за которым последовал спецпоезд «Генрих», уносивший в сторону Польши Гимmlера (отсюда название), Риббентропа и начальника Рейхсканцелярии Ламмерса. Походный штаб Риббентропа возглавил Шмидт. «Генрих» состоял из восьми спальных вагонов, двух вагонов-ресторанов, вагона связи и вагона охраны с зенитной установкой на случай вражеских налетов. Собранный с бору по сосенке он казался живой историей железных дорог: суперсовременный пункт связи и салон рейхсминистра соседствовали с роскошными вагонами «времен Карла Великого», где из-за изношенности аккумуляторов не всегда было электричество и работа шла при свечах. В Берлине на хозяйстве остались Вайцзеккер и Вёрман (теперь заместитель статс-секретаря), на которых сыпались сверхважные и сверхсрочные указания шефа, пребывавшего в непрерывном возбуждении из-за важности момента. Шмидт не без иронии вспоминал, что его таланты переводчика пригодились и здесь: риббентроповское «Передайте этим болванам (бездельникам, саботажникам)...» превращалось в официальное «Имперский министр иностранных дел был бы признателен...»¹.

Восемнадцатилетний Рудольф фон Риббентроп в составе войск СС отправился в Польшу добровольцем. На фронте оказался и Генрих фон Вайцзеккер, сын статс-секретаря, погибший на второй день конфликта. Двух других его сы-

новой ждала всемирная известность: Карл стал физиком (не был призван, поскольку работал в «Урановом проекте») и философом; самый младший Рихард, успев повоевать, в 1984—1994 годах был президентом ФРГ.

Начало войны вызвало новый виток соперничества в верхах. Риббентроп схватился с Геббельсом за право вести заграничную агитацию. Отношения между ведомствами накалились до предела, когда в середине августа спецотряд Министерства пропаганды попытался захватить радиовещательную станцию МИДа в Шарлоттенбурге, — пришлось вызывать эсэсовцев, но обошлось без жертв. 8 сентября Гитлер вынес решение в пользу Риббентропа, хотя и не до конца, предписав ему общее руководство пропагандой, но не ее осуществление. Геббельс был в бешенстве и отомстил, первым сообщив о вступлении советских войск в Польшу. МИД и Министерство пропаганды давали отдельные пресс-конференции для иностранных журналистов, и, несмотря на периодические перемирия, вражда между ними не прекращалась до самого конца. Кроме того, периодически напоминал о себе шеф прессы Дитрих, не любивший обоих конкурентов².

В полдень 3 сентября новый советский полпред Алексей Шкварцев (доцент Текстильного института — достойное назначение на стратегически важный пост в критический момент!) даже без предписанного протоколом предварительного визита к Риббентропу вручил Гитлеру верительные грамоты за считанные часы до отъезда того на фронт. Еще 29 августа Шуленбург говорил Молотову: «Вы желаете быть информированным о происходящих событиях. Риббентроп рад это сделать, но он не в состоянии в силу той быстроты, с которой развиваются события. [...] Поэтому имеется крайняя необходимость в наличии в Берлине представителя СССР, которого Риббентроп мог бы информировать даже через каждые два часа». Фюрер снова заверил полпреда, что «Германия полностью выполнит свои обязательства по договору с нами, и в результате успешной войны. [...] СССР и Германия установят границы, существовавшие до мировой войны»³.

Вечером того же дня Риббентроп составил телеграмму Шуленбургу: «Мы безусловно надеемся окончательно раз-

бить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния. Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах»⁴.

Молотов ответил принципиальным согласием 5 сентября, но пояснил, что «этот момент пока еще не назрел», а излишней «торопливостью можно испортить дело и облегчить сплочение *противников* [выделено мной. — В. М.]». Одновременно посол, по указанию шефа, просил наркома оказать воздействие на Турцию, чтобы добиться ее нейтралитета и «полностью закрыть Дарданеллы». Именно с этой целью Риббентроп еще весной 1939 года уговорил Папена принять должность посла в Анкаре, несмотря на напряженные личные отношения между ними⁵.

Москва не спешила, и Риббентроп продолжал нервничать, что видно из телеграммы послу от 9 сентября: «Я считал бы неотложным возобновление Ваших бесед с Молотовым относительно советской военной интервенции (в Польшу)». В тот же день нарком сообщил, что «советские военные действия начнутся в течение ближайших нескольких дней»⁶. Приготовления СССР к возможной кампании на западе начались летом 1939 года, когда угроза войны в Европе стала реальной. Однако 10 сентября Молотов признался Шуленбургу, что «советское правительство было застигнуто совершенно врасплох неожиданно быстрыми германскими военными успехами» и что Красной армии нужно больше времени, чем предполагалось. Осветил он и деликатный вопрос мотивировки вмешательства: «Советское правительство намеревалось воспользоваться

дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым "угрожает" Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором». Наркома также смутили слухи о возможном перемирии в Польше, так как в этом случае СССР не начнет «новую войну».

Аппарат рейхсминистра в спецпоезде работал хорошо: в тот же день в Берлин по радио полетели телеграмма Шуленбургу для передачи Молотову и предложение выпустить двустороннее коммюнике. Днем позже к ним добавился подробный меморандум, обосновывающий германскую позицию. Прося Советский Союз ускорить вступление в войну, Риббентроп заявил, что ни о каком перемирии не может быть речи, и, разумеется, не одобрил мотивировку о защите белорусов и украинцев. Вёрман (болван или саботажник?) задержал отправку, ссылаясь на быстрое изменение ситуации. Первоначальные тексты до Москвы так и не дошли и остались в архиве, пока на них не обратил внимание С. Дембски. Новый вариант ответа был передан по назначению только 13 сентября⁷.

На следующий день, 14 сентября, Шуленбург передал Молотову сводку о ходе кампании и положении в Польше, а нарком сообщил послу, что СССР может вступить в войну раньше, чем предполагалось. В тот же день в «Правде» появилась передовица «О внутренних причинах поражения Польши», подготовленная Молотовым и Ждановым. «Германские дипломаты из посольства в Москве сочли этот текст предзнаменованием советской интервенции»⁸. В тот же день и рано утром следующего дня войска Киевского и Белорусского особых военных округов получили приказ на рассвете 17 сентября перейти в наступление с целью «содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата Западной Белоруссии Германией»⁹. Последняя формулировка была «для внутреннего употребления».

Пятнадцатого сентября Риббентроп направил Шуленбургу проект советско-германского коммюнике, призванного

объяснить совместные действия двух держав и подчеркнуть их слаженность, снова указав на неприемлемость аргумента о германской угрозе белорусам и украинцам. «Ввиду полного распада существовавшей ранее в Польше формы правления, Имперское Правительство и Правительство СССР сочли необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях. Они считают своей общей обязанностью восстановление на этих территориях, представляющих для них естественный интерес, мира и спокойствия и установления там нового порядка путем начертания естественных границ и создания жизнеспособных экономических институтов». Днем позже Молотов уведомил посла, что наступление начнется в ближайшее время (в 2 часа ночи 17 сентября Сталин принял Шуленбурга и лично проинформировал его о часе и направлении выдвижения войск), что никаких антигерманских мотивировок у него не будет, а потому коммюнике едва ли нужно¹⁰.

В речи Молотова, транслировавшейся по радио 17 сентября и в ноте, адресованной польскому послу (Сталин согласовал ее текст с Шуленбургом во время ночной встречи в Кремле), говорилось лишь о том, что «единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошены на произвол судьбы» и что Советский Союз берет под защиту их жизнь и имущество. «Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР», — многозначительно добавил нарком. Польский посол официально отказался принять ноту. В отношении всех других стран, включая Англию, Францию, а также Монголию и Туву, Советский Союз обещал проводить политику нейтралитета, о чем известил их посольства и миссии особой нотой¹¹.

Коммюнике все-таки появилось, но в иной редакции, поскольку проект Риббентропа в Москве сочли слишком откровенным. Новый текст Сталин написал собственноручно 17 сентября. Рейхсминистр немедленно согласился, и вечером 18 сентября оно было передано по радио, а на следующее утро появилось в газетах: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР

и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»¹².

В разговоре с Шуленбургом 18 сентября Сталин выразил сомнение в том, что вермахт остановится на согласованной демаркационной линии, а не пойдет дальше. Основания для беспокойства имелись, поскольку военные, вплоть до начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Франца Гальдера, были недовольны тем, что Гитлер заранее не проинформировал их об участии Красной армии и о новой границе, которую они сочли невыгодной для Германии. Встревоженный посол попросил уполномочить его сделать заявление о том, что Берлин гарантирует соблюдение августовских договоренностей. Риббентроп сразу же дал добро и на это¹³.

Следующее коммюнике от 23 сентября переходило к конкретике, точнее, к географии: «Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков»¹⁴.

Прошел ровно месяц (совпадение?), и 2-я статья секретного дополнительного протокола к пакту о ненападении перестала быть тайной. Предусматривавшиеся ею «территориальные и политические преобразования в областях, принадлежащих Польскому государству» свершились, как это и задумывали высокие договаривающиеся стороны.

Двадцатого сентября в Сопоте Риббентроп принял японского генерала Тэраути Хисаси, прибывшего в Германию в качестве официального представителя на так и не состоявшийся партийный съезд и решившего задержаться для изучения ситуации. Двумя днями ранее в Берлине Осима

пришел с поздравлениями к Вайцзеккеру, а заодно вручил ему протест от 26 августа по поводу пакта Молотова—Риббентропа, который статс-секретарь тогда посоветовал ему спрятать до лучших времен. Рейхсминистр подтвердил приверженность Германии дружбе с Японией и заинтересованность в ее успехах в Азии, но посоветовал Тэраути убедить свое правительство в необходимости скорейшей нормализации отношений с СССР. Примерно то же самое он говорил Осима еще 9 сентября¹⁵. Когда в октябре посол вернулся в Токио, Риббентроп искренне жалел об этом — особенно после общения с его преемником Курусу Сабуро — сладкоречивым либералом, специализировавшимся на вопросах внешней торговли и женатым на американке¹⁶.

2

Кампания Красной армии завершилась быстро и с минимальными потерями. Раздел Польши стал свершившимся фактом. Новую границу надлежало закрепить официально, поэтому необходимость переговоров на высшем уровне стала очевидной. Сталин и Молотов заявили, что покинуть страну не могут, и Риббентроп снова собрался в дорогу, наделенный максимальными полномочиями. 23 сентября он известил об этом Шуленбурга и попросил согласовать время визита¹⁷. Вылет делегации был назначен на утро 27 сентября, причем участников оповестили об этом всего лишь за сутки.

Вайцзеккер составил меморандум «Предстоящие переговоры в Москве»:

«I. Война с Польшей окончена; на Западе германские планы наступления еще не готовы; поэтому внешняя политика снова выступает на первый план.

Наши политические интересы подразумевают:

(а) Максимально сократить театр военных действий.

(б) Усилить стремление к миру у противника и среди нейтралов. У противника нет конкретных идей насчет мира. Мы, однако, обладаем завоеванными территориями и можем объявить наши военные цели. В частности, мы должны дать французам пищу для размышлений путем реальных надежд на мир и поощрять процесс их отделения от англичан.

II. В Москве, по моему мнению, надо сказать о двух вещах:

(а) Россия не должна нарушать мир на Балканах и не предпринимать никаких действий в Бессарабии, пока Великобритания не предпримет на Балканах вооруженного вмешательства.

(б) С целью помочь партии мира во Франции, мы намерены представить на обсуждение следующую программу:

По существу Германия требует границ 1914 года. Затем, будущее "остаточной Польши"* зависит от готовности западных держав прийти к соглашению. Если русские проявят упрямство в отношении "остаточной Польши" по обе стороны нынешней демаркационной линии, мы вольны распоряжаться нашей территорией и можем принять свое собственное решение.

(в) Особые темы для переговоров:

1. Обмен населением между районами к западу и востоку от линии рек [то есть будущей границы. — В. М.], особенно эвакуация фольксдойче с русской территории на германскую.

2. Обеспечение безопасности фольксдойче в районах, которые в дальнейшем могут быть заняты русскими.

3. Четкое размежевание по линии рек (например, по середине основных судоходных путей и мостов) и проведение демаркационной линии от верховий реки Сан до Ужокского перевала (у реки Сан несколько истоков).

4. Доступность железнодорожной линии от Черновиц до Львова для наших перевозок из Румынии.

5. Подготовка ширококомасштабных германско-русских торговых переговоров»¹⁸.

Рейхсминистру меморандум пригодился как перечень актуальных вопросов, о которых надо помнить, хотя он надеялся на более широкий, стратегический разговор, на

---

* К меморандуму прилагалась записка Ганса-Адольфа фон Мольтке, бывшего посла в Варшаве, о целесообразности создания буферного польского государства с границей по линии Гродно—Перемышль на востоке и населением 12—15 млн человек под руководством генерала Сосновковского. Мольтке указывал, что на меньшее поляки не пойдут и изберут путь борьбы против Германии в союзе с Западными державами.

новый шаг к союзу, о чем Вайцзеккер не знал. Риббентроп старался поменьше говорить об этом, поскольку не был уверен в одобрении Гитлера: в случае успеха фюреру преподносился новый дипломатический триумф, в случае провала можно сделать вид, что это был всего лишь обмен мнениями на общие темы.

Московские переговоры 27—28 сентября пошли по сценарию из меморандума. Долгое время о их ходе и содержании оставалось судить лишь по результатам и по отдельным документам, поскольку протоколы не были известны. Советских записей, видимо, не существует в природе, а подробные германские записи, сделанные Хильгером, почему-то оказались не в архиве МИДа, а в личных бумагах Шуленбурга, где их в конце 1980-х годов обнаружила немецкий историк Ингеборг Фляйшхауэр*¹⁹. Общую обстановку визита, когда Риббентроп пил за здоровье сидевшего неподалеку Лазаря Кагановича** (жаль, что Гитлер, Геббельс и Розенберг при этом не присутствовали!), хорошо воссоздает статья его помощника Хенке «С имперским министром иностранных дел в Москве»²⁰.

К половине девятого утра 27 сентября свита рейхсминистра собралась в аэропорту Темпельхоф. Риббентроп при-

---

* По неизвестным причинам Хильгер 23 января 1953 года заявил составителям «Документов внешней политики Германии», что с германской стороны не велось никаких записей о переговорах, кроме отчета Риббентропа для Гитлера, переданного по телефону из Москвы в Берлин утром 28 сентября 1939 года.

** «Его причисляли к крупнейшим закулисным лицам интернационального еврейства, — вспоминал Риббентроп. — Мой разговор с г-ном Кагановичем был очень коротким, но все мои наблюдения, как в этот вечер, так и вообще во время обоих моих посещений Москвы подтвердили мое убеждение: ни о какой акции, руководимой интернациональным еврейством и согласованной между Москвой, Парижем, Лондоном и Нью-Йорком, всерьез говорить не приходилось. [...] Никаких перекрестных связей между московскими и подобными еврейскими кругами в западных столицах не имело. Возможно, связи с этими городами и странами поддерживались через коминтерновский центр, и наверняка в нем тоже сидели евреи. Но тезис, будто какой-то интернациональный межгосударственный еврейский центр планомерно действовал с целью большевизации всего мира, я считаю несостоятельным» (Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 161).

ехал в девять, и уже через несколько минут спецсамолет FW.200А-0 «Гренцмарк», знакомый многим пассажирам по прошлому вояжу в Москву, поднялся в воздух. Через два часа он совершил посадку в Кёнигсберге. Там во время обеда поступило известие о капитуляции Варшавы, которое тут же перевели Шкварцеву (он летел вместе с Риббентропом и беседовал с ним в самолете). «Все мы, и немцы, и русские, — вспоминал Хенке, — увидели в этом событии добрый знак для будущих переговоров». До Москвы долетели за три с половиной часа, приземлившись в шесть вечера. Встреча была не в пример прежней — с обилием нацистских флагов. Гости снова разместились в здании бывшей австрийской миссии. В прошлый раз в доме напротив располагалась британская военная миссия, члены которой не сводили глаз с соседей. Теперь этот дом пустовал.

Первая беседа Риббентропа со Сталиным и Молотовым (в присутствии Шкварцева и Шуленбурга) в Кремле началась в десять вечера и продолжалась три часа. Гость начал разговор со «странной войны» в Европе и непобедимости Германии. «Фюрер убежден, что война может окончиться только в нашу пользу, — легко переходил он от патетики к сарказму и обратно. — С французской стороны ее ведут преимущественно языками, в чем особенно отличается агентство Гавас. [...] Англичане ограничиваются тем, что сбрасывают над Германией листовки, надеясь вбить клин между фюрером и немецким народом. Это им никогда не удастся. Такая попытка в равной мере обречена на провал, как и стремление вбить клин между народами Советского Союза и Сталиным».

После обзора ситуации Риббентроп перечислил конкретные проблемы, для решения которых он прилетел:

«1. Дальнейшее формирование германо-советских отношений.

2. Вопрос окончательного начертания границы.

3. Проблема Прибалтики, которой, по всей видимости, в настоящее время занимается Советское правительство».

Наибольший интерес представляет первый вопрос.

«Фюрер поручил сказать Сталину и Молотову, что он всегда придерживался той точки зрения, что Германия должна выбирать между Западом и Востоком. Фюрер наде-

ялся и думал, что будет возможно установить дружественные отношения с Англией. Однако Англия грубо отклонила далеко идущие предложения фюрера. Фюрер убедился в том, что отныне нет возможности достичь взаимопонимания с Англией. Это взаимопонимание сорвалось из-за империалистического упрямства английской правящей касты. Народ в Англии вообще ничего не решает. Дошло до того, что Англия вмешалась в германские дела, которые ее не касались, и даже объявила войну Германии. Решение фюрера сделать выбор в пользу Советского Союза является непоколебимым. Как реальный политик, он твердо убежден в том, что, несмотря на все существующие идеологические разногласия, возможны действительно длительные дружественные отношения между Германией и Советским Союзом. Реальные интересы обеих стран при точном их определении исключают возможность принципиальных трений. Существует фундамент для приносящего плоды реального, дружественного сотрудничества.

Удалась первая предпринятая в этом направлении попытка. Если будут реализованы достигнутые договоренности, то все будет абсолютно ясным и в больших делах. С окончанием польской войны Германия приобрела большую территорию для заселения. Тем самым нашли свое решение территориальные притязания Германии. Последние события принесли богатые плоды для Советского Союза. [...] Фюрер не фантазер, и он не стремится к безбрежным территориальным завоеваниям. Что касается Советского Союза, то тот настолько велик, что у него не может быть никаких стремлений вмешиваться в немецкие территориальные дела. Тем самым заложен фундамент для пассивного баланса взаимных интересов».

От этой радужной картины, в которую, по крайней мере, сам Риббентроп верил, он перешел к задачам на будущее, к «активной стороне вопроса».

«Настоящий враг Германии — Англия. В этом отношении интересы Советского Союза совпадают с немецкими, и в этом направлении представляется вполне возможным дальнейшее углубление новых советско-германских отношений. У нас полагают, что в английском комплексе существует параллелизм между немецкими и советскими

интересами, и в этой сфере не только полезно тесное сотрудничество Германии с Советским Союзом, но и возможны определенные договоренности. [...] [Если] Советское правительство разделяет такую точку зрения, то можно было бы сформулировать платформу для более тесного развития советско-германских отношений в том смысле, что, исходя из совместно проведенного урегулирования польского вопроса, Германия и Советский Союз теперь могут рассмотреть возможность сотрудничества в отношении Англии. В подобном заявлении можно было бы подчеркнуть, что Германия и Советский Союз преисполнены волей к тому, чтобы никто не посмел затронуть занимаемые ими позиции, и при необходимости будут их совместно защищать. Дело шло бы тогда к сотрудничеству на долгие времена, ибо фюрер мыслит крупными историческими перспективами. Сейчас задача состояла бы в том, чтобы достичь взаимопонимания о форме и методе предания гласности соответствующего совместного заявления». Затем Риббентроп зачитал проект заявления, заранее переведенный на русский, и вручил его собеседникам.

По второму вопросу рейхсминистр сообщил, что «Польша полностью разгромлена немецкими вооруженными силами. Действия немецких вооруженных сил принесли плоды не только для Германии, но и для Советского Союза. Именно поэтому Германия ожидает, что Советский Союз пойдет нам навстречу в удовлетворении некоторых наших пожеланий. [...] Советский Союз — огромная страна, располагающая невероятными возможностями. В то же время Германия сравнительно небольшая страна, которой не хватает в первую очередь леса и нефти. Поэтому мы попросили бы пойти навстречу нам именно в этих вопросах».

Это была заявка на будущее. Теперь же предстояло обсудить судьбу Польши. «Во время московских переговоров 23 августа 1939 года остался открытым план создания независимой Польши. С тех пор, кажется, и Советскому правительству стала ближе идея четкого раздела Польши. Германское правительство поняло эту точку зрения и решилось осуществить точное разграничение. Германское правительство полагает, что самостоятельная Польша была бы источником постоянных беспокойств. Германские и со-

ветские намерения и в этом вопросе идут в одинаковом направлении».

В отношении Прибалтики, где Сталин перешел к политике «ползучей экспансии», Риббентроп заверил собеседников в том, что Германия не заинтересована в делах Эстонии и Латвии, но заявил: «Мы были бы благодарны, если Советское правительство сообщило нам, как и когда оно собирается решить весь комплекс этих вопросов с тем, чтобы немецкое правительство, согласно принятым договоренностям, могло бы сформулировать свою позицию. Как явствует из сообщений графа фон дер Шуленбурга, Советское правительство ожидает с нашей стороны ясного согласия с его намерениями. (Сталин заметил: мы ожидаем доброжелательного отношения)». Касаясь вопроса о границе с Литвой, «г-н министр провел на карте линию, которую он считает приемлемой и возможной».

«После того, как г-н министр закончил свои соображения, Сталин обратился к Молотову с вопросом, кто из них обоих должен отвечать. Г-н Молотов заметил, что хочет оставить это за г-ном Сталиным, потому что тот, безусловно, сделает это лучше». Тогда слово взял вождь. Он говорил для истории, для будущего, поэтому мог вольно обращаться с фактами: «Основным элементом советской внешней политики всегда было убеждение в возможности сотрудничества между Германией и Советским Союзом. Еще в начальный период, когда большевики пришли к власти, мир упрекал большевиков в том, что они являются платными агентами Германии. Рапалльский договор также был заключен большевиками. В нем содержались все предпосылки для расширения и углубления взаимовыгодных отношений. Когда национал-социалистическое правительство пришло к власти в Германии, отношения ухудшились, так как немецкое правительство видело необходимость отдать приоритет внутривнутриполитическим соображениям. По прошествии некоторого времени этот вопрос исчерпал себя, и немецкое правительство проявило добрую волю к улучшению отношений с Советским Союзом. Советское правительство немедленно заявило о своей готовности к этому. Если вообще можно говорить о вине за ухудшение отношений, то необходимо констатировать, что Советское пра-

вительство в своей исторической концепции никогда не исключало возможности добрых отношений с Германией. Именно поэтому Советское правительство и сейчас с чистой совестью приступило к возобновлению сотрудничества с Германией. Это сотрудничество представляет собой такую силу, что перед ней должны отступить все другие комбинации. Если германское правительство разделяет эту точку зрения и будет действовать согласно высказанным соображениям г-на министра иностранных дел, то тем самым созданы все предпосылки для хорошего и дружественного сотрудничества».

Так деликатно подправлялась история советско-германских отношений 1930-х годов, из которой убирались все острые и неприятные моменты. Примерно это же попытался сделать Риббентроп во время прошлого приезда в Москву в преамбуле к пакту о ненападении, которую Сталин тогда отверг из-за ее излишней риторичности. После войны историю снова будут подправлять, но уже заостряя внимание на конфронтации и поиске виноватых.

«Что же касается отношений Советского правительства к английскому комплексу вопросов, — продолжал Сталин, — то он хотел бы заметить, что Советское правительство никогда не имело симпатий к Англии. Необходимо лишь заглянуть в труды Ленина и его учеников [чего Риббентроп явно не делал. — В. М.], чтобы понять, что большевики всегда больше всего ругали и ненавидели Англию, притом еще в те времена, когда о сотрудничестве с Германией и речи не было». Это было не простое переписывание истории. Формировалась новая ортодоксия, новая идеология. Переориентация пропаганды в обеих странах после заключения августовского пакта произошла моментально, что, конечно, возможно только в тоталитарных государствах. «Г-н Сталин сказал, что г-н министр в осторожной форме намекнул, что под сотрудничеством Германия не подразумевает некую [слово вписано от руки. — В. М.] военную помощь и не намерена втягивать Советский Союз в войну. Это очень тактично и хорошо сказано. Факт, что Германия в настоящее время не нуждается в чужой помощи и, возможно, в будущем в чужой помощи нуждаться не будет. Однако, если, вопреки ожиданиям, Германия

попадет в тяжелое положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию задушили. Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит, чтобы Германию повергли на землю».

Разговор о пограничных и территориальных вопросах оказался трудным, но результативным. «Обсуждение происходило в весьма дружественной атмосфере, — бесстрастно фиксировал Хильгер. — Обе стороны отстаивали свои позиции, но в это же время в менее существенных пунктах были достигнуты компромиссные решения». Сталин предложил Гитлеру крупный обмен территориями с тем, чтобы все этнические поляки оказались по одну сторону границы. «Оба государства из-за различия своих систем каждое бы принимало различные решения на попадающих в их распоряжение польских территориях. Германия, очевидно, создала бы вдоль Вислы протекторат или что-либо ему подобное, в то время как Советское правительство пошло бы по пути создания автономной польской советской социалистической республики. Неизбежным следствием было бы, что поляки, согласно их традиционному стремлению к воссоединению и к восстановлению самостоятельного польского государства, попытались бы сеять вражду между Германией и Советским Союзом. [...] Из этих соображений он, Сталин, пришел к убеждению, что было бы лучше оставить в одних руках, именно в руках немецких, территории, этнографически принадлежащие Польше. Там Германия могла бы действовать по собственному желанию. Это было бы очень полезно с позиции длительных, добрых немецко-советских отношений».

Такую логику фюрер принял. Взамен советский вождь попросил передать в сферу его влияния Литву, не скрывая, что намерен в будущем включить ее в состав СССР²¹. Относительно земель по верхнему течению Сана он ни на какие уступки не пошел: «территория уже обещана украинцам», а «украинцы — чертовские националисты». Видимо, этот разговор породил легенду о неких влиятельных «украинских кругах в Кремле», в которую верил Шуленбург. За неимением более подходящих кандидатур, он считал их представителем... переводчика Владимира Павлова, «баловня

господ Сталина и Молотова», которые якобы называли его «нашим маленьким украинцем»²². «Но для того, чтобы все-таки продемонстрировать желание пойти нам навстречу», записывал Хильгер, Сталин предложил продавать в Германии половину нефти, добываемой в районах Дрогобыча и Борислава (утрата этого района серьезно беспокоила германских военных).

Вернувшись из Кремля, Риббентроп продиктовал телеграмму фюреру²³, затем поговорил с ним по телефону и лег отдохнуть. Переговоры продолжились на следующий день, начавшись с приветов от Гитлера, переданных рейхсминистром. «Фюреру также представляется весьма сомнительным раздел польского этнического пространства, так как он может легко привести к трениям между Германией и Советским Союзом, чего, безусловно, следует избегать. Фюрер разделяет мнение Сталина, что поляки в их традиционном стремлении к воссоединению используют все средства, чтобы поссорить Германию с Советским Союзом».

Закончив уточнение границы, заговорили о других насущных проблемах. «Г-н министр вернулся к той части вчерашней беседы [...] в которой Сталин заявил, что Советское правительство заинтересовано в существовании сильной Германии и в необходимом случае, ежели Германия окажется в тяжелом положении, готово ей помочь. По этому вопросу г-н министр заявил, что немецкое правительство не ожидает военной помощи со стороны Советского Союза и в ней не нуждается. Однако для Германии значительную важность представляет помощь со стороны Советского Союза в экономической области». Речь шла, прежде всего, о транзите через советскую территорию. В этом случае согласие было достигнуто в виде обмена официальными и конфиденциальными письмами между Молотовым и Риббентропом.

Следующей темой стала Прибалтика. Как и накануне, Сталин был вполне откровенен, разговаривая с Риббентропом как с союзником: «Пока не предполагается изменять нынешнюю политическую и экономическую систему в Эстонии и вводить там советскую систему. [...] До поры до времени Эстония будет сама решать свои внешнеполитические дела. [...] Если же Латвия будет противодействовать

предложению пакта о взаимопомощи на таких же условиях, как и Эстония, то Советская Армия в самый краткий срок "расправится" с Латвией. Что касается Литвы, то Сталин заявил, что Советский Союз включит в свой состав Литву в том случае, если будет достигнуто соответствующее соглашение с Германией об "обмене" территорией». Такой язык и такую логику Риббентроп понимал прекрасно. Поступать он будет в соответствии с ними, но тоже «до поры до времени»...

Относительно Бессарабии «Сталин ответил, что в настоящее время Советское правительство не располагает намерениями трогать Румынию», не без цинизма добавив, что «ни со стороны Румынии, ни со стороны Прибалтийских государств в настоящее время не предвидятся никакие эскапады, потому что все они изрядно испуганы». В заключение он дал принципиальное согласие на просьбу собеседника о возможном использовании мурманской гавани для ремонта немецких подводных лодок.

В 17.40 разговор закончился, и Риббентропа пригласили поужинать. В прошлый раз дело ограничилось скромными посиделками в узком кругу после подписания пакта, сейчас гостю показали настоящее русское (точнее, кремлевское) застолье. За столом, кроме Сталина и Молотова, был весь синклит: К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский, В. П. Потемкин, С. А. Лозовский, В. Г. Деканозов, А. А. Шкварцев, Е. И. Бабарин, В. Н. Павлов и почему-то секретарь Президиума Верховного совета СССР А. Ф. Горкин. Риббентроп сидел на самом почетном месте — рядом со Сталиным и напротив Молотова.

Было весело. Об этом можно судить даже по суховатому отчету Хильгера: «Ужин был дан в соседних залах Кремлевского дворца и происходил в очень непринужденной и дружественной атмосфере, которая особенно улучшилась после того, как хозяева в ходе ужина провозгласили многочисленные, в том числе весьма забавные, тосты в честь каждого из присутствовавших гостей. Первый тост был адресован г-ну министру. В нем содержалось приветствие "приносящему удачу" гостю, и он был завершен "ура!" в честь Германии, ее фюрера и его министра.

В ответном тосте г-н министр поблагодарил Советское правительство за теплый прием и заявил, что он с особым удовольствием последовал приглашению Советского правительства приехать в Москву во второй раз после того, как во время его первого посещения было заложено хорошее начало для установления дружественных отношений между Германией и Советским Союзом в форме пакта о ненападении. После этого поджигатели войны развязали войну, следствием которой было уничтожение Польши. Тот факт, что Германия и Советский Союз приняли на себя задачу навести спокойствие и порядок на территории бывшего польского государства, является залогом их дальнейшего дружественного сотрудничества на широкой основе. На этот раз он приехал в Москву, чтобы заключить окончательное соглашение и предпринять урегулирование отношений на тех территориях, которые находятся между Германией и Советским Союзом. Установление совместной границы и тот факт, что Германия и Советский Союз снова становятся непосредственными соседями, открывает обнадеживающие перспективы успешного сотрудничества в будущем. Советский Союз получил большие территории, на которых живут родственные по крови украинцы и белорусы. В это же время Германия смогла включить в состав своей старой родины многих своих единоплеменников. Восстановлено непосредственное соседство, которое в течение многих столетий существовало между Германией и Россией. Оно представляет надежный фундамент дружбы между обеими странами. Фюрер желает осуществления этой дружбы и считает ее вполне возможной, несмотря на существующие различия в обеих системах. В этом духе он предлагает тост за здоровье членов Советского правительства, и особенно за здоровье товарищей [интересно, Риббентроп так и сказал «товарищей»? — В. М.] Сталина и Молотова, которые оказали ему столь сердечный прием.

В течение вечера г-н Молотов снова поднимал бокал за здоровье г-на министра и добавил, что Советское правительство особенно радо увидеть у себя г-на Риббентропа, ибо этот человек никогда не приезжает понапрасну. При первом приезде он заключил договор о ненападении, теперь предстоит заключение нового договора, который закрепит

дружбу и границы между обоими государствами. Темп 650 километров в час, с которым действует г-н Риббентроп, вызывает у Советского правительства искреннее восхищение*. Его энергия, его сила воли являются залогом того, что свершенное им дело создания дружественных отношений с Германией [так в документе. — В. М.] будет устойчивым.

В своем тосте, адресованном Сталину, Молотов подчеркнул решающую роль, которую сыграл этот человек при преобразовании отношений между Советским Союзом и Германией. В своем тосте в честь немецкого посла графа фон дер Шуленбурга Молотов высоко оценил его неустанные и последовательные усилия в совместном деле и поблагодарил его за совершенную работу».

«Подавали великолепные блюда, — вспоминал Риббентроп, сидя на тюремном пайке, — а на столе стояла отличавшаяся особенной крепостью коричневая водка [видимо, «Старка». — В. М.]. Этот напиток был таким крепким, что от него дух захватывало. Но на Сталина коричневая водка словно не действовала. Когда по этому случаю я высказал ему свое восхищение превосходством русских глоток над немецкими, Сталин рассмеялся и, подмигнув, выдал мне "тайну": сам он пил на банкете только крымское вино, но оно имело такой же цвет, как и эта дьявольская водка»²⁴.

Выпить советские вожди любили. Еще бóльшим удовольствием было «вусмерть» напоить гостя, о чем на старости лет любил вспоминать Молотов. Он провозглашал все новые тосты, попутно упоминая Сталина, который каждый раз поднимался и пил за здоровье тостуемого. После очередного тоста вождь заметил: «Если Молотов хочет выпить, никто не против, но не надо все время ссылаться на меня» (запись Хенке). Риббентропа не напоили, но подливали усиленно, как и всем прочим гостям. Занятный рассказ об этом оставил Хильгер: «Я сидел напротив него [Сталина. — В. М.] по диагонали. Берия, сидевший справа от меня, пытался наливать мне больше, чем я хотел. Сталин увидел, что мы с Берией о чем-то спорим, и спросил через стол: "В чем дело?" Когда

---

* В то время мало кто из глав государств пользовался самолетом, поэтому прилеты Чемберлена на переговоры с Гитлером в сентябре 1938 года стали сенсацией.

я объяснил, он ответил: "Если вы не хотите пить, никто не может вас заставить". "Даже сам глава НКВД?" — пошутил я. "Здесь, за этим столом, даже глава НКВД имеет не больше слова, чем кто-либо другой", — последовал ответ»²⁵.

После ужина и непринужденной беседы Риббентроп со свитой отправился в Большой театр, где была зарезервирована правительственная ложа, и посмотрел один акт «Лебединого озера». «Собравшаяся в театре публика проявила оживленный и благожелательный интерес к высоким немецким гостям», — деликатно пишет Хильгер. Конечно, как было не поглазеть на заезжую знаменитость, тем более из той страны, которая еще позавчера была исчадием ада, а вчера стала лучшим другом! «Сам спектакль явился новым доказательством высокого уровня русского балета, главные роли в честь высокого гостя исполнялись наилучшими русскими балеринами». Риббентропу зрелище понравилось: «Прима-балерина, приехавшая ради нас из Ленинграда, танцевала великолепно. (Мне вспомнилось время четвертьвековой давности — еще перед Первой мировой войной, когда я в доме моих нью-йоркских друзей увидел незабываемую Анну Павлову и восхищался этой необыкновенной женщиной.) Я хотел было лично поблагодарить балерину, но граф Шуленбург отсоветовал: это могут воспринять с неудовольствием. Я послал ей цветы, надеясь, что в Кремле это не вызовет неприятных последствий»²⁶.

Заключительная фаза переговоров началась в час ночи 29 сентября. Хенке запомнилось, как Риббентроп говорил с Гитлером по телефону, стоявшему на столе Молотова (какой кадр для кинофильма!). В пять утра были подписаны Договор о дружбе и границе, секретные протоколы и письма. Карты с проведенной от руки линией новой границы были утверждены Сталиным и Риббентропом еще до ужина. Именно они так взбудоражили общественность Советского Союза в 1989 году. Только молва обычно относила их к Пакту о ненападении, заключенному месяцем раньше, когда Польша еще не распалась, хотя, по словам замнаркома иностранных дел Потемкина, и готовилась к этому...

Основной текст договора гласил:

«Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматри-

вают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья 1. Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья 2. Обе стороны признают установленную в статье 1 границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраниют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья 3. Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья 4. Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья 5. Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине. Договор вступает в силу с момента его подписания».

К договору прилагались конфиденциальный протокол о взаимном обеспечении эмиграции фольксдойче из советской зоны и украинцев и белорусов из германской зоны и два секретных протокола. Первый исправлял секретный дополнительный протокол к Пакту о ненападении: обмен Литвы на Люблинское и часть Варшавского воеводств. Второй гласил: «Обе Стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью».

Заключение пакта сопровождалось декларацией за подписями Молотова и Риббентропа, которая звучала мно-

гозначительно и даже угрожающе (за основу был принят немецкий проект): «После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией с другой стороны отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»²⁷.

«Остальное время было использовано г-ном министром и Сталиным для обмена мыслями по политическим вопросам». Риббентроп желал сделать в заявлении какой-нибудь реверанс в сторону Токио, поскольку «определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом [после поражения на Халхин-Голе! — В. М.]», но «в этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях». Сталин предложение отверг, сославшись на то, что Токио доброй воли никак не проявил, а «каждый шаг Советского Союза в этом направлении истолковывается как признак слабости и попрошайничества». Попросив Риббентропа не обижаться, советский вождь заметил, что знает азиатов лучше, чем его собеседник: «У этих людей особая ментальность, и на них можно действовать только силой». Когда разговор зашел о Европе, Сталин выразился жестко и резко, что видно даже в дипломатичной записи Хильгера: «Советское правительство не собирается вступать в какие-нибудь связи с такими зажавшимися государствами, как Англия, Америка и

Франция. Чемберлен — болван, а Даладьё — еще больший болван».

На прощание Риббентроп предложил использовать обмен ратификационными грамотами для приезда Молотова в Германию и подумать о возможной встрече двух вождей. «После несколько скептического ответа Молотова по поводу поездки в Берлин Сталин сказал, что там, где желание, там будет и возможность. Встречу между ним и фюрером он назвал желательной и возможной в том случае, "если живы будем"». Живы они были после этого еще не один год, но так и не встретились.

В 12.40 Риббентроп вылетел в Берлин, сделав перед отъездом заявление для печати: «Мое пребывание в Москве опять было кратким, к сожалению, слишком кратким. В следующий раз я надеюсь пробыть здесь больше. Тем не менее мы хорошо использовали эти два дня. Было выяснено следующее:

1. Германско-советская дружба теперь установлена окончательно.

2. Обе стороны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточноевропейские вопросы.

3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную войну против Германии.

4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это».

В дополнение к этому сообщению, распространенному ТАСС и DNB, Вайцзеккер разослал германским миссиям циркуляр: «Германско-русские соглашения на постоянной основе урегулировали отношения между двумя странами в духе решительного восстановления их исторической дружбы. Идеологии двух стран остаются неизменными и ни в коей мере не затрагиваются данными соглашениями». «Территориальное размежевание государственных интересов, — говорилось далее, — ...раз и навсегда устраняет любые будущие разногласия между Германией и Советским Союзом в отношении Польши»²⁸.

Тогда в это верилось. По крайней мере хотелось верить... Однако под публичной эйфорией, умело организуемой в соответствии с новой генеральной линией, скрыва-

лись противоречия, иногда мелкие, иногда значительные. Риббентроп, полагает С. Дембски, «навверняка отдавал себе отчет в том, что его второй визит в Москву не мог способствовать росту доверия нацистского руководства [особенно Геринга, Геббельса и Розенберга. — В. М.] к проводимой им политике в отношении России. Ему также не удалось уговорить Сталина подключиться к концепции "континентального блока" [впрочем, уговоры были робкие. — В. М.]. Тем не менее Риббентроп должен был представить результаты своей поездки в самом лучшем свете и объявить во всеуслышание о своем полном успехе»²⁹.

Пятнадцатого октября рейхсминистр вернулся к идее пригласить Молотова в Берлин для придания большей торжественности обмену ратификационными грамотами и поручил послу выяснить этот вопрос. Днем позже уезжавший в Берлин Шкварцев встретился с Шуленбургом и передал ему предложение ратифицировать договор уже через три дня и одновременно обеими сторонами. На следующий день Шуленбург был у Молотова: попросил небольшой отсрочки с ратификацией и передал приглашение шефа, заметив: «ратификация — только предлог и что г-н Риббентроп просто рад был бы видеть его у себя гостем». Но ехать в Берлин немедленно нарком отказался: «Против поездки, продолжал т. Молотов, я ничего не могу сказать, но в настоящее время это очень трудно сделать физически*. Вопросы международной политики и необходимость компенсировать имевшую место оторванность от совнаркомовских дел затрудняют возможность поездки именно в данное время. Тов. Молотов просит г-на Риббентропа извинить его и еще раз подчеркивает, что, считая себя должником в отношении дважды приезжавшего в Москву г-на Риббентропа, в ближайшее время не может направиться в Берлин. Обмен же ратификационными грамотами в Берлине может быть произведен и без его поездки»³⁰.

По мнению С. Дембски, «советское руководство не видело необходимости еще одной германо-советской встречи

---

* В телеграмме Шуленбург привел ссылки Молотова на то, что он никогда не летал самолетом и плохо переносит море. Ехать через Польшу по железной дороге, видимо, считалось небезопасным.

на столь высоком уровне, которая свелась бы к демонстрации, причем совершенно ненужной Кремлю», ибо «Кремль не хотел более тесного сотрудничества с Гитлером»³¹. В итоге обмен ратификационными грамотами состоялся лишь 14 декабря и без каких-либо особых церемоний. Однако 23 декабря в «Правде» появились поздравления Гитлера и Риббентропа по случаю 60-летия Сталина (Даладые, Чемберлен и Рузвельт вождя не поздравили). Рейхсминистр вспомнил об «исторических часах в Кремле, положивших начало решающему повороту в отношениях между обоими великими народами и тем самым создавших основу для длительной дружбы между ними». Через два дня Сталин ответил многозначительной фразой: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»³². Она стала источником произносимых шепотом шуток («кровь-то польская»), а затем, когда разрешили, и благородного негодования. «Меня потрясла телеграмма Сталина Риббентропу, — возмущался четверть века спустя Илья Эренбург, — где говорилось о дружбе, скрепленной пролитой кровью. [...] Это ли не кощунство! Можно ли сопоставлять кровь красноармейцев с кровью гитлеровцев!»³³

3

Новый пакт между Москвой и Берлином встревожил многих. Муссолини говорил, вероятно, основываясь на впечатлениях Чиано от визита в Берлин и беседы с фюрером 1 октября, что «теперь Сталин положил Гитлера целиком к себе в карман» и что «Москва... в нужный момент подстегнула Гитлера и одновременно чрезвычайно увеличила его зависимость от СССР». Советский поверенный в делах Лев Гельфанд передавал циркулировавшие в Риме слухи о том, что «Гитлер все более проникает[ся] советскими идеями и даже высказал пожелание переименовать свою партию в "национал-большевистскую", от чего не без труда его удалось временно отговорить»³⁴. Комментарии излишни, но все равно занято.

Шестого октября в Рейхстаге Гитлер предложил очередной «план мира», нацеленный на восстановление экономических и торговых отношений, жестко отозвавшись только

о Черчилле, хотя с начала Польской кампании предписал своей пропаганде проявлять умеренность по отношению к Великобритании и Франции³⁵. Даладье отверг план, даже не обсудив его с министрами. Чемберлен, по собственным словам, боялся предложения Гитлера «больше, чем воздушного налета» — «боялся, — как отметила М. А. Девлин, — его соблазнительности, его подкупающего эффекта, который будет произведен в том числе и на страну, категорически недовольную войной... Чемберлен опасался этого мирного предложения Гитлера не потому, что не хотел мира, мира он хотел, но перестал верить Гитлеру... Чемберлен с должной твердостью предложения Гитлера отверг». 12 октября он заявил в Палате общин: «Мир, который мы намерены обеспечить, должен быть настоящим прочным миром, а не вынужденным перемирием, прерываемым постоянными тревогами и повторяющимися угрозами. Кто стоит на пути к такому миру? Германское правительство и только оно одно»³⁶.

Гитлер пришел в бешенство и поручил ответный удар Риббентропу, который постарался нанести его речью 24 октября в Данциге. Текст речи был отправлен в Москву, поскольку требовались авторизованные цитаты из высказываний Сталина и одобрение информации о их переговорах. 19 октября Молотов передал Шуленбургу одобренный вождем вариант, попросив убрать прямые ссылки на Сталина³⁷. 7 октября «Правда» поместила изложение речи Гитлера и беседу Риббентропа с японскими журналистами, где были и такие слова: «Международные поджигатели не побоятся натравить сегодня английский и французский народы на Германию, а завтра они не побоятся натравить, например, друг на друга американский и японский народы»³⁸. До Пёрл-Харбора оставалось 26 месяцев...

Первым серьезным испытанием для «дружбы без границ» (расхожее выражение не без иронии обыгрывало название Договора о дружбе и границе) стала советско-финляндская («зимняя») война. 23 октября лондонская «Ньюс кроникл» опубликовала интервью со знаменитым шведским путешественником Свенем Гедином, который неделей раньше встречался с Гитлером. Газеты сообщили о факте встречи, но содержание разговора оставалось не-

известным. Гедин — германофил, поддерживавший (хотя и не безоговорочно) нацистский режим — интересовался перспективой советско-финского конфликта и реакцией на него Германии. Гитлер ответил, что Третий рейх в любом случае сохранит строгий нейтралитет. Пересказывать его слова швед отказался, но поделился с журналистами собственными впечатлениями и соображениями, затронув тему возможной «большевизации» Европы. Без его ведома газета снабдила интервью подзаголовком «Д-р Свен Гедин недавно ездил в Берлин, чтобы предостеречь фюрера против сотрудничества с Россией», давая понять, что Гитлер думает так же. Как только известие достигло Берлина, путешественнику позвонил возмущенный Риббентроп (лично они знакомы не были) и потребовал публичного опровержения, сказав, что в противном случае будет опубликована полная запись беседы, не содержащей никаких выпадов в адрес СССР; напротив, Гитлер заявил, что уверен в поддержке Москвы. Гедин немедленно дал просимое опровержение, а позже убедился, что газета исказила его слова. Этот частный эпизод интересен реакцией рейхсминистра на любую попытку даже не вбить клин, а хотя бы бросить тень на отношения между Москвой и Берлином³⁹.

Когда в последний день ноября на советско-финской границе начались боевые действия, Германия определила свою формальную позицию как строгий нейтралитет, а фактическую — как дружескую по отношению к СССР. В этом Риббентроп заверил Шкварцева, а Шуленбург — Молотова. Согласно августовским договоренностям, Финляндия относилась к советской сфере влияния, но в Берлине были встревожены резкими действиями Москвы. Финский никель волновал Гитлера больше, чем судьба правительства Ристо Рюти и фельдмаршала Карла Густава Маннергейма. Ситуация осложнилась профинской и, прежде всего, антисоветской позицией Италии, которая стала очевидной во время Польской кампании Красной армии. В начале декабря фашистская молодежь устроила новому полпреду Николаю Горелкину «кошачий концерт», после чего Молотов отозвал его домой еще до вручения верительных грамот. В первых числах января итальянский посол Аугусто Россо покинул Москву «с вещами»⁴⁰. Почти в одно время с ним из

столицы выехали британский и французский послы, а их страны, ритуально исключив СССР из Лиги Наций, начали планировать военную помощь финнам.

Девятого декабря Молотов сообщил Шуленбургу, что Италия отправила в Финляндию 50 самолетов с летчиками, которые проследовали через территорию Германии, и выразил «удивление и возмущение» по поводу того, как это могло произойти при дружеских отношениях с СССР. На следующий день об этом официально сообщил ТАСС. 11 декабря Риббентроп заявил Шкварцеву, что это — английская дезинформация, пущенная через Швецию с целью посорить Москву и Берлин. С началом войны Германия прекратила все военные поставки в Финляндию; итальянцы запрашивали разрешение на перевозку еще в октябре, но более к этому не возвращались. Он попросил полпреда передать, что подобные заявления выгодны только Англии и что в будущем демарши такого рода следует согласовывать. Рейхсминистр добавил, что прилагает усилия для максимального удовлетворения пожеланий советской делегации во главе с наркомом судостроительной промышленности Иваном Тевосяном, прибывшей в Германию для ознакомления с новой техникой, прежде всего военной, на предмет ее закупок⁴¹. Риббентроп знал, что эти вопросы находятся на контроле у Сталина, а потому на протяжении 1940 года несколько раз обращался по ним лично к вождю (тексты писем, конечно, готовили эксперты*).

Рейхсминистр выступал за безусловный нейтралитет до самого окончания «Зимней войны». 28 февраля в беседе с Гедином (это была их первая личная встреча) он наотрез отказался выступить посредником, заявив: «Я не вижу возможности для этого. [...] Финский вопрос для гигантской России — малозначительная, третьестепенная проблема. Сталин не хотел войны. Он думал, что Финляндия согласится на предложенные им условия. Мы, немцы, считаем,

---

* Экономическое и военно-техническое сотрудничество СССР и Германии в 1939—1941 годах, заслуживающее отдельного исследования, здесь не рассматривается, поскольку оно имело мало отношения к деятельности Риббентропа.

что финны были неправы, отвергнув его предложения. По мнению Сталина, они — умеренные и должны были быть приняты. [...] Наше будущее зависит от России. [...] Сохранение пакта с Россией является для нас вопросом жизни и смерти». Назвав виновником войны Западные державы, Риббентроп предостерег Швецию от участия в ней, несмотря на ее симпатии к Финляндии, которые Гедин не скрывал. Заслуживает внимания еще одна реплика рейхсминистра: «Дни большевизма прошли. В России растёт нечто новое и лучшее. Сталин — личность необычно крупного масштаба, по-настоящему великий человек». Общее впечатление о Риббентропе у Гедина сложилось благоприятное, хотя он заметил, что «опытный, мудрый и осторожный» Вайцеккер был бы лучшим министром иностранных дел⁴².

Пятого марта Шуленбург по поручению шефа поздравил Молотова «с успехами Красной Армии в Финляндии». Днем позже рейхсминистр, не забыв справиться о дне рождения председателя Совнаркома, чтобы послать ему телеграмму к пятидесятилетию, проинформировал Шкварцева о беседах германского руководства с заместителем госсекретаря США Самнером Уэллесом⁴³. Рузвельт, демонстрируя миролюбие и набирая очки в преддверии президентских выборов, послал его в Европу для сбора информации и выяснения позиций держав, за исключением СССР, относительно шансов «длительного и стабильного мира». Президент не уполномочил своего эмиссара делать предложения или принимать на себя обязательства, но дал ему письмо к Муссолини с выражением надежды на то, что Италия останется нейтральной⁴⁴.

Берлин стал вторым пунктом маршрута Уэллеса после Рима, за ним следовали Лондон и Париж. В отличие от подчеркнуто приветливого Чиано, Риббентроп держался холодно и снова сделал вид, что не понимает по-английски. Гость хотел получить четкое изложение германской позиции, но ничего нового не услышал. Рейхсминистр повторил, что война в Европе вызвана Версальским договором и нежеланием Англии и Франции изменить его мирным путем, что именно они объявили войну Германии, а не наоборот, что Третий рейх имеет свою сферу интересов (дежур-

ная ссылака на «доктрину Монро»*) и никому не позволит вмешиваться в нее, наконец, что Берлин неповинен в неудовлетворительном состоянии германско-американских отношений и стремится к расширению торговли с США. Вайцзеккер, беседовавший с Узлесом отдельно, сообщил бывшему послу Ульриху фон Хасселю, своему товарищу по «сопротивлению», слова визитера о том, что имя Риббентропа не должно стоять ни на каких мирных предложениях, иначе они будут отвергнуты⁴⁵.

Десятого марта Риббентроп отправился в Рим с посланием от фюрера, сообщив о своем намерении всего за два дня до поездки. Тактической целью визита было желание выяснить, чем соблазнял итальянцев эмиссар Рузвельта, стратегической — убедить их нормализовать отношения с Советским Союзом в преддверии кампании вермахта на Западе.

Еще 3 января в письме к Гитлеру Муссолини, разъясняя программную речь Чиано, произнесенную двумя неделями раньше, заявил о верности фашистов антибольшевизму и о их возможном разочаровании в Германии, добавив: «Россия чужда Европе. [...] Задача Германии — защищать Европу от Азии. [...] Четыре месяца назад для всего мира Россия была врагом номер один; она не могла стать и не стала другом номер один. [...] День, когда мы уничтожим большевизм, укрепит веру в наши революции». 10 января Риббентроп жестко заявил Аттолико, что удивлен «резким антибольшевистским тоном письма дуче», который сам рекомендовал Германии наладить отношения с Москвой. Заявив, что СССР не угрожает ни германским, ни итальянским интересам, рейхсминистр заметил, что союз Москвы

---

* Доктрина Монро — внешнеполитический курс, провозглашенный в 1823 году в послании президента США Джеймса Монро конгрессу. Декларировала принцип взаимного невмешательства стран Американского и Европейского континентов во внутренние дела друг друга. Доктрина Монро препятствовала приобретению европейскими державами колониальных территорий на Американском континенте и их вмешательству во внутренние дела независимых американских государств. После Первой мировой войны приобрела новое значение, когда на нее стали ссылаться Германия и Япония для оправдания своей экспансии соответственно в Восточной Европе и в Китае.

с Лондоном и Парижем создал бы куда менее благоприятную ситуацию для «оси». Аттолико оправдывался враждебным тоном коммунистических газет и возможностью советской экспансии на Балканах, но сочувствия не встретил⁴⁶.

Конфликт требовалось уладить, пока он не выплеснулся наружу. В беседах с Муссолини и Чиано Риббентроп изучал оптимизм, говорил о сплоченности немцев вокруг фюрера и их вере в победу, о бессмысленности поисков компромисса и скором разгроме Франции. О миссии Уэллеса он почти не спрашивал, зато продемонстрировал оригиналы и переводы захваченных в Варшаве документов — отчетов польских дипломатов, свидетельствовавших, что Рузвельт сознательно провоцировал войну в Европе (они были опубликованы 30 марта 1940 года в виде «Белой книги» № 3 германского МИДа).

Разговор перешел к Русскому вопросу, ставшему коньком Риббентропа. «Министр иностранных дел твердо убежден в силу личного опыта двух визитов в Москву, что Сталин оставил идею мировой революции. "Вы действительно верите в это?" — спросил дуче. Министр иностранных дел ответил утвердительно и заявил, что авантюра в Испании была последней попыткой мировой революции. На вопрос дуче, отказался ли и Третий Интернационал от всех мыслей о мировой революции, министр иностранных дел ответил, что, по его мнению, Третий Интернационал занимается исключительно пропагандистской и информационной работой. У него сложилось впечатление, что Россия не только находится в процессе превращения в нормальное национальное государство, но и весьма продвинулась в этом направлении. В центральных органах больше нет евреев, и даже Каганович, о котором говорят, что он еврейской крови (это он [Риббентроп. — В. М.] не имел возможности проверить), больше похож на грузина. С уходом Литвинова все евреи покинули ключевые посты.

Во время второго визита в Москву он имел возможность побеседовать со всеми членами Политбюро на обеде, устроенном Сталиным. С германской стороны тоже присутствовали старые национал-социалисты вроде [данцигского. — В. М.] гаулейтера [Альберта. — В. М.] Форстера, который после банкета заявил, что он как будто общался со

старыми партийными товарищами. Таково было и его (министра иностранных дел) впечатление*. Может показаться странным, но, по его мнению, позиция русских — разумеется, коммунистическая и потому неприемлемая для национал-социалиста — более не имеет ничего общего с мировой революцией. Сталин стремится придать Российской империи централизованную организацию и в значительной степени достиг своей цели, поскольку в России ничего более не происходит без его желания...

Россия не представляет ни внутренней, ни внешней опасности для национал-социализма или фашизма. Нет никаких свидетельств того, что русские пытались как-то вмешиваться во внутренние дела Германии после заключения пакта. Фюрер считает, что между большевизмом и национал-социализмом есть четкое различие, но в то же время с Россией можно заключить благоприятное торговое соглашение; немалое количество дивизий, которые в иных обстоятельствах пришлось бы держать в резерве для обороны против русских, теперь можно использовать на Западе; взаимопонимание с Россией обеспечило Германии безопасный тыл. Россия переживает перемены глобального масштаба. Она отказалась от идеи мировой революции. Насколько известно в Германии, ее связи с Третьим Интернационалом ослабели, а русские в основном удалены оттуда. В результате организационных реформ, проводимых большевистским режимом, все взоры обращены внутрь страны, поэтому на международной арене Россия не намерена предпринимать никаких действий»⁴⁷.

Мысль о перерождении советского большевизма в русский национализм содержалась и в письме Гитлера от 7 марта, которое Риббентроп вручил Муссолини в начале беседы⁴⁸. На следующий день дуче напомнил, что в 1924 году он одним из первых официально признал СССР и в 1933 году заключил с ним Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете, но не изменял антикоммунистическим убеждениям и уверен, что Советский Союз возоб-

---

* В отличие от Риббентропа, вступившего в НСДАП только в 1932 году, Форстер был ее членом с 1923 года и по праву считался «старым бойцом».

новит пропаганду за границей, как только иностранные коммунисты оправятся от шока после Московского пакта. Накануне Риббентроп заметил как о чем-то само собой разумеющемся, что Москва «была втянута» в войну с Финляндией. Дуче не прокомментировал сказанное, заметив лишь, что примирение воюющих стран соответствует интересам Италии и Германии, равно как и предупреждение советской экспансии в Румынии.

Рейхсминистр все-таки добился своего. Муссолини заявил о готовности вступить в войну в Европе и Северной Африке в ближайшее время, подчеркнув враждебность итальянцев к Англии и Франции, но попросив помощи в виде поставок сырья, и согласился на нормализацию отношений с Москвой. Куда меньший энтузиазм вызвали у него призывы к сотрудничеству с Японией, политику которой Муссолини назвал «убийственно медленной».

Вернувшись в Берлин, Риббентроп сообщил советскому полпреду: «Я сказал ему [Муссолини. — В. М.], что наши отношения с Россией станут все более тесными и что с заключением пакта о ненападении и договора о дружбе создан базис для прочного и ясного сотрудничества этих стран. Я одновременно сказал Муссолини, что мы в Германии сожалеем, что между Италией и Россией не имеется близких взаимоотношений, как между Россией и Германией. В особенности сожалел я об этом потому, что как раз сам Муссолини перед заключением советско-германского соглашения говорил, что он приветствовал бы с точки зрения Италии улучшение отношений Германии с СССР. [...] Дуче сказал, что он сам также желал бы улучшения советско-итальянских отношений». Заявив о готовности содействовать примирению между Римом и Москвой, «Риббентроп подчеркнул, что сообщает все это для информации Молотова и Сталина», — немедленно доложил в Москву Шкварцев*⁴⁹.

---

* На этой же встрече «Риббентроп высказал намерение демонстрировать в Германии фильм «Петр Первый», который ему очень понравился». Однако, по свидетельству советского журналиста и разведчика Ивана Филиппова, «Гebbельс принял все меры, чтобы не допустить его для общественного просмотра». Мелочь, но любопытная.

В Риме Риббентроп попросил об аудиенции у папы Пия XII (Эудженио Пачелли), бывшего нунция (посла) в Германии, а затем кардинала статс-секретаря, то есть министра иностранных дел Святого престола. 11 марта рейхсминистр со свитой посетил Ватикан. Папа воздержался от критики нацистского режима, но заговорил о положении католиков в Рейхе. Риббентроп объяснил, что Германия ведет борьбу за существование, которая занимает все внимание фюрера и не терпит компромиссов; гармония между режимом и церковью возможна при условии, что духовенство будет окормлять паству, а не вмешиваться в политику. Он добавил, что еще ни одна революция в истории человечества не затронула Церковь так мало, как нацистская. В конце аудиенции папа спросил, верит ли его гость в Бога. «Я верю в Бога, но не принадлежу ни к какой конфессии», — ответил тот.

Риббентроп остался доволен, поскольку, по мнению итальянского посла в Ватикане Дино Альфиери, преследовал, прежде всего, пропагандистские цели и стремился показать, что между Третьим рейхом и Святым престолом нет трений или разногласий. Разговор с кардиналом статс-секретарем Луиджи Мальоне был более конкретным и менее приятным: рейхсминистр отказался допустить в Польшу представителя Ватикана и не разрешил передачу субсидий тамошним католикам⁵⁰.

Восемнадцатого марта фюрер и дуче встретились на перевале Бреннер — впервые после Мюнхенской конференции. Именно так: на протяжении всего судьбоносного 1939 года лично они не встречались ни разу, а проблемы копились. Фюрер был недоволен неучастием Италии в войне и ее профинской позицией, дуче — ориентацией на союз, пусть временный, с Москвой, надеясь все-таки договориться с Западом. Доминирование Гитлера стало очевидным, его монологи практически исключали возможность дискуссии. 21 марта Риббентроп направил Шуленбургу информацию о встрече для передачи Молотову, однако нарком принял его только через пять дней. Основные итоги переговоров сводились к следующим пунктам: «Обмен мнениями показал, что ввиду упорства западных держав возможности заключения мира в настоящий момент нет.

Германия поэтому непоколебима в своей решимости продолжать войну до победного конца. Беседа между фюрером и Муссолини вновь подтвердила, что Италия ясно и безусловно стоит на стороне Германии. В беседе было установлено полное единомыслие о формах дальнейшего сотрудничества между Германией и Италией, направленного против западных держав. К вопросу об отношениях между Германией и СССР Муссолини заявил, что он понимает и приветствует германско-советское сближение. При этом Муссолини упомянул, что в свое время он, после Германии, первым вошел в официальные сношения с Советским правительством. Муссолини ясно дал понять, что он считает желательным улучшение отношений между СССР и Италией. Фюрер подробно изложил Муссолини, как он путем опыта пришел к убеждению, что соглашение между Германией и Англией невозможно, как он, поэтому, стал искать сближения с Советским Союзом, которое стало возможным благодаря мудрой прозорливости Сталина. Фюрер подчеркнул, что, по его мнению, между Германией и СССР не только нет никаких противоречий, но что обе страны дополняют друг друга политически и экономически. Фюрер выразил свое твердое убеждение в долговечности германо-советских отношений и заявил, что он исполнен желания и решимости углубить и развивать эти отношения. Фюрер и Муссолини констатировали, что ввиду отсутствия каких-либо противоречий между Германией, Советским Союзом и Италией добрые отношения между ними диктуются их общими интересами» (русский текст, зачитанный Хильгером).

«После чтения вышеуказанной информации о встрече Гитлера с Муссолини Шуленбург останавливается на вопросе об улучшении советско-итальянских отношений. Он сообщил, что Риббентроп крайне сожалеет, что существующие отношения между СССР и Италией дают повод врагам Германии усматривать отсутствие *третьего звена* в союзе [выделено мной. — В. М.]. Риббентроп констатирует, что Муссолини совершенно ясно и определенно выразил желание улучшить советско-итальянские отношения. Причем Риббентроп не находит, что СССР должен первым сделать соответствующий шаг. Он желает принять на себя

роль посредника и предлагает в качестве первого шага и в целях сохранения престижа той и другой страны одновременное возвращение посла Италии в Москву и полпреда СССР в Рим.

Тов. Молотов отвечает, что он не знает, насколько серьезные пожелания Муссолини. Не ясен до сего времени вопрос, почему у Италии возникло такое отношение к СССР. Шуленбург замечает, что в прошлой беседе [17 марта. — В. М.] тов. Молотов указал на неопределенность пожеланий Италии. Сейчас в ответ на это Риббентроп подчеркивает, что высказывания Муссолини являются вполне определенными. Тов. Молотов вновь подчеркивает, что остается неясным, чем было вызвано обострение советско-итальянских отношений со стороны Италии и, главное, в тот момент, когда СССР установил близкие отношения с Германией»⁵¹.

Поверенный в делах Лев Гельфанд 23 марта сообщал в Москву: «Рассказывая о пребывании здесь Риббентропа, Чиано отметил, что германский министр является "сторонником улучшения итало-советских отношений", в восторге от СССР и пленен товарищем Сталиным, о котором долго рассказывал на интимном ужине у Чиано. Однако через минуту министр высмеивал сообщение французского радио о плане какого-то итало-советского сотрудничества и о предстоящей итало-германо-советской конференции в Вене. [...] Италия явно не предполагает радикально менять своей линии в отношении СССР».

Молотов прекрасно понимал это, что видно из его телеграммы Гельфанду от 1 мая: «Мы расцениваем Чиано как отрицательный фактор в отношениях между СССР и Италией. Если бы не Чиано и его окружение, отношения СССР с Италией были бы лучшими. События последних месяцев показали, что Чиано является непримиримым врагом Советского Союза»⁵².

Наконец Муссолини, готовясь вступить в войну, закрыл вопрос. 29 мая Чиано сообщил послу Гансу Георгу фон Макензену о согласии на одновременное возвращение послов. Обрадованный Риббентроп на следующий день велел немедленно известить об этом Молотова. Нарком некоторое время продолжал упорствовать и только 3 июня заявил

Шуленбургу: «Советским правительством принято решение: можно и целесообразно восстановить посольства: итальянское — в Москве и советское — в Риме. Советское правительство считает, что вторичное пожелание Муссолини, переданное через Риббентропа, говорит о серьезном желании Италии улучшить свои взаимоотношения с СССР»⁵³.

Еще одним направлением германо-советского сотрудничества, которым с началом войны занялся Риббентроп, стал Афганистан, который немцы рассчитывали сделать базой операций против Британской Индии. Он поручил Шуленбургу прозондировать отношение Москвы к возможному возвращению на афганский трон Амануллы-хана, некогда считавшегося союзником Советской России, а после свержения нашедшего убежище в Италии. Посол энтузиазма не проявил, так что пришлось несколько раз напоминать ему. Лишь в ноябре, съездив в Берлин и получив указание действовать активнее, Шуленбург приступил к конкретным переговорам. 17 декабря Молотов спросил его, что именно планируется и какая требуется помощь. «План таков, — разъяснил посол. — Предполагается сбросить нынешнее афганское правительство, находящееся под английским влиянием, поставить Аманулла и создать базу для нападения на Индию. На советской территории на афганской границе создать корпус из высланных афганцев, который и ударит на Афганистан. Предполагается, что афганское правительство не позовет Англию на помощь, а потому дело пройдет легко»⁵⁴.

Шуленбург также сообщил, что для согласования операции «Риббентроп прислал в Москву своего доверенного человека» Клейста*. Отчитываясь 9 января 1940 года о поездке, Клейст доложил, что «русские в принципе согласились с действиями Германии, но воздержались от окончательного одобрения». Однако второй его вояж месяц спустя** окончился неудачей: Москва не поддержала операцию «Ама-

---

* В документах НКВД более близкое к немецкому произношению, но реже встречающееся написание: Кляйст.

** 25 января 1940 года Шуленбург попросил у Молотова разрешения представить ему Клейста, но нарком «ответил уклончиво»; состоялась встреча или нет, неизвестно.

нула». Делая хорошую мину при плохой игре, Шуленбург 5 марта заявил Молотову, что план Клейста «не исходил от фюрера и фон Риббентропа», «поэтому вопрос об Афганистане... снимается совсем»⁵⁵.

4

Риббентроп вернулся к идее пригласить Молотова в Берлин 29 марта 1940 года. «Мне бы хотелось реализовать ее, — телеграфировал он Шуленбургу, — если возможно, в ближайшем будущем. Понятно без слов, что приглашение не ограничивается одним Молотовым. Если в Берлин придет сам Сталин, это еще лучше послужит нашим собственным целям, а также нашим действительно близким отношениям с Россией. Фюрер, в частности, не только будет рад приветствовать Сталина в Берлине, но и проследит, чтобы он (Сталин) был принят в соответствии с его положением и значением, и он (Гитлер) окажет ему все почести, которые требует данный случай».

Опытный Шуленбург скептически оценил возможность такого визита, слухи о котором уже проникли в печать: «Известен тот факт, что Молотов, который никогда не был за границей, испытывает большие затруднения, когда появляется среди чужеземцев. Это в той же степени, если не в большей, относится и к Сталину. Поэтому только очень благоприятная обстановка или крайне существенная для Советов выгода могут склонить Молотова или Сталина к такой поездке». 3 апреля рейхсминистр распорядился дальнейших инициатив не проявлять⁵⁶.

В тот же день Вильгельм Кейтель сообщил Риббентропу письмом, что через шесть дней вермахт оккупирует Данию и Норвегию⁵⁷. До адресата оно почему-то дошло только 7 апреля. «При оккупации Дании речь шла не о мирном урегулировании какого-либо спорного вопроса, — признал наш герой, — а о продиктованной стратегическими соображениями немедленной военной мере, причиной которой служило распознанное намерение британского военного руководства. В случае с Данией Германия лишь упредила запланированное Англией нападение на Норвегию, которое несло с собой опасность в дальнейшем военных действий против Дании»⁵⁸.

Оправдать оккупацию было непросто, но она прошла на удивление легко и безболезненно: король Кристиан X и правительство приняли германские условия и остались на своих местах. Страна была занята вермахтом и встроена в экономику Германии, но до конца 1942 года сохраняла собственные представительства за границей и относительную свободу внутривнутриполитической жизни. В мае 1941 года депутаты-коммунисты заседали в парламенте, выходили левые газеты и «Краткий курс истории ВКП(б)», а глава компартии Аксель Ларсен говорил советским дипломатам, что «политический уровень датских трудящихся и коммунистов растет очень быстро»⁵⁹. Посланник Сесиль фон Ренте-Финк, ставший еще и имперским уполномоченным, был сторонником мягкой политики и стремился максимально привлечь на сторону рейха местную элиту, поэтому Дания считалась «образцовым протекторатом».

С Норвегией дело обстояло по-другому. Король и правительство отвергли германские требования и при поддержке англичан некоторое время оказывали вооруженное сопротивление, а после разгрома норвежской армии бежали из страны. Оправдание оккупации Норвегии нашлось легко: захваченные в Осло, Нарвике и Лиллехаммере английские и норвежские документы свидетельствовали о том, что немцы лишь ненадолго опередили англичан в оккупации страны. 27 апреля документы были представлены Риббентропом иностранным дипломатам и журналистам и опубликованы на немецком и английском языках в виде «Белой книги» МИД № 4, включавшей факсимиле оригиналов⁶⁰. Если бы в руки к немцам попал личный дневник Кадогана, заместителя лорда Галифакса, то ни у кого вообще не было бы никаких вопросов или сомнений...

«Мы получили совершенно достоверные сообщения, — телеграфировал Риббентроп для передачи Молотову, — о неизбежности нанесения удара англо-французских вооруженных сил по побережью Дании и Норвегии и должны были поэтому действовать незамедлительно. [...] Имперское правительство придерживается мнения, что мы действуем также и в интересах Советского Союза, так как реализация англо-французского плана, который нам известен, привела бы к тому, что Скандинавия стала бы театром

войны, а это, вероятно, привело бы к поднятию финского вопроса». «Молотов заявил, — сообщал Шуленбург в ответ, — что советское правительство понимает, что Германия была вынуждена прибегнуть к таким мерам. Англичане, безусловно, зашли слишком далеко. Они абсолютно не считаются с правами нейтральных стран. В заключение Молотов сказал буквально следующее: “Мы желаем Германии полной победы в ее оборонительных мероприятиях”»⁶¹.

Установить «новый порядок» в Норвегии оказалось гораздо труднее, причем не только из-за сохранявшихся очагов вооруженного сопротивления. Объявивший себя премьером Видкун Квислинг — бывший военный министр и глава пронацистской партии Национальное объединение — не пользовался поддержкой соотечественников, но в декабре 1939 года сумел расположить к себе Гитлера разговорами о скорой оккупации Норвегии англо-французскими войсками — как мы знаем, вполне оправданными — и о необходимости предотвратить это. Риббентроп и Вайцеккер избегали общения с ним⁶². Покинувший столицу, но еще остававшийся в стране, король Хаакон VII категорически отказался назначить Квислинга главой правительства, ссылаясь на его непопулярность. Посланник Курт Бройер предложил создать Административный совет во главе с председателем Верховного суда Паалом Бергом, Вайцеккер — передать власть германскому военному губернатору, но Гитлер уже сделал выбор. Риббентроп, поначалу засыпавший миссию противоречивыми инструкциями, устранился от решения неприятной проблемы. Недовольный действиями дипломатов и особенно эмиграцией короля, которую велено было предотвратить, Гитлер закрыл миссию в Осло, отправил Бройера в армию, утвердил Квислинга премьером, но сделал полновластным хозяином страны гаулейтера Эссена Йозефа Тербовена, назначенного имперским комиссаром. В переговорах фюрера с министрами нового норвежского правительства Риббентроп не участвовал⁶³.

Десятого мая Шуленбург и Вайцеккер одновременно оповестили Молотова и Шкварцева о начале оккупации Бельгии, Нидерландов и Люксембурга под предлогом их охраны. Первым двум, как ранее Норвегии, были предъяв-

лены обвинения в нарушении заявленного ими нейтралитета; Люксембург оккупировали, ни в чем не обвинив⁶⁴. Гейбельс первым передал новость по радио, за что Риббентроп пригрозил уволить всю секцию радиопропаганды МИДа. Заговорщики из Абвера заранее уведомили бельгийского и нидерландского военных атташе, но было поздно. Вместе с меморандумами германского правительства советской стороне были переданы доклады МВД и ОКВ. «Тов. Молотов сказал, что он не сомневается в том, что германские войска сумеют защитить Германию». После разговора с Вайцзеккером полпреда пригласил Риббентроп, чтобы «пожать ему руку». Рейхсминистр «подчеркнул, что подробности [происходящих событий. — В. М.] изложены в документах и что, тем не менее, сообщение это он сделал мне лично, принимая во внимание особенно дружественные взаимоотношения между нашими странами»⁶⁵.

Теперь удар предстояло выдержать Франции. Как раз перед этим, 10 мая, британские беллицисты сумели отправить Чемберлена в отставку. Целью было заменить его на Уинстона Черчилля или лорда Галифакса, хотя Черчилль, будучи Первым лордом Адмиралтейства, нес основную ответственность за фиаско в Норвегии. «Невилл Чемберлен, — отметила М. А. Девлин, — с самого начала своей политической карьеры ненавидел само занятие политикой за то, каким грязным оно было в действительности. В том мае казалось, что вся грязь, которая была возможна, вылилась на его голову. [...] Понимая, что невозможно оставаться главой Кабинета, который тебя не поддерживает, Чемберлен решил уйти в отставку»⁶⁶. В Париже двумя месяцами раньше Рейно сменил Даладьё, но Боже упаси сравнивать этого «быка с рогами улитки» с Чемберленом.

Предугадать судьбу Бенилюкса было нетрудно, но Франция, считавшаяся куда более мощной военной державой, чем Польша, тоже развалилась на глазах. 10 июня Италия, наконец, вступила в войну, что, несмотря на все ссылки на германское давление, выглядело поведением вора на пожаре. 16 июня после того как вермахт, не встречая особого сопротивления, занял Париж, новое французское правительство, возглавляемое героем Вердена маршалом Филиппом Петеном, срочно запросило перемирия. На следующий день

Молотов поздравил Шуленбурга «с победами германской армии», заметив, что «вряд ли Гитлер и Германское правительство ожидали таких быстрых успехов». Сказать по правде, их никто не ожидал...

Перемирие было подписано 22 июня в Компьенском лесу, на том самом месте и в том самом историческом вагоне, где 11 ноября 1918 года маршал Фердинанд Фош от имени Антанты огласил германским представителям условия перемирия (вагон привезли из Парижа по инициативе Геббельса). Теперь условия диктовал Вильгельм Кейтель. Присутствовавшие при этом Гитлер, Геринг, Риббентроп, Гесс, гросс-адмирал Редер и генерал-полковник фон Браухич молча выслушали его, встали и вышли, не произнеся ни слова. Французы, однако, прислали не главнокомандующего Максима Вейгана, свидетеля и участника триумфа 1918 года, а генерала Шарля Ханциже*⁶⁷. Условия перемирия многим показались мягкими и, во всяком случае, не унижительными, хотя северная часть страны, включая Париж и атлантическое побережье, была оккупирована Германией. Тем не менее скрыть ликование от победы над «вековым врагом» было невозможно.

«Сообщение германских властей о предстоящем возвращении Гитлера из Франции вызвало неопишуемый восторг жителей Берлина... Город утопает в знаменах. На улицах — огромные массы людей всех возрастов. Полиция выбивается из сил, чтобы организовать бурлящий живой поток... Появление Гитлера на площади вокзала встречено оглушительными криками приветствия. Вильгельмштрассе покрыта толстым слоем живых цветов, по ним медленно движется машина Гитлера. До позднего вечера шумел и ревел Берлин. На Вильгельмплац люди буквально давили друг друга, стремясь увидеть Гитлера, который то и дело появлялся на балконе своей канцелярии»⁶⁸. Это — воспоминания корреспондента ТАСС, а не пропагандистские материалы ведомств Геббельса или Дитриха...

---

* Предки генерала Шарля Ханциже (Huntziger) происходили из франко-германских пограничных княжеств, и его фамилия на немецком читается как Хюнцигер; эта транскрипция также часто используется и в русском языке.

Рассчитывая на взаимопонимание с Францией и стремясь не допустить отъезда правительства в Северную Африку, Гитлер и Риббентроп умерили аппетиты итальянских союзников, нацелившихся на французские колонии в дополнение к прежним претензиям на Ниццу и Корсику. 19 июня на прямой вопрос Чиано: «Что предпочитает Германия в настоящий момент — мир или продолжение войны?» — Риббентроп четко ответил: «Мир»⁶⁹.

Вновь вопрос о переделе французских колоний Чиано поднял 7 июля в беседе с Гитлером и Риббентропом. Он также предложил «уменьшить югославское государство, типичное создание Версаля, продукт антиитальянской ориентации». Эти предложения были решительно отвергнуты. Фюрер напомнил, что у Германии есть более основательные претензии к Франции, и призвал урегулировать все эти проблемы в мирном договоре, заключение которого предпочитал отложить до конца войны в Европе, в том числе из-за нежелания выводить оттуда войска. Итальянцы же хотели заключить договор поскорее, чтобы закрепить свое участие в победе и дележе трофеев. По мнению Гитлера, результатом любой акции против Югославии стала бы новая война на Балканах, где тоже накопилось много нерешенных проблем и территориальных претензий. Чиано отметил в дневнике, что Гитлер был особенно приветлив с ним, а Риббентроп настроен воинственно⁷⁰.

5

Беседа Молотова с Шуленбургом 17 июня не ограничилась «самыми теплыми поздравлениями». Нарком проинформировал посла «о балтийских делах, основные сведения о которых ему, вероятно, известны из газетных сообщений. Советский Союз договорился с Латвией, Литвой и Эстонией о смене правительств этих стран и о вводе советских войск на их территорию. Основной причиной мероприятий Советского правительства явилось то, что Советский Союз не хочет оставлять в прибалтийских странах почву для французских и английских интриг. С другой стороны, Советский Союз не хочет, чтобы из-за прибалтийских стран его поссорили с Германией. [...] Политика Советского Союза всегда была пролатвийской, пролитовской и про-

эстонской. Теперь Советский Союз хочет обеспечить со стороны балтийских стран просоветскую политику»⁷¹.

Больше всего Германию беспокоило то, что ее не поставили в известность о готовившемся поглощении стран Балтии, хотя внешне декорум сотрудничества был соблюден: по личному указанию Риббентропа МИД сразу же разъяснил, что у Германии «нет никаких причин для волнения, каковое нам открыто приписывается некоторой частью зарубежной прессы», а после июльских выборов, проводившихся под советским контролем и закончившихся просьбами новых парламентов принять три республики в состав СССР, не принял ноты протеста у литовского и латвийского посланников и отговорил их эстонского коллегу от аналогичного демарша. Прибалтийским дипломатам разрешили остаться в Германии при условии их отказа от политической деятельности⁷².

Однако Сталин не собирался останавливаться на «успехах советской внешней политики в Прибалтах», как скромно назвал это Молотов 1 августа в докладе Верховному совету СССР. 23 июня в печати появилось сообщение ТАСС, опровергавшее слухи о концентрации советских войск на литовско-германской границе и вызвавшее облегчение в Берлине, которое однако оказалось недолгим. В тот же день Молотов, выслушав расплывчатый ответ Риббентропа на вопрос трехнедельной (!) давности о возможности согласования позиций Германии, Италии и СССР на Балканах, огорошил Шуленбурга новостями: Советский Союз потребовал от Румынии не только Бессарабию, от претензий на которую никогда не отказывался, но и Буковину, в состав России никогда не входившую. Требование предполагало применение силы: «Красная армия встала на границе с Румынией, готовая пусть к локальной войне, но войне крупномасштабной»⁷³.

«Румыния поступит разумно, — сказал нарком, — если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем. Она пользовалась ею [так в тексте. — В. М.] 21 год, зная, что те не принадлежат ей. [...] Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя».

После Финляндии не принимать подобные заявления всерьез было уже невозможно. Посол опешил: «Я сказал Молотову, что такое решение является для меня неожиданным. Я считал, что советское правительство будет настаивать на своих претензиях к Бессарабии, нами не оспариваемых, но не предпримет самостоятельных действий для их реализации. Я боюсь, что внешнеполитические трудности Румынии, которая в настоящее время снабжает нас значительным количеством важнейшего для военной и гражданской промышленности сырья, серьезно затронут германские интересы». В советской записи его слова приведены подробнее: «По мнению Шуленбурга, в свое время постановка вопроса о Бессарабии была такова: СССР заявит свои претензии на Бессарабию только в том случае, если какая-нибудь третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе. Шуленбург боится, что разрешение Бессарабского вопроса Советским Союзом в настоящий момент может создать хаос в Румынии, а Германии сейчас до зарезу нужны нефть и другие продукты, получаемые из Румынии».

Посол пытался уговорить наркома отсрочить решительные действия, пока он не проконсультируется с начальством. «Просьбу Шуленбурга тов. Молотов обещал сообщить Советскому правительству, но предупредил, что Советское правительство считает этот вопрос чрезвычайно срочным. Я рассчитываю, сказал в заключение тов. Молотов, что Германия в соответствии с договором не будет мешать Советскому Союзу в разрешении этого вопроса, а будет оказывать поддержку, понятно, в пределах соглашения»⁷⁴.

Решение Бессарабского вопроса стало для отношений между Москвой и Берлином более серьезным испытанием, нежели «Зимняя» война, тем более что территориальные претензии к Румынии имелись у Венгрии (Трансильвания) и Болгарии (Южная Добруджа). Это также было наследием мирных договоров в Трианоне (ст. 27 и 45) и Нейи (ст. 27). 25 июня Шуленбург передал Молотову ответ Риббентропа:

«1. Германия остается верной московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Но на этих территориях живут примерно 100 000

этнических немцев, и Германии, естественно, их судьба небезразлична, она надеется, что их будущее будет гарантировано. Имперское правительство оставляет за собой право в подходящее время сделать советскому правительству определенные предложения по вопросу о переселении этих "фольксдойче", по примеру этнических немцев Волыни.

2. Претензии советского правительства в отношении Буковины — нечто новое. Буковина была территорией австрийской короны и густо населена немцами. Судьба этих этнических немцев также чрезвычайно заботит Германию.

3. В других районах Румынии Германия имеет очень важные экономические интересы. Эти интересы включают нефтяные поля и сельскохозяйственные земли. Германия поэтому, как мы неоднократно информировали советское правительство, крайне заинтересована в том, чтобы эти районы не стали театром военных действий.

4. Полностью симпатизируя урегулированию бессарабского вопроса, Имперское правительство вместе с тем надеется, что, в соответствии с московскими соглашениями, Советский Союз в сотрудничестве с румынским правительством сумеет разрешить этот вопрос мирным путем. Имперское правительство, со своей стороны, будет готово, в духе московских соглашений, посоветовать Румынии, если это будет необходимо, достигнуть полюбовного урегулирования бессарабского вопроса в удовлетворительном для России смысле».

Шуленбург мягко заметил, что отказ от претензий на Буковину «будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав, что Буковина является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине советское правительство придает важность разрешению этого вопроса одновременно с бессарабским».

На следующий день нарком известил посла о том, что под воздействием вчерашнего разговора Москва решила ограничиться северной частью Буковины с городом Черновцы. Риббентроп поддержал советский ультиматум, врученный вечером 26 июня; то же самое сделал и Чиано. Румыния официально отказалась от франко-британских гарантий и политики нейтралитета, что означало ее окончательный переход в лагерь «оси» в качестве сателлита⁷⁵.

В обеих столицах с тревогой ожидали новых сюрпризов. 29 июля Молотов поинтересовался у Шуленбурга содержанием переговоров Гитлера и Риббентропа с румынским премьером Ионом Джигурту, болгарским премьером Богданом Филовым и президентом Словакии Йозефом Тисо. Рейхсминистр оперативно отправил запрошенную информацию: речь шла об урегулировании взаимных территориальных претензий. Нарком поблагодарил, так как на следующий день должен был выступать в Верховном совете⁷⁶. Отношения с Германией и Италией он охарактеризовал как наилучшие. Сессия приняла в состав СССР Литву, Латвию и Эстонию, а также постановила образовать Молдавскую ССР. Но этим изменения на карте Европы не закончились — впереди был Второй Венский арбитраж.

Двадцать третьего августа германские и советские газеты отметили годовщину заключения Пакта о ненападении. Днем позже были прерваны венгерско-румынские переговоры о Трансильвании. Чувствуя слабость противника, Венгрия начала готовиться к войне. В конце июня она привела армию в состояние мобилизационной готовности, но резкие ноты Риббентропа от 1 и 4 июля и беседа Гитлера с венгерскими руководителями 10 июля удержали ее от решительных действий: рейх отказывал Будапешту не только в военной помощи, но и в урегулировании возможных последствий. Затем фюрер призвал румынского короля Кароля II удовлетворить требования соседей, пообещав при этом условия сотрудничества и помощь⁷⁷. Стремясь, с одной стороны, не допустить войны на Балканах с возможным участием СССР, а с другой — обеспечить бесперебойные поставки стратегически важной румынской нефти, Гитлер решил выступить арбитром спора, показав всему миру свое миролюбие, а спорщикам — кто в доме хозяин. 28 августа он и Риббентроп пригласили Чиано в Оберзальцберг для выработки общей позиции.

Министры приняли венгерских и румынских представителей 29 августа, припугнув и тех и других, а на следующий день вынесли в Вене свой вердикт: Венгрия получила северную часть Трансильвании с населением в 2 385 987 человек. Лишь на этих условиях Берлин и Рим гарантировали неприкосновенность Румынии. Увидев карту с новыми

границами, румынский министр иностранных дел Михай Манойлеску упал без чувств⁷⁸. Результатом стал политический кризис в Бухаресте 4—6 сентября, закончившийся отречением Кароля II в пользу своего 19-летнего сына Михая и переходом власти в руки прогермански настроенного министра обороны генерала Иона Антонеску. 7 сентября Румыния, по «настоятельному совету» Берлина и с одобрения Москвы, дополнительно передала Болгарии Южную Добруджу в границах 1913 года (7695 квадратных километров с населением в 350 тысяч человек).

Шуленбург явился к Молотову с известием о состоявшемся Венском арбитраже 31 августа. Хильгер зачитал перевод послания Риббентропа, начинавшегося словами: «Принимая во внимание дружественные отношения с СССР, германское правительство решило уведомить об этом советское правительство в наикратчайший срок». Нарком заявил, что это — нарушение статьи 3 Пакта о ненападении, предполагавшей консультации сторон о вопросах, затрагивающих их общие интересы, и недовольно заметил, что «в сообщениях печати о третейском решении в Вене сказано больше, чем в информации Германского правительства»⁷⁹.

Телеграмму посла передали в спецпоезд рейхсминистра, который уже на следующий день беседовал в Берлине с Шкварцевым. Говорить об арбитраже он не стал, пояснив, что завтра пошлет наркому подробный ответ, и перевел разговор на общие темы, чтобы сгладить неприятное впечатление: «Этот год принес большие выгоды как Германии, так и России. Германия одержала большие победы и будет одерживать их. Я думаю, они были полезны СССР, так как СССР смог осуществить свои планы. Это было бы невозможно без разрушения англо-французской политической системы. Экономические отношения, которые благоприятно развивались в прошлом году, будут еще больше развиваться на благо обеих стран»⁸⁰.

Третьего сентября разъяснения были переданы в Москву, но Шуленбург смог вручить их Молотову только 9-го. Риббентроп посчитал, что «после разрешения вопроса о Бессарабии у СССР и Германии в отношении Румынии и Венгрии нет общих интересов с точки зрения договора о

ненападении», а также напомнил, что Берлин был проинформирован о действиях Москвы в Прибалтике и Бессарабии буквально в последнюю минуту. «В отношении заявления о том, что Германия ставит Советский Союз перед совершившимся фактом, Имперское правительство считает необходимым заметить, что, если меры, принятые Советским Союзом, были запланированными мерами по оккупации различных территорий по соседству с Германией и о них предварительно не было объявлено Имперскому правительству, то действия Имперского правительства в отношении Румынии и Венгрии служат цели обеспечения мира в Придунайском регионе, которому серьезно угрожала напряженность между двумя странами, и сделать это было возможно только путем скорейшего дипломатического вмешательства. Кроме того, Имперское правительство, вероятно, не ошибается, считая, что этот акт умиротворения в Придунайском регионе сослужил существенную службу всем прилегающим к нему странам»⁸¹.

Молотова такое объяснение не удовлетворило. Он повторил прежние претензии, а 21 сентября вручил послу обобщавшую их пространную записку. Более серьезные вещи были переданы на словах: «Если для Германии статья 3 Договора о ненападении представляет неудобства и стеснения, то Советское правительство готово обсудить вопрос об изменении или отмене данной статьи». Шуленбург поспешил заверить его, что об этом речь не идет⁸².

Причины недовольства Москвы верно понял Гафенку. Гарантирование новых границ Румынии рассматривалось как предупреждение Советскому Союзу и ограничение его дальнейшей экспансии. Молотов не раз спрашивал немцев, зачем они вообще дали эти гарантии, если Румынии никто не угрожает. Ответ мы уже знаем. Что касается Пакта о ненападении, то Молотов все-таки был прав, ибо «если не буква, то его дух требовали предупреждения и консультаций» о готовящихся акциях⁸³.

«Наши отношения с Россией начинают портиться», — меланхолично записал Вайцзеккер⁸⁴.

ГЛАВА 9
**ПОСТРОЕНИЕ ФАЛАНГИ
(1940)**

*Вся Европа сегодня поделена —
Завтра Азию будем делить.*

Александр Городницкий

1

Переход войны в Европе в активную фазу весной 1940 года поставил перед руководством рейха два вопроса: о союзниках и о политическом обустройстве занятых территорий. Мощь Великогерманского рейха возросла колоссально, но сфера деятельности Вильгельмштрассе сократилась: в Норвегии, Бельгии, Нидерландах и Люксембурге, где в дополнение к военным властям водворились имперские комиссары, дипломатов сменили офицеры связи МИДа, не имевшие никаких полномочий; посланники в Дании и Словакии были не более самостоятельны, чем сами эти страны; с Францией так и не был заключен мирный договор, хотя в Париже появилось германское посольство во главе с Абецом. Венгрия, Румыния и Болгария окончательно превратились в сателлитов, немногим отличавшимся от протекторатов.

Целью Гитлера была унификация Европы под германским господством с формальной уступкой части влияния Муссолини, однако в нацистской верхушке существовали и другие проекты. Одним из них было создание «новой Европы» — блока формально независимых и равноправных государств, добровольных союзников Третьего рейха по «крестовому походу против мировой еврейской плутократии» (с 22 июня 1941 года к врагам добавится «иудео-большевизм»).

«Необходимость создания новой европейской цивилизации» стала одной из главных тем разговора рейхсминистра с новым итальянским послом Дино Альфиери 19 мая 1940 года. В марте Аттолико был отозван по настоянию Гит-

лера и Риббентропа и к огорчению Вайцзеккера. Нацисты просили прислать в Берлин бывшего генерального секретаря фашистской партии Роберто Фариначчи или Альфиери — министра народной культуры (то есть пропаганды), а затем посла в Ватикане. Поначалу дуче на ум пришла кандидатура шефа аппарата МИДа Филиппо Анфузо, но в итоге он выбрал Альфиери. Новый посол, как и его предшественник, не владел немецким языком, зато искупал это активным участием в светской жизни и способностями к пиару, подобно своему шефу Чиано. От него же он перенял предвзятое отношение к Риббентропу, с которым, по собственному признанию, «так и не смог установить человеческие отношения»¹.

Но прежде чем строить «новую Европу», предстояло разобрататься с последним противником — Великобританией. С одной стороны, Гитлер пребывал в уверенности, что она находится на последнем издыхании и жаждет мира, а потому с радостью откликнется на любое его предложение. С другой — продолжал считать необходимым сохранение Британской империи и сознательно не наносил ей последний, решающий удар. После разгрома Франции фюрер решил сделать Лондону очередное «великодушное предложение», поскольку слухи о попытках британских агентов в нейтральных странах выйти на контакт с немцами будоражили его воображение.

Привыкший чутко улавливать настроение вождя, Риббентроп поинтересовался у Фрица Хессе (который теперь работал у него экспертом по Англии) шансами на успех такой акции и тем, что могло бы подвинуть Альбион к диалогу. Хессе набросал следующий вариант: на Западе — отказ от территориальных аннексий и репараций, на Востоке — возвращение к границам 1914 года с восстановлением «остаточных» Польши и Чехии под международной гарантией; реституция всех германских колоний; трехсторонний пакт о ненападении с Англией и Францией с возможным отказом от союза с Москвой. Риббентроп заметил, что фюрер едва ли согласится на это, но начал работу над черновиком «мирной» речи, исходя из предложенного проекта.

Подготовка текста заняла неделю, еще столько же рейхсминистр колебался, прежде чем отнес его Гитлеру. Фюрер

пришел в ярость. «Похоже, г-н фон Риббентроп, — сурово сказал он, — вы совершенно забыли, что мы выиграли войну, а не проиграли ее... У меня совершенно иные планы!» Затем он поведал изумленному министру, что намерен разделиться с Россией, дабы лишить Англию последней надежды на спасение. Хессе относит разговор к концу июля 1940 года, но эта датировка неверна, ибо «мирная» речь была произнесена 19 июля, а двумя днями позже фюрер приказал приступить к разработке плана военной операции против СССР (в запасе у генштабистов такого плана не было).

Риббентроп скрыл свой провал даже от ближайшего окружения, тем более слухи о «великодушном предложении» продолжали циркулировать — возможно, для внешнегo употребления. Все стало на свои места, когда в речи Гитлера 19 июля мирным предложениям были отведены всего три неконкретные фразы: «В этот час я считаю долгом перед собственной совестью еще раз воззвать к разуму и здравому смыслу в Англии и других странах. Я уверен, что вправе обращаться с таким призывом, ибо я не проигравший, просящий пощады, но победитель, говорящий от имени разума. Я не вижу оснований для продолжения этой войны». Через три дня лорд Галифакс, выступая по радио, отверг любой компромисс с нацистами. Гитлер окончательно отказался от идеи вторжения в Англию, о чем Черчилль знал из перехваченных немецких радиogramм, но не спешил делиться информацией даже со своими министрами (эта история подробно описана Д. Ирвингом в книге «Война Черчилля»).

С Англией связан еще один эпизод биографии Риббентропа, относящийся к лету 1940 года и обросший массой домыслов. Речь идет о плане похитить герцога Виндзорского и его жену и попытаться использовать их как знамя «партии мира», в существование которой верила нацистская верхушка. Экс-монарх в звании генерал-майора был прикомандирован к британской военной миссии во Франции, после ее поражения — дабы избежать возможного плена — отправлен в Испанию, а затем назначен генерал-губернатором Багамских островов. Причины столь несолидного назначения очевидны: Георг VI, скверные отношения которого со старшим братом ни для кого не были секретом, и его советники во главе с Черчиллем решили отправить

бывшего короля как можно дальше от Европы, да еще под строгим присмотром контрразведчиков. Отказаться от назначения герцог не счел возможным, уезжать не хотел, а пока перебрался из нейтральной проосистской Испании в нейтральную пробританскую Португалию.

Воодушевленный сообщениями посла в Мадриде Эберхарда фон Шторера и посланника в Лиссабоне Освальда фон Гойнингена-Гюне о недовольстве бывшего короля своим положением и о его стремлении к миру, Риббентроп решил вступить с ним в контакт и даже подумывал вывезти в Испанию с тем, чтобы сделать фактическим пленником немцев. Миссия была возложена на Вальтера Шелленберга из Службы безопасности, прославившегося похищением двух английских агентов из голландского приграничного городка Венло в конце 1939 года. Герцог проявил некоторое внимание к германским авансам, но в итоге отплыл на Багамы в назначенный день. Сведения об этом содержатся в германских дипломатических документах, но детектива по ним не напишешь, а верить английской версии «мемуаров Шелленберга», неизвестно кем сочиненной, не стоит ни в коем случае².

2

Несмотря на поглощенность событиями в Европе, рейхсминистр не обходил вниманием доклады из Токио. До лета 1940 года они не радовали. Получив вызвавшее шок в Японии известие о заключении пакта Молотова—Риббентропа, министр иностранных дел Арита объявил послу Отту о прекращении переговоров с Берлином и Римом. В конце сентября Альбрехт Хаусхофер позвонил отцу из Берлина и огорошил вопросом, готов ли тот ехать послом в Токио. Хаусхофер-старший, которому месяцем раньше исполнилось 70 лет, решительно отказался³. Чья это была идея? Несомненно, Риббентропа — кто еще имел право делать такое предложение?

Кабинеты генерала Абэ Нобуюки и адмирала Ёнаи Мицумаса считались переходными, а их министры иностранных дел адмирал-атлантист Номура Китисабуро и непотопляемый хамелеон Арита были озабочены лишь балансированием между враждебными блоками великих

держав. Не внушал доверия и новый посол в Германии, хитрый и сладкоречивый Курусу. Беседа Риббентропа 8 июля 1940 года с бывшим министром иностранных дел Сато Наотакэ, приехавшим в Рим для экономических переговоров и нанесшим визит вежливости в Берлин, тоже ограничилась банальностями. На единственный конкретный вопрос хозяина о глубинных причинах японско-американского противостояния гость так и не дал внятного ответа⁴.

Ситуация изменилась в середине июля, когда в Токио разразился политический кризис. Кабинет Ёнаи ушел в отставку, не справившись с глобальными проблемами, точнее, не решившись взяться за них всерьез. Во внешней политике надо было делать выбор между Западом и «осью», во внутренней — переходить к авторитарной перестройке государства в «новую политическую структуру» (ропуск политических партий, профсоюзов и общественных организаций с последующим объединением их в массовое движение под лозунгами «помощи трону» и «всеобщей мобилизации нации», окончательное лишение парламента политического влияния, унификация идеологии и тотальный контроль над СМИ и системой образования), чего требовали различные группы правящей элиты и обществённости.

Выполнение обеих задач взял на себя принц Коноэ, возглавлявший кабинет министров с июня 1937 года по начало января 1939 года и теперь вновь назначенный премьером. Арита, которому уже никто не доверял, разделил судьбу Ёнаи. Вопрос о его преемнике приобрел особую важность, поскольку Коноэ заявил о намерении сосредоточиться на внутренней политике. Молва называла две кандидатуры — бывшего посла в Риме Сиратори Тосио и бывшего президента Южно-Маньчжурской железной дороги Мацуока Ёсукэ, имевшего собственное мнение по любому вопросу и высказывавшего его при первой возможности. В амбициозности они не уступали друг другу, поэтому, при определенном сходстве взглядов, их отношения вылились во взаимную неприязнь. Коноэ остановил выбор на старшем и более респектабельном Мацуока⁵.

Одним из первых шагов нового министра стало возобновление переговоров с Берлином и Римом о заключении

союза, в котором он хотел видеть такую же долгосрочную основу внешней политики, какой в начале века был англо-японский союз. 30 июля при его непосредственном участии был составлен меморандум «Об укреплении сотрудничества между Японией, Германией и Италией», за которым последовали проекты армии и флота и новый, обобщающий план МИДа. Несмотря на отдельные расхождения, все они имели целью военно-политический союз с конкретными взаимными обязательствами, включая содействие в урегулировании военных конфликтов. Проекты предусматривали поддержание добрососедских отношений с Москвой и совместные с Германией усилия по координации политики «оси» и СССР. Теперь инициатива скорейшего оформления союза исходила от Токио, точнее, лично от Мацуока. По его указанию Курусу активизировал свою деятельность, но без успеха, ибо не имел авторитета в нацистских кругах. Опыт прежних лет разуверил Вильгельмштрассе в способности японцев вести последовательную политику и брать на себя ответственность⁶.

Однако Риббентроп преодолел скепсис своего окружения и перешел к практическим шагам. 23 августа он сообщил Курусу, что Генрих Штамер получил ранг чрезвычайного и полномочного посланника и предписание отправиться со специальной миссией в Японию. Перед ним были поставлены три задачи: 1) выяснить подлинное отношение японского правительства к Германии; 2) начать переговоры о союзе, если Япония проявит заинтересованность; 3) немедленно информировать его по всем вопросам, требующим согласования с руководством рейха⁷. Штамер был известен как доверенное лицо Риббентропа, что придавало миссии особый вес.

Новость о приезде эмиссара из Берлина ускорила развитие событий. Подготовку предложений к конференции четырех министров (из прежних пяти «выпал» министр финансов) взял на себя лично Мацуока, хотя в Японии этим обычно занимаются чиновники более низкого ранга. 1 сентября на совещании руководства МИДа Сиратори, занимавший почетный, но декоративный пост советника министерства, выступил за «альянс четырех» с привлечением СССР, но министр отмахнулся от идеи вечного соперника,

чтобы позже выдавать ее за свою. 6 сентября план Мацуока, предусматривавший союз с Германией и Италией, был одобрен. На следующий день Штамер прибыл в Токио.

Первый раунд переговоров проходил 9—12 сентября в резиденции Мацуока в обстановке строгой секретности; третьим участником был посол Отт. Для удобства говорили на английском, которым все трое хорошо владели. Штамер начал с сообщения о целях и задачах своей миссии. Текст инструкций, полученных им от Риббентропа, неизвестен, однако в бумагах Коноэ сохранился меморандум с изложением его заявления (очевидно, со слов Мацуока):

«1. Германия не желает разрастания нынешнего конфликта в мировую войну и стремится завершить его как можно скорее. В особенности она желает, чтобы США остались в стороне от него.

2. Германия не ищет военной помощи Японии в настоящий момент в войне против Англии.

3. Она желает, чтобы Япония играла сдерживающую роль и любыми средствами предупредила вступление Соединенных Штатов в войну. Сейчас Германия думает, что США не вступят в войну, но не может полагаться на случай.

4. Германия считает маловероятным свой конфликт с США в обозримом будущем, но не может исключать возможности столкновения и войны между Японией и Соединенными Штатами.

5. Германия уверена, что достижение Японией и Германией (разумеется, с участием Италии) понимания или соглашения послужит к взаимной выгоде обеих стран, если они будут должным образом готовы в любой момент эффективно встретить чрезвычайную ситуацию. Только так возможно — если вообще возможно — предупредить вступление США в нынешнюю войну или, в будущем, в вооруженный конфликт с Японией.

6. Сильная и решительная позиция Японии, Германии и Италии, не оставляющая места сомнениям и заблуждениям, и осознание этого Соединенными Штатами и всем миром — только это может быть мощным и эффективным средством сдерживания США. Слабая, нерешительная позиция или декларация в данный момент только навлекут насмешки и усилят опасность.

7. Германия надеется, что Япония осознает важность ситуации, понимает силу и реальность потенциальной (возможно, неминуемой) опасности, исходящей из Западного полушария, и будет действовать быстро и решительно, дабы предотвратить ее заключением соглашения трех (Япония, Германия и Италия), чтобы ни у США, ни у остального мира не осталось никаких сомнений.

8. Едва ли нужно повторять, что Германия (и Италия) сделают все находящееся в их власти для сдерживания США в Атлантике и начнут снабжать Японию таким количеством вооружения (самолеты, танки и другая техника — по желанию Японии даже с экипажами), какое смогут выделить в разумных пределах, а также оказывать ей помощь всеми возможными способами. (Мацуока заметил, что эти вопросы могут и должны быть поручены смешанной военной и морской комиссии "оси", коль скоро Япония присоединится к "оси" в той степени, которой желает Германия.)

9. Разумеется, Германия признает и уважает политическое лидерство Японии в Великой Восточной Азии. Все ее [Германии. — В. М.] желания в этом регионе имеют экономический характер, и она готова сотрудничать с Японией в достижении ее целей. Естественно, она ожидает от Японии максимальных усилий по обеспечению деятельности германских предприятий и по снабжению ее материалами из этого региона, в которых она нуждается или может нуждаться.

10. Лучше сначала достичь соглашения между Германией, Италией и Японией, а затем немедленно обратиться к Советской России. Германия готова выступить в качестве честного посредника в деле сближения между Японией и Советской Россией и не видит никаких непреодолимых препятствий на этом пути, по которому можно пройти без особых трудностей. Германско-советские отношения хороши вопреки тому, что пытается утверждать британская пропаганда, и Россия выполняет все свои обязательства к удовлетворению Германии.

11. Несмотря на то, что страны "оси" (включая Японию) должны быть готовы к наихудшему развитию событий, Германия использует любую возможность для предотвращения столкновения между США и Японией и для улучшения отношений между ними, если это в человеческих силах.

12. Предлагая Японии присоединиться к "оси" в полном смысле слова и как можно скорее, еще до окончания войны против Англии, Германия имеет в виду перспективу колоссальной борьбы против Британской империи, против англосаксов вообще, включая Америку. (Короче говоря, он [Штамер. — В. М.] имеет в виду, что эта война должна превратиться в битву с англосаксами.) Нынешняя война может закончиться быстро, но великая борьба будет продолжаться десятки лет, в той или иной форме. (Мацуока выделил эту фразу.) Трое (Германия, Италия и Япония) будут стоять вместе, тесно связанные друг с другом, пока великая цель не будет окончательно достигнута.

13. Германский министр иностранных дел известит японского министра иностранных дел, когда он обратится к Италии с предложением принять участие в нынешней дискуссии. Германское правительство еще не совещалось с Италией. Ни Штамер, ни кто другой с германской стороны не информировали советских официальных лиц по данному вопросу.

14. Слова Штамера должны рассматриваться как исходящие прямо от Риббентропа»⁸.

Японский министр согласился с предложениями и взялся убедить коллег по кабинету. 12 сентября вопрос обсуждался на конференции четырех министров, но морской министр адмирал Оикава Косиро заколебался, опасаясь дальнейшего ухудшения отношений с США. Днем позже Мацуока встретился с его заместителем вице-адмиралом Тоёда Тэйдзиро, который посоветовал внести в текст будущего соглашения поправки, гарантирующие самостоятельность Японии при принятии решения о вступлении в войну в случае конфликта между Германией и Соединенными Штатами, а также оговорить необходимость улучшения отношений с СССР. На этих условиях флот давал добро, что и было закреплено на встрече министров 13 сентября.

На следующий день началось обсуждение текстов документов. Не останавливаясь на деталях, отмечу одно: положение о том, что договор не будет затрагивать отношений его участников с СССР, было внесено в него по инициативе Риббентропа.

Добившись 16 сентября согласия кабинета на германские предложения, Мацуока через три дня вручил Отту и

Штамеру проекты секретного протокола и двух нот к пакту. Протокол предполагал создание совместных военных и морских комиссий и предписывал сторонам консультации, сотрудничество и взаимную помощь в случае войны или ее угрозы, включая обмен информацией и поставки вооружения, в том числе новейшего. Секретные ноты должны были гарантировать Японии помощь со стороны Германии и Италии в случае ее конфликта с Англией (об ответной помощи в уже шедшей войне не говорилось!) и отказ Германии от своих бывших владений на Тихом океане в обмен на режим наибольшего благоприятствования в регионе по окончании войны⁹.

Министр заявил, что предложенные документы не ограничивают обязательств Токио, но помогут добиться одобрения пакта в Тайном совете, где в первую очередь встанет вопрос о его конкретных выгодах для страны, а также посоветовал подготовить и согласовать все документы на английском языке, чтобы позже торжественно подписать их на языках держав-участниц¹⁰. Отт и Штамер возразили, что обязательства должны быть взаимными и надо, по крайней мере, убрать из текста односторонние формулировки. Мацуока с легким сердцем пошел на это, полагая, что по достижении принципиального согласия урегулировать частные вопросы не составит труда.

Девятнадцатого сентября проект пакта был одобрен Императорской конференцией. Министр иностранных дел разъяснил, что Япония берет на себя обязательство автоматического вступления в войну в случае нападения на ее союзников, но на практике оставляет за собой право решать, когда и как это сделать, а также сообщил, что Германия готова содействовать нормализации японско-советских отношений¹¹.

А что же Италия? 10 сентября Осима спросил об этом Штамера. «Предоставьте Италию Германии», — лаконично ответил тот. В ее согласии в Берлине несколько не сомневались, тем более что Муссолини уже предпринял ряд шагов в желаемом направлении. Во-первых, в мае из Токио был отозван посол Джачинто Аурити, скептически относившийся к союзу с Японией и враждебно настроенный по отношению к СССР; 20 июля его более покладистый прием-

ник Марио Инделли вручил императору верительные грамоты. Во-вторых, при посредничестве Риббентропа были нормализованы отношения с СССР и возобновлено экономическое сотрудничество.

Рейхсминистр приехал в Рим 19 сентября и после рассказа об успехах в войне против Англии огорошил Чиано известием о готовящемся — в строжайшей тайне от всех — военном союзе с Японией. Главной целью пакта он назвал предотвращение вступления Америки в войну, а также заверил коллегу в том, что России можно не бояться: ее армия слаба, но фюрер все же принял необходимые меры предосторожности. «"Ось" займет дружественную позицию в отношении России», — недвусмысленно заявил Риббентроп, хотя Чиано занес в дневник: пакт может быть использован против США и СССР. Согласно германской записи, Муссолини ответил, что Италия придерживается политики сближения с Россией не искренне, а лишь «из оппортунистических соображений» и что сферы влияния «оси» и СССР должны быть четко определены. В остальном же он полностью согласился с предложениями Берлина — иного выхода у него попросту не было¹².

На следующий день Риббентроп, которому немедленно пересылались все телеграммы Штамера и Отта, известил дуче о ходе переговоров и о последних японских предложениях: секретный протокол, ноты, подписание в Токио, отвергнув их как «откровенно детские». Муссолини заметил, что если японцы и дети, то очень сообразительные. 22 сентября рейхсминистр решительно заявил, что пакт будет подписан в Берлине, и пригласил туда Чиано¹³. Текст соглашения был, наконец, согласован, но Мацуока продолжал настаивать на своем. 24 сентября Штамер и Отт, не имея санкции Берлина, согласились на то, что Япония оставляет за собой право решать вопрос о вступлении в войну. 26 сентября Тайный совет, удовлетворившись разъяснениями Коноэ и министров, одобрил пакт¹⁴. 27 сентября в Рейхсканцелярии Риббентроп, Чиано и Курусу поставили под ним подписи. Несмотря на пышность церемонии, итальянский гость отметил, что обстановка была «гораздо холоднее», чем при заключении «Стального пакта» в мае 1939 года¹⁵.

Тройственный пакт появился в то время, когда европейская война еще не переросла в мировую, но возможность такого поворота событий с каждым днем становилась все больше. Это в полной мере отразилось на его содержании:

«Правительство Великой Японской империи, правительство Германии и правительство Италии*,

признавая, что предварительным и необходимым условием сохранения длительного мира является предоставление каждому государству возможности занять свое место в мире,

считают основным принципом создание и поддержание нового порядка, необходимого для того, чтобы народы в соответствующих районах Великой Восточной Азии и Европы могли пожинать плоды сосуществования и взаимного процветания,

выражают решимость взаимно сотрудничать и предпринимать согласованные действия в указанных районах в отношении усилий, основывающихся на этой доктрине.

Правительства трех держав, преисполненные стремлением к сотрудничеству со всеми государствами, которые прилагают подобные усилия во всем мире, полны желания продемонстрировать свою непреклонную волю к миру во всем мире, для чего правительство Великой Японской империи, правительство Германии и правительство Италии заключили нижеследующее соглашение:

Статья 1. Япония признает и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии.

Статья 3. Япония, Германия и Италия соглашаются осуществлять взаимное сотрудничество, основывающееся на указанном курсе; если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в евро-

---

* Текст из японских архивов. Порядок перечисления стран-участниц менялся в зависимости от того, какому правительству предназначался данный экземпляр.

пейской войне и в японско-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами.

Статья 4. В целях осуществления настоящего пакта безотлагательно создается смешанная комиссия, назначаемая правительством Японии, правительством Германии и правительством Италии.

Статья 5. Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу с момента его подписания. Срок действия пакта — десять лет со дня вступления в силу. В любой момент в течение этого периода по требованию одной из держав, заключивших пакт, договаривающиеся стороны обсудят вопрос пересмотра настоящего договора»¹⁶.

В тот же день в Токио Мацуока и Отт обменялись тремя парами секретных писем в соответствии с японскими требованиями. Посол сделал это без ведома и согласия Риббентропа (от имени которого выступал!), что подтверждается отсутствием данных документов в германских архивах. Он ничего не сообщил шефу, переложив это на возвращавшегося домой Штамера, но тот понимал, чем рискует, и тоже никому ничего не сказал. Четверть века спустя Отт оправдывался, что письма не противоречили общему курсу Рейха, что основной текст пакта не освобождал Японию от обязательств и что ситуация требовала немедленных решений¹⁷.

Первое письмо гарантировало Японии «оказание полной поддержки и помощи всеми военными и экономическими средствами» со стороны Германии и Италии в случае нападения на нее. Второе извещало немцев о том, что «условия, существующие в настоящее время в Великой Восточной Азии и повсюду, не позволяют японскому правительству пребывать в уверенности, что в имеющихся обстоятельствах не существует возможности вооруженного конфликта между Японией и Великобританией, и в соот-

ветствии с этим оно желает обратить внимание германского правительства на такую возможность и заявить свою уверенность в том, что в таком случае Германия сделает все возможное для оказания помощи Японии всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении». Третье письмо содержало отказ Рейха от бывших тихоокеанских владений на условиях неназванного «вознаграждения». Ответы, как принято в дипломатической практике, текстуально подтверждали приведенные письма¹⁸.

3

Риббентроп прекрасно понимал, что Тройственный пакт приобретет смысл только при участии в нем СССР, хотя бы в силу географических причин. Еще 2 октября 1939 года Дриё ла Рошель записал в дневнике: «Вот и снова демократии ждут решений Сталина, Гитлера, Муссолини. Сформируют ли они триумvirат?»¹⁹

Непосредственно история несостоявшегося, но вполне вероятного политического, экономического и даже военного сотрудничества СССР с тремя державами как с единым целым начинается именно с подписания этого пакта. Официально Москва была оповещена о его подготовке лишь 26 сентября, когда германский поверенный в делах Вернер Типпельскирх (Шуленбург был в отъезде) явился к Молотову, снабженный инструкцией Риббентропа, предварявшей словами: «Ввиду сердечных отношений, существующих между Германией и Советским Союзом, я хотел бы заранее, строго конфиденциально, информировать о следующем...»

Тут опять начинаются загадки: секретная телеграмма рейхсминистра, полученная в посольстве в полдень, и меморандум на русском языке, врученный Молотову десять часов спустя, содержат количественно незначительные, но содержательно важные разночтения. Текст, подготовленный Хильгером и сохранившийся в советских архивах, гласит:

«1. Происходящая в демократических странах кампания поджигания войны, ищущая в настоящей стадии окончательного покорения Англии последний исход в расширении и удлинении войны, повела к переговорам между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией — с

другой. Эти переговоры, вероятно, в ближайшие дни приведут к подписанию военного союза между этими тремя державами.

2. Этот союз, соответственно с причиной своего происхождения, направлен исключительно против демократических поджигателей войны. Хотя это в договоре, согласно обычаю, не будет прямо сказано, однако это вытекает с полной ясностью из его формулировки.

3. Само собой разумеется, что этот договор не преследует никаких наступательных целей. Его исключительная цель направлена к тому, чтобы образумить элементы, стремящиеся к удлинению и расширению войны, доказав им воочию, что при вступлении в происходящую в настоящее время войну они автоматически будут иметь против себя прежде всего эти три великие державы.

4. Между договаривающимися державами с самого начала переговоров существовало полное единомыслие в том, что их союз никоим образом не затронет отношений, которые каждая из них имеет с Советским Союзом. Для того чтобы на этот счет и вовсе устранить всякие сомнения, в договор включена особая статья, говорящая о том, что политический статус, существующий между каждой из трех договаривающихся держав и Советским Союзом, этим договором не затрагивается. Это постановление означает, что не только договоры, заключенные этими тремя державами с Советским Союзом, в частности германо-советские договоры, подписанные осенью 1939 года, в полном объеме сохраняют свою силу, но что это вообще относится и к совокупности их политических отношений с Советским Союзом.

5. Следует думать, что договор окажет укрощающее влияние на поджигателей войны в демократических странах, что он будет противодействовать дальнейшему расширению настоящей войны и в этом смысле, может быть, послужит восстановлению всеобщего мира»²⁰.

Правка, внесенная в первоначальный текст (кем? когда? почему?), устраняла из него все прямые указания на то, что пакт имеет какое-либо отношение к США. Ранее в первом, втором и пятом пунктах говорилось о «поджигателях войны» конкретно в «Америке», а не в неких «демократических

странах», в третьем — об отсутствии у пакта «наступательных целей» не вообще, а «против Америки» и о вразумлении элементов, «настаивающих на вступлении Америки в войну». Послевоенная публикация германских документов содержит оба варианта с указанием, что Молотову был вручен измененный текст, но без каких-либо объяснений этого обстоятельства²¹. Принять такое решение мог только сам министр (но уж точно не поверенный в делах!).

Некоторый свет на события может пролить разговор Вайцзеккера с Шкварцевым 28 сентября. Статс-секретарь повторил полпреду основное содержание послания, сделав в записи примечательную оговорку: «В беседе я ограничился инструкциями, телеграфированными в Москву 25 сентября. Вместо того чтобы называть Америку в качестве державы, против которой пакт направлен, я использовал более общие определения, сказав, что предупреждение адресовано демократическим странам»²². Впрочем, в день подписания заведующий отделом печати МИДа Пауль Отто Шмидт на пресс-конференции в Берлине прямо заявил, что «пакт является предупреждением тем поджигателям войны, которые имеются в США»²³.

Молотов «выслушал сообщение очень внимательно» и поблагодарил поверенного. Однако советская запись показывает, что нарком был недоволен. Он несколько раз повторил, что «если бы Советский Союз заключил подобный договор, то Советское правительство проинформировало бы об этом Германское правительство», и «выразил желание ознакомиться с текстом самого договора и дополнительными секретными статьями его, если таковые имеются». «Желательно предварительно ознакомиться с текстом договора, — добавил он, — так как при этом возможно еще внести свои поправки»²⁴. Последнее в планы рейха не входило, хотя, как видно из истории токийских переговоров, причиной запоздалого информирования союзника (Молотов выстраивал беседу с Типпельскирхом как с представителем союзной страны) был не злой умысел, а бесконечные проволочки, ставившие под сомнение успех всего предприятия. Об этом в Москве тоже знали. «Зорге работал не покладая рук: он был в гуще событий, непрерывно общался с Оттом, Штамером, военными атташе, получал сведения

от них и от Одзаки [Ходзуми. — В. М.], обрабатывал их, зашифровывал и передавал [Максу. — В. М.] Клаузену для отправки — иногда через день, иногда ежедневно, а порой дважды в день»²⁵.

Осень 1940 года стала смотром потенциальных союзников Третьего рейха. В глобальном масштабе Риббентроп вынашивал план континентального блока Германия—Италия—Япония—СССР, в региональном — европейского союза Германия—Италия—Франция—Испания. Второй план был более утопическим при отсутствии мирного договора с Францией и наличии территориальных претензий к ней у Италии и Испании. Франция потерпела сокрушительное поражение, Третья республика рухнула, а на ее обломках, в неоккупированной зоне, возводилось авторитарное Французское государство во главе с маршалом Петеном, который, несмотря на почтенный возраст (84 года), взялся руководить страной в критической ситуации.

Муссолини и Франко исходили из принципа «горе побежденным», хотя не внесли в победу никакого вклада: первый руководствовался старым антагонизмом, второй не мог простить поддержки республиканцев. Гитлер в принципе был согласен удовлетворить амбиции дуче и каудильо за счет французов, но ему не нравилось их желание приступить к трапезе, не поучаствовав в ее приготовлении. Кроме того, слишком жесткие меры могли сплотить Францию, сохранившую контроль над военно-морским флотом и североафриканскими владениями. Поэтому Гитлер поддержал Риббентропа, который считал ее не только важной частью «новой Европы», но даже потенциальным союзником Германии.

Шестнадцатого сентября в Берлин прибыл испанский министр внутренних дел Рамон Серрано Суньер. Адвокат по профессии, бывший депутат республиканского парламента от националистической оппозиции, католик и антикоммунист, потерявший в гражданскую войну двух братьев, Суньер, несмотря на молодость (ему еще не было сорока), был не просто министром и лидером партии власти Испанская Фаланга, но доверенным лицом Франко, которому приходился деверем. Мастер политической интриги, обладавший острым холодным умом, он был в то же

время горячим патриотом своей страны, болезненно относившимся ко всему, что касалось ее суверенитета или международного престижа. У него сложились дружеские отношения с Чиано, но с Риббентропом гость общего языка не нашел. Нельзя сказать, что Гитлер и Риббентроп приняли его как вассала — прием был пышный и торжественный. Но подлаживаться под него они сочли излишним.

Вскоре после войны Суньер вспоминал: «Риббентроп — я пишу это для истории и со всем почтением, которое испытываю к трагедии его смерти, — с самого начала произвел на меня впечатление, которое позже не изменилось ни на йоту. Он показался мне малосимпатичным, как, думаю, и всем политикам, кому приходилось иметь с ним дело. Несмотря на приятный облик, он не был ни элегантным, ни замечательным; он постоянно раздувался от возбуждения, и это мешало видеть в нем ум или человечность. В его личности присутствовало нечто, что могло походить на твердость, невозмутимость или замкнутость дипломата, сознательно придавшего себе такой вид. Трудно было найти в нем черту, которая позволила бы установить с ним искренние отношения. Лично я ни при каких условиях и несмотря на его неизменную учтивость, так и не смог ее обнаружить. Все наталкивалось на тщеславие, которое он демонстрировал. [...] Я никогда не мог объяснить себе политическую фортуна этого человека».

Собственная «политическая фортуна» вопросов у Суньера не вызывала. В сфере традиционной дипломатии дон Рамон (вскоре назначенный министром иностранных дел) превосходил Риббентропа: внимательно слушал, мало говорил, отвечал уклончиво и деликатно. Однако уже первая беседа показала, что диалог будет трудным. Гитлер и Риббентроп хотели добиться от Испании вступления в войну против Англии с последующим занятием Гибралтара и Танжера, что закрыло бы противнику вход в Средиземное море и выход из него. На реальную военную помощь Испании они не рассчитывали, понимая, что страна не оправилась после разрушительной гражданской войны.

Франко и Суньер, находившиеся под впечатлением не только побед вермахта, но и осторожной тактики Муссолини, стремились получить как можно больше, давая вза-

мен как можно меньше. Демонстрируя лояльность рейху, они не решались на открытую конфронтацию с Лондоном; заявляя о готовности поддержать военные усилия «оси», они выставили Германии длинный перечень того, что им необходимо, причем немедленно. Перспектива возвращения Гибралтара, конечно же, льстила их амбициям, но они заявляли, что национальная гордость не позволит терпеть иностранных солдат на испанской земле — ни английских, ни германских. Суньера раздражал пропагандистский тон Риббентропа и особенно его вопросы. «Он напрямик спросил меня, какого числа, по моему мнению, Испания может вступить [в войну. — В. М.]. Я снова говорил ему о нашей дружбе, о ее мотивах, о наших надеждах, о наших обетах, равно как и о нашем плачевном экономическом положении». Как будто издевался...

Риббентропу достался крепкий орешек. Слушать его рассуждения Суньер не собирался, но и наш герой не привык молчать. Заявил, что «обязан на политическом поприще делать все, дабы максимально облегчить войну для германских солдат. Поэтому Германия приветствует каждого нового союзника и будет счастлива, если Испания тоже вступит в войну». Относительно притязаний на Марокко и Гибралтар заметил, что вопрос требует тщательного изучения. Отвечая на просьбы о поставках зерна и бензина, обратил внимание на то, что «в нынешней военной ситуации нет необходимости масштабных передвижений войск в Испании», но Суньер сразу же сослался на возможность высадки англичан на северо-западном атлантическом побережье Испании, где сохранялось влияние коммунистов, а также на неопределенность позиции французской армии в Марокко.

Рейхсминистр поинтересовался, как Испания относится к позиции соседней Португалии, «не верящей в германскую победу» (несмотря на симпатии к Муссолини и Франко, «фашистский диктатор» Салазар не думал присоединяться к фашистскому блоку), а затем попросил передать Германии один из Канарских островов для строительства военной базы. Гость ответил категорическим отказом со ссылкой на национальные чувства испанцев и на то, что победа над красными — уже огромный вклад в создание

«новой Европы». В ответ хозяин напомнил, что Испания не вернула рейху долги времен гражданской войны, но заниматься мелочевкой ему не хотелось. Экономические вопросы были переданы экспертам, военные — Гитлеру, который всегда проявлял к ним живейший интерес.

На следующий день фюрер принял Суньера и обсуждал с ним военные и технические вопросы. Из сугубо политических проблем он остановился на необходимости создать новую единую Европу и на растущей империалистической активности США. Вступления Испании в войну Гитлер не требовал, сказал несколько резких слов о Франции, но не поддержал рассуждения Суньера о благотельной роли католической церкви. За этим последовала новая беседа с Риббентропом, главной темой которой стал передел африканских колоний. Даже по записям Шмидта видно, что напряженность сохранялась. Рейхсминистр вернулся к вопросу о Канарах, германское военное присутствие на которых считал необходимым для организации обороны общего «жизненного пространства», но Суньер гордо ответил, что это «часть Испании, как Мадрид или Бургос» и что он даже не станет докладывать об этом каудильо. «Если американцы придут туда, будет слишком поздно», — заметил Риббентроп. «Мужество наших солдат защитит их», — парировал Суньер.

«Вот как я смог защитить целостность и независимость нашей национальной территории, — писал он вскоре после войны, — я, которого подлая иностранная пропаганда пыталась представить прислужником нацизма»²⁶. Учитывая судьбу Риббентропа и Чиано, можно сказать, что дону Рамону, прожившему почти 102 (!) года, крупно повезло...

Суньер и его свита провели в Германии восемь дней, знакомясь с достижениями режима и выехав на места недавних боев в Бельгии и Франции. За это время Риббентроп успел съездить в Италию и 19 сентября беседовал с Муссолини и Чиано о готовившемся Тройственном пакте и о возможной реакции держав на него. На следующий день рейхсминистр вручил собеседникам перевод письма Гитлера, адресованного Франко. Напомнив, что Испания страдает от британской блокады, даже не участвуя в войне, фюрер заявил: проблему решит только разгром Англии,

и посоветовал начать с Гибралтара²⁷. Муссолини сказал, что взять крепость не составит труда. Риббентроп предложил использовать приезд Чиано в Берлин на подписание Тройственного пакта, чтобы заключить секретный договор с Мадридом о вступлении в войну, так как на церемонии предполагалось присутствие Суньера²⁸.

Ситуацию прояснил ответ Франко от 22 сентября. В этом шедевре эпистолярного жанра почти каждый абзац начинался словами «Я согласен...», «Я полностью разделяю вашу точку зрения...» или «Искренне благодарю вас...», но результат оказался неутешительным: каудильо не дал конкретного согласия на вступление в войну, не говоря уже о каких-либо датах, обошел вопрос о передаче Германии одного из Канарских островов и сообщил о подготовке операции против Гибралтара своими силами, но с помощью германской техники. После этого «заверения в неизменной и искренней верности вам лично, германскому народу и делу, за которое мы сражаемся» на языке реальной политики стоили немного²⁹.

Очередная дуэль Риббентропа с Суньером состоялась 26 сентября. «Юркий иезуит», как охарактеризовал рейхсминистр партнера по переговорам, многозначительно заговорил о британских авансах Испании, об угрозе ей со стороны французской армии в Северной Африке, но ушел от ответа об участии в войне и о пакте с Германией и Италией, ограничившись замечанием, что он должен быть составлен «с исключительной осторожностью». Риббентроп продолжал задавать бестактные вопросы. Каково мнение каудильо относительно передачи рейху одного из Канарских островов? Дон Рамон ответил, что, насколько ему известно, ответ отрицательный — Испания сама укрепит и защитит архипелаг. Как насчет обмена некоторых африканских колоний на территории в Марокко, о чем речь шла еще 17 сентября? Опять нет — это старые испанские земли. Военные базы Германии на территории Марокко? И на это Франко не согласен. Экономика, торговля? Германия непременно получит все желаемое, но потом, а пока должно поставить все, что необходимо испанцам.

Отметив наличие разногласий, Риббентроп посоветовал Суньеру хорошо подумать перед встречей с фюрером,

заклучив беседу словами: «Германия сразу оценила огромные усилия Испании в гражданской войне, но считает, что и она немало поспособствовала успеху Франко. Ее позиция выросла из чувства дружбы, которое она всегда испытывала к Испании, в частности благодаря ее позиции в [Первой. — В. М.] мировой войне*. Следует учесть, что великая Испания будет возможна только при окончательной германской победе». Гость ничего не ответил, а в мемуарах не упомянул об этом разговоре, равно как и о беседе с Гитлером, состоявшейся днем позже и касавшейся в основном военных вопросов и позиции Португалии³⁰.

Все усилия Риббентропа пропали втуне. Оставалась надежда на личный контакт с Франко, но фюрер начал сомневаться в его полезности. 28 сентября он попросил Чиано поскорее организовать ему встречу с дуче для обмена мнениями. Риббентроп, несмотря на плохое самочувствие (он простудился на церемонии подписания Тройственного пакта и слег), присутствовал, но молчал и отменил все прочие встречи на этот день. Гитлер излил свое негодование по поводу испанцев, которые требуют много и конкретно (от 400 до 700 тысяч тонн зерна в год, всё недостающее топливо и военные материалы, артиллерию, самолеты и специально обученные части для захвата Гибралтара), обещая взамен лишь «дружбу». «Стоит подумать, — саркастически заметил он, — охота ли брать на себя подобные обязательства и отказываться от всех других возможностей... Соглашения с Испанией сведутся к обязательствам ее партнеров, а выполнять их придется Германии и Италии»³¹.

Чиано осторожно заметил, что его тесть тоже не слишком доволен Мадридом, а 1 октября выслушивал от своего друга Суньера жалобы на поведение немцев, особенно Риббентропа. «Но в этот раз, — записал он, — кое-что можно сказать и в его пользу. Годами испанцы требуют многого и ничего не дают взамен. Да и Серрано мог бы выражаться по-другому»³².

Десятого октября Суньер прислал Риббентропу почти-издевательское письмо об укреплении обороны

---

* В течение всей войны Испания сохраняла нейтралитет и не участвовала в создании Версальской системы.

Марокко и Канарских островов и обещал скорый ответ на вопрос о военном союзе³³. Через несколько дней он стал министром иностранных дел. Угадать реакцию Берлина нетрудно, хотя предыдущий глава МИДа Хуан Луис Бейгбедер имел репутацию англофила, если не английского агента...

Очередная встреча с дуче состоялась 4 октября. Гитлер подробно рассказал ему о подготовке вторжения в Англию, умолчав о том, что уже отказался от этой идеи, заявил, что не стоит бояться России, и начал жаловаться на Испанию, не желающую вступать в войну, когда это необходимо, и предоставить Рейху базы в Марокко и на Канарах. Франко ссылаясь на внутривосточную нестабильность и полное расстройство экономики, включая транспортную сеть, в чем Гитлера убедили сообщения главы Абвера адмирала Канариса. Канарис, служивший там в годы Первой мировой войны и бывший давним знакомцем Франко, по приказу фюрера несколько раз ездил за Пиренеи для изучения ситуации и представил ее в самом черном цвете, для пущей важности сославшись на авторитет посла Шторера, своего старого приятеля. «Без иностранной помощи Испания может вести только очень короткую войну» — таков был итог его доклада от 10 августа, пересланного Риббентропу.

Гитлер не знал, о чем Канарис на самом деле говорил с Каудильо и его генералами, иначе адмирала наверняка повесили бы на четыре с половиной года раньше. Шеф Абвера сказал, что вторжения в Англию не будет, но предостерег от любых акций против Гибралтара, посоветовал испанцам просить у немцев те орудия, которые уже перестали выпускать, а главное — рекомендовал Франко и Суньеру ни при каких условиях не соглашаться на вступление в войну и максимально преувеличить тяжесть положения страны. Каудильо и его министр разыграли партию в соответствии с предложениями Канариса, который по возвращении в Берлин доложил, что так и не смог убедить «этих упрямых испанцев»³⁴.

Гитлер упомянул о долге в 400 миллионов рейхсмарок, о котором не напоминал Франко до окончания гражданской войны, но который тот после победы обязан заплатить «как честный человек» (последние слова вычеркнуты из официальной записи). С нарастающим раздражением он повто-

рил, что испанцы обещают абстрактную дружбу в обмен на удовлетворение территориальных притязаний, которые окончательно оттолкнут Францию от «оси» и сделают ее колонии в Северной Африке легкой добычей англичан. Желая успокоить дуче, он заметил, что о восстановлении прежней мощи и престижа Франции не может быть и речи, но с Франко придется поговорить начистоту и всерьез. Муссолини кивал и соглашался, отпуская антибольшевистские реплики. По свидетельству Чиано, он редко видел тестя в столь приподнятом настроении³⁵.

Гитлер и Риббентроп встретились с Франко и Суньером 23 октября 1940 года в городке Хендайе на французско-испанской границе. Момент истины состоялся. Похожий на араба, Франциско Франко мягким, мелодичным голосом, «как у муэдзина, сзывающего правоверных на молитву» (сравнение принадлежит Шмидту), рассыпался в комплиментах Гитлеру, благодарил «за все, что Германия уже сделала для его страны», уверял, что «Испания в будущем еще теснее свяжет себя с рейхом, поскольку исторически между Испанией и Германией существовали лишь соединяющие, а не разделяющие силы», и заявил, что его страна «будет охотно сражаться на стороне Германии», но «фюреру хорошо известны трудности, которые ей предстоит преодолеть».

Чем более медоточив был Франко, тем сильнее раздражался его собеседник. Наконец каудильо заявил, что готов присоединиться к Тройственному пакту, но с сохранением этого решения в секрете до вступления Испании в войну (дату которого так и отказался назвать) и при условии удовлетворения всех его требований. Гитлер говорил в основном о непобедимости рейха, предоставив вести неприятный разговор с Суньером Риббентропу. Тот потребовал подписать протокол о присоединении Испании к «оборонительному» Тройственному и «наступательному» Стальному пакту и о вступлении в войну против Англии на условиях возвращения Гибралтара и передела колоний в Африке после окончания войны и заключения мирных договоров.

Суньер проявил максимум неуступчивости, затеяв споры едва ли не по каждому пункту, и рейхсминистр отправил его домой, как строгий учитель нерадивого учени-

ка со словами: «Текст должен быть здесь завтра в восемь утра. Я уезжаю, потому что мы встречаемся с маршалом Петеном». Утром Суньер не появился, прислав вместо себя посла в Берлине Эугенио Эспиносу-де-лос-Монтероса с новым проектом протокола — категоричным в области требований и расплывчатым в части обязательств. Документ был сразу же возвращен гонцу. Эспиноса, говоривший по-немецки с мягким венским акцентом, сказал, что передаст текст каудильо и сообщит о его решении. Называя Франко «неблагодарным трусом», а его министра «иезуитской свиньей», Гитлер и Риббентроп отправились в путь³⁶.

«Ни предпочтение, ни чувство благодарности, ни даже открывающиеся возможности не весили столько, чтобы подвинуть Испанию к вступлению в войну на той или другой стороне. [...] Испания смогла, несмотря на симпатию и долг признательности, на традиционную верность обязательствам и страх перед коммунизмом, удержаться от наступательного союза с "осью". Но что было для нее невозможно, так это вступить в войну против "оси"», — оправдывался Суньер в мемуарах, в которых встреча в Хендайе вообще не упомянута — говорят, в силу запрета со стороны Франко³⁷.

Восемнадцатого ноября испанский министр приехал в Оберзальцберг, куда его пригласил Гитлер для обсуждения неназванного «вопроса исключительной важности». Суньер догадался, о чем пойдет речь, но изобразил растерянность, когда фюрер заявил о необходимости скорейшей оккупации Гибралтара и Марокко силами вермахта. Со времени предыдущего свидания ситуация изменилась: кампания Муссолини против Греции, предпринятая без консультации с Берлином и вопреки советам собственных генералов, в первые же дни обернулась поражением и осложнила общее положение стран «оси», за что Чиано как один из инициаторов этой войны в тот же день получил взбучку от фюрера. Гитлер и Риббентроп пытались втолковать Суньеру, что чем раньше его страна вступит в войну, тем скорее та закончится и тем меньше будут жертвы и потери, а ссылку на внутреннюю нестабильность отвели утверждением, что именно внешний фактор сплотит народ³⁸.

Но и эта стрела пролетела мимо цели. Последнюю точку поставил декабрьский приезд Канариса в Мадрид. Ус-

лышав, что на 10 января 1941 года запланирован ввод вермахта на территорию Испании для оккупации Гибралтара, каудильо встал на дыбы. Операцию пришлось отменить. Кстати, Хессе, со слов Риббентропа, утверждал, что Гитлер сделал это не из-за сопротивления Франко, а из-за нежелания наносить англичанам удар, которого они бы никогда не простили³⁹.

4

Рандеву Гитлера и Франко в Хендайе, считающееся одним из поворотных пунктов войны, было обрамлено двумя не менее важными событиями: встречами во французском городке Монтуар, вблизи Тура, с вице-премьером Лавалем (22 октября) и главой Французского государства Петеном (24 октября). Помимо официальных записей в нашем распоряжении есть свидетельства Лавала, Абеца и де Бринона — знакомые всё лица!⁴⁰

Риббентроп ограничил свой рассказ несколькими строками, но не забыл с горечью добавить: «Почетное обращение с побежденным маршалом Петеном в Монтуаре резко контрастирует с тем обращением, которому подверглось побежденное германское правительство со стороны Нюрнбергского суда, в котором участвовала и Франция»⁴¹.

Французский вариант принципиально отличался от испанского. Каудильо был победителем и хозяином в собственной стране; правительство Петена, по словам Гитлера, «находилось в прискорбном положении, вынужденное покончить с войной, за которую не несет ответственности, но в последствиях которой его обвиняют» (разговор с Франко в Хендайе). Как глава государства Петен получил исключительные полномочия от большинства Национального собрания, но выход из кризиса в июле 1940 года был организован Лавалем, хотя маршал считал его плебеем, популистом и интриганом.

В августе 1940 года в оккупированном Париже при штабе немецкого командования появилось представительство Вильгельмштрассе во главе с Абецом, получившее в ноябре ранг посольства. До заключения мирного договора послу некому было вручать верительные грамоты, но он отвечал за решение всех политических вопросов как в оккупиро-

ванной, так и в неоккупированной Франции. Его главным партнером стал де Бринон — полномочный представитель правительства Виши в оккупированной зоне, тоже в ранге посла. В курортном городке Виши, где обосновалось правительство Петена, представителей рейха не было.

Инициатива переговоров с Лавалем принадлежала Риббентропу и Абецу. Гитлер пожелал встретиться не только с ним, но и с Петеном, ибо привык разговаривать с первыми лицами. Всего за несколько часов Лаваль узнал, с кем будет говорить. Вице-премьер держался без раболепства, но с сознанием того, что представляет побежденных. Он заявил, что объявление войны было «величайшим преступлением, совершенным на всем протяжении французской истории», и что «искреннее и безоговорочное сотрудничество с Германией является единственным спасением Франции». С первым утверждением Гитлер согласился, напомнив, что до последнего пытался избежать столкновения. Франция должна ответить за содеянное материально и морально, внося свой вклад в борьбу с общим врагом. Относительно того, что победа будет за Германией, а общим врагом является Англия, разногласий не было. Лаваль не стал вспоминать, что одной из причин его нелюбви к коварному Альбиону было англо-германское морское соглашение 1935 года, главный автор которого теперь сидел рядом с фюрером. Собеседники сошлись во мнении, что говорить о мирном договоре до конца военных действий в Европе рано, но Лаваль связал перспективу сотрудничества с достойными условиями мира. «Мир как мщение мне не нужен», — ответил фюрер. Главным результатом стала договоренность о встрече Гитлера с Петеном. Риббентроп молчал, но позже отвел душу в долгом разговоре с де Бриноном, с которым не виделся с февраля 1939 года.

На следующее утро Гитлер и Риббентроп отправились на беседу с Франко, а Лаваль в Виши — сообщить Петену итоги переговоров и передать приглашение на встречу с фюрером. Решив «взять верх в поражении, как наш противник смог взять верх в победе», маршал приехал в Монтуар на двух машинах с небольшой свитой. Гитлер приказал своим ни в коем случае не опаздывать, поэтому Риббентропу и Шмидту, ожидавшим в Хендае ответ Суньера, часть пути

пришлось проделать на самолете в условиях воздушной бури. Расстроенные переговорами с Франко, немцы постарались оказать французам максимум внимания, рассчитывая хотя бы здесь добиться своего. Рейхсминистр подготовил письмо на имя Лавалля и германо-итало-французский протокол. Франции предлагалось объявить войну Англии и самостоятельно защищать свои африканские колонии, для чего ей предоставлялась бóльшая свобода в военной области, чем предполагали условия июньского перемирия.

Попытка англичан потопить французский флот в Мерсель-Кебуре 3 июля 1940 года, стоившая жизни 1300 моряков, привела к разрыву дипломатических отношений и прибавила Лондону врагов, включая морского министра адмирала Франсуа Дарлана. Германия провозглашала, что «Франция должна по справедливости занять место в реорганизованной Европе и французский народ должен участвовать в будущем сотрудничестве европейских народов», обещала ослабление оккупационного режима немедленно и передел африканских колоний в будущем. Оба документа были уже переведены на французский, но Гитлер оказался не готов на уступки и отправил их в архив⁴².

Фотография исторического рукопожатия маршала и ефрейтора Первой мировой с застывшим между ними гусарским обер-лейтенантом Риббентропом обошла все газеты мира. Встречу, бывшую для многих воплощением надежды на то, что побежденных ждут не только унижение и порабощение, позже объявили символом предательства. Сама же беседа практических результатов не дала. Гитлер «начал с выражения сожалений о том, что вынужден принимать маршала Петена при столь печальных обстоятельствах». Собеседник ответил, что «тронут пониманием трагической позиции, в которой находится», «сожалеет, что их сотрудничество не началось раньше, в предвоенные годы», но надеется, что «еще есть время наверстать упущенное». Как и Лаваль, Петен внимательно слушал, дал принципиальное согласие на «политику сотрудничества», но отказался обсуждать его конкретные формы до консультации с министрами. Объявление войны Германии правительством Даладье он назвал не преступлением, но чудовищной глупостью, де Голля, который с помощью англичан пытался

развернуть войну в колониях, — плохим французом и изменником, а также объяснил фюреру, что может объявить войну Англии только с санкции парламента, который остался в довоенном составе, с выборов 1936 года, принесших победу Народному фронту. «Я чувствовал тогда и чувствую сейчас, — писал после войны Шмидт, — что Франция не имеет никаких оснований стыдиться отношения этих двух французоз к победителю в Монтуаре».

Гитлер и Риббентроп требовали не объявления войны, а только сотрудничества, хотя пригрозили тяжелыми условиями мира в случае отказа. Они не знали, что Петен вел двойную игру. В эти дни в Лондоне тайно находился его эмиссар Луи Ружье, целью которого было договориться с Черчиллем. Соглашение было заключено в виде секретного протокола: британский премьер собственноручно исправил текст... существование которого отрицал до конца жизни⁴³. После войны адвокаты Петена пытались привлечь к нему внимание правосудия, но тщетно.

Луи-Доминик Жирар, назвавший встречу «дипломатическим Верденом», подвел баланс ее итогам. Гитлер и Риббентроп получили заверения в том, что Франция не поддержит Англию, будет сама защищать свои колонии и сотрудничать с рейхом в экономической области, поэтому военное присутствие на ее территории можно сократить. Петен и Лаваль сохранили суверенитет Франции над флотом и колониями, которые могли стать потенциальной базой для освобождения метрополии; сохранили в строю, причем вне зоны германского контроля, часть армии, включая командный состав; начали процесс возвращения военнопленных (около двух миллионов!) из Германии; спасли экономику страны от разорения и потенциальной депортации рабочей силы; выиграли время для наращивания Соединенными Штатами военной мощи⁴⁴.

Монтуар мог стать началом полноценного сотрудничества, но оказалось, что ни одна из сторон в нем не заинтересована. В июне 1944 года (!) Петен иронически заметил специальному представителю фюрера Сесию фон Ренте-Финку: «Я все время ждал и до сих пор жду предложений, которые г-н Гитлер обещал мне направить». После войны сам Ренте-Финк подвел неутешительный итог: «Монтуар

является самым большим провалом германской политики в отношении Франции. Мы ничего не получили и потеряли почти все, что имели. Мы не смогли ни привлечь Францию на нашу сторону, ни оккупировать всю ее территорию. Если бы не было Монтуара, возможно, не было бы ни высадки союзников в Северной Африке, ни нашего поражения»⁴⁵.

Встреча имела как минимум одно последствие, связанное с Риббентропом. По его инициативе Гитлер сделал примирительный жест в сторону Франции: распорядился в ночь с 14 на 15 декабря 1940 года — в сотую годовщину перенесения останков Наполеона в Дом инвалидов — перенести туда же из Вены останки его сына, Римского короля и герцога Рейхштадтского, известного как Орлёнок. Эту идею Риббентропу еще в ноябре 1938 года подбросил публицист Жак Бенуа-Мешен, сторонник франко-германского сближения. Рейхсминистр скептически отнесся к этим «романтическим мечтаниям», но Абец убедил его поговорить с Гитлером, который в восторге воскликнул: «Вот великолепное предложение! Уверен, что французы будут в сто раз чувствительнее к подобному поступку, чем если бы я подписал десять торговых соглашений к выгоде французских бакалейщиков. Я не хочу вести в отношении Франции бакалейную политику».

Церемонию хотели приурочить к декабрьскому визиту Риббентропа в Париж, но всё испортили итальянцы с криками о Корсике и Савойе, и от перенесения останков пришлось отказаться. Два года спустя проект был воскрешен. 12 декабря Гитлер личным письмом пригласил Петена на церемонию, куда, по слухам, собирался приехать сам. Однако в Берлине не знали о зревших в Виши интригах. Маршалу, уже собравшемуся в путь, внушили, что на оккупированной территории он будет похищен немцами, а Лаваль займет его место. 13 декабря произошел дворцовый переворот, организованный министром юстиции Рафаэлем Алибером и министром внутренних дел Марселем Перутоном с согласия Петена. Лаваль был снят со всех постов и посажен под домашний арест, закон о его назначении наследником главы государства отменен, пост вице-премьера упразднен. Руководство кабинетом взяла на себя Директория в составе министра иностранных дел Пьера Фландена, министра на-

циональной обороны генерала Шарля Ханциже и морского министра адмирала Франсуа Дарлана, который и отправился почтить память Орлёнка. Церемония прошла скромно.

Противники сотрудничества с Францией, которых в руководстве рейха хватало, торжествовали. Риббентропу пришлось отказаться от запланированной поездки в Париж для переговоров о смягчении оккупационного режима, но Абец уговорил шефа вступить за Лавалю как гаранта политики сотрудничества и потребовать его возвращения в правительство. 17 декабря, заручившись согласием рейхсминистра, посол отправился в Виши, чтобы сделать Петену внушение, но добился лишь освобождения Лавали из-под стражи, замены нескольких неудобных немцам министров и назначения де Бринона полномочным представителем в оккупированной зоне. В отношении Лавали маршал остался непреклонен, письменно изложив Гитлеру свою позицию⁴⁶. Экс-вице-премьер был отпущен в Париж после того, как обещал Петену воздерживаться от политической деятельности, и в январе 1941 года Абецу удалось формально помирить их⁴⁷. Однако только в апреле 1942 года Лаваль попросит вернуться в правительство. Встреча фюрера с Дарланом, назначенным главой Директории, 24 (по другим данным, 25-го) декабря в присутствии Абеца, но без Риббентропа показала, что во французской политике появился новый человек, с которым придется считаться⁴⁸.

Из Монтуара спецпоезд Риббентропа выехал в направлении Парижа для продолжения переговоров, но вернулся с полпути и помчался во Флоренцию вслед за фюрером, тоже изменившим маршрут. Гитлер узнал, что Муссолини вот-вот нападет на Грецию, и решил отговорить его от самоубийственного шага, но было поздно. Дуче не предупредил союзника, желая отплатить за его прошлые сюрпризы. «Фюрер, мы выступили!» — гордо сказал он по-немецки, встречая Гитлера на перроне. Гость энтузиазма не проявил и обошел эту тему, когда читал соратнику лекцию о международном положении. Муссолини завел разговор о территориальных притязаниях Италии к Франции, которая должна платить, как будто он одержал над ней победу. Но наибольшее внимание хозяев привлекло известие о предстоящем визите Молотова в Берлин⁴⁹.

ГЛАВА 10
**ЕВРАЗИЙСКИЙ СОБЛАЗН
(1940)**

*Потому что искусство политики
требует жертв...*

Феликс Кокошкин

1

Тринадцатого октября 1940 года Риббентроп написал Сталину письмо с изложением своих геополитических идей (полный текст в приложении), которое было немедленно передано в Москву. 17 октября Молотов получил русский текст из рук Шуленбурга, который пояснил, что содержащееся в нем предложение о конференции четырех держав пока ни с кем не согласовано. Нарком возразил, что об этом уже открыто говорят иностранные журналисты.

«Шуленбург отвечает, что он совершенно ничего не понимает [...], заявляет, что он не выпускал из рук письма и что кроме Гитлера, Риббентропа, Шуленбурга и Хильгера [который осуществлял перевод. — В. М.] никто не знает содержания письма. [...] но он предполагает, что эти слухи возникли в Берлине, а оттуда уже проникли в Токио»¹. 16 октября информация просочилась в японскую газету «Хоти», связанную с военными кругами, но установить ее источник не удалось. 19 октября ТАСС официально опроверг сообщение. В тот же день Молотов известил Шуленбурга, что приглашение посетить Берлин принято, а письменный ответ будет дан 21 октября².

Письмо Сталина было недвусмысленным, кратким и деловым:

«Многоуважаемый господин Риббентроп!

Ваше письмо получил. Искренне благодарю Вас за доверие, так же как за поучительный анализ последних событий, данный в Вашем письме*.

---

* Хильгер увидел скрытый сарказм в словах благодарности за «поучительный анализ».

Я согласен с Вами, что вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу разграничения своих отношений на длительный срок.

В. М. Молотов считает, что он у Вас в долгу и обязан дать Вам ответный визит в Берлине. Стало быть, В. М. Молотов принимает Ваше приглашение. Остается договориться о дне приезда в Берлин. В. М. Молотов считает наиболее удобным для него сроком 10—12 ноября. Если он устраивает также Германское правительство, вопрос можно считать исчерпанным.

Я приветствую выраженное Вами желание вновь посетить Москву, чтобы продолжить начатый в прошлом году обмен мнениями по вопросам, интересующим наши страны, и надеюсь, что это будет осуществлено после поездки Молотова в Берлин.

Что касается совместного обсуждения некоторых вопросов с участием представителей Японии и Италии, то, не возражая в принципе против такой идеи, мне кажется, что этот вопрос следовало бы подвергнуть предварительному обсуждению.

С глубоким уважением, готовый к услугам И. Сталин»³.

«Молотов добавил устно, — телеграфировал Шуленбург, — что он планирует прибыть в Берлин 10, 11 или 12 ноября»⁴.

Нарком ехал в Германию готовый к конкретному деловому разговору, о чем свидетельствуют его записи «Некоторые директивы к берлинской поездке», сделанные «для памяти» по указаниям Сталина, если не непосредственно под его диктовку⁵. Цель поездки изложена в них следующим образом (для удобства читателя раскрываю без дополнительных обозначений сокращения, расшифровка которых не вызывает сомнений; выделенные слова подчеркнуты Молотовым):

(а) *Разузнать* действительные намерения Германии и всех участников Пакта 3-х (Германия, Италия, Япония) в осуществлении плана создания "Новой Европы", а также "Великого Восточно-Азиатского Пространства"; *границы* "Новой Европы" и "Восточно-Азиатского Пространства"; *характер* государственной структуры и отношения отдель-

ных европейских государств в "Новой Европе" и в "Восточной Азии"; *этапы и сроки* осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х; *место СССР* в этих планах в данный момент и в дальнейшем.

б) *Подготовить* первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Германией (а также с Италией), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и Италией на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риббентроп в ближайшее время».

Относительно намерений Германии и ее союзников сомнений у Сталина и Молотова не было — Советской России предлагался политический, а возможно, и военный союз. При наличии изрядно обескровленной, но полностью сохранившей колониальную империю и лояльность доминионов Великобритании и совершенно не затронутых войной Соединенных Штатов это было рискованное предложение, принимать которое стоило только при наличии значительных выгод и гарантий собственной безопасности. Далее по пунктам шли конкретные требования и вопросы, свидетельствовавшие о серьезности подхода к проблеме.

Предписывая не заключать во время визита никакого соглашения, Сталин, очевидно, решил еще раз сыграть в свою любимую игру на выжидание, но от перспектив союза не отказывался, поскольку о последующем, притом скором, визите Риббентропа в Москву говорится как о деле решенном. Историк Л. А. Безыменский резонно заметил: «Этот ход значительно облегчал задачу Молотова, поскольку любые предварительные договоренности можно было бы уточнить (или отменить) на следующем этапе, участником и хозяином которого, естественно, должен был стать сам Сталин. В своих воспоминаниях дипломат В. М. Бережков, который как переводчик присутствовал в Берлине под фамилией Богданов, счел нужным обратить особое внимание на то, что Сталин хотел увенчать своим присутствием заключительный этап оформления новой стадии советско-германских отношений»⁶.

Для того чтобы визит в любом случае показался результативным и не разочаровал хозяев, предполагалось следующее: «Предложить сделать *мирную акцию* в виде открытой декларации 4-х держав (если выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болгария, Турция и др.) на условиях сохранения Великобританской Империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия теперь владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний и немедленного предоставления Индии прав доминиона».

Молотов ехал в Берлин подготовленным к конкретному разговору, что свидетельствует о серьезности намерений Москвы. В противном случае его совершенно секретные записи, сделанные для себя и только для себя, а не для истории, были бы совершенно иными.

Готовились к визиту и в «новой Европе». 4 ноября Риббентроп встретился с Чиано, чтобы сверить часы. «Первоочередной проблемой, как по времени, так и по важности, являются отношения России с "осью" и с Японией. Хотя работа в этом направлении только началась, г-н фон Риббентроп считает возможным вести переговоры о соглашении между державами Тройственного пакта и Россией после визита Молотова в Берлин, который состоится 11 числа этого месяца. Во время переговоров он [Риббентроп. — В. М.] будет находиться в тесном контакте с итальянским и японским правительствами. Поскольку возможность достижения военного соглашения с Россией исключена, Риббентроп считает, что политический и экономический договор должен быть основан, прежде всего, на взаимном признании территориальной ситуации [сфер влияния. — В. М.], на обязательствах каждой из сторон ни в коем случае не оказывать помощи врагам другой и, наконец, на положении о широкомасштабном сотрудничестве и дружбе. К договору должны быть приложены два секретных протокола. [...] [Далее излагается проект, который будет подробно рассмотрен ниже. — В. М.] Что касается итальянско-русских отношений, Риббентроп признал желательность некоей акции, направленной на то, чтобы сделать их бо-

лее сердечными, но в ожидании заключения пакта четырех держав попросил нас пока отложить какие-либо шаги в сторону двустороннего соглашения. [...] По его мнению, если не произойдет ничего нового, Московский пакт [вот уже и название появилось! — В. М.] может быть заключен в течение несколько недель»⁷.

2

Диалог в Берлине оказался куда более сложным и напряженным, чем предполагали обе стороны. Сталин и Молотов думали, что Гитлер и Риббентроп хотят достичь согласия — хотя бы временного, поскольку в долгосрочное, стратегическое партнерство с рейхом не верили, — и были готовы торговаться. Настроенный на стратегическое партнерство, Риббентроп был готов к торгу, в отличие от Гитлера, не верившего в возможность партнерства с Москвой. Фюрер вообще не привык обсуждать какие-либо варианты, отличные от его собственных. Он был мил и любезен, когда с ним соглашались сразу, — так было с Муссолини или Хорти. Но он был гневен, когда с ним не соглашались, — так было с Шушнигом перед аншлюсом. Он менял гнев на милость, когда гнев производил должное впечатление, — так было с Чемберленом перед Мюнхенским соглашением. Он спокойно и величественно принимал покорность — так было со всевозможными кондукторами и поглавниками вассальных стран. Он мог демонстрировать уважение к старшим и благородство к побежденным — так было с Петеном. И неизменно добивался своего — кроме случая с Франко. На сей раз дело обстояло по-иному. «Представители Германии и Советской России собрались в Берлине для серьезного, профессионального бокса. [...] Так в моем присутствии с Гитлером не разговаривал ни один иностранец», — вспоминал Шмидт⁸.

Предварительная информация о визите появилась в печати 10 ноября в виде предельно краткого коммюнике. Молотов посетит Берлин, говорилось в нем, «чтобы в рамках дружественных отношений, существующих между обеими странами, путем возобновления личного контакта продолжить и углубить текущий обмен мнениями». Составившая его одна-единственная фраза была предложена Риббентро-

пом, но на протяжении целой недели служила предметом обсуждения, согласования и дипломатической переписки между обеими столицами.

Визит был обставлен с большой пышностью. Советская делегация насчитывала более шестидесяти человек, включая охрану и службу. Молотова сопровождали его заместитель Владимир Деканозов, нарком черной металлургии Иван Тевосян, заместитель наркома внутренних дел Всеволод Меркулов, заместитель наркома внешней торговли Алексей Крутиков, заместитель наркома авиационной промышленности конструктор Александр Яковлев, шеф протокола Владимир Барков, группа дипломатов и военных экспертов, а также послы Шуленбург и Шварцев. Переводить переговоры должны были Павлов и Хильгер, вести протокол — Бережков и Шмидт.

На границе делегацию ждал спецпоезд германского правительства, но Молотов отказался пересесть в него и продолжал поездку на своем. 12 ноября в 10:45 утра на Ангальтском вокзале в Берлине кроме Риббентропа его встречали Генрих Гиммлер, Вильгельм Кейтель и Роберт Лей (Геббельс и Розенберг от этой церемонии уклонились). Ждали Геринга, но он не появился. Был исполнен остававшийся до конца 1943 года государственным гимном СССР «Интернационал» — наверно, впервые в Берлине после прихода нацистов к власти. Когда на Вильгельмштрассе обсуждался протокол встречи, Шмидт пошутил, что многие немцы, наверно, будут подпевать, так как еще не забыли слова, и тут же поймал на себе сердитый взгляд Риббентропа. Но ничего — гимн играл, дипломаты стояли навтыжку, генералы отдавали честь*. Министры обошли строй почетного караула, а затем гости отправились в отведенный им бывший кайзеровский дворец Бельвю.

График переговоров был насыщенным. После краткого отдыха Молотов встретился с Риббентропом. Готовя советского гостя к беседе с фюрером, хозяин обрисовал ему стратегическую ситуацию, какой ее видели в Берлине (я использую советские записи, иногда дополняя их германскими)⁹.

---

* В мемуарах Шмидт утверждал, что «Интернационал» при встрече не исполнялся, но это явная ошибка.

«Германия уже выиграла войну... Никакое государство в мире не в состоянии изменить положения, создавшегося в результате побед Германии... Мы переживаем начало конца Британской империи. Англия разбита, и когда она признает поражение — это только вопрос времени... Англия имеет одну надежду — помощь США... Вмешательство США и какие-либо новые действия Англии заранее обречены на провал... В Англии, руководимой такими политическими и военными дилетантами, как Черчилль*, царит неразбериха... Мы не раздумываем более над тем, как выиграть войну. Мы думаем о том, как скорее кончить успешно выигранную войну. Желание Германии окончить возможно скорее войну привело нас к решению искать друзей, которые хотят препятствовать расширению войны и желают мира».

Подводя итог, рейхсминистр поставил на повестку дня вопрос о «совместном рассмотрении того, каким образом державы Тройственного пакта могли достигнуть с Советским Союзом какого-либо соглашения, заявляющего о поддержке Советским Союзом целей Тройственного пакта, как то: предотвращение эскалации войны и скорейшее установление всеобщего мира». Он также заявил, что окончательное решение всех вопросов остается за Гитлером.

Давая высказаться принимающей стороне, Молотов терпеливо дожидался, когда сможет задать интересующие его вопросы. «Разумеется, у него, Молотова, как у представителя государства, не участвовавшего в подготовке этого [Тройственного. — В. М.] пакта, имеется потребность получить ряд разъяснений по этому вопросу. Пакт говорит о новом порядке в Европе и в великом восточноазиатском пространстве. Желательно, прежде всего, знать границы этих сфер влияния. [...] Что касается предположений о тех или иных акциях, в которых СССР мог бы участвовать вместе с другими державами, — то это заслуживает обсуждения и их следовало бы предварительно обсудить здесь, потом в Москве, о чем было в общей форме договорено при обмене письмами». На конкретные вопросы Риббентроп не отве-

---

* Далее в германской записи: «который в течение своей карьеры терпел поражения по всем решающим вопросам и который потерпит поражение и на этот раз».

тил, ограничившись разъяснением, что «понятие "великое восточноазиатское пространство" не имеет ничего общего с жизненно важными сферами интересов СССР».

Беседа закончилась, и Молотов немедленно телеграфировал ее содержание Сталину¹⁰. Затем нарком встретился с Гитлером, который, по свидетельству Хильгера и Шмидта, приветствовал гостя «на удивление дружелюбно». Фюрер произнес пространный монолог. Молотов периодически выражал согласие с ним (это засвидетельствовано записями обеих сторон) и ждал, когда сможет вставить слово о том, что его интересовало. Гитлер начал с глобальных перспектив, постепенно переходя к конкретике двусторонних отношений:

«Речь идет о двух больших нациях, которые от природы не должны иметь противоречий, если одна нация поймет, что другой требуется обеспечение определенных жизненных интересов, без которых невозможно ее существование. Он уверен, что сегодня в обеих странах такой режим, который не хочет вести войну и которому необходим мир для внутреннего строительства. Поэтому возможно при учете обоюдных интересов — в особенности экономических — найти такое решение, которое оставалось бы в силе на период жизни настоящих руководителей и обеспечило бы на будущее мирную совместную работу.

Тов. Молотов приветствует это заявление рейхсканцлера. [...]

Германия в настоящее время находится в войне, а Советский Союз — нет. [...] После этой войны не только Германия будет иметь большие успехи, но и Россия. Если сейчас оба государства трезво проверят результаты совместной работы за этот год, то они придут к убеждению, что польза была в этом для обоих. [...] Эти два народа, если будут действовать совместно, смогут достичь больших успехов. Если же они будут работать друг против друга, то от этого выиграет только кто-то третий.

Тов. Молотов считает это заявление правильным и подчеркивает, что все это подтверждает история».

Гость запасся терпением. Произносить красивые фразы, сопровождая их, смотря по ситуации, велеречивой риторикой или жестким сарказмом, он тоже умел. Но он ждал

конкретного разговора, а Гитлер рассуждал о тотальном поражении Великобритании и послевоенном переустройстве мира. Молотов напомнил о соглашениях по поводу Польши и Финляндии, а затем задал главный вопрос: «Если говорить о взаимоотношениях на будущее, то нельзя не упомянуть о Тройственном пакте... Молотов хотел бы знать, что этот пакт собой представляет, что он означает для Советского Союза?»

Ключевые слова были произнесены, и фюрер сразу же заявил, что «предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом пакте».

Я цитировал советскую запись. Германская же ограничивается экивоками: «Без содействия Советской России соглашение во всех случаях не может быть достигнуто». Но Молотов явно не ослышался, потому что повторил слова «приглашает участвовать СССР в Тройственном пакте в качестве четвертого партнера» в телеграмме, отправленной Сталину сразу же после встречи¹¹.

Приглашение было. Был и ответ Молотова на него. Положительный.

«Советский Союз может принять участие в широком соглашении четырех держав, но только как партнер, а не как объект (а между тем только в качестве такого объекта СССР упоминается в Тройственном пакте), и готов принять участие в некоторых акциях совместно с Германией, Италией и Японией, но для этого необходимо внести ясность в некоторые вопросы» (советская запись).

«Участие России в Тройственном пакте представляется ему [Молотову. — В. М.] в принципе абсолютно приемлемым при условии, что Россия является партнером, а не объектом. В этом случае он не видит никаких сложностей в деле участия Советского Союза в общих усилиях. Но сначала должны быть более точно определены цели и значение Пакта, особенно в связи с определением великого восточноазиатского пространства» (германская запись).

Это два варианта одних и тех же высказываний. Гитлер «явно повеселел», как сказано в записи Павлова и Бережкова. Вечером Риббентроп дал ужин в честь гостя, но фюрер на нем не присутствовал, как, впрочем, и на всех остальных светских мероприятиях. Тем временем Сталин

направил Молотову целую серию телеграмм, относившихся к конкретным пунктам переговоров, примирительных по тону и выказывающих готовность к диалогу: «Во всем остальном исходи из известных тебе директив, и если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, — то тем лучше»¹².

Следующая встреча с Гитлером 13 ноября опрокинула все ожидания. «Фюрер [...] хочет создать всемирную коалицию заинтересованных держав, в которую войдут Испания, Франция, Италия, Германия, Советская Россия и Япония и которая охватит пространство от Северной Африки до Восточной Азии. [...] В целом требования России относительно будущего ее положения в мире будут приняты во внимание» (германская запись). Но упрямый, похожий, по словам Шмидта, на школьного учителя математики, Молотов упорно продолжал гнуть свое, задавая собеседнику неприятные вопросы о Финляндии и Болгарии. «Похвастаться нечем, — подытожил он в итоговой телеграмме вождю, — но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»¹³.

Впрочем, это был еще не конец.

3

«Вечером 13 ноября... переговоры должен был по поручению фюрера завершить Риббентроп, — вспоминал Бережков. — ...Роскошный кабинет, правда, несколько меньший, чем у Гитлера. Старинная мебель с позолотой. На стенах — гобелены до потолка, картины в тяжелых рамах, по углам — фарфоровые и бронзовые статуэтки на высоких подставках. Первые несколько минут предоставляются фоторепортерам. Риббентроп любезно улыбается, высоко держа голову, жмет руку советскому гостю. Он полон высокомерия и достоинства... Наконец, журналисты и фотографы удаляются. Начинается беседа двух министров за небольшим круглым столом...

Начав излагать все ту же, сформулированную ранее Гитлером идею раздела после поражения Англии "бесхозного британского имущества" и сфер влияния на земном шаре, рейхсминистр так и не успевает закончить фразу.

Раздается сигнал воздушной тревоги. Слышно, как поблизости рвутся бомбы, дребезжат стекла в высоких окнах министерского кабинета.

Зная о прибытии Молотова в Берлин, английское командование собрало все наличные силы, чтобы ожесточенным налетом на столицу "третьего рейха" продемонстрировать, что у Британии есть еще порох в пороховницах. Потом Сталин, шутя, пожурит за это Черчилля:

— Зачем вы бомбили моего Вячеслава?..

Но нам, разумеется, было тогда не до шуток.

— Оставаться здесь небезопасно, — произнес Риббентроп. — Давайте спустимся в бункер, там спокойнее...

Он повел нас по длинному коридору к лифту. Спустившись глубоко под землю, прошли в просторный кабинет, тоже убранный достаточно богато.

Когда Риббентроп принялся снова развивать мысль о скором крушении Англии и необходимости распорядиться ее имуществом, Молотов прервал его своей знаменитой фразой:

— Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышны даже здесь?

Как видим, не совсем правы те, кто утверждает, что Молотов был начисто лишен чувства юмора. Он порой был очень остр на язык. Однако в присутствии Сталина больше помалкивал, чем и заслужил репутацию молчальника. Риббентроп несколько смутился, но вскоре овладел собой и безапелляционно заявил, что англичане все равно так или иначе потерпят поражение»¹⁴.

В проведении внешней политики и в общении с иностранными деятелями Риббентроп едва ли был самостоятельнее Молотова: один все время ссылался на фюрера, другой, более неопределенно и демократично, на правительство или «товарищей», но суть дела от этого не менялась. Рейхсминистр начал разговор в бомбоубежище с дипломатичной ремарки о том, что «хотел бы сделать некоторые дополнения и уточнения к тому, что сказал фюрер». В германской записи его позиция выглядит более независимой:

«Имперский министр иностранных дел начал беседу с заявления, что он хочет воспользоваться случаем и до-

полнить, а также точнее сформулировать то, что уже было обсуждено ранее. Он хочет изложить г-ну Молотову свой взгляд на перспективы ведения в будущем Германией и Советским Союзом общей политики сотрудничества и перечислить те вопросы, которые в связи с этим уместно обсудить».

Рейхсминистр перешел к самому важному, о чем по-настоящему еще не говорилось, но из-за чего затевался весь сыр-бор. Он «хотел бы изложить "сырые мысли", как он их себе представляет, то есть мысли, которые, может быть, в будущем могли бы быть реализованы. Эти мысли заключаются в сотрудничестве между государствами — участниками пакта трех и СССР. Риббентроп думает, что сначала надо найти путь, чтобы совместно в широких чертах установить сферы интересов четырех государств, а затем особо договориться о проблеме Турции [которую страны "оси" хотели полностью включить в свою орбиту. — В. М.]. Проблемы разграничения сфер интересов касаются четырех государств, в то время как проблема Турции затрагивает только Германию, Италию и СССР. После того, как Молотов переговорит со Сталиным и после того, как Германия и СССР договорятся по этому комплексу вопросов, министр думает, что Германия и СССР вступят в контакт с Японией и Италией с целью выяснения возможностей приведения их интересов к одной формуле*. [...] Если можно будет привести к одному знаменателю интересы этих стран, что Риббентроп считает не невозможным и выгодным для заинтересованных сторон, тогда можно было бы зафиксировать эти оба комплекса в доверительных документах между ними, если СССР разделяет взгляды Германии о воспрепятствовании расширению войны и стоит на точке зрения ее окончания. [...] Я [Риббентроп. — В. М.] представляю себе,

---

* Примечательное разночтение в германской записи: «Вслед за тем Имперский Министр иностранных дел вступит в переговоры с Италией и Японией, чтобы узнать, как вернее могут быть учтены их интересы при разграничении сфер влияния». Если верить этому варианту, Риббентроп предпочитал лично контролировать всю политику стран Тройственного пакта в отношении СССР, ставя залогом их сотрудничества предварительное достижение согласия между Берлином и Москвой.

что конечной целью [...] должно быть заключение соглашения между участниками пакта трех с одной стороны и СССР — с другой стороны о сотрудничестве четырех держав в этом смысле. Чтобы рассмотреть эти дела более конкретно, он набросал несколько пунктов, из которых, по его мнению, должно состоять это соглашение. Он хотел бы подчеркнуть, что в такой конкретной форме он, Риббентроп, не говорил ни с Японией, ни с Италией*. Он думал, что эти мысли должны быть в первую очередь выяснены между СССР и Германией. Разумеется, в общих чертах он обсудил эти мысли с Японией [когда, где и с кем? — В. М.] и с Италией. [...] Он просит переговорить со Сталиным о возможности такого соглашения. Следующим этапом должны быть переговоры с Италией и Японией. Все это будет иметь смысл тогда, когда будет достигнута ясность в этих вопросах».

Риббентроп хотел договориться с Москвой, потому что видел в этом наилучший геополитический вариант для Германии и возможность грандиозного триумфа для себя лично. Не стоит сбрасывать со счетов его честолюбие — именно поэтому он хотел сначала разрешить все проблемы с Москвой и лишь затем привлечь к переговорам Италию и Японию. С Молотовым он еще мог поделиться лаврами — но никак не с Чиано, которого не любил, и не с Мацуока, которого попросту не знал.

Но почему самоуверенный и честолюбивый Риббентроп самоуничижительно называет тщательно проработанные предложения «сырыми мыслями»? И почему их делает он, а не фюрер? Забегая вперед, скажу, что Гитлер в это время уже принял стратегическое и был готов к принятию политического решения о нападении на СССР, о чем его министр иностранных дел пока не знал. Полагаю, логика Риббентропа была примерной такой: если предложения будут приняты и соглашение достигнуто, то результатом станет дипломатический и геополитический триумф, который Гитлер примет, пусть хотя бы на время. Если же предложения будут отклонены, то исходили они не от Гитлера, который на эту тему ничего конкретного вообще не гово-

---

* Риббентроп слукавил, потому что идентичный план он уже излагал Чиано 4 ноября.

рил. Сам же Риббентроп спасал лицо оговоркой, что это — всего лишь наброски, наметки...

Итак:

Проект

Соглашение между государствами Тройственного пакта: Германией, Италией и Японией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой стороны

Правительства государств Тройственного пакта: Германии, Италии и Японии, с одной стороны, и Правительство СССР — с другой стороны, руководствуясь желанием установить в своих естественных сферах интересов в Европе, Азии и Африке новый, содействующий благосостоянию всех заинтересованных народов порядок и создать твердую и прочную основу для их сотрудничества, направленного на достижение этой цели, согласились в следующем:

Статья 1. Согласно пакту трех держав, Германия, Япония и Италия пришли к соглашению, что нужно воспрепятствовать расширению войны в мировой конфликт и что необходимо совместно работать для установления мира. Они объявили о своем желании привлечь к сотрудничеству с ними другие народы в других частях мира, поскольку эти народы согласны дать своим стремлениям то же направление. СССР заявляет о своей солидарности с этими целеустремлениями и решил со своей стороны политически сотрудничать с участниками пакта трех.

Статья 2. Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются уважать сферы своих взаимных интересов. Поскольку сферы этих интересов соприкасаются, они будут в дружественном духе договариваться по всем возникающим из этого факта вопросам. Германия, Италия и Япония со своей стороны заявляют, что они признают настоящие границы Советского Союза и что они будут их уважать.

Статья 3. Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются не присоединяться ни к каким группировкам государств и не поддерживать группировок, направленных против одной из них. Четыре державы будут всячески поддерживать друг друга в экономическом отношении и будут дополнять и расширять существующие между ними соглашения.

Статья 4. Это Соглашение вступает в силу с момента подписания и действует в течение 10 лет. Правительства четырех держав заблаговременно, до истечения этого срока, договорятся по вопросу продления этого Соглашения.

Учинено в четырех оригиналах на немецком, итальянском, японском и русском языках.

Москва ... 1940 г.

Проект

Секретный протокол № 1

В связи с подписанием сегодня Соглашения, заключенного между ними, представители Германии, Италии, Японии и Советского Союза констатируют следующее:

1) Германия заявляет, что без учета тех территориальных ревизий, которые произойдут в Европе при заключении мира, центр тяжести ее территориальных aspirations лежит в Средней Африке.

2) Италия заявляет, что без учета тех территориальных ревизий, которые произойдут в Европе при заключении мира, центр тяжести ее территориальных aspirations лежит в Северной и Северо-Восточной Африке.

3) Япония заявляет, что центр тяжести ее территориальных aspirations лежит в восточноазиатском пространстве к югу от Японских островов.

4) Советский Союз заявляет, что центр тяжести его территориальных aspirations лежит к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана.

Четыре державы заявляют, что, сохраняя за собой право регулировать отдельные вопросы, они будут взаимно уважать территориальные aspirations друг друга и не будут создавать препятствий к их осуществлению.

Москва ... 1940 г.

Проект

Секретный протокол № 2

для подписания между

Германией, Италией и Советским Союзом

По случаю подписания сегодня Соглашения между Германией, Италией, Японией и Советским Союзом предста-

вители Германии, Италии и Советского Союза констатируют следующее:

1) Германия, Италия и Советский Союз согласились во взглядах, что в их общих интересах освободить Турцию от взятых ею ранее международных обязательств и постепенно привлечь ее к политическому сотрудничеству с ними. Они заявляют, что будут совместно преследовать эту цель путем тесных контактов в соответствии с общим планом действий, который будет определен в будущем.

2) Германия, Италия и Советский Союз заявляют о своем согласии совместно в надлежащее время заключить с Турцией соглашение, в котором три державы признают границы Турции.

3) Германия, Италия и Советский Союз будут совместно работать над заменой ныне действующего статута Монтрё* о проливах другим статутом. По этому статуту Советскому Союзу будут предоставлены права неограниченного прохода в любое время его военного флота через проливы, в то время как все другие державы, за исключением черноморских, Германии и Италии, должны в основном отказаться от права прохода своих военных судов через проливы. При этом само собой разумеется, что проход через проливы остается свободным для всех торговых судов.

Москва... 1940 г.¹⁵

Текст «сырых мыслей» Риббентроп Молотову не передал, но продиктовал его переводчику, — возможно, желая подчеркнуть их неофициальность. Затем начался диалог, который с Гитлером так и не получился.

Молотов посетовал на неуступчивость Японии, исключительно от которой, дескать, зависит прогресс советско-японских отношений. Перейдя к вопросу о Босфоре и Дарданеллах, он заметил: «Германия не является черноморской державой» и «для нее проливы имеют не второе

---

* По итогам конференции в швейцарском городе Монтрё (22 июня — 21 июля 1936 года), в которой принимали участие СССР, Великобритания, Австралия, Франция, Турция, Болгария, Греция, Румыния, Югославия и Япония, 20 июля была подписана конвенция о режиме Черноморских проливов, согласно которой в военное время запрещался проход через них военных кораблей всех воюющих держав.

[как сказал Риббентроп. — В. М.], а, пожалуй, десятое значение». Далее разговор перешел к Болгарии, которую в Москве хотели видеть исключительно советской сферой влияния и которую собирались «гарантировать» (вплоть до ввода войск), подобно тому, как Гитлер поступил с Румынией. Основной узел противоречий обозначился именно здесь. Гитлера особенно насторожили возможные посягательства на румынскую нефть.

Риббентроп не хотел углубляться в мелочи, подвергая опасности красивый, но хрупкий «хрустальный дворец», над возведением которого столько трудился. «Он хотел бы свести сегодняшний разговор к более крупным вопросам, он хотел бы поставить вопрос, готов ли СССР сотрудничать с ними». «По другим вопросам мы можем всегда договориться, если мы на основе наших прошлогодних соглашений расширим наши отношения, — говорит министр. Где лежат интересы Германии и СССР? — это подлежит решению. Нужно найти решение, чтобы наши государства не стояли грудью к груди друг друга, а совместно добивались осуществления своих интересов, чтобы они путем совместной работы реализовали свои стремления, не противореча друг другу. Риббентроп хотел бы получить ответ, готов ли СССР изучить этот вопрос и сотрудничать с тремя державами. Из писем Сталина он вынес впечатление, что СССР склонен к этому. Вопросы, которые касаются Германии и СССР, всегда можно решить, важно, чтобы и Германия, и СССР имели общие линии в крупных чертах». Поэтому вопрос о Финляндии он отнес к второстепенным, а о перспективе ориентации территориальных aspirations Москвы в сторону Индийского океана — к первоочередным.

От Молотова ждали конкретного ответа. И Вячеслав Михайлович дал его с максимальной конкретностью, какую только ему позволял строгий поводок сталинской дипломатии: «Теперь к вопросу о совместной работе СССР, Японии, Германии и Италии. Он отвечает на этот вопрос положительно, но надо по этому вопросу договориться. Правильны ли предположения Германии по вопросу о разграничении сфер интересов? Трудно конкретно уже сегодня ответить на этот вопрос, ибо этот вопрос до сих пор Германия не ставила перед СССР, и он является для советского

правительства новым. Он пока не знает мнения И. В. Сталина и других советских руководителей на этот счет, но ответ СССР вытекает из того, что им уже говорилось. Эти большие вопросы завтрашнего дня, с его точки зрения, не следует отрывать от вопросов сегодняшнего дня. И если их правильно увязать, то будет найдено нужное решение. То, что ему пришлось иметь ряд бесед с министром и с рейхсканцлером, — это большой шаг вперед в деле выяснения важных вопросов. Как дальше пойти по этому пути, Молотов предоставляет решать Риббентропу. Риббентроп уже говорил, чтобы наши послы граф фон дер Шуленбург и т. Шкварцев продолжили в дипломатическом порядке обсуждение этих вопросов. Если сейчас нет необходимости в других методах, то это предложение приемлемо». Таким образом, о скором визите рейхсминистра в Москву речь уже не шла.

Германская запись заканчивается ремаркой, отсутствующей в советском варианте: «Вслед за тем г-н Молотов сердечно попрощался с Имперским Министром иностранных дел, подчеркивая, что не сожалеет о воздушном налете, так как благодаря ему он имел такую исчерпывающую беседу с Имперским Министром иностранных дел».

В итоговой телеграмме Сталину Молотов сделал вывод, что «обе беседы не дали желательных результатов». В отношении Гитлера он был прав, а вот в отношении Риббентропа — нет, видимо, не осознав важности его предложений (суть их изложена очень смазанно). Утром нарком отбыл в Москву. Из официальных лиц высшего ранга на вокзале его провожал только Риббентроп, что было не лучшим знаком.

Краткое коммюнике по итогам визита, предложенное Сталиным, было принято германской стороной дословно. В нем скупое, но выразительно говорилось: «Обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию». О существовавших разногласиях не должны были догадываться ни друзья, ни враги. В том же духе была выдержана одобренная Риббентропом телеграмма Вайцеккера, направленная в германские дипломатические миссии: «Беседы между германским и советским правительствами по случаю нахождения в Бер-

лине Молотова велись на базе договоров, заключенных в прошлом году, и завершились окончательным согласием обеих стран твердо и решительно продолжать в будущем политику, начало которой положили эти договоры. Кроме того, беседы послужили целям координации политики Советского Союза и стран Тройственного пакта. Как уже отмечалось в заключительном коммюнике о визите Молотова, обмен мнениями происходил в атмосфере взаимной доверительности и имел своим результатом согласование мнений обеих сторон по всем важнейшим вопросам, интересующим Германию и Советский Союз. Это ясно доказывает, что все предположения относительно мнимого германо-русского конфликта являются плодами фантазии и что все спекуляции врагов об ухудшении доверительных и дружественных германо-русских отношений основаны на самообмане. Дружественный визит Молотова в Берлин вновь продемонстрировал это»¹⁶. Последнюю фразу Риббентроп вписал собственноручно.

4

Какова была реакция Сталина на предложения Берлина? Заглянем в ответ, исходивший непосредственно от него, который Молотов передал Шуленбургу вечером 25 ноября:

«СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г-ном Риббентропом в его беседе с В. М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из 4-х пунктов при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, согласно советско-германскому соглашению 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля)*.

---

* В первой декаде декабря 1940 года Гитлер и Риббентроп конфиденциально, но категорически заверили Свена Гедина в том, что предупредили Молотова о недопустимости любого силового давления на Финляндию. Одновременно они предостерегли Швецию от заключения военно-политического союза с Финляндией, неприемлемого для Москвы.

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды.

3. Если центром тяжести аспираций СССР будет признан район к югу от Батума [ныне Батуми. — В. М.] и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4-х держав, представленный г-ном Риббентропом, о разграничении сфер влияния в духе определения центра тяжести аспираций СССР на юге от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

Точно так же должен быть изменен изложенный г-ном Риббентропом проект протокола — Соглашения между Германией, Италией и СССР о Турции в духе обеспечения военной и военно-морской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3-х держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение.

Равным образом должны быть приняты: третий секретный протокол между СССР и Германией о Финляндии; четвертый секретный протокол между СССР и Японией об отказе Японии от угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине; пятый секретный протокол между СССР, Германией и Италией с признанием того, что Болгария, ввиду ее географического положения, находится в сфере безопасности черноморских границ СССР, в связи с чем считается политически необходимым заключение пакта о

взаимопомощи между СССР и Болгарией, что ни в какой мере не должно затрагивать ни внутреннего режима Болгарии, ни ее суверенитета и независимости»¹⁷.

«Мы надеемся на скорый ответ германского правительства» — так запомнились заключительные слова Молотова переводившему беседу Бережкову¹⁸. Советская сторона отреагировала оперативно и по существу. Можно гадать, о чем «на самом деле» думал Сталин, но действовал он как настоящий представитель *Realpolitik* — предлагал продуманные и аргументированные условия (впрочем, насчет баз в проливах он явно перегнул палку!) и если не надеялся на их полное и немедленное принятие, то, несомненно, рассчитывал на продолжение диалога, в ходе которого мог бы чем-то поступиться. Так что версию об отказе Сталина от предложения присоединиться к Тройственному пакту можно считать окончательно опровергнутой.

«Об этих русских желаниях и условиях у меня в декабре 1940 года состоялся подробный обмен мнениями с Адольфом Гитлером, — вспоминал Риббентроп. — Я самым настойчивым образом рекомендовал ему пойти навстречу Советскому Союзу и на согласие с ним примерно на требуемой Сталиным основе. [...] Надо предпринять попытку сделать из Пакта трех держав пакт четырех с участием России. Если нам это удастся, мы приобретем благоприятную позицию: при такой расстановке сил США остались бы нейтральными, а Англия оказалась бы изолированной и испытывающей угрозу на Ближнем Востоке. [...] Однако для этого надо было пойти на жертвы в пользу России. [...] Шуленбург неоднократно сообщал из Москвы, что без решающих уступок заключения пакта четырех не добиться»¹⁹.

По обоюдному согласию содержание переговоров сохранялось в глубокой тайне (в книге «Несостоявшаяся ось Берлин—Москва—Токио» я показал, как Молотов дезинформировал Лондон через полпреда Майского). Впервые о них стало известно из радиообращения Гитлера 22 июня 1941 года, в котором он объяснил рейху и миру причины нападения на Советский Союз. Фюрер сообщил, что Молотов поставил перед ним четыре вопроса. Первый: «Были ли германские гарантии Румынии направлены также против Советской России, в случае если бы Советская Россия напа-

ла на Румынию?» Ответ: «Немецкая гарантия универсальна», но «я не думал, что у России могут внезапно возникнуть какие-либо далеко идущие намерения по отношению к Румынии». Второй: «Россия чувствует угрозу со стороны Финляндии... Готова ли Германия не оказывать никакой помощи Финляндии?» Ответ: «Германия не имеет никаких политических интересов в Финляндии... [но] не потерпит новой войны России против маленького финского народа». Третий: «Согласна ли Германия, если Россия даст гарантии Болгарии и пошлет [туда] войска?» Ответ: «Болгария — суверенная страна, и я не располагаю сведениями, что Болгария когда-либо просила Советскую Россию о гарантиях, как Румыния просила гарантий от Германии». Последний вопрос: «Советской России в любом случае необходим свободный проход через Дарданеллы... и требуется оккупация множества важных баз на Дарданеллах и на Босфоре. Согласна Германия с этим или нет?» Ответ: «Не согласна».

Сравнивая это заявление с записями переговоров, можно сделать вывод, что Гитлер в целом говорил правду, но далеко не всю. Он сознательно обошел вниманием главный геополитический сюжет — предложение присоединиться к Тройственному пакту и в целом положительный ответ Москвы на него. Не соответствовали истине и его слова о том, что «антигерманский сербский путч» (военный переворот в Белграде 26 марта 1941 года) «был инспирирован не столько британцами, сколько Советской Россией» и что он «советовал японскому министру иностранных дел Мацуока ослабить напряженность в отношениях с Россией, чтобы послужить таким образом делу мира»²⁰. Молотов и Сталин в своих радиообращениях 22 июня и 3 июля тоже не сказали об этом ни слова.

Любитель исторических аналогий, Гафенку сравнил берлинский визит Молотова со свиданием Наполеона и Александра I в Эрфурте в 1808 году, продолжая аналогию между «пактом Молотова—Риббентропа» и Тильзитским миром 1807 года. Поясняя свою мысль, он процитировал знаменитого историка Альбера Вандая: «Встреча в Эрфурте временно укрепила связи между Россией и Францией, устранила из их отношений все текущие основания для разногласий, дала Франции гарантию, что Россия не за-

ключит союза с ее врагами и не ударит ей в тыл, когда Великая Армия пойдет на Мадрид. [...] Но она ничего не дала для создания прочной и длительной основы франко-русских отношений, для восстановления доверия или искреннего возрождения взаимной приязни»²¹. С этим можно поспорить, ибо Гафенку, работая в 1943 году над своей книгой, располагал лишь отрывочной информацией. Но ход его мысли в любом случае заслуживает внимания.

Восемнадцатого декабря 1940 года фюрер утвердил Директиву № 21 (план «Барбаросса») — план кампании против СССР, поскольку не верил в то, что Сталин удовлетворится разделом сфер влияния и откажется от глобальных планов, в какие бы идеологические или геополитические одежды они ни рядились. Для Гитлера мир с Россией, тем более большевистской, был всего лишь короткой тактической передышкой. Встревоженный посягательствами Москвы на финский никель и румынскую нефть, количественными показателями роста Красной армии и непрекращавшейся коминтерновской агитацией на территории германской сферы влияния, диктатор решил нанести удар первым, оправдывая свои действия ссылкой на якобы готовящийся Сталиным поход в Европу.

Не все в нацистской верхушке думали так же, как он, но спорить не решались. Для соблюдения консенсуса Гитлер проинформировал потенциальных оппонентов, включая имперского министра иностранных дел, о принятом решении со значительным запозданием. «О существовании твердого намерения напасть на Россию я впервые узнал только после югославской кампании, начавшейся 6 апреля 1941 года», — утверждал тот в Нюрнберге²².

Так ли это? С. Дембски пишет: «О приказе начать подготовку к нападению на СССР не был поначалу проинформирован даже Риббентроп. Это также легко объяснимо. Гитлер наверняка понимал, что министр иностранных дел Рейха считал договор, подписанный в Москве 23 августа 1939 года, а вернее его результаты, своим жизненным успехом. Поэтому, скрывая от него свое решение, фюрер избавил себя от необходимости выслушивать доводы Риббентропа, который наверняка попытался бы убедить Гитлера отказаться от войны с СССР. Глава германской дипломатии

знал об этой идее с августа 1940 г., но ему казалось, что еще осенью ему удалось отговорить Гитлера от нее, когда тот согласился на включение Советского Союза в антибританский континентальный блок. Министр пребывал в такой убежденности даже тогда, когда в Берлине уже получили меморандум советского правительства от 25 ноября. Во всяком случае, к началу декабря после беседы с Гитлером, посвященной как раз советскому ответу на германское предложение, у Риббентропа сложилось впечатление, что рейхсканцлер еще не принял окончательного решения. Во время этой встречи фюрер наверняка понял, как именно Риббентроп видит перспективу развития советско-германских отношений, и, вероятно, поэтому пришел к выводу, что нет смысла информировать его о "Директиве № 21". Отсутствие официальной информации о планах Гитлера в отношении России тем не менее не означало, что по неофициальным каналам сигналы в германский МИД не поступали... Следовательно, Риббентроп узнал о планах агрессии против Советского Союза в конце декабря 1940 года или в начале января 1941 года, самое позднее 9 января, в Бергхофе, когда Гитлер произнес свою знаменитую речь о целях предстоящей войны с Советским Союзом»²³.

Внимание Риббентропа и Шуленбурга усыплялось переговорами по частным вопросам (Москва не упускала случая продемонстрировать твердость) и ни к чему не обязывавшими полумерами вроде ответа, который 23 января 1941 года немецкий посол вручил Молотову: «Германское правительство продолжает придерживаться тех идей, которые были изложены Председателю Совета Народных Комиссаров Союза ССР г-ну Молотову во время его пребывания в Берлине. Советское правительство по этому поводу в конце ноября прошлого года сделало некоторые контрпредложения. Германское правительство в настоящее время по всем этим вопросам состоит в контакте с Правительствами союзных с ним государств Италии и Японии и надеется по мере дальнейшего выяснения совокупности этих вопросов в недалеком будущем возобновить о них политические переговоры с правительством Союза ССР»²⁴.

Напряженность чувствовалась даже в мелочах. «Сегодня девятый день, как я в Берлине, и еще не был принят Риб-

бентропом, и неизвестно, когда будет назначен день вручения верительных грамот у Гитлера», — с тревогой сообщал в Москву 6 декабря новый полпред Владимир Деканозов. Молотов был недоволен, и германскому послу пришлось извиняться со ссылкой на условия войны и отсутствие фюрера в Берлине. Прием у министра состоялся 12 декабря, у канцлера — неделю спустя. Однако Гитлер, Риббентроп и Шуленбург исправно поздравили Сталина с днем рождения, а Деканозов — Риббентропа с рождением сына Бартольда (19 декабря)²⁵.

Визит Молотова встревожил англичан и американцев, увидевших за ним окончательное «построение фаланги». Но Риббентропу и особенно Гитлеру был нужен быстрый и явный успех, пусть даже регионального масштаба. Поэтому в последней декаде ноября в Берлин один за другим потянулись сателлиты: венгерский премьер Пал Телеки, румынский премьер Ион Антонеску и словацкий премьер Войтех Тука. В торжественной обстановке они подписали декларации о присоединении своих стран к Тройственному пакту (20, 23 и 24 ноября)²⁶. Диктатор продолжал нажим на Белград через премьера Драгишу Цветковича и на Софию через посланника Драганова, но югославский регент-англофил принц Павел и считавшиеся с панславистскими настроениями своего народа болгарский царь Борис и его премьер Филов сопротивлялись до последнего²⁷. Столь же упорно они противостояли нажиму Москвы, отвергнув гарантии, которые им предложил генеральный секретарь НКВД Аркадий Соколов. «Болгарское правительство благодарит советское правительство за дружественные чувства, проявленные в отношении Болгарии, — сказал гостю Филов, — но не видит необходимости принятия в данное время гарантии СССР, так как никто не угрожает Болгарии»²⁸.

Историк Г. Городецкий так охарактеризовал ситуацию, в которой оказался рейхсминистр на рубеже 1940/41 года: «Ни Риббентроп, ни министерство иностранных дел не знали, насколько далеко зашли военные приготовления, не говоря уже о директивах по операции "Барбаросса"... Риббентроп, все больше оказывающийся в изоляции, неохотно присоединился к профессиональным дипломатам весной

1941 года в их последней, довольно жалкой попытке отговорить Гитлера от нападения на СССР... И Вайцзеккер, и Риббентроп, видимо, надеялись привлечь на свою сторону союзников Германии по "оси", чтобы удержать его. Однако Гитлер скрывал свои планы от союзников, не допуская открытых дебатов по поводу его стратегии»²⁹. Развивая те же мысли в более ранней работе, он писал: «Непрекращающиеся обращения Риббентропа, его вмешательство лишь усилили скрытность Гитлера, и он стал обманывать Риббентропа, заставив того поверить в возможность компромисса»³⁰.

В мемуарах бывший рейхсминистр дал такую ретроспективу событий: «Визит [Молотова в Берлин. — В. М.] закончился охлаждением отношений, и Адольф Гитлер своих соображений мне больше не высказывал. Его сдержанность в русском вопросе бросалась в глаза. Кое-какие признаки говорили за то, что к этому делу приложили свою руку те влиятельные силы, которые стремились к принятию решения против России. [...] В течение зимы и весны 1941 года при всех моих докладах по русскому вопросу Адольф Гитлер постоянно занимал все более отрицательную позицию. [...] У меня уже тогда было такое чувство, что в своей русской политике я одинок»³¹.

ГЛАВА 11
ДНИ ЗАТМЕНИЯ
(1941)

*Наша держава, как судно, сбивается с курса.
Век приходящий, как прежний, тревожен и лих.*

Александр Городницкий

1

1941 год начался для рейхсминистра с грустно-символического события: в первый день января в Наумбурге на 82-м году жизни умер Рихард Риббентроп. «Незадолго до того он перенес инсульт, речь его была нарушена, — вспоминает его внук Рудольф. — Когда мы 30 декабря покидали его больничную палату, родители говорили о том, что хотел бы дед еще сказать, потому что казалось, будто он силился что-то выразить. Отец считал, что он желал еще раз возложить на родителей заботу о бабушке, мать, однако, чуть ли не резко отстаивала мнение, что он хотел сказать: "Никогда против России". В очередной раз "заморожено" я принял это к сведению. Неужели опасность конфликта с Россией приобрела уже конкретные очертания? Тон матери явно был крайне обеспокоенным! Она рассказала мне о недавнем разговоре с дедом, тот закончил его утверждением: "... если он (Гитлер) хочет проиграть войну, ему достаточно лишь связаться с Россией!"»¹. Скромные похороны с отдаением воинских почестей состоялись в Зонненбурге, имени Иоахима.

Для советско-германских отношений год, казалось, начинался прекрасно. 10 января, после долгих и трудных переговоров, не раз заходивших в тупик, Шуленбург и Шнурре подписали с Молотовым и Микояном пакет соглашений, включая и торговое, которые урегулировали большое количество конкретных проблем. Докладывая Риббентропу, Шнурре, который полтора месяца провел в Москве, сказал: «Господин рейхсминистр, поздравляю Вас. Вы выиграли

войну!» «Это был последний день ничем не омраченной радости творцов московского пакта [о ненападении. — В. М.] и их верных сторонников», — заметил Гафенку².

В неопубликованных записках Шнурре есть следующая запись: «Риббентроп слушал очень внимательно и неоднократно дал мне понять, что он за выполнение этого договора. Когда я сказал ему: "Господин рейхсминистр, это основа для того, чтобы заключить для Германии успешный мир", он выслушал и это без возражений. [...] Риббентроп поблагодарил за успешное завершение российских переговоров. На один из следующих дней он договорится об аудиенции для меня у фюрера, и я должен — это была его просьба — доложить фюреру содержание и важность торгового соглашения в точности таким же образом. Сам он будет сопровождать меня, подтверждая своим присутствием, что он разделяет мою точку зрения»³.

26 января 1941 года Шнурре докладывал Гитлеру в Бергхофе. «Он внимательно слушал, задал между делом несколько вопросов об отдельных личностях и о состоянии Красной Армии и выказал свою заинтересованность также и в деталях соглашения. Я повторил ему, что ворота на Восток теперь широко открыты, мы можем через российское посредничество закупать наше сырье даже в тихоокеанском регионе. Наперекор всем пессимистическим прогнозам транспортную проблему перевозки массовых грузов русские решили безупречно. [...] И в заключение произнес: "Мой фюрер, это прочный фундамент для почетного и великого мира для Германии"».

Он никак не ответил на это мое рискованное замечание. Когда я рассказал ему о том, что как в Москве, так и в Берлине ходят слухи, будто Германия готовит войну с Советской Россией, он вскочил и в резкой форме опроверг, что планирует войну против России. Я обязан — как и все остальные — самым энергичным образом препятствовать распространению подобных слухов. Он не будет вести никакой войны против России. Когда я затем попросил Гитлера отдать распоряжения соответствующим хозяйственным и военным органам с тем, чтобы договорные поставки в Советский Союз могли быть выполнены в срок, он сильно заколебался и сказал, что он не может этого сделать. При-

оритет также и на данном этапе имеют военные поставки... С этим, несмотря на его заявление, будто бы он не планирует войну против Советского Союза, мне стало ясно, что шанс, который я указал, не будет использован и что катастрофа пойдет своим чередом.

Господин фон Риббентроп неоднократно поддерживал меня во время моего доклада, занявшего несколько часов. То, как он держался во время разговора, с несомненностью свидетельствовало о том, что он, во всяком случае, в это время являлся противником войны с Россией»⁴.

Намеченный на 10 января ввод частей вермахта в Испанию для использования их в операции против Гибралтара не состоялся, в чем недоброжелатели винили Риббентропа, не сумевшего добиться от Франко согласия. 19 января у рейхсминистра был очередной неприятный разговор с Чиано по поводу Греческой кампании. В тот же день Гитлер принял дуче. Видя, что словами делу не помочь — союзник понес большие потери еще и в Ливии, — он сменил гнев на милость и обещал военную помощь в Средиземноморье. О плане «Барбаросса» не было сказано ни слова, но Риббентроп заметил, что испытывает «большой скепсис в отношении доброй воли русских»⁵.

Двадцать первого января рейхсминистр переслал Штюреру в Мадрид письмо для Франко. Напомнив, что «без помощи фюрера и дуче сегодня не было бы ни националистической Испании, ни каудильо» и что «англичане, французы и американцы имеют одну цель — уничтожение Франко и националистической Испании», он заявил: «Фюрер и Имперское правительство глубоко обеспокоены двусмысленной и колеблющейся позицией Испании. [...] Если каудильо не решит немедленно вступить в войну на стороне стран "оси", Имперское правительство может лишь предвидеть конец националистической Испании». Послание рассердило адресата, который отказался признать свою позицию «двусмысленной и колеблющейся» и снова завел разговор о «заветах» и «обетах», однако новое послание Риббентропа 24 января вернуло его к конкретике: «Только немедленное вступление Испании в войну имеет стратегическую ценность для "оси". [...] Германия еще раз просит генерала Франко дать окончательный ясный ответ».

К этому времени каудильо уже принял окончательное решение о неучастии Испании в войне, но никак не решился заявить об этом во всеуслышание. Не помогло даже личное обращение Гитлера 6 февраля, ответ на которое последовал лишь через три недели, а вручен был еще неделей позже. Фразы о дружбе и единстве, жалобы на тяжелое внутреннее положение не могли скрыть отказа, о чем Франко объявил Муссолини на встрече в Бордигьере 12 февраля (немцы были проинформированы о ней итальянцами). 22 февраля в телеграмме Штореру Риббентроп сделал окончательный вывод: на Испанию рассчитывать не приходится⁶.

Рейхсминистра продолжала тревожить ситуация во Франции. 11 января он задал Абецу два вопроса: 1) Возможно ли создание дееспособного правительства без Петена, во главе с Лавалем? 2) Сможет ли такое правительство объявить войну Великобритании и заключить с Германией мир, который позволит использовать французский флот и североафриканские колонии? Информация запрашивалась для разговора с фюрером. Посол ответил, что возможность возвращения Лавалю в правительство не исключена, но ждать радикальных шагов не приходится: защита колоний от англичан — это одно, объявление войны — совсем другое. Тем временем в Виши упрочились позиции Дарлана: в дополнение к посту морского министра Петен 10 февраля назначил его своим официальным преемником, вице-премьером, главой МИД и МВД. Дарлан уверял немцев и прессу в том, что «Франция должна выбирать между сотрудничеством и разрушением и он выбирает сотрудничество», однако в частных беседах говорил: «Я не испытываю никакой симпатии к немцам. Окажите мне честь — поверьте на слово». Подобно Петену, он вел двойную игру, и Риббентроп не мог не опасаться этого⁷.

Первого марта Болгария присоединилась к Тройственному пакту (согласие было достигнуто 8 февраля) и разрешила пройти по своей территории частям вермахта, занятым в операции «Марита», направленной против Греции. Москва ответила резким, но в допустимых пределах, заявлением — на сей раз НКВД, а не ТАСС: «Советское правительство не может разделить мнение Болга-

ского правительства о правильности позиции последнего в данном вопросе» и «не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку Болгарскому правительству в проведении его нынешней политики». В рамках «войны коммюнике», как остроумно выразился Гафенку, это было очень серьезное предупреждение, причем не столько Софии, сколько Берлину, хотя Шуленбург приложил все свое умение, чтобы успокоить Молотова⁸.

После долгих уговоров югославский премьер Цветкович и министр иностранных дел Цинцар-Маркович 25 марта подписали протокол о присоединении Королевства Югославия к Тройственному пакту, получив от Риббентропа заверения, что державы «оси» будут уважать независимость и территориальную целостность страны и не будут требовать разрешения на проход войск через ее территорию⁹. В Белграде немедленно начались инициированные англичанами «народные волнения» под антигерманскими и антиитальянскими лозунгами, закончившиеся военным переворотом. Принц-регент Павел Карагеоргиевич и премьер Цветкович были отрешены от власти, 17-летний король Петр II объявлен совершеннолетним, режим регентства ликвидирован, командующий ВВС генерал Душан Симович назначен премьер-министром. Новое правительство заявило о готовности продолжать сотрудничество с «осью», но Гитлер не поверил и приказал осуществить молниеносную кампанию против Югославии, совместив ее с «Маритой». Риббентроп попытался предложить мирный вариант, но навлек на себя гнев фюрера, вынужденного отложить исполнение плана «Барбаросса». Судьба Югославии, которую раздирали национальные противоречия, была решена¹⁰.

2

В такой беспокойной обстановке 26 марта в столицу Третьего рейха прибыл японский министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ. Принимали его по высшему классу, с тщательной организованной народным ликованием по пути следования кортежа. На вокзале поезд остановился так, что выход салон-вагона точно совпал с красной ковровой дорожкой на перроне (Шмидт красочно описал отработку

этого действия). Низкорослый, щуплый визитер терялся на фоне внушительных фигур Риббентропа, Геринга и особенно двухметрового шефа протокола МИДа барона Александра фон Дёрнберга цу Хаузена (по комплекции гостю подошел бы только доктор Геббельс), а также пространств Рейхсканцелярии. Но его энергия и разговорчивость сразу же привлекли к нему всеобщее внимание.

Двумя днями ранее на стол рейхсминистра лег меморандум Вайцзеккера, подготовленный на основании разработок разных отделов МИДа. Главным вопросом в нем было названо время вступления Японии в войну против Великобритании; само участие в войне считалось делом как бы решенным. Ради этого Германия готова была отказаться от претензий на Голландскую Индию (метрополию-то разгромила она, а потому могла претендовать на трофей) и на свои бывшие владения в Тихом океане, а также признать прояпонский режим Ван Цзинвэя в Нанкине, созданный осенью 1940 года. Статс-секретарь предлагал объяснить гостю серьезность советско-германских противоречий и суть нового курса рейха, дабы не только «избавить его от сюрпризов», но и «контролировать через него японскую политику по возвращении из поездки по Европе»¹¹.

В процессе подготовки визита особое значение имела состоявшаяся 23 февраля в замке Фушль беседа Риббентропа с Осима, который был вновь назначен послом в Германии, но еще не вручил верительные грамоты фюреру (церемония состоялась 27 февраля, причем Осима был не во фраке, а в генеральском мундире). Разговор старых друзей, не видевшихся больше года, касался всего спектра мировых проблем. После оптимистического обзора текущей военной ситуации рейхсминистр поставил перед гостем вопрос об атаке на Сингапур. Тот решительно поддержал идею и оптимистически (слишком оптимистически!) оценил шансы на ее успех в Токио, сославшись на поддержку не только военных и морских кругов, но также Мацуока и Коноэ. Хозяин не преминул напомнить, что «Японии целесообразно обеспечить себе во время войны позиции, которые она хотела бы получить при заключении мира», то есть, перефразируя известное выражение Гитлера, помочь на кухне, чтобы гарантировать себе участие в трапезе.

Разумеется, зашел разговор и о России. Риббентроп заявил: «Сталин — трезвый и умный политик, который не помышляет ничего против нас предпринимать, в основном из-за нашей военной мощи. Верно, что большевизм не перестает сеять свои семена в других странах. Если Германия проиграет войну, над Европой взойдет советская звезда. Мы наблюдаем за развитием событий на Востоке внимательно и очень спокойно. Но исходом германско-русского конфликта будет колоссальная победа Германии и крах советского режима».

Он отметил нежелательность такого поворота событий для Германии, но дал понять, что перспектива конфликта ее не пугает. Осима поинтересовался, предлагалось ли Советскому Союзу участие в Тройственном пакте. Собеседник подтвердил, коротко остановившись на названных Сталиным и Молотовым условиях, и в свою очередь спросил о состоянии японско-советских отношений. Посол ответил, что Москва готова заключить политическое соглашение при условии отказа Токио от нефтяных концессий на севере Сахалина¹². 5 марта Гитлер утвердил Директиву ОКВ относительно сотрудничества с Японией.

Мацуока еще трижды встречался с Риббентропом (27, 28 и 29 марта) и один раз с Гитлером в присутствии рейхсминистра и послов¹³. Рейхсминистр принимал гостя с подчеркнутым вниманием: это был первый официальный визит в Германию японского государственного деятеля такого ранга. Кроме того, Мацуока зримо воплощал одно из его главных достижений — союз с Японией, который он давно и пылко пропагандировал. Разговор начался, как всегда, с обзора ситуации. «Суммируя военную обстановку в Европе, — сказал Риббентроп, — можно сделать вывод, что в военной сфере "ось" является абсолютным хозяином положения на континенте». Однако в его словах о Советском Союзе зазвучали новые, неожиданные ноты: «Конфиденциально он может сообщить Мацуока, что нынешние отношения с Россией являются, безусловно, корректными, но не слишком дружескими. После визита Молотова, когда ей было сделано предложение о присоединении к Тройственному пакту, Россия выставила неприемлемые условия. [...] Фюрер не согласился, ибо не считает, что Германия

должна постоянно подписываться под русской политикой. [...] Внешне отношения нормальные и корректные. Однако русские в течение некоторого времени демонстрируют Германии свое нерасположение везде, где могут. [...] Зная Сталина лично, он [Риббентроп. — В. М.] не думает, что тот пойдет на авантюру, но быть уверенным в этом нельзя*. [...] Если Россия займет такую позицию, которая может быть понята как опасная для Германии, фюрер сокрушит ее. Германия уверена, что кампания против России закончится абсолютной победой германского оружия и полным разгромом русской армии и русского государства... Имперский Министр иностранных дел подчеркнул, однако, что он не верит в то, что Сталин будет проводить неразумную политику. В любом случае фюрер рассчитывает не только на договоры с Россией, но, прежде всего, на свой Вермахт*.

По воспоминаниям Шмидта, Мацуока это заявление явно встревожило. Он ожидал другого. Или, по крайней мере, хотел бы услышать другое.

Автор Антикоминтерновского пакта затронул и другую, некогда любимую, но за последние два года уже забытую тему: «Нельзя также закрывать глаза на то, что Советский Союз, несмотря на все уверения в противном, продолжает коммунистическую пропаганду за границей. Он пытается вести подрывную пропагандистскую деятельность не только в Германии, но в оккупированных областях Франции, в Голландии и Бельгии. Для Германии эта пропаганда никакой опасности не представляет. Но Мацуока хорошо знает, к каким несчастьям это ведет в других странах. В качестве примера Имперский Министр иностранных дел привел балтийские государства, где сегодня, через год после их оккупации русскими, царят ужасные условия, а вся интеллигенция уничтожена под корень». Рейхсминистр, видимо, забыл, как меньше года назад по его прямому указанию МИД «дружески вернул» литовскому, латвийскому

---

* 4 января 1941 года в беседе с болгарским премьером Филовым Гитлер сказал о Сталине: «Это не Мосцицкий и не Рыдз-Смиглы, он холодно взвешивает реалии... Пока Сталин жив, абсолютно невозможно, что Россия начнет что-либо против Германии, если сфера ее интересов будет четко определена» (DGFP, D. Vol. XI. P. 1019).

и эстонскому посланникам их ноты протеста против советской экспансии...

Риббентроп только перешел к вопросу о Сингапуре, как его вызвали к Гитлеру для обсуждения югославских событий. Обедать пришлось без хозяина, но фюрер принял японского министра в тот же день. Снова все как всегда — обмен любезностями, «экспозе» ситуации, уверения в том, что война почти выиграна и что Англии не стоит надеяться ни на Америку, ни на СССР, монолог, не предусматривавший ответных реплик... О России — всего несколько слов: угрозы с ее стороны не боимся, но особо в нее не верим. В ответ Мацуока сообщил о своей встрече со Сталиным и Молотовым по пути в Берлин (он проехал по Сибирской железной дороге через всю Евразию) — сообщил содержательно и откровенно, если сопоставить известные нам записи бесед. Примечательно следующее высказывание гостя, гордившегося своей прямоотой: «Когда Япония нападет [на Британскую империю. — В. М.] — только вопрос времени. По его мнению, нападение должно состояться как можно скорее. К сожалению, не он правит Японией, но постарается внушить свою точку зрения тем, кто правит».

На следующий день, особенно после слов рейхсминистра о возможности избрания Москвой «неверного пути», стало ясно, что «союз четырех» в планы Берлина уже не входит. Более того, Риббентроп сделал вид, что таких планов никогда и не было. «Мацуока спросил, рассматривали вообще фюрер возможность российско-японско-германского союза. Имперский Министр иностранных дел ответил отрицательно и сказал, что тесное сотрудничество с Россией абсолютно невозможно. [...] Советский Союз до сих пор интернационально ориентирован, в то время как Япония и Германия мыслят национально. [...] Союз [между ними. — В. М.] так же немислим, как между огнем и водой. [...] Германия внимательно следит за Советским Союзом и — это Мацуока должен четко понять — готова к любым неожиданностям. Германия не будет провоцировать Россию, но если политика Сталина не будет гармонировать с тем, что фюрер считает правильным, Россия будет сокрушена».

Мацуока понял, что над его далеко идущими планами «континентального блока», заимствованными у Хаусхофера и Сиратори, нависла колоссальная угроза. «Он спросил Имперского Министра иностранных дел, стоит ли ему на обратном пути подольше задержаться в Москве для переговоров с русскими на предмет пакта о ненападении или о нейтралитете. [...] Имперский Министр иностранных дел ответил, что о присоединении России к [Тройственному. — В. М.] пакту не может быть и речи, и порекомендовал Мацуока по возможности воздержаться от обсуждения подобных вопросов в Москве, поскольку это не вполне вписывается в нынешнюю ситуацию». Впрочем, против торговых соглашений он не возражал. В этой же беседе Риббентроп попутно сделал интересное признание, что «традиции его семьи всегда были прояпонскими». Подтверждений сказанному я не нашел.

Разговор о главном продолжился на третий день. Риббентроп прямо и недвусмысленно пообещал Японии помощь на случай ее конфликта с СССР, добавив, что японцы могут смело продвигаться на юг к Сингапуру, не опасаясь удара с севера. «Ясно одно: если Россия нападет на Японию, Германия выступит немедленно... Разумеется, мы не можем сказать, как будут развиваться дела с Россией. Неясно, будет Сталин настаивать на своей нынешней политике враждебности к Германии или нет... В любом случае Мацуока не может доложить императору по возвращении в Японию, что конфликт между Германией и Россией невозможен»*.

В этом месте Шмидт, переводивший с немецкого на английский, во избежание недоразумений даже переспросил гостя, вполне ли тот понял сказанное. Мацуока все же поинтересовался, нельзя ли будет через некоторое время вернуться к идее присоединения Москвы к «союзу трех», но Риббентроп решительно отмел подобную возможность.

---

* В мемуарах Шмидта эти слова приписаны Гитлеру. Странно — ведь он опирался на свои же записи, опубликованные в «Документах внешней политики Германии». В отчете Мацуока о поездке об этом не сказано ни слова, хотя некоторые японские мемуаристы утверждают, что он намекал на возможность подобного развития событий.

С бóльшим интересом он заговорил о будущем Антикоминтерновского пакта, срок действия которого истекал через полгода, но сослался на непредсказуемость ситуации и предложил подождать до осени. Тогда, дескать, все и прояснится. А пока... Пока можно заключить с Москвой какое-нибудь сугубо формальное, ни к чему реально не обязывающее соглашение, если это уж так необходимо для Токио.

В Берлине на «континентальном блоке» поставили крест, и Мацуока это четко понял. Однако о плане «Барбаросса», то есть о принятом решении воевать с СССР, он не был оповещен ни официально, ни неофициально, причем это было сделано по личному указанию Гитлера¹⁴. Гость, в свою очередь, не сказал, что еще в феврале попытался вступить в контакт с Черчиллем через посла в Лондоне Сигэмицу Мамору и лелеял надежду встретиться с британским премьером, пусть даже тайно.

По возвращении Мацуока из Рима, где он встречался с Муссолини, Чиано и папой Римским, 5 апреля разговор зашел о положении в покоренной немцами Европе и о ее дальнейшей судьбе. Главной темой стала Югославия, и Риббентроп обронил любопытную реплику о «влиянии "Черной руки" на политические события в Белграде». Так называлась тайная организация сербских националистов, причастная к организации убийства 28 июня 1914 года в Сараеве наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, которое запустило «часовой механизм» Первой мировой войны. Но какое отношение имели к реалиям 1941 года тайны четвертьвековой давности? Возможно, самое непосредственное. Членами «Черной руки» были тогдашний югославский посланник в Москве Милан Гаврилович (лидер сербской Аграрной партии) и отставной полковник Божин Симич, откомандированный в Москву новым правительством с чрезвычайными полномочиями для заключения пакта со Сталиным (втайне от посланника он встречался с советскими дипломатами и говорил, что именно он «обрабатывает» премьера Симовича в пользу договора). В Европе факт их принадлежности к «Черной руке» был известен с 1-й половины 1920-х годов, в СССР — с выходом в 1930 году книги Н. П. Полетики «Сараевское убийство», если не раньше¹⁵. Удивительно, почему

историки Второй мировой войны до сих пор обходят его вниманием.

Инициатива заключения Договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией, подписанного рано утром 6 апреля (но датированного 5 апреля), исходила от Симовича и была поддержана Сталиным. Центральные газеты поместили на первой странице не только текст договора, но и фотографии, сделанные во время церемонии подписания. Гафенку вспоминал, что «ни разу со времени [Советско-германского. — В. М.] пакта 23 августа 1939 года Сталин так не улыбался. Он не мог выразить свою позицию более ясно и четко»¹⁶.

Решение советского вождя заключить договор с Югославией именно в этот крайне сложный момент международного положения до сих пор вызывает споры историков и политологов. К полуночи 6 апреля Деканозов из Берлина проинформировал Сталина о том, что вторжение неизбежно, поэтому удержать Гитлера от нападения договор не мог. Молотов сообщил Шуленбургу о переговорах и о возможности подписания политического (но не военного!) соглашения. Посол заявил, что «момент его заключения произведет странное впечатление в Берлине, вызовет там удивление и возбуждение во всем мире», хотя «с деловой, трезвой точки зрения ничего нельзя сказать против заключения пакта»¹⁷. В итоге договор никого не спас, но серьезно осложнил отношения между Москвой и Берлином. На рассвете 6 апреля вермахт вторгся в Югославию.

Обратный путь Мацуока тоже пролегал через Москву, где он решил задержаться подольше. До границы Осима ехал с ним в одном купе и убеждал не подписывать никакого договора, потому что Германия и СССР будут воевать. На источник информации посол не сослался, но Вайцзеккер позже утверждал, что именно он, вопреки линии Гитлера и Риббентропа, заронил в душу Осима сомнения в безоблачности отношений двух стран¹⁸. Министр счел услышанное блефом и подписал в Москве пакт о нейтралитете.

Узнав эту новость, Риббентроп, по свидетельству Хессе, в гневе вскочил из-за стола и начал проклинать японцев и лично Мацуока, которого назвал «низким существом, купленным англичанами». «Гитлер отреагировал похожим

образом, но более реалистично и менее лично», беспокоясь о том, не сказал ли рейхсминистр гостю чего-нибудь лишнего, о чем тот мог проболтаться в Кремле. Мацуока ни о чем не проболтался, и Берлин сделал хорошую мину при плохой игре, не став осложнять отношения с Токио, где трубили о крупной дипломатической победе¹⁹.

В этом отлично подыграл... сам Сталин. Приехав вместе с Молотовым на вокзал проводить японского министра, который после кремлевских возлияний еле держался на ногах, вождь на глазах изумленного дипкорпуса демонстративно оказал внимание Шуленбургу. «Сталин громко спросил обо мне, — сообщил посол, — и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: "Мы должны остаться друзьями, и вы должны все для этого сделать!" Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: "Мы останемся друзьями с вами в любом случае". Сталин, несомненно, приветствовал полковника [Ганса. — В. М.] Кребса и меня, таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек внимание многочисленной публики, присутствовавшей при этом». Несколькими строками выше Шуленбург писал: «На вопрос итальянского посла, поднимался ли во время переговоров Мацуока со Сталиным вопрос об отношениях Советского Союза с "осью", Мацуока ответил, что Сталин сказал ему, что он — убежденный сторонник "оси" и противник Англии и Америки»²⁰.

Официальные советские комментарии не отрицали связь между договором с Японией и Тройственным пактом. Однако передовица «Правды» от 16 апреля искажала ход событий в силу изменившейся ситуации: «В ноябре 1940 года Советскому правительству было предложено стать участником "пакта трех" о взаимопомощи и превратить "пакт трех" в "пакт четырех". Так как Советское правительство не сочло тогда возможным принять это предложение, то вновь встал вопрос о пакте между Японией и СССР». Как известно, отказался от союза не Сталин, а Гитлер. Сталин понимал, что «союза четырех» уже не будет и что война возможна, причем даже на два фронта. В силу договоров он не слишком верил, ибо сам не раз нарушал их, но предпочитал иметь с соседом на восточных рубежах

пакт о нейтралитете, нежели не иметь ничего. Г. Городецкий утверждает: «Смысл этого пакта не в том, чтобы уменьшить угрозу войны на два фронта, как до сих пор считают. Это был скорее позитивный шаг, сопровождавшийся сходными попытками примириться с Италией и воскресить идею Риббентропа, чтобы Советский Союз присоединился к "оси"»²¹. Полагаю, что Сталин в апреле 41-го вряд ли мог всерьез надеяться на союз с Германией. «Лишь бы не было войны...»

3

Судьбу Югославии, распавшейся на «национальные углы», фюрер, дуче и их министры решали 20—22 апреля 1941 года. Главным бенефициаром оказались хорватские националисты во главе с поглавником Анте Павеличем: вместе с формальной независимостью Хорватия получила Боснию и Герцеговину и стала очередным звеном «оси». Гитлер отнес ее к сфере влияния Италии, как и Черногорию, против формальной независимости которой тоже не возражал. Словению предполагалось поделить, Македонию и Косово передать Болгарии при условии исправления границы с Албанией, находившейся под итальянским протекторатом. Самая печальная участь ожидала Сербию, считавшуюся центром панславистских и антигерманских интриг. Решено было сделать ее как можно меньше, удовлетворив притязания всех соседей, и максимально ослабить — в «новой Европе» ей не отводилось места даже как сателлиту. Главной причиной таких настроений было доминирование сербов в Югославии, которая со времени создания в 1919 году по сути всегда была «Великой Сербией». Италия также выпрямила греко-албанскую границу и получила Ионические острова; судьбу остальной Греции решили определить по окончании войны²².

О Советском Союзе снова не говорилось, потому что союзникам знать о плане «Барбаросса» пока не полагалось. 6 апреля Гитлер известил Риббентропа о своем намерении в форме, не предполагавшей возражений: «Фюрер просил меня занять для внешнего мира более четкую позицию в его духе. Он сказал, что однажды Запад поймет, почему он отклонил советские требования и выступил против Востока»²³.

Однако рейхсминистр попытался еще раз переубедить диктатора, добившись, чтобы тот принял посла в Москве графа Фридриха фон дер Шуленбурга для личного доклада. Посол, советник посольства Густав Хильгер и военный атташе генерал кавалерии Эрнст-Август Кёстринг составили подробный меморандум о губительности войны с СССР, который усилиями Риббентропа и Вайцзеккера дошел до «читателя номер один» — но, к сожалению, не до нас. 28 апреля Гитлер принял Шуленбурга в Рейхсканцелярии. Меморандум лежал на столе, но фюрер ни разу не обратился к нему, сведя разговор к тому, «какой черт дернул русских заключить пакт с Югославией», и лишь на прощание как бы невзначай бросил: «Да, вот еще. Я не намерен воевать с Россией». Шуленбург понял, что война неизбежна²⁴.

Риббентроп отсутствовал под предлогом болезни, но его сыну «представляется невозможным, что отец не присутствовал по состоянию здоровья в разговоре о судьбоносном решении в отношении представляемой им германской политики. Вероятно, как я уже говорил, его побудили воздержаться от участия в разговоре психологические причины. Он занимал в отношении Гитлера категорическую установку на предотвращение планировавшейся войны против России; таким образом, он не хотел, вероятно, принимая в расчет менталитет Гитлера, отягощать разговор с Шуленбургом своим участием. Гитлер должен был непременно и без него — Риббентропа в качестве свидетеля — провести с Шуленбургом беседу с глазу на глаз, в которой могли быть вновь приведены все доводы, говорящие против войны с Россией. Гитлер, как известно, реагировал очень чувствительно на возражение в присутствии свидетелей»²⁵.

Возможно, именно это событие окончательно сломило волю нашего героя. 29 апреля Вайцзеккер записал, что рейхсминистр «в принципе не расположен к войне из-за своих недавних речей о пользе дружбы с Россией», но уже 1 мая саркастически добавил: «Риббентроп в письме к фюреру выступает за войну против России». Он выговаривает

---

* Это письмо нам неизвестно.

мне за отрицательное отношение к еще одному Великому решению»²⁶. Позднейшие попытки Шуленбурга добиться возобновления диалога с Москвой на высшем уровне — подобно усилиям графа де Лористона, последнего посла Наполеона при дворе Александра I накануне войны 1812 года (еще одна аналогия от Гафенку!), — были личной инициативой и прекратились 12 мая после «настоятельно совета» Вайцзеккера и Вёрмана. Рейхсминистра даже не информировали об этих зондажах²⁷.

Одиннадцатого мая в Германию прибыл адмирал Дарлан, которого сперва принял Риббентроп, а затем Гитлер. Адмирал напомнил, что это день памяти Жанны д'Арк, символа борьбы французов против англичан. Готовя гостя к следующей беседе, рейхсминистр сказал, что «если Франция и Германия найдут правильный путь, Франция займет приготовленное для нее почетное место в новой Европе». Дарлан подтвердил понимание того, что «Франция разгромлена и ей придется заплатить за свое поражение».

Беседа интересна еще и тем, что здесь Риббентроп подробно изложил свой взгляд на Америку, хотя сказанное не делает ему чести ни как политику, ни как геополитику. Он справедливо отметил, что цель Рузвельта — оказать помощь Великобритании, но легкомысленно заявил, что «в политике американцы — дети, а в военных делах и того хуже», что «Англия проиграла, вне зависимости от того, вступит Америка в войну или нет» и что «неестественный и беспорядочный» империализм США заключается в том, что «Рузвельт сует свой нос везде, где ему нечего делать». Такие воззрения были присущи всей нацистской верхушке и во многом питались оптимистическими донесениями военного атташе в Вашингтоне генерала Фридриха фон Бёттихера, которые отличались от осторожных прогнозов дипломатов.

Видимо, на Риббентропа повлиял состоявшийся неделей раньше разговор с американским послом в Брюсселе Джоном Кудахи, который после оккупации Бельгии вермахтом оказался невольным гостем рейха. Этот рузвельтовский назначенец был противником участия в европейских войнах и подтвердил, что большинство американцев не желают этого. Риббентроп не удержался от резких, хотя и корректных, комментариев по поводу воинственных на-

строений Рузвельта, повторив, что у Америки нет причин для вступления в войну — Германия ничего не имеет против нее, а Англию уже не спасти. Те же суждения посол услышал от Гитлера 23 мая — немцы рассчитывали донести свою точку зрения и до президента, и до его оппонентов²⁸. По возвращении на родину Кудахи уже не занимал официальных постов, но стал одним из лидеров антиинтервенционистского комитета «Америка прежде всего» (*America First Committee*).

Между тем люди, знающие истинную ситуацию в Новом Свете, предупреждали и Риббентропа, и Гитлера. Путешественник и писатель Колин Росс, ученик Хаусхофера и пропагандист его идей, вернувшись в начале марта 1940 года из США, попросил своего друга Бальдура фон Шираха устроить ему встречу с фюрером, чтобы рассказать об увиденном. Гитлер уверенно ответил, что сенатор Роберт Тафт, Генри Форд и национальный герой Чарлз Линдберг — друзья Германии, так что даже с переизбранием Рузвельта опасаться нечего, возражения Шираха (на три четверти американца!) слушать не стал, но Росса все же принял. Гость построил беседу на предупреждении о том, что Америка непременно вступит в войну, «считая себя призванной судить, что хорошо и что плохо в старушке-Европе», и что преследование евреев в рейхе максимально способствует этому. Гитлер поблагодарил и выразил желание побеседовать еще раз... который так и не наступил. Риббентроп, прочитав запись беседы, несколько раз встречался с Россом, внимательно слушал и просил изложить сказанное в письменном виде, чтобы передать фюреру. По утверждению Шираха, отпустившего по адресу нашего героя в мемуарах положенную долю колкостей, «Риббентроп не был способен понять идеи Росса во всей полноте» и ничего Гитлеру не передавал. Ясно одно — рейхсминистра он не убедил. В годы войны Росс обличал американский империализм и его агрессивную политику, но никогда не преуменьшал силы врага. 29 апреля 1945 года при приближении американцев он застрелился в венском доме Шираха²⁹.

Но вернемся к визиту Дарлана. Разговор с Гитлером он тоже начал с упоминания о Жанне д'Арк и с похвал «несравненному стратегическому таланту» фюрера. «Созда-

ние европейской конфедерации государств всецело зависит от него, — заливался соловьем адмирал, желая добиться смягчения оккупационного режима. — Постоянство и прочность такой конфедерации требует добровольного и искреннего сотрудничества всех ее участников. Из этого вытекает безусловная необходимость германско-французского сотрудничества. Он, Дарлан, будет вести политику Франции в этом духе, в согласии с Петеном». После этого гость просил помощи и уступок во имя успеха общего дела. Гитлер ответил, что для победы он не нуждается в помощи, но вознаградит Францию за каждый дружественный акт, за большой — много, за небольшой — немного, только не во вред своей стране. На следующий день, во время прощальной беседы, Риббентроп сказал, что разговоры о сотрудничестве имеют смысл лишь в том случае, если собеседник уверен в победе рейха. Дарлан заверил, что не сомневается в ней³⁰.

Демонстрируя стремление углублять коллаборацию, адмирал велел ускорить переговоры по военным вопросам, которые завершились 28 мая в Париже подписанием трех протоколов: Франция бралась оказывать рейху военную помощь в Северной Африке, Ираке и Сирии, не вступая в войну и сохраняя под своим контролем территории, флот и арсеналы, что укладывалось в игру Петена с Западом³¹. Однако 1 июня Риббентроп вызвал Абеца и заявил, что никаких уступок не предвидится, поскольку в данной ситуации французская помощь является само собой разумеющейся, из-за чего между ними возникла размолвка — по словам посла, первая в истории их отношений. Лишь в конце разговора «из-под неподвижной маски, за которую Риббентроп все чаще прятался, появилось настоящее человеческое тепло. "Как и вы, мой давний соратник, я не хочу, чтобы ваша миссия окончилась провалом", — сказал он»³².

Французы отметили, что на встрече 11 мая Гитлер был, что называется, не в своей тарелке. Вскоре они узнали причину — накануне Рудольф Гесс, заместитель фюрера по партии, сел в самолет и улетел в неизвестном направлении, а вскоре обнаружился... в Шотландии. Загадку последнего полета «второго преемника фюрера после Геринга», многие десятилетия не дававшую покоя службам безопасности и любителям тайн истории, можно в целом считать разга-

данной. Гесс полетел в Англию не по поручению фюрера, а по своей инициативе, умело направляемый друзьями — Карлом и Альбрехтом Хаусхоферами, в отчаянной попытке примирить два «нордических народа». Но его донкихотская затея была обречена на провал. Однако в тот момент в Германии никто ничего не знал, все терялись в догадках, а Лондон хранил молчание.

Оправившись от первого потрясения (все-таки старый товарищ!), Гитлер велел строжайшим образом опросить или допросить всех, кто мог хоть что-то знать. Риббентроп не был исключением, хотя его взаимная антипатия с Гессом была хорошо известна: англичане запустили слух о том, что «наци номер три» бежал, спасаясь от Гимmlера и Риббентропа. Эти двое подвергли допросу Фрица Хессе, эксперта МИДа по английским делам, который узнал о случившемся лишь тогда, когда его срочно вызвали в Фушль. Поверив его растерянности и коротко рассказав о случившемся, рейхсфюрер СС поинтересовался, каковы шансы «миссии мира» на успех (Хессе ответил, что они равны нулю), а затем с тревогой спросил, не выдаст ли беглец «намерений фюрера относительно России». Риббентроп поспешил увести разговор от опасной темы, заявив, что «доктор Хессе — всего лишь мой эксперт по Англии и не информирован ни о каких намерениях относительно России».

Получив требуемые разъяснения, они отправились к Гитлеру. Вернувшись, рейхсминистр сказал Хессе: «Не понимаю. Я передал фюреру все, что вы говорили, добавив, что полностью разделяю ваше мнение. Все это глупость, настолько ужасная, насколько мы можем себе представить. Если бы только фюрер не слушал идиотов, которые морочат ему голову возможностью легкого мира с Англией. Вообразите, он на самом деле думал, что Гесс может добиться успеха. Хорошо хоть теперь он так не думает. Вам повезло, что вы не имели к этому отношения. С Гессом и его окружением теперь покончено»³³.

Из сказанного как будто можно заключить, что Гитлер сам послал своего заместителя в Англию, но факты и документы свидетельствуют об обратном. Что касается последних слов, то так оно и произошло, причем незамедлительно. Риббентроп мог бы радоваться устранению соперника, но в

результате на его месте оказался куда более сильный и опасный человек — Мартин Борман. Карл Хаусхофер, давний ментор и друг беглеца, лишился покровительства Бормана. Тень подозрения пала и на Альбрехта, связанного с антигитлеровской оппозицией, но успешно скрывавшего эту связь.

4

Напоследок Гесс все-таки причинил неприятность Риббентропу, которому пришлось объяснять случившееся итальянцам во время визита в Рим 13—14 мая. Он сказал, что Гесс — безумец, подпавший под влияние гипнотизеров и астрологов, но ни в коем случае не предатель и что его расчеты на диалог с англичанами нелепы. Затем рейхсминистр рассказал о переговорах с Дарланом и перешел к вопросу о помощи антибританским силам в Ираке и Афганистане (немцы обхаживали афганского министра экономики Абдула Меджида, приехавшего в Германию лечиться; годом раньше он пытался вступить в переговоры с СССР через полпредство в Кабуле). Муссолини заметил, что в едином антибританском фронте не хватает только Испании и СССР, и поинтересовался, как обстоит дело с ними. Об испанцах гость отозвался неприязненно, о русских осторожно: отношения корректные. Сталин едва ли пустится на авантюру, но если пустится, то будет разбит за три месяца; фюрер не ищет осложнений, хотя встревожен концентрацией советских войск на границе; он готов к любым неожиданностям, но никаких решений еще не принял³⁴.

Тем временем японские союзники не только досадили Берлину пактом с Москвой, хотя Хаусхофер оценил его как «шедевр политиков, обладающих великой прозорливостью»³⁵, но и тайком вступили в переговоры с США. 3 мая Риббентроп показал Осима американский проект двустороннего соглашения от 16 апреля, полученный по каналам разведки. Посол был изумлен, ибо сам ничего не знал, и выразил недовольство в телеграммах своему министру.

Коноэ и Мацуока начали игру с Америкой, причем каждый норовил вести ее по-своему. На вопросы посла Отта глава МИДа отвечал уклончиво: то заверял его в верности Тройственному пакту, то ссылался на проамериканское лобби в Токио, с которым приходится считаться, но все же

проинформировал о ходе зондажей. В это время начали циркулировать слухи о скором визите Мацуока в Америку. 9 мая Риббентроп показал Осима телеграммы Отта и попытался добиться ясности относительно американских предложений и японских ответов. Цели Вашингтона были понятны — оторвать Японию от «оси» и удержать ее от вступления в войну. Позиция Токио была менее очевидной, а Мацуока зарекомендовал себя как политик, от которого можно ждать неожиданностей. Рейхсминистр не знал главного: японский коллега не был гением интриги, просчитывавшим ситуацию на много ходов вперед; он находился во власти сиюминутных настроений, сам не зная, что предпримет завтра, но не поддавался контролю со стороны. Проведя молодость в Америке, Мацуока испытывал к ней чувство «любви-ненависти», более понятное психоаналитику, нежели политологу. Кроме того, его пленила перспектива нового триумфа — нормализации отношений с США. Риббентропа волновали конкретные вещи: вступит ли Япония в войну против Англии и нанесет ли удар по Сингапуру, — но внятного ответа он так и не добился.

Японцы делали Рузвельту предложения о разделе сфер влияния на Тихом океане, но они тоже не знали главного: Вашингтон искал не примирения, но надежного способа вступления в войну на стороне Англии в обход собственного общественного мнения. Из-за этого Рузвельт и госсекретарь Хэлл выдвигали заведомо неприемлемые условия, вроде полного ухода японцев не только из Китая, но и из Маньчжурии, на что военные круги не пошли бы ни в коем случае. Располагая данными разведки и не строя иллюзий, Риббентроп, как показывает его послание Мацуока от 12 мая, понимал это, а потому нервничал. Беспокойство сменилось раздражением, когда 14 мая он получил из Токио инструкции японского министра своему послу в Вашингтоне адмиралу Номура. В них указывалось, что Япония готова остаться в стороне от «европейской войны», то есть не выступать против Англии, если США поступят так же и призовут Чан Кайши к компромиссу. Риббентроп велел Отту заявить протест по поводу того, что Токио не проконсультировался с союзником, и предупредить Мацуока, что любое соглашение такого рода ослабит Тройственный

пакт. «По нашему мнению, — телеграфировал он, — лучшим способом удержать Америку от вступления в войну является полный отказ Японии от обсуждения американских предложений»³⁶.

Второго июня Гитлер и Муссолини тоже поговорили о Японии, а затем обсудили, кто станет следующим премьером Англии после неизбежного, по их мнению, падения Черчилля. Гитлер назвал государственного секретаря по авиации баронета Сэмюэля Хора и 78-летнего Дэвида Ллойд Джорджа, но Риббентроп отвел первую кандидатуру как «слишком незначительную». Воинственную позицию Рузвельта собеседники объяснили его личной ненавистью к фюреру и дуче, а от цифр возможной американской помощи Англии отмахнулись как от нереальных. Рейхсминистр добавил, что прилагает максимум усилий для заключения договора с Турцией, дабы гарантировать ее нейтралитет. В беседе с Чиано Риббентроп заявил, что рейх отдает новорожденную Хорватию на откуп Риму, но сосредоточит в своих руках отношения «оси» с Францией и что слухи о скорой операции вермахта против России «лишены основания или как минимум очень преждевременны»³⁷.

С другими союзниками немцы были откровеннее: Антонеску узнал о готовившемся нападении на СССР 11 июня, Хорти — 15 июня. Раньше всех, как ни странно, были оповещены японцы. По итогам встреч с Гитлером и Риббентропом 3 и 4 июня Осима телеграфировал: «Оба сказали мне, что по всей вероятности война с Россией неизбежна», а через несколько дней посоветовал прекратить проезд соотечественников через территорию СССР, многозначительно добавив: «Вы поймете почему»³⁸. В Токио поняли. Поняли и американцы, которые взломали японские шифры и всю войну читали отчеты хорошо информированного посла.

Только 15 июня в Венеции, где отмечалось присоединение Хорватии к Тройственному пакту, Риббентроп как бы невзначай сказал Чиано, что «русско-германские отношения в последнее время существенно ухудшились», «возникновение кризиса более чем возможно», а потому до конца месяца фюрер намерен предъявить Москве ультиматум. Итальянский министр сделал вывод, что Гитлер решил воевать, но отметил неожиданно благодушное и даже расслаб-

ленное настроение своего коллеги³⁹. Однако официально о нападении Муссолини будет оповещен лишь после того, как германская армия пересечет советскую границу.

Какие мысли владели Риббентропом накануне начала операции «Барбаросса», мы не знаем. Но опубликованные О. В. Вишлевым секретные сводки «Бюро Риббентропа» (это название сохранилось за личным штабом министра) помогают понять, какой информацией он располагал. Под руководством Ликуса «штаб... тщательнейшим образом перепроверял сообщения внешней разведки и включал их в сводки агентурных донесений для подачи наверх (не только Риббентропу, но и Гитлеру) только в том случае, если их качество не вызывало сомнений». Одним из главных источников стал Орестс Берлингс, бывший корреспондент латвийской газеты «Брива Земе», завербованный советской резидентурой в Берлине — советником полпредства Амаяком Кобуловым («Захар») и представителем ТАСС Иваном Филипповым («Философ») в августе 1940 года. «Лицеист», как окрестили Берлингса в НКГБ, сразу же предложил свои услуги немцам, которым был известен как «Петер». Попавший в дипломаты по протекции (его брат Богдан был приближенным Берии), Кобулов не знал иностранных языков, поэтому на встречи с «Лицеистом» горе-разведчику приходилось брать с собой «Философа» в качестве переводчика.

«Хотя ни советская, ни немецкая сторона полностью не доверяли Берлингсу, — продолжает Вишлев, — тем не менее, информация, поступавшая от него, шла на самый верх: в Москве она представлялась Сталину и Молотову, в Берлине — Гитлеру и Риббентропу. Последний, правда, заподозрил Берлингса в двойной игре и 18 июня 1941 года распорядился установить за ним "строгое наблюдение", а с началом войны "обязательно взять под арест"». После нападения Гер-

---

* «Двойную игру» Берлингса заподозрил Гитлер, отметив в его донесении от 17 июня фразу: «Филиппов не проявил интереса к визитам царя Бориса и генерала Антонеску». Он назвал ее «алогичной и детской», поскольку «интерес русских к визиту генерала Антонеску должен быть велик... Его [фюрера. — В. М.] интересует, что же агент сообщает русским, если они так долго оказывают ему столь высокое доверие» (DGFP, D. Vol. XII. P. 1042—1043, 1049).

мании на Советский Союз "бюро Риббентропа" переправило Берлингса в Швецию, по-видимому, в расчете на продолжение его использования в агентурных целях... Сообщения "Петера"—"Лицеиста" были для обеих сторон важным источником информации, а для Берлина одновременно и каналом дезинформации противника... Донесения свидетельствуют, что советская сторона в конечном счете поддалась на дезинформацию относительно намерения Германии достичь мирного урегулирования отношений с СССР».

Это подтверждали сообщения германских дипломатов об общении с советскими коллегами, из которых можно было сделать вывод о готовности Сталина к серьезным уступкам. С середины мая «Бюро Риббентропа» фиксировало слухи о том, что «между Германией и Советским Союзом заключено секретное соглашение» (право прохода вермахта через советскую территорию и долгосрочная сдача «пшеничных полей Украины» и части бакинских нефтепромыслов в аренду Третьему рейху на условиях «свободного выхода к Персидскому заливу» — 28 мая), что «состоялась либо состоится в ближайшее время тайная встреча фюрера со Сталиным или имперского министра иностранных дел с Молотовым», а «германские войска уже движутся с разрешения советского правительства через Киев в район Черного моря», «в Ирак и Персию» (30 мая и 4 июня). Документы показывают, что до момента объявления войны «принципиальные вопросы советско-германских отношений ни советской, ни немецкой стороной не поднимались... германская сторона не предъявляла никаких требований уступок, а советская сторона, в свою очередь, их не предлагала»⁴⁰. Однако до сих пор не прокомментированы утверждения, содержащиеся в служебном дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Франца Гальдера: «г. Молотов хотел 18.6 говорить с фюрером» и в личном дневнике доктора Геббельса от 21 июня: «Вчера... Молотов просился с визитом в Берлин, однако получил решительный отказ»⁴¹. Просился или нет? Российские «Документы внешней политики» хранят по этому поводу гробовое молчание...

Двадцать седьмого мая «Петер» сообщил Филиппову со ссылкой на начальника отдела печати МИДа Шмидта: «Имперский министр иностранных дел придерживается

точки зрения, что политика сотрудничества с Советской Россией должна продолжаться. Он сказал: "Я не позволю оказывать влияние на мою политику всякому, кто преследует собственные интересы". Фюрер же обходит полным молчанием германо-русские отношения». Это резонно считается дезинформацией. «Тайна относительно подлинных замыслов фюрера... была сохранена фактически до последнего дня», — суммировал Ликус 22 июня. Но в сообщении «Петера» есть не менее интересная и более правдивая часть: «Шмидт высказал мнение, что главный вопрос в данный момент — это вопрос арабских народов и установления нового порядка в арабском мире... Германия стремится добиться и на Ближнем Востоке таких же всеобъемлющих, рассчитанных на длительное время решений, каких она добилась на Балканах»⁴². Это подводит нас к истории проекта Риббентропа, которым он, похоже, рассчитывал отвлечь Гитлера от плана «Барбаросса».

С лета 1940 года ведущий специалист МИДа по ближневосточным делам Фриц Гробба пытался привлечь внимание руководства к арабскому движению за независимость как потенциальному союзнику в борьбе с Англией. Гробба, бессменный посланник в Ираке с обретения этой страной независимости в 1932 году и до разрыва ею под давлением Лондона дипломатических отношений с рейхом 6 сентября 1939 года, располагал настолько обширными связями, что его сравнивали с Лоуренсом Аравийским. Против англичан он предложил использовать иракского премьера Рашида Али аль-Гайлани и великого иерусалимского муфтия Амина аль-Хусейни, сторонника независимой арабской Палестины. В декабре 1940 года Гайлани через итальянцев попытался восстановить дипломатические отношения с Германией, но 3 февраля 1941 года был отправлен в отставку. Его преемник тут же попросил у англичан 750 тысяч долларов, но получил ответ, что их еще надо заслужить. 20 января муфтий написал Гитлеру письмо с предложением о сотрудничестве и отправил с ним в Берлин своего помощника, который через неделю встретился с заместителем статс-секретаря Вёрманом, отвечавшим на «германо-арабскую весну». 7 марта он и Гробба составили записку по иракскому вопросу⁴³.

Тем временем 2 апреля в Багдаде произошел переворот, 13 апреля Гайлани вновь возглавил правительство. В промежутке между этими событиями 8 апреля Вайцзеккер по указанию Риббентропа дал положительный ответ на послание муфтия, а Вёрман и Гробба представили министру меморандум, советуя не упустить возможность закрепить в стратегически важном районе. Черчилль, под предлогом защиты нефтепроводов и воздушных коммуникаций, приказал ввести в Ирак войска. 18 апреля иракское правительство запросило помощи у Берлина, но фюрер не спешил. 27 апреля и 3 мая Риббентроп подал ему две записки, призывая вмешаться как можно скорее, поскольку успех в Ираке позволит взять в свои руки Суэцкий канал. Рейхсминистр нашел деньги и договорился о совместной операции с итальянцами и французами (с территории Сирии), однако Гитлер подписал соответствующую директиву ОКВ только 23 мая. Гайлани молил о помощи, но было поздно. К концу месяца англичане заняли всю территорию Ирака и с помощью голлистов вторглись в Сирию, где нанесли поражение французским войскам, сохранявшим верность режиму Виши. Гайлани и его сторонники бежали из страны⁴⁴.

Стремясь использовать все возможности, немцы продолжали контакты с Гайлани и муфтием, попросившими убежища в рейхе. 20 июля рейхсминистр распорядился поддержать движение за независимость Сирии. В августе он призвал немецкую агентуру в Кабуле к осторожности, но подготовка операции «Тигр» против Британской Индии продолжилась. Приехавший в Берлин в начале ноября муфтий 28 ноября был принят Риббентропом и Гитлером, от которых попытался добиться официальной декларации в поддержку арабского движения за независимость, вроде «декларации Бальфура» 1917 года, обещавшей евреям создание «национального дома» в освобожденной от турок Палестине. Рейхсканцлер решил, что делать подобные заявления преждевременно, но согласился оказать арабам финансовую и военную помощь. Вскоре в Берлине появился Гайлани, попросивший официально признать его полномочия⁴⁵.

В отличие от Риббентропа, Гитлер пренебрежительно относился к арабам (семиты!), поэтому муфтий перебрался

в Рим и стал соперничать с оставшимся в Германии Гайлани. Признанный главой иракского правительства в изгнании, тот в 1942 году заключил договор о союзе с Италией (31 марта) и Германией (14 мая). Немцы использовали добровольческий «Арабский легион» против англичан и поддерживали национальную оппозицию в Египте, поэтому после войны лидеры освободительного движения Гамаль Абдель Насер и Анвар Садат привлекли на свою сторону немало немецких эмигрантов. Гробба до 1955 года находился в СССР, где его обстоятельно допрашивали, как и других захваченных в плен фигурантов несостоявшейся «немецко-арабской весны»⁴⁶.

Еще одним гостем с Востока стал бывший председатель Индийского национального конгресса, лидер радикального крыла партии Субхас Чандра Бос, известный как *нетажжи* (вождь). В первый приезд в Европу в 1933 году он безуспешно пытался вступить в контакт с нацистами, зато Муссолини проявил к нему внимание и симпатию. Годом позже он познакомился с Карлом Хаусхофером. Англичане предпочитали держать Боса за решеткой, поэтому в январе 1941 года он бежал из Индии в Афганистан с целью добраться до Берлина. 9 февраля Вёрман поручил Шуленбургу обеспечить его проезд через советскую территорию. После долгих переговоров секретарь германской миссии в Кабуле Э. Шмидт получил 15 марта в советском полпредстве въездную визу для итальянца Орlando Маццотта. Знал ли советник Виктор Козлов (полпред Константин Михайлов знал), что это — тот самый Бос, о скором приезде которого в Германию для ведения антибританской пропаганды ему в тот же день рассказывал Шмидт? «Документы внешней политики», публикуя запись их беседы, не сообщают, что «Мазетта» (так в документе) и Бос — одно и то же лицо⁴⁷.

Нетажжи приехал в Берлин 2 апреля и на следующий день встретился с Вёрманом, сразу поставив вопрос о создании «правительства Свободной Индии в изгнании». Немцы рассчитывали использовать Боса в основном для радиопропаганды, но составленный им 9 апреля «План сотрудничества между странами Оси и Индией» предполагал признание правительства и подготовку военной операции с использованием территории Афганистана и пуштунских

племен. Прочитав план, Риббентроп 29 апреля принял Боса и задал ему ряд конкретных вопросов. Гость отвечал четко и содержательно. «Время для большого массового движения в Индии психологически созрело», дух англичан в упадке после поражений в Европе, но индийцы разобщены, что явилось следствием политики разжигания национальных и религиозных противоречий, примиренчества Ганди и компрадорской позиции знати; они не имеют оружия, хотя офицерство настроено патриотически и не верит в победу Англии. Пропаганда воспитала в них отрицательное отношение к фашизму и национал-социализму, поэтому англичане считаются меньшим злом. Рейхсминистр заявил, что в «новой Европе» Англии не будет места и что ее единственной надеждой являются США, и выразил готовность помогать индийцам.

Воодушевленный Бос 3 мая подал новую записку о необходимости декларации независимости Индии и ее поддержке странами «оси», на что Гитлер в принципе согласился, будучи настроен более решительно, чем чиновники МИДа. 20 мая *нетаджи* подготовил «Детальный план работы», предусматривавший координацию действий с режимом Гайлани в Ираке и пуштунскими племенами. Трудно сказать, каковы были шансы на успех, если бы фюрер вовремя подписал директиву ОКВ, которую сам же велел готовить, и разрешил обнародовать декларацию, но он не сделал этого. Обращение к итальянцам в конце мая ухудшило положение: помощи Бос не дождался, но стал дополнительным источником трений между Риббентропом и Чиано.

После нападения Германии на СССР общественное мнение Индии качнулось в сторону англо-американо-советской коалиции, о чем Бос 17 июля говорил Вёрману, призывая действовать и критикуя политику Берлина. 15 августа он писал Риббентропу: «Выдающиеся люди, посвятившие всю жизнь борьбе с Англией... подпали под воздействие пропаганды и считают, что если нельзя добиться свободы Индии при помощи "оси", лучше заключить мир с Англией на максимально благоприятных условиях... Мы не можем надеяться привести Индию на сторону "оси", если ее державы прежде не обнародуют свой курс в отношении Индии». Пересылая письмо шефу, Вёрман посоветовал

товал обнадежить автора, но выждать подходящий момент для декларации. 6 сентября Гитлер снова отложил ее, опасаясь спровоцировать британское вторжение в Афганистан. Вспомнили о Босе только в ноябре, когда в Берлине объявились Гайлани и муфтий. Он торжественно открыл Центр Свободная Индия и вышел в эфир на волнах одноименного радио. Англо-американская пресса сразу назвала его «квислингом» (фамилия успела стать нарицательной). Бос забеспокоился, что это оттолкнет от него сторонников в Индии.

Рейхсминистр и *нетаджи* снова встретились 29 ноября. Бос высоко оценил шансы «оси» на победу, подкрепленные антибританскими настроениями на Ближнем и Среднем Востоке. Риббентроп ответил, что условием успеха любого освободительного движения в регионе является разгром Англии, лишь после которого следует строить планы на будущее. Декларацию можно обнародовать, когда немцы займут Суэцкий канал или Кавказ... Реальной помощи от МИДа Бос не получил: Риббентроп не ответил на большинство его писем, хотя напоминал Гитлеру о желательности просимой декларации. Зато он был вознагражден встречей с фюрером 27 мая 1942 года (накануне — с Риббентропом), когда уже решил вернуться в охваченную войной Азию, сделав ставку на японцев. Четвертая и последняя встреча Риббентропа с Босом состоялась 14 октября 1942 года на его торжественных проводах в дальний путь⁴⁸.

Фотография рукопожатия с Гитлером воспринимается как «каинова печать», как доказательство вины, будь то Чемберлен, Молотов, Петен или Бос. Несмотря на это, *нетаджи* и сегодня остается национальным героем Индии — более популярным и признанным после смерти, нежели при жизни.

5

Однако никакие восточные мотивы не могли предотвратить приведение плана «Барбаросса» в исполнение. 22 июня, ровно через 129 лет после Наполеона (аналогиям нет конца!), вермахт пересек западную границу СССР. На 4 часа утра рейхсминистр назначил встречу советскому послу, который с полудня 21 июня непрерывно звонил в МИД

и просился на прием по неотложному делу, но ему отвечали, что ни министра, ни статс-секретаря нет в городе.

«Я никогда не видел Риббентропа таким взволнованным, как за пять минут до прихода Деканозова. Он ходил взад и вперед по комнате, как зверь в клетке. "Фюрер абсолютно прав, нападая на Россию сейчас", — говорил он скорее себе самому, нежели мне; он твердил это снова и снова, как будто желая уверить себя в чем-то. "Русские непременно сами нападут на нас, если мы не сделаем этого сейчас". Он продолжал шагать по просторному кабинету в состоянии сильного возбуждения, с блестящими глазами, и повторял эти слова»⁴⁹.

Деканозов явился вовремя, протянул министру руку и начал излагать накопившиеся рутинные дела, но хозяин, сделав напряженное лицо, оборвал его: «Враждебное отношение советского правительства к Германии и серьезная угроза, которую Германия видит в концентрации русских [войск. — В. М.] на восточной границе Германии, заставили рейх принять военные контрмеры. [...] [Риббентроп. — В. М.] добавил, что он очень сожалеет о таком развитии германско-советских отношений, поскольку он, в частности, очень старался способствовать установлению лучших отношений между двумя странами. К несчастью, однако, обнаружилось, что идеологические противоречия между двумя странами стали сильнее здравого смысла». Тираду подкрепил меморандум, текст которого был одновременно сообщен Шуленбургу для передачи Молотову⁵⁰.

Далее, по воспоминаниям В. М. Бережкова*, переводчика Деканозова, произошло следующее: «Рейхсминистр перед объявлением об этом гибельном для нацистского рейха шаге выпил, видимо, для храбрости... Лицо его пошло красными пятнами, руки дрожали. Выслушав заявление Риббентропа о том, что два часа назад германские войска пересекли советскую границу, посол резко поднялся и сказал, что германские руководители совершают преступную агрессию, за которую будут жестоко наказаны. Повернувшись спиной и

---

* Шмидт ошибся, утверждая, что беседу переводил Павлов. В. Н. Павлов в то время работал в центральном аппарате НКВД в должности заведующего Центральноевропейским отделом.

не прощаясь, Деканозов направился к выходу. Я последовал за ним. И тут произошло неожиданное: Риббентроп поспешил за нами, стал шепотом уверять, будто лично был против решения фюрера о войне с Россией, даже отговаривал Гитлера от этого безумия, но тот не хотел слушать. "Передайте в Москве, что я был против нападения", — донеслись до меня последние слова Риббентропа, когда, миновав коридор, я уже спускался вслед за посланцем с лестницы».

Трудно вообразить более странное поведение министра иностранных дел страны, только что совершившей внезапное для противника, тщательно подготовленное нападение, гарантировавшее, казалось бы, скорый и бесспорный успех. Трудно представить и тем более объяснить, если исходить из обычных идеологем, как это сделал Бережков: «Почему он так нервничал, этот фашистский головорез, который так же, как и другие гитлеровские заправилы, был яростным врагом коммунизма и относился к нашей стране и к советским людям с патологической ненавистью... Конечно, он лгал, уверяя, будто отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Но все же что означали его последние слова? Тогда у нас не могло быть ответа. А теперь, вспоминая обо всем этом, начинаешь думать, что у Риббентропа в тот роковой момент... возможно, шевельнулось какое-то мрачное предчувствие»⁵¹.

Не верить Бережкову оснований нет (хотя другой свидетель — Роланд фон цур Мюлен — отрицал это, см.: *Риббентроп Р. фон*. Указ. соч. С. 256), равно как и нет оснований принимать его объяснение. Риббентроп сколько мог сопротивлялся войне, которую считал крахом «евразийского блока» и всей своей политики в целом. Поэтому и совершил столь странный и для этого случая, и для своего ранга поступок.

На весь мир Гитлер заявил, что «занял единственную позицию, которую мог занять как ответственный лидер Германской империи, но так же как и представитель европейской культуры и цивилизации, ощущающий свою ответственность» — «решил сегодня передать судьбу и будущее Германской империи и нашего народа в руки наших солдат». В подробном послании к Муссолини от 21 июня, явно написанном «для истории», есть и более Примеча-

тельные откровения: «Я чувствую себя внутренне снова свободным, после того как пришел к этому решению. Сотрудничество с Советским Союзом при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки часто тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени»⁵². Однако 27 июня он же сказал Риббентропу, что чувствует себя как всадник, который мчится по тонкому льду замерзшего озера, замирает от ужаса, но понимает, что останавливаться нельзя — иначе провалится⁵³.

В половине шестого утра 22 июня Молотов принял Шуленбурга, принесшего ноту о «немедленном принятии военных контрмер» против «массированной концентрации» Красной армии на границе и сказавшего, что «по его мнению, это начало войны». «Для чего Германия заключила пакт о ненападении, когда так легко его порвала?» — спросил Молотов. Посол сказал, что «не может ничего добавить к сказанному», что он «в течение 6 лет добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы ничего не может поделать»⁵⁴. Вслед за этим сателлиты рейха разорвали дипломатические отношения с СССР и один за другим начали объявлять войну, кроме Дании и Франции. Болгарское посольство осталось на месте — явно не только из-за симпатий «братушек»... Японское посольство тоже, хотя в Токио не было единого мнения, что делать дальше.

6

Двадцать четвертого июня Гитлер выехал в ставку «Вольфсшанце» под Растенбургом (в Восточной Пруссии). Рейхсминистр немедленно обосновался в сорока километрах от нее в замке XVII века Штейнорт: граф Генрих фон Лендорф-Штейнорт уступил свое владение новому хозяину, получив разрешение оставить за собой часть дома, где благополучно жил до июля 1944 года, пока не оказался замешан в антинацистском заговоре, был арестован и повешен по приговору Народной судебной палаты...

В Берлине, где дипломатическая активность резко упала, Риббентроп почти не показывался. По мере продвижения фронта на Восток менялась и диспозиция. «Скла-

дывается впечатление, — пишет немецкий историк Карл Шлёгел, — что во время войны вся работа ведомства Риббентропа переместилась на железную дорогу. Сотрудники министерства иностранных дел все время были "на колесах". Летом 1942 года, к примеру, все дипломаты, которые хотели встретиться с Гитлером или с Риббентропом, должны были отправляться в Винницу или в Житомир»⁵⁵.

Шмидт, ездивший в ставку с иностранными гостями, рассказывал: «Для этого был предназначен особый спальный вагон, так называемый служебный поезд, отправлявшийся из Берлина каждый вечер. Зимой он уходил раньше, чтобы избежать бомбежек. На следующее утро служебный поезд прибывал в Варшаву, в полдень — в Брест-Литовск, вечером — на старую [то есть на существовавшую до сентября 1939 года. — В. М.] русско-польскую границу. Оттуда, из-за партизан и частого разрушения путей, роскошный поезд как улитка полз до Винницы, куда прибывал на следующее утро. Но иностранные дипломаты должны были покинуть поезд уже в 3 часа утра в Бердичеве и еще два часа ехать на машине до полевой штаб-квартиры Риббентропа. Он принимал их в 11 часов, обедал с ними в 12, а в 1 час летел вместе с ними на самолете в ставку Гитлера. Там в 3 или в 4 часа начиналась беседа, продолжавшаяся час или два. После этого они возвращались на машине в штаб-квартиру Риббентропа, ужинали и в полночь отправлялись в Бердичев, чтобы в 2 часа ночи сесть на служебный поезд до Берлина. Возвращались они в 8 часов утра, через две ночи. Таким образом, для короткой беседы с Гитлером, зачастую по частным и незначительным вопросам, послам и другим важным персонам приходилось проводить в пути три дня и четыре ночи. Этот пример характеризует излюбленные методы работы Гитлера и Риббентропа»⁵⁶.

С началом войны на Востоке рейхсминистра начали атаковать «национальные правительства», претендовавшие на «освобожденные территории». По указанию Гитлера, Вильгельмштрассе им не отвечало, но один пример заслуживает упоминания. 5 июля Риббентроп сообщил Абецу о послании на имя фюрера от жившего во Франции великого князя Владимира Кирилловича, объявившего себя главой дома Романовых: тот призвал «подданных» сотрудни-

чать с немцами ради освобождения родины. Рейхсминистр сделал вывод, что заявление великого князя «поможет советскому правительству и осложнит действия вермахта, поскольку даст большевистским правителям возможность утверждать в своей пропаганде, что России угрожает возвращение старого царского феодализма, и воля Красной армии к сопротивлению возрастет». Он велел передать «монарху», чтобы тот воздержался от любой публичной деятельности, иначе «Имперское правительство, к сожалению, будет вынуждено его интернировать»⁵⁷.

Внимание Гитлера было приковано исключительно к русскому направлению, чем решили воспользоваться французы. 14 июля (день взятия Бастилии!) Дарлан написал ему и, подтверждая верность монтуарской политике и майским протоколам, перечислил условия их успешной реализации: восстановление суверенитета Франции над всей ее территорией; особый статус Эльзаса и Лотарингии до заключения мирного договора; освобождение военнопленных; мораторий на выплату репараций и отказ держав «оси» от претензий на французские колонии. Риббентроп снабдил перевод послания припиской: «Полагаю необходимым раз и навсегда положить конец наивным французским попыткам шантажировать нас». Фюрер согласился, и Абец сообщил Дарлану, что в ближайшее время руководство рейха не может встретиться с ним⁵⁸. «Дипломатический блицкриг» хитрого адмирала не удался, но Риббентроп продолжал надеяться на сотрудничество в «монтуарском духе», о чем в конце октября говорил де Бринону⁵⁹.

Двадцать восьмого июля между Риббентропом и Гитлером произошла серьезная ссора. «Внешний повод для нашего конфликта был сначала совсем незначителен. В связи с представлением к награждению военными знаками отличия ряда сотрудников министерства иностранных дел, которые заслужили их, рискуя собственной жизнью, я просил права направить их наградные листы фельдмаршалу Кейтелю. Итак, речь снова шла о вопросе компетенции, на сей раз весьма второстепенном. Но обсуждение его становилось все более возбужденным с обеих сторон и вскоре распространилось и на другие проблемы; под конец оно затронуло наши противоположные взгляды по еврейскому

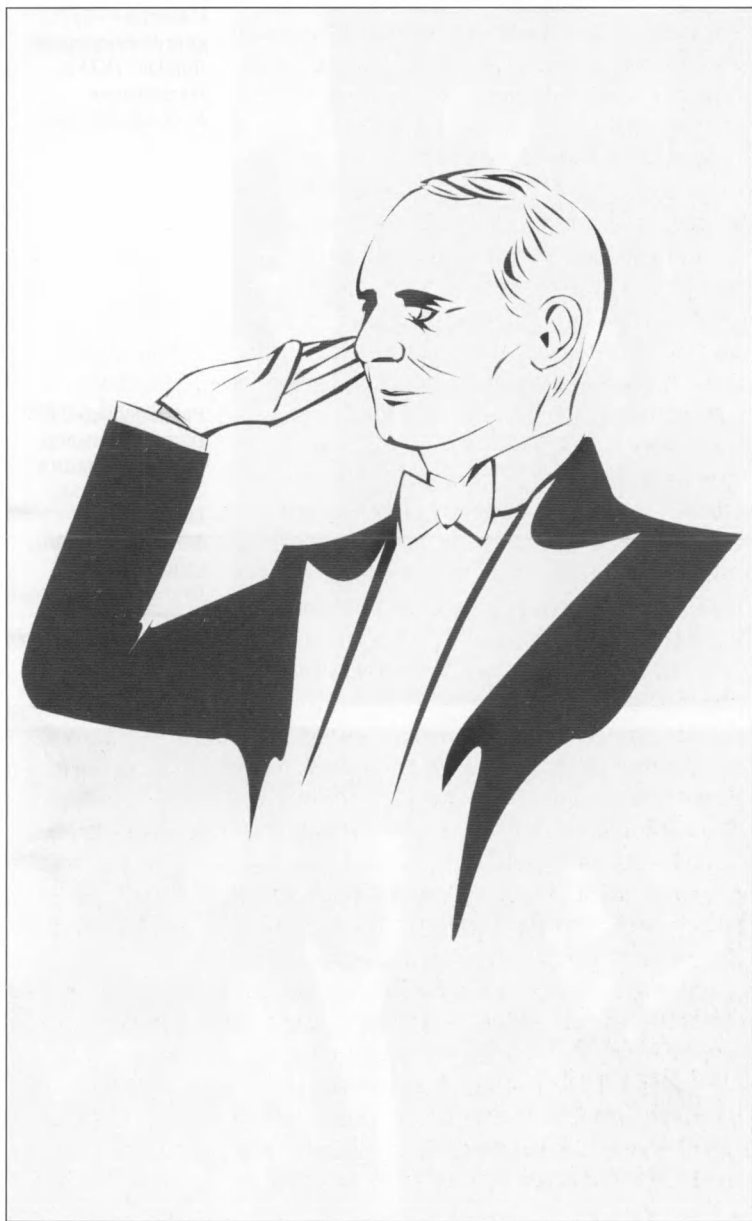
вопросу, а также и прочим вопросам мировоззрения. Это переполнило чашу моего терпения: я в возбуждении потребовал своей отставки и получил на нее согласие. Адольф Гитлер пришел при этом в такое сильное возбуждение, в каком я его еще никогда не видел. Когда я вознамерился выйти из кабинета, он в резких выражениях бросил мне упрек, что, постоянно противореча ему, я совершаю преступление, ибо этим подрываю его здоровье. Он выкрикнул это тяжкое обвинение с таким ожесточением, что оно глубоко потрясло меня и заставило в тот момент опасаться, как бы с ним не случилось какого-нибудь припадка. Я стал искать слова, которые могли бы его успокоить. Фюрер попросил меня больше никогда не требовать моей отставки, и я дал ему честное слово, что во время войны этого требования не повторю. [...] Мне никогда не забыть этой сцены, и я сказал тогда своим сотрудникам, что подам в отставку в тот самый день, когда будет заключен мир. [...] Однако никаких конспиративных действий я против Адольфа Гитлера никогда не предпринимал и в деловых вопросах был всегда с ним лоялен, оставшись верным ему лично до конца»⁶⁰.

Находившийся в то время при рейхсминистре в качестве шеф-адъютанта, будущий статс-секретарь МИДа барон Густав Штеенграхт фон Мойланд утверждал, что случившееся было «кульминацией длительной оппозиции войне с Россией со стороны Риббентропа», который попал в немилость и какое-то время общался с диктатором только через Хевеля⁶¹. Это продолжалось даже во время августовского визита Муссолини на Восточный фронт, где было много помпы, но мало деловых разговоров — дуче восприняли как туриста, пусть и очень важного.

Единственной заметной акцией Риббентропа в течение 2-й половины 1941 года стали продление 25 ноября Антикоминтерновского пакта и присоединение к нему стран-сателлитов. По словам Вайцзеккера, «среди гостей Бардоши (Венгрия) был самым суровым, Антонеску (Румыния) самым многословным, Тука (Словакия) самым воодушевленным, Лоркович (Югославия*) самым усердным, Попов

---

* Имеется в виду Хорватия.

Иоахим фон Риббентроп. *Портрет М. А. Девлин. 2018 г.*

Иоахим
фон Риббентроп.
Лондон. 1935 г.
Из собрания
В. Э. Молодякова

Рейхсфюрер СС
Генрих Гиммлер,
генерал авиации
Эрхард Мильх,
Иоахим
фон Риббентроп,
генерал
Вильгельм Кейтель
на приеме
в Имперской
канцелярии.
1938 г.

**СОПЕРНИКИ
РИББЕНТРОПА**

Герман Геринг

Йозеф Геббельс

Альфред
Розенберг

Иоахим фон Риббентроп на своей вилле в Далеме. 1936 г.
Фотография из журнала «Стрэнд» (1937, № 3).
Из собрания В. Э. Молодякова

Иоахим фон Риббентроп перед вручением верительных грамот.
Лондон. 30 октября 1936 г.

«Странствующий посол»: супруги фон Риббентроп в очередной раз покидают Лондон

Иоахим и Аннелиз фон Риббентроп с детьми.
Слева направо: Рудольф, Адольф, Урсула, Беттина.
Лондон. Начало 1937 г.

«Германское приветствие» в «штатском» варианте.
Начало 1937 г. Фотография из журнала «Стрэнд» (1937, № 3)

Иоахим фон Риббентроп встречается лорда Эдуарда Галифакса по возвращении из Берлина. Справа (спиной) — дочь Галифакса Энни. Лондон. 22 ноября 1937 г. Из собрания М. А. Девлин

Иоахим фон Риббентроп и премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен; в центре — британский посол в Берлине Невилл Гендерсон. Мюнхен. 29 сентября 1938 г. Из собрания М. А. Девлин

Справа налево: военный министр Вернер фон Бломберг, министр иностранных дел Польши Юзеф Бек, командующий сухопутными войсками барон Вернер фон Фрич, польский посол Юзеф Липский

Министры иностранных дел лорд Эдуард Галифакс (Великобритания; справа) и Жорж Бонне (Франция). *Париж. 20 мая 1939 г.*
Из собрания М. А. Девлин

Адольф Гитлер
с японским послом
в Германии Осима
Хироси.
В центре —
Иоахим
фон Риббентроп.
Берлин.
22 февраля 1939 г.

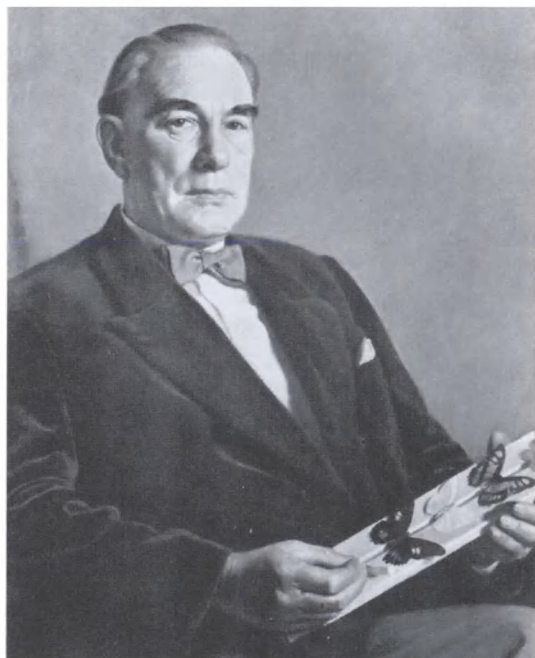
Адольф Гитлер
с японскими
послами Осима
Хироси
и Сиратори Тосио.
Берлин.
20 апреля 1939 г.

Принц Коноэ
Фумимаро,
премьер-министр
Японии
в 1937—1939
и 1940—1941 годах

Посол Германии
в Японии
Ойген Отт
с супругой перед
вручением
верительных
грамот императору
Сёва.
Токио. 1938 г.

Джон Теннант,
британский друг
Иоахима
фон Риббентропа

Спецпоезд
Иоахима фон
Риббентропа во
время Польской
кампании.
Слева направо:
Пауль Шмидт,
Вальтер Хевель,
Риббентроп,
Фридрих Гаус.
1939 г.

Иоахим фон Риббентроп (с права) и министр иностранных дел Румынии Григоре Гафенку. Берлин. 18 апреля 1939 г. Из собрания В. Э. Молодякова

Встреча Адольфа Гитлера с главой Французского государства маршалом Филиппом Петеном. В центре — Иоахим фон Риббентроп.
Монтуар. 24 октября 1940 г.

Иоахим фон Риббентроп приветствует Осима Хириси в замке Фушль.
23 февраля 1941 г.

Церемония по случаю заключения Тройственного пакта Германии, Италии и Японии.

На переднем плане справа налево: германский посол Ойген Отт, итальянский посол Марио Инделли, министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ, начальник Планового бюро правительства Хосино Наоки, военный министр Тодзио Хидэки, советник МИДа Сиратори Тосио. Токио.

27 сентября 1940 г.
Фотография из дайджеста «Сто лет новой истории в иллюстрациях» (Вып. 16. Токио, 1958). Из собрания А. Е. Куланова

Рудольф фон Риббентроп. 1943 г. Фотография с автографом. Из собрания В. Э. Молодякова

Иоахим фон Риббентроп на Восточном фронте.
Начало апреля 1945 г. Из собрания В. Э. Молодякова

Иоахим фон Риббентроп на Нюрнбергском процессе. 1946 г.

(Болгария) самым рассудительным, Скавениус (Дания) самым находчивым, Виттинг (Финляндия) самым честным, Чиано (Италия) самым невозмутимым и Серрано Суньер самым темпераментным». Японию и Маньчжоу-Го представляли послы. Дни были заполнены официальными встречами, на которых рейхсминистр в полной мере оправдал репутацию «граммофона» и «первого попутая рейха», повторяя каждому из гостей один и тот же набор клише⁶². Турция и Португалия на авансы Берлина не поддались. Неблагонадежные режимы Петена и генерала Милана Недича (Сербия) приглашения не получили.

На следующий день Риббентроп произнес программную речь о европейской солидарности против плутократии, еврейства и большевизма, с предельной резкостью высказавшись о позиции США. На мысль об этом его натолкнула «Атлантическая хартия» Черчилля и Рузвельта от 12 августа, о которой он немедленно сообщил фюреру и посоветовал дать ответ. 25 октября эта тема оказалась среди главных на переговорах с Чиано в «Вольфсшанце» (Муссолини хотел прилететь, но заболел). Гитлер отметил, что в ходе общей борьбы против Азии (то есть СССР) она впервые чувствуется по-настоящему, и особо выделил будущую роль Италии, о чем обрадованный гость поспешил сообщить в Рим. После официальной части рейхсминистр пригласил Чиано на охоту, уверенно заявив, что в 1943 году они будут стрелять уток уже в мирных условиях. В дневнике визитер не удержался от обычных колкостей: «Для такого человека, как Риббентроп, который с 1939 года обещает победу в течение пятнадцати дней, это — приличный скачок»⁶³.

Конец года был отмечен событием глобального масштаба — нападением Японии на американский флот в Перл-Харборе 7 декабря*. К этому времени отношения союз-

---

* Не входя в подробности, укажу, что в вопросе о причинах войны на Тихом океане я солидарен с рядом американских историков (Ч. Бирд, Г. Э. Барнес, Ч. Тэнзилл, Дж. Моргенстерн, П. Грейвз, Дж. Толанд, Р. Стиннет и др.), которые доказали, что руководство США, стремясь вступить в войну на стороне Британской империи, сознательно провоцировало конфликт на Дальнем Востоке.

ников по «оси» осложнились и на Востоке. Несмотря на непрекращавшийся нажим Берлина и перспективу раздела трофеев скорой, как казалось, победы, Япония не напала ни на Советский Союз⁶⁴, ни на Англию, а, напротив, продолжала переговоры с США. Мацуока, только что подписавший пакт с Молотовым, после нападения Германии на СССР внезапно стал требовать немедленного вступления Японии в войну на стороне Третьего рейха, но оказался в полной изоляции и был отправлен в отставку при реформировании кабинета в середине июля. Усилия премьера Коноэ и нового главы МИДа Тоёда Тэйдзиро были брошены на поиски компромисса с Вашингтоном, но Рузвельт и Хэлл, не прерывая переговоров, отвергали японские предложения и продолжали выдвигать невозможные условия. Риббентроп получал информацию лишь эпизодически, поскольку переговоры велись в глубокой тайне и с привлечением неофициальных лиц; японским послам сообщались лишь самые общие сведения, на что Осима* не переставал жаловаться. Назначение военного министра генерала Тодзио Хидэки 18 октября главой правительства было истолковано как победа милитаристов, хотя новый премьер и его министр иностранных дел Того Сигэнори, бывший посол в Германии и СССР, проявили неожиданную умеренность, выразив готовность начать все сначала⁶⁵.

Усилия оказались тщетными. 26 ноября Хэлл в качестве «последнего слова» предъявил японцам заведомо неприемлемый ультиматум. 28 ноября Осима сообщил Риббентропу, что надежда на компромисс нет (накануне он говорил это Гитлеру, но тот не обратил внимания на его слова), что Токио верен Тройственному пакту, и спросил, вступит ли Германия в войну, если Япония первой начнет боевые действия. Рейхсминистр ответил, что вступит, но подготовка декларации откладывается из-за пребывания фюрера на фронте. Посол Отт через день встречался с Того, оперативно передавая информацию в Берлин, однако о нападе-

---

* 14—19 июля Осима, в мундире и с саблей, выезжал на Восточный фронт, где встречался с Риббентропом и Гитлером, — не самое подходящее поведение для посла страны, сохранявшей дипломатические отношения с СССР!

нии на Перл-Харбор там впервые узнали по радио, когда оно уже произошло⁶⁶. В показаниях для защитников Осима на Токийском процессе Риббентроп утверждал, что посол тоже не был своевременно извещен об этом.

«Когда Япония (вместо того чтобы напасть на Россию, как хотел я, или на Англию, как желал фюрер) напала на США, я оценил это событие с весьма смешанными чувствами, поскольку с самого начала хотел избежать втягивания в войну Соединенных Штатов. Но японцы и тогда, и потом делали то, что сами считали для себя нужным. Когда это начало становиться для нас все более чувствительным, я не раз просил фюрера, а особенно Геринга дать мне самолет дальнего радиуса действия, чтобы я смог слетать в Токио. Я считал необходимым определить вместе с японским правительством общую политику. Но из-за того, что один такой самолет упал над Сиамом, я не получил ни согласия, ни самолета. Тогда я стал просить отправить меня в Японию на подводной лодке, но и это предложение было отклонено»⁶⁷.

Считая унижительным ждать из Вашингтона объявления войны, фюрер решил сделать это сам. 9 декабря министерству иностранных дел было приказано составить список прегрешений Рузвельта, посольству в США — сжечь секретные документы и шифровальные таблицы. «Отец уверяет, что отговаривал от вступления в войну против Америки, — пишет Рудольф фон Риббентроп. — Это представляется правдоподобным. Министр иностранных дел, неоднократно выступавший против войны с Россией, не станет одобрять войну на два фронта. [...] Объявление войны против Соединенных Штатов явилось второй роковой ошибкой, совершенной Гитлером в 1941 году. Он облегчил Рузвельту отнесение европейского театра военных действий отныне к приоритету американского ведения войны. При этом Гитлер не имел никаких оснований сразу же присоединиться к японцам, они этого, ввиду пакта о ненападении, также не сделали, когда он выступил против России. Объявление войны США означало по сути конец внешней политики Германии, во всяком случае, такой политики, на осуществление которой оказывал влияние министр иностранных дел»⁶⁸. Войну Соединенным Штатам объявил и

Муссолини, что Виллари назвал «огромной дипломатической и стратегической ошибкой», добавив: «Объявление войны Германией и Италией прямо сыграло на руку Рузвельту и Черчиллю»⁶⁹.

В два часа пополудни 11 декабря Риббентроп зачитал американскому поверенному в делах Леланду Моррису ноту об объявлении войны со ссылкой на обстрел германских кораблей американским флотом. Через два часа в Рейхстаге Гитлер сообщил о своем решении и огласил подписанное Риббентропом, Альфиери и Осима соглашение о незаключении сепаратного мира⁷⁰. Вручая 14 декабря японскому послу Большой золотой крест Ордена заслуг Германского орла (очень высокая награда для чиновника его ранга!), фюрер заметил, что Япония поступила правильно и вовремя объявила войну, существенно облегчив этим положение «оси». Он и сам так поступил с Польшей и Советским Союзом⁷¹.

**В ЗАРЕВЕ ПОЖАРА
(1942—1945)**

И гибель стал готовить сам себе.

Михаил Щербаков

1

Вступление в конфликт СССР и США и превращение войны в мировую поставили деятельность ведомства Риббентропа в полную зависимость от положения на фронтах. Агонию МИДа хорошо описал Филиппо Анфузо, последний посол Муссолини в рейхе. «Внешняя политика определялась исключительно в лесу [в Ставке фюрера. — В. М.], а в Берлине только передавали бумаги... На Вильгельмштрассе Риббентроп собрал дипломатов, которых считал неспособными или слишком вялыми для службы за границей»¹. В августе 1940 года, когда почти вся Европа была покорена, Германия поддерживала дипломатические отношения более чем с сорока государствами, два года спустя — всего с 22, включая десять нейтральных! Из послов Риббентроп регулярно принимал только старого приятеля Осима. Оставшихся не у дел специалистов объединили в комитеты (американский возглавлял Дикхоф, русский — Шуленбург), но их услуги оказались не востребованными. Прежде всего это относится к Русской службе, поскольку создание в июле 1941 года Имперского министерства восточных оккупированных территорий во главе с Альфредом Розенбергом показало, что на этом направлении дипломатам делать нечего. Примерно так же относились к ним и чины вермахта.

Министерство пережило еще одну метаморфозу — завершилась нацификация кадрового состава. К августу 1940 года из 120 дипломатов высших рангов, работавших в центральном аппарате, 71 состоял в НСДАП, причем

50 из них служили в министерстве до прихода нацистов к власти; 22 не состояли, но 11 из них безуспешно подавали заявления о вступлении в партию (данные неполные). Членами НСДАП были восемь из девяти глав департаментов. С 1941 года во главе дипломатических миссий появились ветераны партии и СА: Адольф Беккерле — в Софии, Зигфрид Каше — в Загребе, Ганс Людиг — в Братиславе, Дитрих фон Ягов — в Будапеште, Манфред фон Киллингер — в Бухаресте, но это относилось, почти исключительно, к странам-сателлитам, где не могло быть речи ни о какой самостоятельной политике. Компромисс со «старыми партайгеноссе» был и попыткой противостоять могуществу Гимmlера: когда рейхсфюрер СС «пытался добиться исключительного влияния на внешнюю политику», между ним и Риббентропом «возникла очень серьезная скрытая вражда»². Наоборот, в нейтральные страны поехали наиболее опытные дипломаты: в 1943 году Дикхоф отправился в Мадрид, последний поверенный в делах в Вашингтоне Ганс Томсен — в Стокгольм. В Анкаре оставался бессменный фон Папен³.

Важную роль в нацификации министерства сыграл глава Внутригерманского отдела Мартин Лютер — темная личность даже для Третьего рейха. Он вступил в НСДАП в 1933 году и сделал карьеру благодаря протекции Риббентропа, точнее, фрау Аннелиз. Романтические отношения тут ни при чем: Лютер был завхозом, занимавшимся перестройкой виллы в Далеме и посольства в Лондоне. Став министром, патрон взял его на службу. Как многие примазавшиеся, Лютер стремился выглядеть более фанатичным нацистом, чем ветераны «Пивного путча». Дипломаты «старой школы» не любили и побаивались этого человека, бравшего на себя грязную работу по контактам со спецслужбами и участием в «окончательном решении еврейского вопроса» (именно он представлял МИД на печально известном совещании в Ванзее 20 января 1942 года под председательством Рейнгарда Гейдриха). Записка Лютера от 24 сентября 1942 года об «эвакуации как можно большего числа евреев из различных стран Европы» со ссылкой на указания рейхсминистра, стоившая позже Риббентропу жизни и едва не отправившая на виселицу Вайцзеккера,

появилась на свет в результате очередного скандала, который фюрер устроил Риббентропу за его «мягкость»⁴.

Амбиции Лютера не знали границ, равно как и его неблагодарность — он начал интриговать против своего покровителя. Заручившись поддержкой главы политической разведки СС (СД/Заграница) Вальтера Шелленберга и принимая во внимание антипатию Гимmlера к Риббентропу, Лютер подготовил доклад (он, к сожалению, не сохранился) о том, что рейхсминистр истощен морально и физически и более не способен исполнять свои обязанности. В начале февраля 1943 года он переслал доклад Гимmlеру с просьбой дать ему ход, но начальник Личного штаба рейхсфюрера СС Карл Вольф предупредил рейхсминистра. Гимmlер сделал выбор в пользу Риббентропа, возможно, решив, что тот менее опасен. 10 февраля Лютер был вызван в ставку рейхсминистра и арестован сотрудниками гестапо, а его доклад передан его шефу.

Падение Лютера было окончательным и бесповоротным, поскольку еще 10 декабря 1942 года бывшему начальнику Отдела личного состава Курту Прюферу было приказано (как минимум с одобрения Риббентропа) проверить Информационное бюро МИДа, через которое текли огромные суммы из секретных фондов. Дотошный дипломат старого закала обнаружил столько финансовых злоупотреблений в этом детище Лютера, что за того никто не решился вступить. Лютер оказался в концлагере, его поделники — на Восточном фронте⁵. Шелленберг отделался легким испугом, но затаил ненависть к Риббентропу и после войны отомстил ему в мемуарах: сочинил историю о том, как рейхсминистр хотел убить Сталина... при помощи стреляющей авторучки*.

Не имея друзей среди нацистских бонз, рейхсминистр тяжело переживал измену Лютера, которому доверял, тем более что скандал нанес дополнительный урон престижу его ведомства. Результатом стали новые кадровые перестановки. Вайцзеккер отправился послом в Ватикан

---

* «История» дожила до наших дней: Корнилов Ю. Сталин мог пасть от авторучки // Труд. 3.03.2000. В первоапрельском номере газеты это смотрелось бы более уместно...

вместо пожилого Карла Бергена, занимавшего этот пост с 1919 года. Новым статс-секретарем стал Штеенграхт — доверенное лицо министра, не имевший ни дипломатического опыта, ни политического веса. Он успешно справлялся с рутинной работой, но не имел права замещать шефа в процессе принятия решений. Собственные идеи у Штеенграхта, впрочем, были: в июле 1944 года он подал министру записку о будущей роли МИДа, предложив создать оперативное управление с целью «координировать людей, идеи и действия, чтобы использовать все возможности для победы в войне путем умелой внешней политики», но проект не был осуществлен⁶. Вёрман отправился послом в Нанкин при прояпонском режиме Ван Цзинвэя, где сменил Штамера. Штамер был переведен в Токио на место Отта, скомпрометированного дружбой с арестованным в октябре 1941 года «агентом Коминтерна» Зорге, но отделавшегося отставкой⁷.

Новый, 1942 год начался для Риббентропа 2 января с визита Осима в Штейнорт. Днем позже посла принял фюрер. Первый день года у японцев принято проводить дома, во второй — наносить праздничные визиты, однако разговор не ограничился поздравлениями. Осима сообщил, что он как старший японский дипломат в Европе уполномочен руководить «всеми процессами, касающимися принципов сотрудничества при ведении общей войны» и начать переговоры по экономическим вопросам. Затем он повторил это Гитлеру, но на Вильгельмштрассе к заявлениям отнеслись осторожно, зная, что Осима не во всем согласен со своим правительством, склонен к самочинным действиям и находится в сложных отношениях с министром иностранных дел Того. Риббентроп с начала войны на Востоке регулярно снабжал посла секретными сведениями и даже приставил к нему специального связного, поэтому Осима предупредил Токио о недопустимости утечки любой информации — так и не узнав, что все его сообщения читались американцами.

Экономические переговоры не задалась из-за позиции Японии, придававшей «освоению» территориальных приобретений в Азии куда большее значение, чем снабжению союзников. 23 марта и 9 мая Риббентроп убеждал Осима в необходимости оформить сотрудничество европейско-африканской сферы и «сферы сопроцветания Великой

Восточной Азии» экономическим аналогом Тройственного пакта. Соглашение было подписано в январе 1943 года, но на практике почти ничего не дало из-за невозможности транзита по советской территории. Риббентроп агитировал Осима за войну против СССР, но безрезультатно — в Токио открывать новый фронт не собирались, хотя после войны советская сторона всеми силами пыталась доказать обратное⁸. Узнав о занятии Сингапура японцами, рейхсминистр подготовил восторженное коммюнике и вручил его Гитлеру. Тот прочитал, покачал головой и разорвал бумагу, наставительно заметив: «Мы должны мыслить в масштабе столетий. Как знать, может быть, в будущем "желтая опасность" окажется для нас самой грозной»⁹.

«Зальцбургский сезон» переговоров 1942 года открылся 29 апреля. У Чиано сложилось впечатление, что фюрер выглядел усталым (сказалась жизнь в бункере «Вольфшанце»), но решительным — непрерывно говорил двое суток. Во время нескончаемых монологов даже Муссолини не мог вставить ни слова и поглядывал на часы; его зять «думал о своем» (о чем именно, он не уточнил); Кейтель и Йодль клевали носами, и только начальник итальянского Генерального штаба генерал Уго Кавальеро кивал в ответ на каждую фразу. Сдержанные и оптимистичные официальные записи не могли скрыть главного: несмотря на тяжелейшие поражения Красной армии лета—осени 1941 года, блицкриг не удался — Сталин не запросил мира*, режим не рухнул, армия не капитулировала. Европейские союзники выступили дружно, но слабо¹⁰.

В следующий раз лидеры «оси» собрались 18 декабря в «Вольфшанце». Муссолини не поехал из-за болезни. Чиано был не в духе и по дороге поносил всех, особенно Гитлера, Риббентропа и Кавальеро, последними словами. Экспозе Гитлера, несмотря на браваду, выглядело неутешительным: высадка американцев во французских владениях в Северной Африке сделала положение в Тунисе и Ливии

---

* Ввиду отсутствия подлинных документов и достоверных свидетельств разговоры о «мирных зондажах» Сталина 1941—1942 годов, в том числе через болгарского посланника в Москве И. Стаменова, остаются не более чем слухами.

катастрофическим, другая катастрофа грозила Сталинградской группировке вермахта. Чиано по указанию дуче заговорил о мире с СССР, но Гитлер отверг такую возможность. Риббентроп помалкивал, ибо нарвался на гнев фюрера, попросив разрешения начать мирные зондажи.

«Форма, в какой все это было сказано, не позволила мне в тот момент повторить свое предложение. [...] В тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941—1942 годах, вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, нестигаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. [...] Пользуясь этим случаем, а также в более поздней памятной записке я снова предложил провести мирный зондаж в отношении Москвы. Участь этой памятной записки*, которую я передал через посла Хевеля, оказалась бесславной. Хевель сказал мне: фюрер и слышать не желает об этом и отбросил ее прочь. В дальнейшем я еще несколько раз заговаривал об этом с самим Гитлером. Он отвечал мне: сначала он должен снова добиться решающего военного успеха, а уж тогда посмотрим, что нам делать дальше. Его точка зрения и тогда, и позже была такова: наш зондаж в поисках мира является признаком слабости. [...] Гитлер велел мне передать: "В борьбе против большевизма никакому компромиссу места нет. Торгашескую политику Риббентропа я одобряю

---

* Не опубликована; местонахождение неизвестно.

не могу. Исход этой войны дипломатическими средствами решен быть не может!"»¹¹.

В начале декабря Риббентроп встретился с Осима. «Вы всегда говорили, что не намерены заключать мир с Россией, но появилась средиземноморская проблема. Не думаете ли вы, — поинтересовался посол, — заключить мир с Кремлем и сосредоточить все силы против Европы и Америки?» «У меня нет ни малейшего желания самому искать мира, — ответил рейхсминистр, — но если Сталин попросит у нас мира... это другое дело. Впрочем, я не верю, что сейчас он думает об этом». «Хорошо, — продолжал Осима, — но если вопрос о мире возникнет, согласны ли вы сейчас на те условия, что выдвигали раньше: получение Германией Украины и Кавказа, разрыв отношений с остальным миром и разоружение?» Риббентроп подтвердил это¹². Но не сказал старому приятелю главного — что готовится отправить в Швецию эмиссара.

Петеру Клейсту, который был этим эмиссаром, приходится верить на слово: в германских документах следов его миссии нет, британские до сих пор засекречены, о советских ничего не известно. Несмотря на службу в министерстве Розенберга и на связи с СС, Клейст оставался «человеком Риббентропа» и был заинтересован в том, чтобы привлечь на сторону рейха антисталински настроенных русских. Эмиссар не был уполномочен делать какие-либо предложения. Ему лишь предстояло выяснить, готов ли Сталин заключить мир, и если да, то на каких условиях.

В Стокгольме 14 декабря 1942 года Клейст встретился с бизнесменом Эдгаром Клаусом, о котором известно немного: еврей из Риги, до 1919 года жил в России (утверждал, что зимой 1917/18 года в Самаре встречался со Сталиным и Троцким), затем в Германии, Словении и Литве. Работал на Абвер (в апреле 1941 года встречался в Берлине с Канарисом) и, возможно, на советскую разведку. В мае 1941 года Клаус перебрался в Швецию, чтобы собирать для Абвера информацию о противнике, и установил некий контакт с советским посольством. Клейсту он сказал, что русские «дозрели» до переговоров о сепаратном мире, но доказательств не представил (Сталин мог попутать союзников, не спешивших открывать второй фронт в Европе). На основа-

нии полученных от Клауса сведений Шуленбург сделал вывод, что он заслуживает доверия и внимания*. Риббентроп, связанный приказом Гитлера, велел прервать зондажи, но сохранить контакт с Клаусом до лучших времен¹³.

2

Дипломатический 1943 год начался для Риббентропа в Риме. 19 февраля он велел послу Макензену сообщить дуче о своем желании посетить Вечный город. Тот (речь о дуче) поинтересовался намерениями рейхсминистра и заверил его через посла Альфиери, что недавние изменения в итальянском правительстве не означают перемены курса. В конце января — начале февраля Муссолини перетряхнул военное и политическое руководство, причем перестановки не позволяли делать однозначных выводов. После потери Триполи маршал граф Уго Кавальеро был снят с поста начальника Большого Генерального штаба и уволен в отставку; его сменил генерал армии Витторио Амброзио, пользовавшийся плохой репутацией у немцев, а позже сработавшийся с союзниками. 5 февраля дуче снова назначил самого себя главой МИДа, возложив текущее руководство на опытного дипломата статс-секретаря Джузеппе Бастианини. Кресел лишились считавшиеся либералами ветераны фашистского движения граф Дино Гранди ди Мордано (министр юстиции, бывший глава МИДа и посол в Лондоне) и Джузеппе Боттаи (министр национального образования), экстремисты Алессандро Паволини (министр народной культуры) и Ренато Риччи (министр корпораций), радикал Гуидо Буффарини-Гуиди (министр внутренних дел), а также маркиз Паоло Таон ди Ревель (министр финансов), Рафаэлло Риккарди (министр внешней торговли и валюты), Джованни Хост Вентури (министр коммуникаций). Однако Чиано, ставший послом в Ватикане, Гранди, Буффарини-Гуиди и Боттаи сохранили места в Большом фашистском совете¹⁴.

---

* Оригиналы его документов находились в распоряжении германского историка Б. Мартина; изучивший их Д. Ирвинг сделал вывод, что Клаус действительно контактировал с советскими дипломатами. Клаус скоропостижно скончался 1 апреля 1946 года в Стокгольме, накануне депортации в английскую зону Германии для допроса.

Здоровье дуче заметно пошатнулось. Покончив с перестановками, он уехал лечиться и вернулся в Рим только 24 февраля, накануне приезда гостя. Риббентроп привез письмо фюрера от 16 февраля с подробным анализом ситуации и планом дальнейших действий, написанное, по словам британского историка Уильяма Дикина, «вагнеровским языком», который предстояло перевести на дипломатический. Положение на Восточном фронте он обрисовал как сложное: Германия не будет продвигаться дальше, но закрепится на Украине и парализует возможное наступление противника; шансов на мир со Сталиным нет, поскольку русским нельзя доверять. Однако в разговоре рейхсминистр неожиданно разразился панегириком Сталину, которого назвал «человеком несомненно исторического значения», «упрямым фанатиком и ледяным реалистом, который господствует над всем в России и при котором никто не может рта раскрыть»: он не отступит от намеченных целей, выждет сколько нужно, пойдет на любые жертвы, но добьется своего.

Балканы, продолжал излагать Риббентроп послание Гитлера, будут замирены любой ценой — это относилось и к партизанам-националистам Дражи Михайловича, и к партизанам-коммунистам Иосипа Броз Тито. Сицилия, Сардиния и Корсика должны быть максимально укреплены. Испания получит оружие, если готова защищать свою территорию от возможной высадки «союзников». Турция останется нейтральной, поскольку боится и немцев, и русских. В ответ Муссолини и Амброзио нарисовали мрачную картину возможностей Италии на Балканах, поскольку против партизан еще никто не научился эффективно бороться. Бастианини как новичок на таких встречах помалкивал. Наибольший оптимизм Риббентроп проявил во время встречи с королем Виктором Эммануилом III, состоявшейся 27 февраля, убеждая собеседника, что у «оси» всё обстоит прекрасно, а внутреннее положение Британской империи и СССР делается всё хуже и хуже. Монарх вежливо улыбался. На гостя дуче произвел неплохое впечатление, Бастианини — никакого, Амброзио — отрицательное, поскольку заключить соглашение о совместных действиях в Югославии не удалось. «В итальянском верховном командовании

присутствуют тенденции, которые нельзя в полной мере назвать фашистскими», — осторожно охарактеризовал рейхсминистр то, что через несколько месяцев окажется откровенным поражением¹⁵.

Поездка в Рим стала подготовкой очередного «Зальцбургского сезона» в апреле. Муссолини приехал первым. Оба диктатора выглядели плохо и не могли скрыть друг от друга, что события развиваются совсем не так, как им казалось год назад. Сталинград, Эль-Аламейн и Алжир еще не означали поражения «оси», но сделали ее победу невозможной, причем положение Италии стало особенно тяжелым. 27 января в Касабланке Рузвельт и Черчилль заявили, что закончат войну только безоговорочной капитуляцией противника. Сопrotивление Германии на фронте и в тылу ожесточилось, но режим Муссолини дал трещину, залатать которую не могли никакие перестановки. Партнером Риббентропа теперь был не циничный баловень судьбы Чиано, а сдержанный и серьезный профессионал Бастианини. Вместе с Амброзио он подготовил программу, которая предусматривала мобилизацию стран Европы на сторону «оси», с предоставлением им формального равенства, сепаратный мир с СССР с помощью Балканских стран и нейтралов и концентрацию военных усилий в Средиземноморье.

Гитлер категорически отверг предложения — ни мира на Востоке, ни уступок в Европе. Риббентроп выступал в роли «граммофона», повторяя, что «несмотря на некоторые неудачи, неизбежные на войне, сделан хороший шаг... в уничтожении большевизма»: «Германия снова возьмется за большевиков и разгромит их. Она намерена не вторгаться в необъятные русские просторы, но уничтожить большевистские армии. Если русских все время атаковать, их положение будет становиться все хуже». На настоятельные предложения дуче о мире с Москвой немцы ответили почти отрицательно. Почти — потому что не отвергали его в принципе, но принимали при условии нанесения противнику тяжелого поражения, когда Сталину придется согласиться на предъявленные условия: «Русский вопрос может иметь прежде всего военное, а не политическое решение. Политическое урегулирование может быть следствием во-

енного решения. Но только тогда, когда станет абсолютно ясно, что со стороны России нас не ждет военная опасность... Германия не может подпустить русских близко к своим границам... Кроме того, ей нужна Украина. Да и Сталин не готов заключить мир»¹⁶.

Венгры и румыны были уличены в попытках переговоров с противником, поэтому разговор с Хорти и Антонеску получился строгим. Те пообещали отправить своих министров иностранных дел в отставку, но не торопились исполнять обещания. Фюрер потребовал от сателлитов принять меры против евреев, в которых видел средоточие зла: ввести дискриминационные законы по образцу германских и начать подготовку массовых депортаций. Риббентроп поддакивал, что впоследствии станет одним из главных обвинений против него. Хорти ответил, что в юдофобской Венгрии достаточно имеющихся законов. Болгарский царь Борис высказался против депортаций, заявив, что сам разберется со своими евреями¹⁷.

Череду визитеров замыкал Лаваль, который 18 апреля 1942 года был по настоянию немцев назначен главой правительства, однако был провозглашен преемником Петена как главы государства лишь после гибели Дарлана в конце ноября 1942 года. Дарлан и Вейган подготовили условия для высадки американцев в Алжире, но адмирал был вскоре убит при загадочных обстоятельствах, а генерал арестован немцами и вывезен в рейх. Вермахт оккупировал так называемую свободную зону, лишив режим остатков самостоятельности. В этих условиях Лаваль еще пытался проводить какую-то политику. «Вы хотите выиграть войну, чтобы создать Европу. Создайте Европу, чтобы выиграть войну», — заявил он Гитлеру еще 10 ноября¹⁸. Теперь он поднял вопрос о декларации относительно будущего Франции и «новой Европы» в целом, но не услышал ничего утешительного.

Еще 21 марта 1943 года Риббентроп представил фюреру записку о том, что «как только нам удастся добиться значительного военного успеха, необходимо провозгласить Европейскую конфедерацию государств в очень конкретной форме»: «Для начала принимаются во внимание государства: Германия, Италия, Франция, Дания, Норвегия, Финляндия, Словакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия,

Сербия, Греция и Испания (?). К ним, если фюрер вознамерится создать независимые государства в оккупированных нами частях Европы, добавятся также и они. [...]

Создание европейской конфедерации государств имело бы для нас следующие политические преимущества:

1) Наши друзья и союзники перестанут тревожиться о том, что сразу по заключении мира над всеми ними будет поставлен немецкий гаулейтер.

2) Нейтральные государства перестанут бояться того, что Германия аннексирует их в конце войны.

3) Италия перестанет бояться того, что будет приперта к стене могучей Германией.

4) Если фюрер захочет на определенных оккупированных территориях создать еще ряд более или менее независимых государств, которые, однако, останутся полностью в нашей сфере влияния, то это послужило бы сильному успокоению и напряжению сил для нашей войны в этих странах»¹⁹.

Гитлер скептически относился к подобным идеям и неохотно соглашался на создание «инородческих» вооруженных формирований, особенно из числа бывших противников — бельгийцев, голландцев, французов и русских. По мере общего ухудшения ситуации его настроения становились экстремистскими и антиевропейскими, поэтому все проекты такого рода оказались обречены. «Национальная динамика этих государств была слишком сильна и чересчур ограничена традициями, а их вера в германскую победу с самого начала — слишком мала, — признал Риббентроп после войны. — ...Сама мысль, что эти страны дали бы решающим образом использовать себя для победы Германии, вне всякого сомнения, совершенно ложна. Напротив, мы убедились в том, насколько трудно побудить друзей и союзников пойти на по-настоящему серьезные военные усилия»²⁰.
Вспомним известное стихотворение Самуила Маршака:

Кличет Гитлер Риббентропа,
Кличет Геббельса к себе:
— Я хочу, чтоб вся Европа
Помогала нам в борьбе.
— Нас поддержит вся Европа! —
Отвечали два холопа

И пустились вербовать
Многочисленную рать.
Швед из города Берлина,
Три бельгийца с половиной
Да подручный Дорио
Встать готовы под ружье.
Опереточный испанец
С шайкой жуликов и пьяниц —
Вот фашистский легион
Всех мастей и всех племен.
Вызвал Гитлер Риббентропа
И спросил, нахмутив лоб:
— Это что же — вся Европа?
— Вся! — ответил Риббентроп.

Тридцатого апреля 1943 года рейхсминистр отметил в Фушле свое пятидесятилетие. Поздравлений было много, в том числе от «оппозиционера» Вайцзеккера, но имениника больше всего обрадовало письмо от фюрера. Вскоре после юбилея он последовал за вождем в Восточную Пруссию. Здесь на сцене появился Осима, воодушевленный известиями о мирных предложениях Муссолини. Сговорившись с Альфиери, он повторил их от своего имени, добавив, что Токио готов выступить посредником, но Риббентроп заявил, что Сталин не примет германских условий. Впрочем, он считал, что надо не только дождаться, когда Москва запросит мира, но и быть готовым к этому, а потому не отговаривал ни итальянцев, ни японцев от попыток зондажа, четко обрисовав им возможные восточные границы Третьего рейха²¹.

Не в силах забыть о дамокловом мече «безоговорочной капитуляции», Риббентроп сказал Хессе: «Должен быть какой-то способ объяснить англичанам и американцам безумие войны, которую они ведут против нас. Неужели они не понимают, что ликвидация германской мощи поможет только Сталину и уничтожит баланс сил в Европе?.. Даже сейчас военная сила Советов позволяет им превзойти англичан и американцев. Германская опасность — ничто в сравнении с этим»²².

Тем временем в Стокгольме оживился Клаус, 18 июня сообщивший Клейсту, что через три недели с ним готов встре-

титься советский дипломат Александров (псевдоним?), с которым он был знаком до войны. Мотивом Москвы Клаус, сославшись на разговоры в посольстве, назвал «нежелание ни одной лишней минуты сражаться за английские и американские интересы». Вернувшийся в Берлин с этой горячей новостью, Клейст был арестован и препровожден к шефу полиции безопасности и СД Эрнесту Кальтенбрунеру, который сообщил ему, что действия, предпринятые вопреки приказу фюрера, стали известны в «Вольсфшанце» и произвели переполох, поэтому ему, Клейсту, запрещается даже докладывать рейхсминистру о поездке. Тем не менее тот узнал о ней от Ликуса, которого в начале августа посылал в Стокгольм для сбора информации, и потребовал от Клейста подробного доклада. Переговорив с неуступчивым Гитлером, Риббентроп разрешил продолжать контакты с Клаусом, но заявил, что компромисса с немецкой стороны не будет. После этого Клейст был снова зачислен в личный штаб рейхсминистра²³.

3

Ситуация для Германии и ее союзников продолжала быстро меняться к худшему. Советская армия перешла в наступление под Курском. Не успевшие эвакуироваться войска «оси» капитулировали в Тунисе. «Союзники» высадились на Сицилии и начали бомбить итальянские города. Но самый неожиданный сюрприз преподнес Рим. 25 июля радио сообщило, что король Виктор Эммануил III, которого никто не воспринимал как политически значимую фигуру, отправил Муссолини в отставку «по состоянию здоровья» и назначил премьером бывшего начальника Большого Генерального штаба и вице-короля Эфиопии маршала Пьетро Бадольо, получившего титул герцога Аддис-Абебского. В Берлине этого не предвидел никто — ни дипломаты, ни военные, ни разведчики.

Еще 16 июля Рузвельт и Черчилль обратились к итальянцам, заявив, что их единственный шанс на выживание — скорейшая почетная капитуляция (о безоговорочной речи на этот раз не шла). Это был крайне тревожный сигнал. Через три дня Гитлер встретился с Муссолини в приграничном городе Фельтре для обсуждения военных вопросов. Мус-

солини просил новых поставок. Обстановка была тягостной, но никто не предполагал, что крах режима настолько близок. Затем стало известно, что в ночь с 24 на 25 июля Большой фашистский совет большинством голосов принял предложенную Гранди резолюцию, которая рекомендовала ограничить власть дуче и передать верховное командование королю. За нее проголосовали Чиано и сподвижник диктатора по «походу на Рим» 1922 года маршал Эмилио Де Боно. 25 июля Муссолини принял японского посла Хидака Синрокуро, которому говорил о желательности мира с Россией, а к пяти часам вечера отправился на встречу с королем, с которой не вернулся²⁴.

Бадольо и новый глава МИДа Рафаэле Гуарилья немедленно заявили, что Италия будет продолжать войну и останется верна взятым на себя обязательствам, но немцы не поверили — и были правы, поскольку главной целью нового правительства был скорейший выход из войны, тайные переговоры о котором начались сразу после его прихода к власти. Гитлер отправил в Италию Риббентропа и Кейтеля, которые 6 августа в приграничном Тревизо встретились с Гуарилья и Амброзио. Рейхсминистр сказал Шмидту: «Мы должны оставить на германской территории все секретные бумаги и шифры. Не исключаю, что эти бандиты могут попытаться нас похитить по наущению англичан или американцев». Переговоры шли в его вагоне, находившемся под усиленной охраной СС. Опасаясь, что итальянцы попытаются отравить его эмиссаров, Гитлер категорически запретил им притрагиваться к любой пище или питью, пока их не попробуют хозяева.

Спектакль, в ходе которого стороны, по словам Шмидта, «соревновались, кто кого перевернет», продолжался два часа. «Риббентроп открыл совещание официальным заявлением немецкого правительства по поводу последних событий в Италии и произошедших в связи с "уходом" дуче изменений, вызвавших негативную реакцию фюрера и оказавших серьезное воздействие "на морально-политическую ситуацию в немецком обществе". Он уполномочен получить разъяснения относительно общего положения в стране и ближайших намерений вновь сформированного правительства Италии. Гуарилья подчеркнул, что в данном

случае речь идет "исключительно о внутренних проблемах Италии". [...] Всякое сомнение в верности один раз данному слову задело бы чувство национальной гордости итальянского народа. Риббентроп заверил Гуарилья, что у него нет поводов для сомнений в искренности итальянского союзника, однако последние события дают пищу для серьезных размышлений. [...] Гуарилья опроверг слухи о проведении официальными властями сепаратных переговоров с западными противниками "оси". По настоянию рейхсминистра генерал Амброзио доложил о военных намерениях правительства Бадольо. [...] Военное сотрудничество будет развиваться на тех же принципах, на которых оно стояло до сих пор. Итальянское верховное командование выражает озабоченность в связи с передислокацией в страну большого числа немецких дивизий без предварительного оповещения командных инстанций. [...] По словам генерала [Амброзио. — В. М.], итальянцы перестают быть хозяевами в своей собственной стране. [...] [Кейтель ответил: — В. М.] Намерения ОКВ оказать содействие в наведении элементарного порядка воспринято как вмешательство во внутренние дела, совершаемое якобы вопреки воле итальянского народа»²⁵.

«Ось» Берлин—Рим сломалась, в чем убеждало исчезновение Муссолини, которого арестовали на крыльце королевской виллы и тайно перевозили из одного уединенного места в другое. Разгневанный Гитлер приказал найти соратника. Шесть недель поисков завершились 12 сентября, когда десантники генерала Курта Штудента и диверсанты гауптштурмфюрера СС Отто Скорцени освободили дуче, заточенного на высокогорном курорте Гран-Сассо, и привезли его в «Вольфшанце». Это событие изумило весь мир и до сих пор остается классическим примером удачной спецоперации. 8 сентября Бадольо объявил о перемирии с «союзниками» (фактически оно было заключено еще 3 сентября), хотя несколькими часами ранее король и Гуарилья отрицали это, принимая нового немецкого посла Рудольфа Рана. Несколько дней спустя королевская семья и правительство бежали в занятый «союзниками» Бриндизи и 13 октября объявили войну Германии. Гитлер устроил разбор полетов, в ходе которого Риббентропу, срочно

вызванному в Ставку несмотря на болезнь, досталось особенно сильно (знавшие его в последние годы единодушно отмечали ощущение «затравленности»). Вермахт под командованием генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга оккупировал Италию. 15 сентября Муссолини по радио объявил о возвращении к руководству фашистской партией и освободил военных от присяги королю. Неделей позже он провозгласил создание Итальянской социальной республики*, сразу же признанной Третьим рейхом и его сателлитами.

Символическим финалом «итальянской измены» стал Веронский процесс 8 января 1944 года, когда Специальный трибунал приговорил к расстрелу тех, кто на Большом фашистском совете проголосовал за ограничение власти Муссолини и тем самым спровоцировал политический кризис. Физически на скамье подсудимых находились всего шесть человек, но в их числе был сам зять дуче, граф Галеаццо Чиано. Правительство Бадольо посадило его под домашний арест, заинтересовавшись происхождением его внушительного состояния. Вместе с семьей Чиано бежал в Германию, где встретился с тестем, но и там оказался пленником. Радикальные фашисты требовали его смерти, нацисты поддерживали их, Муссолини отошел в сторону. Когда 19 октября Чиано был выдан властям Итальянской социальной республики, его жена Эдда сначала попросила помощи у Гитлера, потом предложила рейхсфюреру СС сделку: жизнь мужа — в обмен на его дневники и архив, сохранившие «компромат» на Риббентропа. Враждовавший с ним Гиммлер согласился, но рейхсминистр в последнюю минуту узнал об этом предложении и убедил Гитлера пресечь операцию. Фюрер объявил суд внутренним делом Италии; дуче не вмешался, несмотря на душевные муки. Чиано был расстрелян, дневники годом позже попали к американцам, но никакого особого компромата, кроме злословия по адресу союзников, там не обнаружилось²⁶.

---

* Называть ее «республика Сало» неверно, поскольку в этом городе находилась только часть правительственных учреждений, а остальные были разбросаны от Милана до Венеции. Формально столицей республики был Рим.

«После измены правительства Бадольо, — вспоминал Риббентроп, — я предпринял новый весьма энергичный маневр. На этот раз Гитлер занял позицию уже не столь отрицательную. Он вместе со мной подошел к карте и сам показал на ней демаркационную линию, на которой можно было бы договориться с русскими. Когда же я попросил полномочий, он решил отложить этот вопрос до утра и еще поразмыслить. Однако на следующий день опять ничего не произошло. Фюрер сказал мне, он должен это дело еще раз поглубже продумать. Я испытал большое разочарование. Я чувствовал, что здесь действуют те силы, которые постоянно снова и снова укрепляют Гитлера в его нестигаемой позиции противодействия договоренности со Сталиным. Когда Муссолини после своего освобождения был доставлен в Ставку фюрера, Гитлер совершенно неожиданно для меня заявил ему: он хочет договориться с Россией. На мою высказанную затем просьбу дать мне соответствующее указание я, однако, снова никакого ответа не получил. А на следующий день Гитлер опять запретил мне установление любого контакта с Россией. Он явно заметил, насколько сильно я удручен этим, [...] и сказал: "Знаете ли, Риббентроп, если я сегодня и договорюсь с Россией, то завтра снова схвачусь с ней, иначе я не могу!" Я в полной растерянности ответил: "Так никакой внешней политики вести нельзя, ведь тогда всякое доверие к нам будет потеряно"»²⁷.

Четвертого сентября Клейст узнал от Клауса, что дипломат «Александров», так и не дождавшись сигнала от немцев, уехал несолоно хлебавши. Со ссылкой на посольство, связной сообщил, что СССР заинтересован в восстановлении границ 1914 года, в свободе рук на юге, в том числе в Черноморских проливах, и в экономическом сотрудничестве с Германией, уничтожении которой Москва не желает, дабы не нарушать баланс сил. Русские приветствовали бы символический знак готовности к диалогу, например, отставку Риббентропа или Розенберга, и для этой цели уже отозвали своих одиозных послов Литвинова и Майского из Вашингтона и Лондона.

При следующей встрече Клейст узнал сенсационную новость: между 12 и 16 сентября в Стокгольме ждут Дека-

нозова — заместителя Молотова и бывшего посла в Берлине. 10 сентября он послал Риббентропу детальный отчет, не обходя и деликатный вопрос о требовании его отставки (это обидело рейхсминистра, не перестававшего гордиться «своими» пактами с Советским Союзом). Риббентроп снова вызвал Клейста. Он уже не сомневался в Клаусе, но задался вопросом: насколько значимой фигурой является Деканозов и не ловушка ли все это? Во время беседы Риббентропу подали листок с сообщением московского радио о том, что Деканозов будет назначен послом в Болгарии. «Что вы скажете?» — спросил он. «По-моему, — ответил Клейст, — это знак из Кремля, что Деканозов участвует в этом деле и отправится на нейтральную территорию для переговоров. Я бы ответил сообщением, что Шуленбург назначен послом в Софии». Риббентроп отрицательно покачал головой: «Фюрер никогда не пошлет его в Софию». «Так и Деканозов туда не поедет, — подхватил Клейст. — Оба сообщения станут знаками, понятными лишь посвященным и никому более».

Разрываемый самыми противоречивыми чувствами, Риббентроп отправился на самолете в «Вольфсшанце» и поздно вечером вернулся с распоряжением фюрера: никому в Стокгольм не ехать, а ждать, что предпримут русские. На следующий день он объявил, что «искреннее согласие между Германией и Советским Союзом едва ли возможно, и даже временного перемирия трудно достичь». Сталин одерживает победу за победой и от него трудно ждать стремления к миру, хотя он может пугать своих союзников «новым Рапалло». С другой стороны, любой отход на старую границу будет означать, что столько германской крови пролито зря. 14 сентября рейхсминистр известил Клейста об отказе от предложений Клауса, но поздно вечером 22 сентября велел ему срочно лететь в Стокгольм, предписав действовать с крайней осторожностью и не ставить в известность германское посольство.

Разговор с Клаусом, состоявшийся 28 сентября, принес плохие новости: советское посольство справлялось, нет ли новостей из Берлина, а узнав об отказе, заявило, что немцы упустили последний шанс, и сообщило о германских зондажах американцам. В качестве утешительного при-

за Клейст получил информацию о готовившейся в Москве встрече министров иностранных дел СССР, США и Англии. Риббентроп, пребывавший в дурном настроении, поднял его на смех, объяснив, какие разногласия существуют между Советским Союзом и капиталистическими странами и почему в данный момент такая встреча невозможна. 18 октября конференция открылась и продолжалась двенадцать дней («опустим завесу жалости над этой сценой»), а Клаус сообщил, что теперь контакты с Москвой будут вестись в Швейцарии... через Астахова. Гитлер не знал, что бывший поверенный в делах СССР в Германии Георгий Астахов умер в лагере в начале 1942 года, но пронизательно отказался иметь дело с его призраком. Впрочем, Анфузо полагал, что истинной целью всех зондажей был не «поиск реальных возможностей», но лишь попытка внести раскол в антигитлеровскую коалицию с помощью взаимных подозрений²⁸.

Тем временем «эффект Бадольо» стал проявляться то здесь, то там. Под влиянием поражений и потерь, особенно на Восточном фронте, лагерь «оси» покинули даже такие проверенные союзники, как Хорти. Венгры уже с осени 1941 года начали зондировать почву для переговоров с Англией. С лета 1942 года контакты, которые велись втайне от немцев через Турцию и Ватикан, приняли официальный характер. 18 марта 1944 года Гитлер и Риббентроп вызвали Хорти в Зальцбург, где ультимативно потребовали сменить правительство и разрешить ввод частей вермахта на венгерскую территорию. В противном случае предполагалось арестовать регента и оккупировать страну, не сохраняя даже видимость ее независимости. Хорти согласился на оба условия, но антигерманские перевороты в Румынии (23—24 августа) и Болгарии (8—9 сентября), их выход из войны и переход на сторону «союзников» показывали, что дни его режима сочтены. В сентябре новый кабинет, сформированный из ближайших сторонников регента, начал договариваться об условиях капитуляции. 15 октября Хорти выступил по радио с просьбой о перемирии и обвинил Германию во вмешательстве во внутренние дела Венгрии. Однако в Будапеште немцы сумели сделать то, что им не удалось ни в Риме, ни в Бухаресте, ни в Софии, — сразу после выступления регент и его министры были арестованы

и вывезены в Германию, а власть передана лидеру пронацистской партии «Скрещенные стрелы» Ференцу Салаши. Война продолжалась и после того, как в декабре советские войска вступили на территорию Венгрии и там было создано временное правительство²⁹.

Турция, которую Папен все эти годы умело удерживал от вступления в войну против «оси», была вынуждена поддаться нажиму англичан и в мае 1944 года прекратила поставлять в Германию стратегическое сырье, а 2 августа разорвала с ней дипломатические отношения. Риббентроп осыпал Папена упреками, считая его болтуном, пораженцем и даже изменником, но это явная несправедливость³⁰. Петен в середине ноября 1943 года попытался созвать прежний состав Национального собрания для принятия новой конституции, но немцам удалось сорвать это в последнюю минуту. 29 ноября Риббентроп писал ему: «Упорная борьба против нашей работы по восстановлению Франции и Ваше, г-н маршал, постоянное сопротивление делают невозможным назначение на наиболее важные посты в правительстве и администрации людей, лояльность которых позволила бы проводить политику внутреннего сплочения Франции. [...] По этим причинам Вы, г-н маршал, не должны удивляться, что Имперское правительство наблюдает за Вашей деятельностью в качестве главы государства с возрастающей сдержанностью. Одно ясно: верховное руководство Французского государства идет по пути, который Имперское правительство не одобряет и не может принять в будущем». Маршал уступил, и в январе 1944 года в правительстве появились сторонники нацистов вроде Марселя Дза³¹. В июле 1944 года созвать Национальное собрание как мостик между режимом Виши и «Свободной Францией» де Голля попытался уже Лаваль, но немцы снова не допустили этого.

В условиях распада «оси» наибольшая дипломатическая активность Риббентропа оказалась связана с Финляндией, выход которой из войны произошел при особых обстоятельствах. Воевала она неактивно, мотивируя свое участие не столько «борьбой с большевизмом», сколько желанием вернуть потерянные в 1940 году территории. Президент Ристо Рюти и главнокомандующий маршал Карл Густав Маннергейм были уверены в победе Третьего рейха, но с тече-

нием времени их оптимизм стал угасать. Осенью 1943 года политики начали открыто требовать выхода из войны, а в начале 1944 года об этом заговорили даже в Ставке.

В ноябре 1943 года в Стокгольме полпред Александра Коллонтай, сыгравшая значительную роль в заключении мирного договора 1940 года, заявила, что Москва готова принять финских представителей для переговоров, если те не будут требовать «территории, которые им не принадлежат» (Сталин еще 4 августа 1941 года сообщил Рузвельту о готовности заключить мирный договор с Финляндией и сделать ей территориальные уступки в рамках приобретений 1940 года). Главное было в том, что СССР не требовал безоговорочной капитуляции. Правительство Финляндии отвергло предложение, но после прорыва блокады Ленинграда оказалось более сговорчивым и отправило в Стокгольм экс-премьера Юхо Кусти Паасикиви, имевшего опыт переговоров с русскими. 16 февраля 1944 года финны получили условия перемирия, которые германский посланник Виперт фон Блюхер охарактеризовал как «сносные». 26 марта Паасикиви был уже в Москве. Блюхер назвал это предательством, которое приведет или к большевизации Финляндии, или ее оккупации вермахтом. 22 июня Гитлер послал в Хельсинки Риббентропа, который несколько дней выкручивал руки Рюти и министру иностранных дел Карлу Рамсаю, требуя декларации о том, что их страна не пойдет на сепаратный мир и останется на стороне рейха. 26 июня президент сделал требуемое заявление. Рейхсминистр одержал дипломатическую победу — последнюю в своей жизни и самую непродолжительную: в конце июля Рюти ушел в отставку. 1 августа президентом стал Маннергейм, который через несколько недель начал переговоры с СССР, дезавуировав заявление своего предшественника. 2 сентября он сообщил немцам о выходе из войны, стараясь сделать это как можно мягче. Ввести войска в Финляндию оказалось невозможным, устроить пронацистский путч тоже. 19 сентября перемирие с «союзниками» было подписано. Маннергейм — единственный из лидеров стран «оси» — сохранил свой пост, а Финляндия не была оккупирована. Говорят, что Сталин позже сказал Паасикиви: «Вы должны за все благодарить вашего старого маршала»³².

Вояж в Хельсинки стал последним официальным визитом рейхсминистра за границу. Однако «Риббентроп считал, что дипломатическая жизнь должна продолжаться, — вспоминал итальянский посол Анфузо, — дабы никто не сказал, что Берлин больше не столица. На Вильгельмштрассе создали призрачную имитацию светской жизни. Каждую неделю нас звали на обед в отель "Адлон". [...] Последний обед, на котором я присутствовал, совпал с переходом американцев через Рейн по мосту в Ремагене», что произошло 7 марта 1945 года³³.

Массовый исход коллаборационистов всех мастей из освобожденных стран привел к созданию многочисленных правительств в изгнании, национальных комиссий и комитетов. Одним из них стал Комитет освобождения народов России (КОНР), о создании которого было объявлено на учредительном съезде в Праге 14 ноября 1944 года. Возглавивший КОНР генерал-лейтенант РККА Андрей Власов в заключении своей «тронной речи» сообщил, что 11 ноября его принял Риббентроп (запись их беседы неизвестна), который «выразил полное понимание целей, которые ставит перед собой Комитет, и обещал свою поддержку».

«Власовское движение» — болезненная тема, поэтому ограничусь лишь теми аспектами, которые касаются непосредственно рейхсминистра. Среди первых немецких контактов Власова были Клейст и Хильгер, высоко оценившие его политический потенциал, однако соперничество МИД, ОКВ, СС и ведомства Розенберга вкупе с недоверием Гитлера к русским долгое время мешало использовать его. Весной 1943 года Риббентроп добился развертывания «акции Власова» в пропагандистских целях, но в июне Кейтель и Розенберг общими усилиями запретили ему вербовку добровольцев и агитацию на оккупированной территории. 29 июня Хильгер писал шефу, что «замедление или же свертывание акции Власова в настоящий момент самым неблагоприятным образом повлияет на позицию населения оккупированных областей и всерьез поставит под вопрос саму возможность дальнейшего использования частей, сформированных из уроженцев России». Только осенью 1944 года Власов добился признания со стороны

Гимmlера и Риббентропа, который 21 октября телеграфировал в Ставку фюрера, что именно он первым предложил привлечь генерала к сотрудничеству, а теперь узнает о его встрече с рейхсфюрером СС «из прессы». Соглашение между КОНР и Имперским правительством, заключенное 18 января 1945 года, подписал статс-секретарь МИДа Штеенграхт. Образцом для него стало соглашение с бельгийским фольксфюрером Леоном Дегрелем, подписанное 23 ноября 1944 года³⁴.

В упомянутой телеграмме Риббентроп сообщал, что «германско-русский вопрос — это то, чем я занимаюсь ежедневно». 17 июля 1944 года он собрал в Ставке Шуленбурга, Хильгера и Хессе, чтобы обсудить очередное предложение японского императора о посредничестве. Фюрер не отверг идею с ходу, заявив, что должен подумать и посоветоваться с дуче, приезда которого ожидал со дня на день. Риббентропа беспокоило, не разорвет ли Япония союз с Германией, если получит отрицательный ответ, тем более после успешной высадки англо-американских войск в Нормандии. Он сам был готов вести переговоры, однако 20 июля в «Вольфсшанце» взорвалась бомба, заложенная в бараке, где проходило совещание, полковником графом Клаусом фон Штауфенбергом. Гитлер должен был погибнуть, но в результате был лишь несильно контужен. Муссолини приехал несколько часов спустя: последняя, как оказалось, встреча диктаторов прошла в обстановке эйфории из-за чудесного спасения... и взаимного недоверия палачинов фюрера, из которых Риббентроп имел особенно бледный вид³⁵.

Среди заговорщиков оказалось немало дипломатов: бывшие послы граф Фридрих фон дер Шуленбург и Ульрих фон Хассель были казнены по приговору Народной судебной палаты. Риббентроп попытался вступить за первого, но ему посоветовали не лезть не в свое дело. Борман потребовал головы рейхсминистра: если тот знал о заговоре — предатель, если не знал — идиот. Но Гитлер защитил Риббентропа. А если бы он не сделал этого? Если бы тот был снят с должности и арестован, как Карл Хаусхофер, или угодил в концлагерь, как экс-президент Рейхсбанка Яльмар Шахт, которого в мае 1945 года освободили (и сразу

же арестовали вновь) «союзники»? Riskну предположить, что суда победителей он бы не избежал, а вот эшафота — вполне возможно. Но этого не случилось, и рейхсминистр принялся громко обличать «изменников» и «трусов».

Однако уже 30 августа Риббентроп «передал фюреру памятную записку* с просьбой уполномочить меня немедленно предпринять зондаж во всех направлениях с целью заключения мира. [...] Записку я начал словами: "Задача дипломатии — заботиться о том, чтобы народ не героически погиб, а продолжал существовать. Любой путь, ведущий к этой цели, оправдан, а неиспользование его может быть охарактеризовано лишь как достойное проклятия преступление". Эти слова были не чем иным, как цитатой из "Майн кампф", которую я сознательно поставил в самом начале своей памятной записки, чтобы напомнить Адольфу Гитлеру его же собственными словами о задаче любой дипломатии. Я хотел, с одной стороны, обратить внимание на то, что мы уже собрались героически погибнуть, а с другой — на то, что он сам же считал: дипломатия обязана попытаться не допустить этого. Но и памятная записка успеха не возымела, а полномочий, которые я просил, мне так и не было дано»³⁶. Точнее, по рассказу представителя рейхсминистра в Ставке Вальтера Хевеля, «Гитлер в бешенстве швырнул ее в угол комнаты и притом со словами, что "выявлять готовность русских к переговорам означало бы тронуть раскаленную докрасна печь, чтобы выяснить, горяча ли она!". [...] Гитлер уже больше не был доступен для аргументов, как, очевидно, и для своих собственных выводов прошлых лет»³⁷.

Четвертого сентября Гитлер снова ответил отказом на авансы Осима, но уже не так резко, как раньше, из чего тот заключил, что дверь еще не закрылась окончательно. Риббентроп объяснил итальянскому послу Анфузо, что Третий рейх не столько отвергает компромисс, сколько не хочет брать на себя инициативу, дабы это не выглядело мольбой о пощаде. «Не думаю, что Сталин пойдет на переговоры о мире, пока не сомневается в своей силе», — пояснил он

---

* Не опубликована; местонахождение неизвестно.

Осима в середине ноября, сославшись на программную речь советского вождя в очередную годовщину революции³⁸. Речь произвела впечатление в Токио, так как Сталин впервые публично отнес Японию к «агрессивным странам». Несмотря на это она была полностью опубликована в газетах.

В частном порядке возникали самые невероятные идеи. Осенью 1944 года фрау Аннелиз вызвалась поехать в Стокгольм для установления контактов с Коллонтай, чтобы «получить отправные точки для суждения о том, имеются ли вообще какие-либо возможности для серьезного разговора с Россией о мире. Однако Гитлер эту инициативу отверг... В январе 1945 года я решил предпринять последний натиск в этом направлении. Я сказал фюреру: я готов вместе со своей семьей полететь в Москву, чтобы априори убедить Сталина в честности наших намерений; таким образом, я и моя семья послужим своего рода залогом в его руках. На это Гитлер ответил: "Риббентроп, не устраивайте мне никаких историй вроде Гесса!" Такова трагическая глава моих попыток прийти к миру с Россией, чтобы затем получить возможность закончить войну компромиссом с Западом»³⁹. Как отметил Д. Ирвинг, «германско-советское сближение даже в это время оставалось мечтой Риббентропа»⁴⁰.

В начале января 1945 года Гитлер неохотно согласился на подготовку мирных предложений для Запада. 19 января они были представлены фюреру (известны только в пересказе): Германия сохраняла свои «национальные границы», отказывалась от гегемонии в Европе и экономической автаркии, гарантировала свободу вероисповедания и бралась участвовать в международной акции по переселению евреев. Получив одобрение вождя, Риббентроп подписал бумагу и передал ее Вернеру фон Шмидену — видному юристу, связанному с представителем американской разведки в Швейцарии Алленом Даллесом.

Еврейский вопрос стал ключевым в последних контактах рейха с «союзниками», ибо Гиммлер, Кальтенбруннер и Шелленберг начали торговать жизнями заключенных евреев — получали за каждого освобожденного определенную сумму в валюте, собирая капитал на случай бегства. Местом переговоров стал Стокгольм, партнерами — бан-

киры Валленберги и вице-президент шведского Красного Креста граф Фольк Бернадотт, родственник королевской семьи. МИД ничего не знал об этом, поэтому Хессе едва не лишился дара речи, услышав от Шторха вопрос, сколько он хочет за каждого еврея.

В феврале 1945 года Бернадотт приехал в Берлин для переговоров с Гиммлером. По воспоминаниям Хессе, он сам изъявил желание поговорить с Риббентропом; по свидетельству Клейста, на встрече настоял рейхсминистр. Риббентроп, изображавший из себя государственного мужа великой страны, произвел на гостя впечатление бодрого, но оторванного от жизни человека, а речь об угрозе большевизма показалась ему «заезженной пластинкой». Риббентропу нечего было предложить гостю: «союзники» ставили его отставку условием любого компромисса, а на это он не мог пойти даже в полном отчаянии. Наш герой вернул Бернадотту забытую папку с секретными документами, даже не заглянув в нее, чем немало удивил Клейста⁴¹.

После разговора с Бернадоттом Риббентроп поручил Хессе составить записку о возможных условиях компромисса как с Западом, так и с Востоком. На столе у министра лежали номера лондонских журналов и газет с фотографиями из концлагерей, которые он полгода назад в гневе бросил на пол. «Если всё это правда, — задумчиво произнес Риббентроп в феврале 1945 года, — то да смилостивится над нами Небо!» Пребывая в таком настроении, он категорически восстал против предложения Геббельса расстреливать по одному военнопленному за десять мирных жителей, погибших под союзническими бомбами: идея пришла в голову министру пропаганды после бомбардировки Дрездена в ночь с 13 на 14 февраля, о количестве жертв которой историки спорят до сих пор. «Только через мой труп», — сказал Риббентроп Штеенграхту и 21 февраля убеждал Гитлера не нарушать Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными. «Фюрер находился в весьма возбужденном состоянии, он резко оборвал меня, однако распорядился приказ не отдавать... Вскоре посол Хевель зашел ко мне и сообщил: фюрер был намерен... все же такой приказ отдать, и только мое вмешательство удержало его от этого»⁴².

В подготовленной Хессе записке (она тоже не дошла до нас) говорилось, что Германия должна обеспечить свое участие в мирном и коллективном разрешении конфликтов, принять предложенный победителями миропорядок, претендовать только на территории с преобладанием немецкого населения, но иметь право самой определить свое будущее государственное устройство. Риббентроп внимательно прочитал текст, что-то вычеркнул, что-то добавил и стал готовить инструкции для эмиссара, уполномоченного просить западные державы принять капитуляцию Германии, пока «большевистский потоп» не захлестнул всю Европу. Он уже был готов примириться с заменой нацистского режима переходным правительством. Как ни странно, Гитлер согласился с предложениями, но очень скептически оценил шансы на успех. Рейхсминистр задействовал все имевшиеся контакты, включая Вайцзеккера в Ватикане, но отовсюду пошли отказы. Он помирился с Гиммлером, точнее, капитулировал перед ним, поскольку освобождение евреев, священников и политзаключенных было непременным условием даже не успеха, а просто начала диалога, который затеял рейхсфюрер СС.

Хессе отправился в Швецию 17 февраля, встретившись перед отъездом с Клейстом, который пытался запускать пробные шары на советском направлении. Почти месяц в Стокгольме прошел в переговорах с банкирами, сионистами и политиками, не слишком доверявшими гостю. 13 марта Риббентроп принял его для доклада — рейхсминистр лежал больной, в темных очках, в комнате с занавешенными окнами. «Можете ничего не говорить, — произнес он еле слышным голосом. — Я знаю, что всё впустую... Наши враги хотят полностью уничтожить Германию. Поэтому они отвергают любую возможность переговоров, которые могут спасти немецкие жизни. Шведы явно переметнулись в западный лагерь и тоже хотят нашей смерти». Предположив, что депрессия шефа вызвана его докладами, Хессе пояснил, что не всё решался доверить бумаге, и Риббентроп заметно оживился. Под конец разговора он уже был бодр и энергичен, жадно выпытывая мельчайшие подробности.

Через три дня рейхсминистр снова вызвал Хессе и предложил ему вернуться в Стокгольм для установления кон-

тактов с... Коллонтай, иронически добавив: «Если хотите, можете вести переговоры и с вашими дорогими западниками, но только в строжайшей тайне». В тот же день он собрал у себя Хессе, Гауса, Хильгера и советника миссии в Швеции Вернера Данкворта, чтобы обсудить, как лучше подобраться к русским. Хессе удивился, что предназначенные ему инструкции не отличались от прежних: Германия предлагала СССР то же самое, что готова была предложить Западу. Риббентроп рассыпался в похвалах русским, «как будто он был советским послом, которому надо убедить национал-социалиста, что Сталин — святой, а большевики — ангелы».

Беседа продолжалась допоздна, пока в час ночи не зазвонил телефон. Риббентроп поднял трубку, через несколько секунд побелел как мел и тихо произнес: «Повторите!», затем сухо поблагодарил и повесил трубку. Звонил Хевель: Гитлер запретил любые переговоры. Под музыку Вагнера он весь вечер изучал предложения и в итоге заявил: «Мы погибнем в битве с большевизмом, но никогда не будем договариваться с ним». Рейхсминистр подавленно сказал собравшимся, что это — самое большое разочарование в его жизни, и приказал хранить услышанное в строжайшей тайне. Днем позже он обсуждал с Хессе другой план — выдать шведам интернированных французских политиков Эдуара Эррио, Леона Блюма и Венсана Ориоля и договорился об этом с Гиммлером, но утечка информации в стокгольмскую прессу сорвала сделку. Взбешенный Риббентроп снова и снова посылал за своим экспертом, требуя придумать успешный план, а в итоге выгнал его со словами, что тот уволен⁴³. Окончательную потерю им чувства реальности засвидетельствовал Анфузо. Во время их последней встречи на Вильгельмштрассе 24 марта рейхсминистр сказал ему: «Мы никогда не проиграем войну»⁴⁴.

К началу апреля относится рассказ Хильгера — еще одного несостоявшегося гонца к русским о том, как больной Риббентроп сказал ему: «Хочу спросить вас кое о чем и хочу, чтобы вы ответили с полной искренностью. Будет ли Сталин когда-нибудь готов вести переговоры с нами?» «Герр рейхсминистр, — ответил лучший знаток Советского Союза на Вильгельмштрассе, — не знаю, действительно

ли вы хотите спросить меня об этом; если я честно отвечу вам то, что думаю, это вам не понравится». «Я всегда хотел от вас полной искренности», — перебил его рейхсминистр. «Хорошо, если вы настаиваете, вот мой ответ. Пока в Германии у руля стоит нынешнее правительство, нет ни малейшего шанса, что Сталину снова придет в голову вести с нами переговоры». Лицо Риббентропа налилось кровью, но в это время в дверях комнаты показалась голова фрау Аннелиз: «Вставай, Иоахим, пойдём в убежище. Ожидается большой налет на Берлин»⁴⁵.

Вскоре после этого Риббентроп отправился... на Восточный фронт (агентство «Ассошиэйтед Пресс» 10 апреля распространило его фотографию в окопе, полученную из Стокгольма). Слово его сыну: «У Киница на Одере в 1945 году должен был находиться русский плацдарм. Отец, неоднократно вместе с оберстом [полковником. — В. М.] фон Гельдерном* посещавший фронт — до которого от Берлина было уже меньше часа на машине, — принял участие в атаке, которая должна была ликвидировать плацдарм. Как предполагал Гельдерн, вероятно, в надежде погибнуть! Он пишет, что какой-то пехотинец в последний момент предупредил его и отца, что их автомобиль стоит прямо напротив позиции русской противотанковой пушки. Тогда он, Гельдерн, заявил отцу, что они "со скоростью 80 километров в час едут в Россию" и что он не может взять на себя ответственность за то, что министр иностранных дел попадет в русский плен. На это отец, смеясь, заметил, что в данном случае Гельдерн обязан его тогда пристрелить! Он неоднократно ездил вместе с оберстом фон Гельдерном к войскам на фронт на Одере, знакомясь с обстановкой на передовой. Рассказ оберста недвусмысленно опровергает выдвинутое после войны утверждение — в дополнение ко всем приписываемым отцу негативным качествам — что министр иностранных дел был трусом»⁴⁶.

Тринадцатого апреля 1945 года Риббентроп велел эвакуировать персонал министерства в Фушль, а иностранных дипломатов в Бад-Гаштейн. По приказу Гитлера была соз-

---

* Иоахим фон Гельдерн-Криспендорф был офицером связи ОКВ при МИДе.

дана «Альпийская крепость» с центром в Оберзальцберге, но сам фюрер отказался покинуть окруженный Берлин, несмотря на уговоры приближенных, включая самого Риббентропа⁴⁷. 14 апреля начался исход германских и иностранных дипломатов из гибнущей столицы. Прощаясь с Риббентропом, Осима едва сдерживал слезы. Рейхсминистр отказался уезжать, желая до последней минуты находиться вблизи вождя и не переставая надеяться на чудо. Смерть президента США Франклина Рузвельта, последовавшая 12 апреля, была воспринята Гитлером и Геббельсом как знак свыше, как событие, меняющее ход истории: они впали в эйфорию, в то время как Риббентроп не проявил по этому поводу никакого энтузиазма⁴⁸. 20 апреля он поздравил фюрера с днем рождения, но ему отвели всего десять минут. 23 апреля они встретились последний раз — в фюрер-бункере в саду Рейхсканцелярии. Информация об этой беседе противоречива: некоторые утверждали, что диктатор вообще не хотел видеть министра, но именно ему поручил передать свою последнюю волю противнику. Гитлер едва ли не впервые признал, что война проиграна, распорядился вступить в переговоры с англичанами и убедить их «объединить силы нордических народов против азиатско-большевистских орд», а также изложить это в письме Черчиллю⁴⁹.

Риббентроп выехал из Берлина 24 апреля на автомобиле в Плён (земля Шлезвиг-Гольштейн) в Ставку гросс-адмирала Карла Дёница, назначенного главнокомандующим вермахтом на Севере. Выехав из столицы, он связался с Рейхсканцелярией и заявил, что хочет вернуться и быть рядом с фюрером, но тот приказал ему покинуть зону боевых действий и ждать дальнейших указаний. Оказавшись в штаб-квартире войск, оборонявших город с востока, рейхсминистр попросился в разведку с явной целью погибнуть на поле боя, но командующий обороной Берлина генерал Гельмут Вейдлинг запретил это⁵⁰. Затем следы Риббентропа временно теряются, мы встречаем его лишь поздно вечером 30 апреля, в 53-й день его рождения, на аэродроме Виттшток близ Кия. В этот день, примерно в 15:15 по полудни Адольф Гитлер покончил с собой в фюрер-бункере; днем раньше был убит Муссолини, отказавшийся покинуть

Италию. Перед смертью Гитлер продиктовал Политическое завещание, в которое включил поименный состав нового правительства. Рейхсканцлером был назван Геббельс, имперским министром иностранных дел — австрийский нацист и рейхскомиссар Нидерландов Артур Зейсс-Инкварт, не успевший вступить в должность. Государственная служба Иоахима фон Риббентропа, какой бы призрачной она ни была в последние дни, завершилась. Узнав об этом — к тому же в день своего рождения, — он испытал горькое разочарование. 1 мая Геббельс добровольно отправился вслед за фюрером. Находившийся во Фленсбурге, расположенном неподалеку от датской границы, новый рейхспрезидент Карл Дёниц поставил во главе МИДа графа Лютца Шверина фон Крозигка — бессменного министра финансов с 1932 года. 2 мая в телефонном разговоре Дёниц решительно отказался от услуг Риббентропа, который в связи с этим решил не ехать во Фленсбург, а перебрался в занятый англичанами Гамбург, где скрывался под чужой фамилией.

Последней политической акцией Риббентропа стало послание Черчиллю, которое он написал по-английски. Пересялая его Сталину, адресат назвал письмо «отменно длинным и скучным». Заявляя, что только он знает подлинную последнюю волю фюрера, Риббентроп многословно уверял, что Гитлер стремился к союзу с Англией, но не сказал при этом ничего конкретного. Не меньшее место было отведено самооправданию в свете предстоявшего суда: напоминая, что он только исполнял служебный и гражданский долг, теперь уже бывший рейхсминистр призывал победителей к великодушию и «честной игре». Послание дошло до Черчилля уже после того, как его автор оказался в английском плену, и никакого эффекта не произвело⁵¹.

**ПОСЛЕДНИЙ РАУНД
(1945—1946)**

*Тьма сотрет наши лица и память о нас
Поруганью предаст и разбою.*

Сергей Калугин

1

Победители начали розыск нацистских вождей, движимые не только жаждой возмездия, но и стремлением заполучить секреты Третьего рейха. Риббентроп попал в руки союзников одним из последних. Он был арестован в ночь 14 июня 1945 года в гамбургской квартире своих знакомых: на него донес сын соседей. Британский лейтенант Джеймс Адам застал его спящим в постели. Со сна Риббентроп забормотал что-то по-немецки, но быстро сообразил, что происходит, и перешел на английский: «Игра окончена. Поздравляю. Вы знаете, кто я такой. Если бы вы пришли двумя днями позже, я бы уже сдался сам»¹.

Его препроводили в местную штаб-квартиру оккупационных войск, обыскали, изъяв ампулу с ядом, и начали допрашивать; пленник настоял, что будет говорить по-английски. В те дни распространился слух, что американцы арестовали Риббентропа в Бремене, поэтому англичане задались вопросом, кто же попал к ним в руки. Разгадка нашлась на удивление быстро: в Гамбург прибыл корабль с высланными из Турции германскими дипломатами, в числе которых были советник Альберт Йенке и его жена Ингеборг — младшая сестра бывшего рейхсминистра. Их трогательная встреча разрешила все сомнения. Это было последнее свидание Риббентропа с ближайшими родственниками до оглашения приговора.

После окончательной идентификации личности его переправили в Бад-Мондорф — курортное местечко в Люксембурге, превращенное в тюрьму для высокопостав-

ленных нацистов. Официально она именовалась Центром союзного верховного командования для граждан «оси», но аббревиатура ее английского названия Allied Supreme Headquarters Centre for Axis Nationals выглядела как ASHCAN, то есть... пепельница. Риббентроп получил номер 31G35002. Под надзором сурового американского полковника Бёртона Эндрюса бывшим руководителям стран «оси» предстояло стать не более чем пеплом — они были низведены до статуса простых военнопленных, но лишены многих из полагавшихся им прав (справедливости ради отметим, что избиения и издевательства почти не практиковались).

Единственным утешением была возможность свободно общаться друг с другом, впрочем, каждое слово записывалось с помощью потайных микрофонов. Но говорить Риббентропу было не с кем: когда он попросил Геринга прочитать первый набросок своих мемуаров — 85 страниц, тот посоветовал засунуть манускрипт куда подальше. Отметив депрессивное состояние бывшего рейхсминистра, не имевшего никаких сведений о жене и детях*, тюремные врачи занесли его в список потенциальных самоубийц и усилили наблюдение за ним.

Допросы в Мондорфе начались с вопросов о германско-советских пактах 1939 года и секретных протоколах к ним, но Риббентроп наотрез отказался говорить об этом. Темой номер два стали концлагеря как самое шокирующее преступление гитлеровского режима и один из главных пунктов обвинения на готовившемся процессе. «Но вы-то о них знали», — угрожающе произнес один из британских офицеров. «Я никогда не знал, — ответил Риббентроп, — правда ли то, что о них печатали в [лондонских. — В. М.] газетах... Я узнал об этом только в Гамбурге... Мы знали о существовании концлагерей, но не ведали, что там происходит». Правда ли это? Кто виноват? Знали или нет? Если знали, то почему молчали? О чем Риббентроп наверняка

---

* В конце апреля 1945 года фрау Аннелиз, после того как муж запретил ей возвращаться в Берлин, вместе с младшими детьми переехала из Китцбюэля в Австрийских Альпах в дом генерала Занне на озере Аммерзее, близ Мюнхена, где и была интернирована американцами 9 июня.

должен был знать, так это о военных преступлениях вермахта на оккупированных территориях, включая СССР, потому что советские ноты протеста доставлялись на Вильгельмштрассе через шведскую миссию и Красный Крест². Этого он не отрицал, но отвечать на них министерство, как правило, не считало нужным. Ответом стала эксгумация трупов польских офицеров в Катыни в 1943 году...

Обратимся к свидетельству Хессе. Осенью 1944 года ему в руки попали английские журналы «Лондон иллюстриейтед ньюс» и «Сфера» с репортажами из концлагерей на освобожденной польской территории, сопровождавшихся многочисленными фотографиями. Хессе был потрясен. Антисемитская политика Гитлера ни для кого не составляла тайны, но он не знал о систематическом физическом уничтожении евреев. Обеспокоенный возможной реакцией, прежде всего в нейтральных странах, на такие разоблачения, эксперт оперативно подготовил перевод статей и вручил их рейхсминистру, который был поражен не меньше, заявил, что никогда ни о чем подобном не слышал, и обещал поговорить с фюрером.

Результат оказался неожиданным. Через несколько дней разгневанный Риббентроп в присутствии подчиненных швырнул газеты к ногам Хессе. «Фюрер дал мне слово чести, — выкрикнул он, — что это — самая бессовестная фальшивка, какая только может существовать, и что в этих публикациях нет ни единого слова правды. Я запрещаю впредь представлять мне подобные вещи и даже упоминать о них!» Картину довершил Хевель в приватном разговоре с Хессе: «Риббентроп, действительно, показал Гитлеру ваше досье. Фюрер был в бешенстве, поскольку эта жалкая трусливая банда — он имел в виду СД [Служба безопасности. — В. М.] — вовремя не уничтожила следы обоих лагерей и они оказались в руках противника. Фюрер распорядился, чтобы виновные были наказаны... Он не давал Риббентропу никакого слова чести, что эти фотографии — фальшивка. К сожалению, они подлинные»³.

В ходе дальнейших допросов Риббентроп изменил свои показания и заявил, что впервые узнал о творившемся в концлагерях в сентябре 1944 года из сообщений германских представителей в нейтральных странах: «Я собрал эти

телеграммы и представил их фюреру. Я сказал, что если это правда, то невозможно вести никакую внешнюю политику. Он взял все в свои руки и заявил, что меня это не касается. Вот и все, что я услышал». По другой версии, Гитлер двусмысленно заметил, что это «дело Гимmlера и его одного»⁴.

Думаю, что рейхсминистр, который, по мнению большинства мемуаристов, к описываемому моменту утратил чувство реальности, отказался верить в то, что узнал, и спрятал голову в песок, подобно страусу. Но был еще один фактор, обычно упускаемый из виду. Первую мировую войну Антанта выиграла не в последнюю очередь благодаря масштабной кампании дезинформации о «немецких зверствах в Бельгии и во Франции»: «младенцы с отрезанными руками», «повешенные священники», «распятый канадец»... Так они уже в первые месяцы боевых действий перетянули на свою сторону бóльшую часть общественного мнения США. После войны британские газетные магнаты и политики приносили Германии извинения, но сделанного не вернуть. Поэтому и во время Второй мировой войны подобные сообщения многими в Германии воспринимались как вражеская пропаганда. Рудольф фон Риббентроп вспоминал, как в августе 1944 года отец «придвинул мне через стол вырезку из газеты со словами: "Считаешь ли ты, что такое возможно?" Речь шла о сообщении, полученном международной прессой от русских. В нем говорилось о систематическом убийстве еврейских заключенных в некоем занятом русскими немецком лагере в Польше. Я лишь рассмеялся и, едва ли не с упреком, ответил, даже ни на миг не задумавшись, возможно ли такое: "Но, папа, это ведь опять отрубленные детские руки в Бельгии из Первой мировой войны"»⁵.

Двенадцатого августа 1945 года Риббентропа и других важных пленников в сопровождении Эндрюса, ставшего их главным тюремщиком, перевезли самолетом в Нюрнберг. В иллюминаторе показался Рейн. «Смотрите внимательно, — сказал Геринг, — вы видите его в последний раз». В Нюрнберге — городе партийных съездов и нацистских триумфов — их ждали одиночные камеры по восемь квадратных метров с круглосуточным электрическим освещением и надзором через окошечки в дверях, постоянные

обыски, тридцатиминутная прогулка в тюремном дворе и запрет общаться с кем-либо, кроме двух священников — лютеранского пастора Генри Гереке и католического падре О'Коннора, врача Людвиг Пфлюкера и психоаналитиков Дугласа Келли и Герберта Гилберта. Двое последних при ужесточенном режиме играли роль добрых следователей, пытаясь войти в доверие к заключенным и заставить их во всем признаться.

Заточение в Мондорфе теперь казалось курортом. Неудивительно, что в таких условиях Риббентроп выглядел старше своих лет, был подвержен постоянным депрессиям, невралгиям и головным болям, чурался людей, недостаточно следил за своей внешностью (на процессе переводчик Шмидт с трудом узнал его) и порядком в камере, на полу которой постоянно валялись исписанные листы бумаги. Келли сделал вывод: «Он лишился эмоциональной поддержки. Он не мог общаться с женой, а фюрер умер»⁶. Тюремные психиатры исследовали интеллектуальный уровень (IQ) подсудимых. «Отребье человечества» показало неплохие результаты: у Риббентропа — среднестатистические 129 пунктов, но Гилберт вынес вердикт: «Амбициозный эгоист* и оппортунист, принесший в жертву все нравственные колебания неистребимой жажде к самовозвеличению»⁷.

2

Международный военный трибунал — задуманный как суд народов, которому предстояло вынести вердикт истории, — открылся в Нюрнберге 20 ноября 1945 года. Это было беспрецедентное событие в мировой истории с юридической, политической и информационной точки зрения.

Список подсудимых был обнародован еще 29 августа. 19 октября им вручили обвинительное заключение. Риббентропу инкриминировались: заговор против мира (новое слово в международном праве, где раньше такой нормы не существовало); преступления против мира, то есть «планирование и ведение агрессивных войн»; военные престу-

---

* Эгоист (*англ.* egotist) — самовлюбленный человек, с преувеличенным мнением о себе, своих достоинствах и значении.

пленя, то есть нарушения обычаев войны; преступления против человечества, прежде всего в отношении гражданского населения. «Что я должен делать? Помогите мне, герр майор», — растерянно сказал он британскому майору Эйри Ниви, получив текст, в котором числился четвертым в списке главных военных преступников после Геринга, Гесса и Лея (25 октября Лей повесился в камере, и Риббентроп стал третьим). По просьбе Ниви его защиту взял на себя доктор Фриц Заутер — адвокат Бальдура фон Шираха, но после Нового года они расстались, и Риббентропа защищал доктор Мартин Хорн⁸. Бывший рейхсминистр потребовал вызвать в качестве свидетелей Черчилля, герцога Виндзорского, лордов Ванситтарта, Бивербрука, Дерби и Кемсли, а также леди Астор, но судьи подняли его на смех.

С одной стороны, Риббентроп занимал одно из важнейших мест на скамье подсудимых и был среди первых кандидатов на виселицу. «Я был министром иностранных дел Адольфа Гитлера, и политика требует осудить меня за это», — написал он жене после оглашения приговора⁹. С другой — за ним просто по должности не числилось преступлений, могущих стать сенсацией. Прокуроров и адвокатов, психиатров и тюремщиков удивляло, что он фактически не пытался защищаться. «Я делал то, что Гитлер говорил мне... Когда Гитлер велел сделать то-то, все просто шли и делали»¹⁰.

Риббентроп продолжал молчать о секретных протоколах в надежде на снисхождение хотя бы одной стороны. Лишь после того как Фридрих Гаус, испуганный перспективой попасть на Лубянку, дал подробные показания (еще раньше, но не так обстоятельно это сделал переводчик Шмидт), а адвокат Гесса доктор Зайдль начал допрашивать Риббентропа о протоколах, он что-то промямлил, но советский обвинитель Роман Руденко сразу же попытался оборвать неприятный разговор.

Страны-победительницы договорились не допускать обсуждения болезненных для себя вопросов и дали соответствующие указания судьям, но полного единства между ними все же не было, и отдельные неприятные сюжеты на процессе все-таки фигурировали. Много лет спустя Дельфин Дебене, помощник главного обвинителя от Франции,

говорил М. Блоку, что советская сторона вообще рассматривала возможность отвода бывшего имперского министра иностранных дел от главного процесса, дабы он не сказал лишнего¹¹. Проверить это утверждение пока не удалось, впрочем, англичане и американцы вряд ли упустили бы такую добычу, причем легкую, учитывая его психологическое состояние.

Слушание дела Риббентропа должно было начаться 26 марта 1946 года, но он сказался больным. Адвокат сообщил о «вазомоторных нарушениях речи» у своего клиента, который находился в состоянии нервного кризиса, но сделал от его имени краткое заявление: «Как Имперский министр иностранных дел я был обязан проводить в жизнь внешнеполитические директивы и указания Адольфа Гитлера. За предпринятые при этом лично мною внешнеполитические действия я несу полную ответственность»¹².

Допрос свидетелей пришлось начать в его отсутствие¹³. Первым оказался бывший статс-секретарь МИДа барон Густав Адольф фон Штеенграхт ван Мойланд, сам в то время находившийся под следствием. Он утверждал, что шеф не имел никакой реальной власти и влияния на Гитлера, не участвовал в принятии решений, а только слепо исполнял приказы, не был типичным нацистом и не разбирался в партийной догматике, противился нападению на Советский Союз и репрессиям против церкви, евреев и военнопленных, а также находился в наихудших отношениях с Гиммлером, Геббельсом и Борманом. Штеенграхт одним из немногих рискнул выступить в защиту своего шефа, но в силу незначительности собственного положения на протяжении большей части службы его показания не прозвучали достаточно весомо. Недовольство многих подсудимых, включая самого Риббентропа, вызвали выпады против Гитлера, на которого он попытался переложить основную ответственность. Британского обвинителя интересовало отношение рейхсминистра к церковной политике нацистов, американского — определение «типичный нацист», советского — кто еще пытался влиять на внешнюю политику рейха.

Следом давала показания Маргарет Бланк — секретарша Риббентропа с начала 1935 года. Не посвященная

в государственные тайны, она говорила в основном о его личности — о преданности Гитлеру и психологической зависимости от него, о поглощенности работой, об отсутствии друзей и близких, кроме жены и детей. Обвинение не стало допрашивать ее, а на вопрос о протоколах она лишь могла ответить, что видела запечатанный пакет с надписью «Секретный дополнительный протокол», но не имела представления о его содержимом.

Все с нетерпением ждали показаний переводчика Пауля Шмидта, объявившего себя принципиальным противником национал-социализма и утверждавшего, что рейхсминистр знал о преступлениях режима. Он быстро нашел общий язык с обвинением. Сенсаций в показаниях не оказалось: Шмидт опроверг драматический рассказ британского посла Гендерсона о встрече с Риббентропом 30 августа 1939 года, в канун нападения на Польшу, и неохотно отвечал на вопросы о доходах, замках и имениях Риббентропа, которого обвинение попыталось представить заурядным мажордером. После этого и особенно после представления суду письменных показаний Гауса защитник Хорн решил больше не обращаться к дипломатам, а Риббентроп с горечью записал: «О политике или политическом планировании я со Шмидтом никогда никаких разговоров не вел; не делал этого и фюрер... Никакой критики режима, нашей внешней политики или учреждений Третьего рейха из его уст я ни разу не слышал... Когда теперь Шмидт используется союзническим Обвинением в качестве коронного свидетеля против немцев, то это для меня еще одно разочарование в человеке»¹⁴.

Если Шмидт был всего лишь «статистом на дипломатической сцене» (так он озаглавил свои мемуары), то Фридрих Гаус знал куда больше и пользовался доверием рейхсминистра, поэтому о его показаниях тот высказался подробнее: «Гаус многие годы был моим ближайшим сотрудником... Я считал его умным, опытным, а прежде всего, порядочным человеком и рассчитывал, что именно он в тогдашних порой довольно трудных условиях [после назначения Риббентропа министром. — В. М.] может быть полезен мне в отношениях с некоторыми господами из министерства. Став министром, я сделал Гауса своим близким сотрудником...

С Гаусом я обсуждал все вопросы большой политики. Каждая моя памятная записка фюреру обязательно просматривалась Гаусом, зачастую я устно обсуждал ее с ним, прежде чем продиктовать на машинку. Не было такой важной входящей или исходящей телеграммы, ни одной инструкции важного значения нашим зарубежным представителям, которую Гаус не видел бы, не обговаривал со мной, а часто и сам формулировал. Как до, так и во время войны Гаус принимал в качестве моего ближайшего сотрудника участие во всех внешнеполитических акциях и содействовал их проведению... Гаусу известно о тех серьезных разногласиях, которые возникали у меня с Адольфом Гитлером в течение ряда лет. Он почти единственный хорошо знает, как я порой почти в отчаянии возвращался от Гитлера, поскольку все мои попытки добиться изменения политики в еврейском и церковном вопросах оставались безуспешными, а мои попытки во время войны побудить фюрера пойти на мирный зондаж тоже не имели никакого успеха. Только с одним Гаусом говорил я о таких расхождениях, в которые ни в коем случае нельзя было втягивать широкие круги; разумеется, внешне я должен был из государственных соображений демонстрировать иную позицию... То, что сегодня Гаус занимает столь жалкую позицию, о которой сообщили мне мои защитники после своей беседы с ним и которая полностью служит интересам Обвинения, — это самое печальное из всех моих печальных переживаний. Если он скажет правду, это будет лучше и для германского дела, и для него самого»¹⁵. Абзац, посвященный тому, как рейхсминистр продвигал Гауса по службе и защищал от преследований его жену-еврейку, я опускаю, но забывать об этих фактах все же не стоит.

Каких еще свидетелей мог вызвать Риббентроп? Гитлер, Шуленбург, Муссолини, Чиано, Бек, Чемберлен, лорд Ротермир, Гендерсон, Гаха, Лаваль, Астахов, Альбрехт Хаусхофер мертвы. Карл Хаусхофер попал в список военных преступников, но вскоре был освобожден и покончил с собой в начале марта 1946 года. Интернированный на юге Германии Осима был доставлен американцами в Японию, арестован по обвинению в совершении военных преступлений и ждал начала Токийского процесса, свидетелем на

котором должен был выступить интернированный в Японии Штамер. Отт остался в Китае, куда перебрался в годы войны. Почти все премьеры и министры иностранных дел бывших сателлитов рейха сидели в тюрьмах в ожидании приговоров, которые чаще всего оказывались смертными. Соседние камеры заняли германские дипломаты. Бонне и Гафенку укрылись в Швейцарии — сначала от нацистов, потом от коммунистов. До Сталина, Молотова, лорда Галифакса, Черчилля, Идена, Саймона, Хора было не дотянуться. Да и что они могли сказать в защиту Риббентропа?..

На просьбу Хорна откликнулся лорд Лондондерри, пришедший письменные показания. Не входя в подробности, он заявил, что Риббентроп выражал волю к улучшению англо-германских отношений и стремился добиться этого, и что он, Лондондерри, верил в его искренность¹⁶. Защита потребовала вызвать Теннанта, но обвинение отвело кандидатуру за его незначительностью. «Я рад, что был отвергнут, — писал он позже, — и не участвовал в процессе ни в каком качестве, потому что сейчас, думая о Риббентропе, я вспоминаю только человека, которого хорошо знал и с которым работал в 1933, 1934, 1935 годах, а не совершенно другого, каким он стал потом и кого я почти не знал»¹⁷.

Пришлось защищаться самому. 28 марта бледный и подавленный Риббентроп с толстой папкой в руках появился у свидетельского пульта. После выступления Геринга, который в первый день допроса буквально разгромил главного обвинителя Роберта Джексона, он смотрелся невыразительно. Герингу как «наци номер два» дали неограниченное время для рассказа об истории нацистского режима; остальных строго ограничили и запретили говорить на общие темы, включая Версальский договор и его последствия — как будто не они определяли ход событий в Европе. Несмотря на волнение, Риббентроп отвечал на вопросы адвоката четко и подробно (председательствующий постоянно обрывал и торопил его), очевидно, пользуясь домашними заготовками, которые составили его воспоминания. Не цитируя его показания ввиду почти дословного совпадения двух текстов, надо отметить важность их публикации в составе стенограммы процесса: уже в 1947 году заинтересованные лица могли ознакомиться с точкой зрения

Риббентропа и его видением событий (мемуары же вышли в свет в 1953 году, а до русского читателя дошли лишь 43 года спустя).

Экс-министр не защищал лично себя и свою политику, потому что «своей» политики у него не было. Он признал, что был дипломатическим секретарем фюрера и потому о многом не знал, но возмутился, когда еще один важный свидетель обвинения — бывший сотрудник Абвера генерал-майор Эрвин Лахузен фон Вивермонт заявил, что Риббентроп 12 сентября 1939 года в разговоре с Канарисом требовал уничтожения польских евреев. Риббентроп ответил, что не помнит такого разговора и впервые видит Лахузена. Рассказал он и о пресловутых зámках, пояснив, что бо́льшая их часть находилась в государственной собственности и была предоставлена в его распоряжение для приема иностранных гостей.

Обвинение располагало несравненно более мощной документальной базой, чем защита. Угрожающий тон подписанных им нот и деклараций бывший глава Вильгельмштрассе объяснял требованием Гитлера проявлять твердость для достижения своих целей мирным путем, а вовсе не стремлением к агрессии, производство в чины СС (послужной список лежал перед трибуналом) — изменением своего положения в государственном аппарате. Короче говоря, он не думал, что может спастись, а потому не слишком старался. На свое место Риббентроп вернулся измученным и опустошенным и в последующие дни часто отсутствовал в зале суда по болезни, но в камере тщательно изучал стенограмму своего допроса.

Соседи по скамье подсудимых в разговорах между собой и с американскими психиатрами не скупались на колкости в его адрес. Но надо сказать и о другом: Риббентроп до последнего защищал Гитлера и его режим, что вызвало искреннее удивление Руденко, привыкшего к чистосердечным признаниям. Он не изображал оппозиционера, какими вдруг оказались не только Папен и Шахт, но вполне стопроцентные нацисты Франк, Ширах и Шпеер. Он сразу признал лидерство своего бывшего врага Геринга и подчинился партийной дисциплине, в отличие от тех, кто, подобно Шпееру или Шахту, охотно топил других.

Хорн произнес защитительную речь по делу своего клиента 5 и 8 июля, суммировав известные аргументы и пустившись в дискуссию по теоретическим вопросам: критиковал нечеткое определение «агрессивная война» и понятие «заговор», присущее англосаксонскому, но чуждое континентальному праву¹⁸. Затем слово вновь перешло к обвинению. 26 июля Джексон выступил с заключительным словом, вложив в него весь пафос, на который был способен: Риббентропа он назвал «двуличным торговцем ложью». Выступление Руденко заняло два дня — 29 и 30 июля, причем бывшему рейхсминистру он посвятил целый раздел. Речь главного обвинителя от Советского Союза хорошо известна и также не нуждается в цитировании. Думаю, подсудимый не обиделся на слова: «Гитлер не ошибся в Риббентропе. Доверие его он полностью оправдал»¹⁹.

Подсудимый пытался спорить с обвинениями и с юрисдикцией трибунала, заявляя, что тот действует на основании неюридического принципа *ex post facto** и не предоставляет защите равных прав с обвинением: «Суд состоял только из представителей держав-победительниц, односторонне заинтересованных в осуждении обвиняемых. Они были судьями в своем собственном деле, что противоречит любому представлению о праве». Впрочем, его заботили не только юридические тонкости: «Каждый немец, осужденный как жертва политической юстиции, станет препятствием на пути столь настоятельно необходимого примирения между немецким и западными народами. Выгоду от этого получают Советы, поскольку эти процессы не без основания считаются в первую очередь делом, в котором заинтересованы американцы»²⁰. Суд оставил заявления Риббентропа без внимания...

Последнее слово было предоставлено Риббентропу 31 августа.

«Настоящий Трибунал организован с целью выяснить историческую правду. С точки зрения германской внешней политики могу лишь сказать следующее.

---

* Принцип обратной силы, согласно которому закон может быть применен к деяниям и отношениям, совершенным или существовавшим до его вступления в силу.

Трибунал войдет в историю как образцовый пример того, как, взывая к доселе неведомым понятиям права и духу справедливости, можно обойти стороной кардинальные проблемы двадцати пяти важнейших лет человеческой истории.

Если корни наших бед лежат в Версальском договоре — а они там лежат, — какова была истинная цель того, чтобы предотвратить дискуссию о договоре, который разумные люди, даже из числа его авторов, характеризовали как источник будущих бед, о котором наиболее дальновидные говорили, что его ошибки породят новую мировую войну?

Я отдал более двадцати лет жизни уничтожению этого зла, а в результате иностранные государственные деятели, знавшие об этом, сегодня заявляют в показаниях, что не верили мне. Им следовало бы написать, что в интересах своих стран они не были готовы поверить мне. Я несу ответственность за ведение внешней политики, определявшейся другим человеком. Однако я точно знаю, что она никогда не имела отношения к планам мирового господства, но лишь к ликвидации последствий Версаля и к продовольственным проблемам германского народа.

Если я отрицаю, что германская внешняя политика планировала или готовила агрессивную войну, то не для самооправдания. Справедливость этого доказывается мощью, которую мы нарастили в ходе Второй мировой войны, и тем, насколько мы были слабы в ее начале.

История поверит моим словам, что мы бы приготовились к агрессивной войне неизмеримо лучше, если бы действительно затевали ее. Мы лишь намеревались позаботиться о своих элементарных жизненных потребностях, так же, как Англия блюдет свои интересы на принадлежащей ей одной пятой мира, как Соединенные Штаты владеют целым континентом, как Россия имеет под своей гегемонией самую большую часть суши. Единственное различие между политикой этих стран и нашей только в том, что мы требовали клочки земли вроде Данцига и "коридора", отобранные у нас вопреки всем правам, а другие державы привыкли мыслить в масштабах континентов.

До провозглашения Хартии настоящего Трибунала державы, подписавшие Лондонское соглашение [о пресле-

довании военных преступников. — В. М.], должны были иметь иные воззрения на международное право и политику, нежели они имеют сейчас. Когда в 1939 году я отправился к маршалу Сталину в Москву, он не обсуждал со мной возможность мирного разрешения германско-польского конфликта в рамках пакта Бриана — Келлога*; он дал мне понять, что если в дополнение к половине Польши и балтийским странам не получит Литву и гавань Либау, я могу отправляться домой.

В 1939 году начать войну явно не считалось международным преступлением против мира, иначе я не могу объяснить телеграмму Сталина по окончании польской кампании, в которой говорилось (цитирую): "Дружба Германии и Советского Союза, скрепленная совместно пролитой ими кровью, имеет все основания быть длительной и прочной"**.

Хочу подчеркнуть, выделить тот факт, что в то время даже я горячо желал этой дружбы. Сегодня от нее осталась лишь первоочередная проблема для Европы и всего мира: будет ли Азия господствовать над Европой, или западные державы смогут остановить и отбросить назад влияние Советов на Эльбе, на побережье Адриатики, в Дарданеллах? То есть, говоря практически, сегодня Великобритания и Соединенные Штаты стоят перед той же дилеммой, перед которой стояла Германия, когда я вел переговоры с Россией. Ради моей страны я всем сердцем надеюсь, что в итоге они окажутся более удачливыми.

Что же на деле было доказано этим процессом относительно преступного характера германской внешней политики? Что из более чем 300 документов, представленных

---

* Пакт Бриана — Келлога (также: Антивоенный или Парижский пакт) — договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики; назван по имени его инициаторов — министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога. Подписан 27 августа 1928 года в Париже представителями США, Франции, Великобритании, Германии, Италии, Бельгии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР, Ирландии, Индии, Польши, Чехословакии и Японии. Позже к пакту присоединились СССР и еще 48 государств. Вступил в силу 24 июля 1929 года.

** Риббентроп цитирует неточно. Следует: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».

защитой, 150 были отвергнуты без убедительных оснований. Что защита не получила доступа к вражеским и даже к германским документам. Что дружеский намек Черчилля мне о том, что Германия будет уничтожена, если станет слишком сильной, объявлен не относящимся к делу при оценке германской внешней политики. Революция не становится более понятной, если ее рассматривать с точки зрения заговора.

Судьба сделала меня одним из участников этой революции. Я поражен чудовищными преступлениями, которые стали известны мне здесь и которые порочат революцию. Но я не могу оценивать их все по пуританским стандартам, особенно после того, как увидел, что враг, несмотря на полную победу, не мог и не хотел предотвратить еще более масштабные зверства.

Каждый может оценивать теорию заговора как ему угодно, но с точки зрения критически мыслящего наблюдателя это лишь паллиативное решение. Любой, кто занимал видное положение в Третьем рейхе, знает, что это просто фальсификация истории, и автор Хартии настоящего Трибунала лишь показал своим изобретением, из какой почвы вырос его образ мыслей.

Мне осталось заявить, что страны, подписавшие Хартию, составили заговор с целью подавления первейших нужд высокоразвитого, талантливого и мужественного народа. Оглядываясь назад на свои действия и желания, могу сделать единственный вывод: я считаю себя виновным перед своим народом — не перед настоящим Трибуналом — лишь в том, что мои устремления во внешней политике не увенчались успехом»²¹.

Это политическое завещание Риббентропа следует дополнить фрагментом его последних записей: «Мир должен научиться на опыте прошлого! Немецкий народ разбит и зажат в узком пространстве. Но не вызовет ли такое тяжелое, ужасающее давление в конце концов контрдавление? Действительно ли победители не хотят вновь сделать те же ошибки? Не следует ли им на этот раз быть поумнее и вскрыть корни экономических, а тем самым и политических трудностей в центральноевропейском пространстве и предоставить Германии шанс? Довольная своей жизнью

Германия — самая надежная гарантия мира. Пусть правительства государств-победителей на сей счет изберут правильный путь к правильной цели»²².

Речь произвела сильное впечатление, особенно по контрасту с его же показаниями на процессе. Майор Ниви откровенно признался: «В первый раз я почувствовал к нему уважение... Он приобрел вид государственного мужа»²³.

Обсуждение приговора бывшему рейхсминистру иностранных дел не заняло много времени: он был единогласно признан виновным по всем четырем статьям обвинения. 1 октября приговор был оглашен. «Риббентроп был вполне согласен с основными положениями национал-социалистического кредо [...] его сотрудничество с Гитлером и подсудимыми по настоящему делу в совершении преступлений [...] было искренним и добровольным. Риббентроп служил Гитлеру добровольно до конца именно потому, что политика Гитлера и его планы соответствовали его собственным убеждениям».

Итог — смертная казнь через повешение.

3

Шок прошел быстро, ибо призрак петли уже маячил перед ним. В конце 1944 года лорд-канцлер виконт Джон Саймон, глава британской юридической системы, выступил в Палате лордов с речью о «будущем наказании военных преступников», заявив, что они достойны повешения без суда. Текст попал в руки Риббентропу, который передал его Хессе и поинтересовался мнением эксперта. Рейхсминистр не оставлял надежды установить контакт с англичанами, но постоянно наталкивался на сопротивление фюрера. «Сделайте хоть что-нибудь, — сказал ему Хессе, — попытайтесь сберечь то, что еще можно сберечь. Я осознаю, что вы не спасете свою жизнь. Вы знаете, что союзники намерены сделать с Гитлером и всеми национал-социалистическими лидерами». Побледнев, шеф посмотрел ему в глаза и тихо спросил: «Вы действительно думаете, что союзники... нас всех... повесят?» «Почему нет?» — философски ответил тот. Разговор перешел к речи Саймона. Охарактеризовав его как «умеренного, благородного и ответственного человека», Хессе заявил: «Можете быть уверены, что если он

заявил Палате лордов, что так называемые "военные преступники" (разумеется, включая все правительство рейха) достойны повешения, он сказал это не в гневе, не от избытка эмоций, но тщательно обдумав и с уверенностью, что выражает волю всей Англии. Вы также можете быть уверены, что он не произнес бы ничего подобного, если бы не знал, что Рузвельт (который ненавидит нас до последней степени), французы и, конечно, Сталин поддержат это требование»²⁴. Хессе был неправ в одном — именно советский вождь был против бессудных расправ над побежденными.

Виртуальным повешением Риббентропа, в полной парадной форме, на фонаре перед главным входом в здание МИДа завершается его биография, написанная П. Шварцем и опубликованная в Нью-Йорке в 1943 году²⁵. Судя по всему, рейхсминистр успел прочитать ее; неясно только, во время войны или уже в Нюрнберге. Подсознательную боязнь веревки Гилберт увидел в том, что 14 марта Риббентроп явился в зал суда без непременно галстука и с расстегнутым воротником рубашки, пожаловавшись, что он слишком тесен. Психолог уговорил его надеть галстук, не застегивая воротника²⁶.

Счет пошел на дни. Союзный совет отклонил апелляцию. Обращаясь не к судьям и даже не к современникам, а к потомкам, Риббентроп лихорадочно работал над мемуарами, а незадолго до казни оставил распоряжение:

«Тюремной администрации.

Прошу передать мои личные вещи, перечисленные ниже, моему адвокату д-ру Георгу Фрешману, № 36 Вейландштрассе, Нюрнберг, для передачи моей жене Аннелиз фон Риббентроп.

36 000 марок наличными, не считая суммы, переданной моей жене Аннелиз фон Риббентроп полковником Эндрюсом. Думаю, вторая сумма составляет 3600 марок.

Одни золотые наручные часы "Лонжин". У д-ра Фрешмана или г-на Кунце есть тюремная квитанция на эти часы.

Различные фотографии и письма, находящиеся в сумке в моей камере.

Два документа защиты (голубые) в той же сумке.

Один костюм, одна пара серых брюк.

Различное белье.

Мои мемуары, страницы 108—126.

Одна записка о политике в отношении евреев.

Два золотых зубных моста.

И. фон Риббентроп».

Некий американский тюремщик присвоил документ в качестве сувенира. Часы и 810 марок отдали семье. Финансовое управление четырехдержавной комиссии (так она официально называлась) приняло 22 тысячи марок, которые неизвестно куда подевались, как и остальные деньги, в отчетах не упомянутые²⁷. Но бумаги мужа фрау Аннелиз получила полностью.

После оглашения приговора Риббентропу наконец-то разрешили встретиться с женой и старшим сыном, что дало ему заряд бодрости. Даже М. Блок, не жалевший для своего героя уничижительных характеристик, признал, что он «проявил мужество и достоинство в последние две недели жизни»²⁸. Фрау Аннелиз проявляла мужество и достоинство в ходе всего процесса. «Не имея возможности больше года видеть мужа в тюрьме, — писал Келли, — она, тем не менее, регулярно приходила и часами ждала в надежде хоть косвенным путем услышать словечко от него. Из всех жен "военных преступников" она была самой активной в организации и помощи защите мужа»²⁹. Перед казнью Риббентроп написал ей: «Я пройду свой путь гордо, несломленным, с твердой верой в вечную жизнь. Я снова беру твоё дорогое лицо в мои руки и снова глубоко гляжу в твои глаза со всей той бесконечной любовью, которую только способен испытывать человек к другому человеку. Прощай... Я говорю тебе: до свидания в ином мире. Да поможет тебе Бог»³⁰. В более раннем письме прозвучали горькие слова: «Сегодня я принадлежу к числу тех, кого размололи жернова мировой истории»³¹.

Иоахим фон Риббентроп встретил последний час стоически. Ему пришлось первым взойти на эшафот, потому что «подсудимый номер один» Геринг обманул тюремщиков, раскусив в камере припрятанную ампулу с цианистым калием. На рассвете 16 октября 1946 года бывший имперский министр иностранных дел был повешен. Риббентроп боролся со смертью по одним сведениям десять, а по другим целых девятнадцать минут. Уходя в иной мир, он про-

изнес: «Боже, защити Германию! Мое последнее желание, чтобы Германия сохранила свое единство и чтобы Восток и Запад договорились об этом между собой»³².

Тело Риббентропа, как и всех повешенных в Нюрнберге, было раздето догола, уложено в простой деревянный гроб, в обстановке строжайшей тайны вывезено в концлагерь Дахау, находившийся под контролем американцев, и там сожжено в печи крематория. Пепел развеяли над рекой, а всем участникам приказали забыть, где именно это произошло.

В последнем письме к фрау Аннелиз были такие слова: «Ты, моя любимая жена, должна теперь отдать все твое храброе сердце и всю любовь, которую ты питала ко мне, целиком и полностью нашим детям. Я знаю, что могу вполне на тебя положиться. Ты должна знать, что это — мое последнее утешение, которое я унесу с собой»³³. Фрау Аннелиз осталась верна памяти мужа. В 1953 году она опубликовала его неоконченные мемуары и предсмертные записки, снабдив их дополнениями и примечаниями, а затем не раз выступала в печати, доказывая, что истинным виновником Второй мировой войны является Великобритания, а ее муж всеми силами пытался предотвратить конфликт с ней. Умерла она в 1973 году в Вуппертале.

Старший сын Рудольф добровольцем участвовал в Польской кампании, затем воевал на Восточном фронте в составе элитной 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и считался одним из танковых асов Германии. Он дослужился до звания гауптштурмфюрера СС (что соответствовало капитану вермахта) и командира батальона 12-го танкового полка СС дивизии СС «Гитлерюгенд», был пять раз ранен и восемь раз награжден, в том числе Железным крестом 1-го и 2-го класса, Рыцарским крестом Железного креста и Золотым Военным орденом Германского креста. Взятый в плен американцами в Австрии 8 мая 1945 года, Рудольф фон Риббентроп после более чем трехлетнего пребывания в лагерях для военнопленных в Германии и во Франции был освобожден без предания суду. После войны занимался бизнесом. Написал книгу «Мой отец Иоахим фон Риббентроп», поделившись и личными воспо-

минаниями, для презентации русского перевода которой в возрасте 94 лет прилетал в Москву. Он живет в городе Ратинген; его жена Ильзе-Мария урожденная фон Мюнхаузен скончалась в 2010 году.

Средний сын рейхсминистра — Адольф — владеет художественной галереей в городе Элтвиль на Рейне, где экспонирует произведения авангардного искусства, которые его отец едва ли бы одобрил. У Адольфа фон Риббентропа четверо сыновей: от брака с Марион фон Штремпель — Иоахим (1963 года рождения) и Доминик (1965 года рождения); от брака с графиней Марией фон унд цу Эльц — Рудольф (1989 года рождения) и Фридрих (1990 года рождения).

Младший сын Бартольд возглавлял филиал «Дойче банка» в Нью-Йорке, куда, по утверждениям СМИ, был сослан из центрального руководства, позднее руководил телекоммуникационной компанией в Германии. Бартольд фон Риббентроп женат на Бригитте фон Тротта; их сын Себастьян (1971 года рождения) в 2001 году женился на баронессе Изабелле Шулер фон Зенден, у них трое детей, родившихся уже в нынешнем веке. Бартольд скончался в июне 2018 года.

Беттина фон Риббентроп в годы Второй мировой войны была медсестрой Красного Креста, после войны вышла замуж, родила троих детей и умерла в 2001 году. Овдовевшая Урсула фон Риббентроп живет в Берлине³⁴.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо И. В. Сталину*

Берлин, 13 октября 1940 года

Дорогой господин Сталин!

Более года назад по Вашему и фюрера решению были пересмотрены и поставлены на абсолютно новую основу отношения между Германией и Советской Россией. Я полагаю, что это решение найти общий язык принесло выгоду обеим сторонам — начиная с признания того, что наши жизненные пространства могут соседствовать без претензий друг к другу, и кончая практическим разграничением сфер влияния, что привело к германско-советскому Пакту о дружбе и границе. Я убежден, что последовательное продолжение политики добрососедских отношений и дальнейшее укрепление политического и экономического сотрудничества будут способствовать в будущем все бóльшим и бóльшим выгодам двух великих народов. Германия, по крайней мере, готова и полна решимости работать в данном направлении.

Мне кажется, что, учитывая эти цели, прямой контакт между ответственными деятелями обеих стран крайне важен. Я уверен, что личный контакт не по дипломатическим каналам для авторитарных режимов таких, как наши, время от времени необходим. Поэтому сегодня мне хотелось бы сделать беглый обзор событий, происшедших со времени моего последнего визита в Москву. В связи с исторической важностью этих событий и в продолжение нашего обмена мнениями, имевшего место в последний год, я хотел бы сделать для Вас и обзор политики, проводимой Германией в данный период.

После окончания польской кампании мы заметили (и это было подтверждено многочисленными сообщениями, полученными зимой), что Англия, верная своей традиционной политике, строит всю свою военную стратегию в расчете на расширение войны. Предпринятая в 1939 году

---

* Печ. по: СССР — Германия. Кн. 2. С. 84—92. Пер. Ю. М. Фельштинского.

попытка втянуть Советский Союз в военную коалицию против Германии уже приоткрывала эти расчеты. Они [Англия и Франция. — В. М.] были напуганы германско-советским соглашением. Позже аналогичной была позиция Англии и Франции в отношении советско-финского конфликта.

Весной 1940 года эти тайные намерения стали достаточно очевидны. С этого времени британская политика вступила в период активного распространения войны на другие народы Европы. После окончания советско-финской войны первой мишенью была выбрана Норвегия. Оккупация Нарвика и других норвежских баз позволила бы лишить Германию поставок железной руды и создать в Скандинавии новый фронт. Только благодаря своевременному вмешательству германского руководства и молниеносным ударам наших войск, которые выгнали англичан и французов из Норвегии, театром военных действий не стала вся Скандинавия.

Через несколько недель тот же англо-французский спектакль должен был повториться в Голландии и Бельгии. И здесь Германия также смогла в последнюю минуту решительными победами своих армий предотвратить планируемый удар англо-французских армий против района Рура, о котором мы своевременно получили информацию. Сегодня даже во Франции, «континентальной шпаге Альбиона», большинству французов стало ясно, что их страна в конечном счете должна истечь кровью (как жертва традиционной «гуманной» британской политики). Что касается теперешних британских правителей, которые объявили войну Германии и таким образом вовлекли британский народ в беду, то даже они сами не могут более скрыть свою традиционную политику и презрение к своим собственным союзникам. Наоборот, когда судьба отвернулась от них, все их лицемерные торжественные обещания прекратились. С чисто английским цинизмом они предательски покинули своих друзей. Более того, чтобы спасти самих себя, они оклеветали своих прежних союзников, а потом даже открыто противостояли им силой оружия. Ондалснес, Дюнкерк, Оран, Дакар — вот названия, которые, как мне кажется, могут открыть миру глаза на цену английской дружбы. Од-

нако мы, немцы, тоже получили урок: англичане не только недобросовестные политики, но и плохие солдаты. Наши войска громили их везде, где только они принимали бой. Везде германские солдаты превосходили их.

Следующей целью британской политики расширения войны стали Балканы. В соответствии с дошедшими до нас сведениями, на этот год вынашивались самые разные планы, и в одном случае уже был отдан приказ о их исполнении. То, что эти планы не были осуществлены, является, как мы теперь знаем, исключительно следствием почти невероятного дилетантства и поразительных разногласий между политическими и военными руководителями Англии и Франции.

Враги Германии старались скрыть от всего мира свои мероприятия по расширению войны. Они пытались перед всем миром объявить наши разоблачения английских методов расширения войны маневром германской пропаганды. Между тем судьба постаралась, чтобы в руки германской армии, наступающей со скоростью молнии на всех фронтах войны, попали документы огромной важности. Как хорошо известно, нам удалось захватить секретные политические документы французского генерального штаба, уже подготовленные к эвакуации, и приобрести таким образом неоспоримые доказательства правильности наших сообщений о намерениях наших врагов и сделанных нами из этого выводов. Ряд этих документов, как Вы помните, был опубликован в прессе, а огромное количество материалов все еще переводится и изучается. Если понадобится, они будут опубликованы в виде Белой книги*.

Здесь с действительно поразительной доказательностью разоблачается подоплека британской военной политики. Вы поймете, что мы рады возможности открыть миру глаза на беспрецедентную некомпетентность, а также на почти преступную беспечность, с которой теперешние английские руководители, объявив войну Германии, вовлекли в несчастья не только собственный народ, но и другие народы Европы. Сверх того, документы, имеющиеся в на-

---

* Частично в Белой книге МИД № 6: Les documents secrets de l'Etat-Major général français. Berlin: Deutscher Verlag, 1941.

шем распоряжении, доказывают, что господа с Темзы не отказываются от нападений и на совершенно нейтральные народы в отместку за то, что те продолжают вести с Германией естественную для них торговлю, несмотря на британские ноты и даже угрозы. Без сомнения, советские нефтяные центры Баку и нефтяной порт Батуми уже в этом году стали бы объектами британского нападения, если бы падение Франции и изгнание британских армий из Европы не сломили бы агрессивного британского духа и не был бы положен конец их активности.

Понимая полную абсурдность продолжения этой войны, фюрер 19 июля снова предложил Англии мир. Теперь, после отклонения этого последнего предложения, Германия намерена вести войну против Англии и ее империи до окончательного разгрома Британии. Эта борьба идет уже сейчас и закончится лишь тогда, когда враг будет уничтожен в военном отношении или когда будут устранены силы, ответственные за войну. Когда точно это случится — значения не имеет. Потому что в одном можно быть уверенным: война как таковая в любом случае нами уже выиграна. Вопрос лишь в том, сколько пройдет времени до того момента, когда Англия, в результате наших операций, признается в окончательном поражении.

На этом последнем этапе войны, защищаясь от каких-либо действий, которые Англия в своем отчаянном положении все еще может предпринять, «ось» в виде естественной меры предосторожности была вынуждена надежно защитить свои военные и стратегические позиции в Европе, а также политические и дипломатические позиции во всем мире. Кроме этого, она должна обеспечить необходимые условия для поддержания своей экономической жизни. Сразу же после окончания кампании на Западе Германия и Италия приступили к этой задаче и уже в общих чертах ее выполнили. В связи с этим можно также упомянуть беспрецедентную для Германии задачу охраны ее норвежских прибрежных позиций на всем протяжении от Скагеррака до Киркенеса. Для этого Германия заключила с Швецией и Финляндией чисто технические соглашения, о которых я полностью проинформировал Вас через германское посольство. Они заключены исключительно

с целью облегчения снабжения прибрежных городов на севере (Нарвика и Киркенеса), до которых нам трудно добраться по суше.

Политика, которой мы следовали совсем недавно в румынско-венгерском споре, преследует те же цели. Наши гарантии Румынии определяются исключительно необходимостью защиты этого балканского района, особенно важного для нас с точки зрения снабжения Германии нефтью и хлебом от какого-либо нарушения стабильности, вызванного войной, саботажем и т.п. внутри этой зоны, а также от попыток вторжения извне.

Антигерманская пресса пыталась извращенно истолковать гарантии держав «оси» Румынии. На деле же произошло следующее: к концу августа, как известно, разногласия между Румынией и Венгрией, подогреваемые британскими агентами, завзятыми агитаторами на Балканах, достигли той стадии, что война стала неизбежной и столкновения в воздухе уже происходили. Стало очевидно, что мир на Балканах может быть сохранен только посредством крайне быстрого дипломатического вмешательства. Времени для каких-либо переговоров и консультаций не было. Этим объясняется импровизированная встреча в Вене с вынесением решения в 24 часа. Поэтому, вероятно, излишне подчеркивать, что тенденция, проявленная в то время антигерманской прессой, истолковывать эти германско-итальянские действия как направленные против Советского Союза является совершенно безосновательной и продиктована исключительно намерением подорвать отношения между «осью» и Советским Союзом.

Германская военная миссия, посланная вместе с группой инструкторов [в Румынию. — В. М.] несколько дней назад по просьбе румын (что вновь было использовано нашими врагами для грубых инсинуаций), послужит как для обучения румынской армии, так и для охраны германских интересов, поскольку германская экономика и экономика этих территорий тесно взаимосвязаны. На случай, если Англия, как следует из некоторых сообщений, действительно намерена предпринять какие-либо акции, например, против нефтяных промыслов Румынии, мы уже приняли меры, чтобы подобающим образом ответить на любые бри-

танские попытки интервенции извне или саботажа изнутри. Ввиду абсолютно неправильных и тенденциозных сообщений прессы, которые участились за последние несколько дней, я недавно сообщил Вашему послу г-ну Шкварцеву о действительных мотивах наших действий и об уже проведенных мероприятиях.

В связи с предпринятыми англичанами попытками саботажа, поднятый Вашим правительством вопрос об изменении режима на Дунае приобретает большое значение. Я могу сообщить Вам, что, в согласии с итальянским правительством, в течение ближайших нескольких дней нами будут сделаны предложения, которые учтут Ваши пожелания в данном вопросе.

После принятия мер по охране позиций «оси» в Европе основной интерес Имперского правительства и Итальянского правительства сосредоточился в последние несколько недель на предотвращении распространения военных действий за пределы Европы и превращения их в мировой пожар. Так как надежды англичан найти себе союзников в Европе поблекли, английское правительство усилило поддержку тех кругов заокеанских демократий, которые стремятся к вступлению в войну против Германии и Италии на стороне Англии. Их интересы, в противоречии с интересами народов, столь же жаждущих «нового порядка» в мире, как и конца окостеневших плутократических демократий, — эти их интересы грозят превратить европейскую войну в мировой пожар. Прежде всего это относится к Японии. Поэтому некоторое время назад по приказу фюрера я послал в Токио эмиссара для выяснения в неофициальном порядке, не могут ли наши общие интересы быть выражены в форме пакта, направленного против дальнейшего распространения войны на другие народы. Последовавший вскоре обмен мнениями привел Берлин, Рим и Токио к полному единодушию в том смысле, что в интересах скорейшего восстановления мира дальнейшее распространение войны должно быть предотвращено и что лучшим средством противодействовать международной клике поджигателей войны будет военный союз трех держав. Таким образом, вопреки всем интригам Британии, Берлинский договор был заключен с удивительной быстротой, о чем я и

уведомил Вас через посольство за день до его подписания, как только было достигнуто окончательное согласие. Я уверен, что заключение этого договора ускорит падение теперешних британских правителей, которые одни не хотят заключения мира, и что договор, таким образом, послужит интересам всех народов.

Что касается вопроса о позиции трех участников этого союза в отношении Советской России, то мне хотелось бы сказать сразу, что с самого начала обмена мнениями все три державы в одинаковой степени придерживались того мнения, что этот пакт ни в коем случае не нацелен против Советского Союза, что, напротив, дружеские отношения трех держав и их договоры с СССР ни в коем случае не должны быть этим соглашением затронуты. Эта точка зрения, кстати говоря, нашла формальное выражение в тексте Берлинского договора.

Что касается Германии, то заключение этого пакта является логическим результатом ее внешнеполитической линии, которой Имперское правительство придерживалось давно и согласно которой дружеское германско-японское сотрудничество и дружеское германско-советское сотрудничество мирно сосуществуют. Дружеские отношения между Германией и Советской Россией, так же как и дружеские отношения между Советской Россией и Японией и дружеские отношения между державами «оси» и Японией являются логическими составными частями естественной политической коалиции, которая крайне выгодна всем заинтересованным державам.

Как Вы помните, я во время моего первого визита в Москву совершенно откровенно обсуждал с Вами схожие идеи и тогда же предложил свои добрые услуги для урегулирования советско-японских расхождений. С тех пор я продолжаю работать в этом направлении, и я был бы рад, если бы обоюдное желание достичь взаимопонимания — а со стороны Японии оно все более очевидно — получило бы логическое завершение.

В заключение я хотел бы заявить, в полном соответствии с мнением фюрера, что историческая задача четырех держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между со-

бой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов.

Мы были бы рады, если бы г-н Молотов нанес нам в Берлин визит для дальнейшего выяснения вопросов, имеющих решающее значение для будущего наших народов, и для обсуждения их в конкретной форме. От имени Имперского правительства я хотел бы сделать ему самое сердечное приглашение. После двух моих визитов в Москву мне лично было бы особенно приятно увидеть г-на Молотова в Берлине. Его визит, кроме того, предоставит фюреру возможность лично высказать г-ну Молотову свои взгляды на будущий характер отношений между нашими странами. По возвращении г-н Молотов сможет подробно изложить Вам цели и намерения фюрера. Если затем, как я с уверенностью ожидаю, мне придется поработать над согласованием нашей общей политики, я буду счастлив снова лично прибыть в Москву, чтобы совместно с Вами, мой дорогой господин Сталин, подвести итог обмену мнениями и обсудить, возможно, вместе с представителями Японии и Италии, основы политики, которая сможет всем нам принести *практические* выгоды.

С наилучшими пожеланиями, преданный Вам
Риббентроп

ПРИМЕЧАНИЯ

Пролог

¹ *Риббентроп И. фон.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. С. 209.

² *Michalka W.* From the Anti-Comintern Pact to the Euro-Asiatic Bloc: Ribbentrop's Alternative Concept to Hitler's Foreign Policy Program // *Aspects of the Third Reich*. Ed. H. W. Koch. N. Y., 1985. P. 267—284 = *Michalka W.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik, 1933—1940. Außenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München, 1980. S. 247—259 (с разночтениями). Ныне эта новаторская для своего времени работа перекрыта позднейшими исследованиями.

³ *Koch H. W.* Introduction [to Part II] // *Aspects of the Third Reich*. P. 194.

⁴ *Рыбников Н.* Биографии и их изучение. М., 1920. С. 17.

⁵ *Риббентроп Р. фон.* Мой отец Иоахим фон Риббентроп. «Никогда против России!». М., 2015. С. 5.

Глава 1

¹ О роде Риббентропов см.: *Schwarz P.* This Man Ribbentrop, His Life and Times. N. Y., 1943. Ch. 2; *Bloch M.* Ribbentrop. N. Y., 1992. P. 1—5.

² *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 343—344.

³ *Putlitz W. zu.* The Putlitz Dossier. London, 1957. P. 118—120.

⁴ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 17.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 352.

⁸ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 18—19.

⁹ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 348—349.

¹⁰ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 21.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 351.

¹³ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 21.

¹⁴ Цит. по: *Bloch M.* Op. cit. P. 5.

¹⁵ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 347—348.

¹⁶ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 22—23.

¹⁸ О жизни Риббентропов в Канаде см.: *Schwarz P.* Op. cit. Ch. 3; *Bloch M.* Op. cit. P. 6—8.

- ¹⁹ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 25.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 27.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 28—29.
- ²⁵ *Gunther G. von.* Von Ribbentrop. London, 1938. P. 5—16; *Glen D.* Von Ribbentrop Is Still Dangerous. London, 1941. P. 18—19.
- ²⁶ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 29—30.
- ²⁷ Там же. С. 30.
- ²⁸ *Gunther G. von.* Op. cit. P. 21—44; *Glen D.* Op. cit. P. 20—23.
- ²⁹ *Count Bernstorff.* My Three Years in America. N. Y., 1920. Ch. II, V; *Papen F. von.* Memoirs. London, 1952. Ch. 3; *Adams H. M., Adams R. K.* Rebel Patriot: A Biography of Franz von Papen. Santa Barbara, 1987. Ch. III—V; *Wasserstein B.* The Secret Lives of Trebitch Lincoln. New Haven, 1988.
- ³⁰ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 29.
- ³¹ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 19.
- ³² *Gunther G. von.* Op. cit. P. 44—53; *Glen D.* Op. cit. P. 23—25.
- ³³ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 30.
- ³⁴ Подробнее см.: *Trumpener U.* Germany and the Ottoman Empire. Cambridge, 1958.
- ³⁵ *Gunther G. v.* Op. cit. P. 57—59; *Glen D.* Op. cit. P. 26—27.
- ³⁶ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 31.
- ³⁷ Там же. С. 32.
- ³⁸ Там же. С. 31.
- ³⁹ Цит. по: *Bloch M.* Op. cit. P. 13.
- ⁴⁰ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 369.
- ⁴¹ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 33.
- ⁴² *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 357.
- ⁴³ *Schwarz P.* Op. cit. P. 13—14.
- ⁴⁴ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 33.
- ⁴⁵ *Bloch M.* Ribbentrop. P. 17—18; *Schwarz P.* Op. cit. P. 61—63.
- ⁴⁶ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 345—346.
- ⁴⁷ Там же. С. 359.
- ⁴⁸ *Schwarz P.* Op. cit. P. 63—64; *Putlitz W. zu.* Op. cit. P. 52—53.
- ⁴⁹ *Gunther G. v.* Op. cit. P. 76—92; *Glen D.* Op. cit. P. 25—26.
- ⁵⁰ Записи Марион Уайтхорн (урожденной Гутман) на письме к ней М. Блока (14 августа 1991 года) с вопросами об отношениях ее родителей с «этим ужасным персонажем» (собрание автора). По-

водом для обращения стало упоминание Г. Гутмана как участника домашних концертов у Риббентропов в мемуарах Э. Ханфтшангля.

⁵¹ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 36.

⁵² *Gunther G.v.* Op. cit. P. 100—111; *Glen D.* Op. cit. P. 35.

⁵³ Цит. по: *Bloch M.* Op. cit. P. 23.

⁵⁴ Сообщение Р. фон Риббентропа Д. Ирвингу: *Irving D. Goebbels: The Mastermind of the Third Reich.* London, 1996. P. 157.

⁵⁵ Вызов Бюлова-Шванте в качестве свидетеля, видимо, был вызван его упоминанием в книге: *Schwarz P.* Op. cit. P. 73—78; Хельдорф был казнен в 1944 году за участие в заговоре против Гитлера.

⁵⁶ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 25.

⁵⁷ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 43—47.

⁵⁸ Там же. С. 36.

⁵⁹ *Gunther G.v.* Op. cit. P. 115—120; *Glen D.* Op. cit. Ch. VI.

⁶⁰ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 35.

⁶¹ Там же. С. 37—38.

⁶² *Scheil S. Ribbentrop. Oder: Die Verlockung des nationalen Aufbruchs. Eine politische Biographie.* Berlin, 2013. P. 46—47.

Глава 2

¹ *Rapen F. v.* Op. cit. P. 373. *Heineman J. L. Hitler's First Foreign Minister: Constantin Freiherr von Neurath, Diplomat and Statesman.* Berkeley, 1979. P. 126, 292.

² *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 462.

³ *Seabury P. The Wilhelmstrasse: A Study of German Diplomats Under the Nazi Regime.* Berkeley, 1954. P. 33—37. Назвав визит Розенберга «катастрофой», Шварц считал, что с него «началось возвышение Риббентропа»: *Schwarz P.* Op. cit. P. 88.

⁴ *Ludecke K. G. W. I Knew Hitler. The Story of a Nazi Who Escaped the Blood Purge.* London, 1938. Внимание к нему привлек «разоблачитель» нацистской пропаганды и советский агент Л. Лор: *Lore L. Nazi Politics in America // Nation.* 1933. 29.11; см. также: *Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik.* P. 41—47.

⁵ *Brinon F. de:* 1) *Memoires.* Paris, 1949. P. 26—29; 2) *A ses amis.* <Paris, 1947>. P. 46; *Joseph G. Fernand de Brinon, l'aristocrate de la collaboration.* Paris, 2002. Ch. 10. Письмо ИР де Бринону (30 августа 1933 г.) впервые: *Joseph G.* Op. cit. P. 115, 615 (факсимиле). О «французском факторе» во внешнеполитической концепции Риббен-

тропа см.: *Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik*. P. 50—69 (влияние Штреземана: P. 53).

⁶ *Риббентроп И. фон*. Указ. соч. С. 49.

⁷ *Joseph G. Op. cit. Ch. 11; Brinon F. de. A ses amis. P. 47—48; Brinon F. de. France—Allemagne, 1918—1934. Paris, 1934 (интервью Гитлера: P. 215—222; письмо Прайса: P. 246—247); Abetz O. Histoire d'une politique franco-allemande, 1930—1940. Mémoires d'un ambassadeur. Paris, 1953. P. 62.*

⁸ *Риббентроп Р. фон*. Указ. соч. С. 49.

⁹ *Tennant E. W. D. True Account. London, 1957. P. 151—152, 163.* О «частной дипломатии» Риббентропа в Великобритании см.: *Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik*. P. 69—84.

¹⁰ *Риббентроп Р. фон*. Указ. соч. С. 53.

¹¹ *Риббентроп И. фон*. Указ. соч. С. 51.

¹² *Tennant E. W. D. Op. cit. P. 164—165; Rhodes J. R. Memoirs of a Conservative. J. C. C. Davidson's Memoirs and Papers, 1910—1937. London, 1969. P. 399.*

¹³ *Риббентроп И. фон*. Указ. соч. С. 52.

¹⁴ Цит. по: *Marquand D. Ramsay Macdonald. London, 1977. P. 756.*

¹⁵ *Tennant E. W. D. Op. cit. P. 165—169; Rhodes J. R. Op. cit. P. 399—401.*

¹⁶ *Tennant E. W. D. Op. cit. P. 170—172.*

¹⁷ Цит. по: *Heineman J. L. Op. cit. P. 127.* В DGFP не вошло.

¹⁸ DBFP, 2. Vol. VI. P. 391—393, 407.

¹⁹ DGFP, C. Vol. II. P. 511—518, 520—523, 527—528; DBFP, 2. Vol. VI. P. 448—470; *Tennant E. W. D. Op. cit. P. 172.* В мемуарах Идена о визите Риббентропа не упомянуто: *The Earl of Avon. The Eden Memoirs. Facing the Dictators. London, 1962. P. 60—72 (далее: Eden Memoirs).*

²⁰ *Tennant E. W. D. Op. cit. P. 172—173.*

²¹ DDF, 1. T. V. P. 869—871.

²² *Риббентроп И. фон*. Указ. соч. С. 53.

²³ DGFP, C. Vol. II. P. 564—565, 584—585, 648.

²⁴ *Риббентроп И. фон*. Указ. соч. С. 53.

²⁵ DGFP, C. Vol. II. P. 751—752; *Джордан В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918—1939 гг. М., 1945. С. 189—194.*

²⁶ DDF, 1. T. VI. P. 355—356.

²⁷ *Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933—1938. Frankfurt-Berlin, 1968. P. 252—318, 701—703 (списки сотрудников).*

²⁸ *Rapen F.* v. Op. cit. P. 374; *Дирксен Г. фон.* Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М., 2001. С. 249.

²⁹ *Abetz O.* Op. cit. P. 45.

³⁰ *Lambauer B.* Otto Abetz et les Français, ou l'envers de la Collaboration. Paris, 2001. Ch. 1—2.

³¹ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 365.

³² Цит. из Хаусхофера: *De la géopolitique* (1931) // *Haushofer K.* De la géopolitique. Paris, 1986. P. 97—112; допрос: *Kilzer L. C.* Churchill's Deception. The Dark Secret That Destroyed Nazi Germany. N.Y., 1994. P. 68. Лучшая биография: *Jacobsen H.-A.* Karl Haushofer. Leben und Werk. Bd. 1—2. Wuppertal am Rhein, 1979 (пересказ: *Васильченко А.* Сумрачный гений III Рейха Карл Хаусхофер. М., 2013). См. также: *Цвейг С.* Статьи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М., 1987. С. 278—280; *Dorgalen A.* The World of General Haushofer. Geopolitics in Action. N.Y., 1942.

³³ DDF, 1. T. VI. P. 735, 863—864; *Kordt E.* Nicht aus den Akten... Stuttgart, 1950. P. 76—78.

³⁴ *Laval Parle...* Notes et Mémoires. Paris, 1948. P. 86—87; DBFP, 2. Vol. XII. P. 283—284.

³⁵ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 54.

³⁶ DDF, 1. T. VIII. P. 13—14, 286; DBFP, 2. Vol. XII. P. 316; *Abetz O.* Op. cit. Ch. IV; *Romains J.* Le couple France-Allemagne. Paris, 1934. P. 106—112; *Duroselle J.-B.* La décadence (1932—1939). Paris, 1979. P. 205—207.

³⁷ *Joseph G.* Op. cit. Ch. 13; *Brinon F. de.* A ses amis. P. 11, 44—45; *Abetz O.* Op. cit. Ch. V; *Lambauer B.* Op. cit. Ch. 3; *Kupferman E.* Le Bureau Ribbentrop et les campagnes pour le rapprochement franco-allemand: 1934—1937 // *Les Relations franco-allemandes, 1933—1939.* Paris, 1976. P. 87—98.

³⁸ DGFP, C. Vol. II. P. 805—809, Vol. III. P. 183—184; DBFP, 2. Vol. VI. P. 695—696, 699—700; *Eden Memoirs.* P. 89—90; *Kordt E.* Op. cit. P. 69—72. Саймон и Иден сразу оповестили французов: DDF, 1. T. VI. P. 459, 469—470.

³⁹ DGFP, C. Vol. II. P. 826—831; *Kordt E.* Op. cit. P. 72—73; DDF, 1. T. VI. P. 495—496. О Сувиче см.: *Villari L.* Italian Foreign Policy under Mussolini. N.Y., 1956. P. 99.

⁴⁰ *Viscount Rothermere:* 1) Warnings & Predictions. London, 1939; 2) My Campaign for Hungary. London, 1939; *Молодяков В.* Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио. М., 2004. С. 193—200.

⁴¹ *Tennant E. W. D.* Op. cit. P. 176—182.

⁴² DGFP, C. Vol. III. P. 638—641; DBFP, 2. Vol. XII. P. 207—208, 210, 269; DDF, 1. T. VIII. P. 84—85, 269—271.

⁴³ Майский И. М. Воспоминания советского посла. Кн. 2. Мир или война? М., 1964. С. 125—128.

⁴⁴ Schwarz P. Op. cit. P. 24.

⁴⁵ Цит. по: Heineman J. L. Op. cit. P. 130. В DGFP не вошло.

⁴⁶ Tennant E. W. D. Op. cit. Ch. 20; Ward Price G. I Know These Dictators. London, 1937. P. 29—32; Griffiths R. Fellow Travellers of the Right: British Enthusiasts for Nazi Germany, 1933—1939. London, 1980. P. 163—168.

⁴⁷ Butler J. R. M. Lord Lothian (Philipp Kerr). London, 1960. P. 330—337; DGFP, C. Vol. III. P. 885—887; Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 356—358. О «группе Родса—Милнера» см.: Quigley C. The Anglo-American Establishment. From Rhodes to Cliveden. N. Y., 1981.

⁴⁸ Цит. по: Heineman J. L. Op. cit. P. 130—131. В DGFP не вошло.

⁴⁹ DBFP, 2. Vol. XII. P. 610.

⁵⁰ The Neville Chamberlain Diary Letters. Vol. 4: The Downing Street Years, 1934—1940. (Ed.) Robert C. Self. London, 2000. P. 119 (далее: Chamberlain Letters).

⁵¹ Locarno: A Collection of Documents. London, 1936. P. 90—96, 96—101, 106—107 (далее: Locarno). См. также: Benoist-Mechin. Histoire de l'armée allemande. Vol. II. Paris, 1938. P. 589—597.

⁵² DBFP, 2. Vol. XII. P. 703—746; Viscount Simon. Retrospect. London, 1952. P. 200—203; Eden Memoirs P. 132—143; Schmidt P. Hitler's Interpreter. N. Y., 1951. P. 13—26.

⁵³ DBFP, 2. Vol. XII. P. 578.

⁵⁴ Haraszi E. Treaty-Brakers or «Realpolitiker». The Anglo-German Naval Agreement of June 1935. Boppard am Rhein, 1974. P. 56—77; Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik. S. 94—106.

⁵⁵ Locarno. P. 119—157.

⁵⁶ Locarno. P. 101—103; Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914—1936. М., 1958. С. 633—635; Noël L. Les illusions de Stresa. L'Italie abandonnée à Hitler. Paris, 1975; Simon. Op. cit. P. 203—204; Eden Memoirs. P. 175—181.

⁵⁷ Locarno. P. 157—167; Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959; Bretton H. L. Stresemann and the Revision of Versailles. A Fight for Reason. Stanford, 1953. Ch. VIII, X.

⁵⁸ Документы: DGFP, C. Vol. IV. P. 253—266, 269—271, 311—315, 319—323; DBFP, 2. Vol. XIII. P. 338—349, 359—371, 375—380, 386—

392, 413—418, 426—429; *Haraszti E.* Op. cit. P. 177, 185—197 (британские документы, не вошедшие в DBFP). См. также: *Haraszti E.* Op. cit. P. 98—116; *Schmidt P.* Op. cit. P. 32—36; *Viscount Templewood.* *Nine Troubled Years.* London, 1954. Ch. X. Саймон в своих мемуарах этот сюжет вниманием обошел.

⁵⁹ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 83.

⁶⁰ Там же. С. 56.

⁶¹ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 73.

⁶² Там же. С. 71.

⁶³ *Documents on International Affairs.* 1935. Vol. 1. London, 1936. P. 146—148.

⁶⁴ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 57.

⁶⁵ *Tennant E. W. D.* Op. cit. P. 193—194, 197—207; *Waddington G.* «An Idyllic and Unruffled Atmosphere of Complete Anglo-German Misunderstanding»: Aspects of the Operations of the Dienststelle Ribbentrop in Great Britain, 1934—1938 // *New Times. The Journal of the Historical Association.* Vol. 82. № 265 (January 1997); *Griffiths R.* Op. cit. P. 127—137, 182—186.

⁶⁶ *Eden Memoirs.* P. 82.

⁶⁷ *Templewood.* Op. cit. P. 379.

Глава 3

¹ *Флорин В.* Германский народ под игом фашизма // *Большевик.* 1937. № 3. С. 55.

² *Irving D. Hess.* *The Missing Years, 1941—1945.* London, 1989. P. 48. Пояснения в скобках даны мной.

³ Основные работы: *Haushofer K.* *Le Japon et les Japonais.* Paris, 1937 (1933); An English Translation and Analysis of Major General Karl Ernst Haushofer's «Geopolitics of the Pacific Ocean». *Studies on the Relationship Between Geography and History.* Lewiston, 2002 (1938). См. также: *Weigert H. W.* Haushofer and the Pacific // *Foreign Affairs.* Vol. 20 (1942). № 4. С книгой: *Spang C. W.* Haushofer und Japan. Die Rezeption seiner geopolitischen Theorien in der deutsch und japanischen Politik. München, 2013 — я не имел возможности ознакомиться.

⁴ *Les bases géographiques de la politique étrangère (1927)* // *Haushofer K.* *De la géopolitique.* P. 203—210.

⁵ *Miyake M.* Hitler's Seizure of Power and Japan's Response // *Seikei Ronso.* *The Review of Economics & Political Science (Meiji University, Tokyo).* Vol. 59. № 5/6 (March 1991).

⁶ Подготовка японо-германского союза // Япония. Сборник статей и материалов. М., 1934. С. 228—229; Выступление Литвинова 29 декабря 1933 г. на сессии ЦИК СССР // ДВП. Т. XVI. С. 791—796; *Гольдберг Д. И.* Японо-германские отношения в 1933—1936 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1956. № 20. Вып. 4.

⁷ DGFP, С. Vol. II. P. 750—751.

⁸ *Сугзуки К.* Тюдоку тайси Осима Хироси (Посол в Германии Осима Хироси). Токио, 1979; *Boyd C.* The Extraordinary Envoy: General Hiroshi Oshima and Diplomacy in the Third Reich, 1934—1939. Washington, 1982. О политике предотвращения «нового Бьёрке» см.: *Миякэ М.* Киндай Юрасиа гайкоси ронсю (Статьи по истории современной евразийской дипломатии). Токио, 2015. С. 123—127.

⁹ IMTFE. P. 5915—5919, 5923—5925. Полный текст: Кокусай кэнсацукёку дзиммон тэсё (Материалы Международной следственной комиссии). Т. 33. Токио, 1993. См. также: *Миякэ М.* Киндай Юрасиа гайкоси ронсю. С. 222—237.

¹⁰ *Хамасага Ц.* Тайсэн дзэнъя-но гайко хива. Токухаин-но сюки (Тайная история дипломатии кануна мировой войны. Записки специального корреспондента). Токио, 1953. С. 38—40.

¹¹ *Тагзима Н.* Натидзуму кёкуто сэньяку (Дальневосточная стратегия нацизма). Токио, 1997. С. 79—81, 98—102, 228.

¹² *Дирксен Г. фон.* Указ. соч. С. 250—251.

¹³ DGFP, С. Vol. IV. P. 952—953; приложен к письму, указанному в следующем примечании.

¹⁴ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 89.

¹⁵ DGFP, С. Vol. IV. P. 948—952; *Дирксен Г. фон.* Указ. соч. С. 225—225.

¹⁶ *Japan and Germany on the Path Towards War // Martin B.* Japan and Germany in the Modern World. Oxford, 1995; *Сугзуки К.* Указ. соч. С. 52—55; *Тагзима Н.* Цит. соч. С. 66—82; IMTFE. P. 5913—5915 (Осима).

¹⁷ *Basset R.* Hitler's Spy Chief. The Wilhelm Canaris Mystery. London, 2005. P. 83—84.

¹⁸ Цит. по предисловию Х. Бервальда: *Japan's Road to the Pacific War (Vol. III). Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935—1940.* N. Y., 1976. P. 3; здесь же перевод работы Т. Охата о пакте: Тайхэйё сэно-э-но мити (Дорога к войне на Тихом океане). Т. 3. Токио, 1962.

¹⁹ *Молодяков В.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887—1949) — дипломат, политик, мыслитель. М., 2006. Гл. 3.

²⁰ Меморандум Риббентропа для Гитлера от 16 августа 1936 года: DGFP, C. Vol. V. P. 899—900.

²¹ Дневник посла Додда. 1933—1938. М., 1961. С. 297, 324, 326, 330, 334—335, 400—401. Ср.: Лемин И. М. Германо-японские взаимоотношения // Тихий океан. 1935. № 1; Он же. Переключка Токио—Берлин // Тихий океан. 1936. № 2.

²² Цит. по: Куланов А. Зорге. Неудобный. М., 2018. С. 549 (подробнее: Гл. 28).

²³ Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. II. М., 1957. С. 343—346. Японские документы отражают заключительный этап переговоров и попытки расширения пакта: Архив МИД Японии. В-1-0-0. J/X 2. Нити-доку-и бокё кётэй канкэй иккэн (Документы об Антикоминтерновском пакте Японии, Германии и Италии).

²⁴ *Fleisher W. Volcanic Isle. Garden City, 1941. P. 175.*

²⁵ *Compton J.V. The Swastika and the Eagle. Hitler, the United States and the Origins of World War II. Boston, 1967. P. 180.*

²⁶ IMTFE. P. 22405—22406.

²⁷ Обсуждение: в Тайном совете: IMTFE. P. 22480—22483 (Хирота), 22487—22488 (Арита), 5958—5967 (отчет Исследовательского комитета), 5968—5972, 22490—22492 (стенограмма); в парламенте 21 января 1937 года: Дайнанадзюкай (Сёва 12 нэн) тэйкоку гикай-ни окэру нитидоку бокё кётэй мондай-ни кансуру сицуги оёби тобэн (Материалы обсуждения проблемы Антикоминтерновского пакта Японии и Германии на 70-й сессии парламента. Изд. МИД для служебного пользования; Архив МИД Японии). С. 1—18 (палата представителей), 83—87 (палата пэров).

²⁸ *Липвинов М. М. Внешняя политика СССР. М., 1937. С. 184—188; Лемин И. М. Блок агрессоров. М., 1937; Борисов А. Японо-германское соглашение (Очаг войны на Востоке). М., 1937; Берлинский сговор главных зачинщиков войны // Коммунистический интернационал. 1936. № 18 и мн. др.*

²⁹ DGFP, C. Vol. VI. P. 208.

³⁰ *Риббентроп И. фон. Указ. соч. С. 91.*

³¹ Оба документа из японских архивов: Тайхэйё сэнсё-э-но мити. Т. 5. С. 34—35 // *Deterrent Diplomacy. P. 263—264.*

³² Цит. по: *Santoro C. Hitler Germany as Seen by a Foreigner. Berlin, 1938. P. 76.*

³³ *Moseley R. Mussolini's Shadow. The Double Life of Count Galeazzo Ciano. New Haven, 1999. P. 28—30; Anfuso F. Du Palais de Venise au Lac de Garde. Paris, 2017. P. 56.*

³⁴ Documents on International Affairs. 1936. London, 1937. P. 299—301 (Риббентроп и Мусьякодзи); Deterrent Diplomacy. P. 265267.

³⁵ Комментарий официоза МИД; *Ida I. The Meaning of the Japan-German Pact // Contemporary Japan. Vol. V. № 4 (March 1937).*

³⁶ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 89.

³⁷ Там же. С. 89—90.

³⁸ *Comte Szembek J. Journal, 1933—1939. Paris, 1952. P. 191, 194;* Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. М., 1969. С. 314—316, 334—335.

³⁹ *Fox J.P. Germany and Far Eastern Crisis, 1931—1938. Oxford, 1985. P. 184—185; Сугзуки К.* Указ. соч. С. 98.

⁴⁰ Беседы Чиано с Сугимура, Хотта и Раумером: *Ciano's Diplomatic Papers. London, 1948. P. 129—131, 138—139. Ciano's Diary, 1937—1943. N.Y., 2002. P. 17—19.* Роль Хотта: Сёваси-но тэнно (Император в истории Сёва). Т. 21. Токио, 1973. С. 6—17, 26—51.

⁴¹ Беседы Чиано и Муссолини с ИП: *Ciano's Diplomatic Papers. P. 139—141. Ciano's Diary. P. 17—18.*

⁴² *Ciano's Diary. P. 21.*

⁴³ DGFP, D. Vol. I. P. 26—27 (протокол); Архив МИД Японии. В-1-0-0. J/X2. Нити-доку-и бокё кётэй канкэй иккэн (Документы об Антикоминтерновском пакте Японии, Германии и Италии); *Ciano's Diary. P. 22.*

⁴⁴ *Spitzzy R. How We Squandered the Reich. Norwich, 1997. P. 131—132, 136—140.*

⁴⁵ DBFP, 2. Vol. XXI. P. 456—457; *Ciano's Diplomatic Papers. P. 147; Ciano's Diary. P. 23; Викторов Я.* Подготовка итапо-японского военного союза // Дальневосточный очаг войны (Япония). Сталинград, 1937. С. 15—17 и др.

⁴⁶ *Chamberlin W.H. The Challenge to the Status Quo // Contemporary Japan. Vol. VII. № 1 (June 1938).*

⁴⁷ *Хаусхофер К.* О геополитике. М., 2001. С. 7—250.

⁴⁸ *La géopolitique du pacte anti-Komintern (1939) // Haushofer K. De la géopolitique. P. 229—233.*

Глава 4

¹ Цит. по: *Heineman J.L. Op. cit. P. 131, 138—139.* В DGFP не вошло.

² *Junot M. Andre Tardieu, le mirobolant. Paris, 1996. Ch. 12, 13, 19; Молодяков В. Э.* Химера-на-Рейне: французские националисты и «Рейнская республика», 1919 и 1923 годы // Вопросы национализма. № 30 (2017).

³ *Джордан В. М.* Указ. соч. Гл. XIV—XV; *Bretton H. L.* Op. cit. Ch. VI—VIII, X.

⁴ DGFP, C. Vol. IV. P. 1039—1040; DDF, 2. T. I. P. 213, 232—233, 245—247; *Eden Memoirs*. P. 372—373.

⁵ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 31.

⁶ *Locarno*. P. 198—227. Подробнее см.: *Stieve F.* What the World Rejected. Hitler's Peace Offers, 1933—1939. Washington, [1939].

⁷ *Джордан В. М.* Указ. соч. С. 243. Текст выступлений А. Сарро см.: *Locarno*. P. 233—239, 248—256.

⁸ *Newman S.* March 1939: The British Guarantee to Poland. Oxford, 1976. P. 28; *Eden Memoirs*. Book 2. Ch. 2; *Flandin P.-E.* Politique française, 1919—1940. Paris, 1947. P. 193—212; *François-Poncet A.* Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Septembre 1931 — Octobre 1938. Paris, 1946. Ch. VI. Подробнее: *Emmerson J. T.* The Rhineland Crisis, 7 March 1936. London, 1977.

⁹ DGFP, C. Vol. V. P. 67—69, 73—77, 92—95; *General Baron Geyr von Schweppenburg.* The Critical Years. London, 1952. Ch. IV; *Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот. Ростов н/Д., 2000. С. 93—94.

¹⁰ *Locarno*. P. 269—272.

¹¹ DBFP, 2. Vol. XVI. P. 163.

¹² *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 68.

¹³ DGFP, C. Vol. V. P. 198; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 185.

¹⁴ DGFP, C. Vol. V. P. 215—216.

¹⁵ *Locarno*. P. 315—324.

¹⁶ *Putlitz W. zu.* Op. cit. P. 109 (Путлиц был секретарем Дикхофа); *Schmidt P.* Op. cit. P. 9—45.

¹⁷ *Locarno*. P. 329—334.

¹⁸ DGFP, C. Vol. V. P. 208, 214—215; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 200—202.

¹⁹ *Chamberlain Letters*. Vol. 4. P. 181.

²⁰ *Locarno*. P. 355—358.

²¹ DGFP, C. Vol. V. P. 287—288; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 217—220.

²² DGFP, C. Vol. V. P. 289—293; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 224—225, 233—235; *Eden Memoirs*. P. 361—362, 369—370.

²³ *Locarno*. P. 358—361.

²⁴ *Ibid.* P. 363—376.

²⁵ *Ibid.* P. 376—385.

²⁶ DGFP, C. Vol. V. 364—365, 377—382; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 262—264, 268—270, 277—278; *Locarno*. P. 400—405; *Schmidt P.* Op. cit. P. 47—50.

²⁷ Джордан В. М. Указ. соч. С. 243, 284.

²⁸ *Kershaw I. Making Friends with Hitler: Lord Londonderry, the Nazis and the Road to War.* Harmondsworth, 2005; связанные с ним сюжеты излагаются по этой книге.

²⁹ Впечатления от поездок в Германию см.: *Marquess of Londonderry. Ourselves and Germany.* Harmondsworth, 1938 (письмо Риббентропу: Р. 96—98); вторая книга посвящена оправданию своей деятельности на посту министра авиации и контактов с рейхом: *Marquess of Londonderry. Wings of Destiny.* London, 1943.

³⁰ *Putlitz W. zu.* Op. cit. P. 110; *Bloch M. Ribbentrop.* P. 89; *Майский И. М. Записки советского посла.* С. 127; *Kordt E.* Op. cit. P. 148.

³¹ *Hesse F. Hitler and the English.* London, 1954. P. 24; *Geyr von Schweppenburg.* Op. cit. P. 69; *Putlitz W. zu.* Op. cit. P. 110; *Schwarz P.* Op. cit. P. 162.

³² *Девлин М. А. Невилл Чемберлен. Джентльмен с зонтиком.* М., 2019. Дальнейшее изложение основано на записях Джонса: *Jones T. A Diary with Letters, 1931—1950.* London, 1954. P. 186, 194—208, 214—217, 224, 247.

³³ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 60.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 60—61.

³⁶ Там же. С. 75—76.

³⁷ Об этом он говорил Папену: *Papen F. v.* Op. cit. P. 375.

³⁸ Цит. по: *Heineman J. L.* Op. cit. P. 143. В DGFP не вошло.

³⁹ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 18.

⁴⁰ *Kordt E.* Op. cit. P. 146—152; *Bloch M. Ribbentrop.* P. 96—99, 468—469; *Irving D. Hitler's War.* P. xiv—xv.

⁴¹ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 77.

⁴² Там же. С. 78.

⁴³ Там же. С. 79.

⁴⁴ Там же. С. 79—81.

⁴⁵ Записи Ванситгарта: DBFP, 2. Vol. XVII (прил.); *Lord Vansittart. The Mist Procession.* London, 1958. P. 524; *Schmidt P.* Op. cit. P. 50—51.

⁴⁶ *Jones T.* Op. cit. P. 239—252 (Джонс сопровождал Ллойд Джорджа); *Schmidt P.* Op. cit. P. 56—59.

⁴⁷ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 77.

⁴⁸ *Glen D.* Op. cit. P. 139. О положительной реакции прессы на назначение Риббентрона послом см.: *Gannon F. R. The British Press and Germany, 1936—1939.* Oxford, 1971. P. 105.

⁴⁹ Цит. по: *Bloch M. Ribbentrop*. P. 111; *Kordt E.* Op. cit. P. 154; *Putlitz W. zu.* Op. cit. P. 117.

⁵⁰ *Hesse F.* Op. cit. P. 29—30, 9—10.

⁵¹ *Eden Memoirs*. P. 370.

⁵² *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 83.

⁵³ *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. С. 343—344.

⁵⁴ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 90—91.

⁵⁵ Там же. С. 91.

⁵⁶ Там же. С. 89—90.

⁵⁷ *Ustinow P. Dear Me.* London, 1977. Ch. 5; *Hesse F.* Op. cit. P. 10—11.

⁵⁸ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 101.

⁵⁹ *DGFP, C. Vol. VI.* P. 89.

⁶⁰ *Rhodes J. R.* Op. cit. P. 417.

⁶¹ *Hesse F.* Op. cit. P. 31—33.

⁶² *DGFP, C. Vol. VI.* P. 158—159.

⁶³ *Риббентрон И. фон.* С. 85.

⁶⁴ *DGFP, C. Vol. IV.* P. 1063.

⁶⁵ *Риббентрон И. фон.* С. 84.

⁶⁶ Там же. С. 90—91.

⁶⁷ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934—1943. Кн. 1. 1934 — 3 сентября 1939. М., 2006. С. 191.

⁶⁸ Меморандум Риббентрона для Гитлера (28 августа 1936): *DGFP, C. Vol. V.* P. 932—935. См. также: *Schwarz P.* Op. cit. P. 205—207. *Michalka W.* *Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik.* S. 138—149; *Ametry L.S.* *The German Colonial Claim.* London, 1939.

⁶⁹ *DGFP, C. Vol. VI.* P. 220—221, 251—252, 304.

⁷⁰ *Spitzzy R.* Op. cit. P. 55—165; *Schwarz P.* Op. cit. P. 196. Шварц писал с чужих слов, поэтому Шпитци ошибочно назвал Рудольфом.

⁷¹ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 104 (в оригинале по-английски).

⁷² *DGFP, C. Vol. VI.* P. 367, 414, 422—424. Свидетельства современников различаются в деталях см.: *Hesse F.* Op. cit. P. 30; *Putlitz W. zu.* Op. cit. P. 21—23; *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934—1943. Кн. 1. С. 157.

⁷³ *Jones T.* Op. cit. P. 313.

⁷⁴ *DGFP, C. Vol. VI.* P. 414—422; *DBFP, 2. Vol. XVII.* P. 221—225. О позиции Галифакса см.: *Scheil S.* *Ribbentrop.* P. 177.

⁷⁵ *DGFP, C. Vol. VI.* P. 517—519.

⁷⁶ Documents on International Affairs. 1937. London, 1939. P. 227—231.

⁷⁷ *Glen D.* Op. cit. P. 150—151, 162—167; *Gannon. F.R.* Op. cit. P. 112; *Griffiths R.* Op. cit. P. 253—260.

⁷⁸ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 87.

⁷⁹ *Риббентрон И. фон.* С. 87.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ DGFP, C. Vol. VI. P. 757—758, 777—782.

⁸² *Henderson N.* Failure of a Mission: Berlin 1937—1939. London, 1940. P. 67—69.

⁸³ График разъездов «посла на пол-ставки»: *Michalka W.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik. S. 157—158.

⁸⁴ DGFP, C. Vol. VI. P. 1085—1086, 1093.

⁸⁵ DBFP, 2. Vol. XIX. P. 447—449; *Eden Memoirs.* P. 504—505.

⁸⁶ DGFP, D. Vol. I. 88—91, 99—100, 131—134. Ср. письмо Лондондерри Риббентропу от 8 декабря: *Marquess of Londonderry.* Ourselves and Germany. P. 132—133.

⁸⁷ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 93—99.

⁸⁸ *Michalka W.* From the Anti-Comintern Pact to the Euro-Asiatic Bloc. P. 269.

⁸⁹ *Churchill W.* The Gathering Storm. Boston, 1948. P. 222—224; *Hesse F.* Op. cit. P. 37.

⁹⁰ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 80.

Глава 5

¹ *Дирксен Г. фон.* Указ. соч. С. 280.

² *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 213—214.

³ Эти проблемы выходят за рамки биографии Риббентропа. См. подробнее: *Charmley J.:* 1) *Chamberlain and the Lost Peace.* Chicago, 1989; 2) *Churchill: The End of Glory. A Political Biography.* London, 1993. Ch. 24—32; *Hoggan D.L.* The Forced War; *Irving D.* Churchill's War. Vol. I. The Struggle for Power. Australia, 1987. Ch. 4—15; *Rose N. A.* The Gentile Zionists. A Study in Anglo-Zionist Diplomacy, 1929—1939. London, 1973; *Девлин М. А.* Указ. соч.

⁴ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 100.

⁵ *Heineman J. L.* Op. cit. P. 168—170; *Schwarz P.* Op. cit. P. 221—227; *Spitzky R.* Op. cit. P. 67—169. Последний ошибочно датирует события 2 февраля.

⁶ *Ciano's Diary.* P. 54.

⁷ *Chamberlain Letters.* Vol. 4. P. 300.

- ⁸ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 105, 100—101.
- ⁹ ИМТ. P. 165 (Риббентроп), 79 (Штеенграхт).
- ¹⁰ *Дирксен Г. фон.* Указ. соч. С. 286, 273.
- ¹¹ *Schwarz P.* Op. cit. P. 227—230.
- ¹² *Memoirs of Ernst von Weizsacker.* Chicago, 1951. P. 118—121, 125—127 (далее: *Weizsacker Memoirs*). С. 208.
- ¹³ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 107.
- ¹⁴ Ход переговоров: *Papen F. v.* Op. cit. P. 409—421 (протокола не велось); *Spitzky R.* Op. cit. P. 72—76; *Schuschnigg K. von.* *Austrian Requiem.* London, 1947.
- ¹⁵ DGFP, D. Vol. I. P. 200—201; DDF 2, T. VIII. P. 383—384; *François-Poncet A.* Op. cit. P. 291—292.
- ¹⁶ *Eden Memoirs.* P. 503—504.
- ¹⁷ *Henderson N.* Op. cit. P. vi, 191, 18.
- ¹⁸ *Девлин М. А.* Указ. соч. С. XXX. Попытка объективного анализа дипломатии Гендерсона: *Neville P.* *Appeasing Hitler. The Diplomacy of Sir Nevile Henderson, 1937—39.* London, 1999.
- ¹⁹ DBFP, 3. Vol. I. P. 240—249 // ДиМ. Т. 1. С. 53—61 (Гендерсон попросил исключить слова о том, что он поддерживает аншлюс, пояснив, что это его частное мнение); *Henderson N.* Op. cit. P. 114—118; *Schmidt P.* Op. cit. P. 86—88.
- ²⁰ *Henderson N.* Op. cit. P. 111; *Noel L.* Op. cit. P. 114—115; *Papen F. v.* Op. cit. P. 425—426; *Walendy U.* *Truth for Germany.* Vlotho/Weser, 1981. P. 79—84.
- ²¹ DGFP, D. Vol. I. P. 253—269 // ДиМ. Т. 1. С. 70—75 (только запись Риббентропа); *Spitzky R.* Op. cit. P. 180—187; *Michalka W.* *Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik.* S. 222—228.
- ²² DBFP, 3. Vol. I. P. 4—6, 8; *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—1945.* London, 1971. P. 58—59 (далее: *Cadogan Diaries*).
- ²³ DGFP, D. Vol. I. P. 272—273; *Jones T.* Op. cit. P. 395—396; *Cadogan Diaries.* P. 46—48.
- ²⁴ *Chamberlain Letters.* Vol. 4. P. 304; DGFP, D. Vol. I. P. 273—277.
- ²⁵ *Cadogan Diaries.* P. 60; *Churchill W.* Op. cit. P. 271—272; *Irving D.* *Churchill's War.* Vol. I. P. 97—98; *Templewood.* Op. cit. P. 282—283 (Хор ошибается, утверждая, что в телеграмме говорилось о занятии Вены). Галифакс обошел этот сюжет молчанием.
- ²⁶ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 109.
- ²⁷ DBFP, 3. Vol. I. P. 21—23; *Cadogan Diaries.* P. 60—61; ДиМ. Т. 1. С. 75. Реакция прессы: *Griffiths R.* Op. cit. P. 292—297; *Hender-*

son N. Op. cit. P. 126 (совет не показывать фюреру лондонские газеты).

²⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. М., 1948. С. 96—97.

²⁹ Hesse F. Op. cit. P. 40—43; Kordt E. Op. cit. P. 194.

³⁰ Irving D. Goering: A Biography. London, 1989. P. 209—211; Spitzzy R. Op. cit. P. 187—196; Schwarz P. Op. cit. P. 234—237.

³¹ Flandin P.-E. Op. cit. P. 248, 244.

³² Материалы визита, не вошедшие в DGFP: Watt D.C. An Earlier Model for the Pact of Steel. The Draft Treaties Exchanged between Germany and Italy during Hitler's Visit to Rome in May, 1938 // International Affairs. Vol. XXXIII (1957); Toscano M. The Origins of the Pact of Steel. Baltimore, 1963. Ch. 1. О ходе визита см.: Ciano's Diary. P. 87; Schmidt P. Op. cit. P. 83—84; Spitzzy R. Op. cit. Ch. 4.

³³ Ciano's Diary. P. 88.

³⁴ Alfieri D. Dictators Face to Face. N. Y., 1955. P. 101; Dollmann E. With Mussolini and Hitler. N. Y., 2017. P. 154.

³⁵ Риббентрон И. фон. Указ. соч. С. 216.

³⁶ Gafencu G. Last Days of Europe. A Diplomatic Journey in 1939. New Haven, 1948. P. 156—160; Moseley R. Op. cit. P. 58—60.

³⁷ DGFP, D. Vol. II. P. 204—205 // Дим. Т. 1. С. 82—84. Карлсбадская программа цит. по: Кретицин С. В. Судетские немцы: Народ без родины. 1918—1945 гг. Воронеж, 2000. С. 155—156.

³⁸ Дим. Т. 1. С. 94—96; DBFP, 3. Vol. I. P. 284—287.

³⁹ DBFP, 3. Vol. I. P. 329—335; Дим. Т. 1. С. 97, 101; Henderson N. Op. cit. P. 134—144; Schmidt P. Op. cit. P. 84—86.

⁴⁰ Цит. по: Cadogan Diaries. P. 80; Neville P. Op. cit. P. 80; Henderson N. Op. cit. P. 110—111.

⁴¹ Риббентрон И. фон. Указ. соч. С. 213—215.

⁴² DGFP, D. Vol. II. P. 420—422, 483, 504; Michalka W. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik. S. 228—239; Weizsacker Memoirs. P. 14, 133—149; Hesse F. Op. cit. P. 48—51.

⁴³ DGFP, D. Vol. IV. P. 684—689.

⁴⁴ Ciano's Diplomatic Papers. P. 238—239; Ciano's Diary. P. 145—146.

⁴⁵ DGFP, D. Vol. IV. P. 519—520; Ciano's Diplomatic Papers. P. 240—241; Ciano's Diary. P. 148—150.

⁴⁶ Цит. по: Moseley R. Op. cit. P. 45. Подробнее см.: Ciano's Diary. P. 151—152; Schmidt P. Op. cit. P. 117; Spitzzy R. Op. cit. P. 267—269; Поп И. И. Чехословацко-венгерские отношения (1935—1939). М.,

1972. С. 148—174, 189—214; *Rothermere*. My Campaign for Hungary. Ch. 12—14; *Colonna B. de*. Czecho-Slovakia Within. London, 1938.

⁴⁷ DGFP, D. Vol. V. P. 361—366, 367—371 (Риббентроп — Чаки); ГК. Т. 1. С. 187, 210.

⁴⁸ DGFP, D. Vol. IV. P. 515—519; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 242—246; *Ciano's Diary*. P. 148—150. См. также: DBFP, 3. Vol. III. P. 358—360.

⁴⁹ *Bonnet G.*: 1) *Fin d'une Europe*. De Munich à la guerre. Genève, 1948. P. 24—35; 2) *Le Quai d'Orsay sous trois Républiques*. Paris, 1961. P. 235—238; *Abetz O.* Op. cit. Ch. VII; *Lambauer B.* Op. cit. P. 115—118.

⁵⁰ DGFP, D. Vol. IV. P. 471—477 // ГК. Т. 1. С. 130—136; DDF, 2. T. XIII. P. 106—110; *Bonnet G.* *Fin d'une Europe*. P. 35—42.

⁵¹ DGFP, D. Vol. VI. P. 918—920 // ГК. Т. 2. С. 95—97; *Weizsacker Memoirs*. P. 171, 176—177; *Duroselle J. B.* Op. cit. P. 386—389.

⁵² DGFP, D. Vol. VI. P. 998—1001; *Bonnet G.*: 1) *Fin d'une Europe*. P. 42—49, 252—254; 2) *Le Quai d'Orsay sous trois Républiques*. P. 241—243; 3) *Dans la tourmente (1938—1948)*. Paris, 1970. P. 86—89, 153—157; *Schmidt P.* Op. cit. P. 117—120.

⁵³ DDF, 2. T. XIII. P. 88—89 // ГК. Т. 1. С. 136—137; *Coulondre R.* *De Staline à Hitler; souvenirs de deux ambassades, 1936—37*. Paris, 1950. P. 211—212.

⁵⁴ DDF, 2. T. XIII. P. 90.

⁵⁵ *Bonnet G.* *Dans la tourmente*. P. 87.

⁵⁶ DBFP, 3. Vol. III. P. 397. *Bonnet G.*: 1) *Fin d'une Europe*. P. 34, 39, 112—114; 2) *Dans la tourmente*. P. 87—89.

⁵⁷ Письмо Лукасевича Беку от 17 декабря: *The German White Paper*. N.Y., 1940. P. 22—28. Ср.: DBFP, 3. Vol. III. P. 389—397.

⁵⁸ *Toscano M.* *The Origins of the Pact of Steel*. P. 111—113; *Ciano's Diary*. P. 172—175.

⁵⁹ ГК. Т. 1. С. 253.

⁶⁰ ГК. Т. 1. С. 272—274.

⁶¹ *Майский И. М.* *Дневник дипломата*. Лондон, 1934—1943. Кн. 1. С. 363—364. См. также: DGFP, D. Vol. V. P. 530—531 (в прим.); *Weizsacker Memoirs*. P. 177—178.

⁶² DDF, 2. T. XV. P. 21—27; ГК. Т. 1. С. 281—287.

⁶³ DGFP, D. Vol. VI. P. 57—62, 63—64 (Риббентроп — Чиано).

⁶⁴ *Bonnet G.* *Fin d'une Europe*. Ch. 8; *Brinon F. de*. *Memoires*. P. 19; *Lambauer B.* Op. cit. P. 118—119; DDF, 2. T. XV. P. 99—105 // ГК. Т. 1. С. 299—305; *Coulondre R.* Op. cit. P. 255—258.

⁶⁵ ДиМ. Т. 2. С. 282; *Breach of Security*. *The German Secret Intel-*

ligence File on Events Leading to the Second World War. London, 1968. P. 55—81.

⁶⁶ ГК. Т. 1. 289—290; германские ноты: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 530, 531—533 (в прим.).

⁶⁷ DGFP, D. Vol. VI. P. 337—339 // ГК. Т. 1. С. 405—407.

⁶⁸ Гэндайси сирё. Т. X. С. 262—264; Ciano's Diary. P. 227.

⁶⁹ DGFP, D. Vol. VI. 444—452; Ciano's Diplomatic Papers. P. 283—286; Ciano's Diary. P. 227—228; *Dollmann E.* Op. cit. P. 155—160. См. также: DBFP, 3. Vol. V. P. 801—803.

⁷⁰ DGFP, D. Vol. VI. P. 494—496 (Риббентроп), 496—500, 541—542 // ГК. Т. 1. С. 468—470 (Риббентроп), 484—485; Ciano's Diary. P. 230.

⁷¹ ГК. Т. 1. С. 489—490.

⁷² DGFP, D. Vol. VI. P. 214—215.

⁷³ Ciano's Diary. P. 232—234; *Irving D. Goering.* P. 250.

Глава 6

¹ ГК. Т. 1. С. 185—186; записи Мерекалова: *Безыменский Л.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002. С. 173—174.

² *Irving D. Hitler's War and War Path.* P. 154.

³ *Безыменский Л.* Указ. соч. С. 172 (без указания источника).

⁴ Гэндайси сирё. Т. X. С. 257—259; *Арисуэ С.* Кайкороку (Воспоминания). Токио, 1974. С. 473—479; *Номура М.* Тайхэйё сэно то Нихон гумбу (Война на Тихом океане и военные круги Японии). Токио, 1983. С. 174—175 (интервью Арисуэ в 1965 году). В мемуарах Арита этот факт не отражен.

⁵ ГК. Т. 1. С. 167—168, 177, 184—185, 191—192, 199—201, 213—215, 231; DGFP, D. Vol. IV. P. 618—629.

⁶ *Kleist P.* European Tragedy. London, 1965. P. 15—17.

⁷ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 125.

⁸ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 172.

⁹ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 291—293; DGFP, D. Vol. IV. P. 266—267 // СССР — Германия. Кн. 1. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Vilnius, 1989. С. 10—11 (далее: СССР — Германия); *Weizsacker Memoirs.* P. 186—187.

¹⁰ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 339—341; DGFP, D. Vol. IV. P. 429 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 12—13.

¹¹ *Hilger G., Meyer A. G.* The Incompatible Allies. A Memoir-History of German-Soviet Relations, 1918—1941. N. Y., 1953. P. 293.

- ¹² Ibid. P. 294—296; *Безыменский Л.* Указ. соч. С. 183 (Шнурре).
- ¹³ DGFP, D. Vol. VI. P. 1—3.
- ¹⁴ *Дембски С.* Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939—1941 гг. М., 2017. С. 81.
- ¹⁵ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 134.
- ¹⁶ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 181—182.
- ¹⁷ DGFP, D. Vol. VI. P. 547, 558—560, 659—662. Инструкции Риббентропа неизвестны; видимо, Шуленбург получил их устно, во время встречи с ним в Мюнхене в середине мая.
- ¹⁸ Там же. P. 589—593.
- ¹⁹ *Bonnet G.* Fin d'une Europe. P. 205.
- ²⁰ DGFP, D. Vol. VI. P. 593, 597—599.
- ²¹ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 405—406; ГК. Т. 1. С. 518—522; DGFP, D. Vol. VI. P. 602—610.
- ²² Ibid. P. 624—626.
- ²³ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 559 (в прим.); ссылка на «архив бывш. КГБ СССР».
- ²⁴ ГК. Т. 2. С. 41.
- ²⁵ Там же. С. 29—30.
- ²⁶ DGFP, D. Vol. VI. P. 728—729.
- ²⁷ Ibid. P. 737—740.
- ²⁸ ГК. Т. 2. С. 65—67; DGFP, D. Vol. VI. P. 805—807, 834—836.
- ²⁹ DGFP, D. Vol. VI. P. 810, 813 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 18—20.
- ³⁰ DGFP, D. Vol. VI. P. 808—809. Текст статьи: ГК. Т. 2. С. 71—73.
- ³¹ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 514—516.
- ³² ГК. Т. 2. С. 136—139; DGFP, D. Vol. VI. P. 1006—1009, 1015—1016 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 21—24, 25—26.
- ³³ ГК. Т. 2. С. 145.
- ³⁴ DGFP, D. Vol. VI. P. 1051—1052.
- ³⁵ *Kleist P.* Op. cit. P. 27—28.
- ³⁶ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 566—569; DGFP, D. Vol. VI. P. 1049—1050 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 27—28.
- ³⁷ Шуленбург встретился с Молотовым 4 августа, Шнурре с Астаховым 5, 10 и 12 августа: DGFP, D. Vol. VI. P. 1059—1062, 1067—1068; Vol. VII. P. 17—20; ГК. Т. 2. С. 182—188.
- ³⁸ DGFP, D. Vol. VII. P. 24—26.
- ³⁹ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 603—605; DGFP, D. Vol. VII. P. 58—59 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 29.
- ⁴⁰ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 139.

⁴¹ *Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign.* London, 1945. P. 23—34; *Drieu La Rochelle P. Journal, 1939—1945.* Paris, 1992. P. 81.

⁴² ГК. Т. 2. С. 232—233; DGFP, D. Vol. VII. P. 62—64 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 30—32.

⁴³ DGFP, D. Vol. VII. P. 76—77, 87—90 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 32—37; ГК. Т. 2. С. 229—231.

⁴⁴ DGFP, D. Vol. VII. P. 84—85 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 39—40.

⁴⁵ ГК. Т. 2. С. 269—273; DGFP, D. Vol. VII. P. 114—116 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 40—42.

⁴⁶ DGFP, D. Vol. VII. P. 99—100 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 37—38.

⁴⁷ DGFP, D. Vol. VII. P. 121—123 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 43—45.

⁴⁸ ГК. Т. 2. С. 274—278; DGFP, D. Vol. VII. P. 134, 149—151 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 45—48.

⁴⁹ ГК. Т. 2. С. 302—303.

⁵⁰ *Taylor A. J. P. The Origins of the Second World War.* London, 1964. P. 316.

⁵¹ DGFP, D. Vol. VII. P. 167 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 53—54.

⁵² Там же. P. 188—189.

⁵³ DGFP, D. Vol. VII. P. 193—195 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 55—57; *Weizsacker Memoirs.* P. 201; *Хамага Ц.* Указ. соч. С. 56—57.

⁵⁴ DGFP, D. Vol. VII. P. 191; *Deterrent Diplomacy.* P. 191—192 (телеграмма Осима в МИД).

⁵⁵ ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 626—628; DGFP, D. Vol. VII. P. 222—223. Критика: *Fuse K. Rapprochement between Germany and the Soviet Union // Contemporary Japan.* Vol. VIII. № 7 (September 1939); *Ito M. Doubts about Japanese-Soviet Non-Aggression Pact // Contemporary Japan.* Vol. VIII. № 9 (November 1939) и др. Видный пронацистский политик призвал к нормализации отношений с СССР: *Накано С.* Докусо фукасин дзэяку то Нихон (Германо-советский пакт о ненападении и Япония) // Бунгэй сюндзю. 1939, спец. выпуск (сентябрь).

⁵⁶ *Schmidt P.* Op. cit. P. 133—141.

⁵⁷ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 140.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 141.

⁶⁰ *Хаусхофер К.* Указ. соч. С. 394.

⁶¹ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 143.

⁶² Там же.

⁶³ Цит. по: *Irving D.* Hitler's War and War Path. P. 203.

⁶⁴ DGFP, D. Vol. VII. P. 225—227 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 65—69.

⁶⁵ DGFP, D. Vol. VII. P. 250.

⁶⁶ *Филиппов И. Ф.* Записки о «третьем рейхе». 2-е изд. М., 1970. С. 24.

⁶⁷ *Устрялов Н. В.* Германский национал-социализм. М., 1999. С. 51.

⁶⁸ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 144.

⁶⁹ Цит. по: *Weigert H.W.* Haushofer and the Pacific // Foreign Affairs. Vol. 20 (1942). № 4.

⁷⁰ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 144.

⁷¹ *Schirach B v.* J'ai cru en Hitler. Paris, 1968. P. 186.

⁷² *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939—1941. М., 2000. С. 93.

⁷³ Цит. по: *Deakin F. W.* The Brutal Friendship: Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. Rev. ed. Harmondsworth, 1966. P. 23.

⁷⁴ *Hüger G., Meyer A. G.* Op. cit. P. 310 (в оригинале латиницей).

Глава 7

¹ *Scheil S.* Poland's War Calculation in 1939. Reasons, Hopes and Aims. Norderstedt, [2013]. P. 11.

² *Дембски С.* Указ. соч. С. 73.

³ DGFP, D. Vol. V. P. 44—45; *Diplomat in Berlin, 1933—1939. Papers and Memoirs of Joseph Lipski, Ambassador of Poland.* N.Y., 1968. P. 357—360 // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. М., 1969. С. 346—349.

⁴ *Diplomat in Berlin.* P. 396—398, 427, 431—432, 436—437; DGFP, D. Vol. V. P. 79—80.

⁵ *Bretton H. L.* Op. cit. Ch. XI, XII; *Martel R.*: 1) Les frontières orientales de l'Allemagne. Paris, 1930; 2) La France et la Pologne. Paris, 1931; *Grimm F.* La France et le corridor polonais. Paris, 1941; *Wandycz P.* France and her Eastern Allies, 1919—1925. Minneapolis, 1962; *Молодяков В.* Вторая мировая: война, которой не могло не быть. Гл. 4.

⁶ Цит. по: *Гришин Я. Я.* Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932—1938 гг. Казань, 1999. С. 118; *Colonel Beck J.* Dernier rapport. Politique polonaise, 1926—1939. Genève, 1951. P. 9.

⁷ ДиМ. Т. 1. С. 173.

⁸ Taylor A. J. P. Op. cit. P. 243.

⁹ Хаусхофер К. Указ. соч. С. 389.

¹⁰ Beck J. Op. cit. P. 52, 155.

¹¹ ДВП. Т. XXI. С. 203.

¹² Documents on the Events Preceding the Outbreak of the War. Compiled and Published by the German Foreign Office. Berlin — N. Y., 1939—1940. P. 64—72 (далее: German White Book).

¹³ Beck J. Op. cit. P. 158—175 (Цит.: С. 159), 311—313, 342—344; Bonnet G. Défense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1946. P. 256—260, 362—366.

¹⁴ Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939—1941. М., 1997. С. 36.

¹⁵ German White Book. P. 199—201 // DGFP, D. Vol. V. P. 104—107; Diplomat in Berlin. P. 454—458; ГК. Т. 1. С. 85—86; DBPF, 3. Vol. III. P. 198.

¹⁶ German White Book. P. 201—203 // DGFP, D. Vol. V. P. 127—129; Diplomat in Berlin, 1933—1939. P. 465—469; Beck J. Op. cit. P. 181—182.

¹⁷ Среди сторонников экспансии на запад заслуживает внимания Хенрик Багиньский, до войны — влиятельный офицер Генерального штаба: *Baginski H.*: 1) Poland's Freedom of the Sea. London, 1942; 2) Poland and the Baltic. London, 1942. См.: *Scheil S.* Poland's War Calculation in 1939. P. 41—43.

¹⁸ *Szembek J.* Op. cit. P. 383—384.

¹⁹ *Scheil S.* Poland's War Calculation in 1939. P. 49—53.

²⁰ *Szembek J.* Op. cit. P. 385—387; Diplomat in Berlin. P. 476—477.

²¹ DGFP, D. Vol. V. P. 142—143; Diplomat in Berlin. P. 477—481.

В тот же день Бек встретился с Мольтке: German White Book. P. 203—204 // DGFP, D. Vol. V. P. 44—145.

²² *Burckhardt C.-J.* Ma mission à Dantzig. Paris, 1961. P. 203—209 (связь с заговорщиками и англичанами), 224—226 (беседа с Риббентропом).

²³ DGFP, D. Vol. V. P. 146—147.

²⁴ Beck J. Op. cit. P. 138—140; *Hoggan D. L.* Op. cit. P. 151—157; примечание редактора в кн.: *Aspects of the Third Reich.* Ed. H. W. Koch. N. Y., 1985. P. 226.

²⁵ German White Book. P. 205—209 // DGFP, D. Vol. V. P. 152—161 // ГК. Т. 1. С. 168—177; DGFP, D. Vol. V. P. 161—162; *Szembek J.* Op. cit. P. 404—408.

²⁶ *Szembek J.* Op. cit. P. 387—388, 397—398, 407; письмо Лукасевича Беку от 17 декабря: The German White Paper. P. 22—28.

²⁷ DGFP, D. Vol. V. P. 166—167.

²⁸ *Руббенτροп Р. фон.* Указ. соч. С. 164—165.

²⁹ German White Book. P. 209—210 // DGFP, D. Vol. V. P. 167—168 // ГК. Т. 1. С. 194—196; *Beck J.* Op. cit. P. 184—187; *Schmidt P.* Op. cit. P. 120—122; *Kleist P.* Op. cit. P. 9—12; *Szembek J.* Op. cit. P. 411—417; DBFP, 3. Vol. IV. P. 15—16, 31—33, 68—69, 80—81; DDF, 2. Vol. XIV. P. 36—39.

³⁰ ГК. Т. 1. С. 206, 228; DDF, 2. Vol. XIII. P. 851—852; *Bonnet G.* Fin d'une Europe. P. 120—126; *Hoggan D.* Op. cit. P. 277—281.

³¹ Подробнее см.: *Руббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 164—170.

³² DGFP, D. Vol. V. P. 172, 183.

³³ *Девалиш М. А.* Указ. соч. Далее цит. без сносок.

³⁴ Documents Concerning German-Polish Relations and the Outbreak of Hostilities Between Great Britain and Germany on September 3, 1939. London, 1939. P. 5—10, 10—17 (далее: British Blue Book). Отношение общественного мнения Англии к оккупации Праги: DGFP, D. Vol. VI. P. 36—39; ДИМ. Т. 2. С. 278—281.

³⁵ ГК. Т. 1. С. 296, 310.

³⁶ German White Book. P. 210—212; DGFP, D. Vol. VI. P. 70—72.

³⁷ *Bonnet G.* Dans la tourmente. P. 117—188.

³⁸ ГК. Т. 1. С. 314.

³⁹ Diplomat in Berlin. P. 503—507; *Szembek J.* Op. cit. P. 433—439; ДИМ. Т. 2. С. 62—64; ГК. Т. 1. С. 327—328.

⁴⁰ German White Book. P. 214—217, 218, 220—221; DGFP, D. Vol. VI. P. 121—124, 135—136, 147—148.

⁴¹ *Newman S.* Op. cit. P. 174, 152 (Батлер). Подробнее: *Robertson E. M.* Hitler's Planning for War and the Response of the Great Powers (1938 — Early 1939) // Aspects of the Third Reich. P. 228, 230—231.

⁴² *Newman S.* Op. cit. P. 152—153 182, 184. Несостоявшееся немецкое издание: *Koch H. W.* Introduction [to Part II] // Aspects of the Third Reich. P. 182.

⁴³ Chamberlain Letters. Vol. 4. P. 400.

⁴⁴ British Blue Book. P. 36; ГК. Т. 1. С. 350—351; Cadogan Diaries. P. 164—167; *Charmley J.* Chamberlain and the Lost Peace. Ch. XVI.

⁴⁵ *Villari L.* Italian Foreign Policy under Mussolini. N. Y., 1956. P. 216.

⁴⁶ *Déat M.* Préface // *Grimm F.* La France et le corridor polonais. P. 10.

⁴⁷ *Bonnet G.*: 1) *Fin d'une Europe*. Ch. XI; 2) *Dans la tourmente*. P. 126—127; *Diplomat in Paris*. P. 210—223.

⁴⁸ *Речь Гитлера см.*: *British Blue Book*. P. 39—48.

⁴⁹ *DGFP, D. Vol. VI*. P. 185—186.

⁵⁰ *DBFP, 3. Vol. V*. P. 1—19, 30—36, 47—49; *Beck J.* *Op. cit.* P. 187—196; *British Blue Book*. P. 36—37; *ГК. Т. 1. С.* 361.

⁵¹ *Chamberlain Diary Letters. Vol. 4*. P. 399.

⁵² *Scheil S.* *Poland's War Calculation in 1939*. P. 63.

⁵³ *Barnes H. E.* *Barnes Against Blackout*. Costa Mesa, 1991. P. 125.

⁵⁴ *Риббентрон И. фон. Указ. соч.* С. 126. С уточнением по оригиналу: *Beck J.* *Op. cit.* P. 283.

⁵⁵ *German White Book*. P. 308—309; *DGFP, D. Vol. VI*. P. 228.

⁵⁶ *DGFP, D. Vol. VI*. P. 243—245, 264—265 (нота Риббентропа), 309—310. Позиция США в 1938—1939 годах затемнена официальной историографией, поэтому особого внимания заслуживают работы ревизионистов: *Tansill C.C.* *Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933—1941*. Chicago, 1952. Ch. XV—XIX, XXII—XXV; *Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and Its Aftermath*. Newport Beach, 1993. Ch. 2—3; *Weber M.* *President Roosevelt's Campaign to Incite War in Europe: the Secret Polish Documents // Journal of Historical Review. Vol. 4. № 2 (Summer 1983)* и др.

⁵⁷ *Gafencu G.* *Last Days of Europe. Ch. I*; *Beck J.* *Op. cit.* P. 320—321. Здесь утверждается, что беседа продолжалась всего полтора часа, с восьми до половины десятого утра.

⁵⁸ *DGFP, D. Vol. VI*. P. 278—283, 290—293; *Gafencu G.*: 1) *Last Days of Europe. Ch. II, IV, V*; 2) *Prelude to the Russian Campaign*. P. 232—233; *DBFP, 3. Vol. V*. P. 295—315, 321—334, 342—344.

⁵⁹ *DGFP, D. Vol. VI*. P. 325—330, 339—343.

⁶⁰ Там же. P. 372—380, 388—393.

⁶¹ «Цветные книги» привели только фрагменты: *German White Book*. P. 226—229, 284—290, 314—317, 364; *British Blue Book*. P. 21—23, 48—51. Ноты: *German White Book*. P. 222—226, 313—314 // *British Blue Book*. P. 24—27, 51—52. См. также: *DBFP, 3. Vol. V*. P. 387—390; *Diplomat in Berlin*. P. 530—536; *Breach of Security*. P. 87—88.

⁶² *British Blue Book*. P. 27—35.

⁶³ *ГК. Т. 1. С.* 420—421; *Т. 2. С.* 42.

⁶⁴ *German White Book*. P. 365—369.

⁶⁵ Три варианта записи: *Burkhardt C.-J.* *Op. cit.* P. 317—318, 326—329, 335—336.

⁶⁶ Hesse F. Op. cit. P. 67—76; ГК. Т. 2. С. 131—134 (другой вариант предложений Уилсона).

⁶⁷ Tennant E. W. D. Op. cit. Ch. 24; Scheil S. Ribbentrop. P. 230. Речь Галифакса 29 июня в Королевском институте международных отношений: British Blue Book. P. 58—66.

⁶⁸ DGFP, D. Vol. VI. P. 886—888, 907—908, 946—947; Vol. VII. P. 22; Abetz O. Op. cit. P. 104—109; Landauer B. Op. cit. P. 121—126.

⁶⁹ I Documenti Diplomatici Italiani. Ottava serie. Vol. XII. P. 49—51; К вопросу об итальянской политике «нон беллиджеранца» (Меморандум Муссолини от 30 мая 1939 года) // Военно-исторический журнал. 1968. № 12; Weizsacker Memoirs. P. 197—199; Schmidt P. Op. cit. P. 131—133. Аттолико о Риббентропе и Вайцзекере см.: Burkhardt C.-J. Op. cit. P. 341—342.

⁷⁰ DGFP, D. Vol. VII. P. 39—49, 53—56; I Documenti Diplomatici Italiani. Ottava serie. Vol. XIII. Roma, 1952. P. 1—7, 19—20; ГК. Т. 2. С. 188—189; Ciano's Diary. P. 257—259; Dollmann E. Op. cit. P. 164—168.

⁷¹ Риббентрон И. фон. Указ. соч. С. 216.

⁷² Ciano's Diary. P. 590; Hesse F. Op. cit. P. 74—75.

⁷³ Fish H. Memoirs of an American Patriot. Washington, 1991. Ch. 14.

⁷⁴ ГК. Т. 2. С. 312.

⁷⁵ DBFP, 3. Vol. VII. P. 127—128; ГК. Т. 2. С. 313—314.

⁷⁶ British Blue Book. P. 107—118.

⁷⁷ Ibid. P. 37—39 (без протокола); ГК. Т. 2. С. 323—326 (полностью).

⁷⁸ Риббентрон И. фон. Указ. соч. С. 146.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ DGFP, D. Vol. VII. P. 381—384.

⁸¹ Дембски С. Указ. соч. С. 105; ГК. Т. 2. С. 337—338.

⁸² Подробнее см.: Риббентрон Р. фон. Указ. соч. С. 199—207.

⁸³ Риббентрон И. фон. Указ. соч. С. 155.

⁸⁴ Там же. С. 156.

⁸⁵ Henderson N. Op. cit. P. 111, 251; The Final Report by the Right Hon. Sir Nevile Henderson G.C.M.G. on the Circumstances Leading to the Termination of His Mission to Berlin. London, 1939. P. 6—7, 14, 23—24 (далее: Final Report).

⁸⁶ Риббентрон И. фон. Указ. соч. С. 152.

⁸⁷ German White Book. P. 482—488 // DGFP, D. Vol. VII. P. 447—454 // ГК. Т. 2. С. 339—344; British Blue Book. P. 145—146 // DBFP, 3. Vol. VII. P. 429—430, 432—433; Final Report. P. 16—17; Henderson N.

Op. cit. P. 269—273; *Schmidt P.* Op. cit. P. 150—154; IMT. P. 135—138 (Шмидт); *Hesse F.* Op. cit. P. 81.

⁸⁸ *Suarez G., Laborde G.* Op. cit. Ch. XVII—XIX (по записям Боннэ); *Monzie A. de.* Ci-devant. Paris, 1941. Позиция Италии: Ciano's Diary. P. 262—272; *Schmidt P.* Op. cit. P. 143—147; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 32—33; *Irving D.* Hitler's War. P. 205—209; *Moseley R.* Op. cit. Ch. 8; *Villari L.* Op. cit. Ch. 23.

⁸⁹ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 156, 153.

⁹⁰ DGFP, D. Vol. VII. P. 463; ГК. Т. 2. С. 354—355; *Schmidt P.* Op. cit. P. 154.

⁹¹ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 154.

⁹² German White Book. P. 490—491.

⁹³ German White Book. P. 504—507; DGFP, D. Vol. VII. P. 492—495; British Blue Book. P. 169; DBFP, 3. Vol. VII. P. 493—494; Final Report. P. 21; *Schmidt P.* Op. cit. P. 155.

⁹⁴ *Hesse F.* Op. cit. P. 83—88; DGFP, D. Vol. VII. P. 527—528; DBFP, 3. Vol. IX. P. 539.

⁹⁵ British Blue Book. P. 175; *Schmidt P.* Op. cit. P. 156—158; IMT. P. 138—139 (Шмидт); Final Report. P. 24—25; *Henderson N.* Op. cit. P. 283—284.

⁹⁶ German White Book. P. 509—512; DGFP, D. Vol. VII. P. 531—532; Final Report. P. 25; *Henderson N.* Op. cit. P. 284—285.

⁹⁷ German White Book. P. 512—513 // DGFP, D. Vol. VII. P. 533—534; *Coulondre R.* Op. cit. 2-ème Partie. Ch. IX; Final Report. P. 26—27; *Henderson N.* Op. cit. P. 285—292.

⁹⁸ *Дирксен Г. фон.* Указ. соч. С. 339—340.

⁹⁹ *Dietrich O.* The Hitler I Knew. London, 1957. P. 48. Ср.: Weizsacker Memoirs. P. 209—211.

¹⁰⁰ Цит. по: The Memoirs of Field-Marshal Kesselring. London, 2007. P. 42.

¹⁰¹ *Scheil S.* Ribbentrop. P. 201, 280.

¹⁰² *Gafencu G.* Last Days of Europe. P. 220.

¹⁰³ *Neilson F.* The Tragedy of Europe. A Diary of the Second World War. Appleton, 1940. P. 472—473.

¹⁰⁴ СССР — Германия. Кн. 1. С. 90—91.

Глава 8

¹ *Schmidt P.* Op. cit. P. 159—162; *Kordt E.* Op. cit. P. 385.

² DGFP, D. Vol. VIII. P. 30—31; *Irving D.* Goebbels. P. 316, 328, 350, 486—487; *Dietrich O.* Op. cit. P. 48—49, 116—117; *Seabury P.* Op. cit. P. 77, 183—184.

³ГК. Т. 2. С. 337, 358—361; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 14—15.

⁴DGFP, D. Vol. VII. P. 540—541; СССР — Германия. Кн. 1. С. 80—81; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 600 (в прим.).

⁵ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 25; DGFP, D. Vol. VIII. P. 4—5; СССР — Германия. Кн. 1. С. 81; *Papen F. v.* Op. cit. P. 443—453.

⁶DGFP, D. Vol. VIII. P. 33—35; СССР — Германия. Кн. 1. С. 84—86.

⁷DGFP, D. Vol. VIII. P. 44—45, 56; СССР — Германия. Кн. 1. С. 86—88. Первоначальные варианты: Дембски С. Указ. соч. С. 121—123.

⁸Дембски С. Указ. соч. С. 126.

⁹Цит. по: Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. М., 2001. С. 289—290.

¹⁰DGFP, D. Vol. VIII. P. 68—70, 76—77, 79—80; СССР — Германия. Кн. 1. С. 92—96.

¹¹СССР — Германия. Кн. 1. С. 96—99; Дембски С. Указ. соч. С. 128—129.

¹²DGFP, D. Vol. VIII. P. 95—97; СССР — Германия. Кн. 1. С. 102 (коммюнике).

¹³DGFP, D. Vol. VIII. P. 92, 103; СССР — Германия. Кн. 1. С. 100—102. Недовольство военных: Дембски С. Указ. соч. С. 128—130.

¹⁴СССР — Германия. Кн. 1. С. 104; подготовка: DGFP, D. Vol. VIII. P. 109—110.

¹⁵DGFP, D. Vol. VIII. P. 36—38, 94—95, 131—133. Позиция Японии: DGFP, D. Vol. VIII. P. 298—303; *Japan Surveys the European War.* Tokyo, 1940.

¹⁶DGFP, D. Vol. VIII. P. 524—527, 728—732.

¹⁷DGFP, D. Vol. VIII. P. 123—124 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 104—105.

¹⁸DGFP, D. Vol. VIII. P. 137—139.

¹⁹Перевод: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 606—617 (в прим.); далее цит. без сносок.

²⁰Впервые: DGFP, D. Vol. VIII. P. 939—943 (прил.); далее цит. без сносок.

²¹Вечером 25 сентября эти предложения были сообщены Сталиным и Молотовым Шуленбургу, который немедленно доложил их Риббентропу: DGFP, D. Vol. VIII. P. 130; СССР — Германия. Кн. 1. С. 105—106. Дальнейшие переговоры: DGFP, D. Vol. VIII. P. 199, 207, 212—215, 244; СССР — Германия. Кн. 2. С. 9—12, 14.

²²Письмо Шуленбурга Вайцзеккеру (11 июля 1940 года): DGFP, D. Vol. X. P. 160—162; СССР — Германия. Кн. 2. С. 65—66.

- ²³ DGFP, D. Vol. VIII. P. 159—161.
- ²⁴ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 161.
- ²⁵ *Hilger G., Meyer A.* Op. cit. P. 314.
- ²⁶ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 160.
- ²⁷ Договор, сопутствующие документы и заявление ИР цит. по: СССР — Германия. Кн. 1. С. 107—114. Не включенное в сб. письмо о транзите: DGFP, D. Vol. VIII. P. 168—169.
- ²⁸ DGFP, D. Vol. VIII. P. 175.
- ²⁹ *Дембски С.* Указ. соч. С. 170.
- ³⁰ DGFP, D. Vol. VIII. P. 289, 291—292, 306; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 192—194.
- ³¹ *Дембски С.* Указ. соч. С. 177, 167.
- ³² СССР — Германия. Кн. 2. С. 35.
- ³³ *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Кн. 3—4. М., 1963. С. 737.
- ³⁴ DGFP, D. Vol. VIII. P. 184—194; *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 309—316; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 144.
- ³⁵ Фрагменты речи: DGFP, D. Vol. VIII. P. 327—330; *Stieve F.* Op. cit. P. 13—16.
- ³⁶ *Девлин М. А.* Указ. соч.; *Cadogan Diaries.* P. 221—224.
- ³⁷ DGFP, D. Vol. VIII. P. 309, 320; СССР — Германия. Кн. 2. С. 18—20; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 200—201; *Дембски С.* Указ. соч. С. 175—176.
- ³⁸ СССР — Германия. Кн. 2. С. 13—14.
- ³⁹ *Sven Hedin's German Diary. 1935—1942.* Dublin, 1951. P. 48—56 (далее: *Hedin Diary*). Запись беседы Гитлера с Гедином см.: DGFP, D. Vol. VIII. P. XXX. Подробнее: *Дембски С.* Указ. соч. Гл. VI. Попытки расширения советской сферы интересов: «зимняя война» и позиция Третьего рейха.
- ⁴⁰ *Villari L.* Op. cit. P. 242—243.
- ⁴¹ ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 386—387; DGFP, D. Vol. VIII. P. 506—507, 512—513.
- ⁴² *Hedin Diary.* P. 61—70 (*Риббентроп*), 75—78; *Weizsacker Memoirs.* P. 226—227.
- ⁴³ DGFP, D. Vol. VIII. P. 597—598; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 132, 134—135.
- ⁴⁴ *Foreign Relations of the United States. 1940. Vol. 1.* P. 1—117 (отчет Уэллеса); *Tansill C. C.* Op. cit. P. 574—580; *Villari L.* Op. cit. P. 248—250.
- ⁴⁵ DGFP, D. Vol. VIII. P. 821—829 (*Риббентроп*), 829—831; *Welles S.* *The Time for Decision.* N.Y., 1944. P. 75; *Weizsacker Memoirs.* P. 222—224; *Schmidt P.* Op. cit. P. 168—170; *Hassel Diaries.* P. 106—107.

- ⁴⁶ DGFP, D. Vol. VIII. P. 606, 608, 636—638.
- ⁴⁷ DGFP, D. Vol. VIII. P. 882—896, 898—909; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 339—359; *Ciano's Diary*. P. 328—330; *Schmidt P.* Op. cit. P. 170—171.
- ⁴⁸ DGFP, D. Vol. VIII. P. 876.
- ⁴⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 147—148.
- ⁵⁰ DGFP, D. Vol. VIII. P. 896—898.
- ⁵¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 184—187; DGFP, D. Vol. IX. P. 21—22 (послание Риббентропа). Ср. заявление Чиано Гельфанду: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 786—787 (в прим.).
- ⁵² ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 245, 786—787 (в прим.); *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 361—365.
- ⁵³ DGFP, D. Vol. IX. P. 465, 488, 511—512; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 297—298, 312—313.
- ⁵⁴ ДВП. Т. XXII. С. 420.
- ⁵⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 52, 131. Подробнее: *Тихонов Ю.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. М., 2008. Гл. 28. В мемуарах Клейста не отражено.
- ⁵⁶ DGFP, D. Vol. IX. P. 40—41, 53—54 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 42—44.
- ⁵⁷ DGFP, D. Vol. IX. P. 72—73; перевод в прим. к мемуарам Риббентропа (с. 163—164).
- ⁵⁸ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 162.
- ⁵⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 668—669.
- ⁶⁰ *Britain's Designs on Norway. Documents Concerning the Anglo-French Policy of Extending the War.* N.Y., 1940.
- ⁶¹ DGFP, D. Vol. IX. P. 93—94, 108, 134—136; СССР — Германия. Кн. 2. С. 44—47; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 212—214.
- ⁶² DGFP, D. Vol. VIII. P. 546—547, 620—627, 692, 797—799; *Weizsacker Memoirs*. P. 227—229.
- ⁶³ DGFP, D. Vol. IX; *Weizsacker Memoirs*. P. 229—231.
- ⁶⁴ DGFP, D. Vol. IX. P. 301—307, 312—315. Трофейные документы опубликованы в виде «Белой книги» МИД № 5: *Allied Intrigue in the Low Countries.* N. Y., 1940.
- ⁶⁵ DGFP, D. Vol. IX. P. 293—294, 316; СССР — Германия. Кн. 2. С. 47—49; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 257—260.
- ⁶⁶ *Девлин М. А.* Указ. соч.; *Irving D.* *Churchill's War.* Vol. I. Ch. 22.
- ⁶⁷ DGFP, D. Vol. IX. P. 643—654, 662—679; *Кейтель В.* Указ. соч. С. 251—252; *Schmidt P.* Op. cit. P. 178—184; *The Private Diaries*

(March 1940 to January 1941) of Paul Baudouin. London, 1948. P. 119—138, 301—308 (далее: Baudouin Diaries).

⁶⁸ Филлипов И. Ф. Указ. соч. С. 73.

⁶⁹ DGFP, D. Vol. IX. P. 608—611; Ciano's Diplomatic Papers. P. 372—375; Ciano's Diary. P. 362—366.

⁷⁰ DGFP, D. Vol. X. P. 147—155; Ciano's Diplomatic Papers. P. 375—379; Ciano's Diary. P. 369.

⁷¹ DGFP, D. Vol. IX. P. 599—600 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 55—56; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 353—354. Подробнее: Дембски С. Указ. соч. Гл. V. Государства Балтии в контексте взаимоотношений между Третьим рейхом и СССР: август 1939 — август 1940.

⁷² СССР — Германия. Кн. 2. С. 55, 68—73.

⁷³ Подробнее: Дембски С. Указ. соч. С. 364—383 (цит. С. 373); Мельтюхов М. И. Освободительный поход Сталина. Бессарабский вопрос в советско-румынских отношениях (1917—1940 гг.). М., 2006.

⁷⁴ DGFP, D. Vol. X. P. 3—4; СССР — Германия. Кн. 2. С. 56—58; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 363—368.

⁷⁵ DGFP, D. Vol. X. P. 12—13, 21, 26—27; СССР — Германия. Кн. 2. С. 59—61, 63—64; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 374—376; *Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign*. P. 288—295.

⁷⁶ DGFP, D. Vol. X. P. 301—316 (Джигурту), 332—341 (Филов), 345—348 (Тисо); ДВП. Т. XIII. Кн. 1. С. 461—462, 466—468.

⁷⁷ DGFP, D. Vol. X. P. 85—86, 117—118, 179—182, 217—220.

⁷⁸ DGFP, D. Vol. X. P. 566—580, 581—587 (документы арбитража); Венгрия и Вторая мировая война. М., 1962. С. 189—219; Ciano's Diary. P. 378—380; *Schmidt P.* Op. cit. P. 188—189; *Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign*. Ch. 2.

⁷⁹ DGFP, D. Vol. X. P. 588—590; Vol. XI. P. 1; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 546—547.

⁸⁰ DGFP, D. Vol. XI. P. 4—6; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 553—554.

⁸¹ DGFP, D. Vol. XI. P. 8—10.

⁸² ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 583—586, 615—621.

⁸³ *Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign*. Ch. II.

⁸⁴ Weizsacker Memoirs. P. 241.

Глава 9

¹ DGFP, D. Vol. IX. P. 234—236, 254—255; *Alfieri D.* Op. cit. P. 21—23; Weizsacker Memoirs. P. 221—222.

² DGFP, D. Vol. X. 187—189, 199—200, 223, 276—277, 290—291, 317—318, 363—364, 366—367, 376—379, 396—401; *Bloch M.*: 1) Opera-

tion Willi: the Nazi Plot to Kidnap the Duke of Windsor, July 1940. N.Y., 1986; 2) Ribbentrop. P. 288—295.

³ *Jacobsen H. A. Introduction // Haushofer K. De la géopolitique.* P. 74.

⁴ DGFP, D. Vol. X. P. 162—167; *Арита Х.* Бака Хати то ва хито ю: гайкокан-но кайсо (Меня называют Хати-дурак: воспоминания дипломата). Токио, 1959. Гл. 3; *Sato K. Japan and Britain at the Crossroads, 1939—1941.* Токио, 1986.

⁵ Эти проблемы выходят за рамки биографии Риббентропа, поэтому укажу лишь основные работы: *Ябэ Т.* Коноэ Фумимаро. Т. 2. Токио, 1952. Гл. 9; *Oka Y. Коноэ Fumimaro. A Political Biography.* Lanham, 1992. Ch. 4; *Миwa К.* Мацуока Ёсукэ: соно нингэн то гайко (Мацуока Ёсукэ: человек и дипломат). Токио, 1971; *Lu D. J. Agony of Choice. Matsuoka Yosuke and the Rise and Fall of the Japanese Empire, 1880—1946.* Lanham, 2002. Ch. 11; *Молодяков В. Э.: 1) Консервативная революция в Японии: идеология и политика.* М., 1999. Гл. 7; 2) Эпоха борьбы. Гл. 6.

⁶ Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Т. 5. С. 346—349, 350—357; DGFP, D. Vol. X. P. 320—321, 355—356; *Хамага Ц.* Указ. соч. С. 109—111.

⁷ IMTFE. P. 24404—24405.

⁸ Текст из материалов МВТДВ: DGFP. D. Vol. XI. P. 57—58. Краткий вариант: Коноэ Фумимаро-ко-но сюки. Усинаварэси сэйдзи (Записки принца Коноэ Фумимаро. Политика, потерпевшая крах). Токио, 1946. С. 18—19.

⁹ DGFP, D. Vol. XI. P. 123—125. Много документов сохранилось в японских архивах, где автор имел возможность изучить их: 1) Архив МИД Японии. В—1-0-0. J/X 3. Нити-доку-и домэй дзёяку канкэй (Пакт о союзе между Японией, Германией и Италией). Ч. 1—3; 2) Нити-доку-и сангоку дзёяку какусю анбун сакусэй оёби кокунай тэцудзуки кэйка гайё (Очерк постатейной разработки и одобрения Тройственного пакта Японии, Германии и Италии). Токио, 1940 (издание МИД для служебного пользования; Архив МИД Японии); 3) *Миякэ М.* Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. С. 444—569 (комментарий: С. 569—643). Ход переговоров: *Сайто Ё.* Адзамукарэта рэкиси: Мацуока то сангоку домэй-но рикэн (Запутанная история: Мацуока и закулисная сторона Тройственного пакта). Токио, 1955; *Нихон гайкоси* (История внешней политики Японии). Т. 21. Нити-доку-и домэй оёби ниссо тюрицу дзёяку (Пакт Японии, Германии и Италии и японско-советский пакт о нейтралитете). Токио, 1971. Гл. 4—6; *Lu D. J. Op. cit.* Ch. 12.

- ¹⁰ DGFP, D. Vol. XI. P. 123—125, 132—133.
- ¹¹ Тайхэйё сэнсэ-э-но мити. Бэкан. Сирёхэн (Дополнительный том. Документы). Токио, 1963. С. 337—342.
- ¹² DGFP, D. Vol. XI. P. 113—123; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 389—392; *Ciano's Diary*. P. 383—384.
- ¹³ DGFP, D. Vol. XI. P. 134—136, 142—143, 150—152.
- ¹⁴ Фукаи Э. Указ. соч. С. 69—92.
- ¹⁵ *Ciano's Diary*. P. 385; *Schmidt P.* Op. cit. P. 191—192.
- ¹⁶ Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. III. С. 363—364.
- ¹⁷ *Deterrent diplomacy*. P. 181, 187—189.
- ¹⁸ Миякэ М. Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. С. 556—569 (японский и немецкий тексты с английскими черновыми вариантами). В Архиве МИД Японии варианты писем сохранились в многочисленных копиях.
- ¹⁹ *Drieu la Rochelle P. Journal*. P. 88.
- ²⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 629—630.
- ²¹ DGFP, D. Vol. XI. P. 187—189 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 79—80 (первоначальный вариант).
- ²² DGFP, D. Vol. XI. P. 224; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 635—636.
- ²³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 632—633.
- ²⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 627—629; DGFP, D. Vol. XI. P. 195—196 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 80—82.
- ²⁵ Куланов А. Указ. соч. С. 418.
- ²⁶ DGFP, D. Vol. X. P. 442—445, 562—565; Vol. XI. P. 38—40, 83—91 и 98—102 (Риббентроп—Суньер), 93—98; *Serrano Suner R. Entre les Pyrenées et Gibraltar: notes et reflexions sur la politique espagnole depuis 1936*. Genève, 1947. P. 147—163.
- ²⁷ DGFP, D. Vol. XI. P. 106—108.
- ²⁸ DGFP, D. Vol. XI. P. 134—136, 150—152; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 392—393.
- ²⁹ DGFP, D. Vol. XI. P. 153—155.
- ³⁰ DGFP, D. Vol. XI. P. 166—174 (Риббентроп—Суньер), 201—204.
- ³¹ DGFP, D. Vol. XI. P. 211—214.
- ³² *Ciano's Diary*. P. 386.
- ³³ DGFP, D. Vol. XI. P. 283.
- ³⁴ DGFP, D. Vol. X. P. 461—464; *Bassett R.* Op. cit. P. 197—200.
- ³⁵ DGFP, D. Vol. XI. P. 245—259; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 395—398; *Ciano's Diary*. P. 387.
- ³⁶ DGFP, D. Vol. XI. P. 371—376, 376—379 (Риббентроп—Суньер), 466—467; *Schmidt P.* Op. cit. P. 193—197.

³⁷ *Serrano Suner R.* Op. cit. P. 122, 176.

³⁸ DGFP, D. Vol. XI. P. 598—610, 619—623 (Риббентроп—Сунер); *Serrano Suner R.* Op. cit. Ch. 12; *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 408—411; *Ciano's Diary.* P. 396—397.

³⁹ DGFP, D. Vol. XI. P. 852—853; *Hesse F.* Op. cit. P. 122—123.

⁴⁰ DGFP, D. Vol. XI. P. 354—361 (Лаваль), 385—392 (Петен); *Laval Parle.* Ch. 7; *Abetz O.* Op. cit. P. 164—169; *Brinon F. de.* Memoires. P. 25—26, 33—36; *Schmidt P.* Op. cit. P. 197—199; *Baudoin Diaries.* P. 259—268; *Girard L.-D.* Montoire, Verdun diplomatique. Paris, 1948. P. 194—223; *Duroselle J.-B.* L'abîme (1939—1944). Paris, 1986. P. 267—274.

⁴¹ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 166.

⁴² DGFP, D. Vol. XI. P. 348—352.

⁴³ *Rougier L.* Mission secrète à Londres: les accords Pétain-Churchill. Genève, 1948; *Irving D.* Churchill's War. Vol. I. P. 450—453.

⁴⁴ *Girard L.-D.* Op. cit. P. 216—217.

⁴⁵ Цит. по: *Girard L.-D.* Op. cit. P. 213—214.

⁴⁶ DGFP, D. Vol. XI. P. 866—867, 888—898, 918—921, 924—925, 955—959, 961—965; *Laval Parle.* P. 73—80; *Brinon F. de.* Memoires. P. 49—60; *Abetz O.* Op. cit. P. 186—191; *Baudouin Diaries.* P. 284—296; *Girard L.-D.* Op. cit. P. 292—314; *Poisson G.* Hitler's Gift to France. The Return of the Remains of Napoleon II. Crisis at Vichy — December 15, 1940. N. Y., 2008.

⁴⁷ DGFP, D. Vol. XI. P. 1134—1137.

⁴⁸ DGFP, D. Vol. XI. P. 950—955; *Schmidt P.* Op. cit. P. 206—208.

⁴⁹ DGFP, D. Vol. XI. P. 411—421; *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 399—404.

Глава 10

¹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 680—682.

² Там же. С. 695.

³ Там же. С. 699.

⁴ DGFP, D. Vol. XI. P. 353—354 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 92—93; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 700.

⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 30—32.

⁶ *Безыменский Л.* Указ. соч. С. 351—352.

⁷ *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 406—407.

⁸ *Schmidt P.* Op. cit. P. 210, 214.

⁹ Советские записи бесед Молотова: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 36—41 (ИР), 41—47 (Гитлер), 54—55 (Шуленбург), 56—60 (Геринг), 63—71 (Гитлер), 72—78 (ИР). Германские записи: DGFP, D.

Vol. XI. P. 533—570 (перевод: СССР — Германия. Кн. 2. С. 94—127), 594—595. Далее цит. по этим публикациям.

¹⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 47—48.

¹¹ Там же. С. 49—51.

¹² Там же. С. 60—62.

¹³ Там же. С. 80—81.

¹⁴ *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 50—52.

¹⁵ DGFP, D. Vol. XI. P. 508—510 (№ 309); Военно-исторический журнал. 1992. № 9 (по записям Павлова); другой вариант: СССР — Германия. Кн. 2. С. 127—131.

¹⁶ DGFP, D. Vol. XI. P. 581—582; СССР — Германия. Кн. 2. С. 131—132.

¹⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 136—137. Записи беседы: Там же. С. 135—136; DGFP, D. Vol. XI. P. 714—715; СССР — Германия. Кн. 2. С. 132—133.

¹⁸ *Бережков В.* Как я стал переводчиком Сталина. С. 56.

¹⁹ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 178—179.

²⁰ Перевод с сайта: www.a2m.ru.

²¹ *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 120.

²² *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 180.

²³ *Дембски С.* Указ. соч. С. 637—638.

²⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 357.

²⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 172, 183—186, 213—218, 222—223; DGFP, D. Vol. XI. P. 854—856, 873—874, 922—924, 928—929.

²⁶ DGFP, D. Vol. XI. P. 632—636 (Телеки), 654—670, 680—684 (Антонеску), 693—698 (Тука).

²⁷ DGFP, D. Vol. XI. P. 728—735 (Цинцар-Маркович), 767—773 (Драганов), 1018—1027 (Филов); Vol. XII. P. 79—96 (Цветкович и Цинцар-Маркович), 230—233 (Павел).

²⁸ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 137—138, 158—161.

²⁹ *Городецкий Г.* Роковой самообман. С. 237.

³⁰ *Городецкий Г.* Миф «Ледокола». С. 185—186.

³¹ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 178—179.

Глава 11

¹ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 256.

² Тексты соглашений и материалы переговоров: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 119.

³ Цит. по: *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 260.

⁴ Цит. по: Там же. С. 260—261.

⁵ DGFP, D. Vol. XI. P. 1127—1133, 1145—1151; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 417—420; *Ciano's Diary*. P. 414—415.

⁶ Риббентроп—Франко: DGFP, D. Vol. XI. P. 1157—1158, 1183—1184, 1217—1218; Ответы см.: Ibid. P. 1173—1175, 1188—1191, 1208—1210; Гитлер—Франко: Vol. XII. P. 37—42, 176—178; Риббентроп—Шторер: Ibid. P. 131—132; Встреча в Бордигьере: Ibid. P. 96—98, 113—114; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 421—430.

⁷ DGFP, D. Vol. XII. P. 1—2, 53—54; *Abetz O.* Op. cit. Ch. XIV; *Brinon F. de.* Memoires. P. 65—69; *Joseph G.* Op. cit. P. 302—304; *Girard L.-D.* Op. cit. P. 330—337.

⁸ DGFP, D. Vol. XII. P. 54—56, 213—216; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 443—444, 448.

⁹ DGFP, D. Vol. XII. P. 354—357; гарантии Риббентропа: Ibid. P. 247, 255—256, 291—294.

¹⁰ DGFP, D. Vol. XII. P. 368, 372—375, 383—385, 398—399, 421—422, 444—446; *Городецкий Г.* Роковой самообман. Гл. 7.

¹¹ DGFP, D. Vol. XII. P. 348—349.

¹² Ibid. P. 139—151.

¹³ DGFP, D. Vol. XII. P. 376—383, 386—394, 405—409, 413—420, 453—458, 469—474; *Schmidt P.* Op. cit. P. 220—232; *Lu D.J.* Op. cit. Ch. 14.

¹⁴ DGFP, D. Vol. XII. P. 220.

¹⁵ *Полетика Н. П.* Сараевское убийство. Л., 1930.

¹⁶ *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 147.

¹⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 510—523, 531—532; DGFP, D. Vol. XII. P. 451—452.

¹⁸ Сообщение М. Миякэ автору в 2006 году со слов Осима; *Сугзуки К.* Указ. соч. С. 228; *Weizsacker* Memoirs. P. 249—250.

¹⁹ *Hesse F.* Op. cit. P. 132—133. Подробнее: DGFP, D. Vol. XII. P. 546—547, 642—643; *Нихон* гайкоси. Т. 21. Гл. 7; *Славинский Б. Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941—1945 гг. М., 1995. Гл. 3; *Куго М.* Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю (Исследование японско-советского пакта о нейтралитете). Токио 1985. Гл. 7.

²⁰ DGFP, D. Vol. XII. P. 537; СССР — Германия. Кн. 2. С. 157; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 157—158.

²¹ *Городецкий Г.* Роковой самообман. С. 359.

²² DGFP, D. Vol. XI. P. 594—598, 606—610, 624—626, 630—632; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 436—439.

²³ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 181.

²⁴ DGFP, D. Vol. XII. P. 666—669; *Hilger G., Meyer A.* Op. cit. P. 327—328, 332—334; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 178—187.

²⁵ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 262.

²⁶ Цит. по: *Irving D.* Hitler's War. P. 879; *Weizsacker Memoirs.* P. 253—254.

²⁷ DGFP, D. Vol. XII. P. 734—735, 750—751, 789—790; *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио. С. 405—412.

²⁸ DGFP, D. Vol. XII. P. 704—710 (Риббентроп), 854—861; *Cudahy J.* The Armies March: A Personal Report. N.Y., 1941. P. 166—189. Доклады из США: *Compton J.V.* Ch. 6, 7.

²⁹ *Schirach B. v.* Op. cit. P. 190—194.

³⁰ DGFP, D. Vol. XII. P. 755—763 и 781—782 (Риббентроп), 763—774.

³¹ DGFP, D. Vol. XII. P. 892—900.

³² *Abetz O.* Op. cit. P. 205—210.

³³ *Hesse F.* Op. cit. P. 124—126. Из литературы о полете Гесса отмечу: *Irving D.*: 1) Hess. The Missing Years; 2) Hitler's War. P. 383—392; 3) Churchill's War. Vol. I. P. 557—562; *Городецкий Г.*: 1) Миф «Ледокола». Гл. 9—10; 2) Роковой самообман. Гл. 12; *Дембски С.* Указ. соч. С. 702—710; *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин—Москва—Токио. С. 397—405.

³⁴ DGFP, D. Vol. XII. P. 797—806, 810—811; *Ciano's Diary.* P. 424; *Тихонов Ю.* Указ. соч. Гл. 32.

³⁵ *Хаусхофа К.* Тайрику сэйдзи то кайё сэйдзи (Континентальная политика и морская политика). Токио, 1943. С. 4 (датировано 26 апреля 1941 г.).

³⁶ DGFP, D. Vol. XII. P. 711—715, 723—725, 745—746, 749—755, 777—780 (послание Риббентропа Мацуока), 806—810, 818—822, 847—848, 891—892, 931—932, 967—970, 1016—1017. Телеграммы Осима в МИД; IMTFE. P. 9918—9932.

³⁷ DGFP, D. Vol. XII. P. 940—951; *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 441—443; *Ciano's Diary.* P. 431—432.

³⁸ *Boyd C.* Hitler's Japanese Confidant. General Oshima Hiroshi and MAGIC Intelligence, 1941—1945. Lawrence, 1993. Ch. 1 (цит. P. 21).

³⁹ *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 445—447; *Ciano's Diary.* P. 436. В DGFP записи отсутствуют.

⁴⁰ *Вишнёв О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 132, 49, 153—155 (цит.), 77 (ср.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 715—719, 732);

Филиппов И. Ф. Указ. соч. С. 181—187; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 204—207.

⁴¹ *Гальгер Ф.* Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 579; Геббельс цит. по: *Вишлев О. В.* Указ. соч. С. 152—153.

⁴² Цит. по: *Вишлев О. В.* Указ. соч. С. 160, 161.

⁴³ DGFP, D. Vol. XI. P. 44—46, 220—221, 228—229, 320—322, 829—831, 976—977, 1012—1013, 1151—1155; Vol. XII. P. 168—169, 234—243; *Hirszowicz L.* The Third Reich and the Arab East. London, 1966. Ch. V—VI.

⁴⁴ DGFP, D. Vol. XII. P. 488—490, 497—499, 587—588, 592—594, 653, 655—656 и 688—689 (записки Риббентропа), 716—717, 775—776, 833—835, 862—864, 890—891, 917, 925—926; *Cadogan Diaries.* P. 355, 373—385; *Hirszowicz L.* Op. cit. Ch. VII—IX.

⁴⁵ DGFP, D. Vol. XII. P. 959—960, 972—973; Vol. XIII. P. 361—363, 742—743, 746—748, 774—779 (записка Риббентропа), 786—787, 876—881 (Риббентроп—муфтий), 881—885, 940—941; ADAP, E. Bd. I. S. 42—48; *Hirszowicz L.* Op. cit. Ch. X—XI.

⁴⁶ ADAP, E. Bd. I. S. 310—311, 496—498; Bd. II. S. 328—330, 376—378; *Hirszowicz L.* Op. cit. Ch. XII—XIV.

⁴⁷ DGFP, D. Vol. XII. P. 63—64; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 480—481.

⁴⁸ DGFP, D. Vol. XII. P. 442—443, 499—502, 670—678 (ИР-Бос); Vol. XIII. P. 328—331, 774—779 (записка Риббентропа), 896—900 (Риббентроп—Бос); ADAP, E. Bd. II. S. 436—441; *Hayes R.* Subhas Chandra Bose in Nazi Germany. Politics, Intelligence and Propaganda, 1941—43. London, 2011.

⁴⁹ *Schmidt P.* Op. cit. P. 234—235.

⁵⁰ DGFP, D. Vol. XII. P. 1063—1065, 1074—1075; СССР — Германия. Кн. 2. С. 167—170, 176—178.

⁵¹ *Бережков В. М.*: 1) Как я стал переводчиком Сталина. С. 50—51; 2) С дипломатической миссией в Берлин. С. 102—103.

⁵² DGFP, D. Vol. XII. P. 1066—1069; СССР — Германия. Кн. 2. С. 170—173. Ср.: *Ciano's Diary.* P. 437—438.

⁵³ *Irving D.* Hitler's War. P. 412 (без указания источника).

⁵⁴ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 753—754.

⁵⁵ *Шлёгель К.* Берлин, Восточный вокзал. М., 2004. С. 61.

⁵⁶ *Schmidt P.* Op. cit. P. 249.

⁵⁷ DGFP, D. Vol. XIII. P. 92—93.

⁵⁸ DGFP, D. Vol. XIII. P. 142—149; *Abetz O.* Op. cit. P. 212—215.

⁵⁹ DGFP, D. Vol. XIII. P. 673—674, 764—768, 791—795, 914—927,

930—934; *Brinon F. de. Memoires.* P. 93—97; *Girard L.-D. Op. cit.* P. 357—365; *Schmidt P. Op. cit.* P. 236.

⁶⁰ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 193—194.

⁶¹ Цит. по: *Bloch M. Ribbentrop.* P. 338 (Штеенграхт), 495 (сообщение Н. фон Белова Д. Ирвингу); ИМТ. P. 130 (Бланк). Риббентроп почему-то отнес эту сцену к весне 1942 года.

⁶² *Weizsacker Memoirs.* P. 265. Подготовка и подписание пакта: DGFP, D. Vol. XIII. P. 727—728, 769—770, 783—788, 804—805, 820—822. Встречи Риббентропа и Гитлера: Там же. P. 823—825 (Тука), 826—834 и 900—906 (Чиано и Суньер), 835—839 и 856—858 (Бардоши), 840—843 и 858—861 (Попов), 849—856 (Витгинг), 861—864 и 887—891 (Скавениус), 865—867 и 886—887 (Лоркович), 870—876 и 891—894 (Антонеску); *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 460—465; *Ciano's Diary.* P. 468—469.

⁶³ DGFP, D. Vol. XIII. P. 321—324, 370—373, 687—697; *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 454—460; *Ciano's Diary.* P. 458—460.

⁶⁴ DGFP, D. Vol. XIII. P. 18—19, 36—37, 40—41 и 61—63 (послания Риббентропа Мацуока), 73—77, 84—86, 375—379; ДВП. Т. XXIV. С. 45, 107—108, 137, 146, 201, 223, 327—328; *Куго М.* Указ. соч. Гл. 8; *Lu D.J. Op. cit.* Ch. 15; *Славинский Б. Н.* Указ. соч. Гл. 4.

⁶⁵ DGFP, D. Vol. XIII. P. 108—113, 131—134, 169—174, 179—181, 185—188, 197—198, 351—353, 375—379, 410—411, 414—415, 446—449, 490—493, 503—506, 515—516, 537—538, 569—570, 608—611, 667—669, 717—718, 744—746, 760—762, 798—800, 805—808, 813—814. Подробнее: *Козноз Ф.* Усиनावарэси сэйдзи; *Того С.* Воспоминания японского дипломата. М., 1996. Ч. 2; *Арута Х.* Бака Хати то ва хито ю. Гл. 4—5; *Grew J. C. Ten Years in Japan.* N.Y., 1944. P. 388—489; Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Т. 7; *Ябэ Т.* Указ. соч. Т. 2. Гл. 10—11; *Ока Ю.* Op. cit. Ch. 5; *Tansill C. C. Op. cit.* Ch. XXVI и мн. др.

⁶⁶ DGFP, D. Vol. XIII. P. 848—849, 868—870 (Риббентроп—Оси-ма), 906—908, 941—944, 953—967, 964—966. Нота Хэлла: История войны на Тихом океане. Т. III. P. 382—386.

⁶⁷ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 188.

⁶⁸ *Риббентроп Р. фон.* Указ. соч. С. 275—276.

⁶⁹ *Villari L.* Op. cit. P. 288.

⁷⁰ DGFP, D. Vol. XIII. P. 982—983, 990—993, 998—999, 1004—1005; *Journal of Historical Review.* Vol. VIII. № 4 (Winter 1988) (речь Гитлера); *Hesse F.* Op. cit. P. 146—147.

⁷¹ ADAP, E. Bd. I. S. 17—21; ИМТФЕ. P. 6671—6680; *Сугзуки К.* Указ. соч. С. 235.

Глава 12

¹ Anfuso F. Op. cit. P. 330—331.

² Риббентрон И. фон. Указ. соч. С. 103.

³ Seabury P. Op. cit. P. 102—106, 111—119.

⁴ Browning C. R. The Final Solution and the German Foreign Office. N. Y., 1978.

⁵ Browning C. R. Understaatssekretaer Martin Luther and the Ribbentrop Foreign Office // Journal of Modern History. Vol. 12 (1977); Seabury P. Op. cit. P. 106—110, 131—136. Ср.: Hassel Diaries. P. 261—263.

⁶ Seabury P. Op. cit. P. 137—138.

⁷ Телеграмма Риббентрона Отту (23 ноября 1942 г.): ADAP, E. Bd. IV. S. 364—365 // Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988. С. 187—188. См. также: ADAP, E. Bd. II. S. 146—147, 162—166; Куланов А. Указ. соч. С. 544—547.

⁸ Подробнее: Молодяков В. Россия и Япония в поисках соглашения. Гл. 19. СССР и Япония в годы мирового конфликта.

⁹ ADAP, E. Bd. I. S. 148—155, 157—164; Bd. II. S. 122—126, 332—336; Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н. Указ. соч. С. 255—261; Boyd C. Hitler's Japanese Confidant. Ch. IV; Irving D. Hitler's War. P. 484 (цит.).

¹⁰ ADAP, E. Bd. II. S. 305—315; Ciano's Diplomatic Papers. P. 481—484; Ciano's Diary. P. 514—516; Alfieri D. Op. cit. Ch. XVII.

¹¹ Риббентрон И. фон. Указ. соч. С. 198, 74—75.

¹² Цит. по: Boyd C. Hitler's Japanese Confidant. P. 69.

¹³ Kleist P. Op. cit. Ch. 22—23, 27—28; Adams J. Historical Dictionary of German Intelligence. Lanham, 2009. P. 233.

¹⁴ ADAP, E. Bd. V. S. 265—271; Deakin F. W. The Brutal Friendship. Book I. Ch. 9.

¹⁵ ADAP, E. Bd. V. S. 227—236, 286—306, 314—323; Deakin F. W. The Brutal Friendship. Book II. Ch. 3.

¹⁶ ADAP, E. Bd. V. S. 543—555, 566—571; Deakin F. W. The Brutal Friendship. P. 289—296; Dollmann E. Op. cit. P. 206—210.

¹⁷ ADAP, E. Bd. V. S. 583—589 и 594—605 (Антонеску), 621—644 (Хорти), 681—686 (Тисо), 704—710 и 713—714 (Павелич); Deakin F. W. The Brutal Friendship. P. 329—338; Исраэлян В. Л., Кутаков Л. Н. Указ. соч. С. 276—296.

¹⁸ Цит. по: Abetz O. Op. cit. P. 216.

¹⁹ Риббентрон Р. фон. Указ. соч. С. 324.

²⁰ Риббентрон И. фон. Указ. соч. С. 195.

²¹ *Deakin F. W.* The Brutal Friendship. P. 296—297; *Boyd C.* Hitler's Japanese Confidant. P. 78—83, 144—146.

²² *Hesse F.* Op. cit. P. 114—116.

²³ *Kleist P.* Op. cit. Ch. 29—30; *Koch H. W.* The Spectre of a Separate Peace in the East: Russo-German Peace Feelers, 1942—1944 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 10 (1975).

²⁴ История заговора и переворота многократно описана, см.: *The Mussolini Memoirs, 1942—1943*. London, 2000. Ch. VI—VIII; *Deakin F. W.*: 1) The Brutal Friendship. Book IV. Ch. 3—6; 2) The Last Days of Mussolini. Harmondsworth, 1966. Book I. Ch. 1—4 (одно из лучших исследований); *Alfieri D.* Op. cit. Ch. XXIV, XXVI—XXVII; *The Memoirs of Field-Marshal Kesselring*. Ch. 17; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. С. 411—417; *Villari L.* Op. cit. Ch. 27.

²⁵ Цит. по: *Кейтель В.* Указ. соч. С. 330—333; ADAP, E. Bd. VI. S. 372—384; *Schmidt P.* Op. cit. P. 263—264; *Dollmann E.* Op. cit. P. 243—247.

²⁶ ADAP, E. Bd. VII. S. 329—330, 333—334; *Deakin F. W.* The Last Days of Mussolini. Book I. Ch. 6 (цит. С. 148); *Moseley R.* Op. cit. Ch. 16—21; *Villari L.* Op. cit. Ch. 33.

²⁷ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 198—199.

²⁸ *Kleist P.* Op. cit. Ch. 31—32; *Koch H. W.* The Spectre of a Separate Peace in the East: Russo-German Peace Feelers, 1942—1944 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 10 (1975); *Anfuso F.* Op. cit. P. 380—381.

²⁹ *Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Указ. соч. С. 286—294, 329—352, 357—365; *Schmidt P.* Op. cit. P. 270—272.

³⁰ *Papen F. v.* Op. cit. P. 482—484, 524—528; *Adams H. M., Adams R. K.* Op. cit. Ch. XV.

³¹ Письмо Риббентропа: XXX. ADAP, E. Bd. VII. S. 185—187, 190—193, 216—218, 222—223, 228—230, 238—241, 254—256; *Brinon Memoires*. P. 181—211; *Déat M.* Op. cit. P. 766—772; *Abetz O.* Op. cit. P. 293—296.

³² *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999. С. 449—488; *Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Указ. соч. С. 322—329; материалов визита в ADAP нет.

³³ *Anfuso F.* Op. cit. P. 361.

³⁴ ADAP, E. Bd. V. S. 451—452; Bd. VI. S. 145—149, 157—158, 212—215; Bd. VIII. S. 510—512 // *Вишлев О. В.* Указ. соч. С. 207—224. Дергель: ADAP, E. Bd. VIII. S. 570—571, 593—600.

³⁵ ADAP, E. Bd. VIII. S. 230—236, 244—257; *Schmidt P.* Op. cit. P. 272—277; *Anfuso F.* Op. cit. P. 398—405.

³⁶ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 199.

³⁷ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 385—386.

³⁸ ADAP, E. Bd. VIII. S. 428—430; *Boyd C.* Hitler's Japanese Confidant. P. 160; *Славинский Б. Н.* Указ. соч. С. 249—250.

³⁹ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 199. С. 200.

⁴⁰ *Irving D.* Hitler's War. P. 759.

⁴¹ *Kleist P.* Op. cit. Ch. 34—35; *Bernadotte F.* The Curtain Falls: Last Days of the Third Reich. N. Y., 1945. P. 13—19.

⁴² *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 200; *Irving D.*: 1) Hitler's War. P. 790; 2) Goebbels. P. 501—502; ИМТ. P. 84 (Штеенграхт).

⁴³ *Hesse F.* Op. cit. P. 196—216; Weizsacker Memoirs. P. 299—300.

⁴⁴ *Anfuso F.* Op. cit. P. 36.

⁴⁵ *Hilger G., Meyer A.G.* Op. cit. P. 340.

⁴⁶ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 378—379.

⁴⁷ Д. Ирвинг цит. неопубл. записку Риббентрона: *Irving D.* Hitler's War. P. 940.

⁴⁸ *Irving D.*: 1) Hitler's War. P. 808—809; 2) Goebbels. P. 513; *Hesse F.* Op. cit. P. 217—218.

⁴⁹ *Bloch M.* Ribbentrop. P. 425—426; *Speer A.* Inside the Third Reich. N. Y., 1970. P. 482.

⁵⁰ *Irving D.* Hitler's War. P. 826, 941.

⁵¹ *Ibid.* P. 823, 940—941.

Глава 13

¹ Цит. по: *Bloch M.* Ribbentrop. P. 433.

² ДВП. Т. XXIV. С. 449—452 и др. Ср. показания Риббентрона: ИМТ. P. 289.

³ *Hesse F.* Op. cit. P. 190—192.

⁴ Цит. по: *Irving D.* Nuremberg: the Last Battle. London, 1996. P. 77—78.

⁵ *Риббентрон Р. фон.* Указ. соч. С. 382

⁶ *Kelley D. M.* 22 Cells in Nuremberg. London, 1947. P. 90—91.

⁷ Цит. по: *Irving D.* Nuremberg. P. 196.

⁸ *Neave A.* Nuremberg: Personal Record of the Trial of Major Nazi War Criminals. London, 1978. P. 81—85.

⁹ *Риббентрон И. фон.* Указ. соч. С. 226.

¹⁰ Протокол допроса Риббентрона цит. по: *Bloch M.* Ribbentrop. P. 438.

¹¹ Bloch M. Ribbentrop. P. 441.

¹² *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 208.

¹³ ИМТ. P. 68—307; включая: Штеенграхт (P. 78—110), Бланк (P. 129—135), Шмидт (P. 135—152), Риббентроп (P. 153—292).

¹⁴ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 210.

¹⁵ Там же. С. 211—212.

¹⁶ Kershaw I. Op. cit. P. 330—331.

¹⁷ Tennant E. W. D. Op. cit. P. 244.

¹⁸ The Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal at Nuremberg. Vol. XVII. Nuremberg, 1948. P. 555—603.

¹⁹ Фрагменты речей и приговор по делу Риббентропа в приложении к мемуарам: *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 275—307); полностью см.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 2. М., 1951.

²⁰ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 219—220.

²¹ The Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal at Nuremberg. Vol. XXII. Nuremberg, 1949. P. 373—375.

²² *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 225.

²³ Neave A. Op. cit. P. 303—304.

²⁴ Hesse F. Op. cit. P. 193—195.

²⁵ Schwarz P. Op. cit. P. 298.

²⁶ Gilbert G. M. Nuremberg Diary. London, 1948. P. 115.

²⁷ Irving D. Nuremberg. P. 289—290.

²⁸ Bloch M. Ribbentrop. P. 454.

²⁹ Kelley D. M. Op. cit. P. 78—79.

³⁰ *Риббентроп И. фон.* Указ. соч. С. 228.

³¹ Там же. С. 227.

³² Там же. С. 228.

³³ Там же.

³⁴ Информация из открытых источников и сообщение Р. фон Риббентропа автору (26 мая 2018 г.).

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИОАХИМА ФОН РИББЕНТРОПА

- 1893, 30 апреля — рождение Иоахима Риббентропа в Везеле.
- 1901 — переезд семьи Риббентроп в Мец по месту службы отца.
- 1902, 28 февраля — смерть матери.
- 1908 — выход отца в отставку, переезд семьи Риббентроп в Арозе (Швейцария).
- 1909—1910 — жизнь братьев Иоахима и Лотара Риббентропов в Лондоне.
- 1910—1914 — жизнь братьев Риббентропов в Канаде.
- 1914, август — возвращение в Германию, поступление добровольцев в 12-й Тюрингский гусарский полк.
- 1917 — награждение Железным крестом 1-го класса.
- 1918, апрель — признание негодным к службе на передовой по состоянию здоровья, перевод в Константинополь на должность адъютанта уполномоченного Военного министерства Пруссии при османской армии.
- 1919, январь или март — возвращение в Германию, выход в отставку. Начало занятий бизнесом.
- 1920, 5 июля — женитьба на Аннелиз Хенкель. Создание торговой фирмы «Шёнеберг и Риббентроп» (с 1931 года — *Impegroma*).
- 1921, 10 мая — рождение сына Рудольфа.
- 1922, 20 июля — рождение дочери Беттины.
- 1925 — усыновление, давшее право именоваться фон Риббентроп.
- 1928, 10 августа — избрание в члены аристократического «Унион-клуба».
- 1932, весна — первая встреча с Гитлером, начало регулярных контактов с нацистами.
- 1 мая — вступление в НСДАП.
- 19 декабря — рождение дочери Урсулы.
- 1932, декабрь — 1933, январь — переговоры нацистов и национал-социалистов в доме Риббентропов о создании коалиционного правительства.
- 1933, 30 мая — получение звания штандартенфюрера СС.
- Лето—осень — поездки во Францию и Великобританию, встречи с премьер-министрами Э. Даладьё (август) и Р. Макдональдом (ноябрь).
- 12 ноября — избрание депутатом Рейхстага от НСДАП.
- 1934, 4 марта — встреча с французским министром иностранных дел Л. Барту в Париже (повторно 16 июня).

- 18 апреля — назначение уполномоченным по вопросам разоружения. Создание «Бюро Риббентропа». Начало сотрудничества с А. Хаусхофером.
- 10 мая, 12—13 ноября — встречи с Дж. Саймоном в Лондоне.
- 18 мая — встреча с Б. Муссолини в Риме.
- 1935, 20 апреля — получение звания оберфюрера СС.
- 4—18 июня — переговоры с Дж. Саймоном в Лондоне, подписание англо-германского морского соглашения.
- 16 июня — получение звания бригадефюрера СС.
- 2 сентября — рождение сына Адольфа.
- Осень — начало переговоров с японским военным атташе Х. Осима о заключении соглашения против Коминтерна.
- 1936, 19 марта — выступление на заседании Совета Лиги Наций в Лондоне в связи с ремилитаризацией Рейнской области. Переговоры с Э. Иденом.
- 24 июля — назначение послом в Великобританию.
- 13 сентября — получение звания группенфюрера СС.
- 23 октября — парафирование германо-японского Антикоминтерновского пакта в Берлине (подписано 25 ноября).
- 30 октября — вручение верительных грамот королю Эдуарду VIII.
- 1937, 4 февраля — вручение верительных грамот королю Георгу VI.
- 22 октября, 5—6 ноября — визиты в Рим, присоединение Италии к Антикоминтерновскому пакту.
- 1938, 4 февраля — назначение министром иностранных дел.
- 9—12 марта — пребывание в Лондоне для вручения отзывных грамот; переговоры с Чемберленом и лордом Галифаксом.
- 24—29 марта — обсуждение Судетского вопроса с Гитлером и лидерами Судетской германской партии.
- 3—10 мая — поездка с Гитлером в Италию; начало переговоров с Г. Чиано.
- 24 октября — сообщение польскому послу Ю. Липскому германских условий урегулирования проблемы Данцига и Польского коридора.
- 27—28 октября — Венский арбитраж, удовлетворение территориальных претензий Венгрии к Чехо-Словакии.
- 6—8 декабря — визит в Париж, подписание германо-французской декларации.
- 1939, 25—26 января — визит в Варшаву.
- 22 мая — подписание германо-итальянского договора о дружбе и союзе («Стальной пакт»).

- 7 июня — подписание германо-латвийского и германо-эстонского договоров о ненападении.
- 23—24 августа — визит в Москву, подписание Договора о ненападении.
- 27—29 сентября — визит в Москву; подписание договора о дружбе и границе.
- 1940, 20 апреля — присвоение звание обергруппенфюрера СС.
- 29—30 августа — второй Венский арбитраж; удовлетворение территориальных претензий Венгрии к Румынии.
- 27 сентября — подписание Тройственного пакта Германии, Италии и Японии в Берлине.
- 23 октября — встреча Гитлера и Риббентропа с Ф. Франко в Хендайе.
- 24 октября — встреча Гитлера и Риббентропа с Ф. Петеном в Монтуре.
- 12—14 ноября — визит В. М. Молотова в Берлин; предложение о присоединении СССР к Тройственному пакту.
- 27 декабря — рождение сына Бартольда.
- 1941, 1 января — смерть отца.
- 26—28 марта, 5—6 апреля — переговоры с Ё. Мацуока.
- 29 апреля, 29 ноября — встречи с С. Ч. Босом.
- 13—14 мая, 2 июня — переговоры с Б. Муссолини и Г. Чиано.
- 25—26 ноября — продление Антикоминтерновского пакта и присоединение к нему новых участников; речь «Европейская освободительная война».
- 1942, 29 апреля — переговоры с Б. Муссолини и Г. Чиано.
- 1943, 25—27 февраля — визит в Рим, переговоры с Б. Муссолини.
- 21 марта — записка Гитлеру о создании Европейской конфедерации.
- 1944, 22—26 июня — визит в Хельсинки.
- 1945, начало апреля — выезд на Восточный фронт.
- 14 апреля — эвакуация МИДа и дипломатического корпуса из Берлина.
- 24 апреля — выезд из Берлина.
- 30 апреля — освобождение от должности министра иностранных дел.
- 14 июня — арест в Гамбурге.
- 19 октября — вручение обвинительного заключения.
- 20 ноября — начало Нюрнбергского процесса.
- 1946, 26 марта — 2 апреля — слушание дела Риббентропа.
- 31 августа — последнее слово.
- 1 октября — оглашение приговора.
- 16 октября — казнь.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГК — Год кризиса. 1938—1939

ДВП — Документы внешней политики СССР

ДиМ — Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939

ИР — Иоахим фон Риббентроп

ADAP — Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik

DBFP — Documents on British Foreign Policy

DDF — Documents Diplomatiques Français

DGFP — Documents on German Foreign Policy

ИМТ — The Trial of Major War Criminals. Proceedings of the International Military Tribunal Sitting at Nuremberg. Part 10

ИМТФЕ — International Military Tribunal for the Far East. The Tokyo War Crimes Trial. Transcript of the Proceedings

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог. Превратности судьбы</i>	3
<i>Глава 1. «Торговец шампанским» (1893—1933)</i>	13
<i>Глава 2. Дипломат нового типа (1933—1935)</i>	39
<i>Глава 3. Антикоминтерновский пакт (1934—1937)</i>	73
<i>Глава 4. Провал миссии (1936—1937)</i>	96
<i>Глава 5. В тени фюрера (1938—1939)</i>	130
<i>Глава 6. Московский Тильзит (1939)</i>	170
<i>Глава 7. Покер с большими ставками (1939)</i>	207
<i>Глава 8. Для дружбы нет границ (1939—1940)</i>	244
<i>Глава 9. Построение фаланги (1940)</i>	293
<i>Глава 10. Евразийский соблазн (1940)</i>	324
<i>Глава 11. Дни затмения (1941)</i>	350
<i>Глава 12. В зареве пожара (1942—1945)</i>	389
<i>Глава 13. Последний раунд (1945—1946)</i>	421
<i>Приложение. Письмо И. фон Риббентропа И. В. Сталину</i> ...	441
<i>Примечания</i>	449
<i>Основные даты жизни и деятельности Иоахима фон Риббентропа</i>	491
<i>Список сокращений</i>	494

*Я принадлежу к числу тех,
кого размололи жернова истории*

ИОАХИМ ФОН РИББЕНТРОП

---

*Он не был закален и ожесточен во внутривнутрипартийной
борьбе за влияние и власть... Он снискал благоволение фюрера,
спустившись «сверху», и многие завидовали
его позиции и влиянию.*

РУДОЛЬФ ФОН РИББЕНТРОП

---

*Риббентроп везде становился в заученную позу
и произносил одну и ту же пространно-яростную речь
о необходимости борьбы с коммунизмом.*

ИВАН МАЙСКИЙ

---

*Он так глуп, так мелок, так заиклен на себе
и доволен собой, настолько лишен умственных способностей,
что, кажется, не понимает то, что ему говорят.*

НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН

---

*В его личности присутствовало нечто, что могло походить
на твердость, невозмутимость или замкнутость дипломата,
сознательно придавшего себе такой вид... Я никогда не мог
объяснить себе политическую fortuna этого человека.*

РАМОН СЕРРАНО СУНЬЕР